Санкт-Петербургские
ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 28-29

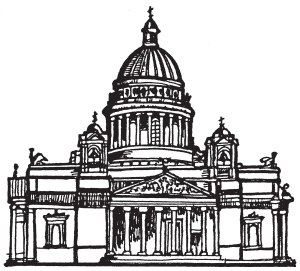
Преподобный Серафим Вырицкий

Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости

Главный редактор
Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Редактор И.В. Попов

Выпуск 28-29

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Свт. Петр Цетиньский 3
Свт. Николай Сербский (Велимирович) 9
О.А. Ивандикова. **Прпмч. Трифон Городецкий, Лужский чудотворец** 13

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Фалассий. **Сотницы** 28

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

М.В. Лодыженский. **О христианской молитве** 33

ПРОПОВЕДЬ

Свт. Николай (Велимирович). **Св. Князь Владимир – креститель Русских** 39

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

Посл. Ольга. **Крючская пустынь. Иеросхимонах Нил Крючский** 44
Иером. Нестор (Кумыш). **Схимонах Иоасаф Оптинский, Грязевский** 57

ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ

К.В. Головин, Л.И. Соколова. **Покровский Поречский женский монастырь на Козьей Горе** 70

НАШИ ХРАМЫ

И.В. Попов. **Святая Вырица** 79
М.Ю. Мещанинов. **Храмы на станции Поповка** 103
Новые храмы и часовни города Колпино 106
Прот. Николай Аксенов, Г.И. Лямин. **Храмы на станции Саблино** 112

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВ НАД РОССИЕЙ

О.В. Губарева. **Благословение российского единства** *(чудотворная явленная икона св. ап. Иоанна Богослова из Черменецкого монастыря)* 117
И.В. Попов. **Икона Божией Матери «Печерская», Лужская** 123

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ

В.А. Цыганков. **Лужская «Светёлка» Императрицы** 131
И.Н. Кудрявцев. **Храм Св. Троицы в имении Кудрявцево близ Луги** 142

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Л.И. Соколова. **Несение скорбей. Семья Муравьевых.** *(К жизнеописанию прп. Серафима Вырицкого)* 149
Новомученик прот. Леонид Богоявленский 165
Е.А. Абиссов. **Священномученик иерей Александр Абиссов** 173

БЛАГОТВОРИТЕЛИ

А.В. Медведев. **Основатель общества Религиозно-нравственного просвещения протоиерей Михаил Ильич Соколов** 183
Благотворитель и храмоздатель купец Д.Л. Парфенов 191

БЫЛОЕ

А.В. Воронцов. **Братство св. Софии в Петрограде** 204
Дневник Василия Молчанова 214

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

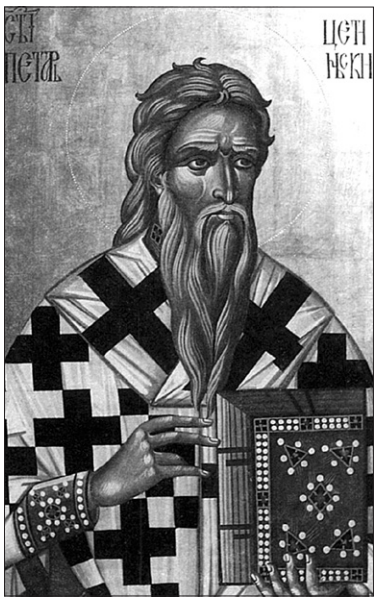
Светлой памяти Талабского (Залитского) старца протоиерея Николая Гурьянова 228

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

В.Н. Лялин. **Рассказы** 238

СВЯТИТЕЛЬ ПЕТР ЦЕТИНЬСКИЙ (Петр I Петрович Негош)

Память 18/31 октября

На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви, состоявшемся 19-20 апреля 2000 года, было установлено празднование Собора Санкт-Петербургских и Ладожских святых в неделю третью по Пятидесятнице. В число Петербургских святых включен и святитель Петр Цетиньский, бывший черногорским митрополитом в 1784-1830 гг. К сожалению, в настоящее время этого сербского подвижника можно назвать самым неизвестным святым нашей Церкви.

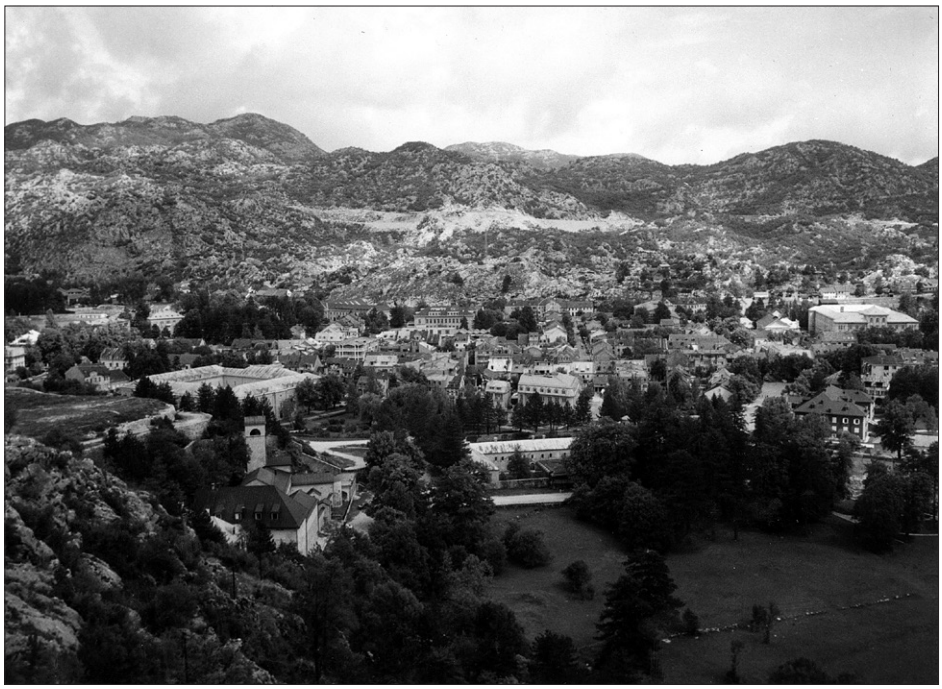
Ни в одном из многочисленных православных церковных календарей, издаваемых каждый год, мы не найдем его имени. Исключение составляет изданная в 1999 году в Российском отделении Валаамского общества Америки книга «Дух святых над Сербией», где помещены краткие данные о нем (но неверно указано название места его подвигов и упокоения). Между тем, трудно найти другого такого святого в братских Поместных Церквах, столь тесно связанного с горячо любимой им Россией и претерпевшего немало несправедливостей от ее державных и «полудержавных» правителей. А ведь до Октябрьского переворота имя его было широко известно у нас, о нем выходили книги и публиковались статьи в русских православных и славянофильских изданиях. Хочется надеяться, что решение Св. Синода станет первым шагом к восстановлению нашей памяти о святом Петре Цетиньском. С этой целью мы публикуем жизнеописание святителя и перевод статьи о нем собрата Цетиньского монастыря протосингела о. Иована (Пурича).

Родился свт. Петр в сентябре 1748 г. (по другим данным – в апреле 1747 г.) в Негушах, от набожных родителей Марка Петровича и Марии Мартинович. Брат его деда Дамиана – знаменитый владыка Даниил – первым из семьи Петровичей-Негошей стал черногорским митрополитом. После смерти митр. Даниила в 1735 г. его преемником стал дядя св.Петра – Савва, и с тех пор митрополичий, а затем княжеский престол стал наследственным в семье Петровичей, переходя от дяди к племяннику.

В 1758 г. владыка Савва выбрал себе в преемники своего десятилетнего племянника, прозрев в нем будущего святителя и народного вождя. Призвав его к себе, он сказал: «Живи, чадо, у меня; пусть благодать Всевышнего снизойдет на тебя, чтобы ты мог принести своему народу пользу. Отныне вместе со мной и народ наш надеется на тебя. Преблагой Бог поможет тебе, да станешь украшением Черногории и светилом народа твоего».

Живя в Цетиньском монастыре, будущий святитель учился книжной премудрости под руководством митрополита Саввы и своего наставника инока Даниила. В двенадцать лет он был пострижен в монахи с именем Петр (мирское имя его осталось неизвестным), а в семнадцать – рукоположен во иеродиакона.

В 1765 г. соправитель и двоюродный брат владыки Саввы митрополит Василий отправился в третий раз в Россию за помощью для Черногории и взял с собой иеродиакона Петра для продолжения образования. Но учение продолжалось недолго. 10 марта 1766 г. митрополит Василий умер в Петербурге, и его племянник был вынужден вернуться домой.

Черногория. Цетинье.
Общий вид города.
В левой части снимка, внизу,
у подножия горы – монастырь
Рождества Пресвятой Богородицы,
где почивают мощи свт. Петра

Перед смертью митрополит Василий обратился к Петру со словами: «Иди, мой любезный племянник, в наше геройское отечество! Иди там, где будешь бороться с многими несчастиями и бедствиями, но ты великую и блестящую славу получишь в своем отечестве, если будешь достойно трудиться за свой народ. Много препятствий встретишь ты на дороге твоей деятельности, но с Божией помощью и твоим кротким духом ты все препятствия победишь и тем покажешь, что ты достойный последователь своих предков. Тебя черногорские герои с величайшею радостью в своих объятиях примут. А меня воля Всевышнего приглашает к вечной жизни. Пусть будет на тебя благословение твоего тебя любящего дяди, который расстается с тобою на веки».

В июне 1766 г. св. Петр I и иеромонах Иосиф отправились в Черногорию в сопровождении двух русских офицеров (для охраны) Михаила Тарасова и Ивана Козловского.

Здесь он стал ближайшим помощником митрополита Саввы, который рукоположил его в иеромонаха, а вскоре сделал архимандритом.

В 1768 г. в Черногории появился самозванец Степан Малый, выдававший себя за чудом спасшегося русского царя Петра III. Князь Долгорукий, посланный из Петербурга его разоблачить, посчитал полезным для интересов России утвердить Степана Малого правителем Черногории. В 1773 г. Лжепетр был убит своим слугой-греком, подкупленным скадарским пашой. После его смерти в Черногории настали смутные времена и владыка Савва (отодвинутый в тень во время правления Степана Малого) отправляет архимандрита Петра в Россию за помощью. Эта поездка не имела успеха, так как Екатерина II не захотела принять его.

В 1781 г. умер столетний митрополит Савва, и его преемником стал другой его племянник, нелюбимый в народе Арсений (Пламенац), замещавший владыку во время правления Степана Малого. Через три года он умер, и на черногорский престол всем народом был выбран архимандрит Петр.

13 октября 1784 г. в Сремских Карловцах св.Петр был рукоположен в митрополита Черногорского, Скендерийского и Приморского.

Получив грамоту о рукоположении от сербского митрополита Моисея (Путника), святитель выехал через Вену в Россию, по приглашению своего знакомого сербского происхождения генерал-майора С.Г. Зорича. Еще из Вены св. Петр писал всесильному князю Потемкину, прося устроить аудиенцию у Императрицы. Но Потемкин велел выслать нового черногорского митрополита из России спустя три дня после его приезда в Петербург. Узнав позднее об этом, Екатерина II просила его вернуться, но св. Петр решил никогда больше не приезжать в Россию.

Пока владыка Петр был за границей, скадарский паша Махмуд Бушатли в 1785 г. напал на Черногорию и сжег Цетиньский монастырь, на обратном пути опустошив Паштровичи. Митрополита по возвращению встречали разорение и голод. К счастью, с собой владыка привез картофель, неизвестный до тех пор в Черногории, и это спасло многих черногорцев от голодной смерти.

С первых шагов на родной земле в новом сане, святитель стал бороться с обычаем кровной мести, который был настоящим бичом в Черногории. Целые семейства погибали из-за взаимной вражды, многие из страха за свою жизнь даже бежали в Турцию, где принимали

Черногория. Герцег-Нови. Савин Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь, где свт. Петр Цетиньский освящал новые флаги Бокезских городов

ислам. Св. Петр где уговорами, где угрозой проклятия мирил поссорившиеся семьи.

В 1796 г. Махмуд-паша Бушатли вновь напал на Черногорию. 1 июля на скупщине в Цетинье старейшины всех племен подписали договор, названный «Стега» («Сплочение»), в котором поклялись помогать один другому и «пролить кровь свою за христианскую правую веру». 11 июля у селения Мартиничи черногорцы под предводительством своего владыки разбили турок. Сам Махмуд-паша был тяжело ранен. Св. Петр оценил эту победу как «чудо от самого Господа Бога совершившееся, Которому славу и хвалу приносим».

Но поражение не научило Махмуда-пашу, который в сентябре того же года снова вторгся в Черногорию. 22 сентября 1796 г. у села Крусы черногорцы в упорном бою, длившемся весь день, вновь разгромили турок, а Махмуд был убит и голова его отнесена в Цетинье. Череп скадарского паши и сейчас хранится в особом ларце в монастыре как напоминание будущим захватчикам об ожидающей их участи.

Победы при Мартиничах и Крусах открыли новую страницу в истории Черногории, которая добилась фактической независимости. Изменилось отношение к черногорцам и у Российских Императоров. Получив известие о победе над турками, Императрица Екатерина II (незадолго до своей смерти) наградила св. Петра орденом св. Александра Невского с бриллиантами, который был послан в Цетинье уже Императором Павлом I вместе с Георгиевскими крестами для отличившихся. В 1799 г. этот российский Император, ценивший черногорцев за рыцарство, назначил ежегодную субсидию для Черногории.

В 1797 г. пала Венецианская республика. Ее владения в черногорском приморье (Бока Которская и Будва) отошли к Австрии. Это вызвало смятение среди жителей приморских городов, которые обратились к св. Петру за помощью. Владыка посетил Будву и ее окрестности Браичи, Побори, Майну и установил там гражданское правление.

Появившийся вскоре австрийский генерал Бради поставил над православными Боки другого владыку. Австрийцы хотели захватить монастырь Майна (давнюю резиденцию черногорских митрополитов), чтобы превратить ее в свою крепость. Но народное вече, созванное св. Петром, не позволило им это сделать. Позднее австрийцы просили владыку продать монастыри Майна и Станьевичи и получили такой ответ : «Засыпьте эти голые камни золотом, и тогда не удастся вам купить меня вашими деньгами...Что мы саблей добыли, то без сабли не отдадим, хоть бы до колен пролилась геройская кровь».

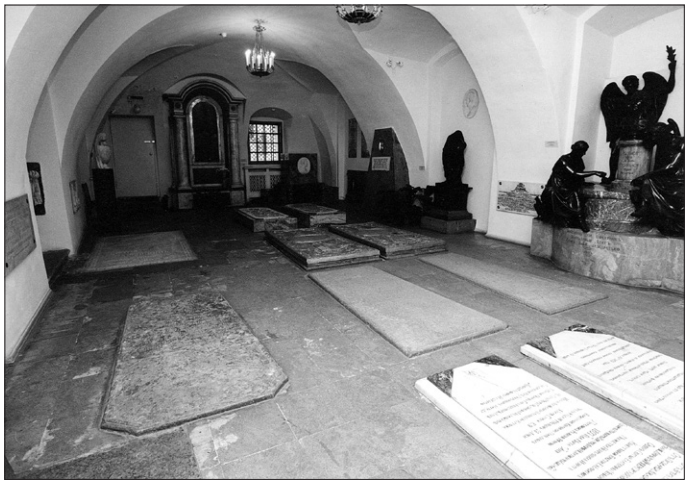
18 октября 1798 г. на скупщине в монастыре Станьевичи был принят первый законник, названный впоследствии «Законник святого Петра I». (Вторая часть этого законника была принята на скупщине в Цетинье 17 августа 1803 г.). Начинавшийся словами «Во Имя Господа Спаса Нашего Иисуса Христа» законник состоял из 33 пунктов (по числу земных лет Спасителя) и был принят соборно и единогласно с клятвенным целованием Креста, Евангелия и мощей великомученика Пантелеимона. В 1798 г. св. Петр учредил первое черногорское правительство «Кулук».

В 1804 г. недруги св. Петра I оклеветали его перед русским императором Александром I, который послал в Черногорию графа Марка Ивелича (уроженца Рисана) и черногорского посланника при русском дворе архимандрита Стефана Вучетича (хотевшего занять

место владыки). Ивелич и Вучетич привезли с собой письмо Священного Синода, который выдвигал против митрополита и его секретаря Долчи тяжкие обвинения и требовал явиться ему на суд в Петербург. Но черногорцы встали на защиту своего архиерея и, собравшись в Цетинье 1 мая 1804 г. на скупщину, написали письмо русскому царю, в котором отвергли несправедливые обвинения против св. Петра и просили царя прислать другого посланника, русского происхождения, чтобы он мог беспристрастно во всем разобраться. Новый русский посланник в Боке Маузерский убедился в ложности обвинений против святителя. 16 августа 1804 г. митрополит Петр и черногорские старейшины поклялись на верность России. Добрые отношения между двумя странами были восстановлены, что было важно для них перед надвигающейся опасностью со стороны наполеоновской Франции.

В 1805 г. Австрия уступила Франции по Пресбургскому договору Боку Которскую. Бокезы, не согласившись на французскую оккупацию, послали за помощью к митрополиту Петру в Цетинье и русскому адмиралу Сенявину на остров Корфу. В феврале 1806 г. русские корабли и черногорские отряды заняли Будву и города Боки. В Савином монастыре в Герцег-Нови св. Петр (в присутствии русского посла Степана Санковского, генерала графа Ивелича и командира отряда русских судов) освятил новые флаги бокезских городов.

Весной 1806 г. Сенявин с моря, а Петр I с суши заперли французов в Дубровнике. 25 мая и 5 июня русские и черногорцы одержали победы над наполеоновскими войсками у этого города. В сентябре 1806 г. соединенные отряды русских (под командованием генерала Попандопуло) и черногорцев (под предводительством владыки) разбили маршала Мармона (которому помогал боснийский визирь). Был взят в плен французский генерал Бове.

С.-Петербург. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. Могила митрополита Черногорского Василия († 1766) (плита слева) в усыпальнице Благовещенского храма

Келия свт. Петра в Цетиньском монастыре

26-27 ноября 1806 г. адмирал Сенявин захватил остров Корчулу. В этом сражении особо отличился брат митрополита Савва, награжденный русским орденом св. Георгия 4 степени. Самому Петру I Император Александр I пожаловал белый клобук с алмазным крестом.

Совместные успехи русского и черногорского оружия позволяли осуществить давнюю мечту св.Петра о создании под протекторатом России Славяно-Сербского государства с центром в Дубровнике. С этим предложением он обратился в 1806 г. к русскому царю. Но поражение русских войск под Фридландом 2 июня 1807 г. привело к Тильзитскому миру, по которому Александр I уступил Боку Которскую Наполеону.

Черногорцы остались один на один в своей борьбе с французами. В 1808 г. маршал Мармон отнял духовную власть над православными Боки у Петра I и передал ее своему ставленнику Бенедикту Кральевичу. В августе 1808 г. Десять тысяч французов под командованием генерала Клоузера предприняли экспедицию в горы, но были разбиты черногорцами. (Этим событиям посвятил свое стихотворение «Бонапарт и черногорцы» А.С. Пушкин). В 1812 г. черногорцы одержали победу при Скутари над союзниками французов – турками. А в сентябре – октябре 1813 г. Петр I с помощью английского флота овладел всей Бокой. 27 декабря 1813 г. генерал Готье сдал последний оплот французов – Котор. На скупщине в бокезском селении Доброта было принято решение о присоединении Приморья к Черногории.

В 1814 г. Петр I обратился к Александру I с просьбой принять соединенные Ченогорию и Боку под покровительство России, но Император просил черногорцев оставить Боку, перешедшую к Австрии по решению Венского конгресса. И святитель, скрепя сердце, подчинился воле Царя. 1 мая 1815 г. черногорцы покинули Котор, лишившись с таким трудом завоеванного выхода к морю. (В конце 1899 г. Великий Князь Константин Константинович, побывавший здесь, в своих стихах так охарактеризует эти события:

...В ту пору чуждые народы
Русь избавляла от цепей,
Мы блага мира и свободы
Им расточали все щедрей;
И только братьи соплеменной
Единоверная страна
Державе алчной и надменной
В угоду нами ж отдана...
Где кровь твоя лилась ручьями,
В сердца твоих прибрежных сел
Вцепился жадными когтями
Двуглавый Австрии Орел...

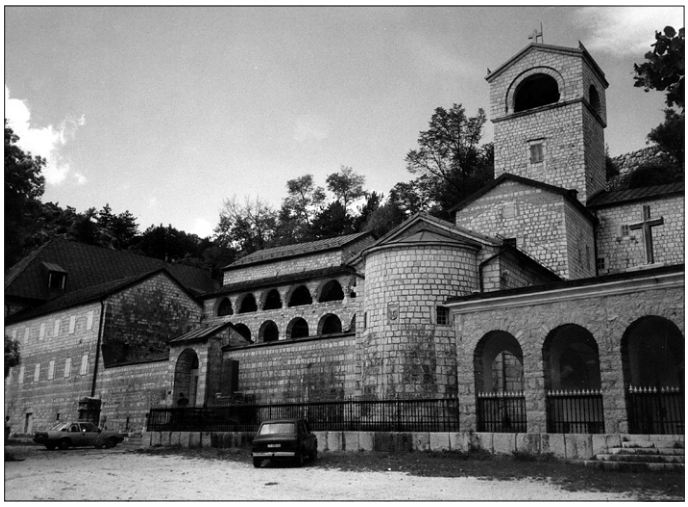
Лишь после Первой мировой войны Которская бухта вернется под сербское правление, а в 1920 г. здесь вновь появятся русские корабли, но уже с остатками армии ген. П.Н. Врангеля и русскими беженцами.

Вскоре для Черногории настали тяжелые времена. Австрийцы часто закрывали для черногорцев доступ в Котор, через который шло снабжение продовольствием, а Александр I не выдавал установленную его отцом ежегодную субсидию. Население постоянно увеличивалось за счет бежавших из Герцеговины от турецких притеснений православных семейств. В 1817 г. наступил страшный голод, продолжавшийся несколько лет. Часть черногорцев, спасаясь от голода, поступила на австрийскую военную службу; многие пытались самостоятельно переселиться в Россию. В 1822 г. голод повторился вновь.

Но несмотря на тяжелые испытания св. Петр продолжал собирание сербских земель. В 1820 г. к Черногории была присоединена освободившаяся от турецкого ига Морача с задужбиной Неманичей – Морачским монастырем.

Взошедший в 1825 г. на русский престол Император Николай I повелел выдать задержанную с 1814 г. субсидию Черногории (за все годы). Помощь из России помогла черногорцам пережить голодный 1830 г. – последний год жизни владыки.

Вечером 17 октября 1830 г. (накануне дня св. Луки) Петр I призвал своего секретаря Симу Милутиновича и продиктовал ему свое завещание черногорцам. В нем он назначил своим преемником своего племянника Радивоя (Раде) – будущего великого черногорского поэта Петра II Негоша. Заканчивалось завещание такими словами: «Да будет проклят и тот, кто бы покусился отвратить вас от верности благочестивой и христолюбивой России, и

Цетинье. Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы

всякому кто бы из вас черногорцев пошел против единоплеменной и единоверной нам России, дай Бог, чтобы у него у живого отпало мясо от костей, и не было бы ему добра в этой жизни и в будущей». (приблизительный перевод П.А. Кулаковского, 1896 г.). На следующий день, – 18 октября, на 81 году жизни и 46 году архипастырского служения, святитель Петр тихо отошел к Богу без болей и смертных мук, окруженный старейшинами черногорских племен, которым он давал последние наставления. Над его гробом на Вельем Гумну перед монастырем старейшины поклялись жить в единстве и подчиняться его преемнику. Похоронен святитель был в монастырской церкви.

Ровно через 4 года – 18 октября 1834 г. – по повелению Петра II был отворен гроб и открыты нетленные мощи святителя. Тогда же он был причислен к лику святых, а его мощи положены в открытом ковчеге в церкви монастыря. Тропарь и кондак были написаны сразу после прославления. Службу и краткое житие написал Белградский митрополит Михаил (отпечатаны в Москве в 1895 г.).

В честь Цетиньского чудотворца начинают воздвигаться храмы. Одной из первых стала церковь на вершине Ловчена, построенная в 1844 г. Петром II, в которой он завещал себя похоронить. И в наши дни в Прчани близ Котора строится храм св. Петра Цетиньского (наподобие Ловченского), а в далекой Германии, в Дортмунде, местные православные сербы освятили часовенку в его честь.

Перевод с сербского и составление Олега Кузеванова

Библиография:

На церковно-славянском языке:
1. Митрополит Сербский Михаил (Йованович) «СЛУЖБА ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦУ НАШЕМУ МИТРОПОЛИТУ БОГОЛЮБИВОМУ ГОСПОДАРЮ ЧЕРНОГОРИИ ПЕТРУ ПЕРВОМУ ЧУДОТВОРЦУ ЦЕТИНЬСКОМУ» (с житием). Москва, 1895 г.

На русском языке:
1. Попович Л. «Черногорский владыка Петр I», Киев, 1897 г.
2. Ровинский П.А. «Черногория в ее прошлом и настоящем», т.1, СПб. 1888 г.
3. Александров А.И. «Петр I Петрович, владыка-митрополит Черногорский. Его посвящение во епископа и сказанное им после этого слово», Казань, 1895г.

4. Францев В.А. «К истории наших отношений с Черной Горой в начале XIX столетия (Три письма черногорского митрополита Петра I Петровича Негоша)» – «Русская старина», 1908г., январь, с.239-242.
5. «Церковный вестник», 2000 г., №4
Ю.В. Бромлей, Л.Б. Валев «История Югославии», М, 1963 г.

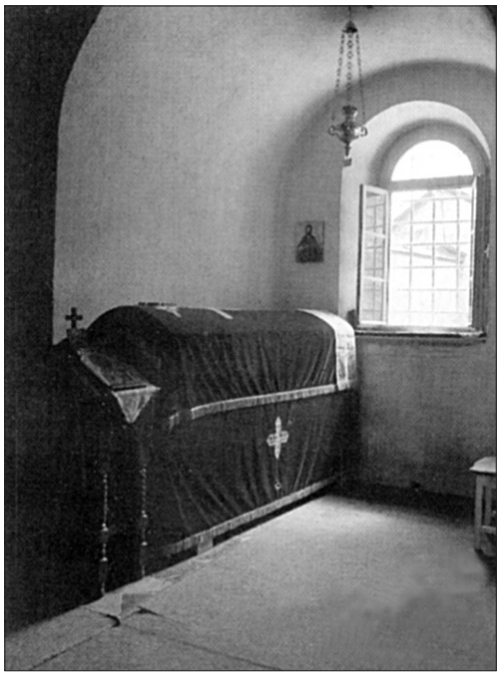
На сербском языке:
1. «Житије Светог Петра Цетињског» 1995 г. электронная версия - http://www.mitropolija.cg.yu/istbibl/sv_petar_cetinjski.html
2. Михайловић Б. «Митрополит Петар I – Свети» Цетиње, 1973 г.
3. Михайловић Б. «Историја Црне Горе» 1975 г.
4. Вуковић Ч. «Петар Први Петровић. Фреске на камену». Титоград, 1965 г.
5. Вуксан Д. «Посланице митрополита Црногорског Петра I» Цетиње, 1935 г.
6. А. Стаматовић «Кратка историја Митрополије Црногорско-приморске (1219-1999)», Цетиње, 1999 г., с. 23-26
7. http://www.rastko.org.yu/rastko-cg/povijest/istorijat/index_c.html
8. С. Милутиновић Саралија «Историја Црне Горе», Цетиње, 1997 г., с.37-81
9. http://www.rastko.org.yu/rastko-cg/povijest/sarajlija-istorija_crne_gore_c.html
10. М. Пајовић «Владари српских земаља», Подгорица, 1999 г., с.127-128
11. В. Стеклоћа «Династија Петровић-Његош између пријатеља и непријатеља», Цетиње, 2000 г., с.37-43.

Чудеса св. Петра Цетиньского

Однажды арнауты (албанцы), собравшись в большом количестве, напали на черногорское село Салковину, где было очень мало защитников. В решающий момент сражения, когда арнауты кинулись на черногорцев всеми силами и последним грозила неминуемая гибель, впереди черногорцев появился всадник на белом коне. Один из албанцев подскочил к нему и дважды выстрелил в него, но всадник остался невредим, а из него ударило зеленое пламя, от которого арнаут побежал, крикнув своим : «Напрасно биться, когда перед черногорцами св. Петр». За ним бежали и остальные албанцы.

После этого события, когда переменяли одежды на святом, башмаки его оказались полны песку. Значит, он действительно выходил из гробницы.

17 октября 1888 г. (накануне дня св. Петра Цетиньского) у с. Борки Харьковской губернии произошло крушение царского поезда, следовавшего из Крыма в Москву. Царская Семья чудом осталась в живых. Черногорцы, узнав об этом, объяснили спасение благоволившего к ним Императора Александра III заступничеством св.Петра. Указом черногорского митрополита Митрофана (Бана) по всей Черногории было установлено в день св. Петра Цетиньского ежегодное празднование чудесного спасения Царской Семьи.

Цетинье. Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы. Мощи свт. Петра Цетиньского

Тропарь, *глас 8.*

Приидите днесь, о православные, торжественне да возвеселимся, и да увидим всечестныя и прехвальныя добродетели, труды и подвиги, Черногорския страны светильника пресветла, иже во архиереех великаго Петра, достохвальнаго пастыря и учителя: тем же убо в Черногорскую страну сошедшеся днесь песненно да восхвалим: яко бо дивно сотвори Господь его, во святых своих, суща в земли четверолетна, показа нам нетленна: того молитвами, Христе Боже наш, спаси и помилуй души наша.

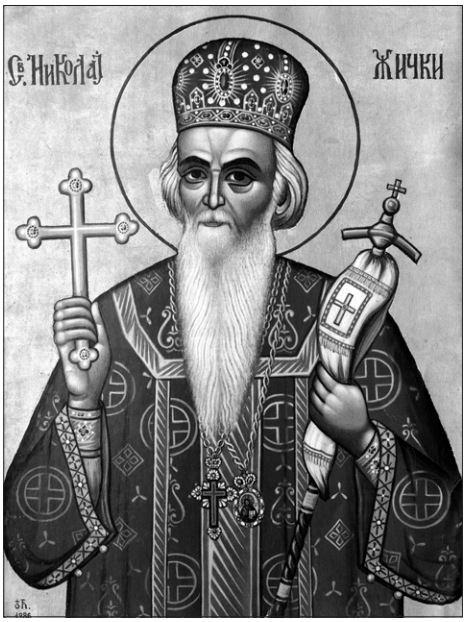
Кондак, *глас 4.*

Насладимся вси днесь, божественные о святолюбцы, яко в настоящее время показа нам небо, предивныя и нетленныя мощи чудотворного святителя и таин Божественных строителя Петра, иерарха Христова: тем убо черногорскую звезду пресветлую днесь нам из гроба возсиявшую в песнех возвеличим и яко великаго душ наших попечителя и тепломолитвенника умолим, к нему вопиюще и умильно глаголюще: новоявленне во святых Петре, святителю премудре, черногорская похвало, молим тя, ихже многими труды и подвиги твоими упасл еси и за вся православныя молися во еже спастися душам нашим.

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ СЕРБСКИЙ (ВЕЛИМИРОВИЧ)

Память 5/18 марта

Владыка Охридский и Жичский, организатор православного народного движения в межвоенной Сербии: видный богослов и религиозный философ, почетный доктор нескольких мировых университетов. Крупнейший сербский духовный автор, сквозь века турецкого владычества над Сербией перекинувший мост к поэтике средневековых сербских стихир, у которых училась образности юная русская литература... Святой, немало молитв вознесший за Россию, немало страниц посвятивший ей – и еще Россией не узнанный. Пастырь овчий, которого Бог сделал пастырем человеков…

Никола Велимирович родился 23 декабря 1880 (5 января 1881) года в горном селе Лелич в западной Сербии. Один из девятерых детей в крестьянской семье, он был отдан набожными родителями в школу при монастыре «Челие» («Келии»). Затем, окончив гимназию в городе Валево и Белградскую духовную семинарию, Никола Велимирович получил стипендию для обучения на Старокатолическом факультете в Берне, где в 28 лет ему была присвоена степень доктора теософии. Тема его доктората была: «Вера в Воскресение Христово как основная догма Апостольской Церкви». Вслед за этим Никола Велимирович блестяще заканчивает философский факультет в Оксфорде и защищает свой второй, на этот раз философский, докторат.

Вернувшись в Сербию, молодой доктор начинает преподавать в Белградской семинарии, и одновременно печатает свои статьи в сербских церковных журналах, сотрудничать с которыми начал еще в юношеском возрасте. Как это часто бывает с людьми, избранными Господом, Никола Велимирович неожиданно тяжело заболевает. В больнице он дает себе слово в случае исцеления всего себя посвятить Богу и родной Церкви. Сразу же вслед за этим болезнь оставляет его, и, не медля ни одного лишнего дня, Никола Велимирович принимает в монастыре Раковица близ Белграда монашеский постриг, становясь из Николы – Николаем.

В 1910 г. иеромонах Николай едет учиться в Россию, в Санкт-Петербургскую Духовную академию. Долго в Академии даже не знали о том, что он к тому времени уже окончил два известных европейских университета (при приеме в Академию он даже не упомянул законченные им западно-европейские факультеты, а поступал просто как вчерашний семинарист). Проповеднический и литературный талант сербского студента открылся на одном из академических духовных вечеров, где речью своей о. Николай поразил всю аудиторию, а особенно – митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского). После этого вечера митрополит Антоний выхлопотал для него у правительства стипендию на путешествие по России.

Таким образом о. Николай посетил все наиболее известные святые места, ближе узнал русский народ и никогда уже духовно не расставался с Россией. Она сделалась постоянным предметом его размышлений. С тех пор ни одна страна мира не воспринималась им с такой теплотой и родственной любовью, как Россия. В 1920-е годы, уже будучи епископом, он первым в мире заговорил о необходимости почитания памяти Царской Семьи. За «нерешительностью» и «безволием» последнего русского Императора, о чем немало тогда говорилось среди русских эмигрантов в Сербии, он разглядел иные черты характера Императора Николая Второго и иной смысл предреволюционных лет русской истории.

«Долг, которым Россия обязала сербский народ в 1914 году, настолько огромен, что его не могут возвратить ни веки, ни поколения, – писал владыка Николай в 1932 году. – *Это долг любви, которая с завязанными глазами идет на смерть, спасая ближнего своего.... Русский Царь и русский народ, неподготовленными вступая в войну за оборону Сербии, не могли не знать, что идут на смерть. Но любовь русских к братьям своим не отступила пред опасностью и не убоялась смерти. Посмеем ли мы когда-нибудь забыть, что русский Царь с детьми своими и с миллионами собратьев своих пошел на смерть за правду сербского народа? Посмеем ли умолчать пред небом и землей, что наша свобода и государственность стоят России больше, чем нам?*

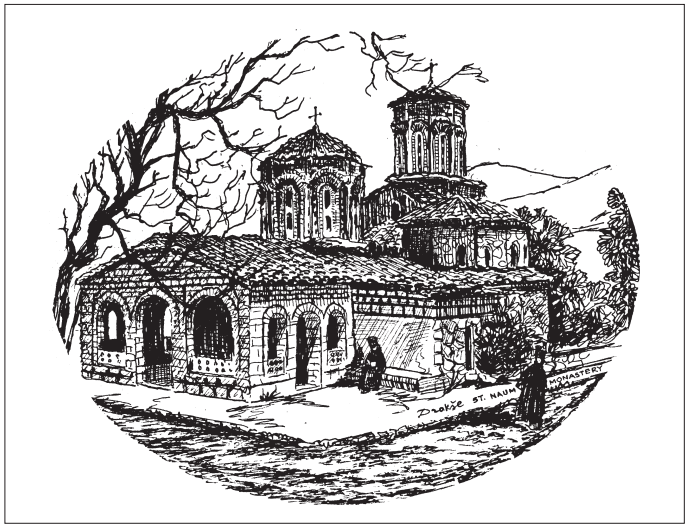
Сербия. Монастырь Лелич. Церковь свт. Николая Чудотворца, где покоятся мощи свт. Николая (Велимировича)

Мораль мировой войны, неясная, сомнительная и с разных сторон оспариваемая, являет себя в русской жертве за сербов в евангельской ясности, несомненности и неоспоримости..».

Возвратясь из России о. Николай начал публиковать свои серьезные литературные труды: «Беседы под горой», «Над грехом и смертью», «Религия Негоша»...

Во время Первой мировой войны о. Николая можно было видеть на боевых позициях: он исповедовал и причащал сербских солдат и укреплял их дух проповедью. Все свое жалование он до конца войны перечислял на нужды раненых.

По поручению сербского правительства о. Николай побывал также в Англии и Америке, где в публичных выступлениях разъяснял общественности этих стран, за что воюет православная Сербия. Командующий английскими войсками заявил впоследствии, что «отец Николай был третьей армией», сражавшейся за сербскую и югославянскую идею.

Сербия. Монастырь св. Наума Охридского. Свт. Николай занимал Охридскую кафедру в 1920-1934 гг.

Примечательно, что сразу по окончании Первой мировой войны о. Николай предсказал неизбежность нового глобального столкновения. Знаток западной философии и культуры, он до подробностей точно описал методы, которыми будет пользоваться в следующей мировой войне «цивилизованная Европа». Главной причиной войны он считал удаление европейского человека от Бога. «Белой чумой» назвал владыка современную ему атеистическую культуру.

В 1920 году о. Николай был поставлен епископом в Охрид – древний город в Македонии, лежащий близ одного из прекраснейших в мире озер – Охридского озера. Здесь, в колыбели славянской письменности, где словно бы еще жили отзвуки проповедей Кирилла и Мефодия, владыкой Николаем, уже зрелым духовным писателем, были созданы истинные жемчужины его творчества: «Молитвы у озера», «Омилие», «Охридский пролог» и другие.

Вообще же, собрание сочинений владыки Николая насчитывает пятнадцать томов – факт удивительный, если учесть, что ни на день не прерывался его подвижнический труд по епархии. Владыка выезжал в самые отдаленные концы ее, встречался с верующими, основывал сиротские дома, помогал восстановлению разрушенных войной храмов и монастырей.

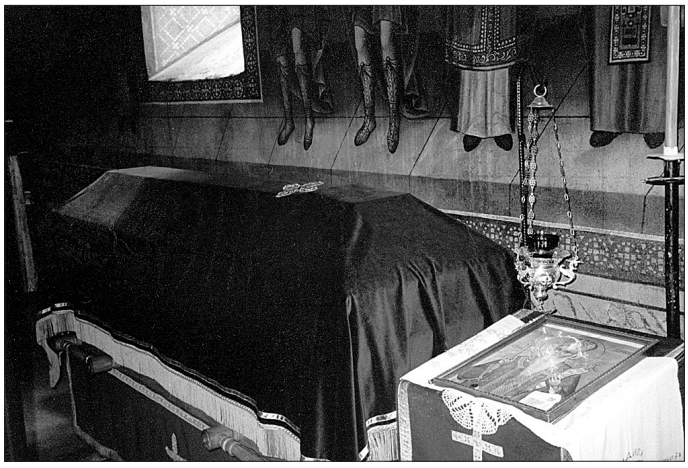
Понимая опасность сектантской пропаганды, уже тогда набиравшей силу, владыка Николай возглавил так называемое «богомольческое движение» в сербском народе, призванное привлечь к церкви простых, зачастую неграмотных крестьян, живущих в отдаленных горных селах. «Богомольцы» не составляли какой-то особой организации. Это были люди, готовые не только регулярно посещать храм, но и повседневно жить по канонам своей Православной веры, по христианским укладам родной страны, увлекая своим примером и других. «Богомольческое» движение, распространившееся стараниями владыки по всей Сербии, можно назвать народным религиозным пробуждением.

В 1934 году епископ Николай был назначен владыкой Жичской епархии. Духовный центр ее, древний монастырь Жича, требовал всестороннего обновления, как и многие другие монастыри в этой части центральной Сербии. И здесь, как и в Охриде, владыке Николаю пришлось упорядочивать монастырскую и церковную жизнь, нарушенную Мировой войной, а если смотреть глубже, – пятивековым турецким владычеством на Балканах. Вскоре, трудами и молитвами владыки, множество древних церквей наполнились светом, которым сияли они, возможно, еще в средние века. Началась Вторая мировая война, когда Сербия, уже в который раз в истории, разделила судьбу с Россией. Гитлер, нашедший себе преданных союзников в хорватах,

закономерно предполагал в сербах своих противников. Разрабатывая план вторжения в Югославию, он приказывал своему командующему Южным фронтом, в частности, следующее: «Уничтожить сербскую интеллигенцию, обезглавить верхушку Сербской Православной Церкви, причем в первом ряду – патриарха Дожича, митрополита Зимонича и епископа Жичского Николая Велимировича..». Вскоре владыка вместе с Патриархом Сербским Гавриилом оказались в печально известном концлагере Дахау – единственные в Европе церковные лица такого сана, взятые под стражу!

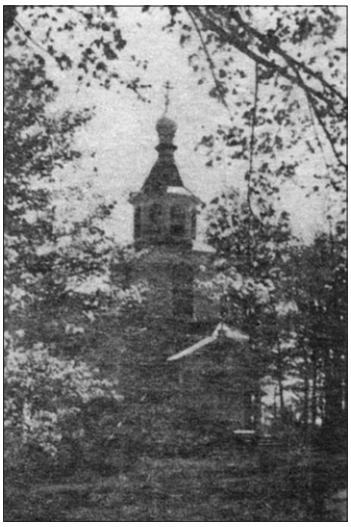
Их освободила 8 мая 1945 года 36-я американская дивизия. К сожалению, это освобождение не означало для владыки Николая возвращения на Родину. В Югославии в конце войны насильственным способом пришел к власти атеистический, открыто антиправославный режим Иосифа Амброза (Тито).

Находясь в эмиграции в Америке, владыка продолжал служить и работал над новыми книгами – «Жатвы Господни», «Страна Недоходимия», «Единственный Человеколюбец». Его заботой была и отправка помощи в разрушенную войной Сербию. В это время все его литературные труды на Родине были запрещены и оклеветаны, а сам он, узник фашистского концлагеря, превращен коммунистической пропагандой в «сотрудника оккупантов».

Сербия. Лелич. Мощи свт. Николая (Велимировича)

Последние дни владыки протекли в русском монастыре св. Тихона в штате Пенсильвания, где 18 марта 1956 года он мирно отошел ко Господу. Смерть застала его за молитвой.

Русский Свято-Тихоновский монастырь в Пенсильвании, где в 1956 г. преставился свт. Николай (Велимирович)

Из русского монастыря тело владыки Николая было перенесено в сербский монастырь Св. Саввы в Либертвилле (штат Иллинойс, близ Чикаго) и похоронено с почестями на тамошнем кладбище. Последняя воля владыки – быть похороненным на Родине – в то время, по понятным причинам, не могла быть выполнена. Но, как видно, сильна была молитва народа, который сразу же после смерти владыки, задолго до его канонизации, начал молиться ему как святому. В 1991 году (12 мая) освободившаяся от ярма интернационализма и безбожия Сербия вернула себе как святыню – мощи св. Николая Сербского*. Перенос мощей владыки вылился во всенародное торжество. Они покоятся ныне в его родном селе Лелич. Церковь, где хранятся они, с каждым годом становится местом все более многолюдного паломничества...

По материалам И. Приймы

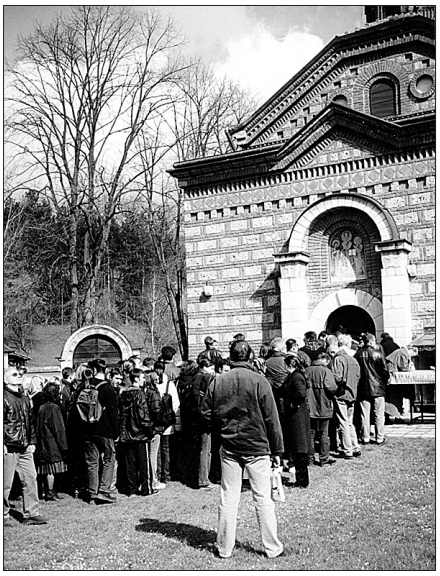
Тропарь святителю Николаю Сербскому. *Глас 8*

Златоустый проповедниче Воскресшаго Христа, путеводителю рода Сербскаго крестоноснаго в веках, благогласная лиро Духа Святаго, слово и любы монахов, радованье и похвало священников, учителю покаяния, предводителю богомольна воинства Христова святый Николае Сербский и всеправославный: со всеми святыми Небесныя Сербии моли Единаго Человеколюбца да дарует мир и единение роду нашему.

---

* Прославление свт. Николая Сербского, Жичского как местночтимого святого Шабачско-Вальевской епархии совершилось в монастыре Лелич 18 марта 1987 г. (на день памяти владыки Николая). После заупокойной литургии, которую служили местный епископ Шабачско-Вальевский Иоанн (Велимирович) и епископ Вршацко-Банатский Амфилохий (Радович) (ныне митрополит Черногорско-Приморский) был пропет тропарь Святителю Николаю. К этому дню сестры монастыря Челие написали икону свт. Николая (см. стр. 9).
Перенесение мощей в Лелич совершено 12 мая 1991г.

Монастырь Лелич
(Шабачско-Вальевская епархия)

Тысячи богомольцев приезжают к мощам свт. Николая Сербского

Один из самых новых, но одновременно и самых красивых и наиболее благоустроенных монастырей в Сербии. Находится в с. Лелич, неподалёку от города Вальево и монастыря Челие.

Основали монастырь свт. Николай (Велимирович) и его отец Драгомир, уроженцы села Лелич. Они своим трудом и деньгами построили церковь свт. Николая Чудотворца, которую освятили на Преображение в 1929 г. Храм был расписан сразу после строительства знакомыми владыки Николая художниками Крсто и Рафаилом Николичами из Лазарева Поля в Македонии. Они же расписали и 4-х рядный иконостас.

Позднее, в том числе и в наши дни, были построены другие монастырские объекты, превратившие обитель в единое целое.

Владыка Николай (Велимирович) упокоился 18 марта 1956 г. и был похоронен в сербском монастыре в Либертвилле, близ Чикаго. Его мощи были перенесены в Лелич из Америки 12 мая 1991 г. и находятся в ковчеге у южной стены храма. Это был великий праздник сербского народа, и с тех пор Лелич стал местом паломничества православных сербов.

В 1996 г. приходская церковь с. Лелич обращена в монастырь.

Во дворе монастыря стоит красивая часовня, воздвигнутая владыкой Николаем в качестве своей усыпальницы. Сейчас в ней похоронены некоторые Велимировичи, например владыка Йован (Велимирович), епископ Шабачско-Вальевский.

В монастыре находится музей владыки Николая, организованный в 1991г.

Библиография:
М.Н. Новаковић, Р.В. Миклуш «Светиньама у походе», Београд, с. 60.

<...>Утешься, дорогой брат: Христос воскресе! Не спрашивай, за что Бог мучает Россию. В Писании сказано: Господь, кого любит, того наказывает; и бьет (Евр. 12, 6) Так и написано, что милостивый Бог бьет того, кого любит. Бьет его в земном царстве, чтобы тем сильнее прославить его в Царстве Небесном. Бьет его, чтобы он не прикреплялся к бренности земной, к мирским кумирам - обманчивым кумирам человеческой силы, ловкости и богатства, к переходящим теням и болезненным соблазнам. Без великих ударов Православие не пронесло бы истину Божию через такое количество пропастей и через мрак веков и веков и не одолело бы такой долгий путь, исполненный препятствий, сохранив в чистоте истину и святость. Без страданий не сохранилось бы оно даже и ста лет в чистоте своей. Никогда за девятнадцать веков не имело оно хотя бы одного полного столетия мира и свободы, без гонений, без истязаний, без порабощения, огня, страха и ужаса. Другие веры этого не понимают. Еретики этого не разумеют. Ни один из народов, которые идеалом счастья своего избрали царство земное, не разумеют и не понимают, что сейчас делается с православной Россией. Понимают это только прозорливые люди, которые вечное и бессмертное Царство Христово принимают как действительность. Но и прозорливость есть дочь страдания.

Утешься, дорогой брат, утешься Воскресением Христовым! Не ропщи на безбожников, которые угнетают русский народ. Когда-то были монголы, теперь – атеисты. И те, и другие – идолопоклонники. Монголы кланялись идолам из материи, и теперешние угнетатели России поклоняются идолу материи. Они поклоняются материи - как божеству, промышленности – как божеству, телу – как божеству, государству – как божеству. Они называют себя безбожниками, и правильно называют. И если бы они называли себя идолопоклонниками, опять правильно называли бы. Но когда ты скорбишь о несчастии русских, не забывай, что угнетатели, а не угнетенные сейчас самые несчастные существа на Русской земле. Жалей их, не осуждай. Ибо они иссохнут, как трава, один за другим, уходя из памяти и от власти. Они рабочие Божии, хотя сами того и не ведают. Ибо всю воду льют на Христову мельницу. Воплем и поношением против Христа они работают на Христа. Только сейчас им не дано этого видеть. Но когда они исчезнут как тела, тогда увидят. И зарыдают горько, ибо на их долю ничего не останется, кроме проклятия. Ибо вознаграждение полностью выплачено им здесь, на земле, от этой преходящей силы и власти. А ты не плачь, но радуйся. Настала в России великая жатва душ. И в эти дни многострадальный русский народ наполняет рай больше, чем какой-либо другой христианский народ на свете.

Святитель Николай Сербский. 1930-е гг.
Свт. Николай Сербский. «Мир тебе и утешение от Господа. Письма к духовным чадам». Клин, 2000 г.

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК ТРИФОН ГОРОДЕЦКИЙ, ЛУЖСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Память 1/14 февраля и в неделю 3-ю по Пятидесятнице (Собор С.-Петербургских и Ладожских святых)

В 160 км к югу от С.-Петербурга и 20 от Луги, прямо на шоссе, ведущем во Псков и Киев, на высокой горе возвышается среди кущ деревьев и зелени Успенская церковь с. Городец. Древний погост, по летописным свидетельствам, был в древности монастырем, где в XVI в. был настоятелем архимандрит Трифон, по преданию около 1592 г. погибший за веру при нашествии литовцев. Имя этого святого мало известно, лишь в Лужском уезде издавна существует почитание подвижника. Широкое почитание его в С.-Петербургской епархии, возникшее в начале XX в., в 1910-х гг., вероятно, в связи с посещением святого места Августейшими Особами и, по преданию, самим Императором, часто бывавшим под Лугой на маневрах, было прервано наступившим гонением на веру.

Ниже мы приводим свидетельство о преподобномученике Трифоне Городецком, Лужском чудотворце, а также случаи молитвенной помощи святого.

Село Городец. Храм Успения Пресвятой Богородицы

Так что же это за Городец? Ныне это село и погост. Первые постройки на Городецкой горе относились еще к IX веку, это было древнее городище[1]. Некогда здесь была крепость, возведенная по типу древнерусских укреплений. Ее пытались разрушить крестоносцы, шведы, литовцы. В «Историко-статистических сведениях по С.-Петербургской епархии» приводятся следующие свидетельства по истории Городца и других погостов Лужского уезда: «Лужский уезд с доисторических времен служил территорией, обеспечивающей славянскому племени выход к Балтийскому морю, поэтому по реке Луге были исконные значительные поселения, которые, вообще, первоначально шли по рекам. Уже св. кн. Ольга, по летописному сказанию, установила погосты, дани и оброки по реке Луге.

С развитием торговой и гражданской жизни Новгорода, весь край полужский вошел в состав его ближайших владений, кроме Заплюсской части, принадлежавшей Пскову. Западная часть владений была особенно ценна для Новгорода, так как через нее проходил ближайший путь к Пскову и самый прямой и безопасный торговый путь с Ганзою, как сухопутный, так и водный, по рекам Оредежи и Луге, до устья Наровы и Финского залива. Для защиты этого водного пути новгородцами был построен пригород с крепостью на берегу реки Луги, – Ям, который в 1384 г.[2] был обнесен каменными стенами. В административном отношении при Новгородском владычестве часть Лужского уезда по правому берегу Луги принадлежала к Полугской половине Водской пятины, между Лугою и Плюссою – к Залесской половине Шелонской пятины, которые вместе с пятинами были подчинены власти старост городских концов Новгорода, а именно – Неревского и Загородного.

Из писцовых книг Водской и Шелонской пятин видно, что земли и угодья Лужского уезда были в это время владением новгородских знаменитых монастырей, именитых граждан и купцов Новгорода. Со времени же покорения Новгорода Иоанном III, в 1478 г., вместе со всею новгородскою областью Лужский уезд перешел под власть московских царей, которые, как видно из писцовых книг, значительную часть земельных владений в уезде владычных, монастырских и в особенности именитых граждан, за выселением последних внутрь московского государства, отобрали на имя великого государя и раздали их владения боярам, дворянам и служилым людям из московского государства, чем много содействовали упрочению государственной власти и объединению новоприсоединенного края с центром.

В Смутное время этот край вместе с Новгородом был

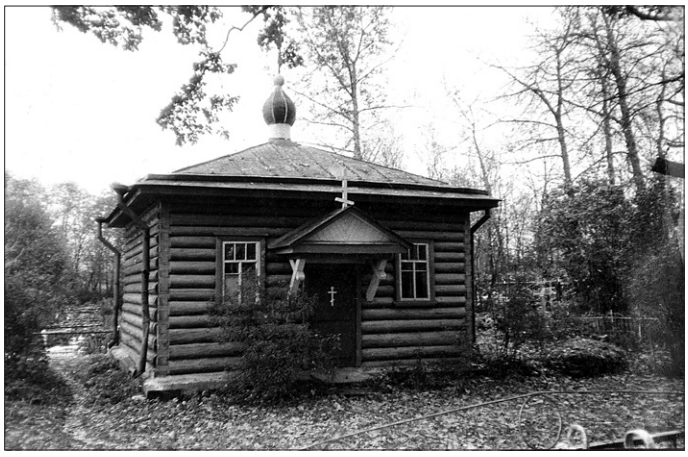
---

[1] Городец – ровесник Новгорода и старше Пскова. Датируется IX – XIII вв. Площадь городища – 90х60 м, по периметру оно окружено валами высотой до двух метров. Обследовалось в 1850, 1927 и 1970 гг. *(В.А. Лапшин. Археологическая карта Ленинградской области, ч. I, С. 31-32.)*

[2] Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М. Л. 1950, С. 379. Ср. Новгородская 1У летопись. Полное собрание Русских летописей, 1848 г. , т. 4, С. 91.

завоеван в 1609 г. шведскими войсками под водительством Делагарди. Восемь лет продолжалось тяжелое владычество шведов. С учреждением в 1708 г. губерний Лужский уезд, в составе новгородской провинции, причислен был к Ингерманландской, названной потом Петербургской, губернии, а в 1727 г. из новгородской провинции была образована самостоятельная губерния. Наконец, при Екатерине II, при издании учреждения о губерниях, в 1780 г. окончательно сформировался Лужский уезд со всеми селениями, приписанными прежде к новгородскому и псковскому наместничествам. В этом же году Луга, бывшая прежде сельцом Лужским в Дремяцком погосте Новгородского уезда, переименована была уездным городом, который сначала был причислен к Псковской губернии, а в 1783 г. присоединен вместе с уездом к С.-Петербургской губернии.

Лужский уезд, как лежащий вблизи Новгорода и на прямом пути к нему от Пскова и моря Балтийского, был по этой причине местом враждебных столкновений и многократно подвергался неприятельским нашествиям и разорениям. Литовцы, Ливонский орден, поляки и шведы, враждовавшие с Новгородом и стремившиеся отодвинуть его от моря, при благоприятных обстоятельствах вторгались в ближайшие Новгородские владения по Луге, грабили, опустошали их жестоко. Так, например, в 1222 г. меченосцы, собрав ливов и латышей, обошли Псков и дошли до Новгорода, опустошая на пути своем жилища и храмы: так Ольгерд князь Литовский, в 1346 году, по словам новгородской летописи: «Взя Шелону и Лугу на щит», или по другому списку, «Взя Шелону до Гомеля (приводится искаженно, – в действительности Голина – села в устье реки Шелони при ее впадении в Ильмень-озеро – *Ред.*) и Лугу до Сабля». *(Ист. госуд. росс. т. IV, примеч. 340)*. Особенно тяжело было время второй неудачной войны с Ливонским орденом и Польшей, когда полчища шведов, предводимые Понтусом Делагарди, опустошили северо-западные владения (всю Водскую пятину до самого почти Новгорода) а польско-литовские войска Батория, осаждавшего Псков, – юго-западные (Шелонскую пятину). Еще более продолжительному и тяжкому разорению подвергся край Лужский в Смутное время, когда шведы под начальством Якова Делагарди, завладев Новгородом и северо-западною его областью, в течении восьми лет особенно грабили и опустошали Лужский уезд, причем разорили и сожгли множество сел, деревень, монастырей и церквей *(подробности см. в общей истории епархии, выпуск I, стр.4-24)*. Предания об этих бедствиях доныне крепко сохраняются в памяти народной, которая, забыв только национальное различие врагов прошлых, объединяет всех их под одним именем: «Литвы». Люди помнят про все курганы и могильные насыпи, остатки земляных укреплений и рвов, про этих безмолвных свидетелей прошлых бедствий края, которых много рассеяно по уезду, местные жители говорят: «Это от Литовского разоренья», равно как поныне можно слышать от них выражение «Литва наехала», употребляемое в приложении к неожиданному и большому собранию людей. Также точно сохраняются предания о кладах, зарытых в разных местах уезда в те же бедственные времена Литовского разоренья, о церквах, колокольный звон которых

Городец. Часовня прпмч. Трифона Городецкого, Лужского чудотворца. Фото 1992 г.

и по ныне слышен по временам из под земли и т.п.

О начале христианства и первых церквах в пределах уезда, за полным отсутствием исторических известий и каких-либо местных памятников, никаких достоверных сведений не имеется. Доказательством значительного благоустройства и развития христианской религиозной жизни в первой половине XVI столетия в уезде может служить значительное число монастырей, существовавших в нем в то время, основание которых относится к прешедствующим XIV и XV столетиям. Вот эти монастыри:

1. Передольский Покровский женский монастырь. По местному преданию, около него был, как обычно в то время, и мужской Воскресенский монастырь. **2.** Городенский Покровский – тоже женский. **3.** Троицкий Верхутинский, женский. Мужские: **4.** *Городецкий Георгиевский*. **5.** Сяберский Спасский. **6.** Черменецкий Иоанно-Богословский. **7.** Посолодин – Новыя Печеры. **8.** Феофилов – Коневская пустынь. **9.** Черноозерский, близ Щирского погоста. **10.** Княжеский Никольский. Сверх того, местные предания указывают еще на существование двух монастырей в самой северной части уезда, именно: прп. Сергия Радонежского на речке Зверинке, в пределах нынешнего Георгиевского прихода и Покрова Богородицы в деревне Ящере Перечицкого прихода.

Конец XVI и начало XVII веков были самым тяжелым временем для Церкви, т.к, во время Ливонской войны и шведского владычества жестокость неприятелей преимущественно обрушилась на св. храмы и обители. По свидетельству писцовых книг большая часть храмов в погостах, селах и монастырях была ограблена или разрушена, и позже духовенство и иноки избиты или ограблены и разогнаны, целые селения опустошены, и все это сделали «Литовские люди». Долгое время ограбленные храмы стояли «впусте без пенья», а некоторые разрушенные церкви после того совсем не восстанавливались.

Некоторые из обителей по разорении, совершенно уничтожились (Городенский, Княжицкий, Черноозерский), а иные были приписаны к новгородским монастырям, например, Сяберский – к Вяжицкому, Городецкий – к Розважскому, а после обращены в приходские церкви (Передольский,

Верхутинский, Посолодин, Сяберский, Феофилова пустынь и Городецкий)»[3].

Когда был основан мужской Георгиевский-Городецкий «Гремячей пустыни» монастырь, в XV или в XVI веках, точно неизвестно. Ранее это селение – Городец – находилось в Дремяцком погосте Шелонской пятины в 80 верстах от Великого Новгорода, и отстояло в двух верстах от погоста.

По преданию, основателем и настоятелем монастыря был архимандрит Трифон, никаких письменных сведений о жизни и подвигах его ни к XIX веку, ни до настоящего времени при церкви не сохранилось. Местные жители говорят, что он был «как Иван Сусанин» (в действительности, справедливее отметить, что совершенный позже, в 1613 году, Сусаниным подвиг подобен подвигу преподобномученика Трифона, убиенного литовцами двумя десятилетиями ранее, в 1592 году). Нет, он не направил литовцев, совершавших один из своих набегов на Русь, в непроходимые дебри, а сам вернулся обратно в монастырь. Когда литовцы появились у Городца, он совершал в монастырском храме обедню. Братия, испугавшись иноземцев, разбежалась по окрестным лесам. Прп. Трифон не стал прерывать богослужения из-за вторжения непрошенных гостей, и так был убит. Они посекли его, молящегося, саблями прямо в церкви.

Когда вернувшиеся из леса монахи сложили его останки для омовения и переложения во гроб, все части тела моментально срослись, а в местах ранений остались только небольшие рубцы, какие бывают после снятия швов, – «красные рубчики». Погребли его под храмом, в стенах которого он пострадал за веру. С тех пор в монастыре и округе началось почитание преподобномученика Трифона, от его гробницы стали проистекать чудеса.

Но не только из преданий известно о существовании в Городце монастыря «Гремячая пустынь».Так например, из Тарханной грамоты митрополита Великоновгородского и Великолуцкого Варлаама (Белковского), (он управлял епархией в 1592-1601 гг. – *Ред*., см. также Приложение, С. 26), данной 18 апреля 1592 г. Гремячей пустыни в Городце, видно, что место это находилось в Шелонской пятине, и что действительно там был священноинок Трифон, который «бил нам челом, а сказал, что деи то их место убогое, розвоевано от Литовских людей и от Немец, а питаются они своими руками, ни крестьян, ни бобылков нет, а наймита деи наняти не на что».

В той же грамоте дается свидетельство того, что еще при прежнем новгородском митрополите Александре (занимал кафедру в 1576-1591 гг., до 1589 г. – архиепископ – *Ред.*) архимандрит Трифон получал помощь для монастыря из Софийской казны «после прежнего литовского разгрому», когда «в приход немецких людей, стоячи деи в том месте немецкие люди[4] тое пустынку и храм, и хоромы выжгли, а людей и животину присекли». Очевидно, после этих событий церковь св. вмч. Георгия в пустыни была возобновлена. Это произошло в 1592 г, или немного раньше.

Упоминается, что в 1592 г. строителем здесь был архимандрит Трифон, в 1599 г. – строитель Тихон, в 1640 г. – игумен Лукиан. На 26 августа 1685 г. Георгиевский-Городецкий монастырь был приписан к Николаевскому Розважскому монастырю в Новгороде. При царе Петре I, 10 марта 1691 г. он упоминается в связи «с освобождением крестьян приписного Георгиевского монастыря от подвод служивым людям и кормов им», и 13 октября 1700 г., в связи с началом Северной войны, о нетребовании с них же излишнего платежа, очевидно, по крайней бедности их.

При Екатерине II, в 1764 г., по учреждении духовных штатов, монастырь имел 53 души крестьян. Тогда он был упразднен, а церковь обращена в приходскую.

Когда в 1783 г. Городец вместе со всем вновь учрежденным Лужским уездом был исключен из Псковской, и отнесен к столичной С.-Петербургской губернии, обветшавший старинный Георгиевский храм с приделом Успения Пресвятой Богородицы был возобновлен (в 1791 г.). К этому времени он был холодным (летним), с «сосудами серебряными, частью оловянными и шелковых материй числом довольным». Главный храм расположен был средней частью над могилою архимандрита Трифона, а в подцерковье этого храма был устроен вход с боковой стороны для молящихся при его раке.

В 1838-1844 гг. усердием священника Иоанна Шитова, церковного старосты Григория Михайлова и местного помещика генерал-майора Михаила Павловича Сакера был построен отдельный храм Успения Божией Матери, ныне существующий (освящен 5 марта 1844 г.). В 1851 г. прежняя церковь св. вмч. Георгия была возобновлена как холодная, а придел Успения Божией Матери при ней был упразднен. При возобновлении храма антиминс его был освящен С.-Петербургским митрополитом Никанором I октября 1850 г. Храм был возобновлен на соборную сумму заботами священника Василия Ильинского и церковного старосты, крестьянина села Городца, Григория Михайлова. Простоял этот храм на погосте Городца до 1960-х годов.

Городец. Храм св.вмч. Георгия Победоносца (XVIII в.), в крипте которого до 1960-х гг. помещалась рака прпмч. Трифона. 1950 г. Фото из архива Петербургской епархии

[3] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. СПб, 1884 г.

[4] Очевидно, имеется в виду нашествие шведов в 1582-1583 гг., разоривших множество селений в Гдовской и Псковской округе в это время – *Ред.*

После этих многочисленных ремонтов и перестроек рака архимандрита Трифона оказалась под упомянутым Георгиевским храмом на Городецком кладбище. В церковной описи, составленной после 1829 г., об арх. Трифоне имеется такая запись: «Под церковию на раки в Бозе опочивающаго священно-архимандрита Трифона убиеннаго на гробницы лежит покров гасу золотаго подложен калинкором: 2 покров шелковый черной материи, крест белой атласной ленточки с зубчиками, кругом вышит шелком мелким. Перед кою ракою, лампада с медными цепочками и колпаком. Образов: образ Господа Вседержителя, Мученика Трифона. По правую сторону: образ Иоанна Златоустаго, Евангелиста Марка, Великомученицы Параскевы, Апостола Петра, Апостола Павла. По левую сторону: Святителя Григория Богослова, Святаго Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, Апостола Симона Зилота, Евангелиста Луки. При входе в то подцерковье над дверьми образ Воскресения Христова»[5].

В такой же церковной описи, составленной после 1854 года, имеется уже сокращенная запись: «*Рака убиеннаго Архимандрита Трифона.* Под церковию Святаго Великомученика Георгия устроена деревянная столярной работы под ореховое дерево рака над погребенным, якобы тут Архимандритом Трифоном убиенным, как гласит устное предание, а письменного ничего нет. Неизвестно, когда и кем устроена [рака]. *Иконостас пред ракою убиеннаго Архимандрита Трифона.* Пред оною ракою образ коронования Божия Матери, на сем же образе написаны царь Соломон и царь Давид, в полукруглой позлащенной с карнизами и колонками раме. Неизвестно, когда и кем устроен. За ветхостию уничтожен. Образ св. мученика Трифона в позлащенной резной раме в малом размере. В 1853 году на кошельковую сумму [приобретен]. Образ Св. мученика Трифона в позлащенной раме, помещен на стене пред гробницею. В 1861 год пожертвован протоиереем Василием Шитовым»[6].

Из труда иеромонаха Никодима (Кононова), будущего епископа Белгородского, священномученика († 1919), «Русские святые и подвижники благочестия... С.-Петербургской епархии», изданной в 1901 году, по сведениям, полученным им от настоятеля Городецкой Успенской церкви священника Петра Богданова, узнаем, что «...*О времени погребения архимандрита Трифона и об обстоятельствах этого события письменных сведений не имется при церкви, лишь сохранилось предание в приходе, что монастырская братия при нашествии литовцев разбежалась по лесам, а архим. Трифон не оставил места своего служения и был убит литовцами в монастырском храме во время церковной службы. Не имеется также и формальных записей о бывших исцелениях, какия получали с верою и усердною молитвою приходящие к раке архим. Трифона, но благодатная помощь подавалась многим.*

Для примера опишу случай, бывший в недавнее время: питомица С.-Петербургского воспитательного дома, взятая младенцем на воспитание к крестьянину в дер. Ретюнь, Городецкого прихода, была выдана в замужество за петербургского мастерового-водопроводчика. После нескольких лет семейной и счастливой жизни, бывшая питомица начала страдать сильными головными болями (припадками), обращалась за помощью к петербургским врачам в продолжении многого времени, но не только излечить, даже и облегчить ее страданий они не могли. При таких тяжких обстоятельствах бывшей питомице явился во сне архим. Трифон и велел ей помолиться у раки его в селе Городце. Особа эта из Петербурга приезжала в с. Городец, и по просьбе ее пришлось мне служить панихиду у раки архим. Трифона. По прошествии некоторого времени, она снова приезжала в с. Городец со своими детьми и в дар за исцеление пожертвовала привезенный из С.-Петербурга покров на раку архим. Трифона. Особа эта так сильно плакала от радостных чувств после служения мною панихиды у раки архим. Трифона. Еще были пожертвованы неизвестными лицами два покрова на раку архим. Трифона и сделаны другие пожертвования; менее ценные часто приносят богомольцы к раке архим. Трифона в дар за исцеление. Кроме своих прихожан, усердно посещающих место упокоения архим. Трифона, соседние прихожане по обещанию приходят с больными детьми в праздничные дни и после служения ими панихиды у раки архим. Трифона, берут песок по обыкновенно с могилы почитаемого подвижника.

Память архим. Трифона совершалась *1 февраля* (14 февраля н. ст.). В этот день служились заупокойная литургия в Успенском храме и панихида у раки его: во все воскресные дни, после утрени, служились также панихиды у раки архим. Трифона без просьбы молящихся. Образа подвижника архим. Трифона при церкви не имелось, но лишь соименнаго его святого мученика Трифона.

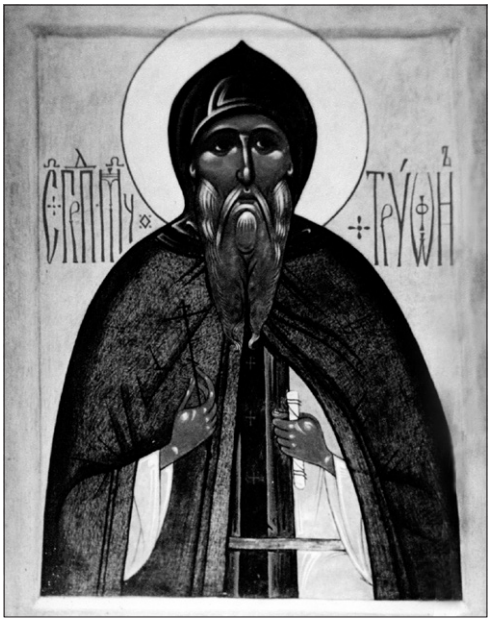
Под ракою, на могиле подвижника имеется плита с такою высеченною надписью: «Боже премилосердный призри дух Священноархимандрита Трифона, пострадавшего во время нахождения Литовскаго. Сей камень воздвигнут усердием И.О. 1812 год»[7].

Городец.Рака прпмч. Трифона Городецкого под прежней Георгиевской церковью. Фото 1950 г. Слева – настоятель храма прот. Михаил Образцов. Фото из архива С.-Петербургской епархии

[5] Иеромонах Никодим. Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах С.-Петербургской епархии XIV-XVII веков. Агиологические очерки. СПб., 1901., С.45.
[6] Там же, С. 45-46.
[7] Там же, С. 46-48.

Изучая в Петербурге дорожную карту, я прочитала, что едучи в Киев, мы будем недалеко от Смоленска, и мне захотелось посмотреть древний город, не однажды бывший оплотом отечества в бедственные времена, не однажды своим разорением и рабством искупавший Россию от рабства и разорения. Милая моя спутница, взяв на себя половину издержек, предоставила мне распоряжать куда и какою дорогою мы поедем, и тотчас согласилась, вместо Витебска, ехать на Смоленск. Это составляло лишних сто верст, но мы надеялись в Смоленске увидеть гораздо более памятников исторических, и притом очень желали поклониться древней иконе Божией Матери, по всей России прославившейся своими чудесами.

Икона преподобномученика Трифона Городецкого

Мечтая о Смоленске, Киеве, и Крыме, приехали мы в Лугу, откуда самое живое воображение не вывезет ни одной мечты. Странно, что почти все ближайшие у нас к обеим столицам города в самом жалком состоянии, как будто бы это препятствует жителям их заниматься промыслами. Луга вовсе не похожа на город. Это просто небогатое село, в котором кроме собора нет другой церкви и ни одного красивого дома. Однако мы приятно провели здесь часа два у Глафиры Григорьевны Брозиной, которую я знала в Смольном, где она до замужества своего была классною дамою и потом инспектрисою. Она была в Смольном воспитана, вместе с родною теткою моей спутницы, Марией Козминичной Хрипуновой. Последняя, как большая часть старинных монастырок, была при посторонних молчалива и даже дика, но коротко ее знавшим известны были обширный ум ее и высокие чувства. Она также была классною дамою и, совершенно воспользовавшись превосходным воспитанием, пеклась обо мне как мать. Ее уже нет на свете, но мне сладостно выразить мою глубокую ей признательность. По любви ее ко мне, любимая ее племянница сделалась моей неразлучной подругой, когда я имела несчастие лишиться единственной сестры моей. Такие связи бывают только в казенных заведениях, особенно же в Смольном, где воспитанницы остаются гораздо дольше. Глафира Григорьевна была приятельницею Марии Козминичны и хорошо знала младшую сестру ее, также воспитанную в Смольном, милую и добрую Александру Козминичну Олонкину, и мы, вспоминая об них, о незабвенной начальнице Смольновской Юлии Федоровне Адлерберг, и о других особах, которых знали в разных возрастах нашей жизни, не видали как протекло время, которое могли пробыть в Луге.

Нам сказали, что на первой станции, в селе Городце, церковь гораздо лучше Лужского собора, в котором мы слушали конец обедни. Похвала эта немного обещала, и невозможно было во всех селах осматривать церкви, **но положение двух церквей Городецких, деревянной и каменной, на высоком, отдельном холме,** так необыкновенно, что мы решились взойти на него по крутой лестнице, и в награду за труд полюбовались живописными, окрестными видами, хотя сильный ветер, грозя сорвать нас с этой высоты, засыпал нам глаза песком. Холм этот напоминает Бронницкий, близ Новгорода, на котором также стоит церковь, но та выстроена в нынешнем столетии, а **деревянная церковь Городецкая древняя.**

Увидя нас, поднимающихся на холм, высокая, видная старуха явилась предложить нам свои услуги. Я подумала, что это попадья.

Гробница прпмч. Трифона Городецкого. Современный вид

«Нет, – отвечала она смиренно, – я бедный человек», и прибавила, что она немка и, по убеждению сердечному помазавшись миром, выдала дочь свою за церковного сторожа. Она была одета очень чисто, и ее наружность вообще была привлекательна. Казалось, она жила в довольстве и, всего лишась, совершенно предалась воле Божией. Дочь ее

принесла церковные ключи, и они обе уверяли нас, что тут был мужской монастырь и что в деревянной церкви, **под спудом, мощи его основателя, преподобного Трифона.** Они провели нас в глухой подвал и там указали бедную гробницу, по-видимому, совершенно забытую. Я читала в Российской Иерархии, что тут действительно был мужской Георгиевский монастырь, от которого осталась одна деревянная церковь; при этом не упоминалось ни о каком угоднике; и по другим книгам у нас, во святых, только два Трифона, – один, обращавший в христианство лопарей, основал монастырь близ Колы, на реке Печенге, где и преставился, а мощи другого под спудом почивают в Успенском Вятском Трифоновом монастыре. Нет сомнения, что добрые женщины повторяли затверженную молву без всякого доказательства ее справедливости. Это меня утешило. Слишком было бы больно, что в России, у русских православных мужичков, в таком небрежении святые останки праведника.

В бывшей монастырской церкви образа очень древние, на одном – Адам и Ева, во время сошествия Христа Спасителя, после воскресения его, в ад, представлены в лодке, у которой огромные глаза и кругом зубы. Должно быть аллегория, превратившаяся, по крайней мере для меня, в иероглиф. Еще замечателен образ, хорошего Греческого письма: Успение Божией Матери. В каменной церкви живопись новая, слишком манерна, и Успение Божией Матери не по преданиям Нашей церкви, но просто изображена умершая, пожилая женщина, около которой молятся и плачут. Для входа трое дверей. Двенадцать столбов, по три вместе соединенные, поддерживают купол. Действительно, эта церковь гораздо лучше Лужского собора, и очень приятно видеть в селе такое доказательство ревности прихожан.

Олимпиада Шишкина. «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России», СПб, 1848 г., сс.20-24

В 1833 г. центр прихода был перенесен из Дремяцкого погоста (с. Дремячо, впервые упомянутого под 1498 г.) в Городец. К причту местного Успенского Городецкого храма, состоявшего из священника, дьячка и пономаря, был приписан также причт Дремяцкого погоста. С 1833 по 1861 гг. Городецкий приход объединял 32 деревни, часть которых позже была отписана к церквам приходов Смерди и Хвощно, образованных позже. С 1848 по 1859 гг. в селе существовала школа, позже при церкви было открыто сельское училище. В 1871 г. в приходе было открыто попечительство. К 1917 г. в приходе было четыре храма, – кроме двух в Городце – также храмы: св. вмц. Параскевы Пятницы на Дремяцком кладбище, – на месте древней церкви (последняя, деревянная церковь 1839 г. постройки простояла здесь полтора века и сгорела в 1992 г.) и домовая, в честь Владимирской иконы Божией. Служили в приходе два священника и два псаломщика. Причту принадлежало 144 десятины земли.

Храм Успения Пресвятой Богородицы имел колокольню, – звон его колоколов раздавался на 12 верст, что было слышно в с. Заплюсье. В советское время все они были сброшены, осталось 3-4, и те были возвращены на колокольню в годы войны.

Богослужения в закрытом в 1937 г. храме были возобновлены в годы войны, в 1941году. В 1943-1944 гг. и после войны здесь служил протоиерей Михаил Образцов, по образованию – учитель, в духовном становлении его как священника важную роль сыграл св. прав. Иоанн Кронштадтский. (Биография прот. Михаила Образцова приведена в Приложении, С. 27.)

В январе 1944 г. в с. Городец случились события, которые следует описать особо, ибо они связаны с молитвенным заступлением прпмч. Трифона Городецкого и избавлением от смерти настоятеля Городецкого прихода протоиерея Михаила Образцова.

В конце декабря 1943 – январе 1944 гг., когда в связи с приближением фронта немцами была назначена эвакуация населения, о. Михаил был арестован немцами за связь с партизанами. В 1943-1944 гг. он действительно неоднократно посещал селения между с. Городец и Петрова Горка, где служил входящим священником, общался с местными крестьянами, делился с голодающими хлебом. Очевидно, эти контакты и вызвали подозрение немцев, а также, возможно, нежелание крестьян эвакуироваться и то, что многие из них скрылись в лесу, привело к аресту пастыря. Отец Михаил был привезен немцами в Лугу, где помещен в тюрьму или лагерь «за колючую проволоку».

Приближался день памяти преподобномученика Трифона, 1/14 февраля 1944 г. В условиях фронта никакого суда не планировалось, делопроизводство не велось. На 2 число «приговор был подписан» и была назначена казнь заключенных. Пастырь готовился к смерти. Внезапно, накануне входа в г. Лугу советских войск, город и тюрьма (лагерь) были освобождены внезапным ударом вышедших из леса партизан (отряд Тараканова ?), в результате чего осужденные на смерть были освобождены, и в их числе о. Михаил, избежав смерти.

В другом документе о. Михаил свидетельствует благочинному Лужского округа, что во время «эластичного отступления» немцев из Луги, когда ими сжигались оставляемые селения, ему был дан наряд вместе с местным врачом 30.12.1943 выехать во Псков. Из-за того, что приказ не был им выполнен, в село 1 февраля (ст. ст.) прибыл карательный отряд (эстонский?), но

казнь пастыря не состоялась, – он спрятался в поленнице дров между церковью Успения Божией Матери и часовней св. Трифона, и так избежал смерти.

Это произошло 1/14 февраля, в день памяти прпмч. Трифона. В благодарность о. Михаил, всегда почитавший св. Трифона, остался до конца своих дней служить в Успенском храме с. Городец, восстановил пострадавший во время боевых действий в 1944 г. храм и к неделе ваий 1944 г. уже совершил первую после своего ареста литургию в переполненном храме, подвигнув местных крестьян на восстановление святыни после разорения.

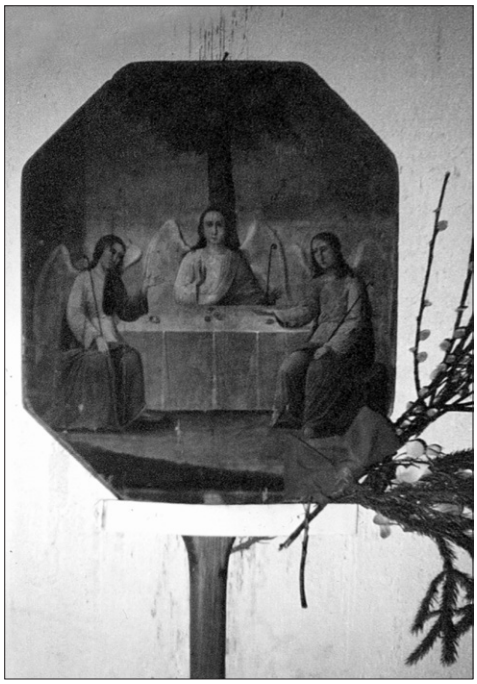
До своей болезни и кончины в 1959 г. он служил в храме, жил при нем в сторожке и неизменно почитал прпмч. Трифона, избавившего пастыря от смерти в день его памяти.

Храм св. вмч. Георгия Победоносца, возведенный над мощами архим. Трифона, по одной версии, сгорел в конце 1950-х – начале 1960-х гг.(по воспоминаниям очевидцев, пожар начался с колокольни), по другой – был разобран из-за угрожающего аварийного состояния и ветхости. Тогда же над усыпальницей преподобномученика была возведена деревянная часовня, сохранившаяся до сего дня. Почитание прпмч. Трифона продолжается и ныне.

Чудеса и случаи молитвенной помощи преподобномученика Трифона Городецкого

(По материалам газеты «Православная Луга», под ред. протоиерея Николая Денисенко)

Рядом с Городецкой церковью Успения Божией Матери стоит часовня, в которой покоятся мощи преподобномученика Трифона, убиенного в 1592 году при нашествии литовцев. Преподобномученик Трифон причислен к лику святых в 1913 году.[4] По его молитвам происходили и сейчас происходят чудеса. О случаях помощи Городецкого чудотворца поведали: настоятель церкви, протоиерей Герман Михайлов, ее прихожане и паломники, зачастившие сюда последнее время. Им слово:

Икона Св. Живоначальной Троицы, пребывающая в часовне прпмч. Трифона Городецкого рядом с его гробницей

Настоятель храма Успения Божией Матери, протоиерей Герман Михайлов: Мощи святого преподобномученика Трифона источают миро. Бывает, заходишь зимой в часовню и ощущаешь аромат роз. (По преданию, литовцы разрубили архим. Трифона на куски. Когда нашли его тело и соединили все части, то они зарубцевались и стали благоухать.).

А иногда, чаще бывает на Казанскую и в день Успения Богородицы, раздается вдруг звон колоколов. Глянешь на колокольню, колокола на месте, никого нет. Чудеса да и только.

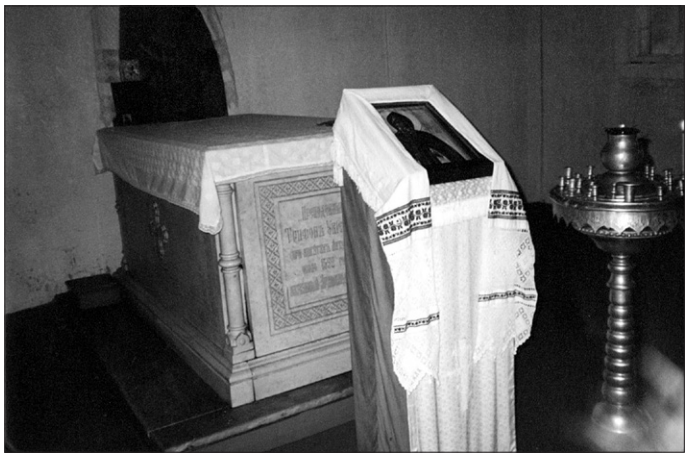
До 1950-х годов было традицией у священнослужителей перед литургией сначала идти в часовню и обращаться с молитвами к Городецкому чудотворцу. У его гробницы всегда горела неугасимая лампадка, непрерывно служились молебны, панихиды. Люди брали песочек с могилы прпмч. Трифона, прикладывали к больным местам. Чудо было не только в том, что песочек помогал исцелять разные недуги, но и в том, что он никогда не иссякал. Берешь горсть песка, а он тут же бьет струйкой вверх, как родник. Особенно много людей шли к святому после окончания войны с незаживающими гнойными ранами, больными ногами.

Во времена Хрущева к могилке запретили спускаться. Вход к нему задвинули плитой. Мраморную гробницу, стоявшую над могилой, подняли и поставили на пол в часовне. Но людей это не остановило, они все равно шли к преподобномученику, возносили молитвы к нему, и он сразу приходил на помощь.

Когда у моей супруги, ныне покойной, заболели ноги, я попросил своего малого сына слазить через отдушину в часовне к могилке прпмч. Трифона и достать песочек. Он исполнил мою просьбу. Приложили песочек к ее ногам, супруге сразу полегчало.

---

[4] Устное предание, распространенное в Луге и приходах Лужского округа. Документальных свидетельств о прославлении прпмч. Трифона нет. Однако, вероятно предположить, что оно готовилось и известную роль в усилении почитания святого сыграли приезды Императора Николая II и Великих Князей Владимира Александровича, Сергея Михайловича, Андрея Владимировича и других на маневры и учения Лужских военных полигонов в 1910-х гг. По преданию, гробница прпмч. Трифона была изготовлена ок. 1913 г. из итальянского мрамора на пожертвования, сделанные Императором Николаем II. По всей вероятности, готовившейся канонизации помешала Первая Мировая война и события 1917 г.

Гробница и образ прпмч. Трифона Городецкого

Антонина Васильевна Лопашко, прихожанка храма Успения Божией Матери:

Во время войны снаряд попал в основание церкви и не взорвался. Саперы, прибывшие на место, были удивлены этому чуду. Думаю, что это было действительно чудо, явленное по молитвам Городецкого чудотворца. Страшно подумать, что было, если бы он взорвался, разнесло бы всю Святую гору. Церковь в годы войны не закрывалась, на службы приходило очень много людей. Молились преподобномученику Трифону за своих близких, знакомых, друзей. Священник Михаил Образцов, ранее служивший в церкви Успения Божией Матери, говорил, что испытывает радость уже только от того, что ступает по святой земле, где погребен преподобномученик Трифон.

Н. Гринько, г. Луга: Мы бываем у преподобномученика Трифона всей семьей, приходим в часовню, зажигаем свечи, молимся ему. Говорят, надо стоять перед гробницей босиком, тогда молитвы скорей доходят до Бога. Хорошо молиться так особенно тем, у кого болят ноги. После посещения часовни чувствуешь облегчение, подъем духа.

В. Веселов, г. Псков: Я работаю водителем, перевожу грузы по трассе Санкт-Петербург – Москва. По пути следования всегда заезжаю в Городецкую церковь. Захожу в часовню к святому Трифону, прошу благословение на дорогу, оставляю для освящения маслице в бутылочке, а потом его забираю и использую во исцеление души и тела.

Н. Викторова, г. Луга: Когда в моей семье случается «штормовая погода», я стараюсь попасть в часовню к преподобномученику Трифону. Зажигаю свечи (беру их с собой, так как храм открыт только в праздники), обращаю молитвы к этому святому и всегда получаю просимое. Пропадают гневливость и раздражительность, душу наполняет благодать, мысли обретают здравое направление, помогают разобраться в отношениях с мужем, детьми, родственниками, обрести мир и согласие в семье.

Т. Истомина, С.-Петербург:

У меня была очень сложная операция, думала, не выживу после нее. Просила помощи у свт. Николая Чудотворца и у святого Трифона. Сейчас я себя чувствую намного лучше. Пришла в часовню, чтобы отслужить благодарственный молебен святым заступникам. А для своей внучки буду просить помощи в успешной сдаче экзаменов. Не сомневаюсь, что преподобномученик поможет ей.

Н. Михайлова, г. Луга: У моего мужа было осложнение после операции. Я обращалась с молитвами за помощью к святому Серафиму Саровскому и святому Трифону. Мои молитвы были услышаны и я отслужила благодарственный молебен этим святым. Теперь я бываю часто в часовне, обращаюсь к преподобномученику за разрешением всех своих житейских проблем.

Г. Николаева, С.-Петербург: У меня плохи дела со зрением. Мне посоветовали обратиться к Городецкому чудотворцу Трифону. В одно из воскресений лил сильный дождь, гремел гром, сверкали молнии, но я все равно поехала в часовню. Хотела отслужить молебен об исцелении, но священника на месте не оказалось, тогда я написала записочку и положила на гробницу, помолилась, обошла часовню три раза с крестным знамением и молитвами. Чувствую, что в моем организме происходят изменения в лучшую сторону. Раньше я, просыпаясь утром, с трудом открывала веки, теперь это делаю с легкостью. Прошли также боли в печени, которые ранее беспокоили. Надеюсь, что святой Трифон мне даст духовного и физического здоровья.

***

Бывая у прпмч. Трифона, замечаешь, что растет внимание к нему. Нередко на гробнице теплится лампадка, горят свечи, стоят букеты цветов и другие дары от благодарных паломников, лежат многочисленные записочки, в которых люди обращаются к святому со своими различными просьбами.

Монахи Псково-Печерского монастыря говорят паломникам, прибывающим за духовной помощью: «Зачем вы к нам едете, у вас есть свой святой Трифон, молитвы которого имеют такую же силу, как и молитвы других Российских святых – прав. Иоанна Кронштадтского, блаженной Ксении Петербургской, благоверного князя Александра Невского..». Нам повезло, что на Лужской земле покоятся мощи святого, который непрестанно молится за нас. Надо только просить его с верой, и он обязательно поможет.

Т. В. Бараусова, «Православная Луга», № 4 (18), октябрь 2000 г. , с. 4

Сейчас Городецкого прихода как такового не существует: большинство верующих умерло от старости. У оставшихся стариков не хватает сил идти пешком до церкви (автобусы ходят плохо, поэтому легче доехать до Луги), дачники заняты своими огородами, а молодежи вовсе пока не до этого. Сейчас храм закрыт на ремонт, сроки его не определены из-за отсутствия денежных средств. Благочинным Лужского округа протоиереем Николаем Денисенко планируется после завершения реставрации храма приписать Городецкий приход к Лужскому собору. Планируется, что богослужения в храме будет совершать по череде духовенство лужских храмов.

Как ни странно, вот уже несколько лет (время активного паломничества тысяч людей) мимо Городца и часовни прпмч. Трифона проезжает очень много паломников, которые едут в Псково-Печерский, Святогорский и другие монастыри, на о. Талабск (Залит) к протоиерею Николаю Гурьянову. Многие из них, в лучшем случае, знают о существовании часовни св. Трифона (к сожалению еще многие путают прпмч. Трифона с мч. Трифоном из Компсады, который предал свою душу в руки Божии прежде, чем воины занесли меч над головой его. Это событие произошло в городе Никее в 250 году). Однако, почти все они проезжают мимо Городца, и лишь немногие останавливаются поклониться святому. А ведь автобусы могли бы останавливаться здесь, и паломники – помолиться угоднику Божию, а потом и другим рассказать об этом благодатном месте, о помощи духовной, полученной здесь, или просто посоветовать посетить это место святое...

Заплюсские женщины

Почти 30 лет, с 1972 по 2001 гг. настоятелем церкви Успения Пресвятой Богородицы с. Городец прослужил протоиерей Герман Борисович Михайлов, свидетельство которого о почитании прмч. Трифона мы приводим ниже.

Однажды на поклонение к святому пришли три женщины из с. Заплюсье Псковской епархии (такого почитания о. Герман давно ни от кого не видел), он решил спросить у них, откуда они знают прпмч. Трифона. «Как же не знать-то его, – ответили они, – это ведь родной брат прп. Никандра Псковского.[5] Они очень похожи друг на друга, почти как две капли воды».(Так зачастую в житийных текстах именуются близкие по духу, «одного духа» люди, праведники и подвижники. Однако, нельзя исключать и земного родства двух святых, бывших современниками, и скончавшихся в дни польско-литовского нашествия, соответственно, в 1581 и около 1592 г. – *Ред.*)

Пасхальное посещение

Однажды, в недавнее время, (приблизительно, в 1995-1997 гг.) в Пасхальные дни о. Герману снился сон (или видение): – в помещении светло, огоньки, открывается дверь и выходит монах высокий, борода большая, черная, клобук монашеский. «А я бегу к церкви, – рассказывает о. Герман, – (церковь-то закрыта). Неужели, – думаю, – проспал. Ой! Ой! Ой!, а люди-то ждут, и их так много. На пороге церкви стоят священники, а впереди всех – монах. Предлагаю им войти, а они в ответ: «Ты настоятель, ты и входи, а мы – вслед за тобой». Открываю церковь, а там люстры, паникадила горят. Пошли в алтарь вместе с монахом и другими священнослужителями (все незнакомые, позже только узнал, описав своим прихожанам их внешность, что они все почившие). Я предложил им служить, как гостям, а монах ответил: «Ты – настоятель, ты и служи!». И всю службу они стояли справа в алтаре, а потом все стало меркнуть. Проснулся около 2-х часов ночи». (Первый день Пасхи. Пасхальная ночь после заутрени и литургии).

По благословению протоиерея Николая Гурьянова, очень почитавшего прпмч. Трифона, по изображению прп. Никандра Псковского написали икону прпмч. Трифона. О. Герман, сравнив внешность монаха, виденного им, с образом, нашел большое внешнее сходство. «Только шапочка у него другая», – сказал пастырь. По описанию о. Германа, виденный им монах был высок ростом, широкоплеч, с окладистой, густой темной с сединой бородой.

Гробница прпмч. Трифона Городецкого († 1592). Фрагмент

[5] Протоиереем Михаилом Образцовым, настоятельствовавшим в Городце, также свидетельствуется родство преподобномученика Трифона Городецкого с прп. Феофилом Омучским и прп. Никандром Псковским: «брат свв. Феофила и Никандра Псковских». *(Архив С.-Петербургской епархии, дело прот. Михаила Образцова)*. В русской агиографии часто можно встретить упоминание о «родстве» преподобных, Христа ради юродивых и реже - других святых. В простоте своей, православными христианами на сельских приходах оно истолковывается прежде всего как «родство по плоти», в действительности , это родство следует понимать в первую очередь, как родство духовное.

Образ архидиакона Стефана и другие иконы в часовне прпмч. Трифона Городецкого у его гробницы

Облегчение болезни и приготовление к христианской кончине

Впервые о преподобномученике Трифоне я услышала на могиле диакона Виктора Ивановича Тихомирова, похороненного на Шуваловском кладбище Санкт-Петербурга. Прихожане Спасо-Парголовской церкви стали ухаживать за малопосещаемыми или брошенными могилами, приемущественно духовных лиц, погребенных близ церкви, чтобы их не сравняли с землей или не подхоронили на это место кого-либо. Одной из них была могила диакона Виктора Тихомирова. Вместо поломанного креста на его могиле нами был установлен новый, посажены цветы, нередко мы стали посещать это место и молиться об усопшем.

Однажды придя туда втроем помолиться об упокоении диакона Виктора и других священнослужителей, мы познакомились с родным сыном почившего – Виктором Викторовичем Тихомировым. От него мы впервые услышали о преподобномученике Трифоне, мощи которого почивают в часовне, близ церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Городец Лужского района (в 167 км от Петербурга по Псковскому шоссе), также поведал он нам, что в XVI – XVII веках там был Георгиевский мужской монастырь. Утомленная впечатлениями прошедшего дня, о Городце я уже слушала рассеяно. Запомнила только, что там есть источник, святой мученик, на горе часовня, и что в церкви служит родственник Виктора Викторовича – протоиерей Герман, который непременно будет рад видеть нас у себя в гостях в Городце.

Виктор Викторович также рассказал нам, как святой Трифон его вылечил. *Втечение трех лет он тяжело болел: «после перелома ног долго не срастались кости и он долго не мог ходить, ходил на костылях, потом еле-еле с палочкой ковылял». Однажды, поддавшись уговорам о. Германа он приехал в Городец, где первым делом зашел к святому угоднику. Поставив палочку у двери часовни, он стал на колени и молился у гробницы святого, прося его помощи в исцелении от недуга. Выйдя из часовни, он пошел помогать о. Герману, а палочка так и осталась стоять у двери. Пробыв в Городце неделю, он поехал домой и только на Балтийском вокзале вспомнил, что в руках его не хватает палочки. Спустя какое-то время он вновь приехал в Городец, чтобы отблагодарить прпмч. Трифона за исцеление. Отец Герман встретил его с улыбкой: «Ну что? За костылем приехал? Костыль твой так и стоит в часовне, только я его в угол поставил, иди, – возьми». «Да выбросить его надо в печку! Мне он больше не нужен», – ответил Виктор Викторович.*

Предложение поехать в Городец было заманчивым, но явиться без приглашения к священнику было неловко. Наша поездка туда состоялась вскоре, когда через некоторое время к нам приехала издалека моя тетушка, чтобы проведать мою тяжело больную мать.

Маме моей, Людмиле Ефимовне Дехтяревой в 2001 г. исполнилось 49 лет. Она прожила нелегкую жизнь, работала маляром-штукатуром, позже – штамповщицей на станке, когда ей зачастую приходилось трудиться в 2-3 смены. 17 лет она одна поднимала и воспитывала нас с сестрой. Болезнь ее дала о себе знать в декабре 2000 года, в январе 2001 г. она обратилась к врачу из-за сильных болей, и ей был поставлен диагноз: рак левой молочной железы 4-й степени. Заболевание было сильно прогрессирующим. Врачи сказали, что эта стадия болезни – последняя, и, по их опыту, больные в этом состоянии ходят редко, а живут – не более трех лет... (Когда прошел один или полтора месяца со дня знакомства с Виктором Викторовичем, у мамы были уже такие боли, что самый тонкий молитвослов она не могла держать в руках). Даже при такой тяжелой болезни она порывалась трудиться по дому, и порой исполняла домашнюю работу. Она надеялась, что врачи ей помогут. Но врачи-онкологи отказались лечить ее и предложили лишь положить в хоспис. Духовник наш был сильно удивлен, что она при такой болезни исполняет домашнюю работу. Ему и нам стоило больших усилий убедить ее ограничиться приемом пищи, отдыхом, чтением и молитвой.

Я решила, что нам обязательно надо поехать в Лугу на источники и навестить новых знакомых в Городце. Слава Богу, уговаривать долго никого не пришлось, хотя я опасалась, что мама из-за болезни откажется ехать.

Доехали до Городца благополучно, но, к сожалению, наших знакомых не оказалось на месте. Церковь закрыта. Рядом стоит домик небольшой с крестом на крыше. Мне поначалу и в голову не пришло, что это и есть часовня. Мы долго ждали, когда же кто-либо появится на

св. горе, но никого не было. Тогда я решила сама пойти кого-нибудь разыскать, чтобы найти хотя бы часовню и попасть в нее. Рядом с шоссе, под горой, есть кафе, куда я и зашла спросить о часовне, но к моему удивлению мне сказали, что я только что пришла оттуда, и что желтое здание с крестом на крыше рядом с церковью и есть часовня. Без священника входить было как-то неловко, но в конце концов, мы решились зайти. Войдя, мы увидели мраморную гробницу (подобную гробнице прп. Серафима Вырицкого), очень красивую, на стене висел старинный крест и икона Святой Троицы в виде трех ангелов. На аналое перед мраморным надгробием лежала еще одна икона, изображение на которой было подписано: «Святой преподобномученик Трифон». С иконы на нас смотрел дедушка с крестом и свитком в руках. Как живой, – взгляд его передать было невозможно, – он как-будто вопрошал: «Что же вы так долго ехали? Я уже давно заждался». Лампада теплилась. Мы втроем упали на колени (кто какие чувства испытывал, я не знаю). Мне было обидно, грустно и хотелось плакать не потому, что нас никто не встретил, не потому, что кто-то обидел, а потому, что здесь могилка святого угодника, а к нему никто не приходит, ни души. Все будто забыли про него. Вспомнилась блаженная Ксения – у нее всегда, даже ночью, кто-то молится: у св. прав. Иоанна Кронштадтского тоже всегда народ. У прп. Серафима Вырицкого хоть один человек, но всегда есть, а здесь – никого. Это было видно не только из-за отсутствия людей, но и по траве. Мы приехали в день Равноапостольной княгини Ольги, 24 июля, – это середина лета, а трава совсем почти и не примята.

Слава Богу, у нас был акафист и канон святому мученику Трифону, правда другому, изображаемому с соколом на плече, но тогда мы этого еще не осознали (меня, правда, удивляло, почему на одном образе стоит молодой юноша, а на другом старенький дедушка: только позже узнала, что один жил в 250 г., а другой – в 1592). Втроем мы довольно слаженно пропели акафист (тетушка моя хоть и крещенная, но в церковь ходит очень редко), мне кажется, что это говорит о том насколько это благодатное место. Вечером, часов в 8, мы хотели уехать домой на последней электричке, девушки из кафе нас «обрадовали», сказав, что автобус ходит туда и обратно только утром, а днем и вечером его не бывает, так что доехать можно только на попутках. Мне стало еще обидней, но уже с другой стороны: тетушка моя приехала из Чувашии, из глухой деревни, а транспорт у них ходит лучше, чем в пригороде Северной столицы России! Как мы ни старались уехать, все было безнадежно, все проезжали мимо. Я чувствовала за собой вину, что привезла больных в незнакомое место, обещая ночлег с крышей над головой, а получилось шиворот- навыворот. Делать было больше нечего. «Ну что же? – говорю я с осторожностью, полагаясь на милость Божию, – будем ночевать на кладбище». Затаив дыхание, ждала их бурной реакции, но к моему удивлению тетушка подпрыгнула от радости: «Надо же! Как здорово! Моя крестная как-то ночевала на кладбище, а я еще ни разу! Наконец-то моя мечта сбылась!». Ночевали мы в часовне на полу, подстелив под голову только полотенце (слава Богу, пол деревянный), и проспали до самого утра как на самых лучших кроватях. Утром, помолившись, мама спустилась к источнику, который находится внизу у дороги за мостом с правой стороны, набрала воды и принесла ее нам. Тогда еще мы не обратили внимания, что мама сама (!) несла воду.

Поблагодарив батюшку Трифона за его гостеприимство, за то, что целые сутки мы провели с ним наедине, и что бока не болели после сна на досках, мы без благословения священика, но попросив прощения у батюшки Трифона (ведь получается, что украли), отлили маслица из неугасимой лампадки в небольшой пузырек, и плотно закрыв его крышкой, собрались в путь-дорогу. В Луге зашли еще на один источник, немного отдохнув там, наполнили 5-ти литровые бутыли водой и тронулись в путь по направлению к вокзалу. И только здесь мы с тетушкой заметили, что мама несет сама одну 5-ти литровую канистру со св. водой в больной руке, и другую такую же, – в другой. Как мы ни уговаривали ее отдать св. воду нам, она ни в какую не соглашалась, говоря, что у нее ничего не болит. Мы не сразу заметили происшедшее чудо облегчения ее страданий, совершенного Господом по молитвам Своего угодника, преподобномученика Трифона. Только в электричке мы осознали, что у мамы прошла боль, которая долго ее беспокоила, от которой она не могла спокойно спать дома.

День нашего паломничества в Городец был замечательным, радостным днем в моей жизни. Глядя на то, как мама радовалась всему вокруг: солнцу, свежему воздуху, озеру, храму, пению птиц, тому, что рядом с ней ее любимая сестра, я видела, что она была как ребенок, который получил желаемое, и тоже была рада.

Дома, рассказывая о нашем путешествии, мы решили и наших близких помазать маслицем от мощей св. Трифона, но ко всеобщему удивлению, когда достали бутылочку, то не обнаружили в ней ни капли масла, даже следов его не осталось на стекле.

Позже, где бы я не пыталась узнать что-либо подробнее о житии прпмч. Трифона, все было безуспешно: кто-то путал его с другими, кто-то ничего не знал, а некоторые говорили, что я, наверно, сама все перепутала и нет такого святого, иначе о нем знали бы. Священник нашего Спасо-Парголовского храма о. Анатолий Трохин рассказывал, что когда-то, в XVI веке, по преданию, в Городце был мужской Георгиевский монастырь, и там обитал старец Трифон. Но прославлен он Церковью или нет, он не знал.

Через несколько дней после нашей поездки мама с тетушкой торопились на трамвай, и им пришлось пробежаться. «Откуда взялись силы, – рассказывает тетя, – не знаю, но я бежала как молоденькая девчонка, несмотря на свой вес и на то, что раньше ходить быстрым шагом было тяжело, задыхалась. А теперь я как будто помолодела».

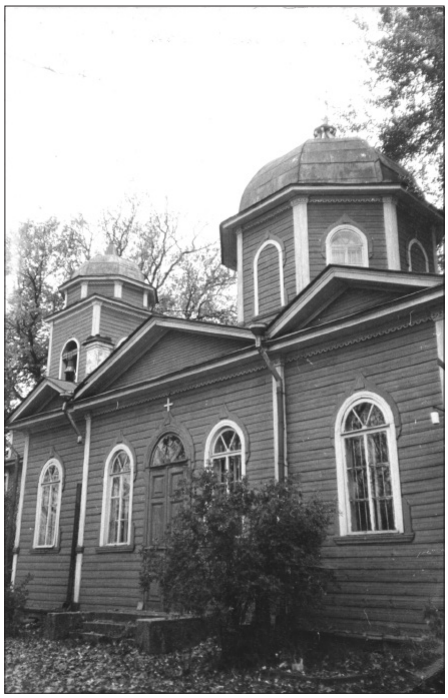
Сильно прогрессирующий рак у моей мамы остановился и, даже более того, опухоль почти исчезла, в груди осталась маленькая горошина, которая нисколько не беспокоила. «По вере вашей да будет вам» – сказал Господь. Болезни нет, все хорошо, все прекрасно! Теперь в церковь можно ходить реже – такие мысли стали появляться у мамы, т.к. мужу ее не очень нравилось, что мы туда часто ходим (1-2 раза в неделю), и нередко приходилось слушать его укоры. Чтобы не случилось самого страшного, Господь вернул маме опухоль, но без болей. Многим святым мы молились со священниками нашего храма, о. Анатолием и о. Ярославом. В сердце своем я всегда просила заступничества святого Трифона. Хотя в святцах его имени не было, я твердо верила, что он святой, и хранила образ этого славного дедушки в своей памяти: что бы ни случилось, хоть днем, хоть среди ночи, всегда мысленно говорила: «Батюшка Трифон, моли Бога о нас!».

Однажды в середине декабря 2001 года о. Ярослав в храме спросил меня: «Как мама?» – Слава Богу, все хорошо. – Она ведь болеет? Я смотрю на него удивленно: почему он задает мне такой вопрос, ведь он все знает сам. «Чем она болеет? Какой у нее диагноз?», – продолжает спрашивать он. Смотрю на него с еще большим удивлением. – Так ведь рак же у нее. Вы ведь знаете. Он снова спрашивает, будто бы ничего не знает: «А на какой стадии?». Отвечаю в недоумении: «Четвертой». – И она ходит? У меня, наверное, в глазах стоял немой вопрос. Говорю ему: «Что-то я вас совсем не понимаю, батюшка». – Это и мне не понятно. Насколько я знаю, люди на 4-ой стадии лежат в постели и мучаются от боли. А твоя мама ходит, столько времени прошло, а она продолжает ходить, как ни в чем ни бывало, и даже бегает. – Так что же здесь такого особенного? – Ты разве не знаешь, что на этой стадии люди очень сильно страдают, и хотя я, конечно, не специалист в медицине, но насколько мне известно, они уже не встают сами. Конечно, исповедь, соборование, причастие – это понятно, но… подумайте, наверное, есть что-то еще, о чем вы и не догадываетесь.

Впервые я вышла из церкви такая озадаченная. Рассказала об этом маме, она тоже была в недоумении. Ей тоже показался странным этот разговор с батюшкой. Да и чего тут думать то, ведь столько святых Божиих угодников, Пресвятая Богородица и Сам Господь помогают.

Выносной крест из часовни прпмч. Трифона

Городец. Храм Успения Пресвятой Богородицы (1844 года постройки), рядом с которой находится часовня прпмч. Трифона. Фото 1992 г.

Не помню точно дня, но вскоре у мамы возобновились боли. Что делать? Одно, другое, третье – ничего не помогает. «Господи, что же делать то? Ведь мамочка так страдает. Помоги! Подскажи! Научи!» Вновь молитвенно обращаюсь к прпмч. Трифону, в памяти моей вспоминается оставшееся навсегда со мной чувство (словами передать его невозможно), которое я испытала, когда впервые перешагнула порог часовни. И снова с любовью прошу: «Батюшка Трифон! Моли Бога о нас! На тебя одного вся надежда!». В очередной раз беру трубку телефона, набираю номер о. Германа и думаю: «А что если и сейчас никого не будет. Ехать в Городец зимой, ночевать-то там зимой холодно, вот если бы масло тогда не исчезло...» На этот раз, к нашему счастью, батюшка был дома, он с радостью передал мне маслице из лампадки прпмч.Трифона. Когда мамочка помазала больное место маслицем, боли утихли.

В феврале 2002 г. (14.02) маму госпитализировали, 15 февраля ей в больнице была сделана операция, однако и после операции состояние ее продолжало резко ухудшаться, несмотря на проведение повторного курса химиотерапии. В Великом посту (март-апрель) мама регулярно посещала храм. Потом, ближе к Пасхе была вновь госпитализирована, снова прошла курс химического лечения, однако и после выписки домой (на Пасху) у нее сохранялись боли, и оставалась высокая температура.Несмотря на слабость, мама стремилась сама делать себе перевязки, не желая обременять нас.

Летом, однажды, после того, как мы читали акафисты и молились, она заснула, а я сижу возле нее и плачу. Внезапно она проснулась, и говорит: «Что ты плачешь? Не ты ли меня учила любить эту болезнь... Знай, она – моя спасительница. Я точно знаю, *там* правда хорошо... Я не долго вас буду обременять... Болезнь уйдет...» С этого дня (5 августа) боли прекратились, она спала почти сутками, за исключением тех часов, которые уходили на перевязку и еду. В основном, она принимала лишь св. воду и часть размоченной просфоры.17 августа она причастилась и 19-го, в Преображение, тихо и спокойно, у нас на глазах, отошла ко Господу.

Ослабление ее болезни, избавление от болей и приготовление мамочки к христианской кончине, верю, произошло и по молитвам св. прпмч. Трифона Городецкого.

Многие уже ощутили силу молитв прпмч. Трифона на себе. Он лечит не только тело, но и душу: исцеляет, вразумляет, поучает, радует, утешает.

О. А. Ивандикова

Источники:

1. «Земля Невская Православная» (православные храмы пригородных районов С.-Петербурга и Ленинградской области). Краткий церковно-исторический справочник. С.-Петербург., Издательство «Православная Русь». 2000 г.
2. «Справочная книга для Петербургских богомольцев (краткий исторический очерк церквей в Петербурге и его окрестностях)». Составил прот. Л. Петров, С.-Петербург, 1883 г.
3. Н. М. Кутепов. Памятная книга по С.-Петербургской епархии. С.-Петербург. 1899 г.
4. История Российской иерархии т. III., С.-Петербург. 1881 г.
5. Новгородские писцовые книги, т. I-VI. СПб. 1859-1910 гг.
6. ЦГИАСПб Ф.19, оп. 113, д. 15, с. 80, д. 1074, с. 135, д. 995, с. 141- 142 (Клировые ведомости храмов Лужского уезда 1786-1917 гг.)
7. Архив С.-Петербургской епархии (Городецкий Успенский храм. Прот. Михаил Образцов).
8. Памятные записи о церквах и приходах в уездных городах и селах Петроградской епархии.// Ч. I Уезды: Гдовский, Лужский, Новоладожский и Петергофский. Петроград. 1915 г.
9. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. т. 9. СПб. 1885 г.
10. В.В. Зверинский. Материал для истрико-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. т. III. СПб. 1892 г.
11. Акты исторические. т. I. (№ 231) СПб. 1841 г.
12. Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М. Л. 1950 г., С. 379. Новгородская IV летопись. Полное собрание Русских летописей, 1848 г. , т. 4, С. 91.
13. Иеромонах Никодим. Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах С.-Петербургской епархии XIV-XVII веков. Агиологические очерки. СПб., 1901 г.
14. В.А. Лапшин. Археологическая карта Ленинградской области, ч. I, С. 31-32. СПб., 1998 г.

Песнопения из служб общих ликам святых Преподобномученику Трифону Городецкому, Лужскому чудотворцу

Тропарь, глас 8-й: *В тебе, отче, известно спасеся, еже по образу: приим бо Крест, последовал еси, Христу, и дея учил еси презирати убо плоть, преходит бо, прилежати же о души, вещи безсмертней. Темже и со ангелы сорадуется, преподобне Трифоне, дух твой.*

Кондак, глас 2-й: *Яко постника благочестна и искусна, и страдальца произволением честна, и пустыни жителя сообразна, в песнех достойно восхвалим Трифона, приснохвальнаго: той бо змия попрал есть.*

Молитва общая преподобномученику Трифону Городецкому Чудотворцу

Преподобне отче Трифоне! Воззри на нас милостивно и к земли приверженных возведи к высоте небесней. Ты горе на небеси, мы на земли низу, удалены от тебе, не толико местом, елико грехми своими и беззаконии, но к тебе прибегаем и взываем: настави нас ходити путем твоим, вразуми и руководствуй. Вся твоя святая жизнь бысть зерцалом всякия добродетели. Не престани, угодниче Божий, о нас вопия ко Господу. Испроси предстательством своим у Всемилостиваго Бога нашего мир Церкви Его, под знамением креста воинствующей, согласие в вере и единомудрие, суемудрия же и расколов истребление, утверждение во благих делех, больным исцеление, печальным утешение, обиженным заступление, бедствующим помощь. Не посрами нас, к тебе с верою притекающих. Вси православнии христиане, твоими чудесы исполнении и милостями облагодетельствовании исповедуют тя быти своего покровителя и заступника. Яви древния милости твоя и их же отцем всепомоществовал еси, не отрини и нас чад их, стопами их к тебе шествующих. Предстояще всечестней иконе твоей, яко тебе живу сущу, припадаем и молимся приими моления наша и вознеси их на жертвенник благоутробия Божия, да приимем тобою благодать и благовременную в нуждех наших помощь. Укрепи наше малодушие и утверди нас в вере, да несомненно уповаем получити вся благая от благосердия Владыки молитвами твоими. О, превеликий угодниче Божий! Всем нам, с верою притекающим к тебе, помози предстательством твоим ко Господу, и всех нас управи в мире и покаянии скончати живот наш и переселитися со упованием в блаженные недра Авраамова, идеже ты радостно во трудех и подвизех ныне почиваеши, прославляя со всеми святыми Бога, в Троице славимого, Отца и Сына, и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тарханная грамота митрополита Варлаама, Великого Новгорода и Великих Лук Гремячей пустыни. 18 апреля 1592

Се язъ господинъ пресвященный Варламъ — Митрополитъ Великого Новагорода и Великихъ Лукъ, пожаловалъ есми священноинока Трифана, изъ Шелонскіе пятины, съ Гремячей пустыни, съ Городка. Билъ намъ челомъ, а сказалъ, что деи то ихъ мѣсто убогое, розвоевано отъ Литовскихъ людей и отъ Нѣмецъ, а питаютца деи они своими руками, ни крестьянъ деи ни бобылковъ нѣтъ, а наймита деи наняти ни на что; а прежней деи Митрополитъ Александръ его Трифона пожаловалъ, послѣ прежнего Литовского разгрому, велѣлъ деи имати въ Софѣйскую казну, и въ нашю, по рублю съ того храму, за все про все; и послѣ деи того, въ приходъ Нѣмецкихъ людей, стоячи деи въ томъ мѣстѣ Нѣмецкіе люди, тое пустынку и храмъ и хоромы выжгли, а людей и животину присѣкли; и намъ бы его пожаловати, въ тое пустынку въ церквѣ, какъ оже дастъ Богъ они совершатъ, дати своя жаловальная тарханная грамота, и дани бы своей, подъѣзда и за десятину, въ Софѣйскую казну велѣти намъ у нихъ имати на годъ по двадцати по пяти алтынъ, для ихъ убожества и для пустоты. И будетъ такъ, какъ намъ тотъ черной священникъ Трифанъ билъ челомъ, и язъ его пожаловалъ, своей дани, подъѣзда и десятины, на нынѣшней на сотой годъ, въ Софѣйскую казну имати съ нихъ не велѣлъ, для ихъ убожества ему отдалъ; а впредъ кто въ той пустыни, на Городкѣ, учнетъ пѣти попъ или онъ Трифанъ, и имъ и всему причту церковному, со ста перваго года, давати въ домъ Святѣй Софѣи Премудрости Божіи и мнѣ, за мой подъѣздъ, и за благословеную куницу, и за десятинничь кормъ, и за даръ, и за всѣ наши пошлины, въ четыре годы, до лѣта 7106 году, на всякъ годъ, по двадцати по пяти алтынъ на годъ, а платити имъ та наша дань въ Великомъ Новѣгородѣ, на срокъ, по Крещеньѣ Христовѣ въ той же день, въ Софѣйскую и нашу казну, самимъ; а какъ тѣ урочные годы отойдутъ, и тому черному попу Трифану, или по немъ въ той пустынѣ игуменъ съ братьею или иный попъ будетъ, давати въ домъ Святѣй Софіи Премудрости Божіи и мнѣ, за мой подъѣздъ, и за благословеную куницу, и за десятинничь кормъ, и за даръ, и за всѣ наши пошлины, на всякъ годъ, по старинѣ, по рублю, а платити имъ та дань наша въ Софѣйскую казну на тотъ же срокъ, и какъ ея придучитъ. А кому будетъ до того черного попа, или до игумена и до братьи и до причетниковъ церковныхъ каково дѣло, и мои недѣлщики и десятинники даютъ ихъ въ тѣхъ дѣлѣхъ на поруку да чинятъ имъ одинъ срокъ въ году, стати передъ мя Митрополита Варлама, по Крещеньѣ Христовѣ въ той же день; а кто на нихъ и накинетъ срокъ, или безсудную на нихъ возметъ, не потому ихъ сроку, какъ въ сей нашей грамотѣ писано, и тотъ имъ срокъ не въ срокъ, а безсудная не безсудную. А мірская тому черному попу, или игумену тоѣ пустыни, ничто не дѣйствовати; а кому будетъ до того игумена и до чорного попа каково наше духовное дѣло, или мірская что учнутъ дѣйствовати, и мои недѣлщики и заѣщики того черного попа или игумена, даютъ ихъ въ тѣхъ нашихъ духовныхъ дѣлѣхъ на поруки, а срокъ имъ чинятъ стати передъ меня Митрополита Варлама всегды, безсрочно, какъ ея прилучитъ, то на ихъ наша вина духовная. А дана грамота въ Великомъ Новѣгородѣ. лѣта 7100 Апрѣля въ 18 день. А припись у грамоты митрополича дьяка Максима Коротнева» [1]).

[1]) За симъ другою рукою написано:

«Пошлинъ взято митрополичихъ 9 алтынъ и 2 денги, и отданы печатнику митрополичю старцу Мисаилу, да печатного алтынъ ему жъ; да діячихъ пошлинъ одное половины 4 алтына и 4 денги, да дворецкого алтынъ, отданы въ казну казначею старцу Пахнотью, а другую половину діячіе взялъ діякъ Максимъ Коротневъ, свою выть».

Изъ Сборника грамотъ Новгородскихъ Владыкъ (XVI вѣка, in 4°, кн. I, грам. 102, л. 118—119), найденнаго въ архивѣ Новгородской Казенной Палаты.

Протоиерей Михаил Образцов. Биография

Протоиерей Образцов Михаил Степанович родился 20.11.1881 в дер. Сафроново Емельяновской вол. Старицкого уезда Тверской губ. в крестьянской семье. Окончил 3 класса школы в с. Емельяново (1891), 3 класса петербургской начальной школы на Васильевском острове (1892), 4-классное Андреевское училище (1896) и подготовительный класс при Андреевском училище для поступления в институт (1897). Сдав экзамен на учителя церковно-приходской школы при С.-Петербургской Духовной семинарии (1897), окончил Педагогический учительский институт на 13 линии Васильевского острова (1901). С 1901 – учитель Гвозденской образцовой школы Гдовского уезда, с 1902 – учитель математики Гвозденской епархиальной учительской школы, в 1902-1910 – старший учитель Гвозденской учительской школы. Получает благословение св. прав. Иоанна Кронштадтского и митрополита С.-Петербургского Антония (Вадковского) на принятие священства. В 1910 сдал экзамен за весь курс Духовной семинарии. В 1911 рукоположен во диакона епископом Нарвским Никандром в Александро-Невской лавре. В том же году 1 апреля в неделю ваий в Исаакиевском кафедральном соборе епископом Гдовским Вениамином рукоположен во священника. В 1911-1934 – священник Кунестской Петропавловской церкви Гдовского уезда С.-Петербургской губ. На пожертвованные св. прав. Иоанном Кронштадтским средства построил в с. Кунесть трехпрестольный каменный храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери, с приделами свв. апп. Петра и Павла и свт. Николая. С 1930 – протоиерей. После закрытия храма, в 1938 – учитель и завуч детской 7-летней школы, в Новгородской обл., в 1939 – директор, завуч и учитель русского языка названной школы. В 1939 окончил институт усовершенствования учителей по русскому языку и литературе (заочный сектор). В 1939-1941 – учитель средней школы для взрослых Октябрьской железной дороги в Новгородской обл. С 1941 – настоятель Лазаревской – Ямковской церкви и учитель (с 1942) средней школы с. Сергеево Новгородского района и области. С 1943 – настоятель Успенской церкви с. Городец Лужского округа, входящий священник (раз в месяц служил обедни) Воскресенской церкви с. Петрова Горка. С августа 1943 – благочинный Лужского округа. Остался на родине. В январе 1944 за связь его прихожан, жителей с. Городец, с партизанами был заключен в немецкий лагерь в Заречной части Луги, позже содержался под домашним арестом. Будучи приговорен к смерти, избежал ее (немцы не успели ни казнить его, ни вывезти во Псков в связи с внезапным приходом партизан и освобождением Луги советскими войсками). Свое избавление приписывал заступлению прпмч. Трифона Городецкого, в день памяти которого 1 февраля был избавлен от смерти, и которого неизменно чтил до конца своих дней, оставшись служить на приходе с. Городец, у мощей прпмч. Трифона. Поселившись в подвале церковной сторожки, восстановил пострадавший от войны Успенский храм с. Городец, возобновив в нем богослужения с недели ваий 1944. С 9.06.1944 митр. Григорием утвержден туда же настоятелем. С 15.01.1957 вышел за штат по болезни, по возможности продолжал служить в храме при сменившем его настоятеле свящ. Павле Талисайнене. Скончался 27.09.1959, погребен в с. Городец за алтарем Успенской церкви.

Состояние Городецкого храма во имя вмч. Георгия Победоносца (часовни прпмч. Трифона Городецкого). 1958 г.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
ЕЛЕВФЕРИЮ, Митрополиту Ленинградскому и Ладожскому
Благочинного Лужского округа
Священника Михаила Соловьева

Рапорт

В селе ГОРОДЦЕ, Лужского района, Ленинградской области, на погосте, рядом с УСПЕНСКИМ приходским храмом, находится полуразрушенная небольшая церковка в честь св. великомуч. Георгия. Лет триста тому назад, на этом месте стоял мужской монастырь, в котором подвизался и настоятельствовал священноархимандрит ТРИФОН. Площадь монастыря являлась естественной крепостью, защищавшею Русскую землю от вторжения врагов.

В 1592 году литовские орды осаждали упомянутую крепость. Гарнизон ее, в том числе и монахи монастыря, не выдержав осады, разбежались. Священноархимандрит ТРИФОН в это время совершал Божественную литургию и не захотел оставить своего святого поста. Ворвавшиеся литовцы, не пощадили служителя Божия, и здесь же, у св. престола, зарубили его саблями. Под этим Георгиевским храмом убиенный архимандрит ТРИФОН и был погребен.

С течением времени, в подвальном помещении храма, на месте погребения архимандрита ТРИФОНА, было сооружено мраморное надгробие. С давних пор могила преподобномученика ТРИФОНА, привлекает к себе верующих данной местности и за пределами ее. Верующие служат панихиды и по вере получают просимое.

Но дело в том, что эта церковка грозит падением. Через ветхую кровлю вода просачивается в подпольное помещение. Потолок подвала не сегодня-завтра обрушится. Под балки уже подставлены стойки. Необходимо, как можно скорее, построить новую часовню над могилой мученика. Настоятель Успенской церкви свящ. Павел Талисайнен уже полностью закупил лес для часовни. Средства отпустил взаимообразно Лужский Казанский собор.

На основании вышеизложенного, прошу Вас, Высокопреосвященнейший Владыко, командировать архитектора Казанского для составления сметы по постройке часовни. Если, почему-либо, архитектор Казанский не имеет возможности выехать, то прошу выслать члена строительного Комитета – протоиерея Владимира Никитина. О дне его выезда необходимо уведомить меня телеграммой заблаговременно.

Кроме сего, почтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство отпустить аванс в сумме 4000 рублей для покупки железа для кровли упомянутой часовни. Железо заготовить необходимо сейчас же, пока не наступил строительный сезон. Железо пока в продаже имеется.

Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник
Благочинный Лужского Округа священник Михаил Соловьев
13 марта 1958 года. Город Луга

Акт

18 марта 1958 года с.Городец, Лужского района.

Мною, архитектором Епархиального Управления А.М. КАЗАНСКИМ произведен осмотр и проверка Успенской церкви и часовни в с. Городец и установлено нижеследующее:

Успенская церковь

Стены бревенчатые, обшитые с фасада вагонкой на сплошном ленточном фундаменте. Стены и фундамент в хорошем состоянии.Кровля железная по бревенчатым стропилам и досчатой обрешетке. Состояние кровли хорошее. Кровля покрашена. Потолочные перекрытия по бревенчатым балкам подшиты досками и оштукатурены. Штукатурка обвалом не угрожает, но из-за неровностей имеет плохой вид и сильно загрязнена.Стены оштукатурены. Штукатурка в удовлетворительном состоянии, но сильно загрязнена.Полы досчатые по бревенчатым балкам. Состояние полов хорошее, провесов и зыби нет. Полы содержатся в чистоте. Заполнение оконных и дверных проемов – в удовлетворительном состоянии.

В 1957 году произведен ремонт фасада кровли и покраска стен и потолка в алтаре. Работа по окраске фасада и кровли с ремонтом выполнена хорошо и ремонт алтаря выполнен удовлетворительно.

Часовня при церкви.

Часовня в два этажа. Стены бревенчатые на сплошном ленточном фундаменте. Бревенчатые стены сильно разрушены пожаром и гнилью и от распора в углах разошлись до 8 см. Состояние стен угрожающее.

Кровля по бревенчатым стропилам и обрешетке из досок железная в неудовлетворительном состоянии. Стропила и обрешетка поражены гнилью и железное покрытие по всей площади имеет протечки.

Междуэтажные перекрытия по бревенчатым балкам сильно поражены гнилью и угрожают обвалом. Под балки междуэтажного и чердачного перекрытий подставлены временно бревенчатые подпоры.

В целом строение часовни аварийное, угрожает обвалом и допуск в часовню надлежит приостановить.

Стены часовни, по причине сильного разрушения углов пожаром и гнилью, подкрепить ремонтом не предоставляется возможным. Необходимо стены срубить вновь.

Архитектор Епархиального Управления А.М. Казанский

Прп. Фалассий

СОТНИЦЫ*

ТРЕТЬИ СТО ГЛАВ

1. О благом по естеству благое мысли, и о всяком человеке помышляй доброе.
2. В день суда Бог потребует от нас ответа о словах, делах и помышлениях.
3. Навык добродетели или порока движет нас к тому, чтобы мыслить, говорить и делать доброе или худое.
4. Ум, обладаемый страстями, помышляет не должное, а обнаруживается помышление словами и делами.
5. Злым помышлением предводительствует страсть; причиною страсти бывает чувство, а причиною злоупотребления чувства, очевидно, – ум.
6. Затвори чувства и противоборствуй мысленным представлениям, и оружием заповедей избей страсти твои.
7. Порок закоренелый требует долговременного подвижничества; ибо утвердившийся навык не вдруг оставляется.
8. Продолжительное подвижничество воздержанием и любовью, терпением и безмолвием уничтожает приражения.
9. Часто воздвигай ум к молитве и истребишь помыслы, приступающие к сердцу.
10. Подвижничество требует терпения и великодушия, ибо долговременным трудолюбием отгоняется сластолюбие.
11. Удобно обучишься трудам подвижничества, если все будешь делать по мере и правилу.
12. Сохраняй всегда одинаковую меру подвижничества; и не нарушай правила без нужды.
13. Как помышление низлагает любовь и воздержание, так и всяко превозношение, взимающееся, *(2 Кор. 10, 5)* – созерцание и молитву.
14. Совесть делают чистой труды подвижничества, как-то: пост, бдение, терпение, великодушие.
15. Кто терпеливо переносит попускаемые на него невольные искушения, тот становится смиренномудрым, опытным и благонадежным.
16. Терпение есть трудолюбие души: составляется же оно из добровольных трудов и невольных искушений.
17. Перенесение злоключений рождает незлобие, а терпение до конца в конец истребляет злобу.
18. Чувству причиняется боль наведением скорбей, и сластолюбие истребляется нанесением печали.
19. Четыре суть главные страсти, которые Промысл премудро употребляет одну против другой.
20. Так наведение печали обуздывает сластолюбие, и страх мучений иссушает похоть.
21. Ум, благомыслящий, обучает душу свою и приучает тело ко всяким подвигам.
22. Старайся представить монахом не внешнего твоего человека, но внутреннего, освобождая его от страстей.
23. Первое отречение есть освобождение от вещей, второе и третье – от страстей и от неведения.
24. Удобно, кто пожелает, освобождается от вещей; но с немалым трудом – от пристрастия к ним.
25. Владычествуя над вожделением, одолеешь и раздражительность, ибо оно бывает причиной возмущения раздражительности.
26. Избавились ли мы от страстных помышлений и наслаждаемся ли чистой и духовной молитвой, или нет ещё?
27. Велик ум, который освободился от страстей, отрешился от сотворенных существ, и пребывает в Боге.
28. Преуспевающий любомудрствует о сих трех: о заповедях, о догматах и о вере во Святую Троицу.
29. Ум, совлекшись страстей, пребывает в чистых умозрениях, созерцании существ и в присносущном свете.
30. Злейшие страсти скрываются в душах наших; являются же тогда, когда дела их обличают.
31. Случается, что ум бывает невозмущен, получив отчасти бесстрастие, но неопытен, по отсутствию вещей, его искушающих.
32. Страсти приходят в движение от сих трех причин: от воспоминания, от телесного сложения и от чувств, как сказано было выше.
33. Ум, затворив чувства и уравномерив телесное сложение, имеет брань только с одними воспоминаниями.
34. Чувствами приводятся в движение страсти тогда, когда не присутствуют воздержание и духовная любовь.
35. Соразмерный пост, бдение и псалмопение обыкновенно уравномеривают телесное сложение.
36. Три вещи в телесном сложении производят изменение к худшему: беспорядок в употреблении пищи, перемена воздуха и прикосновение демонов.
37. Страстные воспоминания ослабляются молитвою и чтением, воздержанием и любовью.
38. Затвори сперва чувства безмолвием, и тогда оружием добродетелей веди брань против воспоминаний.
39. Мысленное зло есть злоупотребление помышлений, а действительный грех есть злоупотребление дел.

* Окончание. Начало в вып. 26-27.

40. Злоупотребление помышлений и дел есть употребление их неблагочестивое и неправедное.
41. Постыдные страсти суть узы, удерживающие ум в том, что в вещах есть чувственное.
42. Тот имеет совершенное бесстрастие, кто не имеет пристрастия ни к вещам, ни к воспоминаниям о них.
43. Добрая душа благотворит ближнему и не только неблагодарность его переносит великодушно, но и с терпением принимает от него оскорбительное.
44. Лукавые помыслы суть худое имение, которого не отвергающийся не научится ведению.
45. Слушающий Христа просвещается, и подражающий Ему исправляется.
46. Злопамятство есть проказа души. Она происходит от бесчестия, или от убытка, или от подозрительных помыслов.
47. Господь ослепляет завистливый ум, потому что он несправедливо скорбит о благах ближнего.
48. Злоречивая душа имеет трезубчатый язык: ибо вредит самой себе и слушающему, а иногда и тому, кого злословит.
49. Незлопамятен тот, кто молится о опечалившем его, и не жалеющий даров избавляется от злопамятства.
50. Ненависть к ближнему есть смерть души. Душа злоречивого носит ее в себе и производит в других.
51. Уныние есть небрежение души, небрежет же душа сластолюбивая.
52. Любящий Иисуса упражняет себя в трудах, а постоянство в трудах отгоняет уныние.
53. Душа укрепляется трудами подвижничества и, все делая в меру, отгоняет уныние.
54. Владычествующий над чревом иссушает похоть, и ум его не порабощается блудным помыслом.
55. Ум воздержного есть храм Святого Духа, а ум чревоугодника – жилище ворон.
56. Сытость производит желание различных снедей; а скудость услаждает и самый простой хлеб.
57. Избавляется и избавляет от зависти тот, кто тайно от завидующего сорадуется ближнему, которому сей завидует.
58. Удаляй себя от живущего нерадиво, хотя бы он и приобрел от многих великое имя.
59. Приобрети друга мужа трудолюбивого, и найдешь покров очам твоим.
60. Нерадивый продал себя многим господам, и как они ведут его, так он и поступает.
61. Нерадивый во время мира благорасположен к тебе, как друг, а во время искушения ратует на тебя, как враг.
62. Прежде нежели восстают страсти, он полагает за тебя душу свою, а когда они восстали, исторгает душу твою.
63. Запустевшая земля бывает полна терний, а душа нерадивая – нечистых страстей.
64. Ум благомыслящий обуздывает душу свою, усмиряет тело и порабощает страсти.
65. Явные движения суть признаки внутренних, подобно как неизвестные деревья узнают по приносимым ими плодам.
66. Слова и дела обличают лицемера и обнаруживают скрытного лжепророка.
67. Ум, оставленный в нерадении, не вразумляет души своей и удаляет ее от любви и воздержания.
68. Причина худых мыслей есть злой навык, происходящий от тщеславия, гордости и надменности.
69. Вышереченным свойственны: лицемерие, лесть, коварство, насмешки и пренегодная ложь.
70. Вышесказанным служат: зависть и распря, раздражительность и гнев, печаль и злопамятство.
71. Таков путь живущих в нерадении и таково сокровище, хранящееся во мне.
72. Злострадание и смирение спасают душу и избавляют её от вышеупомянутых страстей.
73. Разумной мысли свойственно полезное слово и доброй душе добродетельное деяние.
74. Просвещённый ум произносит слова премудрые, и душа чистая производит Божественные помыслы.
75. Помыслы тщательного поучаются премудрости, и слова его просвещают слушающих.
76. Когда в душе, как грунт, лежат добродетели, тогда она произращает благие помыслы, а когда пороки, тогда она рождает худые мысли.
77. Душа страстного есть вместилище злых мыслей и из сокровища своего выносит злое.
78. Доброе сокровище есть навык добродетели, и добрый ум выносит из оного доброе.
79. Ум, в котором действует Божественная любовь, рождает благие мысли о Боге, а движимый самолюбием – напротив.
80. Ум, движимый любовью к ближнему, всегда помышляет о нём доброе, и напротив: движимый противоположным чувством, предполагает о нем худое.
81. Причиной добрых мыслей бывают добродетели, добродетелей же заповеди, а исполнение заповедей – свободное произволение.
82. Присутствие и отсутствие добродетелей и пороков производят в душе доброе или худое расположение, побуждая её к соответственным мыслям.
83. Причиной худых мыслей бывают пороки, причиной пороков преслушание, преслушания – обольщение чувств, а обольщения – нерадение ума об охранении чувств.
84. У успевающих расположение может переходить от одного из противоположных к другому. А у совершенных навыки неподвижны в отношении к тому и к другому.
85. Крепость души есть непоколебимый навык добродетели, достигнувший которого, как непобедимый говорил: кто нас разлучит от любви Христовой, и прочее *(Рим. 8, 35).*
86. Всем страстям предшествует самолюбие, а за всеми последует, наконец, гордость.
87. Три главных помысла похоти рождаются от страсти самолюбия.
88. Разумей здесь помыслы чревоугодия, тщеславия и

сребролюбия, за которыми следуют все прочие страстные помыслы, но не все вместе.

89. За помыслом чревоугодия следует блудный помысел, за помыслом тщеславия – помысел гордости, прочие же за всеми тремя вообще.
90. Вообще за сими тремя следуют помыслы: печали, гнева и злопамятства, зависти, уныния и прочие.

МОЛИТВА

91. Владыко всех Христе! избави нас от всех сих: и от пагубных страстей, и от помыслов, рождающихся от них.
92. Для Тебя мы были сотворены, дабы Тобою наслаждаться нам, введенным в рай, Тобою насажденный.
93. Но сами навлекли на себя настоящее наше бесчестие, блаженному наслаждению предпочтя пагубное.
94. И получили за сие возмездие в самих себе, присносущную жизнь променяв на смерть.
95. Ныне убо, Владыко, как призрел Ты на нас, призри и до конца, и, как соделавшийся человеком, спаси всех нас.
96. Ты пришел спасти нас погибших, не отлучи нас от части спасаемых.
97. Воскреси души и спаси тела, очищая всех нас от всякой скверны.
98. Расторгни узы связывающих нас страстей, Разогнавший полки нечистых бесов!
99. Избави нас от их мучительства, да послужим Тебе единому вечному Свету,
100. Воскреснув из мертвых и ликуя с Ангелами оным блаженным и вечным ликованием. Аминь.

ЧЕТВЕРТЫЕ СТО ГЛАВ

1. Кто отторг ум от любви и угождения плоти, тот животворящим Духом умертвил плотские деяния.
2. Не думай, чтобы ты оставил привязанность к плоти, если ум твой еще занят тем, что свойственно плоти.
3. Как плоти свойственны чувства и чувственное, так и душе ум и умственное.
4. Отвлеки душу от чувств и чувственного, и ум твой будет находиться в Боге и в умственном.
5. К Божеству приближены умные существа, постигаемые одним только умом. Чувства же и чувственное созданы для служения уму.
6. Да служат тебе чувства и чувственное к созерцанию мысленному, то есть духовному, а не ты напротив служи чувствам, к удовлетворению пожеланий плоти.
7. Тебе повелено умертвить деяния плотские, чтобы душу, умерщвленную сластями, воскресить трудами.
8. Да владычествует над тобою Бог, а ты владычествуй над чувствами и, как лучший, не давай власти худшему.
9. Бог присносущен, бесконечен и беспределен, и обещал повинующимся Ему блага присносущные, бесконечные и неизреченные.
10. Уму свойственно пребывать в Боге и размышлять о Нем, о промысле Его и о страшных судьбах Его.
11. Ты имеешь власть преклоняться на ту и другую сторону. Предайся лучшему, и покоришь себе худшее.
12. Хороши чувства и хорошо чувственное, как творения благого Бога, но никак нельзя сравнить их с умом и с умственным.
13. Бог сотворил словесное и умное существо способным к принятию духа и ведения Его; а чувство и чувственное создал к употреблению оного существа.
14. Как неприлично доброго господина подчинить злому рабу, так неприлично и разумный ум поработить тленному телу.
15. Ум, не управляя чувствами, впадет через них в зло, ибо они, будучи обольщены сладостью чувственного, рождают ему порок.
16. Обладая чувствами, охраняй и память, ибо впечатления, полученные через чувства (посредством памяти), возбуждают страсти.
17. Усмиряй тело и молись часто, и скоро избавишься от помыслов, происходящих от прежних впечатлений.
18. Непрестанно упражняйся в слове Божием, ибо трудолюбие в сем истребляет страсти.
19. Чтение, бдение, молитва и псалмопение удерживают ум, чтобы он не блуждал около страстей.
20. Как весна пробуждает растения к произрастанию, так и бесстрастие возбуждает ум к познанию существ.
21. Соблюди заповеди и обрящешь мир; возлюбишь Бога и достигнешь ведения.
22. Ты осужден вкушать хлеб ведения в труде, подвиге и поте лица.
23. Нерадение привело Праотца к преступлению и вместо райского наслаждения осудило на смерть.
24. Обладай и ты Евою и берегись змия, чтобы она не прельстилась и не подала тебе плода оного древа.
25. Как душа естественно оживляет тело, так и душу оживляет добродетель и ведение.
26. Ум, мечтающий о своей мудрости, есть безводное облако, носимое ветрами тщеславия и гордости.
27. Побеждая тщеславие, берегись блуда, чтобы избегая честей, не впасть в бесчестие.
28. Убегая тщеславия, взирай к Богу, ибо иначе впадешь в самомнение или в блуд.
29. Тщеславию свойственно ухищрение выказывать себя, а гордости – уничижать других и раздражаться.
30. Убегая чревоугодия, охраняйся от человекоугодия, промышляющего выказывать бледность лица своего.
31. Прекрасен пост, который радуется о малоядении, держится сухоядения и бегает человекоугодия.
32. Постясь до вечера, не насыщайся потом совершенно, чтобы не созидать опять того, что разоряешь *(Гал. 2, 18).*
38. Не употребляя вина, не до сытости пей воду, ибо иначе будешь доставлять тоже вещество блуду.
34. Гордость делает то, что мы удаляемся от Божией помощи, надеемся на себя и возносимся перед людьми.
35. Две вещи предлежат, как врачества, от гордости, и не пользующемуся ими дано будет третье, гораздо горчайшее.
36. Гордость истребляют молитва со слезами, то, чтобы

никого не уничижать, и невольные злоключения.

37. Жезл мысленный есть вразумление через искушения, которое безрассудно возносящегося научает смиренномудрствовать.
38. Дело, свойственное уму, есть не терпеть в себе помысла, который тайно порицает ближнего.
39. Как огородник, не выпалывая трав, заглушает овощи, так и ум, не очищая помыслов, погубляет труды.
40. Разумен муж, принимающий совет, и наипаче от отца духовного, советующего по Богу.
41. Умерщвленный страстями не внимает совету и совсем не терпит духовного вразумления.
42. Не принимающий совета не исправляет путей своих, но всегда блуждает по стремнинам и дебрям.
43. Монах есть ум, отрекшийся от чувств, и не позволяющий себе даже посмотреть на помысел наслаждения.
44. Врач есть ум, уврачевавший себя, и врачующий других врачествами, которыми исцелился сам.
45. Взыщи добродетели и старайся не потерять ее, чтобы не жить постыдно и не умереть жалким образом.
46. Господь и Бог наш Иисус всем даровал свет, и неповинующиеся Ему омрачают сами себя.
47. Не почитай маловажным утрату добродетели; ибо через сие смерть вошла в мир.
48. Послушание заповеди есть воскресение из мертвых; ибо за добродетелью естественно следует жизнь.
49. Когда ум умерщвлен был преступлением заповеди; тогда, по необходимости, последовала и смерть телесная.
50. Как Адам преслушанием подпал смерти, так Спаситель послушанием умертвил смерть.
51. Умертви порок, чтобы тебе не воскреснуть мертвым и от малой смерти не перейти к великой.
52. Ради Адамова преступления вочеловечился Спаситель, дабы, разрешив от осуждения, воскресить всех.
53. От жизни в жизнь переходит тот, кто умертвил страсти и отверг неведение.
54. Испытывай Писание и найдешь заповеди; исполни сказанное (в них), и избавишься от страстей.
55. Повиновение заповеди производит очищение души, а очищение души делает нас причастниками света.
56. Древо жизни есть ведение Бога: чистый, вкушая от оного, пребывает бессмертным.
57. Начало жизни деятельной есть вера во Христа, конец же её – любовь ко Христу.
58. Иисус Христос есть Господь и Бог наш, Который даровал нам веру в Него для жизни (вечной).
59. Он явился нам с душой и телом и Божеством, чтобы, яко Бог, избавить душу и тело от смерти.
60. Приобретем веру, чтобы достигнуть любви, от которой рождается просвещение разума.
61. За приобретением веры по порядку следуют: страх Божий, воздержание от сластей, терпение в трудах, надежда на Бога, бесстрастие и любовь.
62. От чистой любви рождается естественное ведение; и за сим следует крайний предмет желаний, то есть, благодать Богословия.
63. Ум, обладая страстями, обладает ими конечно с помощью страха, веруя Богу в том, чем Он угрожал, и что обещал.
64. Кому дана вера, от того требуется воздержание; сие, укореняясь, рождает терпение, которое есть многотрудный навык.
65. Признак терпения есть любовь к трудам; отсюда, приемля дерзновение, ум надеется получить обетования и избежать угроз.
66. Ожидание будущих благ прилепляет ум к ожидаемому, и, пребывая в сем, он забывает настоящее.
67. Вкусивший чаемого повергает настоящее: потому что в оном истощает все свое желание.
68. Обещавший будущие блага есть Бог. Веруя Ему, подвижник желает будущего как бы уже настоящего.
69. Признаком пребывания ума в чаемых благах бывает то, что он совершенно забывает здешнее и распростирается в познании будущего.
70. Хороша истина, которой учит Бог истины, еще здесь даруя боголюбивой душе полное удостоверение.
71. Блага, уготованные наследникам обетования, превыше веков: они прежде всех веков и превыше ума и слова.
72. Приспособим себя к правилам благочестия, чтобы не уклониться в страсти и не отпасть от надежды.
73. Иисус Христос есть един от Троицы, и ты имеешь быть Его сонаследником.
74. От Бога научившийся ведению существующего не имеет недоверия к Писанию о прежде сказанном.
75. Дух Святый, нашедши ум, совлекшийся страстей, соответственно сему, тайноводствует его ко всему уповаемому.
76. По мере очищения ума, душе даруется разумение слова Божия.
77. Под правила поставивший тело и обращающийся в ведении, самым сим ведением наиболее очищается.
78. Ум, начиная любомудрствовать о Божественном, начинает от веры, идет через предметы, открыто предлежащие, и вновь оканчивает высочайшей верой.
79. Видим, что началу любомудрия последует страх, а концу предшествует любовь.
80. Ум, начиная любомудрие от постоянной веры, оканчивает оное превысшим всякого ума Богословием, которое определяют так: Богословие есть незабытная вера и созерцание предмета не являемого.
81. Святые и блаженные отцы наши слова свои о Боге почерпают из созерцания не того, что в Нем, но того, что окрест Его.
82. Все слова о том, что окрест Его, то есть Бога, разумеются одни – положительно, а другие отрицательно, как-то:
83. Сущность. Божество, благость и подобные свойства Божии разумеваются положительно и утвердительно; а безначальность, бесконечность, беспредельность и подобные, имеют значение отлучительное и отрицательное.

84. Как единое Божество Святой Троицы есть превысшее ума и слова и сокровенное, то вышесказанное и подобное, как сказуют, окрест Его созерцаемо бывает.

85. Как единое Божество Святой Троицы проповедуют, так и три ипостаси единого Божества славят.

86. Вышереченные понятия, отрицательные и положительные, признают общими Святой Единосущной Троице, кроме личных свойств; ибо и из сих большая часть положительно, а некоторые отрицательно изрекаются.

87. Сказуют также, что личные свойства трех ипостасей суть сии: отчество, сыновство, исхождение и прочее, что говорится, как собственное ипостаси.

88. Ипостась же определяют сущностью с личными свойствами. Почему каждая ипостась имеет одно, общее сущности, и другое, собственное ипостаси.

89. Полагают, что сказанное выше вообще о Святой Троице отрицательно, говорится более собственно, нежели сказанное положительно. Но не так относительно личных свойств. Ибо и о сих, как выше сказано, говорится частью положительно, частью отрицательно, как например: рожденность, нерожденность и подобное. Ибо нерожденность и рожденность разнятся только по значению: нерожденность означает Отца, а рожденность Сына.

90. Речения и имена употребляют для изъяснения разумений, созерцаемых, как сказано, окрест сущности Святой Троицы, а не в самой сущности: ибо то, что в сущности совершенно, не ведомо уму и не изрекаемо никаким словом, и единой Святой Троице ведомо.

91. Как единое существо Божества триипостасным признают, так и Святую Троицу единосущною исповедуют.

92. Созерцается ими Отец и как безначальный, и как начало; безначальный, как не рожденный: начало, как родитель и изводитель сущих из Него по сущности, от вечности в Нем существующих, Сына Слова и Духа Святого.

93. Единица, простираясь у них до Троицы, пребывает Единицею; и Троица, собираясь в Единицу, пребывает Троицею. И сие чудно.

94. Все разумеют Сына и Духа не безначальными, однако присносущными. Они не безначальны в отношении к Отцу, Их началу и источнику; но присносущны, как сущие из Присносущного, и Ему сосуществующие, един рождественно и другой исходно.

95. Едино Божество Троицы нераздельно хранят, в три ипостаси единого Божества неслиянно соблюдают.

96. Полагают личными свойствами: Отца – безначальность и нерожденность, Сына – то, что Он в начале, и рожденность, Святого Духа – то, что Он с началом, и исходность. Начало же Сына и Святого Духа полагают не временное. Как это можно? Но под именем начала показывают причину, от которой Сын и Святый Дух, как свет от солнца, имеют бытие от вечности; ибо из неё они по сущности, хотя и не после её.

97. Сохраняется также у них свойство ипостасей неподвижным и непреложным, и общность сущности, т.е. Божества, нераздельной.

98. Исповедуем Единицу в Троице, и Троицу в Единице, разделяемую нераздельно и совокупляемую разделительно.

99. Единое знают начало всего – Отца. Он начало Сына и Духа, яко Родитель, и яко источник присносущный, и соприсносущный, и собесконечный, и беспредельный, и единосущный, и нераздельный. Он начало созданий, яко Создатель и Промыслитель, и Судия: т.е. Сыном во Св. Духе. Ибо, из Того, и Тем, и в Нем всяческая: Тому слава во веки аминь *(Рим. 11, 36)*.

100. Сказуют, что Сын и Святый Дух соприсносущны Отцу, но не собезначальны: соприсносущны, как от вечности сосуществующие Отцу; не собезначальны, потому что имеют вину бытия. Ибо из Него, хотя и не после Его, подобно как из солнца свет, как сказано выше. Впрочем нарицают Их и безначальными, когда кто начало берет от времени, дабы не представлялись под временем Те, от Которых время. И так, Они не безначальны в отношении к своей причине, но в отношении ко времени безначальны, яко сущие прежде всякого времени и века, и превыше века и времени, чрез Которых всякий век и время, и то, что в веке и во времени, и яко Отцу, как выше сказано, соприсносущные, с Которыми Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

М.В. Лодыженский

О ХРИСТИАНСКОЙ МОЛИТВЕ

Митрофан Васильевич Лодыженский (1852 – 1917) – известный в начале XX века русский православный богослов, философ, а также писатель, драматург и путешественник. Действительный статский советник, чернский помещик, М.В. Лодыженский был человеком многогранным. В 1911 – 1915 гг. он издает в С.-Петербурге популярную мистическую трилогию «Сверхсознание и пути к его достижению» (1911), «Свет незримый» (1912) и «Темная сила» (1914). Опираясь на труды свв. Отцов Православной Церкви, житийную и святоотеческую литературу, а также ставшие известными в начале XX в. новейшие открытия науки, философию и психологию, автор делает здесь попытку сравнения Божественной мистики Православной Церкви с мистикой различных христианских и нехристианских лжеучений и сект.

Труд М.В. Лодыженского заслужил высокую оценку многих видных иерархов Русской Православной Церкви. Вниманию читателя предлагается глава из книги «Свет незримый», посвященная христианской молитве.

Епископ Феофан Затворник, который перевел на русский язык многих авторов «Добротолюбия» и редактировал этот сборник, предельно отчетливо выразил присущее подвижникам отношение к молитве в следующих словах:

«Действие молитвы у святых отцов было признаком жизни духовной, и они именовали ее дыханием духа. Есть дыхание в теле — живет тело, прекратится дыхание — прекращается жизнь. Так и в духе. Есть молитва — живет дух, нет молитвы — нет и жизни в духе»[1]. Епископ Феофан, в сущности, повторил сказанное еще в пятом веке св. Иоанном Златоустом. «Если ты лишишь себя молитвы, — говорил он, — то сделаешь то же, что вынешь рыбу из воды, ибо как этой жизни вода— так тебе молитва»[2].<...>

Хотя, как говорил упоминавшийся нами в XI главе св. Исаак Сириянин, молитвою можно назвать «всякую беседу к Богу, совершаемую втайне, или даже всякое размышление человека о духовном», тем не менее христианские подвижники, помогая христианам вершить молитвенный труд, предложили им образцы тех молитв, которыми сами обращались к Богу. Молитвы эти вошли в наше богослужение. Вникая в их содержание, мы изумляемся не только глубине религиозного чувства, но и красоте молитвословий. А.С. Пушкин однажды переложил в дивные стихи молитву св. Ефрема Сириянина, но перевод этот все-таки слабее, чем славянский подстрочник (с греческого). Приводим для сравнения оба текста.

Славянский текст: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми.

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

А вот перевод Пушкина:

Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Для полного представления о глубокой вдохновенности молитв христианских подвижников укажем еще на некоторые из них; причем приведем на славянском языке и в подстрочном переводе со славянского на русский.

Вот одна из молитв св. Василия Великого по славянскому тексту:

«Господи Вседержителю, Боже сил и всякия плоти, в вышних живый и на смиренныя призираяй, сердца же и утробы испытуяй и сокровенная человеков яве предведый, Безначальный и Присносущный Свете, у Него же несть пременение, или преложения осенение; Сам, Безсмертный Царю, приими моления наша, яже в настоящее время, на множество Твоих щедрот дерзающе, от скверных к Тебе устен творим: и остави нам прегрешения наша, яже делом, и словом, и мыслию, ведением или неведением согрешенная нами, и очисти ны от всякия скверны плоти и духа. И даруй нам бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящаго жития нощь прейти, ожидающим пришествия светлаго и явленнаго дне Единороднаго Твоего Сына, Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в оньже со славою Судия всех приидет, комуждо отдати по делом его: да не падше и облениившеся, но бодрствующе и воздвижени в делание обрящемся готови, в радость и Божественный чертог славы Его совнидем, идеже празднующих глас непрестанный, и неизреченная сладость зрящих Твоего лица доброту неизреченную, Ты бо еси истинный Свет, просвещаяй и освещаяй всяческая, и Тя поет вся тварь во веки веков. Аминь».

Подстрочный перевод той же молитвы: «Господь Вседержитель! Господь сил и всякой плоти (всего материального)! Живущий в высших и Снисходящий до смиренных, Испытывающий сердца людей и Провидящий тайны их, Безначальный и Бесконечный Свет, Который никогда не изменяется, — Сам, Царь Бессмертный, прими нашу

молитву, которую мы приносим ныне нашими грешными устами, дерзая на множество Твоих щедрот. Прости нам наши прегрешения, совершенные нами делом, словом или мыслью, сознательно или по неведению, и очисти нас от всего скверного в плоти и духе. Даруй нам, чтобы мы с бодрствующим сердцем и трезвенною[3] мыслью провели всю ночь этой жизни в ожидании того светлого дня, когда со славою придет Судья всех, Единородный Твой Сын, Господь и Бог и Спаситель наш Иисус Христос, каждому воздать по его делам, чтобы мы тогда оказались не падшими и обленившимися, но бодрствующими и готовыми на подвиг, чтобы мы вошли тогда в радость и Божественный чертог Его славы, где непрерывно звучат радостные голоса и где невыразимо блаженствуют те, кто видит неизреченную доброту лица Твоего, ибо Ты истинный Свет, Который все просвещает и освящает, и Тебя воспевает вся тварь во веки веков. Аминь».

Нельзя не признать необыкновенной красоты этой молитвы и поэтически выраженного религиозного чувства в ней, в особенности (по нашему субъективному впечатлению) это чувствуется в словах — «чтобы мы вошли тогда в радость и Божественный чертог Его славы, где непрестанно звучат радостные голоса и где невыразимо блаженствуют те, кто видит неизреченную доброту лица Твоего». Место это в славянском тексте звучит куда сильнее; мы же не нашли подходящих слов в родном для нас русском языке.

А вот другая молитва, мало уступающая приведенной, — св. Макария Великого, которую он ежедневно читал перед сном.

Славянский текст: «Боже вечный и Царю всякаго создания, сподобивый мя даже в час сей доспети, прости ми грехи, яже сотворих в сей день делом, словом и помышлением, и очисти, Господи, смиренную мою душу от всякия скверны плоти и духа. И даждь ми, Господи, в нощи сей сон прейти в мире, да востав от смиреннаго ми ложа, благоугожду пресвятому имени Твоему во вся дни живота моего, и поперу борющия мя враги плотския и безплотныя. И избави мя, Господи, от помышлений суетных, оскверняющих мя, и похотей лукавых. Яко Твое есть царство, и сила и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Русский подстрочник: «Боже вечный и Царь всякого создания, сподобивший меня дожить до настоящего часа, прости мне мои грехи, которые я совершил в настоящий день делом, словом и помышлением. Очисти смиренную мою душу от всего скверного в теле и духе и дай мне мирно почивать эту ночь, чтобы, вставши от тихого моего ложа, я был бы благоугоден Твоему пресвятому имени, и чтобы так продолжалось в течение всей моей жизни, чтобы я побеждал нападающих на меня врагов плотских и бесплотных. И избавь меня от суетных помышлений, оскверняющих меня, и лукавых соблазнов, ибо Твое есть царство и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веке веков. Аминь».

В приведенных нами трех молитвах — св. Ефрема Сириянина, св. Василия Великого и св. Макария Великого, — представляющих собою развитие начал, вложенных в молитву Господню, содержатся следующие главные элементы молитвы вообще:

1. Мысли и представления о Боге Вседержителе, о Его свойствах, мысли о счастье ощущать Бога, стремление созерцать Его Божественную красоту.

2. Мысли о своем несовершенстве, то есть стремление к чувству смирения, мысли и воспоминания об уклонении от правильного пути делом, словом или помышлением, что есть, в сущности, сознание грехов своих и раскаяние в них.

3. Обращение к Высшей Божественной Силе с просьбой (мольбой) помочь в борьбе со страстями, помочь в укреплении решимости не повторять грехопадений.

Все эти элементы суть те самые, на которые указывает св. Василий Великий, говоря о молитве: «Восславь Бога, исповедуй Ему свои грехи и испрашивай у Него потребного тебе, наипаче в деле спасения твоего».

Помимо этого, св. Василий Великий указывает еще на необходимость благодарить Бога за все Его благодеяния. Поэтому во многих молитвах, принятых нашей Церковью, звучит горячо и проникновенно чувство благодарности Богу.

Христианские подвижники придавали молитвенным упражнениям громадное значение. Вникая в смысл приведенных выше молитв, мы видим, что они совмещают в себе и акт христианского покаяния, переплавляющего, по св. Ефрему Сириянину[4], чувства сердца («принимает в себя медь и претворяет ее в золото»), и упражнения в смирении, в неосуждении ближнего, что несомненно пробуждает чувство любви к этому ближнему. Христианские подвижники были глубокими психологами. Во многих трудах их мы находим указание на тесную зависимость между силою молитвенного подвига и возрастанием в человеке чувства смирения, страха Божия и веры в благодать. Так, св. авва Дорофей свидетельствует, что возрастание этих качеств в человеке развивает усердие к молитве: не перестает всегда молиться Богу тот, кто знает, что не может ничего без помощи Божией (вера в благодать Божию), и кто через такое знание склоняет себя к смирению. Человек, молящийся Богу, все свои успехи объясняет помощью Божией, всегда призывает Его в молитве, «трепеща (страх Божий), как бы ему не лишиться таковой помощи»[5]. С другой стороны, христианские подвижники постоянно упоминали о том, что, в свою очередь, глубина молитвы способствует развитию вышеупомянутых духовных качеств человека, т. е. смирения, благоговения перед Богом, любви к ближнему и т. д. Так, св. Исаак Сириянин утверждает, что, «когда человек дойдет до той степени, что сердце его действительно исполнится веры[6], тогда ему открывается, что все множество духовных благ делается для него доступным молитвою»[7]. «От чистой молитвы рождается смиренномудрие», — говорит св. Максим Исповедник[8]. Наконец, главный результат молитвы, как поучает св. Макарий Великий, — воспламенение любви к Богу. «Кто ежедневно принуждает пребывать себя в молитве, тот духовною любовью к Богу воспламеняется»[9].

По мысли христианских подвижников, выше молитвы только одна любовь. Св. Иоанн Лествичник замечает: «Бывает, что, когда стоим на молитве, встречается дело благотворения, не допускающее промедления. В таком случае надо предпочесть дело любви. Ибо любовь больше молитвы, так как молитва есть добродетель частная, а любовь объемлет все добродетели»[10].

В заключение этих общих указаний христианских подвижников на значение молитвы приведем еще одну выписку — из трудов св. Исаака Сириянина, где он в возвышенных, исполненных поэзии выражениях воздает должное молитве, отгоняющей духа уныния[11], упорнейшего из всех:

«Когда случится, что душа твоя внутренне исполняется тьмою... ты не смущайся мыслью, но терпи... принуждай себя к молитве и жди помощи. Она придет скоро, чего и не узнаешь ты. Ибо, как лицо земли открывается солнечными лучами от объемлющей землю воздушной тьмы, так молитва может истреблять и рассеивать в душе облака страстей и озарять ум светом веселия и утешения»[12].

Думаем, что всех этих цитат достаточно, дабы иметь ясное представление о том, как воспринимали подвижники молитвенное служение, молитвенный подвиг.

Но для того, чтобы молитва была действенной, реальною силой, спасающей и воскрешающей человека, она должна стать бескорыстною, чтобы человек стремился к чистой молитве, т. е. к молитве, не затемненной эгоистическими желаниями и страстями.

Св. Иоанн Златоуст говорит об этой молитве: «Быть услышанным от Бога зависит от того, если мы не просим ничего житейского»[13].

Св. Кассиан Римлянин толкует слова молитвы Господней «хлеб наш насущный даждь нам днесь» в том же ключе — не как просьбу о даровании хлеба для пропитания, а как прошение у Бога благодати Его, как прошение о духовной пище. Он переводит греческое слово этой молитвы словом «над-сущный», т. е. возвышающийся над всеми сущностями, «каковым может быть только хлеб, сшедший с небес»[14].

О необходимости чистой молитвы мы читаем у св. Феодора Едесского. «Во всяком искушении, — говорит он, — и во всякой брани молитву имей непобедимым оружием и победишь благодатию Христовой, но да будет она чиста»[15]. «Достоин всякого порицания тот, — вторит ему Нил Синайский, — кто, любя истинную молитву, гневается или злопамятствует, ибо он похож на того, кто желает остро смотреть, а между тем запорошивает свои глаза»[16]. «Не может чисто молиться тот, — свидетельствует Илья Екдик, — кто одержим корыстолюбивою и честолюбивою страстью. Ибо пристрастье к сим вещам и суетные помыслы опутывают такого, как ветвями, и во время молитвы совлекают его долу, как бывает с привязанною птицею, когда она покушается подняться на воздух»[17].

В своих рассуждениях о молитве христианские подвижники отнюдь не ограничиваются оценкой ее роли в жизни христианина; из их сентенций можно извлечь массу поучений и предостережений, необходимых в молитвенном подвиге.

Так, св. отцы предлагают:

1) советы, предостерегающие начинающих подвижников от опасных увлечений в молитве, могущих вовлечь в «прелесть»;

2) указания на различные виды и степени молитвы;

3) советы, как развить в себе духовную молитву, т. е. достичь в молитве того таинственного единения с Богом, о котором говорит Климент Александрийский в своих «Строматах»[18].

Прежде чем заняться этими сторонами молитвенного делания, укажем на одно общее положение: молитва изменяется и совершенствуется, как правило, очень медленно, в зависимости от степени нравственного преуспеяния подвижника или всякого христианина, отдавшегося молитвенному подвигу. Верующий, живущий в миру, жизнью большинства смертных, далеко не сразу достигнет высших степеней молитвы, даже если он всей душой жаждет Божественной благодати, жаждет сияния того Солнца правды, к Которому стремится. Случаи, когда духовное наитие совершается вдруг, без всяких усилий со стороны человека, как нечто внезапное и ошеломляющее, можно рассматривать как исключительные. Обычно духовные цели, по Вильяму Джеймсу достигаются путем постоянных усилий, постоянной работы над собственным духовным возрождением. Медленно, часть за частью строится новое здание нравственных и духовных привычек[19]. В числе этих привычек и привычка к молитве приходит постепенно, после многих, как уверяют подвижники, молитвенных трудов. Как плод этот общей работы очищения и совершенствования себя дается человеку высшее созерцательное состояние в молитве. «Не ищи прежде времени того, что будет в свое ему время, ибо и доброе не добро, если не добре делается», — учат подвижники-иноки Каллист и Игнатий[19]. «Да не обольщает нас горделивое усердие, побуждая прежде времени искать то, что придет в свое время», — мнение св. Иоанна Лествичника[20]. Наконец, блаженный Каллист Патриарх в своем трактате; «О молитве» говорит о том же в форме строгого поучения: «Покушение тех, которые прежде времени взыскивают того, что бывает в свое время, и тщатся насильно протесниться в пристань бесстрастия (состояние, равнозначащее высшему созерцательному состоянию), без должного к тому приготовления, святые отцы называли умоисступлением. Ибо не знающему букв невозможно читать книгу»[21].

Приступая к изучению указаний подвижников относительно заблуждений в молитвенном делании, а также относительно степеней молитвы, выясним сначала значение некоторых терминов, встречающихся в сочинениях подвижников. Выясним прежде всего, что понимают подвижники под словами «настоящая молитва и несовершенная молитва» и каким условиям должна удовлетворять правильно поставленная молитва.

Чтобы понять разницу между настоящей молитвой и молитвой несовершенной, нужно вспомнить, какое значение придают христианские подвижники сердечным движениям человека, его добрым или злым чувствам, — одним словом, его сердцу. Мы уже говорили об этом, причем достаточно подробно, в одиннадцатой главе. Между прочим, из приведенных там рассуждений епископа Феофана о жизни ума человеческого и жизни сердца следовало, что если человек живет умом, но не сердцем, такая жизнь не есть жизнь настоящая. Так и молитва, по словам епископа Феофана, если она движется «в умственных только представлениях», не есть настоящая молитва. В другом месте Феофан разъясняет: «Молитва бывает умовая, или мысленная, и бывает молитва сердечная, молитва чувства. Первая одна никогда не бывает чистой и невозмутимою. Только чувство может сообщить молитве сии качества, когда сердце исполнено бывает каким-либо религиозным чувством[22]. Это Бог дает, но и самим надо стараться вводить сердце в такие чувства», — добавляет он[23].

А вот как видит настоящую молитву прп. Симеон Новый Богослов: «Ум да хранит сердце в то время, когда молится, и внутрь его да вращается неотходно и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы Богу. В этом все. Трудись, пока не вкусишь Господа..».[24] «Не словом только надо молиться, но и умом, и не умом только, но и сердцем, — вразумляет Никодим Святогорец[25]. — Да ясно видит и понимает ум, что произносится словом, и сердце да чувствует, что помышляет при сем ум. Все сие в совокупности и есть настоящая молитва, и если нет в молитве

твоей чего-либо из сего, то она есть или несовершенная молитва, или совсем не молитва».

Из вышеприведенных изречений со всей очевидностью следует, что настоящая молитва есть такая молитва, в которой принимает участие не только мысль человека, но главным образом его чувство; не столько мозг, сколько сердце.

Молитва несовершенная, с которой многие начинают свой путь молитвенного подвига, может быть, конечно, более или менее близкой к настоящей, совершенной молитве, о которой говорят подвижники. Правда, всякую молитву, если она хотя бы немного трогает сердце, можно назвать правильно поставленной и потому благодетельной для души; такую молитву остается лишь развить молитвенным подвигом и подвижническою жизнью. Но есть другой род несовершенной молитвы, от увлечения которой авторы «Добротолюбия» всячески предостерегают. Это молитвы, исполненные экзальтации, вызываемые усилиями воображения, или такие, где все построено на работе либо борьбе мысли. В трактате «О трех образах молитвы» прп. Симеон Новый Богослов очерчивает два образа такой несовершенной молитвы[26].

Отличительные свойства первого образа, говорит св. Симеон, таковы: «Когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои и очи свои и ум свой, держит в уме Божественные помышления, воображает блага небесные, чины ангелов... и во время молитвы, зря на небо, извлекает даже слезы и плачет, то при этом образе есть опасность, что молящийся мало-помалу начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая. Ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит Бога сподобить его пребывать в таком делании. А это есть знак прелести, ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует сделано» (т. е. от чистого, смиренного сердца, без мысли о своей святости и своем совершенстве). «Такой человек, — говорит далее св. Симеон, — если убезмолвится крайним безмолвием (т. е. сделается затворником), то ему едва ли можно не исступить из ума...[27] На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовоние обонянием своим, слышат гласы ушами своими», — и т. п. Далее св. Симеон говорит о прелести диавольской; его рассуждения на сей счет мы приводили в IX главе нашей книги[28].

Второй образ, по св. Симеону, таков: «Когда кто сводит ум свой внутрь себя (т. е. сосредоточивает свою мысль), отвлекая его от всего чувственного, хранит чувства свои, собирает все помыслы свои, чтобы не скитались по суетным вещам мира сего — и то исследует помыслы свои, то вникает в слова читаемой молитвы, то возвращает назад помыслы свои, если они, быв пленены диаволом, унеслись к чему суетному и худому... Отличительная черта сего дела та, что оно происходит в голове: мысли с мыслями борются»… «Такой человек, – говорит далее св. Симеон, — подобен ведущему брань с врагами своими ночью в темноте, который слышит голоса врагов своих, принимает удары от них, но не может ясно видеть, кто они такие, откуда пришли, как и для чего бьют его. Потому что сам он пребывает в голове, а помышления злые исходят из сердца, он и не видит их, так как не внимает сердцу..»., т. е. не ощущает источника, откуда идут недобрые помышления, и не отражает зла молитвенными чувствами — смирением, чувством благоговения перед Богом, сердечным сокрушением о грехах, искренним желанием исправиться и т. п.

Впрочем, добавляет св. Симеон, этот второй образ молитвы лучше первого, «как лучше ночь лунная ночи темной, в которую не светит луна».

После выяснения главных условий, каким должна удовлетворять правильно поставленная молитва, перейдем к изучению видов и степеней молитвы, руководствуясь сочинениями христианских подвижников.

Так, авторы«Добротолюбия» различают два вида правильной молитвы: правильные молитвы, для всех доступные и особые духовные молитвы, доступные людям, достигшим совершенства.

Различие между правильной общедоступной молитвой и особой духовной молитвой кроется в следующем.

Общедоступная правильная молитва есть доступная каждому человеку молитва, в которой участвуют ум и сердце.

Молитва духовная есть состояние особое, начальная фаза которого характеризуется следующими словами Симеона Нового Богослова: «Ум да хранит сердце... и оттуда, из глубины сердца, да возносит молитвы к Богу... Трудись так, пока не вкусишь Господа»... Вот эти слова — «пока не вкусишь Господа» — полнее всего раскрывают суть духовной молитвы — состояния, трудно определимого в наших рассудочных терминах. Чтобы хоть немного передать его ученику, св. Симеон Новый Богослов добавляет: «Когда же наконец ум[29] там, внутри сердца, вкусит и чувством ощутит, яко благ Господь, и усладится тем, тогда не захочет уж он отдаляться от места сердечного».

Эту высшую духовную молитву рассмотрим чуть ниже, теперь же поговорим о видах общедоступной молитвы и об одном из главных условий ее действенности — сосредоточенности в молитве.

Виды общедоступной правильной молитвы суть следующие:

1) Молитвенное размышление. Мы уже приводили суждение св. Исаака Сириянина о том, что «всякая беседа к Богу, совершаемая в тайне, всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном установляется молитвою и нарицается именем молитвы». Отсюда следует, что молитвенное размышление есть один из видов молитвы. Но само собою разумеется, это молитвенное размышление, или, как говорит св. Исаак Сириянин, попечение доброго ума о Боге, не может сводиться к работе мысли; согласно с основным учением подвижников, оно требует участия сердца.

2) Обыкновенная молитва — наиболее распространенная, составляющая основу христианских молитвословов. Епископ Феофан говорит о ней следующее: «Имей молитвенное правило с благословения духовного отца твоего — небольшое, такое, которое мог бы ты исполнить неспешно при обычном течении твоих дел». Образцы таких молитв мы привели выше, в начале главы.

3) Высшая ступень общедоступной молитвы как преддверие молитвы духовной сопровождается особым благодатным молитвенным настроением, чувством умиления и слезами.

Как на одно из главных условий совершенствования в молитве (помимо тех, о которых мы говорили выше) христианские подвижники указывают на сосредоточенность, притом не столько мысленную, сколько сердечную, ибо прежде всего из сердца исходит молитвенное чувство. Св. Кассиан Римлянин поучает: «Паче всего относительно

молитвы надлежит исполнять нам евангельскую заповедь, чтобы мы молились Отцу Небесному, вошедши в свою клеть и затворив двери... при запертых дверях молимся, когда с закрытыми устами молча молимся Испытующему не слова, а сердца. В сокровенном месте молимся, когда только сердцем и внимательным умом приносим свои прошения»[30]. «Приступающие ко Господу, — говорит св. Макарий Великий, — должны свершать молитвы в безмолвии, мире и великом покое и внимать Господу не с воплями непристойными и смешанными, но с томлением сердца и трезвенными помыслами... Душа под грехом уподобляется как бы большому лесу на горе, или тростнику на реке, или какой-нибудь чаще терний и дерев... Так и душу окружает целый лес помыслов, внушаемых сопротивною силою»[31]. «Хочешь ли молиться нерассеянно? — спрашивает св. Ефрем Сириянин. — Сделай, чтобы молитва твоя исходила из глубины души. Как дерева, пустившие корни вглубь, не могут быть вырваны, так и молитвы, воссылаемые из самой глубины души... никакое приражение помысла не может совратить..».[32]

Непрестанное упражнение в молитве, при возможном соблюдении всех вышеуказанных условий, а именно — работы сердца, бескорыстия, чистоты и, наконец, сосредоточенности — приводит к тому, что молитва начинает совершенствоваться как бы сама собою. Рассудочная мысль человека, так называемый интеллект (малый разум), отходит на второй план. Человек отводит, отстраняет себя от житейского и отдается благодатному молитвенному настроению. На него находит так называемое умиление, о котором св. Кассиан Римлянин говорил так: «Иногда обнаруживается оно неизреченною некою радостью духовною, иногда погружает в глубокое молчание все силы и движения души, иногда изводит более или менее обильные слезы»[33]... Другой автор «Добротолюбия», св. Нил Синайский, определяет состояние умиления следующим образом: «Когда ум твой, пламенея желанием к Богу, мало-помалу как бы отрешается от плоти, и отвращается от всех помышлений, исходящих чувственных впечатлений или из памяти, будучи вместе с тем полон благоговения и радования, тогда заключай, что он приблизился к пределам молитвы»[34].

Остановимся на этих словах св. Нила Синайского.

При сопоставлении их с тем, что говорят о молитве другие подвижники (напр., св. Симеон Новый Богослов, которого мы цитировали выше), становится очевидно, что св. Нил Синайский изображает состояние, при котором пройдены все ступени общедоступной молитвы, и молящийся подошел к высшему ее пределу; он в преддверии того созерцательного состояния в молитве, которое св. Симеон Богослов определяет двумя поразительными словами: «вкусить Господа».

Это созерцательное состояние, находящее лишь на немногих, переступивших границы обыкновенной молитвы, называется у подвижников особыми терминами. Одни называют его духовной молитвой, другие — умною молитвой, третьи — молитвою совершенных. Называется это состояние еще и пламенной умной молитвой, а также молитвой сердцем.

Из всех этих названий мы избрали термин духовная молитва, ибо он наилучшим образом определяет, что при такой именно молитве раскрывается высшее духовное начало человека, раскрывается его духовное сверхсознание.

О созерцательной духовной молитве мы будем говорить подробно в следующей главе, здесь же хотя бы вкратце определим, что, собственно, представляет собою эта молитва (в нашем понимании).

Обобщая все сказанное подвижниками о созерцательной духовной молитве, мы пришли к следующим выводам. Упражняясь в молитве и доходя до высшей ее ступени, человек проникается особым молитвенным настроением — состоянием молитвы без слов и без всякого участия в ней рассудочной мысли (интеллекта, или малого разума), проникается состоянием, когда молитва творится исключительно в сердце, и творится уже как бы помимо молящегося, собственной силой. Высшие силы подхватили человеческую душу; она уже в другом мире, объятая волною духовного сверхсознания... Великие христианские мистики объясняют такое состояние тем, что здесь животворит уже не земной человек, а Сам Господь. Вот подлинные слова апостола Павла, определяющие это состояние: «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными».[35]

Примечания:

[1] Епископ Феофан. «Четыре слова о молитве». Москва, 1904, стр. 4.

[2] «Добротолюбие» V, стр. 344.

[3] Мы не нашли в русском языке выражения, соответствующего славянскому слову трезвенный, поэтому оставили его как есть. Трезвенную мысль мы в данном случае понимаем как мысль, не дремлющую в смысле духовном, в смысле памяти о Боге, в смысле самонаблюдения и отогнания от себя греха. См. о трезвении ниже, в главе XIV.

[4] Глава XII, стр. 380.

[5] «Добротолюбие», II, 607.

[6] Т. е. достигнет веры, прошедшей через религиозный опыт, иначе говоря, достигнет веры опытной. См. выше, глава XII, стр. 379.

[7] Добротолюбие», II, стр. 724.

[8] Добротолюбие», III, стр. 211.

[9] «Добротолюбие», 1, стр. 215.

[10] «Добротолюбие», II, стр. 506.

[11] «Добротолюбие» II, стр. 725, 726.

[12] Об унынии, преследующем подвижников, смотри выше, глава IV, стр. 120. Избранные беседы св. Иоанна Златоуста, «Золотое слово», Петроград, 1907 г., стр. 108.

[13] Избранные беседы св. Иоанна Златоуста, «Золотое слово», Петроград, 1907, стр. 108.

[14] «Добротолюбие», II, стр. 135.

[15] Добротолюбие», III, стр. 325, 326.

[16] «Добротолюбие», II, стр. 215.

[17] «Добротолюбие», III, стр. 439.

[18] См. выше, глава XI, стр. 324.

[19] См. выше, глава XI, стр. 330.

[20] Добротолюбие», V, стр. 380.

[21] «Добротолюбие», II, стр. 508.

[22] «Добротолюбие», V, стр. 4

[23] Напр., чувством смирения, чувством благоговения, чувством любви.

[24] Епископ Феофан. «Примеры записывания добрых мыслей». Москва, 1896 г., стр. 40.

[25] «Добротолюбие» V, стр. 467.

[26] «Невидимая брань», Москва, 1909 г., стр. 193, 194.

[27] «Добротолюбие» V, стр. 463—464.
[28] Против подобной экзальтированной, построенной на воображении молитвы восстают и другие подвижники «Добротолюбия». Так, св. Нил Синайский говорит:«Отнюдь не желай и не ищи увидеть во время молитвы какой-либо лик или образ, или Христа, чтобы с ума не сойти, приняв волка за пастыря и поклонившись врагам — демонам» («Доброголюбие», II, стр. 221) «Сам от себя не строй воображений», — поучает прп. Григорий Синаит (см. выше, глава VI, стр. 188). По поводу приведенных суждений подвижника об экзальтированной молитве следует заметить, что они имеют, так сказать, принципиальное значение, ибо здесь кроется главное отличие мистицизма Греко-Восточной церкви от мистицизма католического. В католичестве такие руководства, как, напр., духовные упражнения Игнатия Лойолы, советуют, наоборот, для освобождения подвижника от власти ощущений вызывать в своем воображении путем постепенных усилий сцены из жизни святых.
[29] См. выше, стр. 275 и 276.
[30] Слово «ум» применено здесь не в смысле интеллекта, а в смысле высшего духовного «я» человека (Большой разум).
[31] «Добротолюбие», II, стр. 139
[32] «Добротолюбие», I, стр. 216.
[33] «Добротолюбие», II, стр. 477. В дополнение к этим изречениям св. подвижников о нерассеянной, сосредоточенной молитве следует указать на один прием, рекомендованный для поддержания сосредоточенности в молитве. «Иное слово читаемой молитвы, — говорит епископ Феофан, — так сильно подействует на душу, что душе не будет хотеться простираться более в молитвословии и, хотя язык читает молитвы, мысль отбегает назад к тому месту, которое так подействовало на нее. В таком случае остановись, не читай далее, а постой вниманием и чувством на том месте, попитай им свою душу или теми помышлениями, которые он будет производить. И не спеши себя отрывать от этого состояния; так что если время не терпит, оставь лучше недоконченным правило, а этого состояния не разоряй» («Четыре слова о молитве». Москва, 1904 г., стр. 8).
[34] «Добротолюбие», II, стр. 137.
[35] «Добротолюбие» II, стр. 214,
[36] Послание к Римлянам. VIII, 26.

Елена Ширнина

ТРИОДЬ ПРОЦВЕТШАЯ

Простившись с зимой по старинке
Хромой ковыляет февраль.
Навстречу по скользкой тропинке
Пост шествует – черный стихарь.

Стоят тополя как колонны,
Вдоль храмовой площади в ряд.
А в церкви земные поклоны
С молитвой Ефрема творят.

Храня православию верность,
Его воспоем торжество.
С неделей расстанемся первой –
Потщимся идти до шестой.

От Крестопоклонной недели
Пройдя середину пути,
До Пасхи, обещанной цели,
С молитвою будем идти.

Над озером мартовским, чистым
Узрим непалимый костер –
Страдальцам Господь Севастийским
Венцы за терпенье простер.

Смиреннейшее Благовещение,
Господень Вход в Иерусалим
Восславим архангельской песнью –
Возрадовавшись восскорбим.

Страстной Понедельник. Отсюда
До Пасхи рукою подать.
Замыслил лукавый Иуда
Христа иудеям предать.

Слезами омывшись, приступим
От Чаши вкусить благодать.
В путь Крестный за Господом вступим.
Но сможем ли рядом страдать?..

Лежит Плащаницей повитый
Великой Субботы Покой.
Десницы, грехами пробитой,
Коснусь дерзновенной рукой.

Я в полночь путь выбрала тесный.
Хоругви… Хор тихо поет
Глас третий стихиры Воскресной,
Ход крестный вкруг храма идет.

У обетованья в преддверьи
Безмолвно крестится народ.
Путь долгий до Пасхи отмерив
Мир радость обрящет вот-вот.

«Воскресе Христос!» На мгновенье
Мир замер объят тишиной.
«Воскресе воистину!» Пенье
Плывет над воскресной землей.

Март 1996 г., Рощино

Свт. Николай (Велимирович)

СВЯТОЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР – КРЕСТИТЕЛЬ РУССКИХ*

Наши братья русские празднуют сегодня свой праздник. Они славят великого и святого мужа, почившего в Господе 917 лет назад. <...>

Этот сегодняшний праздник русский можно назвать и религиозным, и национальным, и государственным, и культурным. Ибо святой русский князь Владимир заложил краеугольный камень в основание, на котором воздвигнута девятисотлетняя палата русской веры, русской нации, русского государства и русской культуры. Он — духовный родоначальник народа русского.

Думаю, что все южные славяне, а сербы прежде всего, должны сердцем и душой принять участие в этом праздновании наших русских братьев. Ибо совесть наша заставляет нас плакать, когда русские плачут, и радоваться, когда русские радуются. Велик долг наш перед Россией. Может человек быть должен человеку, может и народ народу. Но долг, которым Россия обязала сербский народ в 1914 году, настолько огромен, что его не могут возвратить ни века, ни поколения. Это долг любви, которая с завязанными глазами идет на смерть, спасая своего ближнего. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», — это слова Христа. Русский царь и русский народ, неподготовленными вступая в войну за оборону Сербии, не могли не знать, что идут на смерть. Но любовь русских к братьям своим не отступила пред опасностью и не убоялась смерти. Посмеем ли мы когда-нибудь забыть, что русский царь с детьми своими и с миллионами братьев своих пошел на смерть за правду сербского народа? Посмеем ли мы умолчать перед небом и землей, что наша свобода и государственность стоят России больше, чем нам? Мораль мировой войны, неясная, сомнительная и с разных сторон оспариваемая, являет себя в русской жертве за сербов в евангельской ясности, несомненности и неоспоримости. А мотив самоотвержения, неземное нравственное чувство при жертве за другого — не есть ли это прилепление к Царствию Небесному? Русские в наши дни повторили косовскую драму[1]. Если бы царь Николай прилепился к царству земному, царству эгоистических мотивов и мелких расчетов, он бы, по всей вероятности, и сегодня сидел на своем престоле в Петрограде. Но он прилепился к Царствию Небесному, к царству небесных жертв и евангельской морали; из-за этого лишился головы и он сам, и чада его, и миллионы собратьев его. Еще один Лазарь и еще одно Косово! Эта новая косовская эпопея открывает новое нравственное богатство славян. Если кто-то на свете способен и должен понять это, то сербы могут, и обязаны это понять.

Но подобная мистерия прилепления к Царствию Небесному, т. е. к тому, что в данный момент в глазах мира является худшим выбором, проявлялась в русской истории не однажды и не только в наше время. Это долгий процесс, пронизывающий всю историю русского народа от святого Владимира до сегодняшнего дня.

Князь Владимир первый с народом русским прилепился к Царствию Небесному. С народом, говорю я, ибо и до него прилеплялись отдельные личности Небесному Царству — тут и его бабка Ольга, и киевские мученики Феодор и Иоанн и другие. Но Владимир первый пошел путем Креста со всем народом своим. Это не могло произойти без великой внутренней борьбы в самом Владимире, без много большей душевной борьбы, чем у косовского Лазаря и у последнего царя русского. Ведь они, будучи крещеными и воспитанными в христианском духе людьми, должны были просто выбрать, оставаться или не оставаться им до конца на привычном уже пути христианского жертвования, тогда как язычник Владимир, сын отца, прозванного «диким вепрем», должен был решиться на совершенно новый, на Руси дотоле неведомый и неисхоженный путь. Он, никогда не отказывавший себе ни в одном земном удовольствии, доходивший до предела разврата, необузданной кровожадности, грабежа, местелюбия, — он должен был умереть старой душой и начать жить новой. По глаголу Христа: «Потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее». Решиться на смерть душевную, я считаю, тяжелее и героичнее, чем на смерть телесную. Ибо смерть душевная, на которую решился распутный князь киевский, означала не смерть мгновенную и однократную, но смерть повседневную и многую. По словам апостола Павла: «Я каждый день умираю братия». Принимая веру христианскую, Владимир знал, что принимает и самую тяжелую из трех предложенных ему вер. Летописцы сообщают, что он долго расспраши-

---

* Проповедь произнесена на праздник дня св. Владимира 15/28 1932 г. в Белграде.

[1] Косовская битва (1389 г.), чье 600-летие широко отметил не так давно сербский народ, явилась переломным моментом в покорении Сербии турками. Сербия, подобно древней Руси, приняла на себя удар восточного варварства, от которого защитила Европу. Драматизм битвы в том, что сербский князь Лазарь, зная, что идет на верную смерть (сербское войско насчитывало около 35 тысяч, а турецкое — свыше 100 тысяч воинов), не колеблясь выступил за правую веру и вначале добился даже успеха, но затем был взят в плен и убит *(прим. перев.)*.

вал, прежде чем решился. Он знал, что христианская вера означает путь Креста, и что путь Креста означает прежде всего поставить крест на своем дурном прошлом, на тряпье старых привычек, на своей старой душе. И знал он, что недостаточно будет просто стащить веревками с киевского холма Перуна и утопить его в Днепре, но что и сам он, и каждый подданный его должен будет выкинуть всех идолов из своей души. А идолы славянские, — увы! – как и любые идолы, были вымечтанными земными богами, величайшими ничтожествами под громчайшими именами, тупыми и немыми агентами царства земного, привязывавшими людские души к земле, обещавшими лишь земное царство, земное обманчивое счастье, которого никто никогда в глаза не видел. Идолопоклонство славянское, с центром в Киеве, делало славян самым диким народом Европы. Каков был в язычниках Владимир, таковы были и русские славяне: мрачная орда грабителей, разбойников, обжор, пьяниц, разрушителей. Которые вдов сжигали живьем. Которые идеалам своим приносили в жертву закланных младенцев. То был страх и трепет для культурных народов, особенно для самой культурной из них, Византии. Наибольшим удовольствием для славян было разрушение того, чего они не создали, и ограбление того, чего они не заработали. Какая сила под солнцем могла из этой мрачной орды сотворить народ, приручить его, переродить, преобразить, воскресить и дать ему душу святую вместо души звериной? Единственно сила веры Христовой могла совершить с русскими это неземное чудо. Она из Владимира-волка сделала Владимира-ягненка. Недавний женоманьяк, Владимир распустил свой гарем и начал жить целомудренно. Владимир — обжора и пьяница начал поститься, причем поститься до изнеможения, — он, посмеявшийся над верой исламской, когда услышал, что она запрещает свинину и вино! Владимир-кровопийца начал обходить больницы и тюрьмы, раздавая милостыню и утешение. Владимир — ночной игрок и весельчак начал проводить ночи в слезных молитвах, в коленопреклонении и отбивании поклонов, в размышлениях о суде Божием и своей душе. Владимир-бесстыдник стал стыдливее девушки. Владимир-палач превратился в кроткого, раскаянного и милостивого самарянина. Словом, Владимир-идолопоклонник преобразился в христианского святого. Словно на некоей стене стерли изображение демона и написали изображение ангела! Куда большее чудо, чем вышедшая из гусеницы бабочка.

Св. равноап. князь Владимир, креститель Руси

Говорят, ни одного чуда не произошло на гробе святого Владимира. Но не сотворил ли сей избранный муж при жизни своей величайшее чудо над самим собой? Все чудеса, которые творят верою святые люди: исцеление от болезней, очищение от страстей, освобождение от пороков, вразумление сумасшедших, воскресение мертвых, – все эти чудеса совершил святой Владимир на самом себе. Если бы еще на гробе его случались чудеса, думаю, люди смотрели бы на него, как на бога, а не как на святого. Сам по себе переворот, происшедший в душе Владимира при его жизни, — столь великое чудо, что его невозможно приписать усилиям человека, но только лишь могуществу и милости Божией.

Кто-то может пуститься в исследование Промысла Божия и в недоумении вопрошать: отчего Бог избрал крестителем и переродителем русского народа именно такого человека, который первой половиной своей жизни превзошел во зле, кажется, всех своих языческих предков и современников? Как будто Тот, который гонителя Савла обратил в апостола веры Христовой, не знал, что делает, выбирая такого язычника, каким был Владимир, для важнейшей миссии в великом народе! Тяжело, правда, распознать все нити в тончайшей ткани Божиего промышления, но эта нить довольно ясна. Нужно было именно исправившегося грешника выставить пред всеми коленами русскими. Нужно было на пороге новой России поставить просветившегося язычника, чтобы он стоял подобно медному змию и примером своим наставлял, подбадривал и лечил оступившихся и павших русских во все грядущие времена. Самая лучшая рекомендация для любого лекарства — это исцеленный больной. Нужно было исцеленного князя киевского показать тем, кто болен, чтобы они с радостью приняли лекарство, давшее ему здоровье. Из всех чудес, что творит в мире вера Христова, самое полезное чудо — обращение грешника в праведника. И вот с этим на себе самом совершенным чудом стоит Владимир в воротах христианской Руси и словно кричит в уши каждому русскому: — «Я был ночь и превратился в день! Кем был ты? И во что ты превратился?»

«Владимир – красно солнышко». Так прозвал народ русский своего духовного родоначальника. Разумный и благодарный народ этими словами лучше всего отобразил личность крещеного князя-крестителя. Мрачная телесная масса превратилась в красное солнышко. Это воистину произошло с Владимиром. И Владимир оставался Красным Солнышком во всю минувшую историю народа русского, все эти девять столетий. Столетия сии изобилуют в России святыми мужами и святыми женами, чудотворцами — среди них и два сына Владимира, святые Борис и Глеб. Они исцеляли больных, освобождали бесноватых, воскрешали мертвых. Но все они должники святого Владимира. И всем им легче было сделаться святыми, нежели Владимиру, великому князю и великому богатею, который сквозь игольные уши должен был пролезать в Царство Небесное, не имея предшественников в святительском календаре своего народа.

Итак Владимир – необычный человек среди остальных великих людей и необычный святой среди святых.

Он – пионер святительства в русском народе, причем пионер державный, сделавший подлинное величие и святительство государственной программой. Удивительная государственная программа, которую нельзя претворить в жизнь, пока каждый гражданин не претворит ее на себе, по примеру самого Владимира! С этого державного святителя начинается новая Русь, новый народ, новый дух, новый путь, новая культура. Крестивши русский народ, святой Владимир долгую русскую ночь превратил в светлый русский день. Если бы кто-нибудь вывел подземную реку из-под земли, прорыл бы ей новое русло под солнцем и сделал бы ее полезной в сотнях отношений, то совершил бы дело подобное тому, что совершил Владимир с народом русским, — но намного более скромное и легкое. Мрачная языческая масса русская сделалась с течением времени «красным солнышком» среди народов. И мы можем воскликнуть: «Русский народ, красно солнышко!»

Если мы сейчас оглянемся на жизнь русского народа от святого князя Владимира до сегодняшнего дня, то увидим, что он шел по пути, на который вывел его дух и пример его крестителя. Поколение за поколением рождалось на русской земле; родившись, поставляемо было пред выбором одного из царств; выбирало Царство Небесное и отходило. Миллионы за миллионами являлись на свет, брали на себя крест Владимиров и, восклицая Христу: «Осанна!» – уступали место новым миллионам. Жатва Христова становилась все больше, все обильнее. Но это историческое течение жизни русской происходило не без застоев, не без колебаний и пыли. Случались и остановки, и поджидания немощных, усталых, и поиски заблудших, и очищения огрязших, как это обычно бывает с путниками. Река русской народной истории текла в определенном направлении — и это главное,— но иногда быстро, иногда медленно, порой же так тихо, что тяжело было определить, вперед ли течет или назад.

Вы слышали об удивительном психическом явлении у некоторых лиц, которые в минуту смертельной опасности способны увидеть, пересмотреть заново всю свою жизнь – с детства и до самого момента опасности. Я верю, что в сегодняшних смертельных кошмарах, сдавивших русский народ, хотя бы у некоторых русских должна была пройти перед глазами картина всего прошлого их народа — с киевского крещения до наших дней. И у нас, если бы мы попытались проанализировать тот невиданный ужас, что ныне завладел Россией, открылись бы глаза на русское прошлое за последние девять веков. Тогда бы мы увидели, что во всем своем течении до сегодняшнего дня, русская историческая жизнь рисуется классически ясной. Пред нами предстали бы шесть периодов русской истории от святого Владимира и доныне, а близок и седьмой период. Так и напрашивается сравнение этих семи периодов с семью таинствами Христовыми.

Первый период, период Владимира, соответствует таинству святого крещения. Он короток, но очень значителен в силу переворота в жизни русского народа, его вступления на новый путь и движения к определенной новой цели.

Второй период вытекает из первого и длится до монгольского ига. Этот период соответствует тайне миропомазания. В этот период народ лечился от остатков язычества и утверждался в крестном пути. Во всякой русской душе должно было произвести чудо перерождения совершенное с Владимиром, и в каждой душе особым образом поставить печать Царствия Небесного. А миропомазание как таинство и означает утверждение в вере с помощью дара Духа Святого.

Третий период протекал под игом монголов. Этот период соответствует тайне святого покаяния. Нагромоздившиеся за время свободной жизни грехи нужно было, как пыль, сдуть с души народной резким ветром рабства. Как на Руси под монголами, так и на христианских Балканах под турками! Замедлившуюся было реку жизни нужно было водрузить на склон, в каменное русло, чтобы течение ее ускорилось, чтобы она стала прозрачнее. В рабстве народ молчит, припоминает прошлое и кается. Рабство весьма положительно повлияло на то, что раз навсегда сделалось главной целью русской истории, намеченной ясно и твердо святым Владимиром. Цель эта — очищение духа от всего земного и прилепление к Царствию Небесному.

Четвертый период — с освобождения от монгольского ярма до царя Петра. Освобождение началось Куликовской битвой, случившейся за девять лет до Косовской битвы, что принесла рабство сербскому народу. Этот светлый период свободы у русских соответствует святому таинству брака. Душа народная, очищенная страданием, обручается и целиком отдается своему небесному Жениху. На русской земле безраздельной властью воцаряется Христос. Русь, украшается бесчисленными святынями и святителями, словно небо звездами. Радость о Христе исполняет всех и каждого, от царя и патриарха до бездомного и юродивого скитальца. Словом, свадебный пир, соединение народа с Богом!..

Пятый период — от царя Петра до мировой войны. Он соответствует святому таинству елеосвящения. В этот период русская интеллигенция ослабляется, в ней происходят шатания. Она выезжает из России с полным коробом народных добродетелей, а возвращается с коробом, полным иностранных заблуждений! Является смятение. Среди образованных людей возникает жестокий раздор, немилосердные препирательства — не о мелочах, а именно о жизненных началах, о святой народной программе Владимира. Раны наносятся все чаще, а гной изливается во всех городах и городишках. Деревенская церковь и дальше продолжает быть наряженной невестой Христовой, в городе же она предстает в виде сиделки, что с заботливостью бдит над больными. Число прилепившихся к царству земному растет подобно воспалению. Утопленный Перун, а с ним и все семейство идолов, поднимает голову из Днепра. Но дух святого Владимира поражает его в голову. Река русской жизни сильно замедляется, и на поверхности ее скапливается нечистота. Но это река очень глубокая. Глубина ее — это душа многомиллионного народа.

Шестой период — с мировой войны, точнее, с мученической смерти Царя-Мученика – длится до сих пор. Князю мира сего попущена от Бога власть над Святой Русью. Бог попустил до времени быть не Его воле, а воле грешников, отрицающих Царствие Небесное и возжелавших царства земного. Языческий, довладимирский дух воцарился на Руси. Этот мрачный и злой дух торопится увести реку русской жизни от солнца Христова и вновь сделать ее подземной. Но народ русский причащается. Никогда он еще не соединялся с возлюбленным Христом более искренно, чем сейчас; когда неверные плюют в лицо Христово. Никогда для него Кровь Христова не была так сладка, как теперь, когда она под запретом, когда до нее тяжело добраться. О Сладкая Кровь Иисусова, как несказанно сладка стала ты

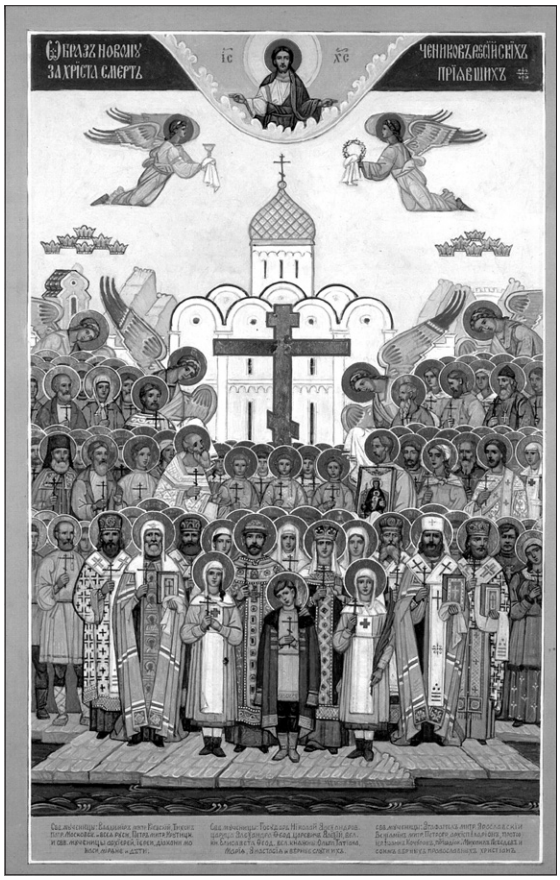
для тех сыновей и дочерей России, чьей кровью и слезами причащается в эти дни русская земля!

А завтра настанет *седьмой период* русской истории. То будет святое таинство рукоположения. На многострадальный Владимиров народ изольется новая благодать Духа Божия. Русский народ станет священным народом и будет утренней звездой среди народов, красным солнышком среди племен земных.

Итак: история крещеной Руси представляет собой макрокосмическую душевную драму святого Владимира, как святой Владимир микрокосмически представляет собой всю историю крещеной святой Руси.

Оглянемся на сегодняшнее положение мира.

С кровью мировой войны на главе своей, нынешний мир глубоко погряз в грубости и жестокости. Он нуждается теперь не в одном святом – этого слишком мало, – но в целом священном, святом народе. Народ этот должен и в наши дни пройти владимировы муки внутренней борьбы за превосходство Царствия Небесного над земным. Народ этот должен быть хорошо битым и битьем убеленным от греха, как долгим битьем отбеливается полотно. Он должен быть крещен огнем мук и слез, чтобы сделаться смягченным, облагороженным, обожженным, совершенным. Мир ждет такого народа. Кто же будет этим ожидаемым народом? Это тот народ, о котором мир сегодня не в состоянии сказать ничего определенного, о котором судят да рядят на всех пяти континентах. Это – народ судьбы, который Провидение месит, чтобы сделать из него самый лучший хлеб для духовной трапезы изголодавшегося мира. Русский народ разделен сегодня на мучеников и мучителей. И одни, и другие безмерно мучаются. И мы желаем спасения и одним, и другим. Этим подвигом самоистязания народ русский готовится к великой своей миссии в человечестве, готовится громко изречь то «новое слово», о котором говорил Достоевский.

Икона свв. Новомучеников и Исповедников Российских за Христа смерть приявших

Своим первым крещением, водою и Духом, под святым Владимиром, Россия спасла Христианство. Произошло это именно тогда, когда православная вера, поддерживаемая Святой Византией, совсем было обессилела — не из-за своего бессилия, но из-за бессилия людей; когда, с другой стороны, политиканская вера Запада — вино, смешанное с водой — боролась с князьями мира сего за земное царство. Христианство было на смертном одре, истинные христиане — в отчаянии.Тогда Промысел Божий двинул целый континент, целый неведомый людской муравейник на помощь правой вере. То была Владимирова Русь. Сегодня, когда, с одной стороны, сосуды веры христианской на Востоке и Западе недостаточно сильны, чтобы помочь оглохшему и растерянному миру, и когда, с другой стороны, самое закоренелое язычество под разными именами подняло свои рога на всех пяти континентах, – сегодня вновь Промысел Божий призывает Владимирову Русь помочь христианству, а через него и человечеству. Помочь таким образом, чтобы на весах ценностей дать перевес той стороне, что готова во имя Сына Божия прилепиться к царствию Божию.

Наступает время и настало уже, когда мученичеством крещенная и освященная Святая Русь свяжет всех нравственных идолов, которые сейчас ее давят, и, подобно святому Владимиру, свергнет их с лица земли русской в бездну невозвратную.

Наступает время и настало уже, когда в России не просто будут обновляться иконы святительские, как это происходит сегодня, но когда войско живых русских святителей, от святого Владимира и святого Серафима до последних мучеников Христовых с Царем-Мучеником во главе, возвестит небу и земле, что весь русский народ обновлен Христом, заново в муках рожден, заново во крови крещен и готов теперь помочь всему миру.

Наступает время, братия мои, и уже на пороге оно, когда грязью залитое и в муках постаревшее лицо русского народа воссияет, как солнце, и осветит всех тех, кто сидит во тьме и тени смертной. Тогда все народы на земле благодарно возгласят: «Наша Русь, наша мученица, красное солнышко!» Как и русский народ непрестанно, а особенно в этот день каждый год возглашает: «Владимир – красно солнышко!»

Блаженны вы, плачущие в эти дни с Россией, ибо с нею и утешитесь! Блаженны вы, скорбящие сегодня с Россией, ибо с нею скоро и возрадуетесь.

Перевод с сербского Ивана Приймы

Бехтеев С.С.

БЛАГОРОДНОЙ СЕРБИИ

Посвящается Его Величеству
Королю Александру I

Кому поверить нашу муку
И боль бесчисленных обид,
Кто нам пожмет с любовью руку,
Кто нас в изгнаньи приютит!

Кто с кроткой радостью обнимет
Героев – нищих после сечь,
Кто с честью рыцарской поднимет
За нас священный, славный меч.

Увы, где те, кто к нам стремились,
Где наши прежние друзья?
От нас с презреньем отстранились
Цари, народы и князья.

Одна лишь Сербия родная,
Храня преданье о добре,
Не изменила, нас спасая,
Своей беспомощной сестре.

Одна она в толпе безбогой,
У терний русского венца,
Сестре бездомной и убогой
Осталась верной до конца.

Бухта Которская. Декабрь 1920 г.

РОССИЯ

Была Державная Россия,
Была великая страна,
С народом мощным, как стихия,
Непобедимым, как волна.

Но под напором черни дикой,
Пред ложным призраком «сво-бо-д»,
Не стало родины великой,
Распался скованный народ.

В клочки разорвана порфира,
Растоптан царственный венец,
И смотрят все державы мира
О, Русь, на жалкий твой конец!

Когда-то властная Царица,
Гроза и страх своих врагов –
Теперь ты жалкая блудница,
Раба, прислужница рабов!

В убогом рубище, нагая,
Моля о хлебе пред толпой,
Стоишь ты – наша Мать родная,
В углу с протянутой рукой.

И в дни народной деспотии
В бродяге, нищенке простой,
Никто не узнает России
И не считается с тобой.

Да будут прокляты потомством
Сыны, дерзнувшие предать
С таким преступным вероломством
Свою беспомощную Мать!

Орел. Апрель 1917 г.

Андрей Родосский

СЕРБАМ

Над Сербией смилуйся Ты, Боже!
А.С. Пушкин

Орел двуглавый ваш – и наш орел.
И ваш, и наш народ смиренно брел
Спасенья вечного тропою узкой.
Кто предал веру – предал флаг и герб.
Неправославный серб – уже не серб.
Неправославный русский – разве русский?..

ВИДЕНЬЕ ПРОШЛОГО

Наваждение? Мышленья капризы?..
Я воочию вижу, как встарь
Мои предки входили в алтарь,
Поправляя парчовые ризы.
Под напевы молений святых
В том станичном намоленном храме
Фимиам колыхался волнами,
Словно бороды предков моих.
Вечно мил православному люду
Протодьяконский бархатный бас…
То косынка, то алый лампас
В Божьем храме заметны повсюду…
Прихожан осеняют крестом,
Возжигают неспешно кадило…
Ах, почаще б ко мне приходило
Невозвратное прошлое в дом!

***

Хотел бы умереть я без врача,
В своем дому, родными окруженный.
Хотел бы я погаснуть, как свеча,
Зажженная перед святой иконой,
Что теплится, пока достанет сил,
И душу кротко изливает в свете
Да молит Бога, чтоб не потушил
Ее ворвавшийся случайно ветер.
И, как цветок, что над землей поник,
Хотел бы отойти я без мучений,
Да чтоб меня смиренный духовник
Простил и разрешил от прегрешений.
Хочу забыться дремой, а потом –
Воскреснуть со Спасителем Христом!

Послушница Ольга

КРЮЧСКАЯ ПУСТЫНЬ. ИЕРОСХИМОНАХ НИЛ КРЮЧСКИЙ

Жизнь в миру

Будущий старец иеросхимонах Нил родился в селе Феодоровское Великолуцкого уезда, в 1850 году. Имя в миру носил – Сергий, в честь преп. Сергия Радонежского.

Его родителей звали Герасим и Евдокия. С детства Сергий любил посещать храм Божий и читать книги Священного Писания. Он пребывал в послушании у своих родителей.

В самом молодом возрасте Сергий из-за нужды, и по просьбе родителей, поехал в Санкт-Петербург для заработка. И здесь, несмотря на шумную городскую жизнь, он все так же, не изменяя своего обычая, любил посещать святые храмы и читать Божественные книги.

Здесь Сергий, в скором времени, услышал про батюшку о. Иоанна Кронштадтского и при первой возможности постарался поехать к этому праведнику. Сергий имел счастие беседовать с праведным о. Иоанном Кронштадтским (здесь и далее св. Иоанн Кронштадтский не именуется святым, так как жизнеописание составлено задолго до его прославления – *Ред.*). Отец Иоанн отнесся к Сергию очень внимательно, благословил его и сказал: «Сын мой, как жил, так и продолжай жить до своего времени, а там Матерь Божия Сама управит твоею жизнью».

В Санкт-Петербурге Сергий жил до 21 года. Однако, Промысел готовил для него непредвиденные испытания. Неожиданно, он получил письмо от своих родителей, в котором они писали: «Сережа, приезжай домой. Для тебя нашли невесту».

Сергий был очень опечален их письмом, так как вступать в брак он не желал, но ослушаться своих родителей, по страху Божию, боялся. Он пролил из-за этого много горьких слез. Не желая обидеть родителей, Сергий против своего желания приехал в деревню. Родители стали принуждать его вступить в брак с выбранной ими девушкой, по имени Мария. Сергий медлил дать согласие на это, но видя их неотступную просьбу, против всякого своего желания, только лишь из послушания своим родителям уступил им. Притом он помнил слова отца Иоанна Кронштадтского, что Сама Матерь Божия устроит его жизнь, как Ей будет угодно.

И вот, венчание состоялось. Когда молодые и гости вернулись из церкви домой, то родители и все гости веселились и ликовали, только один Сергий сидел грустный и задумчивый и не принимал никакого участия в этой мирской радости.

Сергий одну думу думал: как бы ему сохранить себя от брачной жизни. Он мысленно просил Божией помощи. И Господь услышал скорбь Сергия и оказал Свою помощь. Когда брачный пир был закончен, и новобрачные остались одни, Сергий много упрашивал свою жену Марию, чтобы им сохранить свое девство. По милости Божией, Мария оказалась девушкой набожной. После некоторых раздумий она согласилась на уговоры Сергия.

И жили они не как муж и жена, а как брат и сестра. Это продолжалось двенадцать лет. В течение сего времени родители Сергия умерли. Но диавол, завистник нашего спасения, нашел доступ к слабому сердцу девушки и возбудил ее против Сергия. Мария стала требовать совместной жизни, и, видя несогласие Сергия, она по бесовскому наущению, сильно восстала на праведника. Жена била его, обливала помоями и по три дня не давала ничего есть. Но все это Сергий доброхотно претерпевал и продолжал подражать в своей семейной жизни отцу Иоанну Кронштадтскому.

В это время Сергий, по указанию Матери Божией, узнал, что в 20 верстах от его села есть место называемое Крюча или Крючи. В том месте пастухи нашли тропинку и, идя по ней, неожиданно наткнулись на пещеру и крест на берегу реки Демьянки, из которой живший там отшельник брал воду. То был старец схимонах Антоний. И вот, когда Сергий услышал обо всем этом, его сердце забилось неземною радостью, как он сам об этом говорил: «Я летел, как птичка из клетки».

Во время своего путешествия на Крючу Сергию было видение: высокая лестница простиралась от земли до неба, и по ней нисходило и восходило много святых ангелов. Сергий от страха и радости упал на землю. Но когда он пришел в себя, то видение продолжалось, и было для Сергия как бы проводником до самой пещеры старца Антония.

Когда он подошел к пещере, то был весьма удивлен тем, что старец Антоний вышел к нему навстречу. Сергий со слезами бросился к ногам старца и рассказал ему все свои скорби, а потом испросил совета. Отец Антоний, выслушав Сергия, дал некоторые указания, и на прощание благословил его и сказал почти те же слова, что он слышал раньше от Кронштадтского праведника: «Чадо, возвратись домой, до своего времени, а там Матерь Божия Сама управит твой путь».

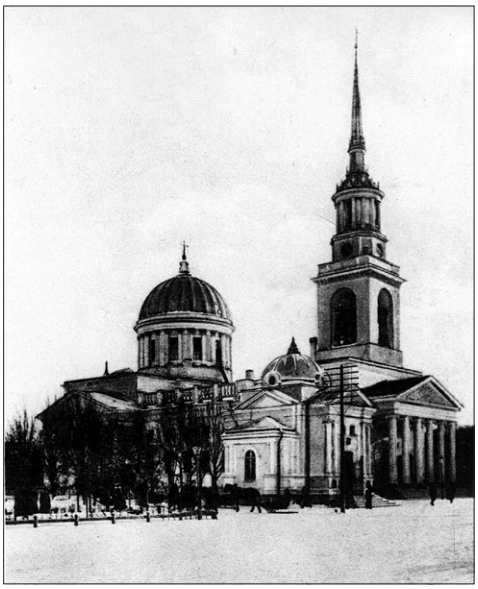
По возвращении домой Сергий был поражен внезапной переменой отношения к нему его жены Марии. Как было сказано Сергию, так и получилось, – Сама Матерь Божия устроила его дальнейшую жизнь. А произошло вот что: когда Мария узнала, что Сергий был у старца на Крюче, то сказала: «Вот, ты хочешь спасти свою душу, а как же я?! Я тоже хочу спастись. Продай все хозяйство, а меня отвези в монастырь..».

Слыша это, Сергий возблагодарил Бога и с радостью поспешил опять к отцу Антонию. Придя к старцу, он все ему рассказал и спросил, что теперь делать. Старец Антоний благословил все имущество продать, кроме дома, а Марию отвезти в город Великие Луки, в Вознесенский женский монастырь, самому же Сергию вернуться к старцу Антонию на послушание. Сергий все сделал так, как указал старец Антоний. Имущество он продал и раздал, а супругу свою, сохранившую девство, отвез во святую Вознесенскую обитель. Та обитель стояла в центре Великих Лук и была весьма древней и почитаемой. После этого Сергий вернулся к отцу Антонию.

Послушничество, постриг и новые испытания

При помощи крестьян, которые посещали старца с тех пор, как стало известно о его жительстве на Крюче, подвижники устроили две келии – одну старцу, а вторую Сергию. Три года послушник Сергий проходил искус под руководством старца.

Через три года отец Антоний благословил Сергия поехать в монастырь прп. Нила Столбенского для принятия монашества. Сергий с радостью поехал, и там Господь сподобил его принять постриг в мантию с именем Нила. Возвратясь к старцу монах Нил с большою духовною радостью продолжал свою подвижническую жизнь. Но не долго это продолжалось, отца Нила ожидало новое сильное искушение. Диавол вновь ополчился против подвижника через его супругу Марию. Она, пожив в монастыре, снова подпала под внушение дьявола и вернулась к прежней жизни. Мария уехала из Вознесенского монастыря, и придя на Крючу к старцу Антонию, стала сильно ругать его, поносить и кричать. Долго она так укоряла старца и всячески досаждала ему, требуя вернуть отца Нила обратно.

Кронштадт. Андреевский собор, где служил св. прав. Иоанн Кронштадтский

Мудрый старец заранее предвидел такой поворот событий, почему он и не благословил в свое время отцу Нилу продавать дом. Но, усматривая во всем происходящем попущение Божие, он благословил отцу Нилу вернуться домой, при этом сказав: «Чадо, не скорби. Матерь Божия все устроит для душевной пользы!» Потом он отечески поцеловал безотрадно рыдавшего Нила, оплакивавшего свое расставание с уединенной пустынью.

Отец Нил и Мария возвратились в свою деревню, открыли дом. В доме ничего нет, всюду пустота, ведь все хозяйство было нарушено. Как тут жить? Сел отец Нил на лавку и горько плакал, сожалея о своей потерянной пустынной жизни и презирая мирскую суетность.

Нило-Столобенская пустынь

Великие Луки. Свято-Троицкий собор и Спасо-Преображенская церковь на острове Дятлинка. За Свято-Троицким собором видна колокольня Вознесенского женского монастыря

Он скорбел безутешно. Но и это был еще не конец его скорбей. В том селе было 40 домов, и все односельчане, встречая отца Нила на улице, смеялись в лицо ему, говоря: «Вот приехали наши молитвенники. Вернулись спасенные. Вот так спаслись!», – и многое другое обидное произносили они со смехом. Дети подходили к дому отца Нила и бросали в дом палками, стучали в окна и всячески издевались.

В этом селе проживал отец Илия – бывший духовный отец Нила. Он был единственным человеком, который всегда при встрече утешал отца Нила, чтобы тот так уж сильно не скорбел, а надеялся более всего на волю Божию.

Пустынножительство на островах

Прожив в своем дом короткое время, отец Нил сподобился небесного откровения. Явилась ему Матерь Божия и утешила его, а потом сказала: «Иди на остров Козел. И возьми с собой Мой образ Тихвинский, еще возьми топор и больше ничего не бери. Там найдешь душевный покой». При этом отец Нил увидел и тот остров, о котором говорила Пречистая.

После сего видения отец Нил, всецело надеясь на помощь Матери Божией, успокоился. Он вновь распрощался с Марией. Поклонившись ей в ноги он сказал: «Не скорби. Надейся на Бога. Он тебя не оставит. Встретимся в будущей жизни».

Ночью отец Нил потихоньку вышел из дома. Сначала он пришел к своему духовнику отцу Илии. Там он исповедался и причастился Святых Таин, а также получил, как благословение – крест и Евангелие. Простившись с добрым батюшкой, отец Нил пошел по указанию Божией Матери на остров Козел, который находился в 50-ти верстах от села Феодоровское.

Подойдя к тому месту, отец Нил увидел девственную пустыню, в которой, казалось, еще не ступала нога человека. Кругом раскинулось непроходимое вязкое болото. Осмотревшись и призвав в помощь Бога, отец Нил с трудом пробрался на остров. Там он выбрал наиболее удобное место, на котором стояла высокая и в тоже время кривая береза. Перекрестившись, отец Нил повесил на вышеупомянутой березе Тихвинскую икону Божией Матери. Молясь со слезами, он горячо благодарил за все Бога и Матерь Божию. Сам отец Нил вспоминал впоследствии: «В тот момент я почувствовал неизъяснимую духовную радость. Мне казалось, что небо и звездочки были для меня покровом от всего мирского, а та береза приютила меня, как мать родная». После этого отец Нил решил построить себе землянку в длину и вышину человеческого роста. Бревна для постройки он носил на себе через вязкое болото из другого места. Делал он это потому, что считал остров Козел священным местом и не дерзнул рубить на нем лес.

Построив пещеру, отец Нил принялся при помощи Божией за изготовление глиняных кирпичей для печки, к чему приложил немалый труд. Постепенно пустынник привел все в надлежащий порядок. Когда он впервые затопил печь и вышедши из землянки увидел, что идет дымок и расстилается по острову, то пришел в восторг и в радости своей неустанно благодарил Бога и, как дитя, веселился и радовался.

Когда потребовалась чистая вода, а ее достать было невозможно, тогда отец Нил обратился ко Господу с сердечной молитвой, в простоте прося о том Бога. После молитвы, выйдя из землянки, он начал копать землю, и, о, милость Божия, внезапно открылся источник свежей, чистой и приятной на вкус воды. Сим источником отец Нил пользовался в течении всего времени, пока жил в той пустыне.

Отец Нил подвизался на острове в посте и молитве 18 лет. Для умерщвления плоти он носил вериги весом 22 фунта и жесткую власяницу. Эти вериги в настоящее время находятся в церкви, где служил духовник его, отец Илия.

Когда впоследствии отец Нил жил в обустроенном скиту, о чем речь будет ниже, я спросила его: чем он питался первые годы своего пребывания на острове. Старец ответил: «Чадо мое, как бы я был рад питаться тою пищею в настоящее время».

Со временем отец Нил возделал на острове прекрасный сад и устроил ульи для пчел. Ульи-то он построил, но пчел-то у него не было. Однако Господь вновь помог пустыннику; в скором времени чудесным образом слетелось много пчел.

Испытывал подвижник и брань с бесами, но об этом он мало рассказывал. Как-то отец Нил поведал: «Когда я взошел на остров Козел, то в первую ночь злой демон, желая меня устрашить, так сильно заревел, как лев».

Так и подвизался отец Нил на острове в течение 18 лет. В последние годы его пребывания на острове к

нему приходили звери, даже медведица с маленькими медвежатами, как бы прося пищи. А отец Нил им скажет: «Да у меня ничего нет, а когда Бог пошлет, тогда я вас накормлю». И они спокойно уходили обратно, полизав его руки.

У отца Нила был обычай: каждый год в Святую Пасху, на второй день, т. е. в понедельник Светлой Пасхальной недели он взлезал на самую высокую сосну и, обозревая все четыре стороны, как бы христосовался со всем православным миром. Отец Нил рассказывал, что однажды, выйдя из своей пещеры (так он называл землянку), он увидел, что слетелось великое множество разных птиц. Отец Нил в удивлении воскликнул: «Господи! Что же это такое значит? Чем можно сие объяснить? Господи, помоги мне уразуметь это явление?!» И был голос: «Ты должен их всех накормить». Что это значило – открылось впоследствии.

Так отец Нил наслаждался пустынной и безлюдной жизнью, неведомый никому из людей, известный только одному Богу. Но этот покой был нарушен таким случаем. В одной деревне жила раба Божия именем Мария, у которой был больной муж Иван. Его парализовало в самый день их бракосочетания. И вот, эта молодая женщина Мария безропотно несла свой крест в течение 12 лет. Жить ей было очень тяжело, так как вся работа домашняя и крестьянская лежала всецело на ней, да притом еще требовался уход за больным мужем. Мария все терпеливо переносила, и никогда никто от нее не слышал слов ропота.

За такое терпение Матерь Божия утешила Марию, во сне ей был голос: «Мария, иди на остров Козел, возьми хлеб, соль и одежду из чистого холста для отца Нила, который там подвизается». И этот голос повторился три раза, а третий раз даже с предупреждением: «Если не послушаешь, то будешь наказана». Мария все сделала так, как было сказано. Она нашла тот остров, и даже вязкое непроходимое болото, окружавшее его не послужило препятствием для Марии. Господь так устроил, что она прошла по болоту, как по сухому месту; а отец Нил в это время был возле пещеры, и видит, что идет женщина, он смутился и недоумевал, за 18 лет которые он здесь провел, никого из людей он не видел, а тут идет человек, да еще и женщина.

Пустынник решил, что это бесовское искушение. Он быстро ушел в землянку, закрыл за собою дверь и упал пред Тихвинскою иконою Божией Матери, слезно прося избавить его от сего искушения. Мария же, подойдя к двери землянки, стучала и умоляла старца принять ее, говоря: «Отец Нил, дорогой батюшка! Открой. Меня послала к тебе Матерь Божия, и по Ее повелению я принесла тебе хлеб-соль и одежду».

Тогда отец Нил сказал ей: «Прочитай молитвы: «Верую», «Отче наш», «Да воскреснет Бог», и обращение к Божией Матери «Богородице, Дево, радуйся». Она так и сделала. Затем отец Нил сказал ей, чтобы она, оставив одежду, отошла подальше от пещеры, так как вся одежда пустынника истлела от времени, и ему необходимо было одеться. Когда Мария и это исполнила, отец Нил вышел из землянки. Мария была поражена его благолепным видом, упала к его ногам со слезами радости, прося благословения и святых молитв. Отец Нил благословил ее и сказал, чтобы она подробно ему рассказала, как она сюда попала. Мария все поведала старцу подробно. После сего отец Нил утешил ее, благословил и отпустил с миром домой.

И вот после того случая слух о дивном подвижнике быстро распространился по округе, и люди стали приходить к отцу Нилу. В это время слух дошел и до Марии, жены отца Нила, которая проживала у племянника отца Нила, и она пожелала его видеть.

Но, видно, на этот раз Богу сие было не угодно. Мария несколько раз ходила к острову и не могла найти его, наконец, она обратилась к людям, которые уже бывали у отца Нила. Но, на удивление, они ходили, искали, потратили много времени на поиски, а найти не могли. Так и возвратились домой, не видя пустынное убежище старца Нила. Из этого Мария поняла, что не угодно сие Богу, и уже больше не ходила она на поиски мужа.

Слух об отце Ниле дошел до самого Санкт-Петербурга, и там заговорили о пустынножителе. Вместе с этим слух дошел и до владельца того острова Козел, он так сильно восстал против отца Нила, что даже выгнал его с острова. Вполне понятно, что это произошло по внушению врага и завистника спасения рода христианского – диавола. Он многократно являлся в разных видах старцу, устрашая его и этим желая выгнать подвижника с острова. Но все те попытки были безуспешны. Тогда бес нашел другой способ и выгнал старца, внушив хозяину того острова ненависть и негодование.

Великие Луки. Вознесенский собор б. Вознесенского женского монастыря, которому принадлежал Крючский скит

Великие Луки. Общий вид города

Кто может понять вполне скорбь отца Нила? Опять он должен покинуть свою благословенную пустынь, где прошли годы его подвижнических трудов. Сколько скорбей и радостей он пережил здесь, сколько слез пролил, – один только Бог об этом знает. Весьма тяжело было покинуть свое родное гнездышко. Отец Нил горько плакал, но что делать, надо смириться, помня что без воли Божией ничего не делается.

Отец Нил взял икону Божией Матери и топорик и с горькими слезами вышел из своей любимой пустыньки. Но куда идти? Где искать себе новое местожительство? Хотелось ему уйти как можно дальше от всего мирского, чтобы ничто не разлучало с Господом, ведь за 18 лет он привык к одиночеству. И вот, по воле Божией, пустыннолюбец нашел такое место называемое Волчуха. Это тоже был остров. Придя на него, отец Нил сел на пень и горько, безутешно зарыдал. Неизвестно сколько прожил здесь подвижник, и каковы были условия его жизни там в первое время. Об этом он ничего не рассказывал. Однако со слов отца Нила известно, как дальше разворачивались события. Через некоторое время на острове Волчухе отцу Нилу было такое видение. С неба

Великие Луки. Вид от Гостиного Двора на собор Вознесенского женского монастыря. Фото начала XX века

сошло белое полотно с изображением Божией Матери Тихвинской. Это повторилось три раза. В то же время был слышен церковный звон колоколов, и как бы от имени Божией Матери сказано: «Со временем на этом месте будет прославляться Мое имя». И вскоре после этого в точности исполнилось видение. А было это так.

В городе Санкт-Петербурге проживала вдова – госпожа Зиновьева Ольга Дмитриевна, у нее были дети: сын и дочь. Она была очень богатая, имея много магазинов, в которых продавались всевозможные меховые вещи. Она также была очень религиозна. Но вот Зиновьеву постигло большое горе, любимый сын ее погиб трагически, он застрелился из-за любви или еще по какой причине, точно неизвестно. Несчастная мать, убитая горем, нигде и ни в чем не могла найти себе утешения. По воле Божией, Зиновьева прослышав про отца Нила, решила поехать на остров Волчуха, что она и сделала. Разыскав подвижника, она припала к его ногам и с горьким плачем рассказала ему свое горе, умоляя его помочь ей, так как она была полна отчаяния. А отцу Нилу было уже все это известно от Бога, он ей сказал: «Не плачь, надейся на Бога, таково попущение Божие. Если ты хочешь облегчить загробную участь души твоего сына, то на этом месте выстрой святой храм трехпридельный: во имя Тихвинской иконы Божией Матери, св. равноап. кн. Ольги и святителя Николая Чудотворца, имя которого носил твой сын, а затем корпус для сестер и все необходимые монастырские постройки. Ольга Дмитриевна с радостью приняла указания отца Нила; приехав в Санкт-Петербург, она распродала все свое имение, из которого выделила часть своей дочери, с поспешностью поехала к отцу Нилу и по указанию его выстроила прекрасный храм и чудную обитель, на удивление всем.

Торжественно прошло осящение храма. Из женского Вознесенского монастыря была прислана мать Мартирия на место игумении новой обители. Вскоре монастырь чудесно наполнился сестрами; их было около трехсот. Как птички слетелись инокини во св. обитель, даже сама Ольга Дмитриевна, строительница, пожелала здесь закончить свой земной путь. Когда все было приведено в надлежащий порядок, отец Нил решил уйти из этого места, избегая человеческой славы и желая найти удовлетворение своей пустыннолюбивой душе. Ему хотелось снова уйти куда-нибудь на пустынные подвиги. И отец Нил пришел в место называемое Бачурино.

В лесу, в красивом месте, он построил себе келию-домик, устроил садик и огород и даже завел пчел. Сколько времени он прожил здесь неизвестно. Отец Нил стал испытывать старческое недомогание, что и заставило его в то время принять к себе послушника Иакова, для которого была также построена келия, недалеко от отца Нила. Люди ищущие духовного утешения нашли и здесь

отца Нила, и опять стал приходить народ. В известные часы, а именно с часу дня и до пяти часов вечера был прием у отца Нила. На это время приходил послушник Иаков и до некоторой степени помогал старцу, а затем уходил к себе в келию.

По внушению Божию отец Нил решил посетить старый Иерусалим – поклониться святым местам. Один, несмотря на свои старческие годы и изможденное постническими подвигами тело, он шел сколько мог пешком, имея с собою мешочек с сухариками. Отец Нил прибыл в Иерусалим в дни праздника Рождества Христова. Вошел в храм Воскресения Христова, припал к Гробу Господню Спасителя нашего, обливался слезами радости и благодарения. Там он видел, между прочим, много схимников, так же пришедших поклониться святым местам. И вот один из них послал своего послушника за отцом Нилом. Когда отец Нил подошел к схимнику, то этот схимник в благословение дал ему икону Воскресения Христова.

Отец Нил здесь жил до праздника Воскресения Христова, а за это время посетил все святые места в сопровождении вышеупомянутого послушника. Отец Нил говорил, что когда он вошел в Гефсиманию, то ему казалось, что он вошел в земной рай, все здесь было прекрасно, и разливалось какое-то сильное и чудное благоухание. Это было первое его путешествие, но впоследствии он вторично посетил Иерусалим и был там от Святой Пасхи до Рождества Христова. Когда он вернулся из второго путешествия, то его снова ожидало испытание, его вновь выгнали из своего уголка, и, конечно, не без скорби, он покинул свой покой.

Крючское пустынножительство

Тогда отец Нил вернулся на Крючи, где раньше подвизался схимонах Антоний, и где сам старец начинал свой монашеский путь. В то время отца Антония уже не было в живых. Вот здесь-то, в келии отца Антония и поселился отец Нил.

В скором времени ему было предложено принять священство, и епископ Геннадий Псковский выполнил давнишнее сердечное желание пустынника и рукоположил его во диакона, а затем во иеромонаха. (Рукоположение отца Нила состоялась в 1919 г. или в первой половине 1920 г., так как еп. Геннадий (Туберозов) вступил в управление Псковской епархией в 1919 г., а из последующего повествования ясно, что рукоположение состоялось определенно не позднее середины 1920 г. Жизнь Псковской епархии складывалась в этот период таким образом: в 1922 г. еп. Геннадий или скончался (сведения митр. Мануила), или уклонился в обновленчество (сведения М.Е. Губонина), а в права законного правящего архиерея вступил епископ Варлаам (Рященцев) – *Ред.*).

Вскоре после рукоположения отца Нила приехал из Полоцка схимонах Антоний (не путать его с первым наставником отца Нила – *Ред.*), и постриг отца Нила в схиму, оставив прежнее имя Нил. Старец Нил чувствовал сильный упадок сил и постриг своего послушника в монашество, с именем Антония. В 1920 г. 20 июля / 2 августа в день св. пророка Илии скончался послушник старца, монах Антоний. По указанию отца Нила, при погребении, почившего одели во все белое. Итак отец Нил остался один. Но старец был настолько слаб, что уже без послушника никак не мог обойтись. К нему приходило множество людей, которые видели в нем мудрого советника и опытного в духовной жизни старца, но среди окружающих отца Нила не было человека близкого ему по духу, и он был вынужден обратиться по этому вопросу к матери Серафиме, которая проживала с сестрами в скиту от Вознесенского женского Великолукского монастыря.

Теперь пришло время сказать относительно этого скита. Вскоре после смерти первого наставника отца Нила, схимонаха Антония, на месте, где он подвизался, основали скит от вышеупомянутого монастыря, так как место это красивое, на берегу реки Демьянки. Здесь выстроили хотя небольшой, но хороший храм, а на берегу реки были построены келии для сестер. Некоторые из тех сестер были особенные, заслуживающие внимания инокини; о них-то и пойдет речь.

Подвизалась там схимница Серафима, в миру Стефанида. Родители ее были богатые, имена их Авраамий и Анна. Стефанида была единственная у них дочь, но беда в том, что в семилетнем возрасте без всякой на то причины она потеряла зрение. Обращались ко многим врачам, но ни один не мог оказать помощи. Тогда кто-то посоветовал обратиться к схимонаху Антонию, что они и сделали. Отец Антоний ответил родителям так:

По воду для сестер.
В женской обители. Россия. Нач. XX в.

«Успокойтесь, такова воля Божия, дочь ваша со временем будет видеть больше, чем кто-либо из людей, и многие души приведет ко спасению». Родители все упование возложили на Бога. Стефаниду устроили в Вознесенский монастырь. Здесь она и приняла монашество с именем Серафимы.

Сколько времени она прожила в монастыре неизвестно. Впоследствии она перешла в скит на Крючи, дали ей в послушницы мать Магдалину. При помощи Божией и приложив свои немалые труды, они устроили садик, огород, и развели пчел. Монахиня Серафима была постница, никогда не вкушала масла, молока и яиц, не говоря о чем-либо другом. Даже в святую Пасху она не нарушала своего поста. Спала она очень мало. Бывало летом, рано-рано будит сестер говоря: «Детки, пора вставать, вот птички давно славят Бога своего Творца, а нам нужно тем более прославлять Господа нашего Спасителя». А между тем, посмотрели на часы, еще только три часа утра. Мать Серафима очень любила песнопения, особенно пение псалмов, да и сама тоже подпевала. Сия монахиня побывала со своей послушницей в Иерусалиме, и там приняла схиму с тем же именем. Когда схимонахиня Серафима вернулась из путешествия в скит, туда поместили из монастыря сестер, а ее поставили начальницей этого скита. Скитоначальница говорила сестрам: «Не имейте в келии ничего лишнего, кроме Святого Евангелия, Псалтири и молитвослова».

Мать Серафима имела дар от Бога – помогать больным деткам. Когда приносили больного ребеночка, то она благословив его, скажет: «Пусть живет с Богом». И дитя на следующий же день будет здорово. А иному скажет: «Его Матерь Божия возлюбила». И что же? Через три дня этот ребеночек умирал. И таких случаев было немало. А то, бывало, летом она слепенькая полет свои грядки, подойдешь к ней и скажешь: «Матушка, благослови тебе помочь полоть грядки». А она ответит: «Деточка, я боюсь, что ты вместо травки да вытащишь морковку». Мать Серафиму все очень любили, да из духовных людей приезжали к ней за советом. По неисповедимым Судьбам Божиим она покинула свою любимую пустыньку, переселившись в Вырицу, и там закончила свой земной путь.

Еще в том скиту проживала монахиня Нила.

Была также там монахиня Соломония, мирское имя ее – София. Она ради Господа юродствовала, всегда зиму и лето ходила в шубе, любила всех животных и птиц, а особенно кошек, их она всегда носила под шубою, столько, сколько можно их там поместить, в келии у себя ничего не имела. Часто она приходила к матушке Серафиме кушать. Замечательно то, что она никогда не ходила в баню, а незадолго до своей смерти пришла к матушке Серафиме-скитоначальнице и попросила, чтоб истопили баню. Мать Серафима благословила, тогда Соломония пришла в баню и говорит той сестре, которая будет ее мыть: «Дорогая матушка! Я никому не говорила и не показывала свои цветы, а вот теперь ты их увидишь». Какие же то были цветы? На ноге три большие раны. Мать Соломония говорит: «Матушка, промой. Не бойся. Теперь раны уже не болят. Они меня беспокоят лишь зимой». Потом она поблагодарила за мытье и вернулась к матушке Серафиме. Мать Серафима спрашивает ее: «Ну, как хорошо ли намылась?» Она отвечает: «Хорошо, хорошо, матушка, спасибо. Теперь можно и умереть». Мать Серафима спросила: «Не желаешь ли пособороваться?» Юродивая ответила, что очень желает. Пригласили прот. Павла, он пособоровал, а на другой день рано пришел и приобщил Святых Таин. Потом были прочитаны молитвы и в это время она скончалась.

В келии монахини Соломонии нашли письмо, ею написанное, в нем она пишет: «В Миру мое имя София, из г. Торопца, дочь купца. Услышав про отца Иоанна Кронштадтского, пошла в Кронштадт пешком, где было можно, и от долгой ходьбы заболела сильно нога. Получила от батюшки благословение, вернулась домой, а нога все болела и болела». И так всю жизнь, Христа ради, она терпела боль и не лечила раны на ноге. Больше о монахине Соломонии никаких сведений нет.

Еще была там старица схимница Николая, скажу коротенько о ней. В миру ее имя было Феодосия, она была удивительно красива, была замужем, но рано потеряла мужа, а именно на 21 году от рождения. После смерти мужа она ушла в монастырь. Приняла монашество с именем Николаи, затем схиму с тем же именем. Дожила она до глубокой старости и отошла ко Господу. Перед смертью мать Николая часто приходила к матушке Серафиме и говорила, что бесы не дают покоя, часто приходят и своим безобразным видом приводят ее в ужас. Мать Николая скончалась в день своего ангела.

Вот из этого-то скита, у скитоначальницы матушки Серафимы, отец Нил и попросил себе послушницу. Мать Серафима вызвала всех сестер, и отец Нил выбрал послушницу по имени Ольга. Эта сестра и описала его житие.

Отец Нил сказал, чтобы Ольга пришла на следующий день к 12 часам дня. Когда пришла она к отцу Нилу, то он благословив ее, сказал: «Положи три земных поклона перед иконою Божией Матери». Вновь благословив Ольгу старец сказал: «Вот в чем будет заключаться твое послушание: каждый день приноси дров со двора семь поленьев, и сделав три поклона перед иконою Божией Матери, сходи на речку Демьянку принеси воды и поставь самоварчик». Когда все было сделано как сказал старец, сели пить чай. Отец Нил за одним столом, а я за другим. Он дал мне часть просфоры и освященной воды. Затем налил чашечку кипятку, так как старец не имел привычки пить чай, и дал небольшой хлебный сухарик и маленький-маленький кусочек сахару, так же и себе.

После того, как потребили просфору, а потом попили кипятку, старец сотворил молитву и сказал: «Сделай три земных поклона и затопи печь». При этом он достал два литровых чугуночка и велел сварить щи и картофель. Но у меня для первого дня вышло неудачно, я как-то случайно опрокинула чугунок и пролила щи. Очень я испугалась и побежала к старцу, упала в ноги, а сама плачу и говорю: «Дорогой батюшка! Прости меня, я пролила щи». Старец слегка улыбнулся и сказал: «Пожалуй, с этого человека ничего не выйдет». И пришлось снова варить, когда стол был накрыт старец сотворил молитву, покропил святой водой. Затем налив три столовые ложки щей, и взяв три картофелины сказал: «А остальное вам с Матросом». Матрос это кот, который очень любил отца Нила. Батюшка к обеду давал ему хлеба. Да еще был нахлебник – большой пес, по кличке Буян. Он приходил из другой деревни к обеду, прибежит к оконцу келии старца, положит лапы на окно и ждет, когда ему старец что-либо даст. Потом полижет старцу руку, съест подачку и убежит обратно.

После обеда, когда я все приводила в порядок, старец обычно велел готовить освященное масло и воду. И с двух часов начинался прием посетителей, и их было немало. Они обращались к старцу с разными вопросами, скорбями, болезнями, прося совета и святых молитв. Приходили иногда и больные-бесноватые и по молитвам старца исцелялись. Прием продолжался часов до пяти вечера.

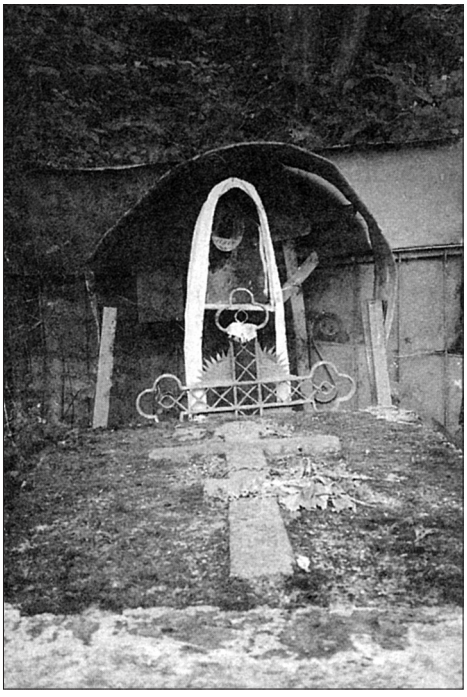
Старец, уставши, попросит кипятку и меду одну чайную ложку, и мне так же благословит, и этим заканчивалось наше дневное питание. Первое время мне этой порции было мало, и поэтому я всегда чувствовала голод, и говорила: «Матерь Божия, как я хочу кушать». Иногда, мать Серафима принесет мне лепешечку, а старец скажет: «Мать, ты мне ее не порти». И так я чувствовала голод в течение года, а после уже мне хватало и этой порции. После домашней уборки я уходила к себе в келию, а старец оставался один.

У него был обычай каждый вечер в 12 часов ходить и ладаном кадить все помещение. Утром, когда я однажды пришла за дровами, оказалось что дрова, а их было немало – рассыпаны. Я все сложила, но на следующее утро, когда я пришла, дрова снова были все рассыпаны, и так продолжалось две недели. Когда я сказала о том старцу, то он слегка улыбнулся, но ничего не ответил, и я подумала, что старец этим меня приучает к терпению и послушанию.

Много было случаев, в которых проглядывалась прозорливость старца; все трудно вспомнить и описать, но вот о некоторых я хочу поведать. Среди хорошо знающих старца, был один рыбник по имени Василий, проживал он в 30-ти верстах от старца. Этот Василий очень любил старца и часто посещал. Однажды принес он две большие рыбины, а старец был в церкви, я и пошла его спросить, как приготовить рыбу. Старец мне на это ничего не ответил, лишь махнул рукой. Прихожу в келию, и, о, ужас! Кот Матрос тащит уже вторую рыбу в подвал. Я за ним вслед бегу, оказалось, что рыбы целы, но лишь в некоторых местах прокушены. Я их взяла, хорошо вымыла на речке и в печке запекла. Во время обеда говорю: «Батюшка, у нас сегодня есть рыбка», – и при этом подаю ее на стол. Старец посмотрел и сказал: «Точно, эта рыба была в лапах кота», – и не стал есть, а послал меня отнести рыбу эту матушке Серафиме и сестрам, так нам с Матросом и не пришлось попробовать рыбки.

Как-то раз женщина принесла молока, а старец никогда не пил молоко, и мне не разрешал. Я решила оставить молоко для кота, а старец, увидев молоко, сказал, чтобы я отнесла обратно, пусть и кот постится.

В деревне Воево проживали муж с женой – Алексей и Анастасия. Они очень любили и чтили старца. По благословению старца они жили как брат и сестра и часто его навещали. В одно из таких посещений старец мне запретил их впускать в келию. Посетителей в тот день было немало. Когда я всех впустила, то Алексею и Анастасии сказала, что батюшка не велел их впускать. Они очень удивились, не зная чем это объяснить, но несмотря на то, все же не отошли от келии старца, а с горькими слезами молились Богу, ожидая что же будет дальше. Когда старец отпустил всех посетителей, то велел передать Алексею и Анастасии, чтобы они пригласили отца Николая и отслужили водосвятный молебен и освященною водою окропили все свое жилище, а после этого могут придти к старцу. И вот только теперь им стало понятно: почему отец Нил не разрешил им войти в келию. Причина же состояла в том, что незадолго перед тем, как пойти к отцу Нилу, к ним в дом приходили сектанты и по своему служили.

Могила старца Нила Крючского. Фото 1999 г.

Блаженная кончина старца и конец скита

За три года до своей смерти старец Нил сделал большой крест и поставил его перед окном своей келии. На нем он сделал надпись: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня... И кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот недостоин Меня» (Мф. 10, 37). И еще, что удивительно, старец написал на кресте год, месяц и число своей будущей кончины: 1924 г. 26 октября по старому стилю, конечно. (Обращает на себя внимание эта оговорка – «конечно» – сделанная жизнеописательницей. Здесь же отметим, что рукопись, по которой осуществлена данная публикация, имеет элементы старой орфографии. По всей видимости это уже не оригинал, а список, хотя и довольно ветхий. Возможно, оригинал полностью написан по старой орфографии, а переписчик, писавши по новой, «ошибочно» вставлял некоторые элементы старой, следуя оригиналу. – *Ред.*).

А также и гроб себе старец сам лично сделал за много лет и поставил его на ряду (рядом? – *Ред.*) со своей келией. Отец Нил часто ложился в него, и если в то время приходила монахиня Магдалина, старец просил ее читать Псалтирь.

У отца Нила было много духовных чад и они, читая эти надписи на кресте, со слезами говорили ему: «Дорогой батюшка! Что же вы так скоро хотите нас оставить, как же мы будем жить без вас?!» А он обычно отвечал на это: «Детки, не скорбите о том, ведь я не умру, а только перейду в будущую жизнь и буду ближе к Господу».

Когда я однажды, по обыкновению, зашла к батюшке взять благословение на свое послушание, то старец благословляя меня, сказал: «Чадо! теперь для меня никакой пищи не приготовляй, а только лишь для себя». Это было за шесть месяцев до его кончины; и в течение этого времени старец принимал лишь Святые Таины и просфору с освященной водой. Старец, провидя, что день смерти его приближается, а именно дня за три-четыре, призвал схимонахиню Серафиму и всех сестер. Когда они собрались, то в это самое время в келию взошла женщина, по имени Агафия, которая принесла масло, творог и молоко. И тут, к удивлению своему, мы слышим от батюшки такия слова: «Чада мои, теперь настает время кушать все, что вам предложат. Ничесоже смущаясь, кушайте во славу Божию. А со временем на этом святом месте будут ходить свиньи и коровы и, вообще, скот, а по речке гуси и утки».

Накануне смерти старца Нила, по его приказанию был приглашен духовник его, отец Евгений, который совершил над старцем таинство елеосвящения и приобщил Святых Таин. На следующий день, это был уже последний день земной жизни старца, он попросил еще раз причастить его Святых Таин и одеть в одежду, которую он приготовил на смерть. Старец призвал схимонахиню Серафиму и монахиню Серафиму и попросил его поднести к окну, так как он сам не мог ходить, а ему хотелось еще раз посмотреть на свой молитвенный уголок. Посмотрел он в окно, как бы прощаясь со всеми. Затем, когда его принесли обратно, то старец велел принести образ свт. Николая, который был им привезен из старого Иерусалима, его старец особенно любил, и притом этот образ был чудотворным.

Когда о. Нил был в старом Иерусалиме, то там он заказал иконы Воскресения Христова и Рождества Христова, а также прп. Нила (святого, в честь которого старец был пострижен – *Ред.*) и еще прп. Сергия (имя прп. Сергия Радонежского старец носил в миру – *Ред.*). Однако, после того как заказ был оформлен, старцу было откровение: пришел свт. Николай в полном архиерейском облачении, с посохом в руке, и грозно сказал: «Что же ты про меня забыл!» После сего отец Нил заказал образ свт. Николая.

Когда к умирающему старцу принесли этот образ, он попросил всех там присутствующих подойти поближе и сказал: «Матушка! прости меня за все, теперь я уже отхожу ко Господу». Так мы все подходили к нему в последний раз и получали от него благословение с теми же словами: «Прости меня». Тут мы все плакали без утешения. Как раз в это самое время вошел брат схимонахини Серафимы. Никто из нас этого не заметил, а старец провидя духовными очами сказал: «Матушка! Уведите его отсюда, и дайте мне спокойно умереть». (Можно предположить, что старец «провидел духовными очами» то, что пришедший станет впоследствии безбожником. Вообще, обращает на себя внимание как бы вневременной характер жизнеописания; не сообщается о том, как относился отец Нил к революции 1917 года и связанным с ней событиям. Сему могут быть такие объяснения: либо обитателей крючского скита особенно не затронула революция и гражданская война, либо переписчики жизнеописания, из осторожности, изъяли соответствующие места, оставив лишь несколько упоминаний и намеков такого рода. – *Ред.*).

У старца Нила, лежащего на смертном одре, в одной руке был крест, а в другой Евангелие. Он посмотрел еще раз на образ свт. Николая, слезки навернулись у него на глаза, и он закрыл их навеки. Это произошло в 1924 году, 26 октября, как и было написано им самим на кресте.

Положили его в тот гроб, который он себе заранее приготовил. Батюшка Нил просил, чтобы его хоронили как можно проще, без всякой земной мирской славы, но слух о смерти старца, как молния, облетел всю окрестность, люди знавшие и незнавшие батюшку, все спешили, как любящие дети к любимому отцу, отдать свой последний долг. Отца Нила хоронили на шестой день по смерти; на отпевание прибыло 22 священника. Положили его против пещеры отца Антония, первого

наставника отца Нила. Через год был тут же сделан склеп для отца Нила, в который и были перенесены его останки. В нем до сих пор и почивает наш дорогой отец Нил.

Да, потеря была тяжелая, и забыть это горе нельзя. Даже кот Матрос, очень любивший старца, не видя его более, всюду его искал и очень скучал, жалобно мяукая, а на третий день, когда еще гроб с телом старца стоял в келии, кот подошел к гробу, лег, вытянул лапы и умер. Так же и пес Буян всюду искал батюшку и скучал без него.

Предсмертное предсказание старца в скором времени с точностью исполнилось. Храм скита был разрушен, келии тоже разрушены, а сестры принуждены удалиться кто куда. Скит, где славили Господа день и ночь, стал пастбищем для скота, а склеп, где положен отец Нил, сохранился до сих дней. Только один безумец дерзнул сделать злое дело: бросил гранату, чтобы взорвать склеп, но образовалась лишь небольшая трещина на могильной плите, а сам безумец был убит взрывом. Это передавали очевидцы сего случая.

Вечная память и вечный покой тебе, дорогой отец Нил. Помяни нас в твоих святых молитвах.

Место подвигов старца Нила Крючского глазами современных паломников

Впервые пришлось услышать о жизни и подвигах старца Нила от иеромонаха Феодорита (Валикова), который подвизался в им самим выстроенной часовне Св. Царя-Мученика Николая, в селе Миритиницы, на Псковщине.

В годы молодости отца Феодорита был с ним такой случай: одна старая монахиня по имени Анастасия сказала ему: «Приплывешь ты к берегам Нила». Прошли годы, и неясное поначалу предсказание монахини сбылось. Сейчас трудно сказать была ли та монахиня из духовных дочерей старца Нила Крючского или это Господь через нее указал отцу Феодориту место его будущего служения. Но как бы там ни было, а жизнь отца Феодорита и в самом деле оказалась тесно связанной с местами подвигов старца Нила Крючского.

Жизнеописание старца Нила, с которым читатель только что познакомился, было нами опубликовано благодаря отцу Феодориту, который и передал в Свято-Троицкий монастырь ветхую тетрадь с рукописью жития старца.

Село Миритиницы находится в нескольких часах езды от местечка Крючи, где подвизался старец Нил. Когда к отцу Феодориту приезжают паломники на машине, то он обычно просит свозить его на Крючи, поклониться могиле подвижника. Прикладываясь к надгробию на могиле старца Нила, отец Феодорит говорит: «Вот и приплыл я к берегам Нила»...

По милости Божией, мне удалось посетить Крючу летом 1999 года вместе с паломниками из Москвы, которые однажды уже были у могилы старца Нила с отцом Феодоритом.

Итак, мы в пути на Крючу. Давно уже остались позади Великие Луки; мы плутаем по пустынным дорогам Псковщины, ибо сопутники мои помнят дорогу на Крючу только приблизительно. С двух сторон дороги сплошной зелено-голубой лентой стелятся поля, озера и перелески. Время от времени встречаются малолюдные деревни и заброшенные коровники. Встречаются и храмы, но не так часто, как в центральной России.

Мы уже почти приехали, но вот именно, что почти... Где-то здесь должна протекать речка Демьянка, на берегу которой и расположилось местечко с причудливым названием Крючи. Завидев на дороге местных жителей, останавливаем машину; спрашиваем: «Не знаете ли, где тут могила старца Нила?» На удивление сразу же получаем точное указание, как проехать на Крючу, и со вздохами облегчения трогаемся в дальнейший путь.

Поворот, еще поворот и мы въезжаем на еле приметную в поле дорогу с многочисленными буграми и ухабами. Неожиданно дорога ныряет в густой кустарник и упирается в Демьянку, которая оказывается вовсе не рекой, а широким ручьем. Машина фыркает и останавливается у самого переезда через Демьянку. На ту сторону нам не нужно, так как Крюча лежит с этой стороны речки.

Выходим из машины и идем вправо, вдоль Демьянки. Тропинка, совершенно утонувшая в высокой траве, поднимается на откос прибрежного бугра, и нашим взорам открывается Крюча. Вот она благословенная крючская пустыня, приютившая многих пустынно-

Великие Луки. Восстановленный Вознесенский собор б. Девичьего монастыря

любцев, и бережно хранящая в своих недрах мощи некоторых из них. Здесь – тишина, и только васильки слегка покачивают головками, как бы приветствуя нас. Мы вступаем в пределы еще одного позабытого людьми «града Китежа». Сколько их таких на Святой Руси?

Что же представляет из себя сие место? Крюча, Крючи или Крючка, – так окрестные жители называют это место. Тут речка Демьянка делаете несколько крутых поворотов – крюков, откуда и пошло название местности. С правой стороны Демьянки – высохшая пойма реки, отгороженная от внешнего мира естественным косогором. Это и есть Крюча. Если подняться на вершину косогора, то окажешься на том самом поле, по которому мы ехали к переезду через Демьянку.

День нашего паломничества выдался солнечный, но не жаркий; можно неспеша прогуляться и оглядеть все достопримечательности Крючи. Вот и первая из них; тропинка проходит над ямой, заросшей травой. В яме, как мне объясняют, когда-то находилась землянка старца Антония, первого духовника отца Нила. Однако теперь, после внимательного прочтения жизнеописания старца Нила, мне кажется, что эти сведения неточны. Ведь в жизнеописании сказано, что отец Нил был погребен «против пещеры отца Антония», а упомянутая яма находится не на склоне косогора, а на ровном месте, где пещеры быть не могло. Даже если предположить, что под пещерой подразумевается землянка, то все равно эта яма очень удалена от могилы старца Нила и никак не находится напротив нее, как сказано в жизнеописании. Вероятно, на месте указанной ямы стояла келия или какая-то другая скитская постройка.

Идем дальше. Тропка спускается с откоса и мы останавливаемся около остова разрушенного скитского храма. Сохранилось довольно высокое каменное крыльцо и четкий прямоугольник стен, внутри которого высятся холмики из разбитого кирпича и земли, основательно заросшие высокой травой и кустарником. На этом месте, по слову жизнеописательницы, «славили Господа день и ночь». Пронзает мысль: насколько все-таки неуничтожимы христианские храмы; стены храма разрушены, но сердцем чувствуешь, что духовный храм, который созидался здесь молитвами пустынножителей – цел и невредим. А эти руины, несмотря на все усилия безбожных разрушителей, остаются христианским символом, глядя на них вспоминаешь сказанное апостолом Иоанном Богословом о Вышнем Иерусалиме: «Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель – храм его» (Откр. 21, 22).

Проходим еще несколько десятков метров и оказываемся у могилы старца Нила. Она действительно покрыта массивной каменной плитой и ограждена железной оградой. Деревянный крест, упоминаемый в жизнеописании, не сохранился. Зато на могиле имеется теперь целых три креста: каменный – на надгробии, и два железных – в изголовье могилы. Над железными крестами сделана сень из железных листов, внутри которой прикреплен фотопортрет старца Нила. Под ним подпись: «Сх. Нил». Старец выглядит на портрете еще не очень старым, и на нем нет священнического креста.

С благоговением прикладываемся к надгробью и ко крестам, молитвенно поминаем старцев Антония, Нила и иже с ними на Крюче подвизавшихся.

А вот и удивительная находка: под сенью рядом с портретом отца Нила кто-то поставил маленький фотопортрет св. прав. Иоанна Кронштадтского, причем это явно прижизненный оригинальный фотоснимок. Мы не удивляемся тому, что на могилу старца принесен портрет св. Иоанна Кронштадтского, ведь из жизнеописания очевидна их связь, но мы удивлены тем, что принесший не пожалел оставить на могилке старца Нила старинный фотоснимок кронштадтского праведника. Прикладываемся к изображению отца Иоанна и возвращаем его на место.

Рядом с могилой старца имеется еще два захоронения. Чьи они? Никаких надписей на крестах не сохранилось. Позже, порасспросив местных жителей, удалось выяснить, что в одной могиле погребен благочестивый мирянин из причта ближайшей церкви, который, вероятно, был близок к старцу Нилу; во второй же могиле погребен сподвижник отца Нила – Антоний. Но что это за Антоний: схимонах, первоначальник Крючский, к которому в свое время пришел отец Нил, или келейник отца Нила, монах Антоний? Скорее второе, так как в жизнеописании не упоминается о могиле старца Антония на Крюче, зато говорится, что здесь скончался и, по всей видимости, здесь же был погребен келейник отца Нила.

Могилы расположены под самым косогором, довольно густо заросшем в этом месте уже не кустарником, а деревьями. Вот тут, похоже, и находилась землянка-пещера старца Антония. Жаль, что мы не догадались обследовать косогор, быть может удалось бы найти следы пещеры.

От могилы тропинка ведет через пойму к берегу Демьянки, сплошь заросшему деревьями, кустарником и дремучими травами. Здесь Демьянка более похожа на речушку, чем у переезда, хотя рекой ее назвать все-таки трудно. Местные жители говорят, что раньше она была шире, глубже и чище, а теперь, как и предсказывал старец Нил через нее скотину водят. Тем не менее, верующий люд продолжает брать из Демьянки воду, которую употребляют, как святую. Берут воду в том месте, где по преданию брали ее старцы Антоний и Нил, где они освящали воду, когда в праздник Крещения ходили на «Иордань». В этом месте с двух сторон речушки укреплены православные железные кресты.

Мы достаем специально принесенные с собою бутыли и набираем воду из Демьянки. Зачерпываю

ладонью холодную, мутноватую водицу; пробую на вкус, омываю лицо. Мне вода Демьянки кажется вкусной. Может быть, это от того, что я знаю, что воды ее освящены не только крючскими пустынножителями, но и многими другими древними подвижниками этого северо-западного края. Так, например, на берегах Демьянки подвизался в XVII веке прп. Никандр, постриженник Крыпецкого монастыря. На берегу сей реки он основал Благовещенскую пустынь, которая потом стала именоваться Никандровой. В пустыне той прп. Никандр и скончался, в ней же покоятся до сего дня его святые мощи.

Неожиданно мое внимание привлекает крест, виднеющийся сквозь просвет рощи на вершине косогора, с противоположной стороны речушки. Вопрошаю моих спутников, они недоуменно пожимают плечами. По упавшему дереву перебираюсь на другую сторону Демьянки и, изрядно поободравшись, продираюсь напролом через заросли кустарника и крапивы к заветному кресту. Поднявшись на вершину косогора, неожиданно обнаруживаю, что здесь приютилось небольшое сельское кладбище, а за ним опять, как и с той стороны реки, – поля и перелески. Кладбище, видимо, не старое, хотя, кто знает, может этот погост начал свое существование во времена крючского скита, хотя в жизнеописании отца Нила об этом ничего не сказано. Судя по надписям на могилах, кладбище довольно новое. На обратном пути нахожу тропку, по которой гоняют к водопою скот, и по ней возвращаюсь к Демьянке. А потом, опять по упавшему дереву, перехожу на противоположную сторону.

Мои спутники к тому времени разбрелись кто куда по Крюче, пошел и я побродить вдоль реки. Внимание мое привлекает несколько маленьких полуостровов, созданных причудливыми изгибами реки. Быть может, на них были расположены скитские келии; по крайней мере мне эти полуостровки кажутся очень удобными для отшельничества. Нагулявшись, мы вновь встречаемся у могилы старца. Еще раз прикладываемся к ней и отправляемся в обратный путь.

Идя по тропке, я размышляю, насколько сокровенны жития наших русских северных подвижников. Они учат нас не тому, какие подвиги совершать, но тому, как эти подвиги скрывать от глаз человеческих. Такой сокрытостью отличается, например, житие прп. Нила Сорского; таково и жизнеописание Нила Крючского, не говоря уж о его сподвижниках. Скажем, послушница Ольга, составительница жизнеописания: кто она? откуда? – О ней самой ничего не говорится в ее писаниях.

Неизвестно и многое другое. Например, в честь какого преподобного был пострижен отец Нил. Можно только предполагать, что в мантию он был пострижен в честь прп. Нила Столобенского, в обители коего состоялся постриг. После же пострига в великую схиму у отца Нила осталось то же имя, но, быть может, его небесным покровителем стал уже не прп. Нил Столобенский, а прп. Нил Сорский?

Обращает на себя внимание и то, что отец Нил отправился по благословению Царицы Небесной на остров Козел с образом Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы. Это, конечно, не случайно, ведь Тихвинская икона является покровительницей новосозидаемых монастырей.

Пока я так размышлял, мы уже почти вышли из Крючи. Поднявшись на откос бугра я оглянулся в последний раз на крючскую пустынь; сердце замерло, все так же покачивали головками васильки, только теперь, как бы прощаясь с нами. Мы покидали Крючу, оставляя ей, ее пустынное безмолвие и покой. Прощай, Крюча. Храни свою намоленную тишину для новых пустынолюбцев, которые, хочется верить, еще придут к тебе, чтобы славить Господа день и ночь... А нам удастся ли когда-нибудь вернуться сюда? Бог знает.

Инок Всеволод

«Православная Жизнь», приложение к «Православной Руси», № 2, 2001 г.

И. А. Сергеева

***

Молитесь о болящих, некрещенных,
родителями в камень превращенных,
и о своих родных на бездорожье,
крещенных, но забывших слово Божье.
Молитесь, чтобы все они узнали:
хоть смерть в конце,
а Слово-то – в начале!

***

Я сторожила материнский сон,
его квартиры и его кварталы,
где каждый вздох легчайший, каждый стон
велики были, а надежды малы.

Казанскую молила Божью Мать,
чтоб слышать мать и сном не забываться,
чтоб каждое желанье понимать
и сторожем подольше оставаться.

***

Весна. В окно влетают осы
на цвет герани. У окна
береза распустила косы,
прозрачно светится она.
Блестит распахнутая рама,
в ней осень отражу сама…
А в комнате в постели мама,
совсем седая, как зима.

***

Сгорела пятая свеча.
Упала сотая слеза.
Душа, стеная и крича,
Смотрела в мамины глаза…

Пробило три. Пробило пять…
Ее уста рекли потом –
Едва смогла я разобрать –
«Помоги мне с Христом!»

21 августа 2000, 18.15

МАМЕ

Твой дом был подобен
наполненной чаше.
Глаза от рождения
видели счастье:
отца, чьи отличия –
верность и вера,
и брата,
Георгиевского кавалера,
Семь братьев-сестер,
а сама ты – восьмая –
друг друга любивших,
без слов понимая;
гимназия, книги,
крокет и качели;
восторги чудесной
Пасхальной недели,
Наряд кружевной твой,
муаровый пояс;
на станции Ржев
царский медленный поезд;
улыбки царевен,
смотрящих из окон
и русый, мелькнувший,
в движении локон…
А нынче,рожденная тоже
в четвертом,
горюешь о нашем
царевиче мертвом…

ЛЮБЛЮ

Люблю я все старое:
старый наш сад,
и старый наш дом,
и деда портрет…
Люблю я и новое:
новый свой плат,
и день за окном,
и ночь в Новый год…
И «Новый завет»!

МОЛИТВА

Господи, Иисусе Христе,
Сыне Божий!
Мы – дети все,
все – болезны
и в грешный час
молим слезно:
помилуй нас!

Иеромонах Нестор (Кумыш)

СХИМОНАХ ИОАСАФ ОПТИНСКИЙ, ГРЯЗЕВСКИЙ

В память вечную будет праведник.

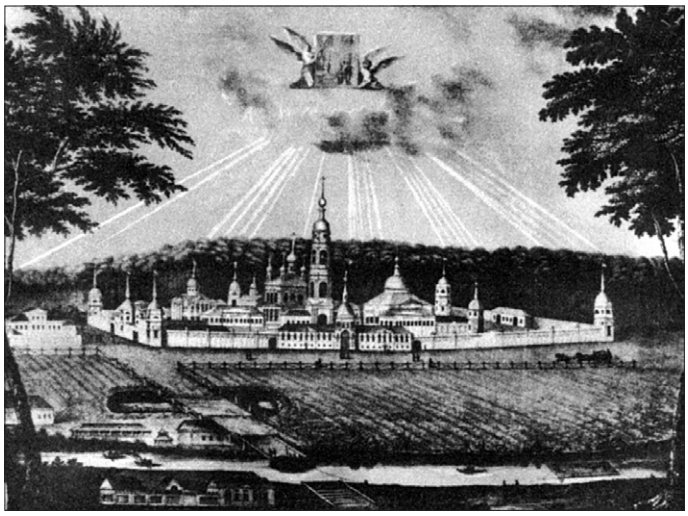
Жизнь одного из последних Оптинских старцев схимонаха Иоасафа Грязевского, скончавшегося 7 апреля 1976 года, практически неизвестна православным христианам наших дней. Жил он в затворе, в провинциальном городке Грязи Липецкой области. Сохранившиеся и опубликованные сведения о нем настолько скудны, что из них трудно получить представление об этом подвижнике. Но Всеблагий Господь, прославляющий дивных угодников Своих, заботится и о сохранении памяти о них в христианском роде. Память о преподобном Иоасафе не исчезла, несмотря на его сокровенную и скрытую от мира жизнь. Его облик предстает перед нами в воспоминаниях его келейницы, схимонахини Николаи (в миру Марии Яковлевны Яковлевой), являющейся ныне насельницей Снетогорского Псковского монастыря. Представляем боголюбивому читателю ее рассказ, из которого можно видеть, какого исключительно высокого духа человек совсем недавно жил среди нас, и какие неизвестные миру «работники» есть у Бога. Житие схимонаха Иоасафа, дивного угодника Божия, есть свидетельство той утешительной истины, что земля Русская никогда не оскудевала великими молитвенниками, проводившими свою подвижническую жизнь в безвестности, в потаенных местах, и своей молитвой сдерживавшими натиск темных сил, стремящихся духовно низложить и уничтожить Россию.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ОПТИНСКОГО СТАРЦА ИОАСАФА

(рассказ Снетогорской схимницы)

Поступление в монастырь

Схимонах Иоасаф (в миру – Борис Моисеев) родился в 1887 г., в Калужской губернии, в поселке Митин Завод. В советское время этот поселок, лежавший в 30 верстах от Оптиной пустыни, укрупнился и был переименован в город Суворов. Мать его звали Пелагеей, а отца Борисом. Мальчика в крещении нарекли Петром, в честь святого апостола Петра. Пелагия, еще до замужества, пошла с подружками на благословение к Оптинскому старцу Амвросию. Отец Амвросий всех подружек благословил идти в монастырь, а Пелагее назначил оставаться в миру и спасаться скорбями. «О, модница, – сказал он ей и при этом клюшкой по спине постучал, – иди в Скорбященскую обитель: у тебя будет детей много». И действительно, впоследствии у нее было 15 детей. А Петя, будущий старец, – 13 по счету. До 13 лет Петя в доме жил у матери, в приходской церкви на клиросе пел, а потом вот как вышло. Мать как-то уходя из дома, дала детям задание снопы скошенной ржи собирать в копны, а они его не выполнили. Вместо этого взяли рожь у соседки и перенесли на свой огород. Та, конечно, обнаружив пропажу, пожаловалась Пелагее: «Ивановна, твои ребятишки что сделали: всю мою рожь к тебе перетаскали». Мать, разумеется, за такие дела их всех наказала, побила даже. И Пете попало. Он залез под кровать и давай плакать. Потом подумал: «Что я тут плачу? Пойду в Оптину». Вылез, оделся, никому ничего не сказал и за 30 верст пошел в Оптину. Уже к вечеру пришел в монастырь и говорит привратнику: «Батюшка, пропусти меня, я в монахи хочу». Привратник отвечает: «Какой из тебя монах? Сколько тебе лет-то?» «Тринадцать с половиной», – ответил Петя и начал настойчиво упрашивать привратника. Тот видит, мальчонка не шутит, пошел докладывать настоятелю отцу Мелетию. Настоятель выслушал привратника и велел пропустить. Вот Петю привели к отцу архимандриту, разузнали, кто он, откуда, потом проверили голос. Настоятель духовный был человек и в приходе Пети распознал волю Божию, сразу почувствовал в мальчике что-то особенное и говорит ему: «Тебе сейчас нужно вернуться домой.

Оптина пустынь. С литографии XIX в.

Ступай, монастырский брат тебя проводит. А потом возвращайся, но с отцом и документами. Тогда мы тебя непременно возьмем». Пока Петя в Оптину ходил, дома переполох поднялся. Мать в тревоге и слезах, плохо с ней делается, что ребенок пропал. Когда мальчик на пороге показался, она к нему навстречу и с радостью, и с упреками бросилась: «Ох, Петя, что ж ты со мной сделал?» Он ее успокаивает: «Мамочка, мамочка, не плачь, я уже монах, меня в монастырь берут. Мне в рухольной смеряли подрясник и сказали, чтоб я пришел с папой». Когда отец, вернувшись с завода все узнал, то решил: «Пусть идет, хоть один будет монахом, я его провожу». И вот отец повел его в монастырь. Довел его до обительских врат и остался возле них ждать, сам в монастырь не пошел. Долго ждал. Прошло порядочно времени, а Петя все не возвращается, чтоб с отцом попрощаться. Тогда отец не выдержал и вызывает его через послушника. Петя выходит из врат и говорит: «Папа, здесь как в раю, я и забыл, что ты меня ждешь. Иди, я тут остаюсь».

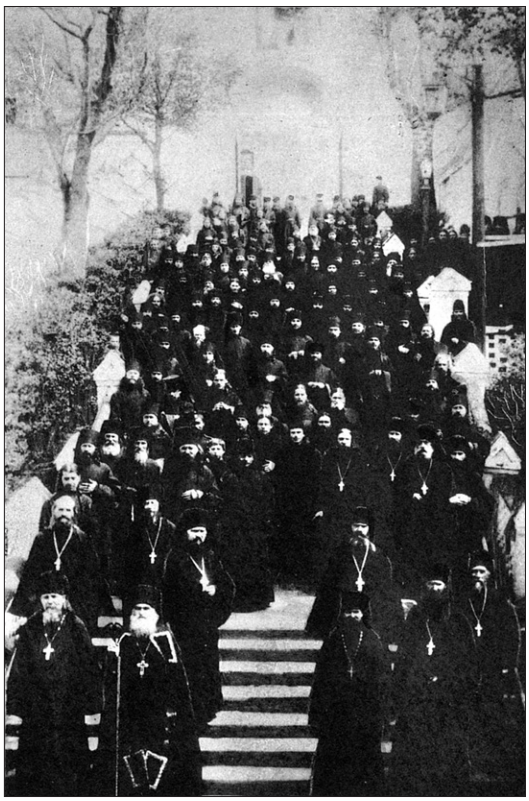
Постриг

В обители послушник Петр нес клиросное послушание. На службу приходилось вставать рано, в три часа ночи. Тишина, все спят, а они молятся. Однажды монахи решили подшутить над новичком. Довелось ему канонаршить. «Изведи из темницы душу мою… Мене ждут праведницы.».. – возгласил Петя. А монахи отвечают: «Грешницы тебя ждут». Петя не выдержал и засмеялся. За это его наказали поклонами и лишением обеда. И вот все на трапезу пошли, а он в храме остался поклоны класть. И обидно, и есть хочется, и стыдно в то же время за свой проступок.

Постригали батюшку в мантию на Оптинском подворье в Москве, в 1925 году, на Благовещение. При постриге он получил имя Иосиф, в честь святого Иосифа-песнописца. По традиции новопостриженный монах должен пять дней пребывать в храме, но по случаю смерти святейшего Патриарха Тихона батюшку перевели из подворья Оптиной пустыни в Донской монастырь. Тут он получил послушание: стоять с патриаршим крестом при гробе почившего Патриарха. У гроба Патриарха батюшке было видение, которое он помнил всю свою жизнь: вдруг отверзлось небо, и он увидел восходящего на небеса святейшего Патриарха Тихона и убиенную Царскую Семью. Это видение произвело на него очень глубокое действие, и он всегда его помнил.

Закрытие Оптиной

После пострига батюшка возвращается в Оптину, а ее уж закрывать начали. Монахам сказали: «Живите, только это будет называться артель, а не монастырь». Поэтому они уже начали уходить, кто куда. Вольные уже были. Потому что и послушания уже изменились. Власти руководство свое поставили, которое стало свои порядки вводить: «Вот тут нельзя, это нельзя». И начали они разбредаться. А перед закрытием монастыря отец Иосиф стоит как-то в храме и слышит от иконы Матери Божией голос: «Возьми Меня, а то обдерут Меня». И он взял Казанскую Матерь Божию. Она чтимая была, убранная драгоценными камнями. Но уже описана была властями. Настоятель пропажу заметил и объявляет: «Кто взял икону, положите ее на могилу отца Амвросия». И тогда отец Иосиф ее положил на могилку о. Амвросия. И впоследствии все украшения, и риза

Братия Оптиной пустыни во главе с архимандритом Ксенофонтом на лестнице главного входа в обитель. 23 апреля 1910 г.

позолоченная на иконе, были сняты. Но все-таки отец Иосиф кое-что спас. Монастырь уже был закрыт, а ключи были у одного монаха, и он его пригласил проститься с монастырем. И вот висит схима, предположительно отца Амвросия, и тот монах отдал ее отцу Иосифу. Отца Иосифа забирают в заключение на 20 лет. И он тогда отдал эту схиму козельским монахиням на хранение. Когда он вернулся из заключения, инокини отдали ему схиму. После смерти батюшки она попала ко мне, а я уж отдала ее в Оптину. Поначалу, когда обрели мощи прп. Амвросия, его останки одели в эту схиму.

Аресты и лагеря

Монахи после закрытия монастыря возле Оптиной скитаться начали. В Козельске селились, в Мичуринске селились... Отец Иосиф у матери Серафимы сначала жил, потом у другой монахини. И вот вскоре их начали забирать. Собрали со всех мест. Батюшку арестовали, а вместе с ним забирают отца Севастиана (Карагандинского, который сейчас во святых), иеромонаха Рафаила, схиигумена Петра (Драчева), схиархимандрита Мелетия, который отца Иосифа при постриге принимал. (Он в Козельске потом схоронен был, на кладбище.) И других монахов.

Присудили батюшке 10 лет лагерей. Когда он первый срок сидел, то работал на лесоповале. Работал с уголовниками, грязными людьми, они издевались над ним, били его. Одному как-то стал помогать, а он его как ударил в щеку. В Евангелии написано, что если в одну дали, так другую подставляй. Батюшка и говорит: «Ну что ж, давай и в другую». Тот и второй раз ударил. И батюшка упал, лежал без памяти. Вот с такими людьми работал. Когда свой срок отсидел, так ему еще два года дали, потому что он отказался на других доносить. Некоторые соглашались, так как обещали за это отпустить побыстрей. Но батюшка знал, что доносить – это занятие дьявольское. Его еще в камеру когда сажали, то к нему подсадили одного молодого, тоже верующего. Разговорились. «Я вот за что, а ты за что?» «Да я вот за что». А сам прямо его так обнимает, как будто рад, что его встретил. Но батюшке о нем открыто было: глянул на него и увидел его в змеином облике. Сам даже удивился. «Да что же это такое, – говорит, – чего это я тебя таким вижу?» Тогда его товарища перевели в другую камеру.

Когда батюшку после первого срока выпустили, то он у монашки одной на квартире остановился, возле Оптиной. А видать, нельзя ему было тут селиться. Но куда ему деваться? Устроился псаломщиком в церкви. Прослужил, может, месяц какой-нибудь, и его опять арестовали. Племянница монахини, у которой он поселился, с простоты пришла в сельсовет и говорит: «Какой монах красивый пришел из заключения». «Какой такой монах?» – спрашивают. «Да у тетушки у моей, у крестной, на квартире», – отвечает. Хоть вот и с простоты, а вот так она его и предала. И всё, после этого его забрали сразу. Идет он по деревне, а навстречу ему едут на двух конях. Батюшка говорит: «Это за мной». Подъезжают, и один спрашивает: «Фамилия?» Он говорит: «Моисеев Петр Борисович». И прибавил: «Эх, какая ловля-то у вас». Завезли его, куда следует, и говорят: «Распишись, что ты против колхозов». А он отвечает: «А что это такое? Не имею представления». Тогда начали его бить, сломали ему два пальца, чтоб расписался. Но он все равно свое: «Не буду расписываться. Как веровал, так и верую, как молился, так и буду молиться, я монах, а вы как хотите, так и поступайте. Надо вам – сажайте. Зачем вы какую-то роспись требуете? Я не знаю, чего вы тут подписывать заставляете». И не расписался. Тогда его увезли, и еще 10 лет дали.

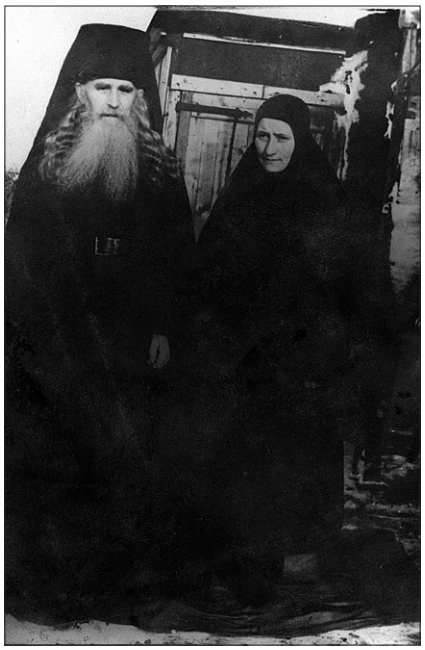

Оптина пустынь. Послушник Петр Моисеев, будущий схимонах Иоасаф. 1900-е гг.

Вторые 10 лет были полегче, чем первые. У батюшки в этот раз на зоне была своя кузница. Он очень по железкам был мастер. Мог и часы, например, наладить. В Митином Заводе, где он в детстве жил, там все по

У гроба Святейшего Патриарха Тихона. 1925 г.

Схимионах Иоасаф с келейницей на пороге своей келии в Грязях

железкам работали. И отец его там работал. Он, видать, возле отца крутился и многому от него научился. Лагерное начальство его любило за то, что он умел все делать. Одному начальнику даже пуговицы выковал. Начальник ему говорит: «Если бы меня перевели, я бы тебя с собой взял. Больно ты деловой». А когда лишился части зубов, то вставные зубы себе сделал. После этого его многие зэки стали просить, чтобы он и им такие же сделал. А начальник ему говорит: «Моисеев, в миру и то это не положено, ты чего выдумал-то?» Батюшка отвечает: «Начальничек, ведь хлебушка-то охота». Заключенные чего-нибудь ему давали за работу. «Брось, – начальник говорит, – а то тебе еще тут прибавят». Но ничего, обошлось. Два раза даже за этот второй срок батюшка причаститься смог. Однажды в женской зоне его попросили починить швейную машинку. Он пришел, сидит делает, а во время работы вдруг замечает необыкновенный свет из-под подушки, благоухание. Заключенная приходит, это монашка была, а он ее спрашивает: «Скажи, что у тебя под подушкой? Я вижу неземное, необыкновенное, я вижу свет». Та сначала очень испугалась, а потом открылась и передала ему частицу Даров, которые и были спрятаны под подушкой. И отец Иосиф причастился первый раз за многие годы. Еще однажды они договорились, что батюшка, у которого срок к концу подходил, когда выйдет, то пришлет ему частичку Даров. Тот батюшка, вышедши на свободу, прислал частичку, и все дошло благополучно. Он ее спрятал в хлебе, а хлеб в посылку положил.

Крест на батюшке всегда был, он его прятал. Как куда-нибудь перегоняют – обязательно обыск, при котором крестики нательные отбирали. Но заключенные все равно делали кресты, из палочек или из чего-нибудь другого. Как-то их перегоняли, а батюшка думает: «Как бы крестик спасти?» И вдруг слышит голос: «Не ты меня спасаешь, а я тебя. И еще спасу». И правда, при обыске он крестик в ладони зажал. Руку одну раскрыл, а вторую не сказали раскрыть. В ней-то и был крест. Так он у него и сохранился. Этот серебряный старинный крест сейчас у меня находится. Батюшка когда умирал, то мне его завещал.

После освобождения

В 1954 году отец Иосиф был освобожден из заключения. Он приехал в г. Мичуринск к матери Серафиме, которая всегда ездила в Оптину, и его знала еще по Оптиной. Ему больше некуда было ехать. На родине его боялись принять, а монастырь был закрыт. И вот мне сообщают, чтобы я приехала к мать Серафиме. Монахиня Серафима была моя духовная мать, она одевала меня в иночество. Когда отец Иосиф еще в заключении был, мать Серафима мне говорила: «Маша, должен скоро приехать батюшка из заключения, он особенный. Тогда я тебя позову». Вот я приехала и вижу батюшку. В подарок ему я привезла параман и купила палочку. Он взял эту палочку и сказал: «Придется мне на эту палочку опереться». И вот сели мы обедать. Матушка Серафима у станции жила, и двери всегда закрыты у нее были, чтоб чужие не ходили. Я сижу за столом, батюшка напротив. И вдруг в закрытых дверях явилась Странница. Такая приятная. А у меня сердце возрадовалось, не передать как. К мать Серафиме всегда какие-нибудь побирушки ходили, а Эта особенная какая-то. И Она говорит: «Я прямо не знала, что здесь такие гости-то хорошие будут, а то Я вся в пыли». И вроде так отряхивается. И прямо около меня села и говорит: «Драгоценная Моя, возьми моего вот этого драгоценного». И показывает на батюшку. Я говорю: «Да он не пойдет». Тогда Она отвечает: «А Я прикажу. Ты будешь только числиться, а так Я буду вас опекать. Всем обеспечу». А он слышит, батюшка-то. И Ей после этого отвечает: «Матушка, будь мне матерью». Вроде, как не хочет ко мне идти. А Она на него

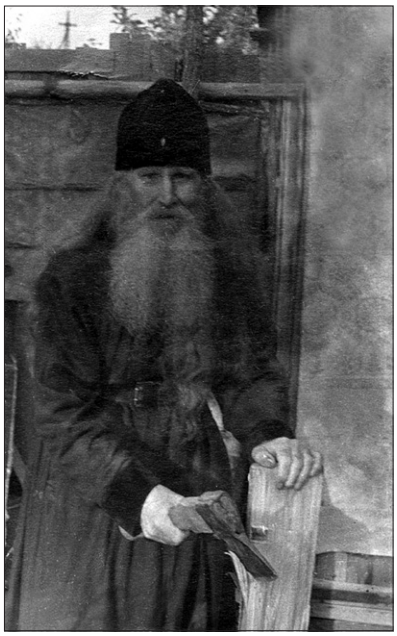
Козлов (Мичуринск). Здесь схимонах Иоасаф проживал после своего освобождения в 1954 г.

строго так сказала: «Разве Я не была тебе Матерью в заключении? Тебе трудно было, а Я тебе помогала. Я к тебе приходила не раз». Потом Она стала собираться и сказала: «Батюшка, Я тебя благословляю к Моей драгоценной переходить, будешь у ней жить». И Она уходит. «Мне нужно еще проведать», – говорит и на тюрьму рукой показывает. «Ведь Я туда каждый раз хожу. А в некоторые камеры Я не вхожу. И надо зайти, человек нуждается, но из-за других, кто с ним вместе сидит, Я не могу. Тогда я возле двери постою». Ну вот, Она и уходит. Я выхожу Ее провожать из дома. И когда вышла я Ее провожать, Она мне начала все передавать из рук в руки: и хлебушка, и конфеточек, и сахарку, и повидло. И угольки, такие небольшие кусочки. А уголь я как-то не беру. Если во сне увидишь уголь, то это к тяжестям. Это такое простонародное поверье есть. А Она-то мысли мои видит, да и успокаивает меня: «Да это я даю топочку». Ну, тогда я взяла. И Она от меня отошла немножко, но не уходит совсем, и так даже приказывает мне: «Не обижай Моего драгоценного». В лицо я как-то не могла на Нее глядеть, а вижу только облик. Среднего Она роста, обыкновенно одета, все на Ней я бы даже сказала ветхое такое. Я думаю: «Наверное, надо Ей поклониться. Она ждет от меня этого». А на меня внезапный страх напал. Думаю: «Сейчас заберут». Ведь за поклоны-то при людях могли и забрать тогда. Странно: когда жила с батюшкой, ведь я ничего не боялась, я на все шла. Я его когда брала к себе, так готова была к тому, что меня посадят. И ничего, страху не было. А в этот момент испугалась. Но я Ей все равно поклонилась, а когда распрямилась, Ее уже и нет.

Устройство келии

И вот поехала я домой, в Грязи, где мы жили, а отец Иосиф остался у матушки Серафимы. Стала я искать квартиру, а маме пока ничего не сказала. 10 квартир нашла и ни к какой квартире я не расположена. Сердце почему-то сжимается. Вроде нашла одну, а сердце все равно сжато. А потом случайно узнала, что в ней через стенку милиционер живет. Вскоре нашла, но не квартиру, а времянку. Она как раз напротив нашего дома расположена была. Стала договариваться, чтобы батюшке там жить. Хозяин подумал и говорит: «Если хорошие люди будут тут жить, так мы ее и продадим». Я сразу и говорю: «Мы купим». Тогда я собралась поехать к матушке Серафиме, чтобы посоветоваться с ней насчет времянки. Но только не доехала, так как Странница опять ко мне пришла и говорит: «Драгоценная моя, не селитесь у чужих. Переходите на огород ваш, переносите туда времянку и стройте из нее келию. Я туда вас благословляю». И откуда-то кружка воды у Нее в руках. Она говорит: «А Меня искупай». Такое слово сказала. И вот я, значит, открыла Ей воротничок и вылила эту кружку воды, но воды нигде не видала. Тогда Она мне

За работой во дворе

говорит: «Ну вот, а теперь ты можешь с батюшкой». Как будто Она от меня чего-то отняла дурное.

Вот батюшка приехал из Мичуринска. В декабре месяце это было. Сильная метель на улице, сугробы намело. Глянула я из окна на улицу, вижу, кто-то идет, сгорбившись, в шапочке. И такая меня жалость взяла. Я как по этим сугробам побежала. Падаю, поднимаюсь, бегу. Подбежала, а он говорит: «Я чую, что это ко мне». Так рад был. Всегда помнил про то, как я его тогда встретила. Когда, бывало, его допеку своим непослушанием, он мне скажет: «Ну я б такую дуру прогнал бы. Кто тебя воспитывал? Ведь это подумать надо, приведи мать, я у нее спрошу, как она тебя воспитывала». Потом помолчит и прибавит: «Нет, как вспомню, как ты меня тогда встретила, все вот тебе прощаю». Прошло немного времени и принялись мы времянку переносить. Но куда там. Батюшка слабенький, ведь двадцать два года в лагерях провел. Тогда старушка одна, соседка наша, пошла по домам на нашей улице и говорит людям: «Тут Маше перенести надо времянку, не поможете ли?» И представьте себе, по одному человеку из каждого дома вышли, даже одна женщина на работу ходила отпрашиваться, чтобы поучаствовать. Так в один час все перенесли. Хозяин времянки в это время уехал покупать железо, а хозяйка его пошла на базар. И в этот момент мы все перенесли. Приехал хозяин, как глянул – нет времянки, а хозяйка стоит и плачет. Я говорю: «Шура, о чем ты плачешь?» «Я ее, – отвечает, – своими руками строила. Как вы быстро все». Я ее успокаиваю: «Ну что ж, мы ведь вам деньги оставили, будешь теперь помидоры сажать на этой территории».

Вот времянку перенесли, потом стали место на огороде для нее подбирать. А у меня же еще брат, мама, ну и я с батюшкой. Четверо, значит, всех нас. Стали думать, где ее ставить, и заспорили. Батюшка хочет ку-

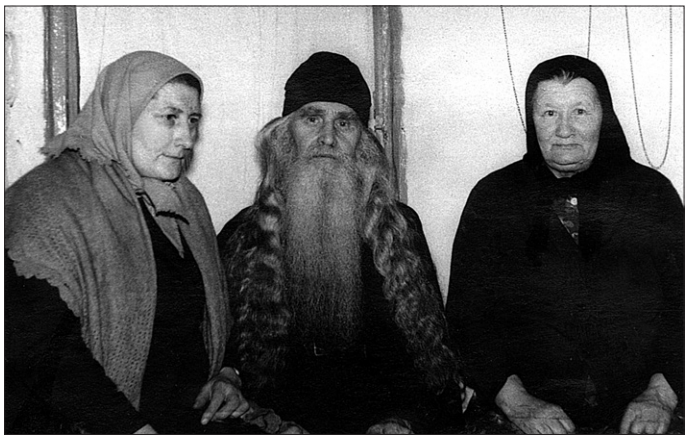
да-то подальше от дома, мама рядышком, я по-своему, брат иначе. Каждый на своем стоит. Я легла на кровать, да за голову схватилась. И тут хозяйка времянки к нам стучится: «Надежда Никитична, я какой сон видела, сейчас вам расскажу. Скорбь к вам пошла, какая-то у вас будет скорбь. Вижу я, будто в нашей бывшей времянке очутилась церковь, с крестом. Смотрю внутрь, а там монах стоит в мантии и около него какая-то женщина в одежде монашеской, и оба молятся. Потом прямо с ними вместе сдвинулась эта церковь с места и пошла, пока не остановилась». А я в тот момент в другой комнате на кровати лежала. Как вскочу, да и спрашиваю: «Где остановилась?» Она говорит: «Пойдем, я покажу, где остановилась». Я беру брата, маму: «Пойдемте глядеть». Вышли на огород, хозяйка рукой показывает и говорит: «Вот тут эта церковь остановилась». Я спрашиваю своих: «Ну что, отспорили?» «Да, – говорят, – отспорили». Батюшка вышел, тоже смотрит: «Правда, подходяще, и от дороги в стороне, и от соседей, и от вас». И мы решили тут ставить. Начали с ним строить келию. Батюшка хоть и слабенький, но сам все делал, никого не пускал. К нам напрашивались подзаработать, но батюшка не соглашался. Стал печку строить, а она дымит. «Давай, – говорю, – печника пригласим, он бесплатно сделает». «Нет, – отвечает, – сам буду». И все-таки добился, печку построил. Потом говорит: «Я их никогда не строил, и спросить мне не у кого». К нам ведь 10 лет никто не ходил, батюшка в затворе был, у него благословение было. Причащаться только ездили. А затвор ему Странница благословила, он Ей сильно верил. Она сказала: «Батюшка, уходи в уединение, в затвор». А мне сказала: «Никто к вам ходить не будет».

Предсказание

Забыла сказать, что батюшка ведь у нас в Грязях еще раньше был как-то один раз. Дело было так. У батюшки икона была «Взыскание погибших». Когда он срок получил, то отдал ее на хранение в Мичуринск матери Серафиме, и она у нее 20 лет сохранялась. Когда срок к концу подходил, мать Серафима мне говорит: «Мария, придет батюшка, а икона его без рамки. Ты ее сделай, как ты умеешь». Вот я ее взяла к себе, привезла в Грязи, сделала рамку. А когда батюшка пришел из заключения, он ее хотел забрать и прямо ко мне приехал за этой иконой. Но постоял на пороге как-то задумчиво и говорит: «Что-то она ко мне не идет. Пусть у тебя остается». Еще не было разговора, чтобы он тут жил. Так мы икону и оставили. Это Матерь Божия его извещала, что он все равно сюда вернется.

Прописка

Потом я его пошла прописывать. Пришла в паспортный стол и подаю паспорт батюшки на прописку. Начальник взял его в руки, посмотрел и сказал: «Где это

Схимонах Иоасаф, его келейница Мария (слева) со своей матерью

ты такого взяла?» И как кинул его на пол. Я подняла паспорт и говорю: «Да родственник он мой, пришел и заболел, слег. Он старенький, скоро умрет, а на кладбище надо, чтоб место дали. Как его без прописки получишь?» И опять подаю ему паспорт. Он опять его кинул. Я говорю: «Да что же вы так волнуетесь? Что он, бандит, что ли? Ведь недвижимый старичок». Он говорит: «Лучше бандита прописать, чем такого: дважды по 58-й статье судим». Ну а я и статьи-то эти не знала. «Ну и что, – спрашиваю, – какие там они статьи?» Он говорит: «Эти статьи против Советской власти». Ну тогда я взяла этот паспорт и ушла. А потом этот начальник уехал в отпуск, и вместо него стала девица Вера работать, она не только прописала, но и оформила меня как опекуншу.

Уголь и дрова

Когда келию на огороде поставили, то я маме объявляю: «Мама, у нас тут батюшка поселится насовсем и будет жить, а я за ним ухаживать буду». А мама мне и говорит: «Ой, какой ты крест берешь на себя! То как барыня все разъезжаешь: в Киев, в Мичуринск. А ведь этого тебе теперь не будет. Ты еще не понимаешь, какую жизнь трудную берешь. И на нас тоже трудности эти лягут». Тут она, конечно, права была. Вот, например, топка, с ней тогда очень трудно было. Мы ведь как топились? Брат, бывало, с работы идет, он у меня помощником машиниста работал, так ведро угля несет да дровишек. Как раз мы и протопимся. Так до следующего его дежурства и тянем. А так ему надо будет два ведра угля нести и еще дрова на батюшку. Это ведь и брату крест. А я говорю: «Не беспокойтесь насчет этого. Его будет обеспечивать Матерь Божия». «Ну, посмотрим», – ответила мама недоверчиво. «Нет, нет, – говорю, – об топке у вас забот не будет».

Первую неделю, когда батюшка в келию перебрался, я у брата с мамой потихоньку топочку брала. Они спать лягут, я пойду в дом, дровишек принесу. Можно было, конечно, и так брать, я ведь тоже в доме хозяйка, но так лучше было. А потом вот как получилось.

Приехал какой-то большой начальник к нам на работу – я в конторе работала – к директору. Молодой такой. Всех нас собрали в одном месте и велят нам вопросы ему задавать. Вроде, как он заботу о нас проявляет. Все стали говорить вопросы, но больше для смеху, для веселья. Молодые все были. До меня очередь доходит. А я на него взглянула и говорю: «Вы не знаете, где угольку купить?» Все замолчали, а одна говорит: «Ох, ну и вопрос задала». Я ей сердито отвечаю: «Да сиди ты, твой вопрос и слушать нечего, такой он у тебя бессовестный. А мой вопрос хороший». Начальник посмотрел на меня в упор, чтоб убедиться, серьезно ли я спрашиваю, и говорит: «Хорошо. В три часа позвони мне и на склад приходи». Прихожу домой, батюшке все рассказываю, а сама сомневаюсь, надо ли на склад идти. Вдруг начальник передумает. Ведь все-таки я простая работница. А батюшка мне говорит: «Нет, нет иди, иди». Вот я пошла в три часа, подхожу к складу и вижу: нагружают целую машину антрациту. И сам начальник даже пришел. Велел мне в кассу 250 рублей заплатить, а потом людей даже дал для разгрузки угля. Привезли уголь, мама вышла из дома, брат тоже. «Такого даже на паровозе не дают. Откуда же это уголь?» – спрашивает. Когда разгрузили машину, то мама наполняет ведерко углем и хочет отнести его к себе в дом. «Нет, – говорю, – нельзя брать. Это Матерь Божия дала батюшке». «Да что же, разве я не знаю, что ты у нас брала», – она мне возражает. «У вас, – отвечаю, – можно, а тут нельзя, это Матерь Божия дала». Разгрузили уголь, батюшка прямо слезой заливается: «Я тебе говорил, что Матерь Божия будет заботиться, что это Она приходила». Я ведь поначалу как-то сомневалась, что Странница – это Матерь Божия была, а батюшка меня все уговаривал.

Ну вот, уголь у нас уже есть, но это еще не все. Теперь дрова нужны. А дрова в то время связками продавали на базаре. В одной связке – 10 килограммов. Прихожу на базар, в очередь встаю. Продавец на вид неказистый такой, горбатенький, и все его зовут Иваном. Я у одной спрашиваю: «Как же его отчество?» Она говорит: «Александрович». Ну, я подхожу и зову его по имени и отчеству: «Иван Александрович». Он прямо так рад сделался, что его так назвали. Я говорю: «Нельзя ли мне две связки взять? Я с работы отпросилась, не могу ж я каждый день отпрашиваться». Он говорит: «Встань вот тут рядышком». Я встала. Стою, долго стою, уж ноги стали замерзать. Думаю, издевается надо мной этот горбатенький, чтоб я, дура, стояла себе на морозе. Он, поди, забыл про меня. И хотела я только к нему уже подойти и сказать чего-нибудь грубо. Глянула, дрова на машине везут, метровые, березовые. Он ко мне поворачивается: «Так, гражданка, заплати 6 рублей в кассу и поезжай с этими дровами». А народ возмущаться стал, роптать. А он говорит: «Это вашим детям в школу дрова». И все замолчали. Дрова привезли, брат говорит: «Ну это чудеса просто, дров полно у них, и какой уголь! И в такое время!» Мама ему отвечает «Наверное, это не просто. Ну ладно, Бог с ними, пусть живут».

Станция Грязи б. Тамбовской губ. (ныне Липецкая обл.). Вокзал. С литографии 1900-х гг.

Непрошенные гости

В келию к батюшке никто не ходил, кроме меня. Он же затворник был. Нет, вспомнила, один раз все-таки зашел один, но потом наказан был сильно. А дело было так. Когда я на работе была, мама за келией всегда поглядывала, мало ли что. А тут как-то полезла она в погреб, а в это время зашел участковый, и прямо к батюшке стучится. Батюшка вышел, на нем схима была. Как этот участковый дрогнет, не ожидал такого увидеть. «Что такое? Везде, куда ни зайду, меня боятся, а тут что-то я сам испугался, даже вздрогнул». Батюшка его спрашивает: «А чего ты испугался?» «Да вы в такой одежде», – отвечает. Прошел он в келью, а батюшка ему: «Снимите головной убор, у меня здесь иконы». А он говорит: «Да я не верующий». «А почему?» – батюшка спрашивает. «Да я Его, Бога, не видел». «А ум-то ты свой видел? Рече безумен в сердце своем, несть Бог». И еще ему батюшка чего-то говорил. Потом участковый ушел. Когда я пришла с работы, батюшка мне рассказал об этом случае. Я, конечно, испугалась, начала плакать. «Как же ты его в дом пустил?» – спрашиваю. А он меня успокаивает: «Да не бойся ты, ну и что ж, что он побыл. Вот увидишь, какое будет чудо». Я говорю: «Да чудо вот такое, что меня заберут, а тебя тут оставят одного и еще к тебе придут». А сама плачу. Батюшка как будто меня не слышит: «И в Грязях-то его даже не будет». «Да, не будет, не будет», – передразниваю я. Ну, а потом, правда, забрали его. Проезжал какой-то начальник из министерства мимо нашей станции. Сам по себе откуда-то ехал, никто и не знал. И зашел в буфет при станции, заказал чай с коньяком. Я вообще-то не знала, что так его пьют. И стало ему плохо с сердцем после этого. Тогда он врача зовет. А вместо врача привели милицию, видать, он подозрительным показался. Отвели его в отделение, посадили там, а сами ушли. Дело-то к вечеру было. Утром другая смена пришла, стали все проверять, а он какой начальник оказался. Берет трубку,

в военкомат позвонил, куда-то еще позвонил. Машина мчится за ним, прямо по пешеходной дорожке, где нельзя ездить. Я у людей спрашиваю: «Это что такое?» Мне говорят: «Это участковый наш «засыпался», не того у себя продержал». Точно, осудили его потом и выслали. Как батюшка говорил, так и получилось.

Но это не последний раз был, потом еще приходили. Из райисполкома, трое их, наверное, было. Они приходили, как они говорили, обмеры сделать внутри кельи. Может быть, во всех домах они так делали или предлог им нужен был, не знаю. Батюшка сделал такой замок в двери, чтоб мы могли его сами открывать. Пальчик, бывало, просунешь, подденешь, где надо, и входишь. Первый раз, когда они пришли, мама их не пустила. «Хозяйка постройки, – говорит, – на работе». Они ушли и обещали на следующий день прийти. Я батюшке говорю: «Пусть зайдут, пусть обмеряют, ты лежи только, ничего не говори им». Батюшка отвечает: «Это уж дело мое». Потом книжки его церковные полотенцем накрыла, чтоб они внимание не привлекали, а ему все приказываю: «Батюшка, ну не разговаривай с ними, сделайся дурачком. И мама прирекомендует, что ты больной головой». «Ну, это дело там покажет», – так он мне отвечает. И вот, разрешила я маме их пустить. Они приходят, а маме дверь вдруг не открыть. Всегда открывала, хоть бы что, а тут не открыть. Они говорят: «Ну что же, мы будем и будем так ходить?» Разозлились. Но все-таки силой не пошли. Постояли, да и повернули обратно. Они еще не вышли со двора, а мама пальчиком попробовала открыть, а там открыто. «Батюшка, зачем же ты закрылся?» – укоряет она его. Он говорит: «Да я и не поднимался, к двери нынче вообще даже не подходил». Так вот вышло. У него же затвор был, Матерь Божия ему благословила, чужим-то нельзя туда было, вот так и получилось.

Исцеление

Батюшка вообще Матерь Божию очень чтил и Ей всегда молился. Он очень к Ней большое доверие питал. Однажды он заболел сильно, так что надо было срочно операцию делать. Положили его в больницу. Там говорят: «Надо немедленно оперировать, а то до утра не доживет». Собрался консилиум врачей, всё приготовили. Пришли за батюшкой, а он на койке лежит и все твердит: «Матерь Божия, Ты мне помоги». Ему говорят: «Если мы тебя сейчас не прооперируем, то никто тебе не поможет». Он как только эти слова услышал, то так оскорбился за Матерь Божию, что отвечает врачам: «Раз так, то я у вас лечиться не буду. Маша, едем домой». Что делать? С ним не поспоришь. Домой приехали, привела я батюшку в келию и побежала за отцом Андреем. А дело к вечеру уже. «Пойдем, – говорю, – отче, надо батюшку причастить». Он отвечает: «Ну, завтра утром и схожу». «Да врачи сказали, что не доживет он». «Доживет», – возражает отец Андрей. И не пошел. Утром он приходит, а батюшка хвалится: «А у меня не болит ничего». И ко мне обращается: «Маша, дай нам поесть чего-нибудь». А потом врачи из больницы приходили узнать про батюшку. Но я их не пустила. «Живой, – говорю, – ничего не болит». «Дайте нам посмотреть», – просят. «Нет, – отвечаю, – не так это просто». И не открыла им келию.

Молитва и пост

Расскажу, как он меня учил молитве Иисусовой. Когда только пришел из-за заключения, сразу на первом году поехали мы с ним на родину. И вот мы где-то шли пешком километров 15, дорога была через поле и рожь. Он вперед идет с Иисусовой молитвой, а я сзади, и на уме всякие мысли. И чего-чего на ум не приходило. И вот он только твердил мне: «Читай Иисусову молитву». А я один раз только, может, скажу, да и больше не говорю, мысли разбегаются. Вот он мне и говорит: «Иди вперед и не оглядывайся». Я иду. Встречаются четыре дороги на перекрестке. Я остановилась, по какой идти, не знаю. Оборачиваюсь, а батюшки нет. Перепугалась не на шутку и за него, и за себя. Что делать? Побежала на бугорок, там была мельница разваленная, залезла на нее и стала смотреть. Увидела вдалеке как бы точечку черную и прямиком туда. Нахожу батюшку, вся в слезах, укоряю его. Он говорит: «Вот слушай: когда человек без молитвы, от него отходит ангел, и он не знает, куда идти. Ты же инокиня, почаще думай о том дне, в который принимала святое пострижение, и помни всегда, в каком состоянии душа в тот момент находилась. Вот я отсидел 20 лет, было тяжело в заключении, но я всегда взывал ко Господу. Надо Господу молиться, носить имя Его в сердце, в уме, в устах, с Господом, с Иисусовой молитвой, спать, жить, ходить, есть, пить. Если нет такого призвания, стекаются плохие мысли, а все плохое отгоняется Иисусовой молитвой».

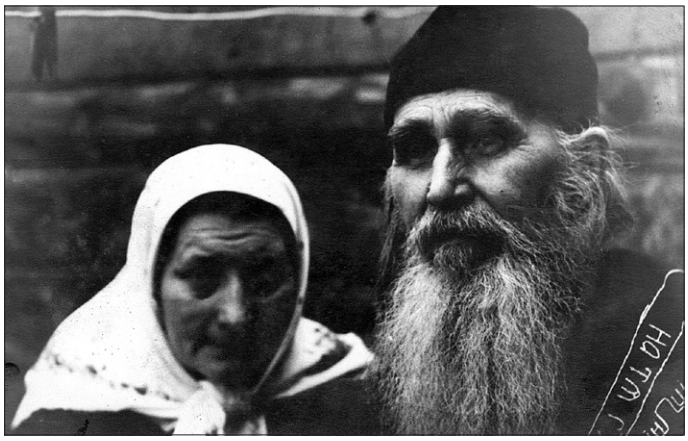
Батюшка большой молитвенник был. Весь день почти в молитве проводил. Вставал на правило ночью, в три часа. Я на работу утром пойду, а он все продолжает. К обеду возвращаюсь в двенадцать часов, чтоб самой поесть, да его покормить, а он все молится. Вот он пообедает, пойдет дрова поколет. Любил очень это занятие, никому не давал. Наработается так, что самому до келии не дойти. Я его обратно сама тащу. Со стороны кто посмотрел бы, так непременно сказал бы, что я над ним издеваюсь. Чтоб он отдыхал, так я как-то этого не видала. В четыре часа дня опять за правило брался и часов до восьми молился. Перед вечерним правилом всегда чай пил, но после молитвы уже не вкушал больше. Потом, после вечерней молитвы, сядет книжки свои читать, а когда спать ложился, я того и не знала. Спать пойду к маме, а он все читает еще. Я иногда замечала, что молитва у него самодвижущаяся была. Как-то при-

хожу к нему за благословением в храм идти, а он сидит и «Богородицу» читает, громко так, четко. Стою, жду, когда он кончит, а он и не думает. Читает одну за другой. Я не вытерпела и окликнула его: «Батюшка!» Он как проснется, от неожиданности испугался так, что в ногах у него судорога началась. Я ноги ему растираю, а он мне говорит: «Зачем ты меня будила? Я ведь только заснул и так спал крепко. Ты меня в другой раз не буди». «Как же, – отвечаю, – ты спал? Ты же «Богородицу» читал». В другой раз приду к нему, стану обед готовить, а он так углубится в молитву, что не слышит ничего. Потом я громыхну чем-нибудь, он встрепенется и спросит: «А когда ты пришла?» Пойдет во двор строгать себе столик какой-нибудь, опять молитву про себя читает, ничего кругом не замечает. Мальчонка брата моего начнет у него потихоньку инструмент таскать, батюшка не видит его. Я приду, он мне начнет жаловаться: «Куда у меня весь инструмент пропадает? Кто-то берет, а я не вижу». Всегда он в молитве был. Но она к нему не просто так пришла, а через лагеря. Он, как сам мне говорил, в заключении молитве научился.

Пища у батюшки была самая простая, никаких изысканных блюд он не признавал. Любил он белый хлеб, потому что в заключении его ему не давали. Но и его ел в меру. Бывало, съест лишний кусок, спохватится, забеспокоится, да и укорять себя начинает. А один раз какой-то священник с юга про него узнал и прислал ему маслины, литровую банку. Я приношу их к нему в келлию и говорю: «Батюшка, смотри, какие сливы. У нас они большие, сладкие, а эти какие-то маленькие да соленые». Он отвечает: «Маша, да брось их, зачем они? Не нужно их». И я пошла за огород и выкинула всю банку.

Два урока послушания

В конце 50-х годов по благословению митрополита Воронежского и Липецкого Иосифа батюшку постригли в великую схиму с именем Иоасаф, в честь святителя Иоасафа Белгородского. Схиигумен Митрофан его постригал. Ко мне отец Иоасаф требовательный был, учил меня монашеской жизни, особенно послушанию. Как-то собралась я на день Андрея Первозванного в храм. У отца Андрея, настоятеля нашего, в этот день именины были. А был пост рождественский. Батюшка мне говорит: «Служба кончится, сразу домой возвращайся, на трапезу не оставайся». Вот служба кончилась, отца Андрея все в храме поздравили, а потом он объявляет: «Сейчас все пойдем на трапезу». А на трапезе я всем руководила: и покупки делала, и готовили всё под моим руководством. Как мне уходить? И я осталась. После трапезы только домой пошла. Прихожу в четыре часа, а батюшка уже начал правило читать. Сначала он сам читал, потом меня читать заставил. Я к аналою подхожу, на икону «Взыскание погибших» смотрю, а на ней лик

«Обновися, яко орля, юность моя»

наполовину темный. «Батюшка, – отца Иоасафа спрашиваю, – почему это так?» А он отвечает: «Вот так на именины-то ходить, вот так не иметь послушания-то». В другой раз я его послушалась, не стала работать, и Господь за это нас наградил. По радио в июне месяце объявили мороз, и все вышли с вечера костры жечь, чтобы дымом уберечь посадки от холода. А это канун праздника был. Я пошла на всенощную, прихожу обратно, а мне соседи говорят: «Мария Яковлевна, нынче мороз обещали, надо ночью костер жечь, а то все померзнет». Батюшка меня предостерегает: «Маша, смотри, под праздник не жги ничего». Я и не стала. Утром возвращаюсь от обедни, у всех посадки поморожены, все кругом черное, а наш огород зеленый.

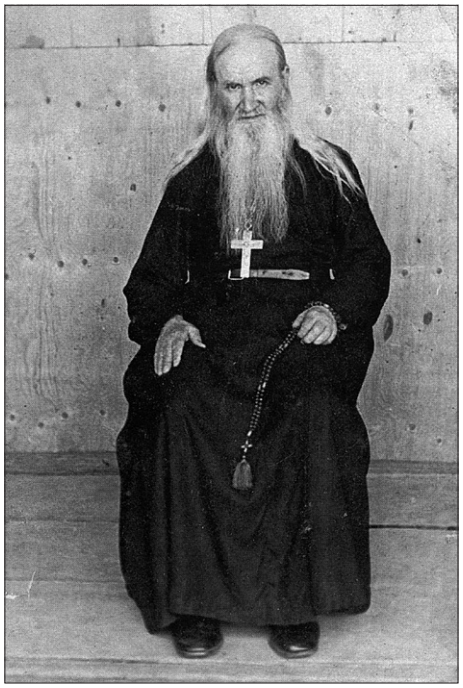
Причащение

Один раз, когда батюшка причастился, на Петра и Павла, он же в крещении Петр, я его под руку веду, а он мне говорит: «О, да что ж я тебе не показал, глянь, в алтаре стоят угодники». А я говорю: «Я не вижу». «Да хватит тебе, как не видишь. Идем, я тебе покажу. Ну вот, смотри». Ну, а что мне смотреть? Он видит, а я нет. Он даже расстроился, что я ему так отвечаю. Пришли домой. Батюшка вечером правило читает, а я за ним, на коленях стою. Двери закрыты были. Вдруг Женщина входит и прямо на пол кладет фрукты. Такие необыкновенные! «Вы только молитесь, Я все вам предоставлю», – говорит. Я зову: «Батюшка!» А он не любил, чтоб его окликали, когда он молится. Но тут повернулся, посмотрел и произнес только: «Ну, вот». И читать продолжает. Я обернулась, этой Женщины нету, и фрукты как-то исчезли. В другой раз вот как было. Пригласила я отца Андрея причастить батюшку. Он часто причащался. Отец Андрей к нам всегда под вечер приходил, после того, как всех обойдет. Он знал, что батюшка терпеливый. Другие не выдержат, возьмут да поедят, а батюшка хоть до завтрашнего дня ждать будет. Я стою, жду отца Андрея на улице, а его нет и нет. Потом пошла в келию погреться. Батюшка мне и

говорит: «Маша, я причастился уже, приходил священник красивый такой, в сопровождении двух диаконов». «Да нет, – говорю, – отец Андрей не приходил еще, я же на улице стояла». «Как хочешь, Маша, а меня причастили», – настойчиво так и спокойно он мне отвечает. То же самое он и отцу Андрею рассказал, когда тот пришел. Но отец Андрей его все-таки причастил.

Хранение затвора

Однажды его у меня чуть не выкрали. Дело вот как было. Поехали мы к отцу Севастиану в Караганду проведать его, он же тоже Оптинский. Когда приехали, так отец Севастиан начал уговаривать батюшку остаться у него. Но батюшка не соглашался. «Мне, говорит, благословлено в затвор». Тогда вот что выдумали. За три километра от Караганды было у них поселение, комбинат какой-то, и там Севастиановы чада жили. Они у него по всей округе селились. Так вот, заманили туда его хитростью, как бы попросили они батюшку станок им наладить для отливки свечей. Батюшка ведь все умел. А мне ничего не сказали. Домой меня выпроваживать стали, чтоб я расчет взяла и обратно приезжала. А как я могу без отца Иоасафа уехать? Стала его искать. Хожу по двору, батюшку не найду. «Что-то, – думаю, – не то, наверное, специально они его спрятали». Но никто мне ничего не отвечает. Все сговорились молчать. Стою на дворе, слезы у меня льются. Одна монашка стирает белье и вдруг говорит: «Комбинат». Одно слово только сказала. А я переспрашиваю: «Что?» Но она со мной больше не разговаривает. Так, думаю, и на том спасибо. Иду на остановку, а слезы льются. Доехала до комбината. А отец Севастиан в это время тут же был, в одном доме службу проводил. Я туда прихожу, гляжу и думаю: «Кого нет? Нет Глафиры и Раисы. Все остальные тут». Служба кончилась, меня за стол сажают. «Нет, – думаю, – я не за этим сюда приехала». Вот после трапезы отец Севастиан меня в машину посадил и назад в Караганду отправил. Но я опять в комбинат потихоньку вернулась. Приехала, спрашиваю у прохожих: «Где сторож живет?» Мне показали. Прихожу к нему и прошу: «Ты доведи меня до Глафиры и до Раисы. Батюшка Севастиан благословил». Он идет, подходит к их двери, стучится. «Раиса, отец Иоасаф у вас?» – спрашивает. Раиса из-за двери отвечает: «Вот так номер, отец Севастиан велел никому не говорить, а сам же и сказал». А я рядом стою, мне все слышно. «Все ясно, – думаю, – батюшка тут». Раиса дверь сторожу открывает, за ним и я тут же проскочила. Батюшка ко мне сразу: «Маша, что ж ты привезла меня в такую даль и бросила? Что ж ты не показываешься? Ты посмотри, как они мною командуют, даже в туалет не выпускают». «Ладно, – говорю, – батюшка, хоть увидала тебя, теперь ругай меня, сколько хочешь. Ведь они тебя украли, они тебя спрятали». «Да что ты, что ты?» – батюшка говорит. «Да вот так», – отвечаю. Потом отец Севастиан смирился, отпустил нас. Так же, помню, и в Печорах было. Мы приехали с ним туда, пошли в храм. Пока я сумки пристраивала, батюшка исчез куда-то. Я перепугалась, давай его искать во дворе. Нет нигде. Возвращаюсь в церковь, слышу, голос какой-то выделяется, тонкий такой. Прислушалась, да это батюшкин голос. Его прозвище еще в Оптиной было «соловей». У него голос был чистый, высокий, как у девочки. После службы однажды к отцу наместнику подошли и говорят: «Зачем у вас в хоре девочка поет?» Он промолчал, а батюшке сказал: «Погрубей, погрубей пой. А то как девочка». Ну вот, как глянула я: стоит батюшка на клиросе в середине, а монахи его то обнимают, то волосами его играют, улыбаются, увидели старинного монаха. Наместник, отец Алипий, его к себе в келию забрал и тоже не хотел отпускать.

Исповедник старец Севастиан Оптинский, Карагандинский († 6/19.04.1966)

Прозорливость

Батюшка много предсказывал. Часто он вздыхал: «Ах, немного я не доживаю, ведь Оптину-то откроют». Мама, бывало, скажет на это: «Хоть нашу бы церковь не закрыли». «А на Россию будут все лезть, будут ее делить», – говорил он. Однажды видел видение, это еще в Митином Заводе было. У них там пруд есть, в поселке. Батюшка подходит к пруду, птица плавает на воде. Он спрашивает: «Ты откуда?» А она отвечает человеческим голосом: «Из-за границы». «Ты зачем сюда?» «А чтоб людей прельщать и мир возмущать»., – отвечает. То есть, ему было открыто, откуда вся грязь в Россию польется. Говорил, что женщина себя обезобразит так, что даже не будет похожа на женщину. Однажды я принесла в келию батюшки магнитофон с записью одного политического заключенного, который сидел в заключении

чуть ли не 50 лет. Батюшка Иоасаф прослушал, сердце его тронулось, так как он сам 20 лет просидел и с сочувствием сказал, показывая на магнитофон: «О, эта коробочка хорошая». И я понесла магнитофон обратно племяннику. А когда вернулась, то ему Господь другое открыл про магнитофоны, что распространятся эти «коробочки» по всему свету. Даже предсказывал, что видно будет человека, который говорит. Сказал, что в этих «коробочках» много соблазна и разврата будут разносить, и даже духовные будут ими соблазняться. А мне говорил: «Маша, ты не будешь после моей смерти в моей келии жить». Я думаю: «Как же так, строила сама, и не буду?» Помню, когда брат уезжал на жительство в Выборг, то велел нам известить его о кончине старца: «Когда батюшка помирать будет, сообщите, я приеду. Сам на своей голове гроб его понесу». А батюшка ему ответил: «Да нет, я тебя буду провожать, а не ты меня». К маме повернулся и тоже ей сказал: «Сеню (брата моего) все-таки я провожу». Мама обиделась: «Что же он со мной такие шутки шутит? Я ведь мать, со мной такие шутки не шутят». А батюшка не имел привычки шутить. «Что мне Господь открывает, – отвечает, – то я и говорю». Так и вышло: брат тридцати лет помер от болезни. На фотографию дорогого батюшки Иоанна Кронштадтского сделал венок из фольги и повесил в келии. А я говорю: «Да ведь он еще не прославлен». А он говорит: «А у меня келейно прославлен». Так обиделся за батюшку Иоанна Кронштадтского, что не стал даже кушать, когда я еду принесла. А потом я говорю: «Но венчик-то ему идет!» «Ну, вот так и надо, – говорит, – давай теперь кушать».

Но прозорливость свою скрывал. Нас, к примеру, навещали архиепископ Евсевий, схиархимандрит Серафим, иеросхимонах Нектарий, схиигумен Митрофан. Когда его о чем-нибудь спрашивали, то он возьмет тетрадочку, да и начинает им по тетрадочке говорить. Я спрашиваю: «Батюшка, а почему ты не скажешь им от себя? Скажи им своими словами, ты же ведь знаешь, что сказать» А он говорит: «Нельзя, Маша, если я себя раскрою, то меня здесь не будет. А меня Матерь Божия благословила в этом месте жить». Потом и я стала говорить на батюшку: «Да у него головка больная». В поезде с ним ездить невозможно было. Сейчас, думаю, какой-нибудь подсядет, он обязательно ему про царя скажет: «Царь-то пошел на небо, я видел». Поэтому как кто с ним заговорит, я сразу: «Ну ложись, ложись. Да вы отойдите, я его с больницы везу, а вы разговоры заводите, с ним опять плохо будет. Уходите, уходите». «Маша, – укорит он меня, – что ты такая грубая, зачем людей гонишь?» А как не гнать? Он прямо сейчас скажет: «А крестик на тебе есть?» А ведь все без крестов, ни у кого нет. «Эк, ведь, сатанище, всех в руки свои взял, все кресты поснимали», – это слово обязательно скажет. За такое слово в то время посадят, хоть бы что.

Схимонах Иоасаф незадолго до кончины

«Я даже рад, что пострадал»

Дух батюшка имел бесстрашный. Ничего не боялся. Один раз было, он сам рассказывал, вылезает из земли крот и прямо человеческим голосом ему говорит: «Два раза я тебя искушал, но ты не соблазнился. Вот в третий-то раз обязательно искушу». А батюшка говорит ему так смело и небоязненно: «Если уж ты два раза меня не искусил, то и третий раз не искусишь». Как-то выборы у нас были, судей каких-то выбирали. Я предупреждаю его: «Смотри, никому не открывай, голосование будет». «Что за голосование?» «Да каких-то судей выбирают». «Да ну и пусть зайдут». «А чего ты им скажешь?» «А я отвечу: у меня Судья вон где». И показывает на небо. «Чего, – говорит, – я не знаю, что ответить?» Ну, думаю, не миновать беде после таких его речей. Тогда я к квартальной схожу, с днем ангела ее поздравлю, отнесу ей чего-нибудь в подарок. Она расчувствуется: «Ах, ах, меня никто не поздравляет, а ты, Маша, одна поздравила». Я скажу: «Екатерина, голосование будет, а ведь дедушка-то мой ненормальный». А она говорит: «Да я его вычеркну». Я опять: «И я-то ведь приду в 12 ночи». «Да я и тебя вычеркну», – на том и порешим.

Было ему видение: заходит он в алтарь и видит, лежат подряд младенцы убиенные за Христа и себя возле них лежащим видит. И вот он говорит: «Да может еще придется пострадать». А сам так весело говорит. Я говорю: «Батюшка, хватит, жизни 20 лет отняли». «Да прошли, Маша, они, как ничего и не было. Я даже рад, что пострадал», – только и ответит.

Рыбья желчь

Лет за десять до кончины у батюшки стало падать зрение. Один глаз покрылся пленкой и перестал видеть и другой почти не видит. Батюшка больше всего за

правило переживает: как же он его читать будет? Ведь у него одно развлечение в жизни – его молитвенное правило. А к нам в Грязи раз в месяц приезжал профессор из Воронежа. Я назначаю батюшке день и говорю ему: «Я тебя к врачу свожу». Он согласился. Повела его в поликлинику, села с ним на скамеечку. Сидим, ждем приема. Батюшка видом седоволосый, весь беленький, лет ему много, но на лице морщин нет. Народ стал вокруг нас собираться, батюшку разглядывают. «Никогда такого дедушку не видали. Откуда же это такой дедушка?» – спрашивают. А я возмущаюсь, из себя прямо выхожу: «Да что вам, кино какое показывают? Что вы все подходите?» Наконец, идем к врачу. Врач посмотрел его и говорит мне: «Зрения уже не восстановишь, хватит на его век и того зрения, какое у него сейчас есть. Чуть-чуть видит, и хорошо. Я ему сейчас капли выпишу для промывки глаз, чтобы он не сетовал очень, а больше от меня не ждите». Домой приходим, батюшка капли сколько ни льет, а улучшения никакого. А я-то знаю, в чем дело. «Брось, – говорю, – их, они тебя все равно не вылечат». «Тогда, – батюшка отвечает, – буду Матерь Божию просить». Стал он молиться, а потом вспомнил, как в Библии рассказывается в книге Товита о снятии бельма с глаза рыбной желчью. Тогда он этой желчи собрал и просит меня закапать в глаз. «Батюшка, – отвечаю, – ты что удумал! Весь глаз вырвет от этой желчи, она же сильная». И я отказалась. Тогда он упросил закапать иеромонаха одного, он из Тамбова к нам приехал. Я с работы прихожу вечером, подхожу к двери келии и слышу мольбу батюшкину: «Иисусе Сладчайший, Иисусе Сладчайший.».. Тогда я догадалась, что Варсонофий ему закапал. «Ну, – думаю, – ноги его здесь больше не будет». Дверь сама открываю и спрашиваю: «Батюшка, сильные боли?» Он отвечает: «Больно, но ничего, ничего, будет на пользу». А глаз у него весь красный. Всю ночь батюшка простонал, утром глаз промыл, а потом опять закапал сам себе, потому что я опять отказалась. На следующий день боли не такие сильные были. Через три дня глаз беленьким стал, а был весь посиневший. Батюшка мне и говорит: «Смотри, глаз-то у меня уже лучше стал. Чего же ты охаешь?» И давай во второй глаз капать. Я опять запричитала: «Этот-то, который хоть немного видит, не трогай». Но разве его остановишь? Я только ахаю, а он кряхтит, но капает. Через некоторое время он мне говорит: «Маша, глаз-то у меня, который не видел, теперь зрячий». Я не верю, думаю, что успокаивает меня, чтоб я не зудела. А потом гляжу, он сам правило читает, без ошибки. Так и исцелил себе глаза. До последнего дня читал, и даже без очков. Другие пробовали по этому рецепту лечиться, но ничего не получалось: не выдерживали болей.

Кончина

Вот начался 1976 год, тяжелый для меня. Всегда батюшка был бодрый, жизнерадостный и все время говорил: «Обновися, яко орля, юность моя». Но в этом году уже не говорил, ждал своей кончины. Батюшка к смерти легко относился, ждал ее, как хорошего гостя. Скажет мне, бывало: «Монахи приходили с Оптиной. Дескать, браток, ну мы ведь тебя ждем». И начнет мне перечислять: «Варсис приходил, Наркис приходил.».. «Да зачем, – скажу с таким недовольством, – чего им тут делать? Зачем они сюда приходили?» «А чего? Пусть, меня, вроде, зовут». А я так расстроюсь... За год до кончины батюшка стал ласковый в обращении со мной, а до этого был строгим. На правиле, скажем, стою за ним, залюбуюсь, на него глядя, и про себя только подумаю: «Где еще такой батюшка есть?» Он обернется, дверь передо мной откроет и скажет: «Ну-ка, выходи из келии, быстро, быстро». Делать нечего, выхожу. А за год до кончины помягчел, все звал меня: «Маша, голубчик». Батюшке про день смерти открыто было. За год до его кончины прихожу из церкви, на Троицу дело было, а он спрашивает: «Сегодня не Благовещение?» Я отвечаю: «Батюшка, да что ты, на

«Земля еси и в землю отыдеши..».. Прощание со старцем Иоасафом

«Со святыми упокой..».. Отпевание совершает архим. Евсевий, ныне архиепископ Псковский и Великолуцкий

Грязи. Келия старца схимонаха Иоасафа. Современный вид

Благовещение ручьи текут и снег еще, а сейчас, смотри, уже ветки зеленые». Он говорит: «Ну узнаешь после, что это за день будет». Вот подходит Благовещение. Я в церковь на всенощную не пошла, с батюшкой совсем плохо было. Стала акафист читать. У нас церковь за пять километров была, не близко, пешком ходили, но нам в радость было. Вдруг слышу голос батюшки: «Мария, подойди». Я подхожу, а он сам весь сияющий, веселый. Я прошу его: «Батюшка, скажи мне что-нибудь». А он отвечает: «Возле меня стоит Спаситель и Матерь Божия». «Пусть Они тебе скажут, когда Они тебя заберут», – говорю ему. Он отвечает: «Благовещенская Матерь Божия тебе скажет». Я потом думала: «Вот как умно ответил. Напрямую мне не сказал, а то б я разохалась да заголосила, от меня-то тайна его смерти закрыта была. Уже отходил ко Господу, а ум у него вот какой ясный был». Я после этих слов пошла за раскладушкой, чтоб во сне увидать, как мне Матерь Божия про его смерть скажет. Это в народе такое поверье, что под Благовещенье Матерь Божия во сне всю правду говорит. Батюшка спрашивает: «Ты зачем это?» Я чего-то там схитрила, не помню. Он улыбнулся слегка. Я на раскладушку легла, но разве заснешь? В 2.30 ночи я встала, к батюшке подхожу, а он такой веселый, руку мне жмет и что-то так мне говорит быстро-быстро. Думаю: «Батюшке легче стало, видать, выздоравливает». И к маме побежала. Она перед этим была у меня и сказала: «Ты нынче не спи, он умрет». А я как расплакалась, как к ней придралась: «Я разве без тебя не знаю? Чего ты мне такие слова говоришь?» Вот, мама приходит к батюшке, я следом иду. Подошла она к нему, а потом говорит мне: «Ну, не теряйся, он уж ушел». А я даже не поняла нисколько. Такой веселый, такой сияющий, улыбается. Так разве умирают? И все свое думаю: «К Пасхе встанет, вот уж стал разговаривать».

Похороны

Племянник в 3 часа утра пошел дал телеграммы о кончине батюшки, и уже к обеду приехал с Ельца схиархимадрит Серафим, а к вечеру из Сергиевой лавры владыка Евсевий прибыл, он тогда там наместником был. Потом приехал иеросхимонах Нектарий с Воронежа. Отпевали его в келлии. Владыка Евсевий возглавлял. Он батюшку очень чтил, и батюшка к нему всегда ласков был. А перед кончиной свою полумантию ему подарил, так владыка очень ценит его полумантию. При выносе гроба неизвестно откуда налетели пчелки, начали все от них отмахиваться, но они никого не кусали. Три пчелки, пока к могилке шли, так над головой батюшки все и кружились, не отлетали никуда. Чудно было смотреть. А когда стали опускать гроб в могилку, опять множество пчелок появилось. Могилку батюшки почитают и даже исцеления на ней совершаются.

Батюшка еще при жизни меня предупреждал: «Мария, когда я умру, тебя про меня спрашивать будут. Ты много-то не рассказывай». Такое было его желание. Как при жизни его почти не знал никто, так и по смерти хотел оставаться в безвестности. Смиренный был очень батюшка.

К.В. Головин, Л.И. Соколова

ПОКРОВСКИЙ ПОРЕЧСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА КОЗЬЕЙ ГОРЕ

Среди женских монастырей Петербургской епархии эта обитель на западной ее границе возникла очень поздно – в самом начале XX века, и в силу исторических событий просуществовала недолго, отчего мало известна всем, кто интересуется монашеской жизнью в нашем крае. Ровно половина истории монастыря, о котором сохранились лишь устные рассказы и отдельные документы в архивах, приходится на советский период. Несколько лучше обстоит дело с дореволюционным периодом – о нем имеются более полные, как печатные, так и письменные источники.

Бывший крестьянин Максим Егорович Егоров, разбогатев на подрядах в Петербурге и став личным почетным гражданином, и его односельчанин и тоже подрядчик Андрей Артемьевич Кудрявцев (1842-1920-е), крестьянин дер.Рудницы Старопольской волости, подали 7 июня 1901 года церковным властям прошение об учреждении близ озера Самро,в сельце Поречье Ложголовской волости Гдовского уезда, женской монашеской общины. Просители при этом объясняли, «что в учреждении означенной общины давно уже чувствуется местная потребность, что стремление к монастырской жизни всегда было заметно в местном населении и особенно сильно обнаруживается в настоящее время среди женщин».

Следует напомнить, что в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии, лежавшем на границе с лютеранской Эстляндией, был только один женский монастырь – Свято-Троицкий Творожковский, основанный в 1865 году, но он находился на довольно значительном удалении от Поречья. Настоятельница этого монастыря игумения Арсения тем не менее возражала против основания новой обители, ссылаясь на то, что «в последние 14 лет ни одна из вдовиц и девиц Гдовского уезда не приходила к ней проситься в монастырь». Опасаясь сокращения доходов, возражал также причт ближайших к Поречью церквей в Ложголове, Старополье и Пенино – «местной потребности в учреждении общины нет».

Храм Покрова Пресвятой Богородицы на Козьей Горе.

Благожелательно отнесся к предложению лишь благочинный епархиальных монастырей, который в своем отзыве написал: «за переполнением существующих в Санкт-Петербургской епархии женских монастырей было бы далеко не лишним открыть новую обитель». Его мнение, очевидно, и повлияло на благоприятный исход дела. В начале апреля 1902 года консистория согласилась на учреждение в Поречье женской общины при условии, чтобы церковь при ней была приходской, имела кладбище и дома для причта. Условие было вполне разумным, так как Пенино, где находился ближайший храм, отстояло от Поречья на шесть верст. В связи с этим был образован новый приход и в него вошли деревни: Поречье, Чудки, Бурежи, Овсищи и Велетово, в которых перед революцией проживало 550 человек.[1]

Условие учредители приняли, обязавшись «построить каменную приходскую церковь и снабдить ее всею необходимою утварью и ризницей, устроить при ней кладбище, ограду, сторожку и помещения для приходского причта, возвести необходимые помещения для общины и пожертвовать для последней, а также для новой приходской церкви и ее причта...трапезной, келий сестер, квартиры начальницы со всеми потребными для общины хозяйственными постройками ». Было обещано

пожертвовать для этой цели « два земельных участка близ названного селения в 228 десятин и 5 десятин с постройками на них, а также внести в пользу общины 10 000 рублей облигациями». Вышеупомянутая игумения Арсения, правда, заявила, что этих средств недостаточно, ибо « у общины не будет денег на жалованье причту и наем рабочих ». Итак, основание монашеской общины было увязано с постройкой в Поречье приходской церкви. Обычно происходило наоборот: вначале возникала община, строившая затем для себя храм, который редко становился приходским.

10 декабря 1902 года, по представлению епископа Нарвского Иннокентия, Синод одобрил создание общины «с таким числом сестер, какое она в состоянии будет содержать на свои средства», предложив ей именоваться «Поречской». Создавать новую общину были направлены две послушницы Пюхтицкого монастыря. В последний день года последовало разрешение Государя на закрепление подаренной земли, из которой для церкви и причта отводилось только 33 десятины, остальная земля предназначалась на устройство и содержание новооснованной общины, хотя главные средства на это должны были давать вышеназванные щедрые жертвователи. Ни Синод, ни казна никаких денег приходу и общине на строительство не выделяли.[2]

Земельный участок в Поречье размером в 710 десятин Кудрявцев и Егоров купили с аукциона 13 апреля 1901 у крестьянина-эстонца Ю.Я.Розенфельда. На этом участке стоял двухэтажный жилой дом и хозяйственные постройки, которые были использованы на начальном этапе создания общины. У Егорова был в сельце также собственный дом на каменном фундаменте, приобретенный несколькими годами ранее. В Поречье в 1917 году насчитывалось 54 дома и жило 358 человек. Как видим, село было большим и не бедным, поскольку многие его жители трудились в Петербурге.

Все строительные работы по новому монастырю начались в 1904 году, когда на Козьей горе были заложены деревянная церковь для сестер и каменная для прихожан. Однако в том году открытие монастыря и прихода не состоялось, «так как жертвователями ... доселе не был совершен установленным порядком дарственный акт на жертвуемую землю». В следующем году, несмотря на революционные беспорядки в стране, строительство шло очень активно – были выстроены «два деревянных флигеля для келий сестер и три дома с дворами для причта, а сама община обнесена тесовою оградою». К этому времени каменный Покровский храм был уже подведен под крышу.

Как и весь монастырский комплекс, он возводился по плану известного гражданского инженера В.А.Косякова, который к этому времени уже был автором крупных церквей в столице: Милующей Божией Матери в Гавани, Богоявленской в порту и подворья Киево-Печерской лавры на берегу Невы, а также в окрестностях: деревянного храма Христа Спасителя в Дюнах и каменного Троицкого в Горе-Валдай, недалеко от Ораниенбаума. План зодчего был утвержден 10 февраля 1904 года Санкт-Петербургским губернским правлением.[3]

Прошел ровно год, и 11 февраля 1905 викарный епископ Гдовский Кирилл (Смирнов), будущий но-

Храмовый образ Покрова Пресвятой Богородицы

Козья Гора. Монастырская ограда б. Покровской обители

вомученик, освятил для сестер церковь прп.Серафима Саровского, которая разместилась на верхнем, втором этаже трапезной и была домовой. Небольшое (3 сажени 2 аршина в длину и 4 сажени 2 аршина в ширину) деревянное здание, оштукатуренное снаружи и внутри, было завершено куполом на шестнадцатигранном барабане и над входом имело звонницу. Оно стояло за каменным храмом. На каждом боковом фасаде находилось по три окна, через которые дневной свет проникал в интерьер. Он освещал одноярусный иконостас белого цвета с позолотой, который Е. Михеев подарил новой церкви. Подарен был также и образ Божией Матери «Всех скорбящих радосте» с грошиками, находившийся в особом киоте.

Козья Гора. Храм Покрова Пресвятой Богородицы

В конце того же 1905 года завершилась вчерне и постройка трехпридельного Покровского храма. Последующие два года ушли на его отделку и благоукрашение. Освящать главный престол 29 января 1908 года приехал в Поречье Владыка Кирилл. В приделе был поставлен двухъярусный иконостас. Освящения боковых престолов пришлось однако ожидать долго. Его произвел новый епископ Гдовский Вениамин (Казанский), в будущем митрополит Петроградский, причисленный ныне к лику святых. 12 февраля 1913 года Владыка освятил престол свт. Николая Чудотворца, 20 сентября 1916 года – свв. апп. Петра и Павла и прп. Максима исповедника. Следовательно, Покровский храм был полностью освящен накануне трагической русской смуты и связан с именем святителя-новомученика.

Архитектурная композиция здания типична для русских церквей: главный четверик, прилегающая трапезная, колокольня над западным входом. Четверик увенчан пятью куполами с узорчатыми крестами и украшен закомарами, центральная абсида – аркатурой. Широкие окна трапезной обрамлены перспективными арками и балясинами; над входами находятся треугольные фронтоны, которые опираются на пучки колонн. Одноярусная шатровая колокольня тоже декорирована закомарами.За алтарем находится кирпичная часовня, предназначенная для погребения А.А. Кудрявцева и его близких.[4]

16 января 1906 года в общину из Покровской церкви с. Боротно Лужского уезда прибыл священник – о.Павел Петрович Соболев, родившийся в 1863 году в семье сельского диакона. В 1886 он закончил столичную Духовную семинарию и, прослужив полгода в Георгиевской церкви села Вшель Лужского уезда, получил назначение диаконом в храм Санкт-Петербургского университета. Весь 1888 год отец Павел оставался в клире этого храма, а затем в качестве иерея вернулся в родные места.

В 1889-1891 годы он настоятельствует в новопостроенной Александро-Невской церкви с.Криуши на берегу Наровы, следующие пять лет – в церкви с. Боротно Лужского уезда, из которой переводится в с.Кунесть Гдовского уезда. Однако в Поречье, служа в Серафимовской церкви, отец Павел провел всего год. Очевидно, он заболел и в 1908 или в 1909 году скончался, и его вдове приход стал выплачивать небольшую пенсию.

Покровский храм.
Левый придел свт. Николая Чудотворца

Придел свв. апп. Петра и Павла
и прп. Максима исповедника

Игумения Мария (Кудрявцева), основательница обители

19 февраля 1907 года приехал новый настоятель – заштатный священник Григорий Петрович Певцов, закончивший давно, полвека назад, Петербургскую Духовную академию. Так как вопрос о земельном участке не был еще урегулирован, постоянный клир епархиальное начальство не назначало – оно это сделало лишь в конце 1913 года. Отца Григория Певцова пригласили по просьбе исполнявшей обязанности начальницы общины, которая, несомненно, знала батюшку по его долголетней службе или в Никольской церкви в Рели (1858-1871 гг.), или в Христорождественской в Старополье (1871-1893 гг.). Поселился вдовый отец Григорий в деревянном доме за монастырской оградой, слева от входа в церковь, и получал от общины 40 рублей в месяц, что в деревенских условиях ему было вполне достаточно.

Престарелого настоятеля 7 марта 1912 года сменил молодой – Василий Михайлович Добронравин (род.5.4.1875), выпускник 1900 года столичной Духовной семинарии, четыре года до своего рукоположения прослуживший псаломщиком в Знаменской церкви Нарвы (Ивангород), которая входила тогда в состав Петербургской епархии. Летом 1904 года о.Василий стал настоятелем вышеназванного храма в с.Криуши, откуда его перевели в Поречье. Он и стал первым штатным священником и прослужил в течении 14 лет, скончавшись в июне 1926 г., в алтаре, во время литургии. Похоронен отец Василий около церкви. Супруга батюшки – Вера Адриановна была на десять лет моложе его и долго не имела детей. Родившаяся в 1910 году дочь Зоя умерла в малолетстве, и супружеская чета снова осталась бездетной.

Образ прп. Серафима Саровского из Серафимовского храма обители. Ныне находится в Покровском храме

Община ежегодно выплачивала священнику 300 рублей, столько же ему давала казна, добавкой были проценты с капитала в 1500 рублей, положенные на хранение в банк, а также доходы с обрабатываемой земли. Диакон – с 1916 года им на вакансии псаломщика числился бывший учитель Леонид Семенович Завьялов – довольствовался скромным содержанием в 300 рублей, но, как и настоятель, тоже жил бесплатно в отдельном доме. Он сменил Петра Елисеевича Григорьева, в прошлом также учителя, который занимал диаконское место предшествующие четыре года.[5]

Жизнь молодой, небольшой и бедной монашеской общины плохо отражена в архивных документах – в епархиальных отчетах о ней сообщается либо кратко, либо вообще ничего не говорится. С самого основания общину возглавляла Мария Андреевна Кудрявцева, дочь ее основателя. Она родилась в 1875 году в Рудницах – родной деревне отца, получила начальное образование в церковно-приходской школе и, может быть, еще где-то. Ее младшая сестра осталась крестьянкой в родных местах, старшая – Пелагия перебралась после революции в Петроград, где жила у сына на Васильевском острове.

Игумения Мария и духовник обители протоиерей Василий Добронравин с сестрами монастыря. Фото 1910-х гг.

Монахиня Феодора (Нестерова)

Долгие годы Мария (она сохранила в монашестве свое первоначальное имя) управляла общиной в качестве рясофорной послушницы, но после того как Синод своим указом за № 791 от 4/17 марта 1919 года преобразовал общину в Покровский Поречский (или Козьегорский) женский общежительный монастырь монахиня Мария, уже имевшая духовный и административный опыт, была возведена в сан игумении и до апреля 1925 года оставалась его настоятельницей. Монастырское хозяйство было невелико: 14 жилых и служебных построек,огороды, сад, сенокос, скот, лошади... Ни школы, ни приюта при обители не было.[6]

В 1907 году в общине проживало 20 послушниц и всего одна монахиня, которую прислали из Пюхтицкого монастыря в Эстонии для наставления новоначальных сестер – благочестивых крестьянских девушек. В 1925 году их число выросло в полтора раза, но неизвестно, сколько из них имели постриг. В конце статьи приведен составленный в тот год список сестер , в котором, однако, нет биографических сведений и дат поступления в монастырь. Келейницами игумении были сестры Пименовы – Анастасия и Феодора.

Первые годы после Октябрьского переворота жизнь, в расположенной в глубинке обители, текла относительно мирно, если не считать военных действий при двукратном наступлении генерала Юденича и неизбежных реквизиций и регулярных поборов со стороны большевицкой власти. Переломным стал 1925 год, когда в начале февраля исполком Ложголовской волости решил провести национализацию монастыря, т.е. отобрать у него землю и имущество. Игумения срочно собрала совещание «двадцатки», пригласив также 15-20 прихожан из окрестных деревень. На нем постановили: отправить матушку Марию в Ленинград хлопотать о сохранении Покровской обители.

Когда игумения вернулась из города, то услышала от своей заместительницы монахини Татианы (Ивановой) тревожный рассказ. Оказывается, 18 марта из Ложголова, по постановлению волостного съезда, прибыла ревизионная комиссия с заданием закрыть монастырь. Почувствовав неладное, поречские крестьяне поспешили к монастырю. К ним вскоре присоединились вооруженные дрекольем жители соседних деревень. Когда толпа разбушевалась, приехавшие испугались и принялись успокаивать народ. Расправа не состоялась, но власти обвинили игумению в подстрекательстве.

Монахиня Феодора (Нестерова)

В три часа ночи 9 апреля 1925 г. ее арестовали. Началось следствие, которое, однако, быстро зашло в тупик, ибо сестры и крестьяне молчали – «по причине экономической зависимости монашек от настоятельницы и преданности верующих допросы не могут дать желаемого результата». Следствие предложило заключить матушку Марию на три года в концлагерь по обвинению в контрреволюционной деятельности, но суд 27 мая приговорил ее к трем годам ссылки. Последующая судьба игумении осталась невыясненной. Не исключено, что она вернулась в Поречье и похоронена на кладбище у церкви, где сейчас находится около 20-ти большей частью безымянных – монашеских могил.[7]

Сестры Анастасия и Феодора Пименовы – инокини обители. Фото 1910-х гг.

Чтобы сохранить монастырь, ее насельницы согласились в 1925 году создать трудовую артель, разновидность колхоза, платить налоги и производить продовольственные поставки, хотя они «идут на укрепление сатанинской власти и на погибель Святой Церкви». Однако зная о сильнейшем недовольстве крестьян коллективизацией, сестры при поездках по деревням поддерживали его своими разговорами, сравнивая прежнюю и нынешнюю жизнь, осуждая раскулачивание и пропаганду безбожия и отговаривая вступать в колхозы. У части крестьян они находили сочувствие не только на словах, но и на деле – нищие

Монахини Анна (Яковлева) и Феодора (Нестерова) с иером. Андроником (Устиновым) (?). Село Ивановское (?). 1929-1930 гг.

Сестры Покровского Поречского женского монастыря с духовником иером. Андроником (?). 1920-е гг.

колхозники жертвовали монастырю и продовольствие, и деньги.

В 1929 году артель ликвидировали и тем самым закрыли монашеское общежитие. В Поречье был организован колхоз «Красная заря». С великой скорбью сестры покидали свои кельи и любимый монастырь. Кто-то остался жить в селе, кто-то перебрался в соседние деревни, кто-то уехал подальше. Анна Яковлева, с 14 лет жившая в монастыре, и ее сестра Феодора переехали в фабричное село Ивановское, лежащее в 35 верстах от разоренного монастыря, к местному священнику иеромонаху Андронику (Устинову,1883-1938) и стали трудиться в его храме: Анна – помощницей, Феодора – псаломщицей. Там же подвизалась монахиня Феодора Васильевна Нестерова, проведшая в монастырях 35 лет. Ее и матушку Анну 4 января 1931 года арестовали и дали пять лет лагерей. Днем ранее взяли отца Андроника, которого позже ждала смерть от чекистской пули.

После разорения монастыря его постройки использовал для своих целей местный колхоз. Дом с Серафимовской церковью в 1930-е сгорел; Покровская церковь была закрыта в 1937 году и не действовала последующие пять лет. Когда осенью 1941 года Поречье заняли немецкие части, жители открыли храм, но лишь полгода спустя, а именно 25 марта 1942 года, в него был назначен постоянный священник – отец Алексий Алексиевич Кибардин (1882-1964), уже отбывший, как иосифлянин, свой первый лагерный срок. Он прослужил в храме три с половиной года, после чего был переведен в Вырицу. Советская власть вспомнила о самоотверженном служении батюшки-исповедника в оккупированном селе и в 1950 году снова упекла его в лагерь, на сей раз осудив его на 25 лет.

В послевоенные годы Покровская церковь оставалась приходской, и настоятели в ней менялись довольно часто. Так как попасть на Козью гору считалось своего рода наказанием, то мало кто из служившего там духовенства по-настоящему интересовался историей ранее действовавшего монастыря, хотя такие возможности были, ибо некоторые сестры после ссылки вернулись в родные места. Монахиня Серафима (Екатерина Никоновна Никонова) скончалась, например, в Поречье в 1984 году, дожив до девяноста лет. О многом могли бы рассказать и старые крестьяне, но сегодня никого из них уже нет в живых. Повидимому, обстоятельную историю Покровского монастыря написать никогда не удастся.

Монахиня Анна (Яковлева) по возвращении своем на Козью Гору после ссылки. Фото 1950-х гг.

Примечания:

[1] РГИА, Ф.796. Оп.183. Д.1819; Оп.196 (2 отд., 2 ст.), Д.625; ЦГИА СПб, Ф.647. Оп.1. Д.1

[2] ЦГИА СПб, Ф.647. Оп.1. Д.1. Л.5-7; РГИА, Ф.796. Оп.183. Д.1819. Л.1 об

[3] РГИА, Ф.796. Оп.442. Д.2046, Л.86 об; Д.2105. Л.105 об; ЦГИА СПб, Ф.647, Оп.1, Д.2

[4] ЦГИА СПб, Ф.256, Оп.27, Д.53, Д.217, Л.4; Ф.678, Оп.2, Д.43

[5] ЦГИА СПб, Ф.647, Оп.1, Д.4; Ф.678, Оп.2, Д.43; РГИА, Ф.796, Оп.196 (2 отд., 2 ст.), Д.625

[6] ЦГИА СПб, Ф.678, Оп.2, Д.5, Л.102

[7] Архив УФСБ по СПб и Ленинградской обл., Д. П-18026. Л. 33, 36.Синодик Санкт-Петербургской епархии. Спб, 2002, С.141

Сестры Покровского Поречского женского монастыря на Козьей Горе с духовником свящ. Василием Добронравиным. Игумения – слева от духовника. Фото 1920-х гг.

Список сестер Покровского монастыря на 19.11.1925:

1. Астафьева Анна Алексеевна
2. Антонова Мария Ивановна
3. Атанова Фекла Герасимовна
4. Афанасьева Мария Тимофеевна
5. Васильева Анна
6. Васильева Феодора
7. Власова Агриппина
8. Григирец(?) Наталья Ивановна
9. Екимова Татьяна
10. Егорова Пелагея Леонтьевна
11. Иванова Анастасия
12. Иванова Анастасия Васильевна
13. Иванова Екатерина
14. Иванова Ольга
15. Кудрявцева Мария Андреевна, игумения Мария
16. Кудрявцева Евдокия Георгиевна
17. Кузнецова Анна Петровна
18. Кареткина Мария Константиновна
19. Кондратьева Татьяна Ерофеевна
20. Копалова Мария
21. Леонтьева Анна
22. Макарова Марфа
23. Матвеева Анастасия Панфиловна (р.1890)
24. Михайлова Анастасия
25. Нестерова Феодора Васильевна (р.1888)
26. Николаева Надежда
27. Никонова Екатерина Никоновна
28. Павлова Любовь
29. Румянцева Мелания Леонтьевна
30. Рябинина Ангелина Сергеевна
31. Савельева Васса Васильевна
32. Федорова Татьяна
33. Шульцева Анна Семеновна
34. Яковлева Анна Яковлевна (р.1900)
35. Яковлева Феодора Яковлевна

К ним следует добавить:

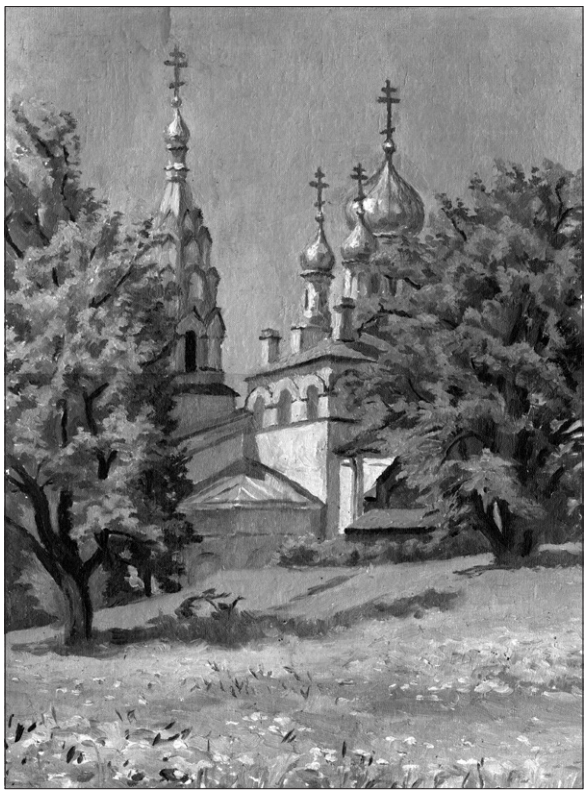
1. Блинова Анна Федоровна
2. Ефимова Татьяна
3. Иванова Татьяна Ивановна
4. Клементьева Татьяна Клементьевна
5. Максимова Феодора
6. Семенова Анна Самуиловна
7. Федосеева Татьяна Федосеевна

ПЕНИНО. КОЗЬЯ ГОРА

Что бы знать кто ты, надо знать откуда ты.

К юго-западу от Петербурга, на границе Лужского и Сланцевского районов в с. Пенино (в летописях XV в. – «Сумерский погост», учрежденный св. равноап. кн. Ольгой в 957 г.) сохранились руины церкви Рождества Пресвятой Богородицы, построенной в древнерусском стиле епархиальным арх. Н.Н. Никоновым (1893-1900).

На пилонах церкви – фрески с изображением святых. Цветочный орнамент украшает стены и сохраняется в рисунке белых изразцов пола, что соответствует окружающей природе – белым лилиям в зеленой воде Пенинского озера, голубым колокольчикам и красной гвоздике холмов, ландышам и фиалкам лесов и перелесков. Здесь цветет орхидея (ночная фиалка), поют соловьи и молимся мы, потомки древнего народа.

Козья Гора. Покровский храм. С картины 1980-х гг.

Рядом деревня Кошелевичи, – Нижние Кошелевичи и Горка, где в домах Федосеевых, Благородовых, Савиных останавливалось приезжее духовенство. Святой прав. Иоанн Кронштадтский (освящавший Александро-Невский придел и сам храм в Пенино и приезжавший сюда, по меньшей мере, дважды, в августе 1900 г. и августе 1901 г. – *Ред.*) останавливался в доме Федосеевых.

Белый дом на цоколе, с полуциркульными окнами, обработанный рустом, сохранился по сей день. Рядом – часовня, той же постройки. В доме была молельня о. Иоанна Кронштадтского – комната, обитая голубым шелком с белой кисеей.

После революции в доме была открыта школа. Молодые учительницы в красных косынках, комсомолки атеистических убеждений, одна за другой пытались поселиться в молельне. Однако ночью им были видения. Являлись двое мужчин и сбрасывали их на пол. Это повторялось, и никто не захотел там жить.

В годы Великой Отечественной войны в церквах на территории, оккупированной немцами, совершались богослужения. У меня сохранился молитвенник, изданный «Управлением Православной миссии в освобожденных областях России» в 1942 г.

Миссия предотвратила кровопролитие, но, отступая, немецкие войска сожгли д. Кошелевичи. Дом Федосеевых, который мы называем домом о. Иоанна Кронштадтского, немцы подожгли с 3-х сторон. Пламя погасло само собой. В этом единственном доме с обгоревшими ступеньками парадной лестницы, украшенной медными шарами, нашли приют погорельцы, вернувшись из леса, где прятались от немцев. В праздник Рождества Пресвятой Богородицы, на который приходили или приезжали на шарабанах люди из соседних деревень, в доме накрывали столы.

Св. Иоанн Кронштадтский предсказал судьбу наших церквей и белого дома: «Хороший дом ты построил, Иван Петрович, но жить тебе в нем не придется. Будет он переходить из рук в руки».

Федосеевы владели мельницей. Их раскулачили и сослали в Сибирь. Уезжая, Прасковья Федоровна сказала нам: «Теперь очередь за вами».

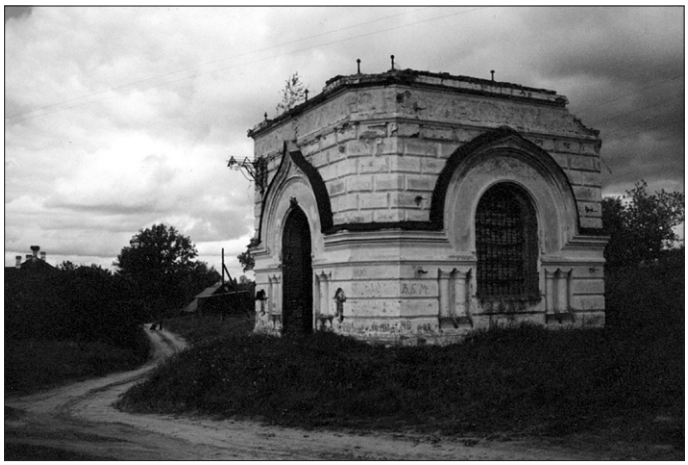
Мой дед, Михаил Иванович Свинтусов, брал подряды, в Петрограде, в Гельсингфорсе (Хельсинки) и на Карельском перешейке. Он был садовником. Поэтому у нас изъяли сначала столовое серебро, затем все, что оставалось, а когда ничего не осталось, прихватили валенки от постели тяжело больного туберкулезом деда.

Священники жили у нас в деревнях. Один из таких домов в XIX веке купил мой прадед на Горке. В Пенино перевозили дома раскулаченных людей. В 1946 г. в Буряжках построили дом для священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы, позднее дом перевезли на Козью Гору. На Козьей Горе был монастырь Покрова Пресвятой Богородицы и храм, построенный по проекту арх. В.А. Косякова в стиле модерн. 11 лет назад в 1989-1990-х гг. были сняты цветные лампады, затем исчез изящный серебряный сервиз для причастия, после чего были похищены иконы. Иконостас пострадал несколько лет назад. Золотая утварь, по преданию, была спрятана на дне озера «Самро».

В монастыре несли послушание сестры мачехи моей матери из дома Сайкиных, что в д. Буряжье. Они

Дом «Св. прав. Иоанна Кронштадтского» (И.П. Федосеева) в Кошелевичах

Кошелевичи. Часовня Рождества Пресвятой Богородицы, выстроенная на средства Федосеевых в нач. XX в.

любили принимать у себя школьников и угощать их яблочными пирогами.

После революции над монашками надругались (в траве находили их платочки) и сослали в Сибирь. Моя тетя, Елена Михайловна Демидова (рожд. Свинтусова), отбывала срок вместе с ними в г. Омске. По окончании срока лжесвидетелям дали по пол буханки хлеба, чтобы подтвердили показания, будто «монахини ругали советскую власть», и срок продлили. В монастырь вернулись немногие. До сих пор рядом с церковью стоит домик Анны Яковлевны, умершей последней. Мы с сестрой ходим убирать их могилки.

В Духов день, после войны, крестный ход из церкви Покрова Пресвятой Богородицы, на лодках направлялся через озеро Самро в с. Песье.

Храм Вознесения Господня с изумительной иконописью и деревянной золоченой резьбой здесь совершалось богослужение, и крестный ход направлялся к святому источнику среди могучих елей – на водосвятие.

Прекрасные духовные песнопения, голубое озеро, плеск воды, желтые ирисы в тростнике – все славило Бога. После водосвятия был торжественный обед. Угощали свежей рыбой в молоке, пирогами с зеленым луком и яйцом, с рыбой, с сагой и киселем.

Праздник Воздвижения Креста Господня в д. Рожновье. Варили пиво для мужчин, женщинам подавали сласти.

В последний путь обычно провожали всей деревней. Землю перед гробом устилали цветами, зимой – еловыми веточками. На перекрестке дорог лежал могильный камень, на который ставили гроб. Отовсюду приходили люди. Что символизировал камень на крестообразном перекрестке дорог?

Прошли годы… В храме Покрова Пресвятой Богородицы совершаются службы. Летом в храм идут наши дети. Они принимают участие в богослужениях: держат чашу или несут хоругви, проходят под иконой и летят, как ласточки, с горы после богослужения.

Анна Ивановна Мнушко

В.Я. Степанов

ВЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

С большака, свернув на Павы,
Через три версты всего,
Глазу бросится устало,
Ставшим малое, село.
В том селе, чуть-чуть в сторонке,
Где замшелый спит гранит,
Опираясь на подпорки,
Церковь в зарослях стоит.

Надломились ее ржавы
Золоченые кресты –
Не сумели величаво
Одиночества снести.
Время, люди, непогода –
Дело сделали свое.
От богатого прихода –
Нынче только воронье.

Заросло травой кладбище.
Уши режет тишина.
Горше, чем на пепелище,
Перед памятью вина.
Словно в тяжких грехах каясь,
Облаков плывет волна.
Плачет ветер, чуть касаясь,
Нежно гладит купола.

И.В. Попов

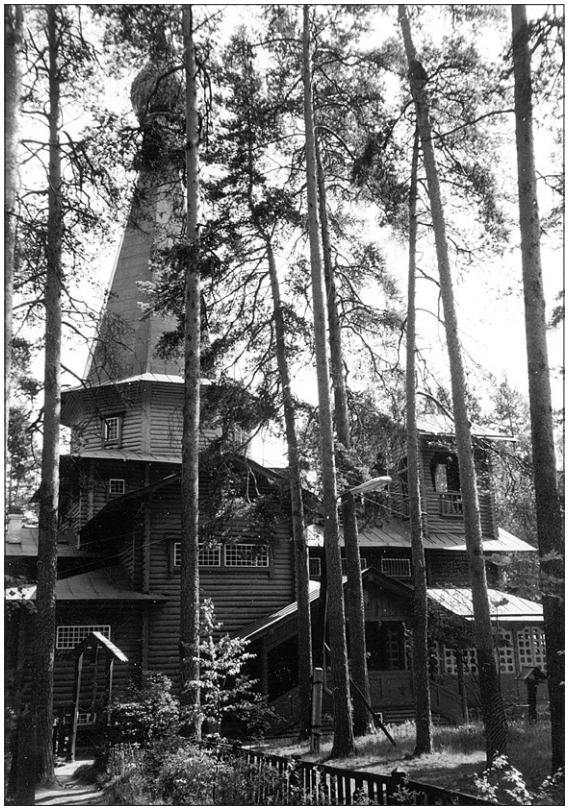
СВЯТАЯ ВЫРИЦА

Вырица. Место это благодаря имени преподобного Серафима Вырицкого (1866-1949), прославленного ныне в лике святых Русской Православной Церкви, широко известно православным христианам далеко за пределами С.-Петербургской епархии. Здесь можно встретить паломников со всей России и из государств, лежащих далеко от ее пределов. Интересна и поучительна история этого святого места. Какое созвездие имен, составивших славу Русской Церкви, украшает это дачное место! Сколь напряженная духовная жизнь протекала здесь на протяжении сравнительно недолгой истории Вырицы, которая скоро отметит свое столетие.

Земли нынешней Вырицы, известного дачного поселка под Петербургом, издавна относились к Водской пятине Господина Великого Новгорода. Название Вырица, так же как и название расположенной по соседству, тоже на берегу живописной, извилистой и своенравной реки Оредеж, Выры (имение и село, известное по повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» и воспоминаниям В.В. Набокова «Другие берега», о проведенных им здесь, в родительской усадьбе, днях детства), восходят к русскому слову «вырь», означающему пучину, омут на реке.*

В западной части огромного дачного поселка, по размерам своей застроенной территории превосходящего иные города, в районе бывшей дер. Вырица (у моста через Оредеж на Сиверском шоссе, близ Вырицкого кладбища) сохранились курганы XI-XII вв., свидетельствующие о том, что местность эта была обжита еще в столь давние времена (Вырица, Береговая ул., возле д. 1, обследовались в 1907 и 1974 гг.).[1]

К XVI веку земли Вырицы, тогда еще не заселенные и представлявшие собой обширные боры и пустоши, относились к Грязевскому (Грезневскому Никольскому) погосту. Среди существовавших здесь тогда селений упоминаются: Суйдовский монастырь**, деревни Волосница, Заборовье, Ковоша, Красная (район нынешних Красниц), Устеж, сельцо Коприно, сельцо Техутицы, сельцо Живоричи и

Вырица. Храм Казанской иконы Божией Матери.

село Куровичи. Во время Ливонской войны (1558-1583), после похода войск царя Иоанна Грозного в Прибалтику, объединенное войско Речи Посполитой во главе с королем Стефаном Баторием вторглось в русские пределы. Им были сожжены пограничные русские крепости, осажден Псков, героически выдерживавший осаду в 1581-1582 гг., и разорена вся Псковская земля, – вплоть до Шелонской пятины. Воспользовавшись тяжелым положением Руси, в северо-западные русские земли вошли шведские войска. По Плюсскому мирному договору (1583) от России к Швеции отошли Нарва и Ивангород, Ям, Копорье с прилегающими к этим крепостям уездами и землями. В числе этих земель оказалась и местность Вырицы, относившаяся к Копорскому уезду. Условия Плюсского соглашения продлевались и после смерти царя Иоанна Грозного, при его сыне, царе Феодоре Иоанновиче, в 1585 и 1586 гг. После же новой войны России со Швецией* (1590-1593), завершившейся подписанием Тявзинского мирного договора (1595), земли эти были возвращены России.

* Вырь, вир – пучина, водоворот, водоверть, ворот, заверт. <...> *Тверск.* – извертина, калуга, пожня, пойменный луг или покос. *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1. СПб, М. 1880, с. 311.*

** Суйдовский Никольский женский монастырь, существовал в XVI-XVII вв.

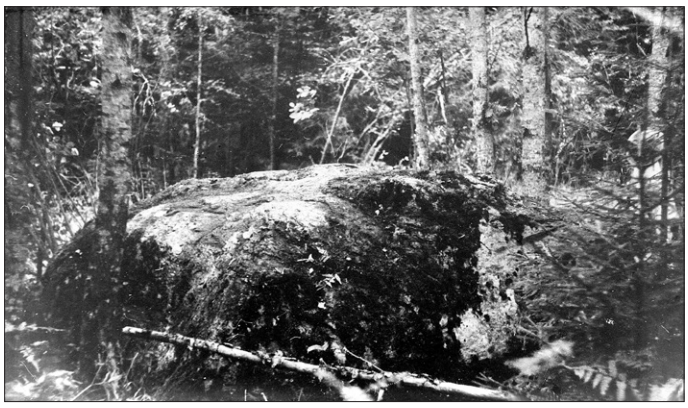
Карта Ингерманландии 1699 г. По материалам К.-М. Стюарта. Военный архив. Стокгольм.

«Сей мир обрадовал ту и другую державу, избавив шведов от войны разорительной и надежно утвердив за ними Эстонию с Нарвою, а России возвратив древнюю новгородскую собственность, где наши братья и церкви тосковали под властью чуждых завоевателей. Феодор вместе с воеводами послал в Кексгольм и святителя, чтобы очистить там Православие от следов иноверия»[2].

Еще через 15 лет, воспользовавшись Смутой и войной с Польшей, шведы вновь захватили Корелу (Кексгольм) и северо-западные земли, включая Новгород (с 1613), Ладогу и Тихвин. После Столбовского мира (1617) часть этих земель постепенно была возвращена России (уход шведов из русских пределов растянулся на несколько лет), а приневские и прибалтийские русские земли остались во владении шведском почти на столетие.

Вырицкие земли в этот период были отнесены к Копорскому лену (уезду) и принадлежали к Грязенскому погосту (Gräsinskoj pogost) и образованному уже в шведское время Суйдовскому погосту (Suidoskoj pogost), существовавшему с конца XVII в., центром которого было Koprino.

Земли в Ингрии получили шведские дворяне и купцы: обширными землями здесь стал владеть бывший ревельский купец Богуслав Розен, выслуживший дворянство, ближайшие окрестности Гатчины получил Г. Оксеншерна, Орлинский погост вошел в состав баронства Сиксенбург голландца А.С. фон Сандельера, Грязенский погост получил брат губернатора, полковник К. А. Маннершильд. Земли Вырицы стали шведско-русским порубежьем – граница пролегала неподалеку от Вырицы, всего в 12 верстах от южной границы нынешнего Поселка. Как память о том, что около ста лет здесь проходила граница, в глухом лесу за Онзовским лесничеством (к нему также есть дорога со стороны Дружной Горки) сохранился большой валун, называемый «Мама-камень». Это пограничный знак, на котором выбиты символы пограничных государств – три короны и православный крест. Здесь заканчивались владения Швеции, за «Мама-камнем» начиналась Россия. Об этом же времени напоминают названия урочищ «Королевская караулка» и «Новгородская караулка» на старой дороге, ведшей из Новгорода в Нарву (местность Осиновой Горки в верховьях реки Ракитинки, также к югу от Вырицы и в 6 км от урочища «Мама-камень»). В связи

Мама-камень, обозначавший в XVII веке русско-шведскую границу

* Тогда при короле Иоанне III его генералом Морицем Грипом были сожжены многие селения в Новгородских землях, близ Ямы и Копорья, шведское войско разорило обширную область, лишь 50 верст не дойдя до Новгорода, летом 1591 г. ими была разорена окрестность Гдова и Карельские земли на Белом море. В ответ русские войска предприняли опустошающий поход в Финляндию.

с притеснением жителей, ущемлением их прав, гонением на православную веру многие православные жители края, – русские, ижоры, карелы, бежали из завоеванного шведами края за русский рубеж. Земли опустели. Шведская администрация края начала массовое переселение на ижорские земли (в Ингерманландию) крестьян-финнов из глубины Финляндии (в основном из районов Саволакс в Карелии и Эуряпя на Карельском перешейке и по вероисповеданию, преимущественно, лютеран). К концу XVII века финские крестьяне-переселенцы составляли до 60% населения края.

Так старинные русские селения стали называться на шведский лад: Kurovits (Куровицы), Koprino (Кобрино), Suida (Суйда), Sapolia, Kousola (Ковшово), Sabrowa (Заборье, Заборовье), Wollawitsa, Pusna (Пижма). Появляются и новые селения: Smeino (Мины), Gorka (Горки), Patilowa и Ustia (Устье) – в районе с. Введенское.

Тогда же впервые на картах появляется и деревня Werektsa (Вырица) в местности, где возле реки Оредеж отмечены древние курганы. В лесу, за рекой, напротив нынешнего Поселка отмечена деревня Hamala, к юго-востоку от современной Вырицы, также на берегу Оредежа отмечено селение Gorodok. К югу, возле русской границы, отмечены селения Lipsa (район современной станции Слудицы) и Borisowa (Борисово). Судя по названиям селений можно видеть, что большая часть их продолжала называться по-русски, некоторые, преимущественно новые, селения носят финские имена.

Во время Великого голода 1695-1697 гг. в Ингерманландии умерло около 40 % населения. Еще через три года началась Великая Северная война, вернувшая эти земли России.

В XVIII-XIX вв. Вырица (собственно деревня Вырица) принадлежит к образованному в 1710-х гг., на месте прежнего Никольского монастыря и погоста, приходу Суйдинской Воскресенской церкви Царскосельского уезда С.-Петербургской губернии.

Земли Вырицы с середины XIX века (западная часть современного поселка Вырица, получившая позже название Княжеской Долины), становятся владением князей Витгенштейнов. Светлейший князь Петр Христианович Витгенштейн (1769-1843), потомок древнего вестфальского рода, представители которого выехали в XVIII в. на службу в Россию*, во время Отечественной войны 1812 г. был генерал-фельдмаршалом и командовал корпусом 1-й армии, прикрывавшим подступы к Петербургу во время вторжения Наполеона в Россию, в связи с чем заслуженно приобрел славу спасителя столицы. Выйдя в отставку, кн. П.Х. Витгенштейн приобретает в Царскосельском уезде имение Дружноселье с окрестными землями. В их

Герб князей Сайн-Витгенштейн

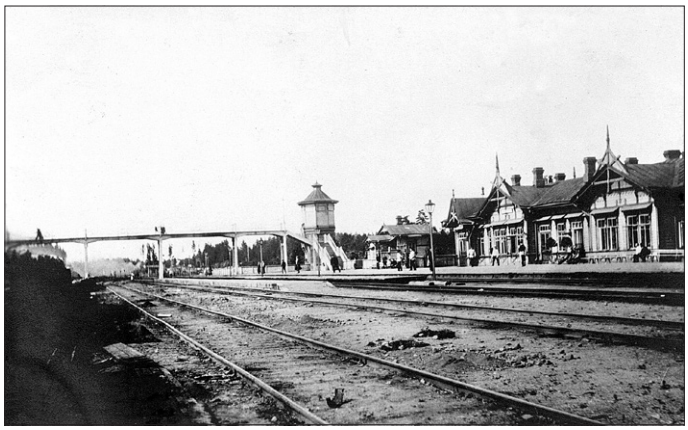
Генерал-фельдмаршал князь П.Х.Витгенштейн. Копия с портрета работы Д.Доу. 1820-гг. Фрагмент

число попадает и Вырица, представлявшая в то время обширную лесную дачу вблизи одноименной деревни (Вырицкий майорат за потомками генерала П.Х. Витгенштейна был Высочайше утвержден в 1845 и подтвержден в 1869 гг.[3]). До конца XIX – начала XX века земли эти так и оставались занятыми лишь раскинувшимся по обоим берегам Оредежа вековым сосновым бором.

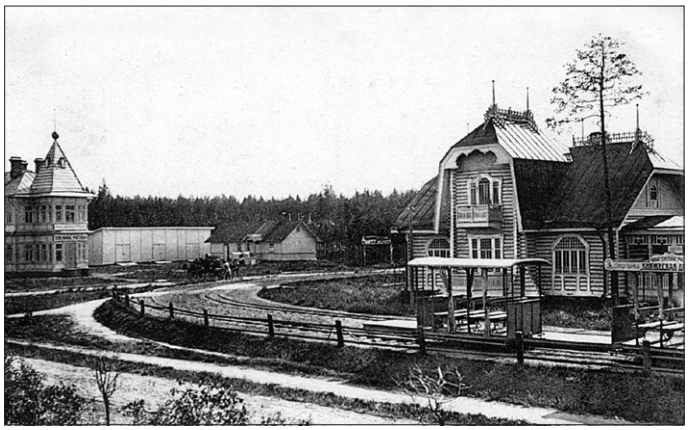
На рубеже столетий самую старую в России Царскосельскую линию железной дороги (С.-Петербург – Царское Село – Павловск) решено было продлить на юг. Комплекс сооружавшихся линий, объединенных под названием Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, включал новые железнодорожные линии Москва – Рига, Рыбинск – Виндава и Царское Село (Петербург) – Витебск – Киев. Две основные линии дороги пересекались под прямым углом, образуя крест, в районе станции Дно в Псковской губернии. Линия на запад (на Псков и Ригу) была открыта в 1894 г., на восток (к Старой Руссе и Рыбинску) – в 1894-1897 гг., линия на юг была открыта для движения в 1901 г. Самым последним был введен в строй участок Царское Село – Дно (1911), тогда же по всем линиям было открыто транзитное сообщение.

Строительство в 1901-1911 гг. линии от Царского Села на юг способствовало возникновению вдоль нее новых дачных поселков, возникавших рядом со вновь открытыми станциями Царскосельской железной дороги. Проектирование и обустройство дачных мест призвано было несколько разгрузить Царское Село и Павловск, бывших не только местом пребывания Царской Семьи и Императорского Двора, но и излюбленным местом отдыха петербуржцев. К началу XX века в летнее время эти города были переполнены дачниками, городские власти Царского Села и Павловска не могли и не считали возможным бесконечно увеличивать площадь застройки этих городов-резиденций, и поэтому был выбран путь устройства в пределах Царскосельского уезда новых дачных местностей. Из них самым обширным, известным и популярным у петербуржцев селением (по сути дела городом-спутником Царского Села) суждено было стать Вырице.

* Князья Сайн-Витгенштейн (Fürsten und Prinzen zu Sayn und Wittgenstein). Род впервые упоминается под 1044 г. Отец гр. П. Х. Витгенштейна оказался в русском плену во время Семилетней войны с Пруссией, в 1761 г. Оставшись в России, он поступает на службу и обзаводится семьей. Через 8 лет у него рождается сын Петр, будущий генерал-фельдмаршал.

Вырица. Станция Московско-Виндаво-Рыбинской (Царскосельской) железной дороги. Фото 1900-1910-х гг.

Вырица. Контора кн. Витгенштейнов возле станции (на Железнодорожном пр.). Фото 1900-1910-х гг.

На рубеже веков, в самом конце XIX века, в 1898 году, увидела свет книга англичанина Э. Говарда «Города-сады будущего», получившая широкое распространение и всемирное признание. В ней излагалась идея воплощения на практике идеальных градостроительных форм, – создание «идеальных городов» или «городов-садов». В век индустриализации и промышленного бума во многих развитых странах общество стремилось создать города, где человек, при максимальном городском комфорте, жил бы в единении с природой. Эта идея привлекла в 1890-1910-х гг. внимание многих архитекторов, стала широко воплощаться в застройке многих городов Старого (Лондон, Берлин, Стокгольм и др.) и Нового света (Вашингтон, Сан-Франциско, Филадельфия и др.), будучи положенной в основу официальной градостроительной политики и практики во многих странах.

Опыт Европы и Америки был воспринят и в России с преломлением универсальной идеи «города-сада» в русле отечественных традиций. В соответствии с концепцией «города-сада» в 1900 году одной из первых в России была начата застройка местности «Царский лес» под Ригой (арх. Г. Куфальдт и Г. Янзен, 1901-1906, 1910-е, 1920-1930-е гг.).[4] В те же годы в соответствии с концепцией «идеального города» или «города-сада» осуществлялась планировка и застройка городов в новых дальневосточных владениях России – в г. Дальнем и Харбине[5].

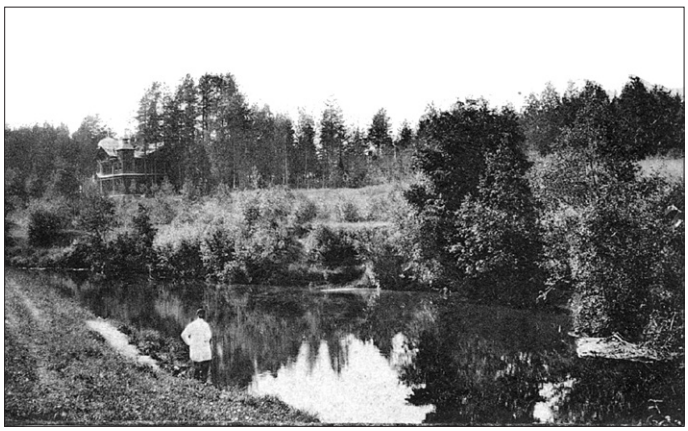
Такой же «идеальный город», «город-сад», решено было создать в 30-ти верстах от Царского Села при открытой в 1906 году станции «Вырица» Московско-Виндаво-Рыбинской (Царскосельской) железной дороги.

Необычайно живописные виды излучины реки Оредеж, сосновый бор, целебный воздух, благотворно влияющий на здоровье, при удобстве сообщения с Петербургом и Царским Селом стали привлекать сюда горожан. В первую очередь по образцу идеального города-сада были распланированы земельные участки к югу от реки Оредеж, бывшие с конца XIX века во владении великобританского подданного М. Я. Эдвардса (ему принадлежал стекольный завод в Усть-Введенском) и располагавшиеся в непосредственной близости от станции. В соответствии с генеральным планом будущего города прокладывались просеки и улицы в лесу, началась распродажа участков и застройка кварталов. В первую очередь застраивались улицы, проложенные к востоку от железной дороги и район, прилегающий к станции – собственно Вырица, затем – районы за рекой Оредеж – Заречье.

Еще в 1906 г. был составлен новый план застройки местности, в котором «напротив вокзала предусматривал-

Вырица. Княжеская Долина. Река Оредеж возле пещеры. Фото 1900-1910-х гг.

Вырица. Река Оредеж возле дачи Бумагина. Фото 1900-1910-х гг.

ся парк, театр, концертный зал, 6-ти верстный трамвай и дешевые телефоны».[6]

«Новый путеводитель Петербурга и его окрестностей за 1909 г. писал: «Будущий город Вырица. Земельные участки в Вырице и пос. Заречье. Один и одна четверть часа от Петербурга. По имению проходит железная дорога с пятью станциями, 9 пар поездов ежедневно. Проложено 13 верст шоссированных мостовых дорог и 8 верст трамвая, телефон с Петербургом, почта, все удобства. Берег чудной реки Оредеж, бесплатные купальни, прекрасный воздух, прекрасная вода для питья, катание на лодках, рыбная ловля. Будет строиться театр. Местность лесная, живописная, высокая, здоровая. Земля продается у самой станции. Продано уже более 1800 участков».[7]

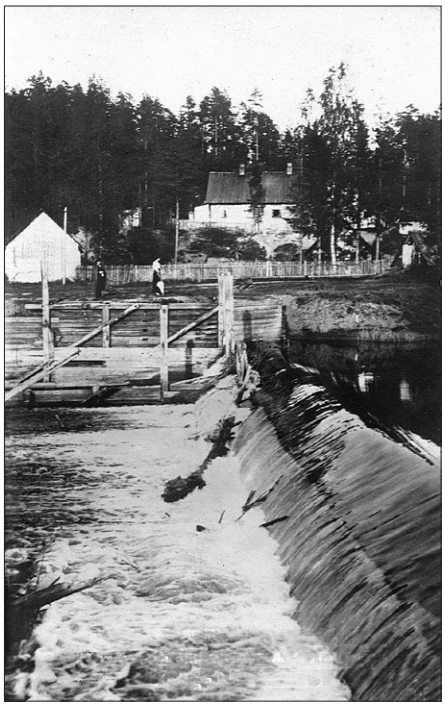
Кроме г-на Эдвардса и его компаньонов, русских предпринимателей, среди которых был местный лесопромышленник Антип Христофорович Ефремов, отец знаменитого фантаста И.А. Ефремова (1906-1972), значительными участками земли в окрестностях Вырицы к началу XX века продолжали владеть князья Сайн-Витгенштейны. В 1910 году старший из наследников майората – князь Генрих Федорович Витгенштейн, к тому времени – отставной поручик лейб-гвардии Гусарского (квартировавшего в Царском Селе) полка, решил распродать часть не занятых строениями земель под дачи*, – пустопорожнее землевладение становилось все более ощутимой финансовой обузой. Огромная территория в излучине реки Оредеж с вековым сосновым бором, получившая название «Княжеской долины» стала застраиваться новыми дачами «города-сада». «Реклама «приятных» участков в поселке «Княжеская долина», окрыленная фамильными титулами их бывших владельцев, открыла новую страницу вырицкого землевладения, притягивая сюда новых дачников, уставших от помпезности дворцовых пригородов и курортного шума».[8]

К югу от «Княжеской долины» при деятельном участии М.Я. и И.М. Эдвардсов и А.Х. Ефремова в середине 1910-х годов было начато обустройство еще одного дачного пригорода Вырицы под названием «Поселок». Тот же сосновый бор, здоровый климат, река Оредеж и озеро. Главной магистралью Поселка стал Сегалевский проспект, идущий с севера на юг параллельно реке. К

Вырица. Магистральный проспект. Фото 1900-1910-х гг.

Вырица. Княжеская Долина. Плотина на р. Оредеж возле лесного завода А.Х. Ефремова. Фото 1900-1910-х гг.

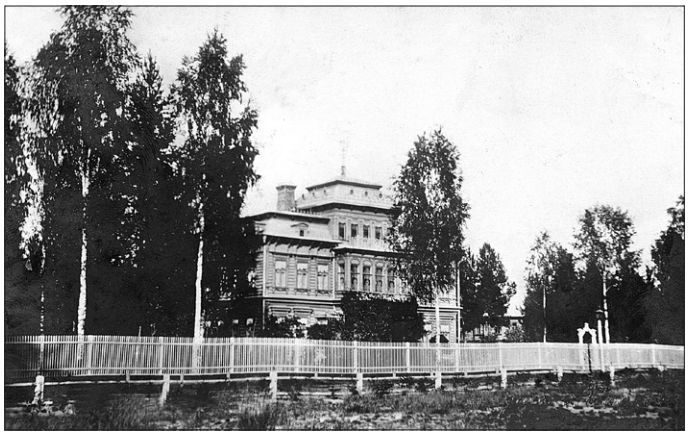
лесному заводу А.Х. Ефремова на берегу Оредежа была проложена «Ефремовская» ветка железной дороги. Позднее она была продлена на юг, что позволяло дачникам из Поселка быстро добраться в столицу. Первые временные пассажирские поезда из трех вагонов ходили один раз в неделю с пересадкой в Царском Селе, позже сообщение стало регулярным.

Громкие названия улиц и проспектов, трамвайная конка, пожарное общество и кинематограф, торговые дома и лавки, общество благоустройства и городской общественный парк, выстроенные для дачников православные храмы и даже небольшой монастырь сделали дачную местность Вырицы привлекательной для петербуржцев настолько, что перед 1917 г. она пользовалась такой же, если не большей популярностью, как известные дачные местности Сиверской, Суйды и Тайцев. Было распродано и частично застроено более 3000 участков. По площади застройки Вырица превзошла и Павловск, и Царское Село.

Вырицкие храмы
Церковь свв. апостолов Петра и Павла

Одновременно с ростом дачной местности, в окрестностях Вырицы началось строительство храмов. Самым первым храмом Вырицы суждено было стать храму свв. апп. Петра и Павла. До постройки Петропавловской церкви жители поселка обращались за необходимостью к духовенству соседних приходов в Суйде и Усть-Введенском. С возникновением дачной местности при станции Вырица

*В это время сослуживцы кн. Витгенштейна по лейб-гвардии Гусарскому полку – графы Стенбок-Ферморы начали распродажу под дачи своего фамильного земельного владения в Лахте. Так возникли дачные поселки Лахта, Ольгино и Владимировка (ныне – часть пос. Лисий Нос).[8]

Вырица. Дача Баусова

владельцы участков и дач подняли вопрос о необходимости строительства в Вырице самостоятельного храма для удовлетворения духовных нужд жителей.

Хотя строительство храма было запланировано еще на первом этапе обустройства «будущего города Вырица» и тогда же для храма был выделен участок земли, решение о том, что будущий храм станет именно православным, было принято не сразу. Коренное финское население этих мест (проживавшее в дер. Петровка, Мины и других) хотело, чтобы на церковном участке была выстроена лютеранская кирха. Тем не менее, несмотря на то, что на первом этапе строительства Вырицы финское население численно преобладало, большинством голосов на собрании владельцев земельных участков было принято решение о сооружении православной церкви, а также кладбища неподалеку от нее на участке, пожертвованном помещиком Корниловым.

Храм строился по проекту выпускника Института гражданских инженеров, техника С.-Петербургского градоначальства, архитектора Николая Ивановича Котовича[9], в основном, на пожертвования местного населения. Одними из первых жертвователей на храм был глава местного общества трезвости, постоянно живший в Вырице с 1900-х гг. и проводивший там «собрания на тему Евангелия по отрезвлению народа от пьянства» Иван Алексеевич Чуриков (1861-1931)[10] и работник Экспедиции заготовления государственных бумаг (ГОЗНАК) Быстроумов. Соорудить храм решено было в честь свв. первоверховных апостолов Петра и Павла, в память чудесного спасения Царской Семьи во время крушения поезда в Борках (1888).

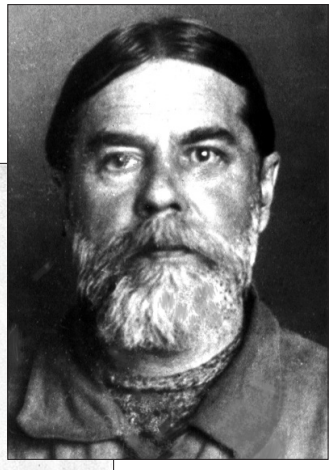
Закладка храма была совершена 10 сентября 1906 года, освящение последовало менее чем через два года, 22 июня 1908 года.[11] Вот как описывала это событие газета «Колокол»: «В Вырице совершен в воскресенье чин освящения нового храма, после него – первая литургия. Еще с вечера поселок стал приготовляться к освящению местного храма. Улицы подчистились, аллеи и тротуары посыпаны желтоватым песком, а местами их украсили гирляндами из живой зелени. Новая большая деревянная церковь, о которой уже давно печатается в публикациях о продаже участков земли в «будущем городе» Вырице, построена на Сиверском шоссе.... С экстренным поездом из Петербурга прибывало группами много богомольцев. Все украшения храма, иконы, сосуды, облачения – все это пожертвования отдельных лиц. Стоимость его достигает 12-ти тысяч рублей. Администрация железной дороги дала в тот день для богомольцев специальную пару поездов»[12].

Чин освящения храма совершил настоятель С.-Петербургского крепостного Петропавловского собора протоиерей Александр Дернов в сослужении местного благочинного прот. Афанасия Беляева и другого духовенства. Основными жертвователями на сооружение храма были: председатель строительной комиссии П.А. Смирянов, Н.В. Сургучев, К.Д. Любомудров, С.М. Ларин и И.А. Баусов (казначей)[12].

Новый храм был выстроен в «старомосковском стиле» и представлял собой деревянное крестообразное в плане здание на высоком фундаменте из валунов, с просторным двусветным церковным залом, вмещавшим до 1500 человек, шатровым куполом и высокой колокольней.

Сразу же указом Св. Синода в Вырице был образован приход, к которому, помимо Вырицы, отошли деревни Красницы и Петровка. Первоначально собственного причта в храме не было и богослужения в нем совершались настоятелем церкви с. Введенское священником Севастианом Воскресенским (1874-1938).[13] Позднее, с 30.03.1911 г., настоятелем Петропавловского Вырицкого храма был определен священник Георгий Васильевич Преображенский (1879-1933 ?)[14]. Уроженец С.-Петербурга, выпускник столичной Духовной семинарии, с 1904 г. он служил в приходе Подмошье Лужского уезда (в Горской Знаменской

Протоиерей Георгий Васильевич Преображенский. Фото 1930-х гг.

Вырица. Петропавловская церковь. Фото 1900-1910-х гг.

церкви) и происходил из потомственного священнического рода, давшего церкви немало выдающихся пастырей и архипастырей, среди которых был и епископ Ямбургский Феофан (Быстров), (1872-1940), – духовник Царской Семьи. Он приходился свящ. Георгию Преображенскому дядей. В Петропавловской Вырицкой церкви священнику (впоследствии – протоиерею) Георгию Преображенскому суждено будет служить втечение двух десятилетий, вплоть до своего ареста (23.01.1931), высылки и заключения в лагерь. Все это время ревностный пастырь будет активно участвовать в духовной жизни Вырицы. Проживал он вместе с семьей рядом с храмом, на углу Церковной ул. (д. 3) и Сиверского шоссе.

Председателем общины (прихода) Петропавловского храма стал служащий канцелярии Ея Величества К.Д. Любомудров.

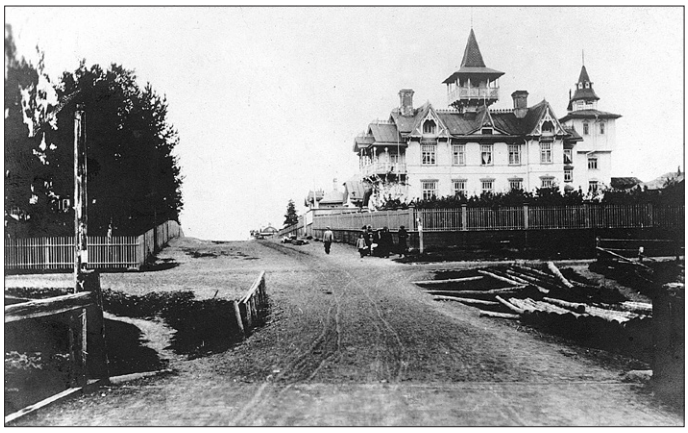
В преддверии 300-летия Дома Романовых

В те же годы, когда сооружалась Петропавловская церковь, храм был выстроен также в пригороде Вырицы, – дачном поселке Малая Ковшовка, возникшем при вновь открытой станции Царскосельской железной дороги (земли его входили раньше в состав Красницкого удельного имения). В начале 1900-х гг. местность была приобретена крестьянином Петром Лиуконеном, который построил здесь свою усадьбу, а расположенные рядом дачные участки стал продавать под застройку. Быстро было выстроено более 50 дач, где проживало до 500 человек, летом сюда приезжали отдыхать еще до 600 дачников. В 1907 г. местные жители пожелали выстроить в образцовом дачном поселке церковь, на что было получено Высочайшее разрешение, создана община и образован церковно-строительный комитет. Деревянный храм (арх. Б.Н. Басин) был выстроен в 1908-1910 гг. и освящен в честь Казанской иконы Божией Матери. Еще через три года, когда вся Россия отмечала 300-летие царствования Дома Романовых, железнодорожная станция и поселок Малая Ковшовка по просьбе местных жителей были переименованы (в 1914 г.) в Сусанино – в честь народного героя, 300-летие подвига которого отмечалось одновременно с юбилеем Династии. Юбилейный Романовский храм сохранился и действует в пос. Сусанино по настоящее время.

Храм Казанской иконы Божией Матери в память 300-летия Дома Романовых в пос. Княжеская Долина

Местность Княжеской Долины к началу 1910-х гг. активно застраивалась дачами: за два года с момента начала распродажи земельных участков князьями Сайн-Витгенштейн, в излучине Оредежа на пятистах проданных участках было возведено около трехсот дач. Выстроенные посреди соснового бора причудливые деревянные дома с башенками, эркерами и мезонинами, обильно украшенные деревянной резьбой, радовали глаз.

Удаленность местности Княжеской Долины от центра Вырицы породила мысль о прокладке к дачным участкам

Вырица. Здание общины христиан-трезвенников братца Иоанна Чурикова. Фото 1900-1910-х гг.

от станции Вырица железнодорожной ветки, на которой появились Первая, Вторая, Третья платформы и конечная станция – Поселок (1910). Это сделало местность Княжеской Долины более привлекательной для дачников. То же обстоятельство, что Петропавловский храм, выстроенный в восточной части Вырицы, отстоял от местности Княжеской Долины, – нового района стремительно растущего «образцового города», в шести верстах, послужило основанием к строительству здесь еще одного храма.

В 1911 г. по инициативе дачников было образовано братство во имя Казанской иконы Божией Матери, обратившееся в Св. Синод с ходатайством о разрешении построить в Вырице, в местности Княжеской Долины, православный храм во имя Казанской иконы Божией Матери. «Было время, когда богообщение было возможно и без храма. Бывают и теперь избранники вроде преподобного Серафима Саровского, выстраивающие храм в своем сердце, но это не для Княжеской Долины»,[15] – писали инициаторы возведения храма. Св. Синод 9 декабря 1911 г. благословил учреждение братства, ставшего, по сути дела, строительным комитетом по возведению храма во имя Казанской иконы Божией Матери, который решено было соорудить в память 300-летия Дома Романовых.

Самими князьями Витгенштейнами под церковь изначально были зарезервированы два бесплатных участка по Ракеевской улице, между Майским и Пильным проспектами. Однако, собрание владельцев участков попросило княжескую контору изменить это решение на более удачный вариант, предусматривавший отведение под храм четырех смежных участков на пересечении Ракеевской ул. и Магистрального проспекта. Оценочная стоимость нового лучшего участка значительно превосходила стоимость участка, ранее предложенного под храм. «В два раза дороже, – ну так что же!», – заявили члены строительного комитета и выразили готовность собрать требуемую сумму. Однако князь Г.Ф. Витгенштейн согласился снизить цену на половину и лично пожертвовал 700 рублей на святое дело. За счет пожертвований частных лиц – дачников Княжеской Долины, была собрана оставшаяся необходимая для покупки участка сумма – 717 рублей.[16]

Храм Казанской иконы Божией Матери в пос. Княжеская Долина в память 300-летия Дома Романовых. Проект М.В. Красовского. 1913 г.

Храм Княжеской Долины, в отличие от многих возводившихся в это время по типовым проектам храмов, решено было выстроить в стиле древнерусских деревянных храмов XVI-XVII веков, обращенных к идеалам Святой Руси. В объявленном братством конкурсе участвовало пять проектов, из которых лучшим был признан совместный проект архитекторов Михаила Витольдовича Красовского (1874-1939) и полковника Владимира Петровича Апышкова (1871-1939), строителя моста Петра Великого в С.-Петербурге.

Идея обращения к истокам древнерусского зодчества в 1900-1910-х гг., Высочайше поддержанная самим Императором Николаем II – будущим св. Царем-Мучеником, находила свое воплощение в строительстве целого ряда не только монастырских построек и храмов, но и административных, общественных и жилых зданий, – как в С.-Петербурге и окрестностях, так и по всей Империи.

Вот что писали сами архитекторы в преддверии строительства Вырицкого Казанского храма в память 300-летия Дома Романовых о мотивах, побудивших их обратиться в своем творчестве к истокам Древней Руси:

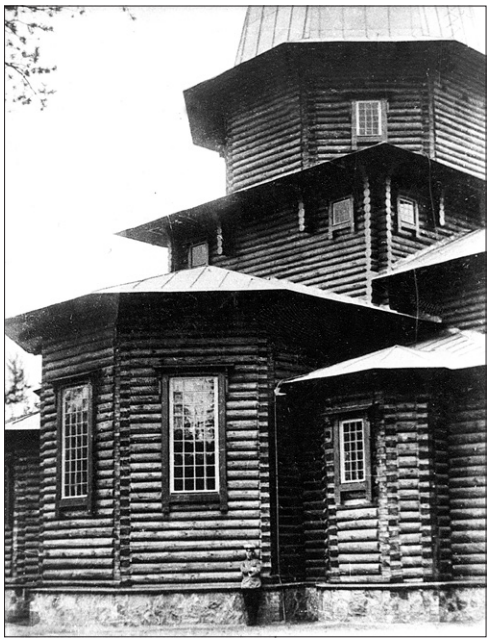
«Реформы Петра Великого, сравняв культуру древней Руси с культурой цивилизованных государств западной Европы, одновременно с этим стремились уничтожить все самобытное, отмеченное печатью русского народного вкуса. Такое направление не могло не отразиться на архитектуре вообще и на церковном строительстве в частности и вследствие этого на Руси начали строить такие храмы, которые не имели ничего общего с религиозной мыслью русских людей, остававшейся почти неизменной со дня принятия христианства. Примером такого строительства может служить Вознесенский монастырь в Москве, построенный в готическом стиле, который всегда служил выразителем идей католичества, а никак не православия. Конечно такое направление долго продолжаться не могло, и русские люди стали постепенно охладевать к архитектуре совершенно чуждой их духу, по крайней мере в области церковного строительства и уже при Императоре Николае I взоры передовых людей начинают обращаться к родной старине, ее начинают изучать и охранять ее памятники. Следствием этого являются такие сооружения, как Троицкий и Введенский соборы в Петрограде, все еще далекие от идеала допетровской Руси. Однако, постепенно, наравне с увеличением изучения старинных церквей, и новые начинают к ним все более приближаться и, наконец, в наше время появляются такие храмы, как церковь в память моряков, погибших при Цусиме, которая безусловно прекрасна и в то же время бесспорно чисто русская по духу ее композиции. Все сказанное касается преимущественно каменных храмов, но и церкви деревянные в послепетровскую эпоху сильно изменили свой внешний облик, так как при постройке их зодчие стремились подражать формам каменных церквей и таким образом шли вдвойне ложным путем. Такой взгляд строителей продержался гораздо дольше, чем это можно было предполагать, и сменился в конце прошлого столетия другим, руководствуясь которым зодчие строили деревянные церкви, похожие на дешевые пригородные дачи и совершенно не отвечающие вследствие своей пошло-игривой внешности той серьезности и величию, которыми должно отличаться от людского жилья церковное здание. Наконец в начале текущего века строители стали всматриваться туда, куда следует – они стали изучать деревянные церкви нашего Севера, где сохранилось много памятников древнего деревянного строительства, оценили их величаво-спокойную красоту и простоту и стали им подражать в своих произведениях. Вот почему авторы проекта церкви для Вырицы руководствовались, как для плана, так и для фасадов теми принципами, которые господствуют в церквях Олонецких и Вологодских, совмещая их одновременно с требованиями нынешней техники.

Подписали: Апышков, Красовский».[17]

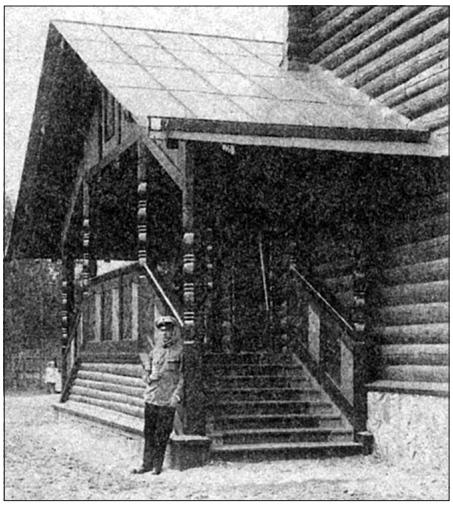

Вырица. Княжеская Долина. Княжеский мост. Фото 1900-1910-х гг.

Главными вдохновителями сооружения в Княжеской Долине в Вырице этого сказочного храма стали председатель Братства Казанской иконы Божией Матери протоиерей Порфирий Десницкий и местный лесопромышленник Антип Христофорович Ефремов. Данные им средства были в двадцать раз меньше пожертвований на храм Павла Николаевича Летуновского (8938 руб.), но они послужили началу дела.[18]

Архитекторы М.В. Красовский и В.П. Апышков. Фото 1914 г.

Вырица. Храм Казанской иконы Божией Матери в Княжеской Долине. Фрагмент (вид со стороны алтаря)

В июле 1913 г. была совершена закладка храма. Так это событие описывалось в газете «Царскосельское дело»: «14 июля 1913 г. в Вырице в местности Княжеская Долина состоялась торжественная закладка нового храма в память 300-летия Царствующего Дома Романовых во имя Казанской иконы Божией Матери. Новый храм будет деревянным, с тремя приделами.

Рассчитана церковь на 600-700 молящихся. Расположен храм на углу Ракеевской улицы и Магистрального проспекта.

Торжественное богослужение и чин закладки совершил епископ [Тобольский] Алексий (Молчанов) в сослужении председателя братства о. Порфирия Десницкого, священника Вырицкой церкви о. Георгия Преображенского и прочего духовенства. Постройка храма началась 8 июня. Закончить постройку новой церкви предполагают в сентябре месяце текущего года».[19]

К осени 1913 г. постройка была вчерне завершена. Стены храма дышали заветной стариной, высокий шатер венчала крытая металлом главка. Он напоминал собою древнерусский скит или уединенную обитель, будучи окружен вековым сосновым бором.

21 мая 1914 г. было совершено освящение и подъем колоколов на звонницу храма.

Деятельное участие в украшении храма приняли: П.Н. Летуновский, оплативший изготовление иконостаса по рисунку арх. М.В. Красовского и изготовление множества прекрасной утвари, член Братства и председатель строительного комитета П.Я. Мешков заказал художественного письма образ Казанской Божией Матери, в серебряном окладе с камнями. Обер-прокурором Св. Синода В.К. Саблером была преподнесена шитая шелком ручной работы икона св. князя Владимира, от патриарха Иерусалимского Дамиана была привезена икона Воскресения Христова с частицей камня от Гроба Господня.

Строительство храма обошлось в 30 тысяч рублей. Убранство его и гонорары составили еще 28 тысяч.[20]

6 июля 1914 г. состоялось освящение церкви: из храма свв. апостолов Петра и Павла пришел крестный ход во главе со свящ. Георгием Преображенским. Совершение самого чина освящения возглавил епископ Гдовский Вениамин, будущий митрополит Петроградский, новомученик.

Августейший покровитель Братства Казанской иконы Божией Матери, старший сын Великого Князя Константина Константиновича (поэта К.Р.), Князь Иоанн Константинович, с 1913 г. согласившийся принять на себя эти обязанности, не смог приехать в Вырицу в день освящения храма, прислав из Павловска телеграмму: *«Всей душой скорблю, что не был в состоянии присутствовать на освящении храма. Дай Господь всему Комитету счастья, благополучия и твердой веры в Царицу Небесную, Которая дает великое утешение страждущим душам, приходящим в сей храм, получающим исцеление как душевное, так и телесное. Помоги Вам, Господи. Иоанн. 6 июля 1914 года».*

После освящения храма Братство продолжило свое активное участие в благоукрашении храма. По степени участия (в том числе финансового) в созидании храма и в жизни общины братчики подразделялись на учредителей, почетных членов, пожизненных, действительных членов братства и соревнователей. Созидательная их деятельность не была прервана событиями Великой (Первой Мировой) войны. К слову сказать, Россия была вынуждена вступить в войну 19 июля (1 августа н. ст.) 1914 г., – менее, чем через две недели после того, как храм в Княжеской Долине был освящен. На склад Ея Величества членами Братства посылались сотни комплектов теплого белья и подарки воюющим героям…

Все князья Императорской крови – сыновья К.Р. (как их именовали в офицерской среде, на фронте – князья-Константиновичи) в первые же дни Великой войны отправились на поля сражений. 27 сентября 1914 г. под г. Ширвиндтом в Восточной Пруссии возле хутора Котов-

щизна был смертельно ранен один из них – князь Олег Константинович (1892-1914). Еще через четыре года на Урале, – в Екатеринбурге и Алапаевске, будет оборвана жизнь целого сонма свв. Царственных Мучеников и Страстотерпцев. В ночь на 4 (17) июля 1918 г. в Ипатьевском Доме будет убита вся Царская Семья вместе с верными слугами. В следующую ночь живыми в старую шахту под Алапаевском будут сброшены еще восемь мучеников, – представители Царского рода и их слуги. Среди них князь Иоанн Константинович с братьями князьями Константином и Игорем…

Первым настоятелем Казанского храма (не имевшего, к слову сказать, самостоятельного прихода, и числившегося храмом братства Казанской иконы Божией Матери) стал протоиерей Порфирий Сергеевич Десницкий (1874-1935). В 1914-1918 гг. он служил в храме преимущественно в теплое время года, когда сюда приезжало множество дачников. Зимой 1918-1919 гг. он окончательно перебрался вместе с матушкой Александрой Терентьевной (1884 – 18.12.1935) и семьей в Вырицу (проживал в Вырице на Боровой ул., 83). Здесь он жил и служил в Казанском храме вплоть до своей кончины в сентябре 1935 года.

Казанская икона Божией Матери. Храмовый образ из иконостаса церкви в Княжеской Долине

Храм Преображения Господня в Поселке

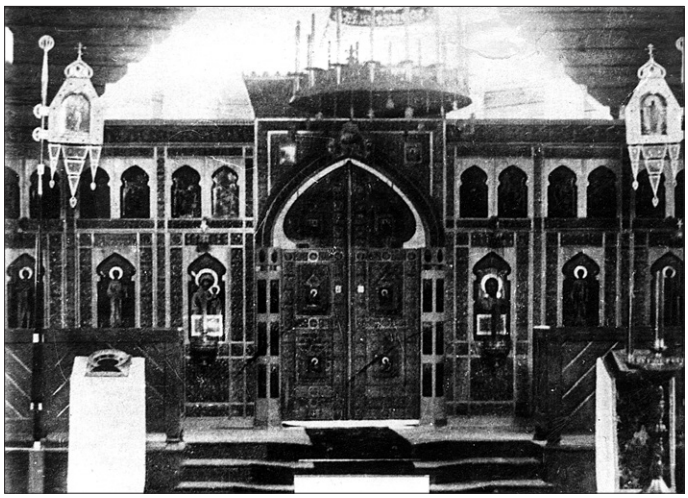
Украсившаяся к 1914 году величественным «царским» храмом, изумительно соразмерным и тактично вписанным в природу, с возвышающейся среди вековых сосен точеной колокольней, Княжеская Долина стала благоустроенной частью «будущего города Вырица». Она получила к этому времени уже 12 верст трамвайного пути (первый маршрут его шел от станции Вырица по Магистральному проспекту до моста через Оредеж), три железнодорожные платформы и чуть ли не висящие в лесу телефоны прямой связи с Петербургом.

После обустройства района Княжеской долины А.Х. Ефремов и М.Я. Эдвардс переключились на застройку лесного района, примыкавшего к ней с юга и получившего название «Поселок». Активная застройка местности способствовала улучшению железнодорожного сообщения, в лесу прокладывались новые дороги и сооружались мосты, была замощена главная магистраль Поселка – Сегалевский проспект. До лета 1914 г. (до начала войны) здесь действовал театр, в котором ставились спектакли с участием видных артистов Императорских театров, действовала почта и телеграф, был разбит и благоустроен общественный парк. Активно действовал «Комитет общества благоустройства дачной местности», состоявший в подчинении Царскосельской Земской управы.[21]

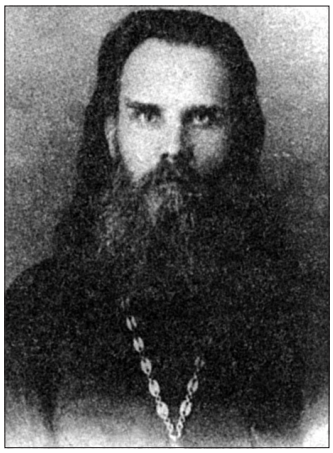
Неподалеку от станции Поселок, рядом с Богоявленской (ныне – Купальной) улицей была возведена часовня, сгоревшая 2 августа 1913 г. На ее месте постановлением чрезвычайного общего собрания членов «Общества благоустройства» 8.08.1913 г. было решено выстроить церковь-школу, для чего была избрана комиссия из наиболее почтенных жителей Поселка. «Посельчане проявили редкое единодушное отношение к делу оборудования и благоустройства

Князь Иоанн Константинович (23.06.1886-18.07.1918), почетный покровитель братства Казанской иконы Божией Матери

Вырица. Храм Казанской иконы Божией Матери. Интерьер. Первоначальный иконостас храма (по рисунку арх. М.В. Красовского). Фото 1910-х гг.

Протоиерей Порфирий Десницкий

церкви-школы. Воззвание Комитета вызвало большой отклик… Пожертвований было собрано свыше 2000 рублей. Ныне здание подведено под крышу. Постройка здания вчерне обойдется около 4000 рублей. Такое быстрое сооружение здания могло быть произведено лишь благодаря оказанному Обществу кредиту. Наиболее крупными кредиторами являются гг. Липин (400 руб.), Белинький (450 руб.), Эдвардс (800 руб.) и Богданов.

Комитет не может не отметить, что массу трудов и энергии в деле сооружения общественного здания церкви-школы положили Д.И. Книгин, В.О. Рудаков, и отец Георгий Преображенский».[22]

Выстроенная в 1914-1915 гг. по проекту замечательного петербургского архитектора М.М. Перетятковича деревянная церковь-школа в Поселке была освящена в честь Преображения Господня и являлась приписной к Петропавловскому храму, и лишь позднее была обращена в приходскую. Богослужения здесь совершались причтом Петропавловского храма во главе с прот. Георгием Преображенским. В 1919 г. некоторое время здесь служил священник о. Россинский. В 1920-х гг. участок, примыкающий к церкви стал использоваться для захоронений и, таким образом, помимо приходского кладбища в Вырице здесь, возле Спасо-Преображенского храма, возникло еще одно, расположенное в Поселке. В 1930-х гг. храм был закрыт и передан под клуб. Благочестивые посельчане почти что не посещали его, и он пустовал. Детей, по неведению участвовавших в каких-либо концертах и спектаклях, устраиваемых в стенах закрытого храма, родители строго наказывали, запрещая впредь участвовать в осквернении святого места.

Здание храма сохранялось до 1940-х гг. и, очевидно, погибло в годы войны. На его месте установлен крест с небольшой каменной Голгофой, напоминающий о том, что здесь возвышался престол, и был алтарь храма.

Вырицкий Успенский женский монастырь (подворье Кавказского (Моквинского) женского монастыря в Вырице)

Последним из Вырицких храмов, сооруженных здесь в начале XX века, был храм во имя Успения Пресвятой Богородицы при подворье Кавказского (Моквинского) Успенского женского монастыря Сухумской епархии.

Монастырь этот, один из древнейших как на Кавказе, так и среди монастырей Российской империи, основанный еще в X веке, был возобновлен в 1902 году. Располагался он в Абхазии в селе Моква и лежал в 15 верстах от порта и местечка Очемчири Кутаисской губернии, и относился к Сухумской епархии (село это лежит в 50 верстах от Сухума). Учрежденная первоначально в виде общины, в начале XX века она вновь стала монастырем. К 1910 г. здесь подвизалось около 50 сестер, возглавлявшихся игуменией.

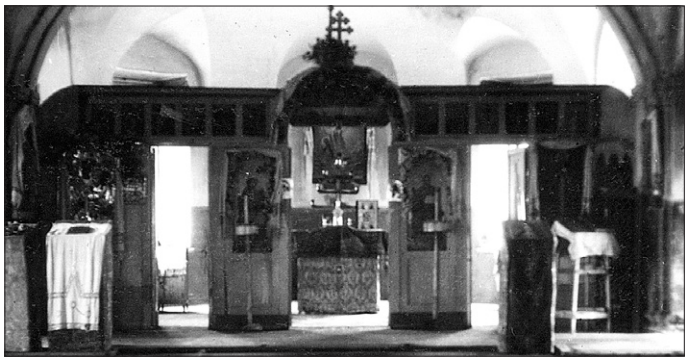
В начале XX века многие монастыри России стремились открыть подворья в столице. Так, к 1917 году в С.-Петербурге и окрестностях действовало 64 монастырских подворья, бывших представительствами этих обителей – от знаменитых Лавр до бедных и заштатных монастырей. Подворья давали возможность обителям иметь свое представительство в столице, благодаря чему легче было решать любые вопросы в Св. Синоде, в государственных учреждениях. Небогатым монастырям подворья в столице давали определенный доход, иногда сравнимый с доходами самого монастыря. В то же время, жители Петербурга имели возможность познакомиться с жизнью обителей, столь далеко от него расположенных, участвовать в богослужении, пении в храмах, где поддерживался устав и традиция того или иного монастыря, прочувствовать уклад и особенности жизни в какой-либо дальней славной или уединенной обители.

Так, очевидно, еще до 1917 г., в годы Первой Мировой войны, насельницами Успенского Кавказского (Моквинского) женского монастыря Сухумской епархии было решено открыть подворье своей обители в столице. Участок земли в Петрограде стоил дорого, и поэтому их выбор пал на Вырицу, к тому времени перспективному дачному месту, обещавшему в ближайшее время стать образцовым «городом Вырица». Выбор их, очевидно, был подкреплен еще и близостью Вырицы к дворцовым пригородам-резиденциям: Царскому Селу и Павловску.*

Участок земли, на котором было устроено подворье, располагался в Заречье, на холмистом берегу реки Оредеж, и ограничивался рекой, а также Саратовской, Московской и Костромской улицами (названия улиц в этой части Вырицы были даны по волжским городам и городам центральной России). Пожертвован он был монастырю в 1917 году местным землевладельцем Ивановым.

Место храма Преображения Господня в Поселке. Современный вид

Иконостас Успенской церкви Вырицкого подворья (после перенесения его из Вырицы в Царскую Славянку). 1946 г.

Здания, занимаемые подворьем, представляли собой несколько дачных построек, в одной из которых в 1918 г. была освящена домовая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, первоначально открытая как временная. Ей предстоит быть действующей (с перерывами) монастырской церковью более четверти века, вплоть до 1945 года.

Заведующей подворьем была назначена монахиня Ангелина, служил в храме в первые годы его существования заштатный протоиерей Никольский. В 1919 г., через год после открытия храма, монахини обратились к епархиальному начальству с просьбой об учреждении при нем кладбища, однако в прошении им было отказано «по причине близости приходского кладбища».

Подворье Успенского Кавказского монастыря в Вырице просуществует до 1932 г., когда оно будет в связи с арестом подвизавшихся здесь сестер и их духовника иеромонаха Пафнутия (Акиньшина) закрыто и обращено в приходскую церковь. В 1939 г. будет закрыта и она, после ареста служившего в этом маленьком дачном храме архимандрита Игнатия (Егорова), бывшего настоятеля Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне. В 1941-1944 гг., Промыслом Божиим, храм будет открыт вновь и снова станет монастырским. В эти годы здесь найдут приют сестры Крючского скита Великолуцкого Вознесенского девичьего монастыря. В связи с боевыми действиями в окрестностях Великих Лук в начале 1942 г. они будут эвакуированы немецким военным командованием по железной дороге в тыл, в Вырицу, где будут размещены на подворье б. Успенского монастыря. Здесь ими во главе с 99-летней схиигуменией Серафимой (скончавшейся в июле 1942 г. и погребенной здесь, за алтарем Успенского храма) и духовником обители иеромонахом Арсением (Стальмаковым) будет восстановлена монастырская жизнь. В 1945 г. храм Успения будет закрыт и позже снесен. Ныне на монастырском участке земли выстроена Вырицкая больница, и лишь вековые сосны напоминают о некогда бывшей здесь обители.

Царский Бор

В годы Великой (Первой Мировой) войны решено было названиям селений вдоль Царскосельской линии Северо-Западных железных дорог придать более громкое и патриотическое звучание. Так, в сентябре 1914 г. газета «Царскосельское Дело» писала: «Слава Богу, наши русские города и поселки постепенно выходят из своего младенческого существования, чухонская Вырица превратилась в Царский Бор, а бывшая Ковшовка в Сусанино». Возможно, здесь неточность: есть свидетельство, что в то же время южная часть Вырицы – Поселок получил название Княжий Бор.* [23]

В те же годы Княжескую Долину часто посещали скауты, инициатором создания движения которых в России был штабс-капитан 1-го Стрелкового Е.В. полка Олег Пантюхов. В Царском Селе и Павловске им уже не хватало раздолья.[24]

Однако, Россия уже стояла на пороге великих потрясений, название Царский Бор, так же как и Царское Село, будет надолго вычеркнуто революционерами из русской жизни. Духовная жизнь, порой открытая, а порой – потаенная будет теплиться в тихой провинциально-столичной Вырице…

1917 год

Накануне «великих потрясений», в 1917 году, по неподтвержденным документально сведениям, Вырица получила статус города.* Таким образом, в Вырице должна была появиться ратуша (городское управление).

Перед самым 1917 годом (в 1915 году), в Вырице появился также римо-католический костел, выстроенный в лесу неподалеку от Второй платформы. Учитывая вероисповедание проживавших в Вырце дачников и селян из ее окрестностей, логично предположить, что из инославных храмов здесь, в первую очередь, должна была бы появиться лютеранская кирха. Однако, очевидно, в связи с большим наплывом в окрестности Петрограда беженцев из Привислинского края, Западной Белоруссии и Прибал-

---

* Известен целый ряд случаев устроения монастырских подворий в непосредственной близости к загородным царским и великокняжеским резиденциям в пригородах С.-Петербурга. Так, в Петергофе располагалось подворье Серафимо-Дивеевского женского монастыря Нижегородской епархии (1904-1906), в Ораниенбауме – Городищенского Рождества Богородицы женского монастыря Волынской епархии (1905-1906), в Стрельне – Шамординского Казанского женского монастыря Калужской епархии (1915-1917), в Гатчине – Пятогорского Богородицкого женского монастыря (1896, 1905-1914). В более дальних окрестностях Петербурга располагались также подворья: Илецкого Николаевского женского монастыря Оренбургской епархии (в Нарве, на Ивангородской стороне, 1913-1915), Верхнеуральского Покровского женского монастыря Оренбургской епархии (в Любани, 1911), Пекинской Духовной миссии (на ст. Пелла, 1914).

** Именно тогда появилось и название станции Михайловка, – поселок Заречье в северной части Вырицы, также в связи с юбилеем Дома Романовых получил новое название, вероятно, в честь основателя династии царя Михаила Феодоровича. Таким образом, подряд шли станции: Сусанино, Михайловка, Царский Бор. В настоящее время Заречьем именуется район Вырицы, лежащий непосредственно за рекой Оредеж. Кварталы, расположенные севернее, и примыкающие к одноименной станции, именуются Михайловкой. Сейчас мало кто помнит почему станция носит это название.

Вырица. Царскосельские скауты в местности Княжий Бор. Июнь-июль 1916 г.

тики (в первую очередь Литвы), возникла необходимость в сооружении костела.** Освященный в честь св. Иосифа, вырицкий костел действовал в 1920-1930-х гг., был закрыт, вероятно, в 1932 г. и позже разрушен.

1917 год принес низвержение православной монархии и поношение всего, что было с ней связано. Дважды в 1917 году, в феврале и августе, через Вырицу на Петроград двигались на усмирение революции войска генералов Н.И. Иванова и Л.Г. Корнилова. Однако, оба раза, не достигнув столицы, в ближайших ее пригородах они были дезорганизованы и разоружены.

Тогда же, 1 марта 1917 года, в Вырице был арестован «братец» Иоанн Чуриков, возглавлявший общину трезвенников.Однако, вскоре он был отпущен. *** 25

Смута и брожение умов закономерно привели через полгода к новым потрясениям, завершившимся приходом к власти большевиков. В январе 1918 года ими будет объявлена война Церкви и всем сословиям прежней России.

Спасаясь из красного Петрограда, в годы начала кровавого большевицкого правления и гражданской войны в ближайшие окрестности столицы, в том числе в Вырицу, стали перебираться многие горожане. Те, кто имел собственные дома или снимал здесь дачи, предпочитали в годы смуты перебраться на жительство из города сюда, в ставший внезапно тихим (в связи с прекращением строительного дачного бума) бывший «образцовый город».

Тихая Вырица

В 1918 году на постоянное жительство в Вырицу переезжает окормлявший братство Казанской иконы Божией Матери протоиерей Порфирий Десницкий. Богослужения в Казанском храме становятся постоянными в течение всего года. В холодное зимнее время он переносит богослужения из верхнего Казанского храма, в связи с невозможностью натопить его, в нижний, пещерный, устроенный им в 1918 году и освященный в честь прпп. Серафима Саровского и Алексия, человека Божия.

Осенью 1919 года Вырица недолго была занята Северо-Западной Белой армией ген. Н.Н. Юденича, против частей которой красными были брошены «части особого назначения» (ЧОН). В память о событиях гражданской войны в Вырице сохранилась небольшая каменная плита на обрывистом берегу Оредежа.

С окончательным водворением в крае советской власти начались первые переименования селений и улиц в Петрограде и окрестностях. Так, в 1918 году Царское Село было переименовано в Детское Село, Павловск – в Слуцк, Гатчина – в Троцк, Петергоф – в Ленино. В честь крупных и мелких деятелей большевицкой партии и ее идеологов переименовывались улицы.

Не обошли переименования стороной и Вырицу: Княжеская Долина стала именоваться Красной Долиной, одна из частей города стала именоваться «поселком Ленина», другая – «поселком Бакунина». Магистральный и Романовский проспекты (бывший его же участок, проходивший через Княжескую Долину) становятся Коммунальным проспектом, Сегалевский проспект – проспектом Урицкого. Появились улицы «Жертв революции», а также улицы Соболевского и Сургучевская, переименованные в честь местных большевицких руководителей, казненных белыми. Еще десятка два улиц в Вырице были переименованы в честь «видных» большевиков.

Однако, в целом, жизнь тихой дачной Вырицы в 1920-х годах не сильно нарушалась новыми властителями по сравнению с тем, что творилось в красном Петрограде и ближайших к нему бывших дворцовых пригородах. Репрессии в среде духовенства и бывшего царского офицерства, дворянства, купечества побудили многих, не дожидаясь арестов, уезжать из Петрограда. Многие из беженцев избрали местом жительства Вырицу. Культурная жизнь была сосредоточена к этому времени не как в царское время, – в общественных парках, садах и театрах, а лишь в стенах собственных дач и домов и на прилегающей к ним земле, оправдывая старинную английскую поговорку «мой дом – моя крепость».

1922 год, ознаменовавшийся небывалым голодом в стране, инспирированным властью, сопровождался массовым ограблением храмов и «изъятием церковных ценностей». Сохранились описи имущества Вырицких храмов этого времени и списки лиц, входивших в состав их общин (к этому времени все они стали приходскими).

После закрытия в Петрограде на Васильевском острове

* Очевидно, это произошло уже после февраля 1917 г., известно, что поселковое управление было переведено на городское положение указом Министерства Внутренних Дел. Косвенно это подтверждает то, что также в 1917 году статус города получил Сестрорецк (месяц и точная дата получения Сестрорецком этого статуса также неизвестна).

** В это же время, летом 1917 года, строится костел в соседней Сиверской, дачной местности при Варшавской железной дороге, ведущей в Западный край.

*** Очевидно, наряд Георгиевского батальона, состоявшего под командованием ген. Иванова, посланного Государем в Петроград для восстановления порядка, был направлен в дом И.А. Чурикова в связи с его громкой дореволюционой деятельностью, в ряде вопросов расходившейся с учением Православной Церкви и мировоззрением государства.

Вырица. Храм Казанской иконы Божией Матери. Фото нач. XX в.

Дома призрения в память Николая и Елены Брусницыных и храма при нем (28.09.1922) дорогой резной четырехъярусный иконостас[26] его был перевезен в Вырицу в Казанский храм. Величественный и соразмерный объемам Казанской церкви, изготовленный в 1897 г. в мастерской Циммермана, он прибавил интерьеру ее купеческого размаха. В художественном плане это, вероятно, снизило цельность интерьера, стилизованного на позднее средневековье, но спасло шедевр церковной культуры XIX века.

Прежний двухъярусный иконостас меньших размеров, выполненный по рисунку М.В. Красовского, был перенесен в боковой придел свт. Николая Чудотворца.

В 1920-х годах из разных мест, преимущественно из закрытых в это время храмов, в Казанскую церковь были переданы картины религиозного содержания кисти проф. Н.А. Кошелева («Благословение детей» и «Божия Матерь Всех Скорбящих Радосте»), большая мозаичная икона работы М.И. Зощенко и другие шедевры. Перенасыщения интерьера не произошло, так как в смутное время из храма были похищены или изъяты многие ценные поднесенные до революции иконы, утварь и предметы убранства.[27]

В то время, когда многие петербургские храмы были захвачены обновленцами, Вырица оставалась оплотом «староцерковников»-тихоновцев, т. е. православных христиан, твердо придерживавшихся линии святителя и исповедника Патриарха Тихона.

Иосифляне

В конце 1920-х годов была закрыта церковь-школа в Поселке (последним настоятелем ее служил свящ. Николай Портанский), два же приходских храма и монастырское подворье продолжали действовать. В их стенах совершались богослужения, вокруг них группировалось духовенство и монашествующие, перехавшие в Вырицу из Петрограда. Многие горожане стремились посетить Вырицу для общения с близкими им по духу пастырями, которым можно было доверить самые сокровенные свои мысли: о Боге, о семье и близких, об окружающей жизни.

В Петропавловском храме к этому времени продолжал настоятельствовать протоиерей Георгий Преображенский. Диаконом при нем был о. Аркадий Гаврилович Молчанов, служивший здесь с 1 января 1922 года. Родившийся в 1860 году в крестьянской семье в с. Усть-Введенское Царскосельского уезда С.-Петербургской губернии (близ Вырицы), до 1917 года он был кассиром Государственного банка. В 1921 году был рукоположен в сан диакона и последующие десять лет служил в Вырицкой Петропавловской церкви.[28]

В Казанском храме продолжал служить протоиерей Порфирий Десницкий.

На Успенском подворье служил иеромонах Пафнутий (Акиньшин), окормлявший сестер обители, проживавших при подворье, рядом с храмом, в доме 6 по Саратовской улице.

Уроженец Курской губернии (род. 1868 г. в с. Дальне-Игумново Старогородской волости Белгородского уезда в крестьянской семье), он окончил Духовную семинарию, позже (с 1887) служил в Варшавском полку, в 1913 г. ушел на Афон, где принял постриг. Был близок к настоятелю иеромонаху (?) Иродиону, служил экономом.

На некоторое время (после 1917 г. ?) приезжал в Петроград, где служил в церкви Старо-Ладожского подворья на Забалканском проспекте. Вновь вернулся на Афон, где был рукоположен во иеромонаха, после чего возвратился в Петроград. В 1922 г. привлекался властями по делу «об изъятии церковных ценностей», но был освобожден. С 1920-х гг. проживал в Вырице, служил на Успенском подворье.[29]

После издания декларации митрополита Сергия (1927) два из трех остававшихся к тому времени незакрытыми вырицких храмов и служившие там пастыри избирают линию митрополита Петроградского Иосифа, занявшего критическую позицию в отношении этого акта лояльности к гонителям веры. Эту же позицию разделяло большинство монашествующих из закрытых петербургских и иных монастырей, проживавших к этому времени в Вырице.

Нестроения, вызванные декларацией митр. Сергия, накалили церковную обстановку в Петрограде. Управление епархией высланный властями из города митрополит Иосиф (с декабря 1926 г. находившийся в ссылке в Нило-Моденском монастыре близ Устюжны) передал своему викарию епископу Ямбургскому Гавриилу.

После издания декларации (июль 1927) и безуспешной поездки в Москву делегации Петроградского духовенства с целью убедить митрополита Сергия изменить свою церковную политику, большинство петроградского епископата (пять епископов) и ряд видных и уважаемых в Петрограде пастырей, за которыми стояли большие группы прихожан, – оо. Василий Верюжский, Виторин Добронравов, Измаил Рождественский, Иоанн Никитин, Феодор

Андреев, Василий Венустов и еще 30-40 священников, а также множество монашествующих, оставшись верными митрополиту Иосифу, по его благословению отделились (26.12.1927) от митрополита Сергия.

Разгром сторонников митрополита Иосифа произошел после двух лет существования церковного разделения.

В 1929-1930 гг. чекисты расправились с наиболее достойной частью русского (и, добавим, петроградского) духовенства, «которая предпочла гонения, а затем и мученичество, приспособлению и угождению атеистическому и бесчеловечному режиму».[30] Разгром иосифлян начался в апреле 1929 г. и был, в основном, завершен в 1931 г. (в некоторых районах в 1932 г.). Ликвидация общин, сопровождавшаяся арестами и высылками наиболее твердого в исповедании веры духовенства была ускорена в связи с начавшимся уничтожением русского крестьянства – зверской коллективизацией.[31]

В ноябре 1929 года в Петрограде и окрестностях были арестованы: архиепископ Димитрий (Любимов), прот. Василий Верюжский, священники Николай Прозоров, Иоанн Никитин, Сергий и Александр Тихомировы, Петр Белавский, иеромонах Гавриил (Владимиров), многие монашествующие и миряне из окружения Владыки Димитрия и руководства храма Спас-на-Крови, бывшего центром духовного сопротивления властям в эти годы.

Священники Николай Прозоров и Сергий Тихомиров были в августе 1930 г. расстреляны, остальные сосланы в лагеря. 17 ноября 1930 г. был закрыт собор Воскресения Христова (Спас-на-Крови), но тайные общины «иосифлян» продолжали существовать городе и его окрестностях до конца II мировой войны.[32]

Аресты вырицкого духовенства, возглавляемого благочинным, протоиереем Георгием Преображенским были произведены чекистами в январе-апреле 1931 г., вскоре после разгрома иосифлян в Петрограде.

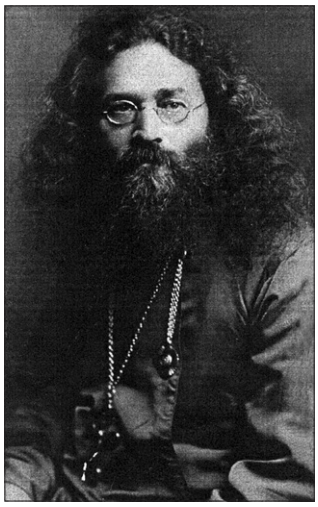
Пастырь был арестован 2 января 1931 года. Обвинен в создании ячейки «из погромно-черносотенного монархического элемента при церкви на железнодорожной станции Вырица», 8.10.1931 приговорен к трем годам лагерей (в Мордовии). 4.04.1933 досрочно освобожден с лишением права проживания в определенных населенных пунктах на оставшийся срок. Скончался он в ссылке в Борисоглебске Тамбовской области в 1933 г.[33] Одновременно с ним был арестован приехавший незадолго до этого в Вырицу и служивший также в Петропавловском храме священник Симеон Михайлович Бирюкович. Уроженец Белоруссии (род. 1.01.1875, с. Жари Речицкого уезда Минской губернии), выпускник Духовной семинарии, о. Симеон до 1929 г. служил священником в Бобруйске, к 1930 г. – проживал под Москвой, в Истре – у дочери . В 1930-1931 гг. он жил в Вырице, ставшей приютом для многих гонимых пастырей, был арестован 21 апреля 1931 г. по делу «церковников», приговорен 8.10.1931 к трем годам лагерей и отправлен Усолье (Вишлаг), на Север – в Коми (дальнейшая судьба его неизвестна).[34]

Иеромонах Пафнутий (Акиньшин) был арестован «по делу иосифлян» в Вырице (в 1930 г. он так же арестовывался «за сокрытие церковных ценностей», но через неделю был освобожден). Осужден 8.10.1931 г. к трем годам лагерей, также как и священник Симеон Бирюкович, был направлен в Усолье (Вишлаг), с 23.10.1932 г. на оставшийся срок выслан в Северный край.[35]

Одновременно с разгромом в Петрограде иосифлян был арестован и один из виднейших петроградских пастырей, исповедовавший священников, присоединявшихся к митрополиту Иосифу, служивший в храме Воскресения Христова (Спас-на-Крови) протоиерей Иоанн Никитин (1880-1938). Родившийся в с. Лужно Демянского уезда Новгородской губернии, он закончил Духовное училище в Старой Руссе, Новгородскую Духовную семинарию. В 1901 г. принял сан священника. Выпускник С.-Петербургской Духовной академии (1907). В 1908-1922 г. служил в церкви равноапп. Константина и Елены при гимназии Императорского Человеколюбивого общества. До 1928 г. служил в Троице-Измайловском соборе, в 1928-1929 – в соборе Воскресения Христова (Спас-на-Крови) в Петрогра-

Петербургские иосифляне во главе с архиепископом Димитрием (в центре), епископом Сергием Нарвским и прот. Василием Верюжским (сидят) возле храма Спас-на-Крови. Рядом с ними (в центре, стоят): архим. Клавдий (Савинский) и свящ. Викторин Добронравов. Третий в верхнем ряду – монах Алексий (Карцев), четвертый – иподиакон Петр Сазонов

Протоиерей Иоанн Никитин. 1927 г.

де. Вместе со своей супругой, Еленой Петровной, и дочерьми Варварой Ивановной и Еленой Ивановной о. Иоанн жил в доме по наб. канала Грибоедова 74, кв. 13.[36]

Протоиерей Иоанн Никитин был тесно связан с Вырицей и близко знаком с вырицким духовенством, в том числе с названными выше пастырями. В летнее время о. Иоанн и его семья проживали на даче в Вырице в небольшом домике, стоявшем в непосредственной близости от Успенского Вырицкого подворья, на Саратовской улице.

Арестованный 29.11.1929 г. по делу «иосифлян», 3.08.1930 г. о. Иоанн был приговорен к заключению в концлагерь сроком на 10 лет. Находился в Соловецком лагере, в г. Кемь. В 1938 г. в последних письмах семье дал понять, что его готовят к смерти. Скончался (расстрелян ?) 4 ноября 1938 г. Белбалтлаге (на Беломорканале). Похоронен в братской могиле на ст. Куземса в Карелии.[37]

Страстная ночь русского монашества

В 1932 г. Вырицу затронули новые аресты, коснувшиеся преимущественно проживавших здесь монашествующих: монахинь Успенского подворья и сестер-беженок из закрытых и разгромленных большевицкой властью монастырей, нашедших приют в Вырице.

В первую очередь, внимание властей привлекло Успенское подворье в Заречье, где в двух деревянных домиках на Саратовской улице подвизались и проживали шесть монахинь-иосифлянок.

Они зарабатывали себе на жизнь, трудясь на огородах и в советских учреждениях. Все они были духовными дочерьми иеромонаха Пафнутия, арестованного в 1931 году.

Маленький тайный монастырь никак не был связан с петроградскими общинами и был разгромлен в результате облавы НКВД в рамках всесоюзной акции по ликвидации монашества. Арестованные в Вырице пошли по одному делу с вышеописанными общинами.

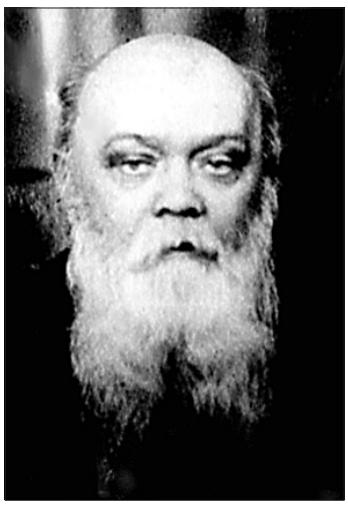
«Самую пожилую вырицкую монахиню Марию Трофимовну Артемьеву (1869-1933), уроженку С.-Петербургской губернии, следствие обвинило в том, что она «устраивает чтение Евангелия и в беседах на религиозные темы проводит антисоветскую агитацию». Впрчем, аналогичные обвинения предъявлялись всем инокиням – чтение Евангелия вменялось в преступление. В поселке монахини жили незаметно: никуда не ездили и никого не принимали, только трудились и молились в Успенской подворской церкви. Они вышли из простых семей, были малограмотными и в разные годы попали в общину. Монахиня Мария (Артемьева) и Матрена Дорофеевна Дорофеева (1899 – ?) жили здесь с 1918 года, монахини Пелагея Степановна Мануйлова (1891 – ?) – с 1927, Татьяна Петровна Петрова (1901 –?) – с 1933 года. Всех их Господь объединил в служении Себе. Последние две монахини работали на местной почте. Обвинение усмотрело в этом факте «зашифровывание своего тайного монашества», хотя таких небольших общин из монашествующих закрытых большевиками монастырей и подворий было довольно много в Петрограде и его окрестностях до роковых дней 17-18 февраля 1932 года.

Монахиня Мария (Артемьева) была 18 марта 1932 г. приговорена к трем годам ссылки в Казахстан, Матрена (Дорофеева) получила «минус три», что означало запрет жить в Ленинградской и Московской областях, остальных двух монахинь освободили, очевидно, учтя их происхождение».[38] Еще две монахини, очевидно, на какое-то время покидали подворье и потому избежали ареста.

Одновременно с монахинями Успенского подворья в Вырице в те же дни (17 фераля 1932 г.) были арестованы еще три монахини, обвиненные в том, что они «находились в монашеском нелегальном общежитии»: игумения Никодима (Долгополова), монахиня Уриила (Рубашка) и монахиня Серафима (Пичкина). (Они проживали на Набережной ул., 6)

Игумения Никодима (Долгополова Екатерина Карповна, 1857 – ?), уроженка мест. Юрбург Ковенской губ., провела в монашестве 54 года (с 1878 года). Арестованная в Вырице, она обвинялась также в том, что «устраивала паломничества на могилы блаженного Матфея и молчальника Патермуфия в Александро-Невской лавре». В марте 1932 г. была освобождена с запретом проживания в Московской и Ленинградской областях и пограничной полосе сроком на три года. Избрала местом жительства Нижний Новгород (дальнейшая судьба неизвестна).[39]

Монахиня Серафима (Пичкина Александра Васильевна, 1878 – ?) была уроженкой дер. Пристани Новгородской губернии, происходила из крестьян. Монашествовала 35 лет. В 1930-1932 гг. проживала в Вырице. 22 марта 1932 г. была приговорена к трем годам ссылки в Казахстан (дальнейшая судьба неизвестна).[40]

Протоиерей Николай Загоровский (впоследствии – иеросхимонах Серафим). 1929 г.

Монахиня Уриила (Рубашка Елена). В 1930-1932 гг. проживала в Вырице, приговорена к высылке из Ленинградской области (дальнейшая судьба неизвестна).[41]

Эти три монахини –

сторонницы митрополита Иосифа, арестованные в Вырице, приехали сюда из различных закрытых к этому времени монастырей и поддерживали обширные связи с Сибирью и Центральной Россией.

В 1928-1930 гг. Вырица стала важным центром иосифлян и истинно-православной Церкви. Особенно роль вырицких храмов (Петропавловской церкви и Успенского подворья) возросла после разгрома храма Спаса-на-Крови и его общины. Многие пастыри, служившие в соборе Воскресения, приезжали служить в Петропавловский храм, в их числе известный пастырь-исповедник протоиерей Николай Загоровский, впоследствии – иеросхимонах Серафим (1872-1944). Отличавшийся прозорливостью, в 1920-1930-х гг. он служил в храмах Харькова и Петрограда. В заключении находился в Соловках, после освобождения жил в Обояни Курской губернии. В годы II мировой войны служил в Харькове и окормлял там тайную женскую общину, принял там постриг и схиму. Эвакуирован вместе с общиной в Польшу. Скончался в Перемышле в Галиции в 1944 г. (Прославлен Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 г.[42] и как местночтимый святой в Харьковской епархии в 1990-х гг.)

Вырицкий Казанский храм, где служил протоиерей Порфирий Десницкий, недолго оставался иосифлянским (о. Порфирий не был сторонником линии митрополита Иосифа и избегал участия в церковных разделениях того времени. Лишь недолгое время он, будучи в подчинении благочинного, прот. Георгия Преображенского, возглавлявшего церковный округ, из послушания подчинялся мнению большинства пастырей благочиния. Позже, после начала разгрома иосифлян, он отошел от них). Скончался о. Порфирий осенью 1935 г. и погребен на Вырицком кладбище. Рядом с ним похоронена матушка, пережившая его на три месяца.

Иеросхимонах Серафим Вырицкий

Почти два десятилетия (1932 ? – 1949) в истории Вырицы связаны с жизнью и подвигами великого старца, подвижника веры и исповедника Православия, ныне прославленного Церковью в лике святых, преподобного Серафима Вырицкого (в миру – Василия Николаевича Муравьева).

Сейчас собрано и опубликовано немало материалов к житию прп. Серафима Вырицкого, свидетельств его молитвенного заступления и чудесной благодатной помощи страждущим людям, обращавшимся за советом к старцу. Поэтому ниже мы не будем пересказывать то, что читатель может узнать в большей полноте из этих изданий о праведнике.*

В Вырицу старец иеросхимонах Серафим, бывший в 1926-1929 гг. духовником Александро-Невской лавры перебрался, вероятно, в 1932 (очевидно, во второй половине года) или в 1933 году из подгородней Поповки – дачного места по Николаевской (Московской) железной дороге, где он проживал в 1929-1932 гг. у протоиерея Леонида Богоявленского, с семьей которого он был близко знаком.

Иеросхимонах Серафим Вырицкий, духовник Александро-Невской лавры. 1927-1928 гг.

За время несения старцем подвига духовника Лавры «отец Серафим мало заботился о собственном удобстве. Известен случай, когда старец непрерывно принимал исповедников на протяжении двух суток.

Постоянное переохлаждение (во время ежедневных многочасовых исповедей батюшке приходилось подолгу стоять на холодном каменном полу Свято-Троицкого собора, главный храм Лавры в ту пору за недостатком дров почти не отапливался, на стенах часто выступал иней), неимоверные физические и душевные перегрузки постепенно дали себя знать, и здоровье отца Серафима резко ухудшилось (врачи признали одновременно межреберную невралгию, ревматизм и закупорку нижних конечностей, боли в ногах стали невыносимыми). К этому прибавились застойные явления в легких и сердечная недостаточность.

Медики настоятельно рекомендовали ему покинуть город и перебраться в лесную зону. Митрополит Серафим (Чичагов), ознакомившись с заключением врачей, благословил немедленный переезд за город».[43]

Время оставления прп. Серафимом Лавры совпало также с сотрясавшими Петроград церковными нестроениями и разделениями, вызванными изданием декларации митр. Сергия. К этому времени проживавший в Лавре в 1923-1928 гг. епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), викарий Петроградской епархии и наместник Александро-Невской лавры, «пользуясь древним правом ставропигии, которое имела Лавра», после выхода декларации прекратил возношение имени заместителя Патриаршего местоблюстителя митр. Сергия. Он ушел на покой 28.08.1928 «по причине расхождения в понимании церковной жизни епархии и ее нужд» и покинул Петроград. Бывший ближайшим его помощником в течение этих лет и духовником обители иеросхимонах Серафим

* В.П. Филимонов. Иеросхимонах Серафим Вырицкий и русская Голгофа. СПб, 1999. А. Трофимов. Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий. М., 1996. Собеседник православных христиан. Изд. Л.С. Яковлевой. СПб. 1998-1999 и др.

(схиму он принял в 1927-1928 гг.) оставался духовником еще в течение года и ушел из Лавры по настоянию врачей и благословению митрополита Серафима в 1929 году (свидетельство сына, Н.В. Муравьева).[44]

В Поповке у прот. Леонида Богоявленского о. Серафим жил в небольшом, возможно, специально для него построенном домике-келии, в дальнем конце дачного участка. Там он провел около двух лет. В 1932-1933 гг. близкие люди решают перевезти больного старца в Вырицу, бывшую тихим дачным местом и климатическим курортом (к переезду в другое место о. Серафима, возможно, подвигли также трагические события весны 1932 г. – проживать у о. Леонида, уже неоднократно подвергавшегося репрессиям властей было небезопасно для обоих пастырей), – «возвышенная местность, вековой смешанный лес с преобладанием хвойных пород, сухая песчаная почва и целебный воздух, – все это должно было благотворно повлиять на здоровье старца».[45]

Возможно, переезд в Вырицу о. Серафима был подготовлен бывшей его супругой, до 1930 г. – монахиней Новодевичьего монастыря м. Христиной. Возможно, этому содействовал также кто-то из духовных чад старца, связанный с Вырицей. Нельзя исключить также и участие протоиерея Порфирия Десницкого, проживавшего в Вырице и служившего в местном храме Казанской иконы Божией Матери (второй по времени проживания адрес о. Серафима в Вырице – Боровая улица (дом неизвестен) косвенно подтверждает близкое знакомство пастырей, – прот. Порфирий также проживал в Вырице на Боровой улице).

Свидетельства того, что о. Серафим служил в Вырице в Казанской церкви нет, но он в течение всей жизни в Вырице жил в ее приходе и числил себя ее прихожанином, многие святыни семьи Муравьевых после кончины старца были переданы в Казанский храм, и именно у его стен праведник обрел место своего вечного упокоения.

Среди Вырицких адресов старца иеросхимонаха Серафима следует назвать дом по Ольгопольской улице, 16 (это первый адрес о. Серафима в Вырице, в этом маленьком домике батюшка жил у частных лиц в 1932-1933 ? году). Позже недолгое время старец жил у кого-то на Боровой улице (дом неизвестен). Затем семья Муравьевых перебралась

Вырица. Дом на Ольгопольской улице,16, первый адрес иеросхимонаха Серафима Вырицкого

в дом, принадлежавший семье провизора В.Т. Томберга (Пильный проспект, 7), где и жила с начала 1930-х гг. по 1945 год (о. Серафим снимал часть дома, здесь же с 1935 г. жила воспитанница Муравьевых м. Иоанна (Шихобалова), вернувшаяся к тому времени из ссылки). Неподалеку от сюда, по соседству со старцем, жила семья его сына Николая (Пильный, 19), где тот был арестован в январе 1941 года.

В саду дома на Пильном, 7 сохранился камень, на котором старец молился Господу о России, Церкви и спасении всего мира в годы войны. В 1945 году старец недолгое время жил в доме Смирновых (Пильный пр., 24) перед переездом в дом Л.Г. Ефимовой на Майском проспекте (д. 39), ставший последним местом земного пристанища старца (здесь о. Серафим снимал несколько комнат) в 1945-1949 гг.

В великом подвиге поста и молитвы пребывал старец в Вырице. По состоянию здоровья он почти не покидал своей келии, будучи прикован к постели, иногда с помощью родных выбирался на крыльцо, где имел возможность дышать свежим воздухом. Не вкушая почти ничего (порой его дневной едой была лишь часть просфоры со св. водой), батюшка ежедневно причащался св. Христовых Таин (причащать его приходили священники Казанского храма). Днем старец, как это было в Лавре, принимал посетителей, как жителей Вырицы, так и приезжавших издалека, слышавших, что в Вырице живет прозорливый батюшка. «В течение дня у старца собиралось множество записок о здравии и упокоении, которые оставляли посетители, испрашивая его святых молитв. Ночами батюшка со слезами и сердечными воздыханиями читал все эти записочки. На следующий день записочки обязательно относили к Престолу в Вырицкий Казанский храм, а батюшка совершенно искренне говорил: «Да какой же из меня молитвенник? Я же лежу...»[46]

Закрытие Вырицких храмов

Через два года после кончины настоятеля Вырицкого Казанского храма прот. Порфирия Десницкого († 1935) сказочный храм в Княжеской Долине был закрыт. Кто из пастырей служил здесь в годы, последовавшие за кончиной прежнего настоятеля, - неизвестно. С 1937 года богослужения в храме не совершались, а в 1938 г. храм был закрыт[47] и переоборудован под клуб Общества содействия обороне (Осоавиахим).

Часть утвари и икон прихожанам удалось спасти. Чудом не пострадал иконостас храма, остававшийся неповрежденным в закрытом храме.

С 1938 года не действовала также и Петропавловская церковь. Последний настоятель ее протоиерей Андрей Корнилович Корнилов (9.08.1886 – 1938), был уроженцем дер. Кузнецово Порховского уезда Псковской губ. и до революции преподавал в начальной школе. К 1922 г. служил диаконом при настоятеле свящ. Николае Яценко в Усть-Введенской церкви неподалеку от Вырицы, в течение семи лет он служил в Вырицком Петропавловском храме (в 1931 – 1938 гг.). 25 февраля 1938 г. он был арестован

Архимандрит Игнатий (Егоров)

в Вырице, и через две недели (12 марта 1938 г.) расстрелян в Ленинграде.[48]

Оставшаяся после гибели пастыря семья: жена, двое сыновей и дочь, проживала в Вырице, сыновья работали в Вырицкой артели инвалидов. После ареста и расстрела о. Андрея, храм не действовал (юридически закрыт в 1939 г.). Власти решили устроить в храме клуб, однако его мало кто посещал, и в б. храме разместили военкомат.[49]

В этот же день (12.03.1938) был расстрелян и первый настоятель Петропавловского храма прот. Севастиан Воскресенский, служивший к этому времени в Гатчине (арестован 28.02.1938).

В 1939 г. был закрыт и последний действовавший в Вырице храм, ставший также приходским, – при б. Успенском подворье. Служивший в нем настоятелем архимандрит Игнатий (Егоров), (1872 – ?), в 1920-х – 1931 гг. бывший настоятелем Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне, после закрытия монастыря служивший в Покровской церкви обители. В 1933 – 1934 гг. он был высылан из Ленинграда, позже вернулся и жил в Вырице, служа в Успенском храме. После ареста дальнейшая судьба его неизвестна.[50]

Храм в Поселке, закрытый еще раньше, к этому времени, напомним, тоже был обращен в клуб.

Таким образом, к 1938 г. действующих храмов в Вырице не оставалось. Практически все еще служившее открыто в них духовенство было репрессировано. В помещениях некогда нарядных дач, к этому времени конфискованных у их владельцев, разместились пионерские лагеря и детские сады с гипсовыми скульптурами горнистов. В канун Финской войны 1939-1940 гг. Вырица стала «военным городком». Многочисленные летние дачи детских организаций были переданы военным, готовившимся к войне.[51]

Живший в Вырице в предвоенные годы на даче поэт и переводчик А. Д'Актиль писал в стихотворении «Юг для бедных»:

Над верандой береза топырится,
Зори в небе плевками горят.
Эх ты, Вырица, тихая Вырица,
Монплезир на девятый разряд…[52]

Община архимандрита Серафима (Проценко)

Незадолго до войны, (очевидно, во второй половине 1937 года) в Вырице поселился, вернувшись из лагеря, где он находился пять лет после своего ареста в июне 1932 года, один из твердых исповедников Православия и известных петербургских пастырей архимандрит Серафим (Проценко).

Родившийся в 1874 (1869?) году в селе Карповка Славянской волости Изюмского уезда Харьковской губернии в крестьянской семье, в детстве будущий пастырь (в миру – Стефан Владимирович Проценко) помогал родителям по хозяйству. Окончив церковно-приходскую школу, с детства Стефан тянулся к Церкви, любил петь.

Однако лишь позже Господь призвал его на служение Себе. Будучи призванным на военную службу, он оказывается в С.-Петербурге, где служит в лейб-гвардии Семеновском полку рядовым. Во время службы в столице неоднократно посещает Кронштадт, встречается со св. прав. Иоанном Кронштадтским, по совету которого уходит в монастырь.

В 1895 – 1917 гг. подвизается в монастырях на Русском Севере (в Олонецкой епархии):в Сяндемской и Никифоровской пустыни, позже – в Кирилло-Челмогорском мужском монастыре близ Каргополя. Там был пострижен в мантию с именем Серафим, рукоположен во иеромонаха.

В 1917 – 1923 гг. по благословению митрополита Петроградского Вениамина, уроженца Олонецкого края, о. Серафим открывает в Петрограде подворье Челмогорского монастыря (на Боровой улице, 40) и строит храм при нем. Тогда же он возводится в сан игумена, в 1919-1924 гг. – настоятель храма прп. Кирилла Челмогорского в Петрограде. Возведен в сан архимандрита.[53]

В годы служения о. Серафима на Челмогорском подворье сложился круг его духовных чад, среди которых наиболее близким по духу человеком, верной духовной дочерью и ближайшей помощницей становится Вера Владимировна Коржавина (в монашестве – Варвара, позже, в схиме – схимонахиня Таисия).

Будущая схимонахиня родилась в С.-Петербурге в 1892 году, в мещанской семье. С отличием закончила Мариинскую женскую гимназию (1908) и педагогические курсы при ней (1910). До революции преподавала в женской гимназии, после 1917 г. – в школе. О своей глубокой любви к Церкви она никому не говорила.

В 1922 году, на одре смертельной болезни приняла тайный постриг с именем Варвара на Кирилло-Челмогорском подворье, решив, что будет преподавать в школе, пока ее не станут принуждать отречься от Бога. Постриг над нею был совершен иеромонахом Серафимом (Проценко), с которым м. Варвара была знакома с 1917 года, когда он начал устраивать подворье в Петрограде. Вскоре она поправилась. С этого времени м. Варвара – ближайшая помощница, а с 1925 г. – келейница о. Серафима. После закрытия подворья на Боровой, до 1932 г. архим. Серафим служит в церкви Пекинского подворья на Воронежской улице.[54]

17 апреля 1932 г. архим. Серафим был арестован по делу «Ленинградского филиала Истинно-Православной Церкви», в дни массового ареста властями монашествующих в Петрограде.

16 июня 1932 г. он был приговорен к пяти годам «исправительно-трудовых лагерей», которые отбывал в Темниковских лагерях в Мордовии.

В том же 1932 году, в октябре, была арестована и

м. Варвара. Будучи осужденной на три года концлагерей, она находилась в Свирских, позже – Карагандинских лагерях. Отбыв срок, в 1935 г., она поселилась в Вышнем Волочке Тверской губернии, где к этому времени проживало немало монашествующих, из ссыльных. В 1938 году она перебирается в Вырицу, где поселилась у своих знакомых – Сидоровых, проживавших в собственном доме в Поселке.

Вернувшийся из лагерей архимандрит Серафим также приезжает в Вырицу. Здесь, в Поселке, в доме Василия Петровича и Пелагеи Дмитриевны Сидоровых образовывается тайная монашеская община о. Серафима. Дочь Сидоровых Елизавета, слепица с детских лет, да еще прикованная к постели (она не владела ногами), в конце 1930- х гг. была тайно пострижена архим. Серафимом с именем Евфимия. К общинке в предвоенные годы примкнули помогавшие о. Серафиму супруги Старцевы: Григорий Иванович и Зинаида Петровна. В эти же годы м. Варвара была пострижена архим. Серафимом в схиму с именем Таисия.

В доме Сидоровых и расположенном рядом с ним домике о. Серафима община стала собираться на богослужения. Служили тайно. На службах присутствовали верные: духовные чада о. Серафима, жившие в Вырице, семья Трофименковых – Михаил Иванович и Мария Дмитриевна, знакомые монах Михаил и монахиня Вероника (Василиса Ивановна Федякина), семья Сидоровых, Александр Савин, верующая старушка Ангелина. Кроме близких к о. Серафиму и м. Варваре людей, проживавших в Вырице, на богослужения приезжали редкие гости из Ленинграда.[55]

Община архим. Серафима к концу 1930-х началу 1940-х гг. оставалась единственной в Вырице, после того как все храмы властями были закрыты. Службы совершались в маленьком домике о. Серафима или в стоявшем напротив доме Сидоровых, в Поселке. Иногда жители Вырицы приглашали архим. Серафима помолиться и посетить их дома, обращались к старцу за советом. (Многие его почитали прозорливым, чему были свидетельства). Так эта маленькая община жила до начала Великой Отечественной войны в 1941 году.

Домик архимандрита Серафима в Поселке (пр. Ленина, 71). На верхнем этаже его помещалась домовая церковь, где о. Серафим совершал богослужения для своей общины

Вырица в годы войны

Во второй половине августа 1941 года, после нескольких авианалетов на станцию и нарушения железнодорожного сообщения с Ленинградом, Вырица была занята немецкими войсками. Произошло это быстро и неожиданно, по воспоминаниям старожилов, после того, как со станции в спешном порядке выехал райисполком, два дня в городе не было никакой власти. Крестьяне грабили все, что не успели вывезти сов. служащие. Вдруг в лесу в районе 2-й платформы школьники увидели танки, из которых, как «инопланетяне в болоньих плащах, вылезали немцы».[56]

Неподалеку от Вырицы, в Сиверской, разместился штаб немецкой 18-й армии группы армий «Север». В самой Вырице расположились вспомогательные и тыловые части, состоявшие из союзных немцам румын и бывших русских военнопленных (части «Хиви», – от «Hilfswillige» (нем.) – добровольцы вспомогательной службы).

Осенью 1941 года были возобновлены богослужения в Вырицкой Казанской церкви.* По просьбе старожилов Вырицы во Псков, где располагался центр Православной миссии, содействовавший открытию храмов на занятой немцами территории Северо-Запада и возобновлению богослужений в их стенах, отправились проживавшие в Вырице к лету на даче сын скончавшегося в ссылке протоиерея Георгия Преображенского Иоанн Преображенский, к тому времени – студент 3-го курса I медицинского института, и его двоюродный брат, выпускник химико-технологического института, Ливерий Воронов. Они становятся певчими и псаломщиками в Казанской церкви, где с сентября 1941 года стал служить протоиерей Владимир Богданов (1868 – после 1960)[57], которому к этому времени было 73 года. Узнав о том, что в Вырице вновь совершаются богослужения, пешком, из самых дальних поселков в ее окрестностях в Вырицу потянулись уцелевшие к 1941 году священники.

Одним из них был иеромонах Лин (Никифоров) (1878 – после 1945), до революции и позже, до 1929 (?) г. – насельник Иоанно-Богословского Черменецкого монастыря близ Луги, ризничий обители. Позже, до 1937 г. он священствовал в Павском приходе б. Лужского уезда, после закрытия храма не служил, проживая на ст. Новинка близ Вырицы. Узнав, что в Вырице открылся храм, он пешком пришел сюда, был принят в причт храма и стал служить здесь. Позже, в декабре 1941 г. именно он подготовит возвращенный церкви Петропавловский храм к богослужениям, совершит освящение его в праздник свт. Николая Чудотворца (19 декабря 1941 г.) и некоторое время будет служить там (до января 1942 г., когда был переведен в один из храмов в Оредежском районе, позже служил в Гдовском округе).[58]

* Чудом она не была взорвана при отступлении советских войск из Вырицы летом 1941 г. Подробнее см. книгу В.П. Филимонова, с. 124-125.

Архимандрит Серафим (Проценко) легализовал свою маленькую общину, создав на ее основании Богоявленский мужской монастырь в Поселке.[59]

Монастырю о. Серафима в 1942 г. был выделен участок земли неподалеку от его домика и дома Сидоровых, на самом краю Поселка, возле леса. В сентябре 1942 г. одна из газет, выходивших на оккупированной территории, писала о Вырицких монастырях:

«В 40 верстах от Ленинграда в городе Вырица основана первая женская обитель, а в шести верстах от Вырицы – первый мужской монастырь...

Мужская обитель находится в 6 верстах от Вырицы. Во главе ее стоит архимандрит Серафим (в миру Проценко). Строителем мужского, а также и женского монастыря является архитектор Ф.М. Ларченко.

Для монастыря выделен участок земли и монахи снабжены необходимыми семенами. Окрестные жители пожертвовали для монастыря две коровы и лошадь.

В течение трех месяцев июня, июля и августа построена церковь св. Иоанна Предтечи, которая и будет с благословения патриаршего экзарха Сергия, митрополита Литовского и Виленского, в ближайшем будущем освящена.

Германское командование обратило особое внимание на иноков, гонимых советской властью, и восстановило их в правах гражданства, снабдив наравне с остальными жителями паспортами.[60]

Община о. Серафима (Проценко) после выхода из подполья с открытием обители увеличилась, несмотря на тяжелое время монастырю помогали жители Вырицы. В обители было несколько монашествующих. Келейником о. Серафима был монах Лев, умерший в 1942 г. Кроме того, в монастыре жили монахи: о. Михаил (Оленев Михаил Павлович), мон. Иоанн (Емельянов Иоанн Андреевич).

Помогали обители и монахини, духовные чада о. Серафима. кроме тех , кто входил в общину до войны в ней были: монахиня Феодора (Феодосия Егоровна Осипова), тайно постриженная о. Серафимом еще перед войной, и Екатерина (Исаева). При обители жил также архитектор Ф.М. Ларченко. Сторожем Богоявленского мужского монастыря* в 1941 – 1945 гг. был б. сторож лесхоза в Вырице монах? Николай (Куликов Николай Гаврилович (1879 – после 1951), после войны бывший помощником церковного старосты Вырицкой Казанской церкви.[61]

Отец Серафим окормлял также русские добровольческие части «Хиви» в Вырице, совершал богослужения в расположении войск.

В начале 1942 года, во время контрнаступления советских войск, когда фронт подошел к Великим Лукам, немцами в Вырицу была эвакуирована небольшая женская община, проживавшая в маленьком монастыре (ските) близ станции Насва в Псковской области. С 1920-х годов здесь располагался Крючский скит Великолуцкого Вознесенского женского монастыря, который возглавляла 99-летняя

Вырица. Дом Сидоровых, в котором проживала схимонахиня Евфимия. Здесь помещалась община архимандрита Серафима

старица-слепица схиигумения Серафима. «Ослепшая с 12-летнего возраста, она в течение своей долгой жизни была настоятельницей многих обителей, являя пример изумительной душевной силы и бодрости. Дожив до радостной минуты восстановления первой женской обители после стольких лет гонения, старушка скончалась в июле месяце, передав управление монастырем своей заместительнице монахине Серафиме (в миру Морозовой)».[60] Окормлял общину, состоявшую из нескольких сестер, – монахинь закрытых в довоенные годы женских монастырей, преимущественно Псковской губернии, иеромонах Антоний (Стальмаков) (1883-1948), уроженец Белоруссии, прежде служивший в Полоцке.[62]

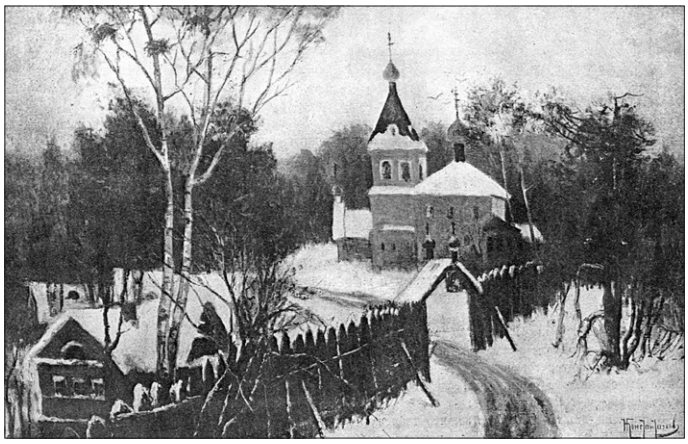
Число монахинь б. Крючского скита, приехавших в Вырицу, точно не известно. Из живших на подворье в 1942-1945 гг., кроме почившей в июле 1942 г. старицы схиигумении Серафимы, следует назвать м. Серафиму (Анну Павловну Морозову), (1892-1974), она возглавляла обитель недолгое время в 1942 г., в 1944-1949 гг. была келейницей старца иеросхимонаха Серафима Вырицкого, и мон. Иоанну (Шихобалову), жившую в семье Муравьевых, и возглавлявшую обитель позже, в 1943-1944 гг. Среди сестер, живших в Вырице, были: мон. Анастасия (Ладилес), Анна (Дадаева), Анна (Резцова), Мария (Дорожкина), Мария (Младенчикова) и Пелагея (Москвина). Дальнейшая их судьба после 1944 г. неизвестна.[63]

Богослужения в Успенском храме совершал иеромонах Антоний (Антон (?) Иудович Стальмаков), после принятия схимы – иеросхимонах Арсений (1883 – 3.02.1948).[64]

Иеросхимонах Серафим в годы войны по-прежнему проживал в доме Томбергов на Пильном пр., 7. Он по-прежнему не вставал из-за болезни, но принимал приходивших к нему. Молитвенное предстательство Вырицкого старца помогло в годы войны великому множеству людей.

С первых дней войны старец открыто говорил о победе русского оружия. Кроме того, дивный духовный подвиг он нес в годы войны, во время оккупации Вырицы. Подражая прп. Серафиму Саровскому, он молился в саду дома на камне перед иконой о прощении грехов людских и об

* Скорее всего, обитель называлась так по названию улицы, храм же в ней был освящен в честь св. Иоанна Предтечи.

Дальний скит. С картины худ. Н. Константинова. 1916 г.

избавлении России от нашествия иноземцев.

Из рассказов родственников прп. Серафима Вырицкого: «...В 1941 году дедушке шел уже 76-й год. К тому времени болезнь очень сильно его ослабила и он практически не мог передвигаться без посторонней помощи. В саду, за домом, метрах в пятидесяти, выступал из земли гранитный валун, перед которым росла небольшая яблонька. Вот на этом-то камне и возносил ко Господу свои прошения отец Серафим. К месту моления его вели под руки, а иногда просто несли. На яблоньке укреплялась икона, а дедушка вставал своими больными коленями на камень и простирал руки к небу... Чего ему это стоило! Ведь он страдал хроническими заболеваниями ног, сердца, сосудов и легких. Видимо, Сам Господь помогал ему, но без слез на все это смотреть было невозможно. Неоднократно умоляли мы его оставить этот подвиг – ведь можно было молиться и в келии, но в этом случае он был беспощаден и к себе, и к нам. Молился отец Серафим столько, насколько хватало сил – иногда час, иногда два, а порою и несколько часов кряду. Отдавал себя всецело, без остатка – это был воистину вопль к Богу! Верим, что молитвами таких подвижников выстояла Россия и был спасен Петербург».[65]

При старце проживала его б. супруга м. Христина, которая к этому времени приняла схиму с именем Серафима, а также мон. Иоанна (Шихобалова).

В годы войны в Вырицкой Казанской церкви служили: прот. Владимир Богданов (1941-1942), прот. Михаил Ноздрин (1943), свящ. Иоанн Молчанов (1943-1944), иеромонах Антоний Стальмаков (1944), диакон Александр Максимов (1943-1944), В Петропавловской – иеромонах Лин (Никифоров) (1941-1942), прот. Михаил Ноздрин (1943), свящ. Николай Багрянский (1943-1944), прот. Анатолий Кушников (1944-1945).[66] Старостой Казанского храма служил Николай Куприянович Мальков († 1942), после него – Алексей Ильич Михайлов и N.N. Демидов. Псаломщицей в храме была Ирина Ивановна Петрова.

Иеросхимонах Серафим числил себя прихожанином Казанской церкви, священники ее причащали его святых Христовых Таин. Священник Иоанн Молчанов, служащий настоятелем в Казанской Церкви 1943 – 1944 гг., происходивший также из Ярославских уроженцев и был в родстве с о. Серафимом. Их семьи были близко знакомы еще до войны.[67]

Осенью 1943 г. немцами была начата эвакуация жителей Вырицы в Прибалтику и Германию (большинство жителей оказались эвакуированы в г. Ройтлинген в Германии и вернулись на родину в 1945-1947 гг.).

Старец Серафим благословлял жителей по возможности оставаться в Вырице, предсказав, что город на пострадает.

В январе 1944 г. Вырица была освобождена советскими войсками. Действительно, во время боевых действий жилые дома, за редким исключением, сохранились без каких-либо повреждений, были взорваны только виадук и станция и во время боев пострадали колокольня и купол Вырицкой Петропавловской церкви (разрушенные в войну они утрачены по сей день).

Оставшиеся жители после многолетнего плена приветствовали долгожданных освободителей, «своих родных, русских».

Послевоенная Вырица

С возвращением советской власти по отношению к духовенству вновь были приняты «суровые меры». Большинство служивших на оккупированной территории пастырей были арестованы, отправлены в ссылки и лагеря.

Архимандрит Серафим (Проценко) был арестован 30 июля 1945 года в Пскове, куда он был эвакуирован из Вырицы в январе 1944 года. Обвинненый в сотрудничестве с немцами, усугублявшимся окормлением русских частей «Хиви» в немецкой армии, 75-летний пастырь был приговорен (4 мая 1946 г.) к 20 годам каторжных работ. Освободившись в середине 1950-х гг., архим. Серафим некоторое время был в Псково-Печерском монастыре, с 1955 г. краткое время – в Ленинграде у духовных чад, позже был перевезен ими в Вырицу, где проживал до 1960 г. в домике м. Евфимии в Поселке. Почитался многими как старец и прозорливец. Скончался 28.12.1960 года в

Вырица. Маленькое кладбище в Поселке, где похоронен о. Лев († 1942)

Вырице, похоронен в С.-Петербурге на Большеохтинском кладбище возле Никольской церкви.[68]

Его духовная дочь, схимонахиня Таисия (Коржавина) была арестована 30 января 1951 г. К этому времени она была казначеем Казанской церкви и проживала в Вырице на пр. Кирова, 46. Будучи осуждена на 10 лет лагерей, в заключении была в Иркутской области (ст. Тайшет). После освобождения вернулась в Вырицу. Скончалась в 1960-1970-х гг.[69]

Члены общины о. Серафима после войны проживали большей частью в Вырице. Домик м. Евфимии был их убежищем и духовным центром. Многие из них были прихожанами Казанской церкви. Богоявленский мужской монастырь был закрыт, а здания его переданы одному из детских садов. Сама мать Евфимия (Сидорова) скончалась в 1981 году в возрасте 82-х лет и похоронена на кладбище в Поселке.[70]

Успенский Вырицкий женский монастырь был закрыт в 1945 году. С 1сентября 1944 г. о. Антоний был назначен настоятелем Казанской церкви, где служил по 1945 гг., богослужения в Успенской церкви с 1944 г. не совершались.

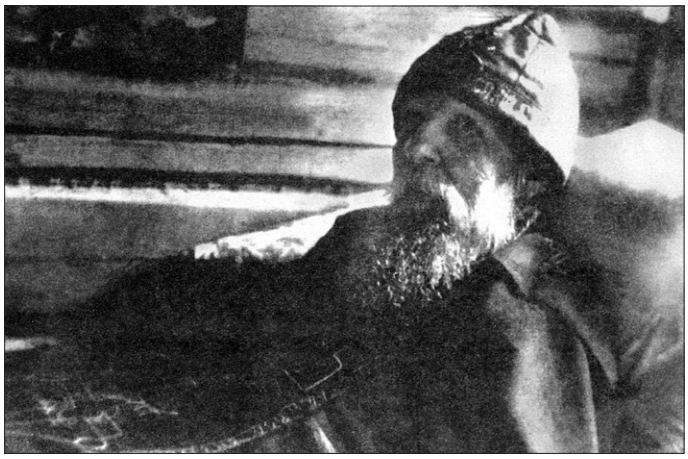
Судьба сестер обители неизвестна, кроме м. Серафимы (Морозовой), бывшей после кончины м. Серафимы (Муравьевой) в 1945 г. келейницей иеросхимонаха Серафима Вырицкого. После преставления старца († 3.04.1949) подвизалась в Пюхтицком монастыре, где и скончалась в 1974 году.[71]

Иконостас, иконы и утварь из закрытого Успенского храма в Вырице были переданы в ноябре 1945 года в разные незакрытые к тому времени храмы: три средних колокола – в Спасо-Парголовскую церковь, иконостас с иконами, престол, жертвенник и две хоругви – в Антропшинскую церковь св. Екатерины, Голгофа, три колокола (два маленьких и один большой) и одно облачение – в Вырицкую Петропавловскую церковь. Оставшиеся иконы – в канцелярию митрополита.[72]

Сам иеросхимонах Арсений с 1945 г. проживал на покое в Вырице (Советский пер., 8), где и скончался 3.02.1948 г. Погребен он за алтарем Вырицкой Казанской церкви.

Петропавловская церковь, сильно пострадавшая во время боевых действий в январе 1944 года, была восстановлена в 1944-1945 гг., благодаря участию ее настоятеля прот. Анатолия Кушникова и сменившего его летом 1945 г. прот. Бориса Заклинского. Была отстроена поврежденная взрывом стена алтаря, приобретены дарохранительница, св. Евангелие, потир.[73]

В 1950 г. храму, вместо ветхого, митрополитом Григорием был выдан новый антиминс, в октябре 1950 г. приходом был приобретен серебряный ковчежец со свв. мощами (из Рима), который митрополит Григорий благословил поместить в храме для общего почитания и поклонения верующих.[74] 23 ноября 1952 г. храм был заново освящен епископом Таллинским и Эстонским Романом (Тангом). В 1952-1954 гг. из разрушенного храма в с. Большие Ящеры Гатчинского района в храм был перевезен иконостас, хоругви, паникадило и семисвечник, из закрытого

Иеросхимонах Серафим Вырицкий. Фото 1946 г.

храма в с. Усть-Введенское – Царские врата. Полностью строительные работы по восстановлению храма были завершены в 1954 г.[75]

В августе 1945 г. настоятелем Казанской церкви в Вырице был назначен один из замечательных петербургских пастырей прот. Алексий Кибардин.[76]

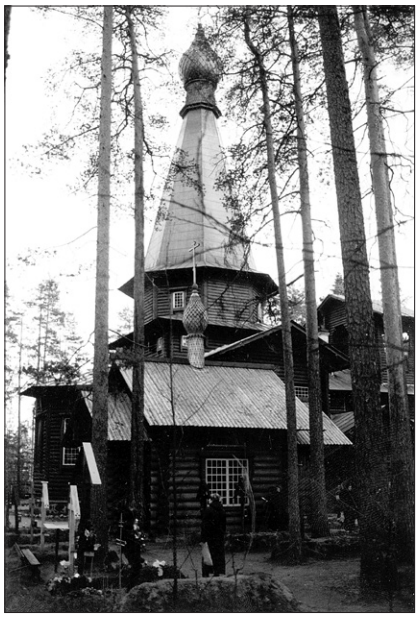
Он прослужил в храме пять лет. Будучи в 1910-х гг. духовником Августейших Детей в бытность священником Феодоровского Государева собора в Царском Селе, в 1945-1949 гг. он становится духовником старца иеросхимонаха Серафима, ежедневно посещая его и причащая свв. Христовых Таин.

После войны к о. Серафиму в Вырицу по-прежнему шел поток людей, страждущих, стремящихся отыскать потерянных в годы войны родственников, вопрошающих о своих жизненных проблемах и жаждущих духовного спасения.

Старец тихо отошел ко Господу 3 апреля 1949 года, в воскресенье 4-й недели Великого поста, прп. Иоанна Лествичника, и был погребен за алтарем Казанской церкви, на маленьком церковном кладбище, подле матушки Серафимы. (Чин отпевания старца совершил по благословению митр. Григория (Чукова) епископ Лужский Симеон (Бычков) при огромном стечении молящихся.)

В январе 1951 г. прот. Алексий Кибардин был арестован и приговорен к 25 годам лагерей. Вернулся он из Сибири в 1955 году, недолго прослужив вторым священником в Вырицком Казанском храме, он вышел на покой (здоровье пастыря, арестовывавшегося и проведшего в лагерях в общей сложности 10 лет, было подорвано). О. Алексий проживал в Вырице на покое вплоть до своей кончины, последовавшей 5 апреля 1964 года.[77]

Вырицкие Казанский и Петропавловский храмы, оставшиеся действовать после войны на протяжении всей второй половины XX века, остаются духовными центрами «тихой Вырицы». Известность их как святых мест постепенно вышла далеко за пределы С.-Петербургской епархии. Остаются они таковыми и до сего дня, привлекая множество богомольцев. Но это уже тема другого повествования.

Вырица. Часовня прп. Серафима Вырицкого возле Казанского храма. 2002 г.

Примечания:

[1] В.А. Лапшин. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1. Западные районы. Л. 1990, с. 75, 119.

[2] Н.М. Карамзин. История Государства Российского в 3-х кн. 5-е изд. СПб. 1842. Том X. Глава III.

[3] А.В. Барановский. Вырица. Рукопись.

[4] Я.А. Крастиньш. Стиль модерн в архитектуре Риги. М., 1988, с. 30-35.

[5] Н.П. Крадин. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск. 2001, с. 76-79.

[6] А.В. Барановский. Вырица за сто лет. Рукопись. Биржевые ведомости, газета. Февраль 1907 г. СПб.

[7] Новый путеводитель Петербурга и его окрестностей. 1909.

[8] А.В. Барановский. Вырица за сто лет. Рукопись.

[9] Архитекторы и строители С.-Петербурга середины XIX – начала XX века. Справочник. СПб, 1996.

[10] С.-Петербургский мартиролог. СПб. 2002, с. 290-291

[11] Прот. Иоанн Пашкевич. Вырицкий храм Петра и Павла. «Адмиралтейство», журнал. № 3/4, 2000, с. 50.

[12] Газета «Колокол», 24.06.1908 г., «Петербургский листок», 23.06.1908, № 170, с. 3.

[13] Прот. Иоанн Пашкевич. Вырицкий храм Петра и Павла. «Адмиралтейство», журнал. № 3/4, 2000, с. 50. Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с. 83.

[14] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб. 2002, с. 199

[15] Состоящее под Августейшим покровительством Его Высочества Кн. Иоанна Константиновича Братство в честь иконы Казанской Божией Матери по постройке храма в память 300-летия Царствования Дома Романовых в местности «Княжеская Долина» близ станции Вырица М.-В.-Р. ж. д. Царскосельского уезда Петроградской губернии. Отчет со дня возникновения братства по 1 января 1915 г. Пг. 1916.

[16] А.В. Барановский. Указ. соч.

[17] Обращение архитекторов М.В. Красовского и В.П. Апышкова. Собрание Г.В. Защука (1911-1995).

[18] А.В. Барановский. Указ. соч.

[19] Царскосельское дело, газета. 19 июля 1913 г., № 29, с. 3 Подробнее: «Ведомости С.-Петербургского градоначальства и полиции», 1913, 17 июля, № 152, с. 2.

[20] А.В. Барановский. Указ. соч.

[21] Отчет комитета Общества благоустройства дачной местности Вырица, Поселок и Заречье за 1913-1914 гг. СПб. 1914.

[22] Там же, с. 5.

[23] Царскосельское дело, газета. 19.10.1914. См. также газеты «Речь» и «Новое время».

[24] А.В. Барановский. Указ. соч.; музей истории Царского Села, архив О.О. Пантюхова.

[25] А.В. Барановский. Указ. соч.

[26] В.В. Антонов, А.В. Кобак. Святыни Санкт-Петербурга. Т. 3, с. 58-59.

[27] А.В. Барановский. Указ. соч.

[28] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с.168.

[29] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с. 37; И.И. Осипова. Сквозь огнь мучений и воды слез. М., 1998, с. 293.

[30] В.В. Антонов. Сщмч. митрополит Иосиф в Петрограде. Возвращение, № 4, 1993, с. 51.

[31] Там же.

[32] Там же, с. 52.

[33] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с.199.

[34] Там же, с. 59.

[35] Там же, с. 37.

[36] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с. 173; И.И. Осипова. Сквозь огнь мучений и воды слез. М., 1998, с. 317.

[37] Там же, Г.Г. Кильчицкий, прот. Иоанн Никитин. Рукопись.

[38] В.В. Антонов. Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде. С.-Петербургские Епархиальные ведомости. Вып. 23, с. 107.

[39] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с. 98; И.И. Осипова. Сквозь огнь мучений и воды слез. М., 1998, с. 286.

[40] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с.193.

[41] Там же, с. 209.

[42] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с. 108; И.И. Осипова. Сквозь огнь мучений и воды слез. М., 1998, с. 308; I. Andreev. Russian Catacomb Saints. Platina, Ca. 1982, p. 371-382.

[43] В. П. Филимонов. Иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб.1999. с.90-91.

[44] В. П. Филимонов. Иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб.1999. с.90-91; Л.И. Соколова. «Несение скорбей. Семья Муравьевых.» См.в этом номере «С.-Петербургских Епархиальных ведомостей», с.149-163.

[45] Л.И. Соколова. «Новомученик протоиерей Леонид Богоявленский», См.в этом номере «С.-Петербургских Епархиальных ведомостей», с. 169.

[46] В. П. Филимонов. Иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб.1999., с. 108.

[47] Земля Невская православная.Церковно-исторический справочник. СПб. 2000, с. 54.

[48] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с. 134.

[49] Прот. Иоанн Пашкевич. Указ. соч.

[50] Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с.102. Свидетельство В.Г. Преображенского и А.Г. Преображенской. Аудиозапись.

[51] Материалы Центрального Государственного архива кинофотофонодокументов (С.-Петербург).

[52] О. Боброва. Тихая Вырица, или «Монплезир на девятый разряд». Невское время, 1991 г.

[53] Синодик Псковской миссии. «С.-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 26-27, с. 39; И.И. Осипова. Сквозь огнь мучений и воды слез. М., 1998, с. 289.

[54] Л.И. Соколова. Вырица. рукопись; АрхивУФСБ СПб и ЛО. Дело П-86061. Синодик Псковской миссии. «С.-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 27-28, с. 39, 42.

[55] Там же.

[56] А. В. Барановский. Указ. соч.

[57] Синодик Псковской миссии. «С.-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 26-27, с. 20. Архив С.-Петербургской епархии (прот. Владимир Богданов, дело).

[58] Синодик Псковской миссии. «С.-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 26-27, с. 41.

[59] Архив С.-Петербургской епархии. Переписка с благочинными Гатчинского округа.

[60] О. К. «За Родину» (Псков). 1942. № 13 (24 сентября). с.5.

[61] Л.И. Соколова. Вырица. рукопись; Архив С.-Петербургской епархии. Дело Вырицкой Казанской церкви.

[62] Свидетельство прот. Алексия Коровина; «Крючская пустынь. Иеросхимонах Нил Крючский». См. в этом номере С.-Петербургских Епархиальных ведомостей, с. 44-55.

[63] Подробнее их биографии см. Синодик Псковской миссии, «Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 26-27, сс. 42-43.

[64] Архив Гатчинского ЗАГСа.

[65] В. П. Филимонов. Иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб.1999., с. 123-124.

[66] Синодик Псковской миссии. «С.-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 26-27, с. 20-41; Приходы Псковской миссии, там же, с. 53.

[67] Л.И. Соколова. «Несение скорбей. Семья Муравьевых». См. в этом номере с.149-163; «Дневник Василия Молчанова». См. здесь же, с. 223.

[68] Синодик Псковской миссии. «С.-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 26-27, с. 39; Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с.201

[69] Синодик Псковской миссии. «С.-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 26-27, с. 42; Синодик С.-Петербургской епархии. СПб, 2002, с.134.

[70] Свидетельство прот. Вячеслава Клюжева.

[71] Свидетельство игумении Варвары (Трофимовой).

[72] Архив С.-Петербургской епархии. Ф. 1, оп. 4, п. 11 – 1945.

[73] Прот. И. Пашкевич. Указ. соч.

[74] Архив С.-Петербургской епархии. Дело Вырицкой Петропавловской церкви.

[75] Прот. И. Пашкевич. Указ. соч.; Архив С.-Петербургской епархии, Ф. 1, оп.7, п.28 и Ф. 1, оп. 10, п. 2 (переписка с благочинными).

[76] Подробнее о нем: «Духовенство и церковнослужители Феодоровского Государева собора»/ Публ. Д. О. Бохонского. С.-Петербургские Епархиальные ведомости, вып. 24, с. 98; М.В. Шкаровский. «Служение протоиерея Алексия Кибардина в годы войны». С.-Петербургские Епархиальные ведомости, вып. 26-27, с. 107-112; Синодик Псковской миссии. «С.-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 26-27, с. 22.

[77] Там же.

М.Ю. Мещанинов

ХРАМЫ НА СТАНЦИИ ПОПОВКА

Ближайшая к городу Колпино (со стороны Москвы) железнодорожная станция Поповка и поселок Красный Бор своим нынешним видом ничем уже не напоминают ту местность с деревянными дачными домами, тихими улочками и патриархальным укладом, что сохранилась на старых фотографиях начала XX века. Еще меньше осталось воспоминаний о храмах, которые были здесь, а большинство наших современников, возможно, и вовсе о них не слышали.

Мыза Поповка, также как и несколько соседних деревень, входивших в состав Царскосельского уезда, первоначально принадлежали богатому хозяину, имя которого, увы, кануло в Лету и который в середине XIX века продал ее отставному корнету Александру Турчанинову, а тот, в свою очередь, перепродал некоему г-ну Тургеневу. Жители мызы и соседних деревень были приписаны к приходу села Никольское, находящегося в пяти верстах от Поповки.

Согласно документам, хранящимся в Российском Государственном историческом архиве, первая каменная часовня в этих местах была построена в 1848 году в местечке Степановка на пересечении дороги в Никольское и строящейся железной дороги Санкт-Петербург – Москва. Проект часовни был утвержден в сентябре того же года лично Императором Николаем I. Это была небольшая, квадратная в плане часовенка с четырехскатной крышей и луковичной маковкой.

К концу XIX века станция Поповка, рядом с которой расположились поселки Подобедовка и Самопомощь, приобрела среди столичных жителей известность как тихая дачная местность с небольшими красивыми водоемами, изумительным по красоте ландшафтом и чистым воздухом, что привело к значительному росту населения и постройке множества дач.

1 октября 1902 года в поселке Подобедовка по инициативе владельца имения Михаила Михайловича Подобедова по проекту архитектора Павла Петровича Кондратьева была заложена деревянная церковь с высоким шатровым куполом, выдержанная в стиле деревянного русского зодчества. Спустя семь лет ее постройка была закончена, и в 1909 году она была освящена священником Алексием Сверенским во имя святого благоверного князя Александра Невского. Рядом с храмом возвели часовню Святителя Николая Чудотворца, выдержанную в том же стиле. К этой же церкви была приписана и упомянутая часовня в Степановке. Скончавшегося этим же летом о. Алексия сменил новый настоятель – священник Михаил Положенский.

В 1904 году, когда строительство Александро-Невской церкви было в самом разгаре, жителями Подобедовки рядом была построена небольшая деревянная церковь барачного типа во имя Святителя Николая Чудотворца, разместившаяся в доме барачного типа, и вначале именовавшаяся «церковью-бараком». 21 марта 1904 года при многочисленном стечении местных жителей она была освящена местным священником Иаковом Яновским.

В этом же 1904 году в соседнем дачном поселке Самопомощь на средства Братства Святителя Николая Чудотворца, учрежденного по инициативе местного

Поповка. Дачное местечко Степановка. Слева видна часовня свт. Николая Чудотворца. 1912 г.

Поповка. Подобедовка. Церковь св. блгв. кн. Александра Невского, слева от нее Никольская церковь-барак. Фото 1912 г.

Поповка. Подобедовка. Александро-Невская церковь. Фото 1900-х гг.

Поповка. Самопомощь. Свято-Троицкая церковь. Фото 1910-х гг.

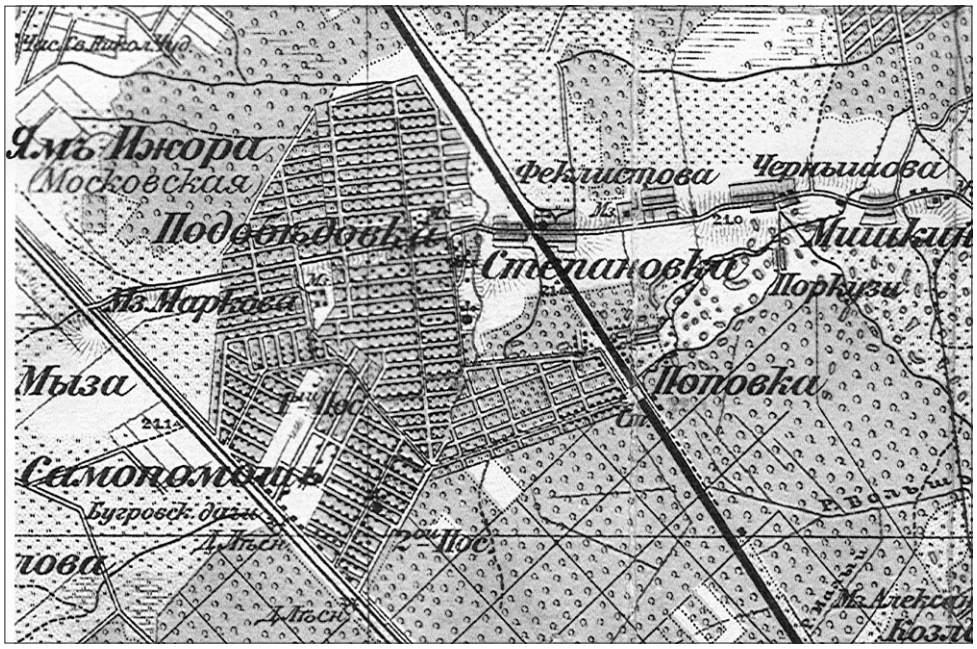
населения, по проекту петербургского архитектора Виктора Никаноровича Боброва была построена, выдержанная в русском стиле, деревянная пятикупольная церковь с изящной шатровой колокольней. Спустя год, 6 августа 1905 года, этот храм был освящен во имя Святой Живоначальной Троицы. Его причт состоял из одного священника и псаломщика. К церкви была приписана находившаяся неподалеку на кладбище часовня.

Рассказывая о здешних молитвенных зданиях, необходимо вспомнить и небольшую католическую каплицу (часовню) в дачном поселке Марково, вблизи станции Поповка. Она стояла на берегу красивого пруда на участке, пожертвованном в 1909 году полковником Иваном Рымкевичем в пользу Колпинского приходского костела. 22 июля 1910 года в присутствии многочисленных дачников состоялось ее торжественное освящение (сохранилась любительская фотография, запечатлевшая этот момент). Деревянная каплица была приписана к Колпинскому костелу.

К началу XX века поселки сильно разрослись, здесь были построены земская школа, училище и даже свой театр. Благодаря большому наплыву столичных дачников, местные жители не бедствовали, сдавая внаем дома. Судя по редким сохранившимся фотографиям, дома находились в образцовом состоянии.

Деревянные храмы действовали вплоть до 1930-х годов. Первой в 1928-1929 годах была закрыта католическая каплица. К этому времени богослужения в ней совершались лишь два раза в неделю. В 1935 году одновременно были закрыты и оба храма в поселке Подобедовка – Александро-Невская церковь была переоборудована под клуб и сохранялась до Великой Отечественной войны, а Никольская церковь-барак в том же 1935 году была снесена. Спустя два года закрыли и Свято-Троицкую церковь в поселке Самопомощь. Вплоть до 1941 года единственным действующим храмом оставалась только часовня в Степановке, обращенная в церковь.

Великая Отечественная война поставила точку и на

Ст. Поповка (пос. Подобедовка, Степановка, Самопомощь). Фрагмент карты С.-Петербурга и окрестностей. Картографическое заведение Ю. Гаша. СПб, 1914 г.

Поповка. Храм св. вмц. Параскевы Пятницы. Внешний вид и интерьер. Фото начала 2002 г.

станции Поповка, и на других ближайших поселках. Поповка была оккупирована немцами, и установившаяся поблизости линия фронта превратила эту прекрасную местность в огненный плацдарм. После войны здесь не было ничего, что напоминало бы о недавнем прошлом – только обгорелые деревья, кое-где торчащие печные трубы, искореженная военная техника и окопы.

Отстроенный заново поселок Красный Бор сохранил лишь некоторую довоенную планировку улиц. На месте Александро-Невской церкви (нынешний Красноборский проспект) находятся деревянные жилые дома, а на месте поселка Самопомощь – лесной массив.

Летом 2001 года в Красном Бору, впервые за последнее время, была создана православная община, поставившая своей целью постройку небольшого храма, который бы окормлял духовные нужды местных жителей. 15 сентября 2001 года на участке земли, отведенном на углу улиц Дубровского и Воскова (территория бывшего поселка Подобедовка) иеромонахом Иосифом (Белицким) – клириком Иоанновского ставропигиального монастыря была совершена закладка небольшого деревянного храма во имя святой великомученицы Параскевы Пятницы, проект которого был разработан местным архитектором Виктором Васильевичем Плехановым.

Благодаря энтузиазму строителей и поддержке населения поселка в довольно короткие сроки (фактически за 45 дней) храм был вчерне построен, и уже 10 ноября 2001 года, в день престольного праздника, иереем Александром Селивановым было совершено его малое освящение и отслужена первая Божественная литургия.

В будущем, рядом предполагается построить каменный храм, а деревянный обратить в часовню. Пока же новопостроенный храм приписан к церкви Святителя Николая Чудотворца в городе Колпино, клирики которой несколько раз в неделю совершают в нем богослужения (современный адрес храма – ул. Дубровского, 2).

БИБЛИЯ

Возьми, читай святую книгу Бога,
Пойми душой спасения слова,
И всяк пройдет в тебе тревога,
И сердцем ты увидешь небеса.

Поверь, когда преклонны будут лета,
Душевных бурь прокатится волна, –
Покинешь ты все книги: только эта
С тобой на век останется одна.

И в ней найдешь, чего нигде дотоле
Не обретал в пространном мире сем,
И ничего просить не станешь боле:
Тут полнота всех благ, тут все во всем.

***

Между небом и землею
По неведомым тропам
Ходят ангелы святые...
Свет скользит по их стопам.

В небеса они уносят
Наши скорбныя мольбы
И приносят нам оттуда
Мир и силы для борьбы.

Петр Ива

НОВЫЕ ХРАМЫ И ЧАСОВНИ ГОРОДА КОЛПИНО

В 1998 г. издательство «Воскресеніе» выпустило в свет книгу «Храмы и часовни города Колпино», написанную автором этих строк и представляющую собой исследование по истории всех колпинских храмов и часовен, существовавших в городе до 1917 г.

Город Колпино, будучи по началу лишь небольшим селом при Адмиралтейских Ижорских заводах, не отличался обилием храмовых зданий и не мог соперничать в этом, к примеру, с находившимся рядом Царским Селом, количество храмов и часовен в котором к началу XX столетия, в общей сложности, уже превышало четыре десятка.

Напомним, что в городе Колпино к 1917 году действовали 3 православных храма и 4 часовни (инославные культовые здания мы не учитываем). В годы Великой Отечественной войны город оказался на передней линии обороны Ленинграда и большая часть зданий, в их числе и главная Колпинская доминанта – Троицкий собор, были разрушены. К началу 1991 года в Колпино сохранялись лишь Вознесенская церковь (занятая в то время под кинотеатр) и Александро-Невская часовня (используемая под учебно-производственные мастерские детского интерната), да и то, обе в перестроенном виде.

В том же 1991 году, после долгих проволочек, Вознесенская церковь была, наконец, возвращена верующим, и к настоящему времени, после долгой реставрации, она вновь предстала в своем прежнем, почти что дореволюционном, облике.

Появилась надежда, что и Александро-Невская часовня будет вскоре восстановлена в прежнем благолепии. Самым же отрадным является то, что в Колпино за истекшее десятилетие число вновь открытых православных храмов и часовен выросло настолько, что превысило число существовавших до большевицкого переворота 1917 года! Не считая упомянутой выше Вознесенской церкви, в настоящее время в городе уже построены и действуют еще 4 новых православных храма и 4 часовни. В ближайшем будущем планируется совершить закладку и начать строительство каменной церкви во имя Святой Живоначальной Троицы (проект которой уже разработан), а также открыть еще одну домовую часовню во имя св. великомученика и целителя Пантелеимона в терапевтическом корпусе при городской больнице № 33, главный врач которой уже дал на это согласие.

Вряд ли какой город в России на сегодняшний день может похвастаться таким соотношением действовавших до революции и действующих в настоящее время храмов.

Публикуемые ниже краткие сведения, являясь как бы продолжением выпущенной четыре года назад книги, ставят своей целью восстановить картину возрождения Православной жизни в городе Колпино – некогда «колыбели рабочего и революционного движения», а ныне одном из промышленных центров С.-Петербурга и, дай Бог, центре духовного возрождения района.

---

1. Церковь Святителя Николая Чудотворца
(ул. Володарского (Адмиралтейская), близ д. 42)

Закладка этого небольшого деревянного храма, проект которого был разработан колпинским архитектором Сергеем Ивановичем Крюковым, состоялась 6 сентября 1997 года. Малое освящение новопостроенной церкви совершил 5 июля 1998 года его первый настоятель иерей Сергий Ромадов. Однопрестольный храм, стены и свод которого изнутри аккуратно обшиты вагонкой, вмещает в общей сложности до 100 человек. Алтарь отделен довольно простым одноярусным иконостасом. Находящийся на правом клиросе образ Святителя и Чудотворца Николая является храмовой святыней, перед которой по четвергам служатся молебны и читается акафист.

В 1998 году настоятелем храма был назначен иерей Александр Селиванов, за короткое время снискавший большое уважение среди прихожан и жителей города. В том же 1998 году ко храму была приписана часовня во имя Тихвинской иконы Божией Матери, находящаяся в здании Колпинского морга (см. № 5). В настоящее время при храме действует также детская воскресная школа в честь св. преподобного Сергия Радонежского.

Церковь свт. Николая Чудотворца. Внешний вид (1999 г.) и интерьер (2000 г.)

Церковь Святителя Николая Чудотворца открыта ежедневно с 9 до 18 часов.

В 2000 году рядом с храмом, на месте, где в будущем предполагается построить новый каменный Свято-Троицкий собор, был установлен и освящен деревянный осьмиконечный крест.

С 2001 года священнослужителями Никольской церкви окормляется также новосозданный приход храма св. великомученицы Параскевы Пятницы в поселке Красный Бор Тосненского района, а также церковь св. Серафима Саровского при колонии усиленного режима УС 20/3 в поселке Форносово (освящена еще в 1993 г.)

2. Церковь Святителя Николая Чудотворца
на новом Колпинском кладбище

До 1941 г. на старом Колпинском кладбище находилась деревянная церковь свт. Николая Чудотворца, построенная еще в 1809 г. В первые же месяцы Великой Отечественной войны, в результате артобстрелов, она была разрушена.

20 июня 1997 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) благословил приход церкви Вознесения Господня на строительство нового кладбищенского храма во имя свт. Николая Чудотворца в память о существовавшем ранее.

На территории старого Колпинского кладбища последние годы захоронения уже практически не производятся (исключения делаются лишь для тех, чьи родственники смогли выложить для этого очень крупную сумму), а место прежнего кладбищенского храма еще после войны было занято захоронениями, поэтому новый храм решено было возвести на территории нового кладбища, расположенного к югу от старого.

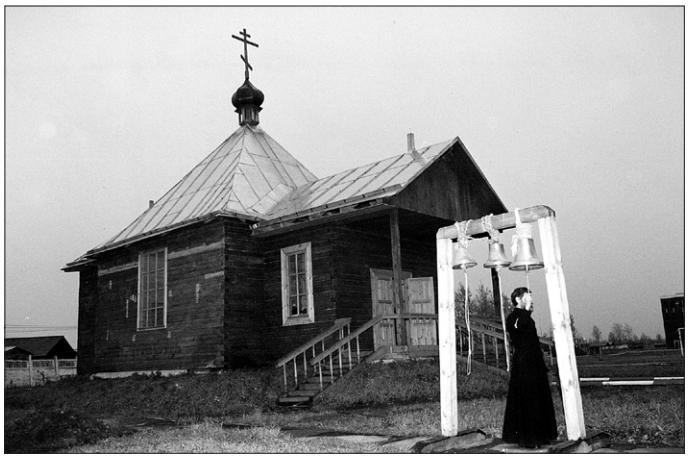
Закладка храма состоялась в 1997 г. Его проект был разработан колпинским архитектором Валентиной Дмитриевной Прокошиной. Первая панихида, в еще строящемся храме, была отслужена 29 мая 1999 г. в Троицкую родительскую субботу. Спустя год строительство храма было закончено, и 22 июня 2000 года он был освящен благочинным Царскосельского округа протоиереем Геннадием Зверевым.

Храм этот деревянный, однопрестольный, довольно простой архитектуры. В 2002 г. он был обнесен деревянной оградой, а рядом с ним сооружена сторожка. Внутри

Церковь свт. Николая Чудотворца на новом Колпинском кладбище. Внешний вид (2002 г.) и интерьер (2002 г.)

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Внешний вид и интерьер (отделка храма не закончена). Фото 2001 г.

храма находится небольшой двухъярусный иконостас, вырезанный из липы. Из икон примечателен храмовый образ Святителя Николая Чудотворца, старого письма.

За алтарем храма находится могилка свечницы Вознесенской церкви Анны Михайловны Ананьевой (1931 – 2000), трудившейся в храме с 1992 года, и еще трех работниц того же храма, скончавшихся в 2002 году.

Божественная литургия в храме совершается по субботам, в остальные дни здесь служатся лишь молебны и панихиды. Храм приписан к церкви Вознесения Господня.

3. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы на территории воинской части 01630

Бывший полк гражданской обороны, ныне являющийся одной из воинских частей Министерства по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации, дислоцирован в г. Колпино на Лагерном шоссе.

Проект полкового храма, разработанный колпинским архитектором Валентиной Дмитриевной Прокошиной, был утвержден митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром (Котляровым) 24 ноября 1998 года, а в 1999 году на территории воинской части состоялась его закладка. По ряду причин, однако, на первоначально выбранном месте это строительство начато не было, и 14 октября 2000 года на территории той же воинской части еще раз состоялась закладка храма на новом месте настоятелем Колпинской Вознесенской церкви протоиереем Серафимом Сологубом.

Спустя год, благодаря всесторонней поддержке командования полка, постройка храма была уже, в основном, завершена, и 14 октября 2001 года, в день престольного праздника, в ней о. Серафимом Сологубом в присутствии военнослужащих гарнизона и прихожан города Колпино была отслужена первая Божественная литургия и совершен крестный ход.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы – деревянная, однопрестольная, вместе с притвором вмещающая до 200 человек. Ее внутренюю отделку планируется полностью завершить в 2003 году. В настоящее время новопостроенный храм приписан к Колпинской Вознесенской церкви.

Корпус колонии, в котором находится церковь св. мученика Иоанна Воина. Фото 2001 г.
Интерьер церкви св. мученика Иоанна Воина. Фото 2000 г.

4. Церковь св. мученика Иоанна Воина
при воспитательной колонии
для несовершеннолетних (ул. Севастьянова)

В начале 1960-х годов на окраине города Колпино была основана колония усиленного режима для взрослых, занявшая обширный участок на углу улиц Механической и Севастьянова. В те годы колония состояла лишь из одноэтажных деревянных бараков, обнесенных забором с колючей проволокой. В январе 1972 года она была преобразована в воспитательную колонию для несовершеннолетних, находящуюся ныне в ведении Управления исполнения наказаний С.-Петербура и области. В эти же годы на ее территории и был построен ряд ныне существующих каменных корпусов.

В 1995 году в колонии была устроена небольшая домовая церковь во имя св. мч. Иоанна Воина, малое освящение которой совершил ее настоятель иерей Александр Степанов. Церковь занимает небольшое помещение на 3-м этаже пятиэтажного производственного корпуса колонии.

Внутреннее убранство этого храма довольно скромное. Деревянный одноярусный иконостас украшен иконами современного письма. У стен находятся четыре небольших деревянных киота с иконами. Находящаяся рядом трапезная отделена от храма широкой аркой.

Храм приписан к Православному благотворительному Братству св. мученицы Анастасии Узорешительницы, находящемуся в С.-Петербурге и имеющему там с 1997 года свою домовую церковь (наб. Лейтенанта Шмидта, 39), настоятелем которой также является прот. Александр Степанов.

Богослужения в храме св. мученика Иоанна Воина совершаются по четвергам и воскресеньям священниками вышеназванного Братства.

Освящение храма по полному чину планируется совершить в 2003 году.

Здание морга с часовней во имя Тихвинской иконы Божией Матери. Фото 2000 г.

Интерьер часовни во имя Тихвинской иконы Божией Матери. Фото 2000 г.

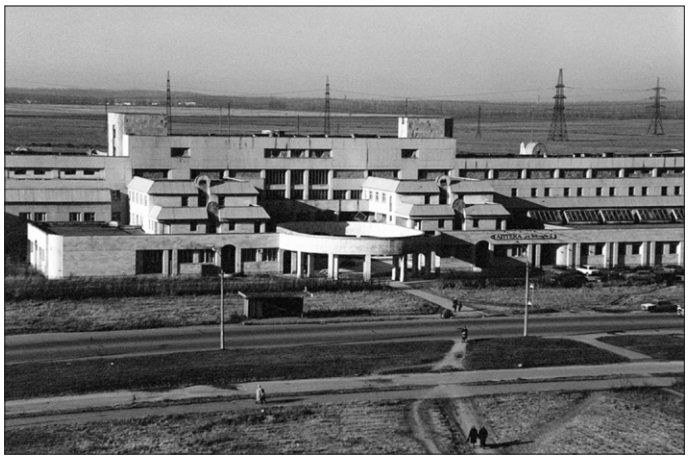
5. Часовня во имя Тихвинской иконы Божией Матери
при Колпинском морге (Павловская ул., 12)

Большое двухэтажное здание нового колпинского морга (официально именующегося патолого-анатомическим отделением Т.М.О.-33) было построено на территории больничного городка, на углу улиц Павловской и Карла Маркса в 1996 –1998 гг. по проекту архитектора Н.А. Вебер («ЛенНИИпроект). В процессе строительства над помещением будущей часовни было решено возвести купол.

Торжественная церемония открытия здания состоялась 22 мая 1998 г. в присутствии губернатора С.-Петербурга В.А. Яковлева и делегации Правительства города. Это объясняется тем, что построенный морг по своим размерам и оснащению не имеет себе равных не только в Петербурге, но и во всей России.

Находящаяся в центральной части здания часовня во имя Тихвинской иконы Божией Матери была освящена 4 июня 1998 г. благочинным Царскосельского округа протоиереем Геннадием Зверевым и предназначена для совершения отпеваний. Внутри она украшена настенной росписью – изображениями Святителя Николая Чудотворца и св. великомученика и целителя Пантелеимона на боковых колоннах. В центральной части изображена икона Сошествия Спасителя во ад, а под аркой, с восточной стороны, помещено изображение Тихвинской иконы Божией Матери.

Для тех, кто не желает совершать отпевание в часовне, в здании морга существует и обычный гражданский ритуальный зал, отделанный внутри темным мрамором. Никаких икон и христианской символики в нем нет.

Здание детской больницы, в которой находится часовня св. Иоанна Русского. Фото 2001 г. Интерьер часовни. Фото 2000 г.

В 2000 г. центральный купол здания часовни морга был увенчан восьмиконечным крестом.

Часовня приписана ко храму свт. Николая Чудотворца (см. № 1), клирики которого и совершают в ней отпевания. По воскресным дням в часовне также служатся молебны о здравии.

6. Часовня св. праведного Иоанна Русского
при детской городской больнице № 22 (Заводской пр., 1)

Комплекс детской городской больницы, состоящий из трехэтажного главного здания и ряда подсобных помещений был возведен в 1990-1992 гг. на западной окраине города Колпино по проекту петербургского архитектора Марии Ивановны Лапшиной.

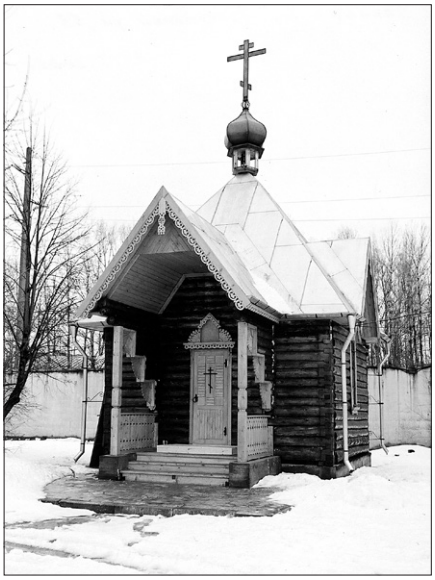
Небольшая домовая часовня, устроенная на 1-м этаже здания больницы, была освящена 13 сентября 2000 года настоятелем храма Вознесения Господня протоиереем Серафимом Сологубом.

Внутри часовни находятся несколько икон – Спасителя, Тихвинской Божией Матери, образ свт. Николая Чудотворца, блж. Ксении Петербургской и св. Иоанна Русского (последняя икона, исполненная в древнерусском стиле, наиболее заметная в часовне). Здесь же находится книжный и свечной киоск с большим выбором православной литературы.

Часовню окормляет причт Колпинской Вознесенской церкви, периодически совершающий в ней молебны и крещения детей. Часовня открыта ежедневно, кроме субботы и воскресенья, с 12 до 17 часов.

7. Часовня во имя Тихвинской иконы Божией Матери
при Специальном профессиональном училище № 1 (Загородная ул., 63)

Небольшая деревянная часовня, находящаяся на территории специального профессионального училища № 1 была заложена в 1999 г. настоятелем Колпинской Вознесенской церкви иереем Серафимом Сологубом. Проект этой часовни, разработанный колпинским архитектором Валентиной Дмитриевной Прокошиной был утвержден митрополитом Санкт-Петербургским и

Часовня во имя Тихвинской иконы Божией Матери при специальном профессиональном училище № 1

Колпинский хлебокомбинат. Часовня св. прп. Георгия Хозевита размещается в одноэтажном флигеле с левой стороны здания. Фото 2000 г.

Ладожским Владимиром (Котляровым) еще 26 ноября 1998 года.

Часовня была освящена 3 сентября 2002 г. протоиереем Серафимом Сологубом и приписана к Вознесенской церкви, причт которой по средам в 17 часов совершает в ней молебны.

8. Часовня св. преподобного Георгия Хозевита
при Колпинском хлебокомбинате
(Межевая ул., 26)

Колпинский хлебозавод (в настоящее время преобразованный в ЗАО «Колпинский хлебокомбинат») возник в 1930-1932 годах на северо-восточной окраине г. Колпино.

По инициативе его нынешнего генерального директора Юрия Евгеньевича Венейчука в начале 2000 года на 1-м этаже здания хлебокомбината выделили помещение, где и была вскоре устроена небольшая часовня, освященная 10 февраля 2000 года настоятелем Александро-Невской церкви в поселке Усть-Ижора протоиереем Анатолием Морозом в сослужении колпинского и тосненского духовенства.

Центральная часть часовни украшена иконами Спасителя, Божией Матери и свт. Николая Чудотворца современного письма, помещенными в киоты из темного дерева. По стенам находятся иконы св. Георгия Хозевита, св. Георгия Победоносца и св. великомученика и целителя Пантелеимона, в таких же киотах.

Интерьер часовни св. Георгия Хозевита. Фото 2000 г.

Часовня окормляется попеременно священнослужителями из Колпино и Усть-Ижоры, которые еженедельно, по вторникам, служат в ней молебны.

Любовь Смирнова

БОГОРОДИЦА

Богородица, ты пригожая,
Родила на свет Сына Божия,
Родила на свет, на мучения
За грехи людей искупление.

Как страдал Христос.
То терзалась Мать
И пошла за Ним,
Чтоб святою стать.

И теперь Она исцеляет всех,
Кто покается и замолит грех.
Славим Матушку Богородицу,
Перед Богом за нас Она молится.

СЛОВО

Не относитесь к слову с недоверьем
Без добрых слов на свете не прожить
Бывает слово чутким откровеньем,
Но злое слово может вас убить.

Так, не бросайтесь страшными словами,
Коварный смысл которых вам не скрыть,
Чтоб не терзать себя потом ночами,
Как вы могли жестоко говорить,

А сколько слов прекрасных во спасенье
Заблудшим душам, сердце возродить.
В них лишь любовь звучит, как песнопенье.
От этих слов светлей на свете жить.

Прот. Николай Аксенов, Г.И. Лямин.

ХРАМЫ НА СТАНЦИИ САБЛИНО

Начало XX века было ознаменовано в Российской империи массовым строительством храмов Божиих. Интенсивное церковное строительство в начале 1900-х гг. совпало с долгожданными для русского народа событиями: прославлением преподобного Серафима Саровского (июль 1903 г.) и рождением Наследника престола Цесаревича Алексея (июль 1904 г.). В честь святого старца Серафима в это время и в последующие годы были освящены престолы во множестве вновь построенных в окрестностях столицы храмах, многие из которых сооружались в память рождения Наследника Цесаревича. С этим радостным для всех верноподданных граждан событием связано начало создания храма в поселке Саблино.

Поселок Новое Саблино (именовавшийся также Дачное Саблино) возник у одноименной станции Николаевской железной дороги в 90-х годах XIX века как место дачного отдыха жителей столицы. Летом 1897 года, в память восшествия на престол Государя Императора Николая Александровича, недалеко от станции, усердием местных жителей, была выстроена часовня (для совершения всенощных бдений). Однако, она была небольшой и часто не могла вместить всех желающих. Ближайший от Саблина храм располагался в селе Никольское на расстоянии около 8 километров, что вызывало неудобство у местных жителей. Поэтому иметь у себя в поселке свой храм было их заветной мечтой, приступить к строительству не решались из-за отсутствия средств.

Начало возведения храма было положено 12 декабря 1904 года, когда местные жители составили приговор о единодушном желании выстроить у себя в селении церковь. Был избран комитет по постройке, председателем которого стал профессор Н.Н.Митинский.

13 мая 1905 года было получено благословение на постройку храма от митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония.

14 мая 1906 года было освящено место для постройки церкви, а 25 июня того же года состоялась закладка храма во имя Святителя Николая Чудотворца.

В основание храмового здания была положена доска со следующей надписью:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Основася сия церковь в честь и память Святителя Николая Архиепископа Мирликийскаго Чудотворца, при державе Благочестивейшаго Самодержавнейшаго Великаго Государя нашего Императора Николая Александровича, при святительстве же Высокопреосвещеннейшаго Антония, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, в лето от сотворения мира 7414, от Рождества же во плоти Бога Слова 1906, июня 25 дня. Сия церковь сооружается жителями селения Новое Саблино в память рождения Его Императорскаго Высочества Наследника Цесаревича Великаго Князя Алексея Николаевича, по плану архитектора профессора В.А. Косякова, на участке земли, уступленном Николаевскою железною дорогою,попечением Строительнаго Комитета под председательством Инженера профессора Николая Николаевича Митинскаго, Членов Комитета: Дмитрия Дмитриевича Проскурякова, Василия Павловича Максимова, Василия Константиновича Волкова, Григория Андреевича Тучина, Прохора Матвеевича Милентьева, Андрея Филимоновича Лешкова, Михаила Георгиевича Ефремовича, Андрея Кондратьевича Иванова, Кирилла Аркадьевича Лысенкова, Николая Васильевича Волкова и Секретаря Комитета Кондратия Фотиевича Федорова»

Саблино. Вид Графской улицы от Пожарного депо. Вдали перспективы улицы видна колокольня Никольского храма возле станции. Фото начала XX века

Доброе дело постройки церкви нашло глубокое сочувствие не только у жителей поселка. Появились жертвователи. Николаевская железная дорога уступила

участок земли у станции. Лес для строительства был отпущен из Главного Управления Уделов Министерства Императорского Двора со скидкой 50%. Княгиней Зинаидой Николаевной Юсуповой, в Княже-Лисинском имении бесплатно была выделена делянка леса. Пожертвования собирались по подписному листу, так на первом собрании жителей 3 июля 1905 г. было подписано 1279р. 07 коп., а получено – 901 р.10 коп. Сведения о жертвователях и суммы взносов сведены в отчет о строительстве Саблинского храма [1]. Вот некоторые выдержки из него, свидетельствующие кто что пожертвовал на строительство храма:

«На написание икон
От Н.А. Крючевского ..... 120 р.
От г-жи Копейкиной ..... 100 р.
От А.Ф. Лешкова ..... 20 р.
От С.С. Сидорова ..... 85 р.
Кружечного сбора на ст.Саблино……234 р.50коп.
На сооружение иконостаса
Е.А. Коноводченко ..... 200 р.
Государем ..... *1000 р.*
Братья Лешковы ..... *300 м² плиты*
А.А. Немолотов ..... *2000 штук кирпича*
Шауб В.В. ..... *решетки на окна»*

Всего было собрано денег и материалов на сумму 30000 р. Жертвовали от 5 копеек до 500 рублей. Учет средств велся строго, оприходовалась каждая копейка.

Великолепная организация работ и щедрые пожертвования позволили храму быстро расти. Уже 14 сентября 1907 года состоялось водружение крестов, пожертвованных Андреем Александровичем Балясовым, проживавшим в С.-Петербурге, Лиговский пр., 36. А 6 апреля 1908 года были подняты колокола, дар фирмы Ф.А. Рихтер и К⁰. Это событие произошло в неделю Ваий, а в Святую Пасху в еще неосвященном храме, по благословению Владыки Антония была отслужена утреня и Божественная литургия. Служил студент С.-Петербургской Духовной академии священник Павел

Саблино. Интерьер Никольского кладбищенского храма, иконостас и образа которого взяты из прежнего храма при станции. Фото конца 1990-х гг.

Саблино. Храм свт. Николая Чудотворца в память рождения Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Фото 1910-х гг.

Знаменский. Радость местных жителей нельзя описать, со слезами на глазах входили они в церковь. Освящение храма состоялось 30 июля 1908 года (день, когда Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу исполнилось 4 года), его совершал Преосвященный Кирилл, епископ Гдовский, будущий новомученик. Первым настоятелем храма был назначен о. Павел Знаменский.

По окончании литургии, отслуженной по освящении церкви, на даче В.В. Шауб почетным гостям была предложена трапеза, во время которой Преосвященный Кирилл, Епископ Гдовский провозгласил тост за драгоценное здоровье Государя Императора и Его Семейства, покрытый пением Народного гимна «Боже, Царя храни».

Саблино. Бывшая пристанционная часовня, перевезенная в 1906 г. на местное кладбище в 2,5 км от поселка и обращенная в 1933 г. в храм

Саблино. Прежний кладбищенский храм, обращенный из деревянной часовни. Фото конца 1990-х гг.

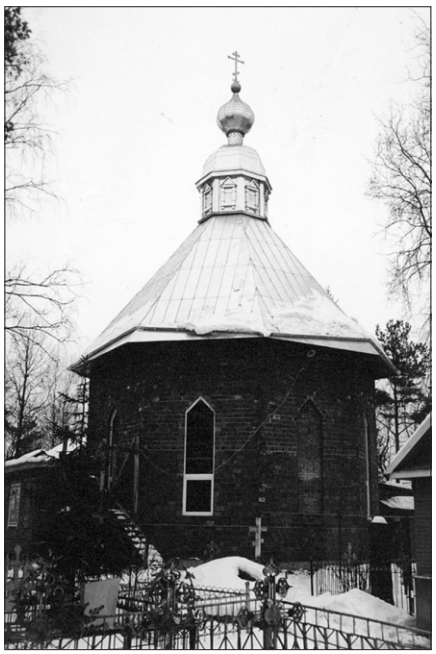
По окончании строительства, часовня возведенная в 1899 году, с разрешения духовного начальства, была перенесена на участок земли, уступленный местными жителями для устройства на нем кладбища. Имущество, находившееся в часовне, частично было перенесено в созданный храм.

По окончании строительных работ, Комитет по постройке храма был преобразован в Братство при вновь выстроенной церкви, целями которого являлось попечение: о благоустройстве и благосостоянии храма; о причте в хозяйственном отношении; об устройстве обучения детей, а также благотворительная деятельность.

Божиим Промыслом было предопределено, чтобы созданный усердием русских людей храм простоял недолго. После 1917 года наступило время гонений на Церковь, в 1930 году храм на станции был закрыт и

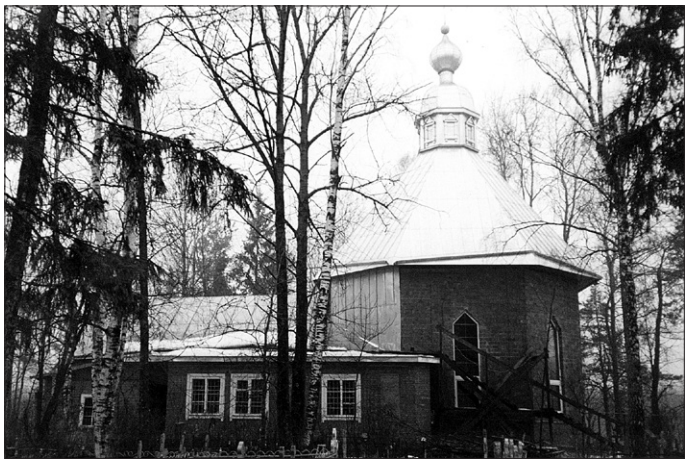
На имя Государя Императора был послан всеподданнейший адрес, в котором докладывалось о возведении храма и его освящении. На данном адресе 29 августа 1908 г. Государь Император, будущий Царь-мученик Николай собственноручно написал: «Искренне благодарю за молитвы и чувства любви и преданности».

Храм был построен из дерева, в стиле деревянного северного зодчества, пятиглавый, с шатровой колокольней. Строился по плану профессора Василия Антоновича Косякова. Иконостас, двухъярусный из дуба, был сделан мастером И.А. Козновым. Им же были написаны иконы для иконостаса на цинке, а также образа Казанской Божией Матери, Святителя Николая и Святителя Алексия, Митрополита Московского. Автором были пожертвованы четыре образа Евангелистов на Царские врата бесплатно.

Кладбищенский храм после перестройки в камне. Вид алтарной апсиды с восточной стороны. Иконостас храма. Фото 2002 г.

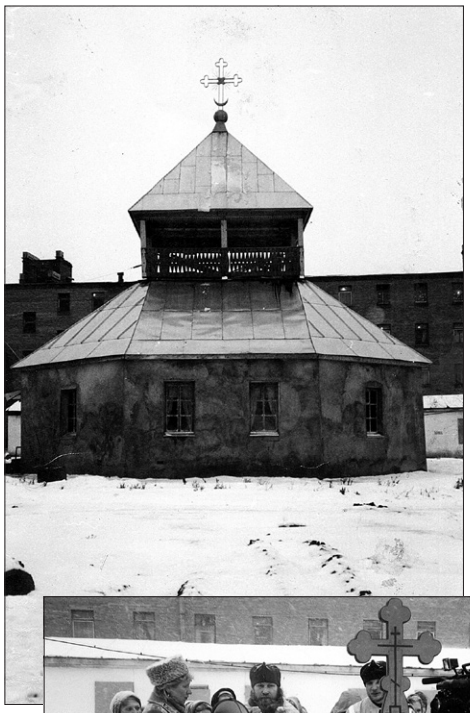

Саблино. Кладбищенский храм после перестройки его алтарной части в камне. Фото 2002 г.

поруган богоборцами, которые в церковном здании в 1933 году устроили клуб. Тогда же служивший в храме настоятелем о. Феодор (фамилия неизвестна) эвакуировал иконы и утварь из храма в кладбищенскую часовню.

Истинным подвигом православных жителей поселка Саблино в 1920-е годы было спасение иконостаса, церковной утвари и части икон, которые были перенесены в кладбищенскую часовню, ту самую, что первоначально стояла на месте храма. Здесь начали совершаться богослужения (позднее о. Феодор служил в кладбищенском храме, обращенном из часовни, где и умер в алтаре во время служения Всенощного бдения).

Во время Великой Отечественной войны, в конце августа 1943 года, в результате налета советской авиа-

Саблино. Храм свт Николая чудотворца в женской исправительной колонии УС 20/2

Закладка храма декабрь 1996 г.

ции на станцию Саблино, храмовое здание сгорело. В конце 1943 года был закрыт и кладбищенский храм – поселок оказался в прифронтовой зоне и здесь стояли австрийские части; со слов местных жителей известно об инценденте, происшедшим, когда военные власти пытались забрать из храма запрестолный крест. До 1945 года храм стоял заколоченным.

В 1947 году к часовне была сделана пристройка. Сама часовня стала алтарной частью храма, а в пристроенном помещении молились прихожане. В таком виде саблинская церковь во имя Святителя Николая Чудотворца существовала до 1999 года.

В завершение исторической части настоящей статьи, хочется помянуть священнослужителей, которые все эти смутные годы служили в нашем храме. К сожалению, сведений о них сохранилось очень мало, затруднительно даже восстановить временные периоды их пастырского труда в саблинской церкви. Такое исследование необходимо провести в ближайшем будущем.

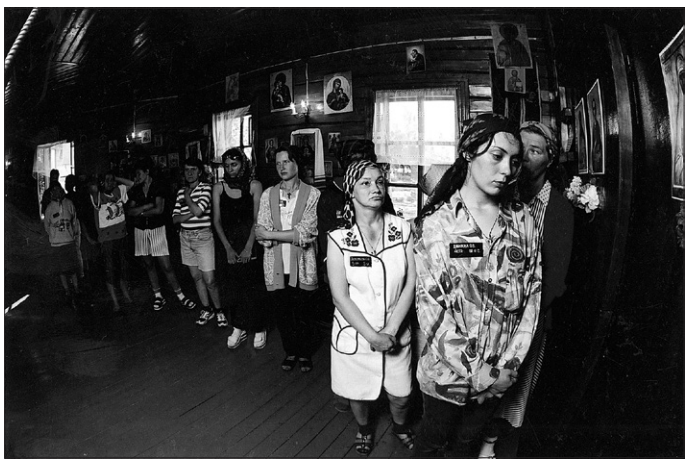
Как уже отмечалось, первым настоятелем был иерей Павел Знаменский, судьба его неизвестна. Известно, что в начале 30-х годов настоятелем церкви был протоиерей Феодор Певцов, отошел ко Господу в 1935 году, похоронен на кладбище у алтаря храма. С 1947 по 1952 год настоятелем являлся протоиерей Дмитрий Осьминский, скончался в 1952 году, похоронен у алтаря. С 1952 по 1956 г. служил о. Максим Кроха, судьба его неизвестна. В 1960-е годы в храме служили: о. Иоанн Орлов, протоиерей Александр Мощанский, о. Пантелеймон, о. Герман, о. Николай Петров и о. Богдан Куницкий. В 1973-1977 гг. служил о. Валентин Федотов, а с 1977 г. в храме было два священника – протоиерей Богдан Куницкий и о. Василий Бойков. С 1981-1990 гг. прихожан окормляли о. Василий и о. Николай Аксенов. Кроме названных батюшек, у алтаря захоронены: протоиерей Николай Петров († 1970), протоиерей Богдан Куницкий († 1981) и протоиерей Василий Бойков († 1990). Упокой, Господи, души всех служивших в храме сем!

С 1990 года настоятелем храма является протоиерей Николай Аксенов.

В 1999 году, по благословению Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира, была начата реконструкция храма. За прошедшее время здание было обложено кирпичом, заменена кровля. По сути, был построен новый каменный храм. От старой церкви остался только притвор. Основные работы были завершены к 2001 году. Еще предстоит воздвигнуть звонницу, осуществить наружную отделку церковных стен, закончить оформление внутреннего интерьера, благоустроить территорию.

При приходе имеется иконописная мастерская и библиотека, действует воскресная школа, здание которой сейчас ремонтируется. В настоящее время прорабатывается возможность на базе воскресной организовать православную начальную школу, чтобы дети лет до 11-12 воспитывались в церковной среде.

Приход окормляет женскую исправительную колонию УС20/2, находящуюся в поселке. На территории колонии, с помощью жертвователей, воздвигнут храм, который также был освящен в честь Святителя Николая. В определенные дни здесь служится Божественная Литургия, и осужденные женщины имеют возможность помолиться, покаяться и причаститься Святых Христовых Тайн.

В тюремном храме

По воле Божией, рядом со станцией Саблино, до настоящего времени сохранился фундамент первоначального храма. Фундамент сложен из бутового камня и находится в хорошем состоянии. До недавнего времени, это место являло собой безотрадную для православного сердца картину, так как за годы демократии вокруг фундамента, как грибы, разрослись коммерческие ларьки, в том числе и торгующие сомнительной продукцией . Но чудом является то, что никто не рискнул водрузить свой «храм торговли» на церковном фундаменте, тем более, что ни у администрации поселка, ни у железной дороги он на балансе не состоял. Летом 2001 года была достигнута договоренность с властями, чудесным образом нашлись жертвователи и на месте алтарной части разрушенного храма, по благословению правящего архиерея, начались работы по сооружению часовни. К сожалению, из-за ограниченности средств, освоить весь фундамент под строительство церкви не представилось возможным. В настоящее время возведены стены будущей часовни и начаты кровельные работы. Часовню предполагается освятить в честь св. Царевича-мученика Алексия.

Хочется отметить таинственную связь саблинских храмов со Святыми Царственными Мучениками. Первая часовня была сооружена в память восшествия на престол Святого Царя-мученика Николая Александровича. От Государя было получено самое крупное пожертвование на строительство церкви – 1000 рублей. Храм возводился в память рождения Святого Царевича-мученика Алексия, а освящен был в честь небесного покровителя Государя – Святителя Николая. Та же первая часовня была перенесена на кладбище и послужила основанием современного храма, где регулярно служатся молебны Святым Царственным Мученикам, а их икона занимает почетное место на левой колонне. Видно Господу угодно, чтобы и новая часовня носила имя Царевича-мученика Алексия.

Саблино. Здание воскресной школы Никольского храма (б. дача дворянского семейства Росс). Советский (б. Графский) проспект

Литература:

1. Петербургский листок, газета. 1897 г., № 185, с.3.
2. Отчет о деятельности строительного комитета по постройке храма во имя Свт. Николая Чудотворца, в селении Новое Саблино. СПб; Типография Ю.Н.Эрлихъ; 1909 г.
3. «Петербургский листок», газета. 1906 г. № 173, с.5.
4. Архив С.-Петербургской епархии. Фонд 1, оп.7, папка 35 (Никольская церковь в Саблино; сведения о церкви, составленные в 1947 г. настоятелем ее прот. Димитрием Осьминским).

Валентин Королев

В ПОЛЕ НЕТ НИКОГО

В поле нет никого.
Поле пахаря ждет.
Поле плачет,
Прикрыв свои очи.
В поле нет никого,
Только ворон поет,
Да бездельник
В деревне хохочет.

Это было вчера,
При закате лучей
Шел я тихо
По грустному полю.
Это было вчера.
Я не встретил людей,
Где б они
Поработали вволю.

В поле нет никого.
Поле пахаря ждет.
Поле стало
Намного короче.
В поле нет никого,
Только ворон поет,
Да бездельник
В деревне хохочет.

****

Убили веру
в человеке.
Остановился
пыл его.
Он опустил
устало веки.
Не хочет
видеть никого.

Он побледнел,
ожесточился…
Смешались
мысли в голове.
Он с ритма
жизненного сбился…
И света
нет в его окне.

СУМРАЧНО ВЕЧЕРОМ...

Сумрачно вечером,
Тени качаются
Падает свет
От ночных фонарей.
Сумрачно вечером,
Ночь опускается
Тихо в деревне моей.

Иду по дороге,
Никто не встречается.
Песнь не поет
Соловей.

Сумрачно вечером
Ночь опускается
Тихо в деревне моей.

О.В.Губарева

БЛАГОСЛОВЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЕДИНСТВА

Чудотворная явленная икона апостола и евангелиста Иоанна Богослова из Черменецкого монастыря.

Недалеко от Петербурга, под Лугой, в Черменецком монастыре хранится, может быть, самая древняя и великая святыня нашей епархии – икона св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. По древнему монастырскому преданию она явилась в 1478 году, и на месте ее явления по приказу Иоанна III был построен монастырь. Многое в самой иконе и в ее истории остается для нас загадкой и требует внимательного изучения. Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что этой святыне поклонялись в Черменецкой обители несколько последних веков.

Надо сказать, что в подлинности иконы и предании о царском основании монастыря в XIX веке начали сомневаться: слишком все это казалось невероятным. «Та ли самая эта икона, явление которой послужило к основанию Черменецкого монастыря, или другая, и если другая, то откуда и когда она принесена в монастырь,— об этом не сохранилось никаких письменных свидетельств, равно как не сохранилось никаких письменных свидетельств и о чудотворениях, бывших от сей иконы», а также, «когда, кем и по какому случаю основан Черменецкий Иоанно-Богословский монастырь, на это точных исторических сведений не имеется».[1]

Действительно, если рассматривать предание об основании монастыря рациональным взглядом историка, то в нем многое покажется необычным. Во-первых, особенным кажется уже то, что явленной оказалась икона именно св. ап. Иоанна Богослова, что является едва ли не единственным случаем в России. Во-вторых, даже для самых знаменитых явленных Богородичных икон, таких как Тихвинская, Толгская, Курская-Коренная, сначала строились простые деревянные церкви, а монастыри начинали возводить много позже, в связи с растущим паломничеством (из них только Тихвинский монастырь был построен по повелению царя).

Но сохранившиеся документы свидетельствуют – история монастыря без сомнения начинается в XV веке: документальное упоминание о нем впервые появляется в Переписной книге Вотской пятины 1500 года и в писцовых книгах Шелонской пятины 1581-1582 годов. (К этому же заключению приходит и автор XIX века: «По нашему мнению, и этих немногих свидетельств достаточно, если не для того, чтобы предание об основании монастыря великим князем Иоанном Васильевичем III считать правдоподобным, то по крайней мере для того, чтобы основание его относить к временам, не позднейшим княжения сего государя»[2]). Проведенный визуальный осмотр иконы и надписей на ней также подтверждают ее древнее происхождение.

Нет сомнений в том, что эта та же икона, которая описывается в Историко-статистических сведениях о С.-Петербургской епархии за 1871 год[3]. Она имеет тот же размер (162х125 см.) и полностью совпадает с данным ей описанием. Это образ святого апостола в житии. В среднике изображен св. Иоанн Богослов с ангелом у плеча, держащий двумя руками книгу. Вокруг него восемнадцать клейм со сценами жития и Апокалипсиса. Через лик святого проходит глубокая вертикальная трещина, о которой также упоминается в справочнике. Есть в наличии и железные полосы, скрепляющие сзади основу с 1867 года. Тыльная сторона иконы закрыта ветхой «рубашкой» (бархатной тканью) через прорехи которой видны надписи, сделанные на славянском языке, прочесть которые, к сожалению, пока не

Клеймо 15. Откровение св. ап. Иоанна Богослова (чудо видения Апокалипсиса). Видение семи старцев

удалось. Внизу на лицевой стороне иконы имеется древняя надпись: «ОБНОВИСЯ СИЙ ОБРАЗ СТАГО СЛАВНАГО И ВСЕХВАЛН[АГО] АППЛА [ЕВАНГЕЛИСТА] ИОАНА [Б]ГОСЛОВА В[ЪО] [ОБ]ИТЕЛИ ЕГО [Н]А ЧЕРИ[М] ЕНЦЕ ЕЗЕРЕ ЛЕТА 7189 (1681) МЕ[СЯ]ЦА МАИЯ ВО [1 ?] ДЕ[Н] НА ПАМЕ ЕГО ПРИ <…> ИОСИФЕ ЯЖЕ <…>»[4]. (Сведения о настоятелях Череменецкого монастыря сохранялись в монастырских архивах с середины XVII века. В них между 1682 и 1689 годами значится игумен Иосиф[5]. Таким образом, данная подпись имеет некоторое документальное подтверждение). Ниже древнего текста есть пояснение, что «подпись по прежним буквам съ соблюдением прежняго правописания обновлена 1869-го года». Другая же надпись, сделанная в советской орфографии несколько мельче и поодаль, объясняет современный печальный вид иконы: «Полное обновление произведено в 1950 году». Тот, кто делал это поновление, разбирался в иконописи и владел кистью, увы, одинаково плохо. Сплошная неумелая запись иконы масляными красками пощадила, по странной случайности, только фигуру беса в одиннадцатом клейме, в которой до сих пор светится прозрачная темпера древней живописи.

В описании иконы XIX века говорится, что многие из клейм «совершенно сгладились и закрашены масляною краскою». Скорее всего, лучше других сохранились клейма в левом нижнем углу, так как в них угадывается древнее иконографическое решение. Это три клейма на боковом поле (сверху вниз): Чудо об исцеленном от огня (?), Чудо об изгнании беса из бани, Чудо видения Апокалипсиса, которому посвящено и среднее клеймо в нижнем ряду. И последние два клейма на нижнем поле, которые повествуют о преставлении святого апостола. В первом – ученики закапывают живого апостола по его просьбе в могилу, во втором – вернувшиеся ученики разрывают могилу и не находят в ней тела учителя. Остальные же клейма композиционно, и даже сюжетно, могут не совпадать с теми, которые были в оригинале. Авторство части из них, вполне возможно, принадлежит исполнителю поновления.

Клеймо 11. Чудо об изгнании беса св. ап. Иоанном Богословом

Единственным несовпадением существующей иконы с описанием древней святыни в историко-статистическом справочнике является одна из приведенных там дат: «Самое древнее свидетельство, имеющееся о ней (иконе) в монастыре, составляет надпись на ней, гласящая, что икона сия в 1707 году поновлена»[6]. Сейчас можно лишь предположить, что дата поновления, написанная в древнем оригинале буквами, была в XIX веке неправильно расшифрована. Но вероятнее всего, было другое поновление XVIII века, о котором ничего не говорится в подписи на лицевой стороне. Небольшие сколы живописи на полях открывают древний золотой фон иконы, который был закрыт темно-зеленой краской задолго до 1950 года. Скорее всего это произошло в XVIII или в XIX веке. Может быть тогда же, когда были закрашены осыпавшиеся клейма. Объяснение этому, возможно, будет дано только во время реставрации, когда откроются надписи на тыльной стороне.

Череменецкий Иоанно-Богословский мужской монастырь. Фото 1910-х гг.

А теперь, после рассмотрения иконы, попытаемся проанализировать предание, рассказывающее о ее явлении.

Итак, поздней осенью 1478 года Великий Князь Московский и всея Руси Иоанн III повел свои войска к Новгороду. Рать была собрана огромная, но государь надеялся избежать войны и склонить новгородцев к добровольному принятию его власти. Это был второй поход на Новгород. Первый, в 1471 году, закончился разгромом новгородского боярства, которое во главе с Борецкими вело переговоры с Литвой, готовясь передать ей новгородские земли

и епископию, сделав ее униатской. Страшные картины тогдашней войны, которую вели русские против русских, не изгладились из памяти Великого Князя. Он не хотел ее повторения. Новое предательство Новгорода вынудило его снова выступить против города, но он не начинал военных действий и ждал.

Подчинить Новгород было просто необходимо. Это было первым и главным шагом всей политики Иоанна III, который впервые в русской истории сформулировал доктрину об исконном единстве русских земель, и теперь начал их собирание. Он видел в этом залог силы и могущества русского народа, который должен был освободиться от бесконечных междоусобных войн, от дани татарским ханам, от власти иноземцев в захваченных Литвой, Ливонией и Швецией западных русских землях, от угнетения в них православной веры. Пределы Новгородской республики лежали до Балтийского побережья и северных границ Литвы. Присоединение ее означало значительное расширение русских границ и прочную их защиту от новых вторжений

Черменецкий монастырь. Иоанно-Богословский собор. Современный вид

литовских князей и ливонских рыцарей.

И вот в то время, когда Иоанн III стоял со своим войском под стенами Новгорода и, может быть, подумывал подчинить его силой, раздавив и унизив (как это сделал впоследствии его грозный внук), «крестьянину деревни Русыня по имени Мокию, на острове, занимаемом ныне монастырем, явилась икона Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Великий Князь, услышав о явлении чудотворной иконы на острове, был очень обрадован сею вестию, и на месте явления ее повелел основать монастырь во имя Св. Евангелиста Иоанна Богослова».[7]. В новгородских землях является икона апостола любви, апостола миротворца, самого мудрого из учеников Христа, апостола, тезоименитого государю. И случается чудо. Новгородцы без боя отдают свой вечевой колокол и целуют крест Великому Князю, а их новый государь «града же пленити не повеле» и запретил с новгородскими подданными, вчерашними врагами, обращаться как с пленными.[8] Десятилетием раньше, в 1467 году бургундский герцог Карл Смелый,

Клеймо 16. Откровение св. ап. Иоанна Богослова (чудо видения Апокалипсиса).

войдя в сдавшийся ему город Льеж, ознаменовал свою победу казнями заложников и грабежами жителей. Так что милосердие, явленное Иоанном III, для того времени, было поистине чудесным.

Если же вспомнить, что впоследствии, за все свое долгое правление с 1462 по 1505 годы Иоанн Васильевич никогда больше не вел войн с русскими (присоединяя к Московскому государству новые княжества, он действовал только политически); что он практически без боя и потерь с русской стороны (стояние на Угре в 1480 г.) чудесным предстательством Владимирской иконы Божией Матери покончил с татаро-монгольским игом; что, при этом, он вел удачные внешние войны для освобождения русских людей из неволи, и проявил себя ревнителем Православия, показав пример суда над еретиками, как государственными преступниками, – если все это принять во внимание, то легенда с явлением иконы и строительством монастыря не кажется столь невероятной.

Напротив, великие события на Святой Руси всегда освящались Божиими знамениями. А разве не величайшим событием в русской истории стало начало объединения русских земель в единое сильное государство? Ведь Иоанн III сумел после этого в короткий срок создать государство, занявшее ведущее положение среди европейских и азиатских держав, имеющее свою внутреннюю и внешнюю политику, свою военную доктрину и свою идеологию, сформулированную в теории «Москва – Третий Рим». Историки, начиная с Н.М. Карамзина, высоко ценили

Клеймо 17. Погребение св. ап. Иоанна Богослова

период царствования Иоанна III как ускорение времени в русской истории, а его самого, как одного из величайших политических деятелей.

Но личность первого Государя всея Руси, человека умного, расчетливого и выдержанного, в исторической перспективе оказалась заслонена ярким образом Императора Петра I и его реформаторской деятельностью. Поэтому неудивительно, что Череменецкая обитель, перешедшая из Новгородской в Петербургскую епархию, в XIX веке рассматривалась только в свете событий последних двух веков. Древняя же славная история этой земли, где зарождалось единое русское государство, забылась, скрытая величием новой, но, впрочем, рожденной здесь же, идеей строительства великой Российской Империи.

Может быть поэтому в древние времена и не записывались чудеса, бывшие от этой иконы, так как главным и великим ее предназначением было благословение российского единства?

Однако, несмотря на отсутствие письменных свидетельств о чудотворениях, почитание иконы св. апостола никогда не прекращалось, и Череменецкая обитель всегда имела своих заступников и вкладчиков.

В 1840 году образ был облачен в серебряную ризу на пожертвования местных жителей, которая через несколько лет была вызолочена и украшена стразами. После ужасной эпидемии холеры, свирепствовавшей в Луге в 1848 году, икона стала пользоваться особой любовью. Монахи крестным ходом понесли чудотворный образ по всем деревням, останавливаясь везде на молебны, обошли вокруг города, служа молебны в домах и храмах. Больше недели носили икону по зараженной местности и эпидемия отступила. В память об этом событии в монастыре был дан обет ежегодно 1 мая совершать крестный ход с чудотворной иконой в Лугу. В народе утвердилась вера, что там, где побывает чудотворная икона скот сохраняется от падежа и лучше бывают урожаи.

Для того чтобы не подвергать древнюю святыню всем превратностям погоды и не уносить надолго из храма, с нее был выполнен список, с согласия всех прихожан. Этот список так же сохранился и требует реставрации. Он нечаянно нашелся в июне этого года в Луге. Настоятелю Казанского собора, где до возвращения Череменецкого монастыря долгие годы находилась икона Иоанна Богослова, о. Николаю (Денисенко) был задан вопрос: «Известно ли вам что-нибудь о списке с иконы?». Вопрос был задан без всякой надежды, но неожиданно был получен ответ. О. Николай сказал, что недавно на колокольне обнаружил большую ветхую икону св. Иоанна Богослова и перенес ее в церковный дом. Последующий осмотр находки показал, что это несомненно список с чудотворного образа, выполненный «в размер» профессиональным художником в середине XIX века в академической живописной манере (фигуры Апостола и Ангела прописаны по потемневшей олифе в XX веке).

Список чудотворной иконы св. ап. Иоанна Богослова (XIX в.), выносившийся на крестные ходы и хранящийся ныне в Луге.

В 1860-е годы для часовни Череменецкого монастыря на Моховой улице в Петербурге митрополитом Исидором была подарена еще одна копия чудотворного образа. В 1930-е гг. часовня была закрыта и судьба этого списка неизвестна.

Пути Господни неисповедимы. Но хочется верить, что грядет второе обретение великой святыни, и миру явится раскрытый от поздних записей подлинный лик чудесной иконы святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. И как когда-то в древности, святой апостол будет учить нас жить в любви и мире с ближними, мудро отсекая при этом врагов Христовых, как он сделал это с языческими жрецами на вакханалии. *«Апостоле Христу Богу возлюбленне, ускори избавити люди безответны, приемлет тя припадающа, иже падша на перси приемый: Его же моли, Богослове, и належащую мглу языков разгнати, прося нам мира и велия милости».*

Примечания:

[1] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. С.-Петербург, 1871. С.243.

[2] Там же, с.240.

[3] Там же, с. 243-244.

[4] Надпись неоднократно обводилась и поэтому некоторые буквы и слова неясно читаются.

[5] Там же, с. 253.

[6] Там же , с. 243.

[7] Там же, с. 240.

[8] Ю.Г.Алексеев. Государь Всея Руси. Новосибирск, 1991. С.108.

Чудотворная явленная икона св. апостола и евангилиста Иоанна Богослова из Лужского Черменецкого монастыря. Фото 1927 г.

Алексей Липецкий

У ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ

Вдохновляемая верою
С наболевшею душей
Собралась деревня серая
Пред часовней вековой.
Чтоб испить устами грешными
Из святого родника,
Обождать с делами спешными,
Шел народ издалека.
Шел он длинной вереницею,
Отдохнуть от злых мытарств,
Помолиться пред Царицею
Всех царей земных и царств.

По преданью заповедному
Здесь когда-то схимник жил,
И не раз монаху бедному
С неба тайный голос был.
Под горой за кельей скромною,
Где журчал в траве родник,
Появлялся ночью темною
Чей-то кроткий светлый лик.
Красотою бестелесною
Он сиял во тьме ночной,
Звал куда-то вдаль небесную
От греховности земной.

Там обрел икону Божию
Старец древний … И с тех пор
К каменистому подножию
Обращают люди взор.
Часто, жизнь когда несносная
Становилася не в мочь,
Утешала Живоносная,
Обещалася помочь.
Всяк к стопам Небесной Ратницы
Нес тяжелый гнет креста,
И конца Пятидесятницы
Начал ждать еще с поста.

Солнца луч скользит червонцами
По серебряной реке.
Улыбается оконцами
Ряд избушек вдалеке.
Сверху падая, привольная,
Над верхушками ракит,
Беззаботно, колокольная
Песня плавает, звенит.
Сзади, высясь над равниною
Зеленеющих лугов,
Город каменной стремниною
Понавис с крутых холмов.

Шумным станом, многоликая,
Развернувшися в дугу,
Залегла толпа великая
На поемном берегу.

Армяки, рубахи белые,
Пестрый ситец и кумач.
Лица, точно дыни спелые,
Бабий толк и детский плач.
– Мужички! Родные пахари!
Распинается торгаш, –
Жамки скусные на сахаре, –
До копейки все отдашь!…

За часовнею, где рощица
Зеленеет на песке,
Звонко девушки полощатся
В освященном роднике.
Ну а дальше … вот, и жалкая
Рать убогих и калек,
Вот поник над длинной палкою
Юродивый человек.
Всяких много. Кто без зрения,
У кого душа слепа.
Стонет, словно ночь осенняя,
Многолюдная толпа.

Покосилась дверь убогая.
В желтой плесени стена.
Вот Она – прекрасно строгая
Милосердная Жена.
За решеткою узорною
Рдеют множеством огней
Пред иконой чудотворною
Стебли белые свечей.
Солнце прячется меж кольцами
Разноцветного окна,
И висит над богомольцами
Пыльной радугой волна.

Что-то шепчут губы бледные.
Каждый вздох – тоска души.
Опускаясь в кружку, медные
Там и сям звенят гроши.
От своей мужицкой бренности,
От трудов и горьких слез
Этот грош великой ценности
Пахарь-труженик принес.
Старый чтец, склонясь над книгою,
С видом кроткого отца,
Речью медленною, тихою
Будит чуткие сердца.

Темен смысл словес божественных –
Мужику не разгадать,
Но от звуков их торжественных
Веет Божья благодать.
Сладко льется в душу пение
Стародавнего псалма,
И стоит он в умилении
Крепко спящего ума.
Сердцем радостно младенческим,
Отрешенным от забот,
Над смиреньем человеческим
Чуда божеского ждет.

И.В. Попов

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ПЕЧЕРСКАЯ», ЛУЖСКАЯ

В южной части С.- Петербургской епархии, в Лужском уезде, издавна огромным почитанием народа пользуется, наряду с явленным образом св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова из Череменецкого монастыря (1476 г.), образ Печерской Божией Матери, явленный, по преданию, в XVI – XVII вв., или ранее, в местности, лежащей в шести верстах от Луги, близ деревни Турово б. Смёшинского прихода.

Икона Печерской Божией Матери издавна считалась чудотворной и глубоко почиталась верующими. Ежегодно в июне-июле месяце праздник в честь явленной Печерской иконы был ознаменован Божественной литургией в Лужском соборе, совершавшейся неизменно одним из викарных епископов С.- Петербургской епархии, затем к месту явления чудотворной иконы отправлялся многолюдный крестный ход, во время которого сам образ приносился к месту его явления. В Луге и в самой местности Малой Печорки в течение недели устраивалась ярмарка, и сюда стекалось особенно много народа для поклонения.

Икона получила название «Печерской» вследствие того, что образ был явлен среди векового соснового и елового бора в глубоком овраге, в пещере. Русская Церковь знает Печерские иконы, явленные и связанные со знаменитыми обитателями Печерскими (устроенными на Пещерах): Киево-Печерскую (с предстоящими прпп. Антонием и Феодосием Печерскими) и Псково-Печерскую икону Успения Пресвятой Богородицы – главную святыню Псково-Печерского мужского монастыря. В Северо-Западном крае, наряду со Псково-Печерской обителью, существовал еще в XVI-XVIII вв. в Хмёрском погосте Посолотин Успенский мужской монастырь – «Новые Печоры», известный своим пещерным источником, существующим до настоящего времени. Однако особой Печерской иконы в этом монастыре не было.

Наряду с этими великими и знаменитыми на всю Россию пещерами и «Новыми» в Посолодино, местность близ Луги получила название *Малой* Печорки.

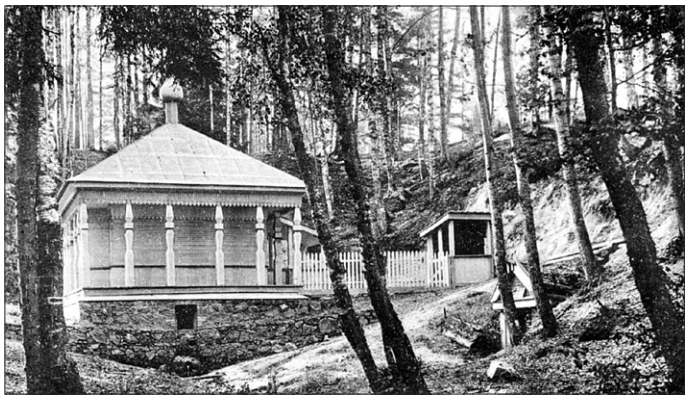
Печерская икона Пресвятой Богородицы, явленная в урочище Малая Печорка близ Луги, по описаниям XIX века представляла собой «образ Успения Божией Матери с ликами Спасителя, св. Иоанна Предтечи и апостолов».

По преданию, в урочище Малой Печорки девочка-пастушка, отправившаяся сюда, на край леса, из соседней деревни Турово пасти скот, чудесным явлением Божией Матери была избавлена от посягательств некоего крестьянина, пожелавшего напасть на нее, но остановленного явлением Самой Пресвятой Богородицы. На месте явления Пресвятой Богородицы, в глубоком лесном овраге, в пещере, местными крестьянами была обретена икона Божией Матери, получившая название «Печерской» и открылся св. источник с кристально чистой целебной водой. Вскоре над ним была устроена деревянная часовня Печерской Божией Матери, где и была помещена икона, а сама местность получила название Печор или Малой Печорки.

Сказание о явлении Божией Матери девочке-па-

Праздник явленной иконы у Печер близ Луги. (В конце XIX в.) С картины худ. Н.Ф. Роота, 1900

Луга. Часовня на Печерском источнике. Фото 1910-х гг.

стушке близ Луги перекликается с другими похожими преданиями об издревле чтимых свв. источниках на Северо-Западе России, в частности в селе Ильешах, (б. Ямбургского уезда) там также упоминается явление «маленькой девочки* … пастуху, пытавшемуся согнать ее с дерева», под которым позже открылся целебный источник. На источнике в Доложских Пещерах (с. Заручье или Доложск б. Гдовского уезда), а также на многих других св. ключах: близ Посолодина в Должицах (б. Лужского уезда, ныне – территория Псковской области), а также здесь, в Луге, это почитание источников связывается с именем Божией Матери (во всех этих случаях здесь были явления Пресвятой Богородицы), во многих случаях, в приходах Северо-Запада почитание св. источников связывается с именем вмц. Параскевы Пятницы.

То, что крестные ходы на большинство этих источников совершаются в первую пятницу Петрова поста (неделю 9-ю по Пятидесятнице), либо в праздник Успения Пресвятой Богородицы, и то, что в большинстве случаев иконы при св. источниках – явленные, указывают на эти св. места как на места, особо избранные Богом, связанные с покровительством Пресвятой Богородицы и вмц. Параскевы Пятницы, где издавна существовали наиболее древние погосты и церкви Северо-Запада.

С местностью Малой Печорки, несомненно, следует связать существование здесь, в окрестностях Смешина – Турова древнейшей церкви (погоста?), выстроенной еще в XVI веке (1539-1576 гг.), а, возможно, ранее. Храм существовал здесь и в XVII столетии. По преданию, записанному в XIX веке, прежняя церковь во имя свт. Николая Чудотворца, «находилась в полуверсте от дер. Турово, и позже была за ветхостью разобрана». После этого центр прихода был перенесен из Турово в Смёшино, где в 1702 г. был выстроен храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, возведенный тщанием помещика Максима Ивановича Базанина. Обветшавший храм был возобновлен в 1758 г. Еще через полвека вместо него, ставшего совсем ветхим, в Смёшино на месте прежнего «иждивением помещика Ефима Васильевича Елагина в 1806 г.» был выстроен каменный, ныне существующий, во имя Успения Пресвятой Богородицы. Антиминс храма был освящен епископом Нафанаилом и подписан митрополитом Антонием.

На протяжении XVII – XVIII вв. образ Печерской Божией Матери продолжал оставаться в часовне Печерской Божией Матери в Смёшинском приходе. Через двенадцать лет после основания города Луги, Высочайше учрежденного указом Императрицы Екатерины II 3 августа 1777 года, и постройки здесь соборного храма в честь св. вмц. Екатерины, в 1789 г. чтимая Печерская икона была перенесена из Печорки в Екатерининский собор. На образ была сооружена серебряная вызолоченная риза, украшавшая его , очевидно, до 1920-х годов.

Местность Малой Печорки с целебным источником Пресвятой Богородицы продолжала пользоваться большим почитанием православных христиан и после перенесения местночтимой иконы Божией Матери в Лугу. Ежегодно, в пятницу 1-й седмицы Петрова поста совершается крестный ход к Печерской часовне, где явилась икона Божией Матери.

Часовня над источником и местом явления иконы неоднократно поновлялась и возобновлялась. Документально известно, что существовавшая к концу XIX века (изображенная на картине Н.Ф. Роота, см. стр. 123 часовня, освященная во имя свт. Николая Чудотворца (на месте древней Никольской церкви, существовавшей до 1702 г.), «была построена помещицей Варварой Кишкиной и крестьянином деревни Гобжиц Перечицкого прихода, Тимофеем Власовым в 1851 г.» По описаниям конца XIX в., часовня стояла «в глубокой пещере (почему и называется «Пещерной») и окружена березами; под часовнею – ключ чистой воды, а несколько дальше – купальня с водою, которая считается целебною».**

В начале XX века Печерская часовня была поновлена (см. фото 1910-х годов), и в таком виде сохранялась до 1930-х гг.

В 1900-1910-х гг. празднование Печерской иконе Божией Матери в Луге и окрестностях неизменно сопровождалось архиерейским богослужением в Лужском Воскресенском соборе. До 1917 г. дважды в год в Лугу приезжал викарный епископ Гдовский Вениамин, будущий священномученик Петроградский. Он принимал участие в величественных и многолюдных крестных ходах из Луги в Череменецкий монастырь (в мае), с чудотворным явленным образом св. ап. и евангелиста Иоанна Богослова, и в Малую Печорку (в июне), с чудотворным Печерским образом Божией Матери. Позднее, после 1917 г., эти крестные ходы возглавлял викарный

* Имеется в виду св. великомученица Параскева Пятница.

** Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии, т. 9, с. 352. РГИА ф. 218 оп. 3, д. 5774 (о постройке часовни в дер. Турово, 1849 г.).

Крестный ход с явленной иконой Божией Матери. С картины худ. М.В. Нестерова. 1911 г.

епископ Лужский Артемий (Ильинский) и Преосвященный Вениамин, ставший митрополитом Петроградским.

Сельские праздники в приходе Смёшино – Турово праздновались: в Турове – свт. Николаю, в память бывшего здесь храма; в Слапях, Крюкове и Подгородье – мчч. Флору и Лавру и Покрову Пресвятой Богородицы; в Заклинье и Нелаях – Успению Пресвятой Богородицы, в Крупенях – Казанской иконе Божией Матери и свт. Николаю.*

В 1900-1910-х гг. почитание образа Печерской иконы Божией Матери в Луге и окрестностях приобрело общеепархиальный характер. Сохранились воспоминания о том, как совершалось празднование Печерской иконе Божией Матери, и совершались крестные ходы на св. источник на Печорке в 1910-х гг. и позже (в 1920-1930-е гг).

Всенощное бдение в Лужском соборе накануне праздника и Божественная литургия в самый день совершались кем-либо из викарных епископов. На Базарной площади в Луге, неподалеку от собора, и в Турове, в местности Малой Печорки открывалась Печерская ярмарка. Вот что писали об этом Лужские газеты начала XX века: «Вчера, 25 мая 1912 г. открылась Печерская ярмарка. Днем в Печоры прибыл крестный ход из Смёшинской церкви, духовенство которого беспрерывно совершает молебны чудотворной иконе Божией Матери.

Неизменные толпы народа из Луги и окрестностей, сладости и коврижки, ситцы и кружева, квас и чай, которые публика пьет или в раскинутых шатрах, или тут же на травке. Присутствуют несколько фотографов. Ярмарка продлится до воскресенья.**

«26 мая 1912 г. в Лугу прибыл, а 28 мая в 5.20 из Луги в Петербург отбудет Преосвященный Никандр, епископ Нарвский. 27 мая по случаю престольного праздника в честь чудотворной Печерской явленной иконы Божией Матери в городском соборе будет отслужена всенощная, а 28 Мая – Божественная литургия Преосвященным епископом Никандром. После обедни и молебна будет совершен крестный ход вокруг собора».***

В 1915 г. Пасха была ранняя, поэтому «Печерская ярмарка в Луге в этом году открылась гораздо раньше, чем всегда. По обыкновению бывавшая в половине июня, ныне же она будет открыта 22, 23 и 24 мая».

«22 мая 1915 г. открылась Печерская ярмарка. Преобладали лари с мануфактурным товаром и игрушками. Впечатление очень приятное. Товары в ларях очень опрятно разложены… В деревянной часовне, в глубокой котловине (в Печорах) служили священники, продавались лубочные образки».****

В 1900-1910-х гг. деревня Турово значительно расстроилась, увеличившись именно в северную сторону от тракта, от последних домов к местности Печорки. Число домов в это время возросло приблизительно на треть. Эта часть деревни, расположенная ближе к св. источнику, (за новыми домами уже начиналась местность ярмарки и активного отдыха богомольцев и дачников), получила название Алексеевки, вероятно, по имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича (1904-1918). Название это сохранилось в обиходе жителей до настоящего времени.

После революции, в 1920-1930-х гг., почитание св. образа и св. источника продолжалось.

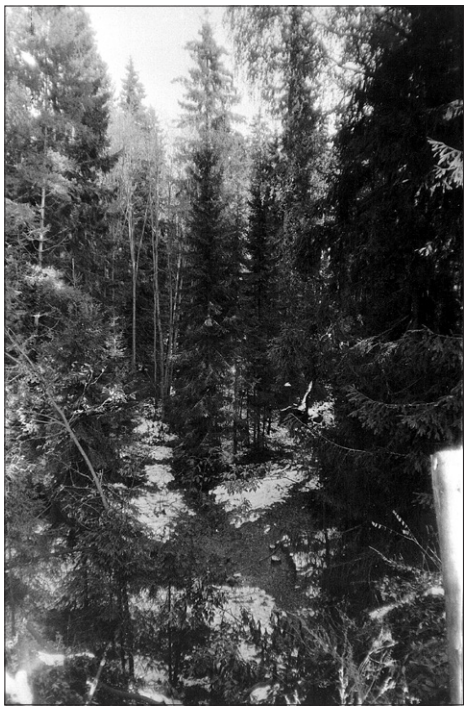
«Мы всегда принимали участие в крестном ходе, совершаемом на источник Печерской иконы Божией Матери, что рядом с деревней Турово.

К крестному ходу люди съезжались отовсюду. Ехали на лошадях. Помню ярмарку, торговлю иконочками, ту, первую, часовенку и молебное пение. Удивительное чувство светлой радости и живого детского интереса!

Богомольцы у часовни на месте явления «Печерской» иконы Божией Матери юлиз Луги. Фото 1910-х гг.

* Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии, вып. 9, СПб, 1884 г., с.352.
** Лужский листок, № 13, 1912 г.
*** Там же.
**** Лужская жизнь, газета. Май 1915 г.

Урочище Малая Печорка близ Луги. Фото 1992 г.

Это осталось во мне. Я всегда с особым чувством молюсь Божией Матери, ощущая Ее покровительство, и получаю просимое», – вспоминает Екатерина Николаевна Боярская, родившаяся в семье лесничего из Турова и хорошо помнящая эти места до войны.*

«В Смёшино жили и служили наши священники: о. Петр (Вихров – *Ред.*) – высокий, седой, уже пожилой пастырь, он похоронен здесь возле церкви, сестра его жила где-то возле Сиверской, или в Гатчине. После него служил о. Михаил. Его забрали в 1930-х гг., как совхозы начали организовывать. В Ленинграде осталась его матушка и две девочки-дочки…

На Печерскую Божию Матерь утром рано шло шествие – крестный ход из деревень Слапи́, Заклинье, Крюково, Шалово, Раковно и других. Несли кресты, хоругви. На лошадях в колясках и шарабанах люди приезжали. Около пяти священников служили. Ярмарка была. Бывало чаепитие. Накануне в Турово и Смёшино калеки приходили. Много калек богомольцев собиралось на источник к этому дню, ночевать их пускали в сараи, на гумно. Наделяли их медяками.

В празднике (до революции – *Ред.*) участвовали местные помещики: Елисеевы, Спицыны, Кишкины. Особо отмечали местные жители помещика Спицына, как доброго и заботившегося о крестьянах – у него работали дед и бабушка, подарки дарил детям. Дыухэтажный деревянный дом в Смёшине принадлежал Кишкиным (сейчас именуется Наварихиным домом).

На углу дороги в Турово, как идти в Печоры, стояла часовня (в ней оставляли до отпевания усопших).

Празднование в Печорах продолжалось три дня, и на 2-й и 3-й день священники служили. Приезжал батюшка на извозчике в коляске или шарабане».**

О почитании св. источника Печерской Божией Матери после 1917 г. свидетельствуют лужане *(по материалам газеты «Православная Луга» под ред. протоиерея Николая Денисенко):*

Вода раскупалась дачниками бочками

Николай Андреевич Павлючук: *«Помню времена, когда еще существовали традиции поклонения святым местам. На источник всегда совершались крестные ходы во имя Матери Божией Печерской. Вода с этого источника принималась всегда людьми как святой дар. В летнее время здесь был очень большой наплыв людей. Среди них были и известные в мире музыки, литературы, искусства люди. Эту воду возили по Луге для дачников. Она раскупалась бочками, обычно теми, кто не имел возможности добраться до источника.*

Я хорошо был знаком с человеком, который развозил эту воду на телеге за минимальную плату. Через два года он на вырученные деньги выстроил дом на Большой Заречной. Это было в 1930-х годах.

В Луге было много целебных источников, но этот ценился более всего, так как здесь проявила свое святое превосходство над нами Матерь Божия.

После тридцатых годов источник был заброшен. Но традиция его посещения продолжала существовать. Люди ходили, молились, употребляли воду во исцеление души своей и тела» .

На источнике торговали пряниками

Людмила Алексеевна Колесникова: *«Когда я была ребенком (1925 года рождения), мы на источник часто бегали. Нам было очень интересно узнать, что тут делается. Здесь было так красиво! (1934 -1937 гг.) Около источника были установлены торговые палатки. На их прилавках можно было найти все, что было угодно детской душе. Даже пряники с Новгорода привозили.*

Печерский источник близ Луги. Фото осени 1992 г.

* Православная Луга № 4 (18), октябрь 2000 г., с. 3

** Воспоминания Анны Васильевны Шуваловой (Клепиковой), село Смёшино, 1992 г., рукопись, собр. автора.

Печерский источник близ Луги и часовня на месте явления чудотворной Печерской иконы Божией Матери. Фото 2002 г.

Я помню их по сей день…

Когда здесь находился Дом отдыха, отдыхающие часто захаживали на Печерский источник, присутствовали на службах, молебнах, посвященных Печерской Божией Матери.

Все это было до войны. Затем немцы пришли, церковь разорили, сожгли Дом отдыха. Но люди все равно продолжали ходить и брать воду с источника».*

По рассказам мамы

Екатерина Григорьевна: *«Про источник мне много рассказывали родители, в основном мама. После войны соседи, местные жители в каждую первую пятницу Петрова поста ходили за водой. Участвовала я во всех крестных ходах, которые совершались к источнику. До их проведения (четыре года назад) батюшка все равно служил здесь молебен, прихожане ко времени его проведения добирались самостоятельно.*

*Когда посещаешь такие места, чувства возникают необыкновенные. Во-первых, прикасаешься к старине, местам, которые посещали наши предки. Во-вторых, ощущаешь чувство радости, что собралось много людей, среди их числа много молодых».***

В конце 1930 – начале 1940-х гг. часовня была разрушена, источник посещался богомольцами без священников, тайно. Молились келейно. К этому времени все окрестные приходы были закрыты и разорены, духовенство – репрессировано, многие священники были высланы из Луги, иные – погибли.

«При немцах в Смёшинской церкви служили, в 1942 г. служба была... При отступлении немцев три дня местные жители прятались в глухом еловом лесу от них».*** Народное почитание св. источника продолжалось и после войны.

Восстановление часовни на св. источнике и благоустройство его заботами жителя д. Турово Николая Алексеевича Колесникова произошло в середине 1990-х гг. Восстановленная часовня была освящена на источнике 14 июня 1996 г. С этого же года стали регулярными крестные ходы на Печерский источник из Лужского собора. В 2002 г. он состоялся уже в седьмой раз после восстановления в 1996 г. Возглавляет крестные ходы традиционно вместе со всем Лужским духовенством благочинный Лужского округа, настоятель Лужских соборов протоиерей Николай Денисенко.

Приведем ниже описание одного из крестных ходов на Печерский источник в настоящее время:

«Начался крестный ход от Екатерининского храма. Под колокольный звон с иконами и хоругвями священники и прихожане направились к источнику. Думается, что длинный путь под палящим солнцем участники могли вынести не иначе, как молитвами Пресвятой Богородицы, именуемой Печерскою. Кажется, что каждый из них попал под Ее Покров с началом паломничества в Турово.

По ходу следования прихожане делились воспоминаниями об источнике, рассказывали о чудесах исцеления… По завершении крестного хода на источнике был совершен молебен Пресвятой Богородице. После него протоиерей Николай Денисенко обратился с пропове-

---

* Закрытая в конце 1930-х гг. церковь Успения Пресвятой Богородицы в с. Смёшино была вновь открыта и действовала в годы войны. Служили т. н. входящие, приезжавшие в село священники. После 1944 г. не действует.

** Православная Луга № 5(12), 1999

*** Воспоминания Анны Васильевны Шуваловой (Клепиковой), село Смёшино, 1992 г., рукопись, собр. автора

Крестный ход из Луги на Печерский источник. На шоссе близ Смёшина. Июнь 2002 г.

Духовенство и богомольцы во время молебна в Печерской часовне в день праздника

На пути из Луги. Крестный ход проходит поворот в дер. Турово, ведущий от шоссе к Печерскому источнику

Переносная звонница. Богомольцы проходят дер. Турово

дью к прихожанам:

«Наш народ всегда совершал крестные ходы в трудные минуты жизни, чтобы ни случилось – засуха, лихолетье, верующие люди собирались вместе и обращались с молитвой к Богу. Ведь общая молитва очень сильная. Она быстро доходит к Богу с нашими просьбами. Совершая ее здесь, на источнике, мы получаем такую Божию благодать, которую в другом месте никто из присутствующих не почувствует и не обретет.

Идя по дороге крестным ходом, мы молились Божией Матери и просили у Бога защиты, чтобы Он благословил наше тело, душу, поле, скотину, пищу, послал изобилие плодов земных, необходимых для нашей жизни.

Божия Матерь всегда была нашей Заступницей пред Богом и мы все находимся под Ее Покровом. Она постоянно молится за нас, праведных и грешных. Радуется, когда мы благочестивы, огорчается, когда не благочестивы. Она переживает за каждого из нас так же, как родная мать за своих детей. Попробуй оторвать ребенка от земной матери. Ей будет больно. А Небесной Матери еще больнее, если кто-то из нас отпадает от Нее, не выполняет заповедей Божиих и оскорбляет Бога плохими поступками.

Если мы все будем находиться в «церковной ограде», т. е. как говорит святой праведный Иоанн Кронштадтский, будем соблюдать заповеди Христовы, Его правила, учения, постановления Церкви, то Господь и Божия Матерь помогут нам в нашей жизни. Аминь».

После проповеди отец Николай предложил прихожанам приложиться к древней иконе, с которой, по его словам, ходили к источнику еще наши предки.

Прихожане, приложившись к иконе и кресту, принялись набирать целебную воду в емкости, омывать ею лицо, руки, ноги. Облившись вволю, они отправились в обратный путь уже на автобусе».

Крестный ход на Печерский источник. «Православная Луга», №5 (12), июнь 1999 г., с. 1,3.

Исчезнувшая в 1930-х гг. Печерская икона Божией Матери вернулась в Лужский Казанский собор уже в годы войны.

Народная традиция и предание связывает существующее почитание Печерского образа Божией Матери с иконой Успения Пресвятой Богородицы* в Лужском

Казанском соборе. Образ этот, вероятно, следует датировать временем не позже XVI века, икона также носит следы бывшего на ней древнего оклада, и по всей вероятности, и является той самой Печерской явленной иконой Божией Матери.

В Екатерининском соборе Луги почитается также икона Успения Пресвятой Богородицы XVIII века с мощевиком, где помещена частица мощей свт. Иоанна Патриарха Иерусалимского, передана в храм в 1970-х гг. Прежде икона хранилась у старосты Казанского храма Александрова, и вероятно, является вкладом кого-либо из состоятельных дачников в начале XX в. в один из Лужских храмов.

Чтимая икона Успения Пресвятой Богородицы с частицей мощей свт. Иоанна, Патриарха Иерусалимского. XVIII в. (Луга, Екатерининский собор)

Современное почитание Печерского источника Божией Матери.

(по материалам газеты «Православная Луга»)

Случай исцеления ног

«У одного довольно известного человека, не буду называть его по имени, был паралич ног. Он сидел «сиднем» долгое время, пока не узнал о чудотворной силе воды с Печерского источника. Он стал ее употреблять и исцелился. Я его и сейчас вижу в бодром здравии в городе». *(Свидетельство Николая Андреевича Павлючука)*

У меня исчез зоб

«Эта вода целебная. В ней много серебра, золота и йода. Многие люди получали здесь исцеление. Самой мне эта вода помогла избавиться от зоба. Когда я ее стала пить, он у меня исчез», – *говорит Людмила Алексеевна.*

Исцеление Марии

Петр Ильич Сиваков: «Прошлой осенью я поехал на поезде к своей сестре Марии, которая была при смерти. С собой я взял шесть двухлитровых бутылок воды с Печерского источника. Прибыл я ночью. Когда я вошел в дом, сестра находилась в кровати. Она даже не могла поднять руки, чтобы перекреститься при виде меня. Они лежали у нее как плети. Дочь ее кормила с ложечки.

На моих глазах произошло настоящее чудо воскресения».

С источника возвращаюсь здоровая

Зоя Ивановна Нагорная: «Когда бываешь на Печерском источнике, всегда ощущаешь Божью благодать и Божью помощь. Вот я сейчас иду на источник больная, давление под 200 и я уверена, что вернусь оттуда здоровая.

Одно время у меня очень болели почки. Я часто бывала в монастырях и просила у Бога об исцелении.

Луга. Малая Печорка. Купальня на источнике Печерской Божией Матери. 2002 г.

---

* Иконография Успения сложилась в византийском искусстве на основе апокрифических текстов: «Слово Иоанна Богослова об Успении Божией Матери», «Слово Иоанна архиепископа Солунского», апокрифических сказаний об Успении Богоматери Дионисия Ареопагита и Андрея Критского и канонов на Успение прпп. Космы Маюмского и Иоанна Дамаскина.

На иконах Успения, кроме апостолов, обычно изображаются святители: Иаков брат Господен, Дионисий Ареопагит и Иерофей Афинский, которые по свидетельству св. Дионисия Ареопагита присутствовали при Успении Божией Матери. Фигуры двух святителей с раскрытыми книгами в руках, видимо служащих, помещены на иконе XVI в. стоящими в рост над склоненными в скорби фигурами апостолов. На этой же иконе внизу изображено чудо обращения Афонии – иудея, который хотел перевернуть ложе Богоматери, но ангел Господен отсек ему руки. Афония покаялся и апостол Павел исцелил его. Впоследствии Афония стал одним из первомучеников.

Мне очень помогла вода с Печерского источника. Еще до крестных ходов мы с прихожанкой Валентиной Борисовной бывали на источнике, ходили босиком, обливались святой водой. Через некоторое время проверила я почки на аппарате УЗИ, они оказались совершенно здоровыми».

Улучшение зрения

«Мне также известен случай исцеления нашей прихожанки Марии Гавриловны Барсуковой, – *говорит Зоя Ивановна,* – которая страдала заболеванием глаз (точно не припомню, каким). Она брала воду из источника и промывала ею глаза. У нее прошли боли в глазах и даже улучшилось зрение».

Сыну вылечили вывих ноги

Галина Михайловна, жительница деревни Турово: «Мой сын подвернул ножку в двухлетнем возрасте. После смывания водой с источника боли у него прошли».

Прошла астма

Галина Васильевна: «Я очень сильно болела, у меня была астма. Стала ходить на источник, обливаться и пить воду в течение двух лет. Сейчас я здорова».

Перестали уставать ноги

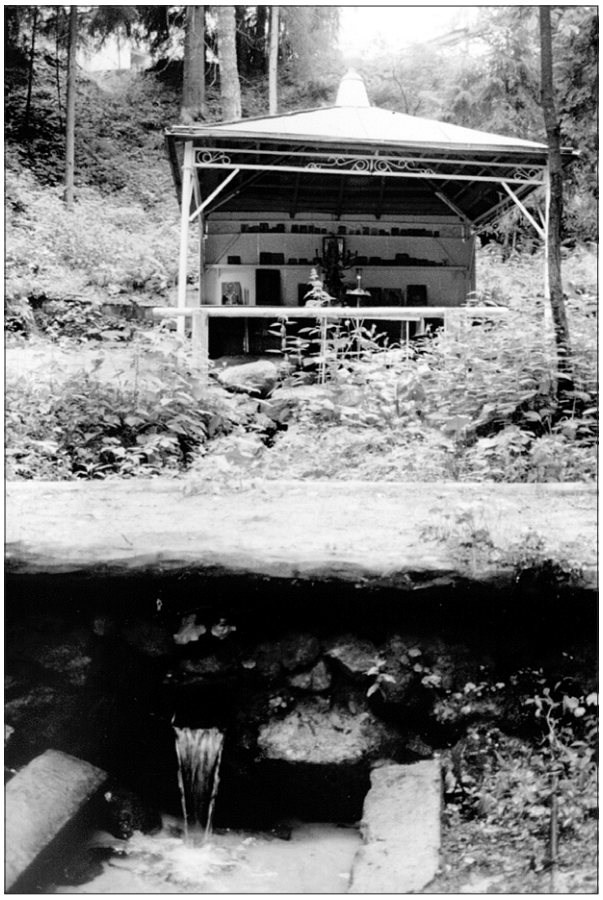
Мария Ивановна: «В 38 лет у меня был паралич ног. Делали мне операцию. Вернули с того света. Начиная с 1991 года каждое утро я стала пить воду с источника, обливать лицо и ополаскивать водой ноги с молитвой. Через некоторое время почувствовала улучшение. Если раньше я боялась далеко ходить, то теперь я хожу на большие расстояния. Ноги перестали уставать».

Я рада, что в Луге есть Печерский источник

Матушка Софья Денисенко, регент церковного хора: «Я с детства участвую в крестных ходах. Крестным ходом ходить нелегко, но по прибытии на это Святое место появляется такое чувство радости, которое трудно передать словами.

Хорошо, что в Луге есть Печерский источник, где было явление Пресвятой Богородицы, и мы имеем возможность здесь бывать. По молитвам Божией Матери Господь оказывает нам помощь, избавляет от недугов страждущих. Если случается, что я прихожу на источник с головной болью, то замечаю, что она всегда проходит. Хорошо, если бы здесь была построена купальня».

К настоящему времени (2002) вновь строена купальня на источнике ниже по течению Печерского ручья.

ЦЕЛЕБНЫЙ КЛЮЧ

Больные и калечные
Приходят в этот лес,
Под сосны вековечные,
За благостью чудес.
Приходят богомольные
За ключевой водой,
А сосны красноствольные
Шумят над головой.

***

И говорит предание:
В ком вера горяча –
Тому горит сияние
У Божьего ключа.
Идут, идут сторонкою
Крестьяне по весне
Молиться пред иконкою,
Прилаженной к сосне.
Светла вода чудесная…
Помилуй, исцели,
Владычица Небесная,
Заступница земли!..

Дмитрий Цензор

В.А. Цыганков

ЛУЖСКАЯ «СВЕТЁЛКА» ИМПЕРАТРИЦЫ

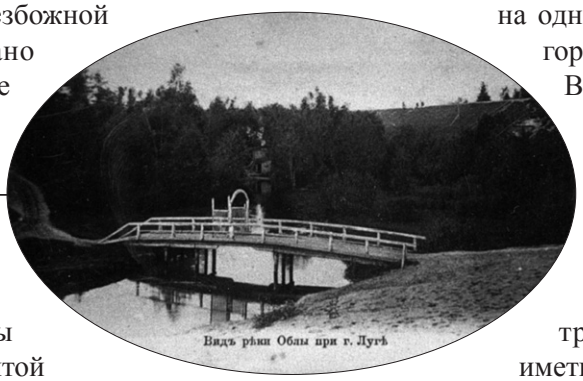
Луга. Теплый Ключ

«Светёлка» – трогательное и светлое название, возвращающее нас в сказочную древне-русскую былинную давность Руси. Под этим именем в Луге, – уездном городе С.-Петербургской губернии, – в царствование последнего русского Императора появляется дача, возникновение и существование которой неразрывно связано с Царской Семьей.

В августе 1900 г. во время маневров лейб-гвардии Преображенского полка Государь и Императрица в сопровождении Великих Князей и свиты официально посещают Лугу. Это единственный известный нам, документально засведетельствованный приезд Свв. Царственных Страстотерпцев в Лугу. После больших маневров полка близ Луги, в самый праздник Преображения Господня, Свв. Царственные мученики посещают город, молятся за литургией в Воскресенском соборе. Затем после парада полка осматривают живописную местность в южной части города на берегу реки Облы и Теплого Ключа, произведшую незабываемое впечатление на Царскую чету. В 1910 году лужане торжественно отмечали 10-летие пребывание Царской Семьи в их городе. Царской Семье, по инициативе лужан, одной из жительниц города была подарена небольшая дача (поднесенная Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу), стоявшая в том самом месте, где много лет назад прогуливалась по лесу Царская Семья. Императрица Александра Феодоровна устраивает здесь филиал своей Петербургской Школы Народного Искусства, в годы Великой (Первой Мировой) войны служивший лазаретом для раненых воинов. В разгар войны, осенью 1914 г. Государыня еще раз посещает это место на этот раз с Августейшими дочерьми.

Даче, подаренной Наследнику Цесаревичу, – ребенку, на которого русским народом возлагались надежды на светлое будущее России в XX веке, Промыслом Божиим, суждено было послужить детям. На протяжении своей истории «Светёлка» оставалась одним из духовных центров Луги, связанным с жизнью и служением Свв.Царственных мучеников и духовно близких им лиц, пастырей-исповедников, до конца оставшихся верными Богу, и тех, кто продолжал бескорыстно служить ближнему в трагическом для России XX веке.

Рассматривая дореволюционные открытки с видами Луги, невольно поражаешься не только красотой города, но и тем, сколь мало этой красоты сохранилось до наших дней. За годы безбожной власти в Луге было изуродовано или вовсе стерто с земли (а также из памяти лужан) все то, что свидетельствовало о величии Православия и Монархии. В этом мы с горечью лишний раз убедились, когда начинали исследовательскую работу о лужской «Светёлке» Императрицы Александры Феодоровны – святой мученицы Царицы Александры.

История «Светёлки», деревянного двухэтажного здания, выстроенного в начале XX века на окраине Луги, необычна. «Светёлка» строилась женой действительного статского советника Е.П. Шестаковой на одном из самых живописных мест города – у разлива Теплого Ключа. В здании планировалось создать благотворительную школу-приют для бедных детей с домовой церковью. Когда в 1910 году строительные работы подошли к завершению, Шестакова, узнав о желании Государыни Императрицы Александры Феодоровны иметь в Луге дачу именно на Теплом Ключе, не раздумывая, дарит дом Ея Величеству[1], а для школы-приюта возводит здание на южном

берегу озера Омчино.

Государыня не случайно пожелала иметь дачу в Луге именно у разлива Теплого Ключа. Однажды[2] Императрица Александра Феодоровна, гуляя по берегу Омчино с Государем, направилась по лесной дороге на север от озера. Надо заметить, что в этом направлении сосны на удивление красивы и высоки. Такими они растут и в настоящее время. Пленительность соснового бора и целебный сосновый воздух благоприятно сказались на самочувствии Императрицы.

Лесная дорога вскоре привела Царственных Супругов к запруде Колянковского[3]. Здесь, у разлива Теплого ключа, они немного постояли на деревянном мостике, наслаждаясь живописной природой. С северной стороны запруды к тому времени уже были выстроены большие дворянские и купеческие дачи. На южной стороне построек не было. Возможно, это обстоятельство привело Императрицу к мысли об устройстве дачи на южном берегу разлива Теплого Ключа.

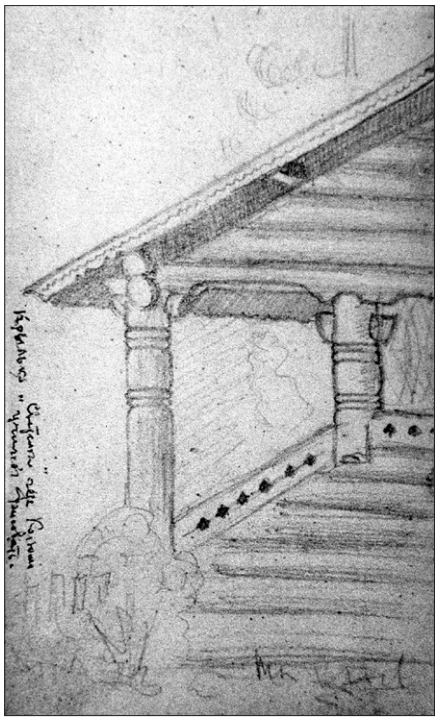

Императрица Александра Феодоровна

Несколько лет спустя Е.П. Шестакова приступила к строительству школы-приюта на Теплом Ключе. Елене Петровне о заветном желании Императрицы Александры Феодоровны иметь здесь дачу, разумеется, ничего не было известно. Когда же в 1910 году двухэтажное деревянное здание, имевшее вид усадебного дома, было построено, заветное желание Императрицы при неизвестных нам обстоятельствах открылось. Елена Петровна сочла для себя за честь сделать подарок Государыне, которая приняла его с сердечной благодарностью. Свой лужский дом Императрица Александра Феодоровна назвала «Светёлкой».

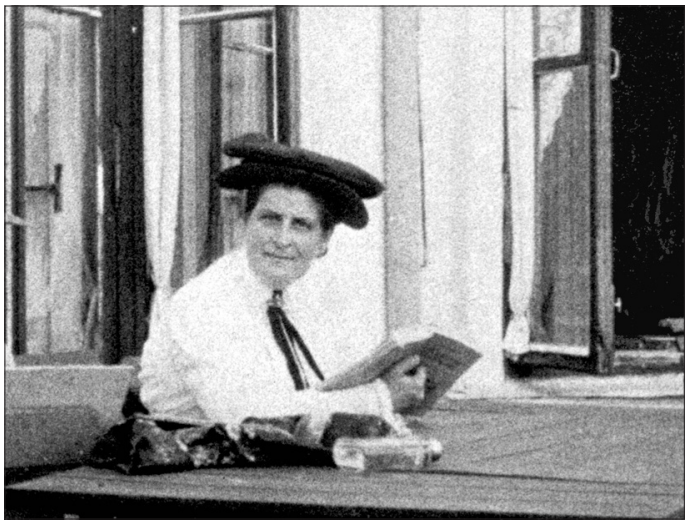
30 мая 1914 года она устроила в «Светёлке» первое в губернии отделение столичной Школы Народного Искусства[4]. Летопись Школы за 1914 год свидетельствует: «В «Светёлке»… предполагается устроить небольшое показательное усадебное хозяйство, которое давало бы ученицам Школы сведения, столь необходимые для их будущей инструкторской деятельности на местах в деревне, устраняя тем самым нежелательное в деревне явление учительниц-горожанок, чуждых и оторванных от интересов крестьянства…»[5].

Для приусадебного хозяйства была нужна земля. Школа обратилась за помощью в Главное Управление землеустройства и земледелия. Товарищ начальника Управления граф П.Н. Игнатьев «…широко пошел навстречу начинаниям Школы; ввиду того, что имевшийся первоначально в распоряжении школы участок был …недостаточным для выполнения предположенного плана хозяйства, Ея Величеству во Всеподданнейшем докладе о том секретаря Ея Величества графа Я.Н. Ростовцева благоугодно было Всемилостивейше пожаловать 5 000 рублей и повелеть приобрести участок земли, прилегающий к школьному в размере 1 000 кв. сажень. Кроме того, Ея Величеству благоугодно было с собственноручном письмом на имя попечительницы[6] Школы прислать в город Лугу, в «Светёлку», 500 рублей на забор для обнесения нового места»[7].

Крыльцо лужской «Светёлки». Рисунок Николая Титова. 1920-е гг.

В отчете Школы народного искусства за 1914 год отмечено: «В начале июня 1914 года старшим специалистом Главного Управления землеустройства и земледелия по сельскохозяйственной части А.А. Фриде был выработан план показательного усадебного хозяйства, оборудованного следующим образом: 4 коровы, 1 теленок, 2 свиньи, 20 кур, 10 уток, 1 лошадь, огород на 400-600 кв. сажень, маленький плодовый садик (20-25 деревьев), ягодный сад (300 корней), несколько земляники (1-2 гряды)... Предполагаются следующие постройки: коровник, ледник и при нем молочная, птичник и артези-

Попечительница Школы Народного Искусства Императрицы Александры Феодоровны и ее лужского филиала в «Светёлке» Варвара Петровна Шнейдер. Фото нач. XX века.

В лазарете «Светёлки». Фото 1915 г.

Луга. «Светёлка» Императрицы

Лазарет для раненых воинов

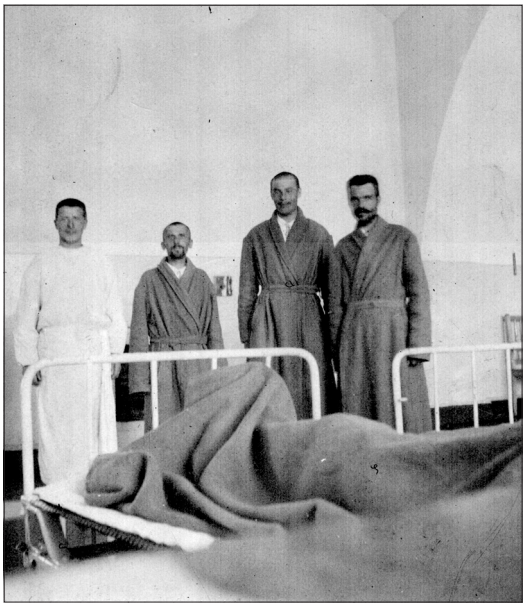

В перевязочной лазарета Школы Народного Искусства Ея Величества в «Светёлке»

Ксения Михайловна Тупикова (за столом слева) у входа в«Светёлку». Фото 1910-х гг.

В палате лазарета «Светёлки». Фото нач. XX века.

Луга. Запруда Колянковского возле «Светёлки». Фото 1910-х гг.

Императрица Александра Феодоровна, Великие Княжны Ольга Николаевна и ТатьянаНиколаевна и А.А. Вырубова – сестры милосердия. Царское Село. Сентябрь 1914 г.

анский колодец. На очереди в данное время постройка ледника с молочной, коровника и птичника.

Дабы подготовить учениц к более основательной работе во время летней практики, Министерство[8] на свои средства организовало при Школе беседы по огородничеству и садоводству (лектор Н.П. Спиченко), а также по молочному хозяйству (лектор А.П. Шатаев)»[9].

В конце июля, сразу после объявления войны с Германией, персонал Школы и ученицы вернулись в Петроград. «У всех было сознание: надо быть на своем месте и исполнить свой долг, как бы все это в общем море народном ни было мало и незначительно»[10].

Отчет Школы Народного Искусства сообщает: «С соизволения Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны 23 ученицы старшего курса: Т. Андреева, А. Верховская, З. Верховская, А. Дерябина, О. Зайцева, М. Игонина, Ф. Кандаурова, Е. Кукина, П. Латышева, У. Лушова, Ю. Мухина, Е. Нагибина, А. Николаева, А. Паршина, Е. Поттер, Е. Пушкаревич, Т. Рябухина, А. Рябоконь, С. Сазонова, А. Старостина, Ф. Черкасова, П. Шарапова, А. Шеляпина были направлены испытуемыми[11] в Крестовоздвиженскую Общину сестер милосердия[12]. Благодаря прекрасному ведению бесед врачом О.М. Боголюбовой по гигиене и оказанию первой помощи, прослушанных ученицами в Школе, они оказались настолько подготовленными, что в самом скором времени все уже работали в качестве сестер милосердия как в самой Общине, так и в обслуживаемых Общиною госпиталях – Николаевском и Морском»[13].

Луга. Вокзал. Фото 1910-х гг.

В лужской «Светёлке», которая к тому времени получила адрес: Лужский переулок, д.1, Государыня Императрица Александра Феодоровна устраивает лазарет, которому присваивается №1 по Луге и Лужскому уезду. В лазарет лужской «Светёлки» поочередно командируются ученицы Школы народного искусства. 22 октября 1914 года Императрица сообщала в ставку о «Светёлке» Государю Императору Николаю Александровичу следующее: *«Заходил ко мне Ресин[14], и мы с ним порешили завтра после обеда поехать в Лугу в мою «Светёлку». Это была дача, подаренная Алексею, я взяла и устроила в ней отделение моей Школы Народного Искусства. Там работают девочки, изготовляют ковры, обучают этому ремеслу деревенских баб, затем для них будут приобретены коровы, домашняя птица и овощи, и они будут обучаться домоводству. Сейчас они устроили госпиталь на 20 кроватей и ходят за ранеными. Мы должны поехать со скорым поездом. Так как обыкновенные поезда идут медленнее и в неудобные часы. Аня[15], Настенька[16] и Ресин будут нас втроем сопровождать, никто не должен об этом знать. Только m-le Шнейдер знает о предстоящем приезде – иначе она могла бы отлучиться. Мы возьмем простых извозчиков и поедем одетые сестрами милосердия,чтобы поменьше обращать на себя внимание и так как собираемся посетить лазарет…»[17].* На следующий день, 23 октября, Императрица пишет Государю из Царского Села: *«Наша поездка в Лугу вышла чрезвычайно удачной. По прибытии на станцию, мы были встречены старой m-le Шереметьевой[18]…, сообщившей мне, что там два госпиталя[19]. Она думала, что я приехала ради них, а потому мне пришлось ей сказать, что мы туда заедем после*

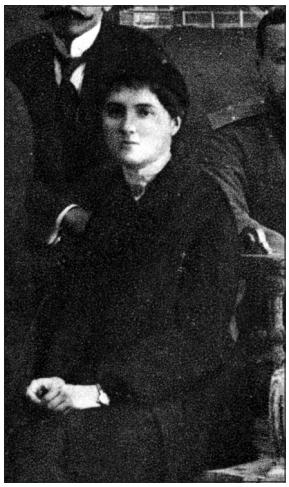
Анна Александровна Вырубова (Танеева)

«Светёлки». Мы поехали на 3-х извозчиках, с исправником впереди в очаровательном шарабане…, мы насладились примитивным катанием по улицам и по песчаным дорогам, ведущим в сосновый лес, совсем близко от того места, где мы много лет тому назад с тобой гуляли неподалеку от озера[20] … M-le Шнейдер была страшно потрясена при виде нас, так как не получила Аниной телеграммы. Она нервно и возбужденно смеялась в течении всех 20-ти минут, которые мы у нее провели. 20 солдат лежат в маленькой даче[21] – они были ранены близ Сувалок в конце сентября, но у них легкие ранения – их эвакуировали из Гродно… здесь я неожиданно встретила Фриде[22] … Стояла прекрасная погода и было не очень холодно»[23].

В отчете Школы Народного Искусства о поездке 23 октября 1914 года в лужскую «Светёлку» отмечено: «Ея Величество пожаловала неожиданно, без предупреждения. В Лазарете шла обычная работа: врачи были заняты в перевязочной, раненые занимались кто чем. И когда Ея Величество появилась в палате, многим подумалось: не видение ли это? Все посещение было до того необычно, что в рамки заурядных фраз оно не вкладывается, обычными словами его передать нельзя. Доказательством того, что это было не видение и пережитое не было сном, в «Светёлке» остался безценный автограф: Ея Величеству благоугодно было начертать карандашом на простой записной книжке – «*Хозяйка*»»[24].

24 октября 1914 года Александра Феодоровна вновь сообщает Государю Императору о поездке в Лугу: *«Наш Друг[25] весьма одобрил нашу[26] поездку в Лугу, и притом в одежде сестер милосердия, и настаивает на подобных поездках впредь»[27].*

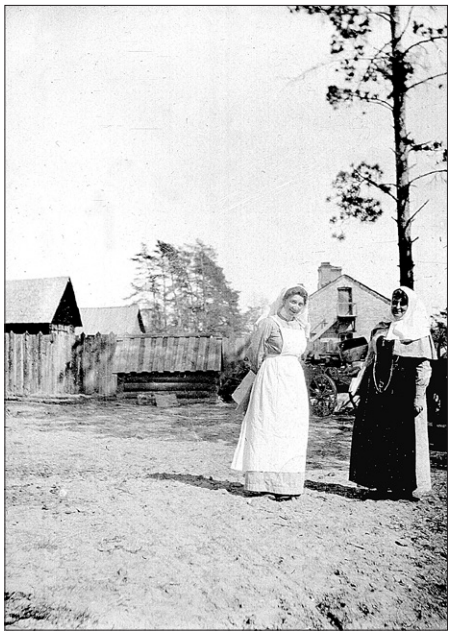
О лазарете лужской «Светёлки» Императрицы следует рассказать подробнее. Это позволяют сделать собранные нами исторические документы и иллюстративные материалы.

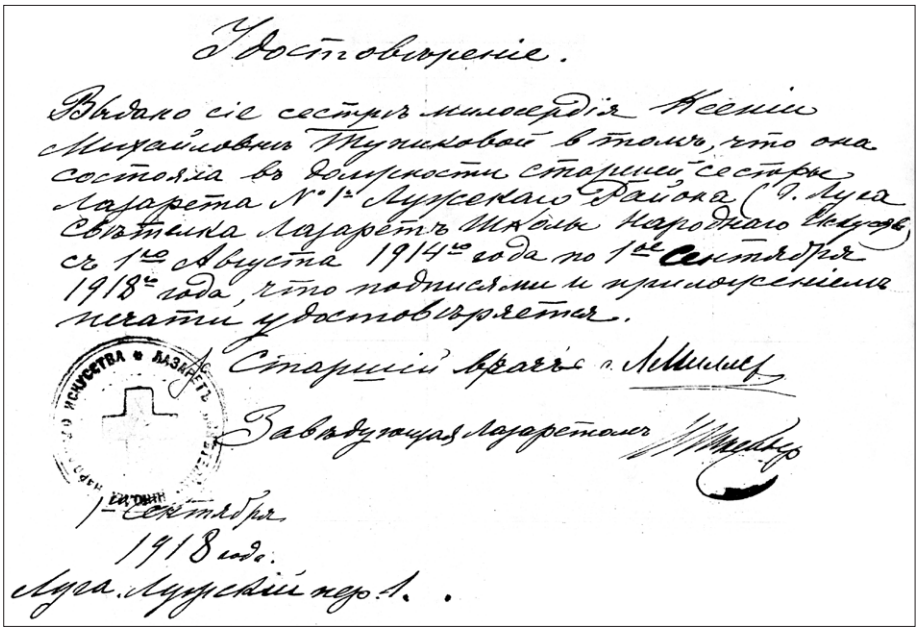
Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова

«Горячее желание каждого возможно более тесного приобщения к великой страде народной, желание своим личным трудом принять участие в общем испытании, ярко чувствовалось и в Школе Народного Искусства Ея Величества с момента объявления войны. И Школа, испросив на то милостивейшего соизволения своей Августейшей Основательницы, оборудовала в «Светёлке» лазарет на 20 кроватей для нижних чинов.

Ея Величеству благоугодно было помочь своей Школе, пожаловав средства на предварительные расходы и на содержание 4-х коек в течении одного года. Остальные койки именные. 10 коек содержатся на средства Петроградского дворянства, ассигновавшего

Сестры милосердия у хозяйственных зданий при «Светёлке». Фото 1910-х гг.

Удостоверение

Выдано сие сестре милосердия Ксении Михайловне Тупиковой в томъ, что она состояла въ должности старшей сестры лазарета № 1-го Лужскаго района (г. Луга Святейшаго Лазаретъ Школы Народнаго Искусства съ 1-го Августа 1914-го года по 1-е сентября 1918-го года, что подписями и приложеніемъ печати удостовѣряется.

Старшій врачъ

Завѣдующая лазаретомъ

1-е сентября 1918 года.

Луга. Лужскій пер. 1.

Удостоверение сестры милосердия Ксении Михайловны Тупиковой, служившей в «Светёлке».

3 000 рублей на их содержание в течении полугода. 1 койка Школы народного искусства содержится на ежемесячные взносы членов комитета Школы, служащих и учениц Школы. 1 койка – на средства попечительницы Школы В.П. Шнейдер. 2 койки – друзей Школы В.Н. Ханенко и Л.И. Жевержеева. 1 койка – Чарльза Крэна, одна – барона К.К. Фелейзен, одна – служащих фабрики и магазина И.А. Жевержеева и одна койка содержалась на пожертвования гимназии А.К. фон Мерс[28], прекратившей свои взносы после смерти баронессы А.К. фон Мерс. К концу отчетного года[29] в лазарете содержалось уже 22 кровати. Кроме того, ученицы Школы, отказавшись от елки, Рождественских подарков и лакомств, ассигнованные на это 50 рублей передали в лазарет на содержание больного в течении целого месяца.

1 сентября во Всеподданнейшем докладе попечительницы Школы В.П. Шнейдер о том, что оборудование лазарета подходит к концу и будет закончено к 7 сентября, Ея Величеству благоугодно было благословить лазарет иконой св. Пантелеимона-Целителя. На оборотной стороне иконы Ея Величеством было собственноручно начертано: «*Александра*» и поставлен крест.

Протоиерей Иоанн Судаков (слева), священник Константин Титов и баронесса А.К. фон Мерс с воспитанницами у здания гимназии.Фото нач. XX века.

30 сентября лазарет принял первую партию раненых, полным комплектом в 20 человек, направленных в «Светёлку» начальником Эвакуационного пункта во Пскове. На другой день прибытия раненых, 1 октября, в лазарете был отслужен молебен и попечительница лазарета В.П. Шнейдер была осчастливлена нижеследующей Всемилостивейшей телеграммой Ея Величества: *«От души радуюсь открывающейся сегодня деятельности лазарета в «Светёлке», сердечно желаю успеха доброму делу. Да благословит Господь всех раненых, призреваемых в «Светёлке» и да подаст им скорейшее и полное выздоровление. Александра»*…

Обслуживается лазарет в «Светёлке» силами Школы: заведование лазаретом поручено секретарю Школы К.М. Тупиковой, окончившей курс для сестер милосердия при Морском госпитале и работавшей в качестве сестры в русско-японскую войну. Сестрами работают ученицы Школы: Евдокия Григорьева, работавшая раньше в течении летних каникул в земской больнице в Торжке, ей же поручено заведование хозяйством и по очереди командируемые ученицы – сестры Крестовоздвиженской Общины.

Врачом при лазарете до половины декабря отчетного года состояла женщина-врач А.М. Авалова-Святловская. После ее отъезда с 20 декабря 1914 года лазарет принял врач Лужской земской больницы С.Я. Баккал, который безвозмездно работал в лазарете в течении первых месяцев его деятельности, оперируя и ведя наиболее сложные хирургические случаи. Зубоврачебную помощь раненым оказывает зубной врач В.А. Клименко, работающая безвозмездно.

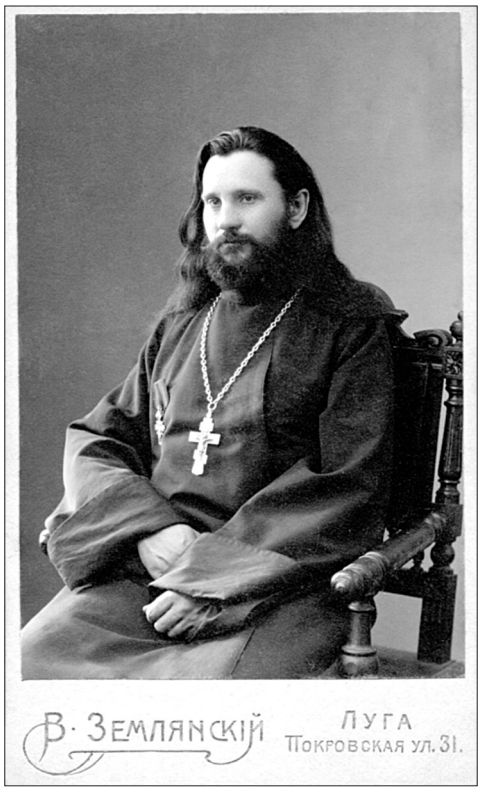
К 1 января 1915 года лазаретом было принято 61 человек и выписано 32 человека. Из них 10 человек были совсем освобождены от службы, 12 человек были отпущены домой на поправку, 10 человек назначено в команду для выздоравливающих и только один мог вернуться в строй.

Большинство раненых было доставлено в «Светёлку» с ранениями конечностей, преимущественно рук, в некоторых случаях с нарушением целости костей, требовавших удаления фаланг, секвестров, удаления пуль и осколков шрапнелей. Кроме того, двое больных были доставлены с поражением легких, явившимся последствием ранений – один с очень тяжелой степенью малокровия и один с поражением верхушек легкого. Благодаря исключительно хорошим местным климатическим условиям «Светёлки», которая находится за чертой города, в сосновом лесу, явилась возможность применить в вышеуказанных случаях лечение воздухом (лежание на воздухе). Больные выносились в парк и лежали на солнце в течении часа-двух в хорошие, ясные дни, хорошо укрытые, в меховых мешках и одеялах даже при морозе, доходящем до 8-10 °С. Лечение дало блестящие результаты: за первые же две-три недели в легких было уже замечено значительное улучшение и больные прибавили в весе от 5 до 9 фунтов…

Ея Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна пожаловала 500 рублей, на которые выстроена небольшая терраска, приобретены и сделаны койки, приспособлены меховые мешки по образцу Императорской санатории в Халиле[30]…

Распределение дня в «Светёлке» следующее: работа начинается обыкновенно около 8 часов утра,

больным измеряется температура, исполняются утренние назначения врача и в 9 часов, после общей молитвы, они пьют кофе. Затем делаются перевязки. В час дня – обед. После обеда – прогулка, в 5 часов вечера – чай, потом вновь измеряется температура. В 8 часов вечера – ужин, после которого исполняются вечерние назначения и к 10 часам больные ложатся спать. Отношения между персоналом и ранеными – самые теплые, доверчивые. Солдаты, покидая лазарет, расстаются с ним и сестрицами как с родными, о чем свидетельствуют их письма, полные теплой, искренней благодарности. Не было случая, чтобы кто-либо из выписанных больных не написал и не прислал привет…»[31].

Священник Константин Титов. Фото 1910-х гг.

В «Светёлке» был устроен домовой храм. Кто-то из лужан-старожилов припомнил, что храм был устроен в честь святого благоверного князя Александра Невского (так в детстве ему говорили старшие). Службы совершал священник храма во имя святой равноапостольной великой княгини Ольги[32] Константин Сергеевич Титов (13.05.1878 – 13.03.1964). Он вел с ранеными также и внебогослужебные беседы. Священник Константин Титов был близко дружен с Варварой Петровной Шнейдер и ее сестрой Александрой Петровной. Варвара Петровна являлась крестной матерью Марии Титовой, дочери о. Константина. У Марии Константиновны в память о «Светёлке» сохранился альбом репродукций акварелей Александры Шнейдер с ее дарственной надписью отцу Константину Титову: «В воспоминание о «Светёлке» глубокоуважаемому отцу Константину от А. Шнейдер. 6. X. 1919».

В «Светёлке» Государыня повелела устроить склад вещей и других пожертвований, собираемых для армии и лазаретов. Отчет Школы народного искусства сообщает: «Как только была объявлена война, в каждом сердце загорелось желание быть хотя чем-нибудь полезным и примкнуть к общему делу.

Ученицы старшего курса, которые с соизволения Августейшей основательницы Школы были направлены испытуемыми в Крестовоздвиженскую Общину, с восторгом и радостью приняли на себя святой и тяжелый труд сестер милосердия. Те же из них, которым по тем или иным причинам не пришлось поработать у постели раненых, принялись за шитье белья и вязание теплых вещей для наших воинов-героев. Так при Школе народного искусства Ее Величества было положено начало работы на раненых. За шитье первыми принялись ученицы, проводившие лето в лужской «Светёлке».

Живой отклик, вызванный общим желанием участия в деле помощи раненым, встретила Школа среди населения и в учебных заведениях города Луги (Мариинская женская гимназия[33] и гимназия А. К. фон Мерс, а также среди крестьян окружных приходов.

С Всемилостивейшего соизволения Ея Величества в лужской «Светёлке» 6 августа 1914 года был открыт Отдел склада Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны для сбора пожертвований и работы на ране-

Альбом репродукций акварелей Александры Петровны Шнейдер с ее дарственной надписью о. Константину Титову. Лужские цветы. Акварели Николая Титова. 1922 г.

ных и солдат…

Все белье, отправляемое для шитья в Лугу и Лужский уезд, кроилось в Школе. С 6 августа 1914 по 1 января 1915 года ученицами было сшито до 6 000 предметов белья. Всего же Отделом было роздано в работу и изготовлено до 10 000 предметов белья.

В начале войны участие в деятельности Отдела приняла настоятельница Воскресенско-Покровского женского монастыря на станции Плюсса игумения Мария (Арсеньева). В монастыре было изготовлено до 400 предметов белья, были собраны пожертвования бельем, теплыми вещами и прочим, которые немедленно пересылались Отделом склада на передовые позиции.

Храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» на Царскосельском Братском кладбище, который планировалось перенести в Лугу к «Светёлке» Императрицы.

Настоятелем Екатерининского собора в Луге протоиереем Анатолием Остроумовым были привлечены к работе по шитью белья окрестные приходы – скроенное в Школе белье большими партиями рассылалось по приходам и с окончанием всех полевых работ крестьянки окрестных деревень охотно принялись за шитье.

В 1914 году в приходах было изготовлено до 2 000 предметов белья, были собраны многочисленные пожертвования – бельем, теплыми вещами, табаком, сахаром. Все поступавшие в Отдел склада пожертвования сразу же пересылались в действующую армию.

В работе по шитью белья принимали участие не только ученицы и мастерицы Школы, крестьянки Лужского уезда и Новгородской губернии, но и женские гимназии в Луге: Мариинская женская гимназия, частная гимназия А. К. фон Мерс. Участвовало много частных лиц: старшая мастерица И.А. Жевержеева, В.А. Рудакова, А.Я. Кузнецова, Ю.П. Карпова, А.Ф. Филиппова, А.И. Укладникова, Ю.К. Гершельман, О.Р. Гершельман, А.И. Ланг, С.Р. Баумгартен, О.Ф. Гершельман, г-жа Смит, г-жа Смирнова, В.А. Обухова, Е. Федорова, Н.А. Фриде, М. Сырцова и многие другие.

Настоятель лужского собора протоиерей Анатолий Остроумов.

Белье, изготовленное Отделом склада, в первую очередь шло на обустройство лазаретов в городе Луге. Лазарет Школы народного искусства в «Светёлке», открытый на 20 кроватей, был полностью обеспечен бельем из Отдела склада, также, как и лазарет при Лужской земской больнице на 15 кроватей. Кроме того, 455 предметов белья было выдано в Лужский лазарет при Сырецком Комитете Российского Общества Красного Креста и 144 предмета белья выдано лазаретам Лужской городской организации.

Комплекты теплого и холодного белья отправлялись на позиции, ими также снабжались из Отдела склада все выходившие воины из лазарета «Светёлки», Лужской земской больницы, а также многие отдельные нижние чины – как возвращающиеся на позиции, так и уезжающие домой. Ея Величеству благоугодно было неоднократно присылать подарки для лазарета Школы в «Светёлке»: одеяла, матрацы, простыни, наволочки, рубашки, халаты, шарфы, фуфайки, туфли, бинты, образки, книги, почтовые открытки, открытки с портретами и прочее.

Материал для изготовления белья приобретался на средства, пожалованные отделом по повелению Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны из Канцелярии Ея Величества, а также на частные пожертвования…

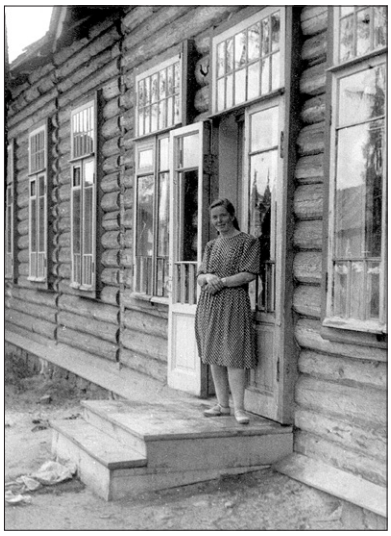
Отделу склада в Луге наравне со складом Ея Величества в Петрограде Святейшим Синодом был разрешен церковный сбор каждое последнее воскресенье месяца. Хлопоты по организации указанного сбора любезно взяла на себя жена Земского Начальника М.И. Колянковская. Служащие Модолицкого волостного правления на станции Плюсса ежемесячно присылали проценты от своего содержания[34]...

Впоследствии Луга была причислена к Царскосельскому Особому эвакуационному пункту. Раненые стали прибывать в Лугу только с именными, направленными по распоряжению Ея Величества, санитарными поездами. Государыня Императрица Александра Феодоровна планировала перенести в Лугу деревянный храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» с Царскосельского Братского кладбища и возвести рядом со «Светёлкой». Осуществиться этим планам помешала революция. Ксения Михайловна Тупикова покинула «Светёлку» 1 сентября 1918 года, а Варвара Петровна Шнейдер – в 1920-х годах.

После революции в лужской «Светёлке» Школы Народного Искусства располагался детский дом. С 1944 по 1953 год детский дом был перепрофилирован

Дети приюта для сирот у стен «Светёлки». Фото нач. 50-х годов.

У входа в школу-интернат в бывшей «Светёлке» Фото нач. 50-х годов.

Ольга Ивановна Белявская у входа в «Светёлку». Фото нач.1970-х гг.

в приют для сирот, чьи родители погибли в Великую Отечественную войну. Организовывал приют Владимир Георгиевич Малинин. В 1953 году приют расформировали. Вместо него была создана вспомогательная школа-интернат, которой передали здание «Светёлки».

С 1946 по 1947 год директором детского дома, работал Митрофан Иванович Белявский (05.12.1901 – 25.10.1957). Он был выдающимся педагогом, имел звание «Отличник народного просвещения РСФСР». Его отец – протоиерей Иоанн Иоаннович Белявский служил в церкви села Облучье[35] Порховского уезда Псковской губернии. Митрофан Иванович учился в Псковском епархиальном Духовном училище, после революции до войны работал учителем, затем воевал. С 1947 по 1953 год был незаконно репрессирован. С 1953 по 1957 год был вновь директором Лужской вспомогательной школы-интерната, которому принадлежала «Светёлка».

С 1963 года директором школы являлась супруга Митрофана Ивановича, Ольга Ивановна Белявская (02.05.1909 – 03.01.1980). Ее заместителем был Геннадий Николаевич Скрябин. С 1975 года директором являлся уже он, дольше всех своих предшественников проработав в этой должности (до 2000 года). В школе Геннадий Николаевич начал работать с 1950 (тогда школа еще была детским домом).

Геннадий Николаевич Скрябин (сидит в центре) с педагогами и воспитанниками школы-интерната у стен «Светёлки». Фото 1980-х гг.

Примечательно, что во время директорства Митрофана Ивановича Белявского использовались некоторые педагогические традиции Школы Народного Искусства. Геннадий Николаевич Скрябин вспоминал: «В основе его (М.И. Белявского) педагогического опыта был девиз: «Готовить детей к жизни через труд». У нас было хорошо отлаженное подсобное хозяйство. В поле выращивали картофель, овощи, содержали коров. Все посильные работы в поле, на огороде, на ферме выполняли дети. С питанием, как говорится, не было проблем. Но учили детей бережно относиться к хлебушку. В школе девочки работали в швейной мастерской, мальчики сапожничали…»[36].

Удивительно, что само название «Светёлка» закрепилось прочно и сохранилось в памяти некоторых лужан до наших дней. Но не сохранилась сама Царская «Светёлка»: она сгорела три года назад, 1 сентября

Сохранившееся здание хозяйственных служб «Светёлки»

Первый крестный ход к Царской «Светёлке»

1998 года. К тому времени дореволюционную историю «Светёлки» в Луге уже никто не знал.

Нам увидеть ее не довелось. Но когда началась исследовательская работа, мы быстро пришли именно туда, где когда-то и стояла «Светёлка» Императрицы. С возвышенности мы увидели красоту разлива Теплого Ключа (как мы отмечали, он представляет собой узкий ручеек, а широко разливается лишь в одном месте). Сердце подсказывало: ««Светёлка» могла стоять только здесь!».

Спустились с откоса вниз и заметили сидящего на скамеечке пожилого мужчину. И сердце подсказало еще раз: «Подойди, спроси, – может быть, он знает!». Подошли. Из разговора выяснилось, что сидящий на скамеечке мужчина – Геннадий Николаевич Скрябин. Он него мы и узнали то место, где стояла «Светёлка». Геннадий Николаевич, пожалуй, один из немногих в Луге, кто еще помнит это название. Но и он не знал, что «Светёлка» принадлежала Царской Семье, что тут, у разлива Теплого Ключа, находился лужский филиал Школы Народного Искусства Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны[37].

Сосновый лес у разлива Теплого Ключа

20 октября 2001 года несколько членов Санкт-Петербургского православного клуба «Бодрствование» во имя святого мученика Вонифатия специально приехали в Лугу, чтобы помолиться Святым Царственным Мученикам на том месте, где находилась «Светёлка» Императрицы. Впервые после многих десятилетий безбожной власти здесь вновь звучала православная молитва. С этого времени исследовательская работа по истории «Светёлки» стала быстро продвигаться, за короткий срок были собраны уникальные документы и свидетельства. Теперь историю лужской «Светёлки» Императрицы мы рассказываем в среде православных лужан, и люди часто приходят на место «Светёлки» для того, чтобы с благоговением помолиться святым Царственным Мученикам.

19 мая 2002 года, в день рождения Царя-Мученика Николая П, по благословению благочинного Лужского округа протоиерея Николая Денисенко, был совершен первый крестный ход к Царской «Светёлке». Участие в крестном ходе принимали члены Александро-Невского общества трезвости, созданного при Екатерининском храме города Луги. Именно они первыми начали исследовательскую работу по истории «Светёлки».

От «Светёлки» ныне остался лишь фундамент и часть несгоревшего сруба. Но еще полностью сохранились два деревянных одноэтажных здания дачного комплекса святой мученицы Царицы Александры. Считаем, что восстановить утраченное необходимо. История лужской «Светёлки» Императрицы может продолжаться. Но кто напишет продолжение этой истории?

Примечания

[1] По другим данным, Е.П. Шестакова подарила дом НаследникуЦесаревичу Алексею Николаевичу. В отчетных документах Школы Народного Искусства указывается, что подарок был сделан именно Государыне Императрице.

[2] Предположительно в августе 1900 года.

[3] Запруда Колянковского – единственное место, где Теплый Ключ разливается широко, образуя удивительный живописный пейзаж.

[4] Школа Народного Искусства Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны находилась в Санкт-Петербурге на наб. Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова), д. 2-а.

[5] Отчет Школы народного искусства… за 1914 год. – Пг.: 1915. С. 8

[6] Попечительницей Школы Народного Искусства, в том числе и ее Лужского филиала, являлась Варвара Петровна Шнейдер.

[7] Отчет Школы народного искусства… за 1914 год. – Пг.: 1915. С. 8-9.

[8] Имеется в виду Министерство сельского хозяйства.

[9] Отчет Школы народного искусства… за 1914 год. – Пг.: 1915. С. 9.

[10] Там же.

[11] Имеется в виду для испытаний на квалификацию сестер милосердия.

[12] Крестовоздвиженская Община сестер милосердия находилась в Санкт-Петербурге на наб. р. Фонтанки, д. 154.

[13] Отчет Школы народного искусства… за 1914 год. – Пг.: 1915. С. 9-10.

[14] Ресин Алексей Алексеевич, генерал-майор свиты Его Величества, с августа 1914 года командир Собственного Его Величества Сводного пехотного полка.

[15] Вырубова Анна Александровна (1884-1964), фрейлина, ближайшая подруга Царицы. После революции чудом спаслась от смерти, проживала в Финляндии. В 1930-х гг. приняла монашеский постриг с именем Мария (пострижена на Старом Валааме иеросхимонахом Ефремом (Хробостовым)). Похоронена в Хельсинки.

[16] Гендрикова Анастасия Васильевна (?-1918), графиня, фрейлина Царицы, одна из самых близких к Императрице людей. Добровольно поехала в ссылку с Царской Семьей, убита большевиками в Перми.

[17] Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. – М.: Родник, 1996. С. 55-56.

[18] Государыня имеет в виду гр. Анастасию Сергеевну Шереметеву.

[19] Гр. Анастасия Сергеевна Шереметева вместе с сестрой Анной Сергеевной устроили в своем родовом имении Большой Сырец близ Луги лазарет на 100 кроватей. В Луге находилось Отделение Лужского лазарета при Сырецком Комитете Российского Общества Красного Креста. Располагалось Отделение в здании офицерского собрания 24 артиллерийской бригады рядом с храмом во имя Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Пески (ныне – Красной Артиллерии).

[20] Теплый Ключ впадает в реку Облу вблизи озера Омчино.

[21] То есть, в лазарете «Светёлки».

[22] Фриде Александр Алексеевич, офицер лейб-гвардии.

[23] Платонов О.А. Указ. соч. С. 57.

[24] Отчет Школы народного искусства… за 1914 год. – Пг.: 1915. С. 10.

[25] Григорий Ефимович Распутин-Новый.

[26] Государыня отправилась в Лугу не только вместе с фрейлинами графиней А.В. Гендриковой, А.А. Вырубовой, генерал-майором А.А Ресиным, но и с дочерьми – Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной.

[27] Платонов О.А. Указ. соч. С. 58.

[28] Гимназия баронессы А.К. фон Мерс – перворазрядное женское учебное заведение, основанное в 1901 году. Находилось в собственном доме баронессы на углу Загородной и Никольской улиц Луги (ныне – пр. Урицкого и ул. П. Баранова). Здание гимназии не сохранилось.

[29] То есть 1914 года.

[30] Халила – Императорская санатория для легочных больных, открытая в одноименном селении на Карельском перешейке в 1889 г. по инициативе Императора Александра Ш. С 1900 г. находилась в ведомстве Императрицы Марии. Была рассчитана на 320 мест, в том числе на 60 детей. В 1918 - 1940 находилась на территории Финляндии. С 1948 г. селение переименовано в поселок Сосновый Бор Выборгского района.

[31] Отчет Школы народного искусства… за 1914 год. – Пг.: 1915. С. 42-44.

[32] При реальном училище Принца П.Г. Ольденбургского на Лангиной горе в Луге. Здания училища и храм не сохранились.

[33] Мариинская женская гимназия находилась на Покровской ул. (ныне – пр. Володарского) города Луги. В 1914 году там обучалось 227 учениц, занятия с которыми проводили 18 преподавателей. Начальницей гимназии являлась графиня А.Л. Люксембург. Теперь в здании гимназии располагается городской детский сад №2.

[34] Отчет Школы народного искусства… за 1914 год. – Пг.: 1915. С. 45-48.

[35] За годы советской власти эта красивая церковь из красного кирпича была полностью разрушена. В 70-е годы еще стоял ее остов.

[36] Степанов Ф. Дети войны \\ Лужская правда, 15 ноября 1991 г. С. 3.

[37] Цыганков В.А. Светелка Царской Семьи \\ Трезвение, №1, 2002. С. 3.

Место, где стояла «Светёлка».

И.Н. Кудрявцев

ХРАМ СВ. ТРОИЦЫ В ИМЕНИИ КУДРЯВЦЕВО БЛИЗ ЛУГИ

(из воспоминаний)

И.Н. Кудрявцев. 1993 г.

Иван Николаевич Кудрявцев (13.04.1904 – 13.08.1995), – потомственный архитектор, уроженец С.-Петербурга, один из выдающихся деятелей русской культуры в Финляндии, спроектировавший и выстроивший многие православные храмы: Спасо-Преображенский собор на Новом Валааме в Хейнявеси (1975-1977), храм св. Илии пророка на Русском кладбище в Гельсингфорсе (1951-1957), храм в Ярвенпяя (1977-1979), автор проектов перестроек Никольского и Покровского храмов в Гельсингфорсе (1940-1950-е), проекта Православного центра в Стокгольме (Швеция), (середина 1960-х гг., не осуществлен).

Активный член Русского Благотворительного общества в Финляндии, автор «Истории Русского Благотворительного Общества», «Исторических сведений о постройке Успенского собора в Гельсингфорсе», «Путешествия по Горной Сванетии», монографии «Первый каменный собор на Валааме. 1872-1972», «Семейной хроники» и других исследований и воспоминаний.

Родился 13 апреля 1904 г. в С.-Петербурге в семье инженера-строителя (архитектора) Николая Галактионовича Кудрявцева (1856-1941) и был младшим (восьмым) ребенком в большой семье, насчитывавшей троих детей от первого брака и пятерых – от второго, когда отец, овдовев, женился вторично.

Корни семьи Кудрявцевых, по меньшей мере, пять поколений которой занимались строительством, происходили из села Николо-Залесья Солигаличского уезда Костромской губернии, где еще в XVIII в. они работали в составе артели плотников. На средства Кудрявцевых в местном каменном храме был устроен придел, рядом стояла их семейная часовня-усыпальница. Кто-то из предков занимался иконописью. Прадед Ивана Николаевича – Андрей Минеич (1768-1865) брал подряды в С.-Петербурге, участвуя в строительстве Казанского собора. Дед, Галактион (ок. 1802 – 1867), брал большие заказы по строительству в С.-Петербурге и Старой Финляндии (Выборгской губернии). Приписавшись в граждане города Вильманстранда, и выйдя в первостатейные купцы, после 1811 г. он получал также заказы на строительные работы в Великом Княжестве Финляндском. В С.-Петербурге им был выстроен храм свт. Митрофана Воронежского на Митрофаниевском кладбище (арх. К.А. Тон), в котором на средства семьи Кудрявцевых был устроен самостоятельный придел (1858). Являясь финляндскими гражданами, семья большей частью проживала в С.-Петербурге и его окрестностях.

Дядя, Сергей Галактионович, и отец также занимались строительством, как по Военному и Морскому, так и по гражданскому ведомствам. Отцом было выстроено множество жилых и промышленных зданий в С.-Петербурге, а также Казанский собор в Луге, Свято-Троицкая церковь в собственном имении близ Луги, здание церковно-приходской школы в Лужском Череменецком монастыре.

Иван Николаевич, в отличие от отца и двух старших братьев, не успел окончить институт гражданских инженеров, после учебы в гимназии он помогает семье жить «на земле» в своем имении в Луге, с которой семью Кудрявцевых так многое связывало. Отцу, ставшему «лишенцем», было запрещено проживать и работать в Петрограде. Поэтому семья перебралась в Лугу, пережив в годы Гражданской войны разгром усадьбы: через Лугу дважды проходил в 1918-1919 гг. фронт.

В 1923 г. Иван с братом Андреем (1901-1985), сдав экзамены, поступили во 2-й Политехнический институт в Петрограде, но сразу же были исключены оттуда из-за своего происхождения (как дети «помещика»). Учеба во вновь открытом Географическом институте также оказалась невозможной из-за финляндского подданства. Лишь дополнительный набор в Архитектурном институте (б. Академии Художеств) дал возможность поступить туда. Окончив три курса и сдав экзамены за четвертый экстерном, Иван Николаевич показал блестящие результаты во время учебы. Еще за два с половиной года он оканчивает также Архитектурный факультет Академии Художеств (1928).

В годы воинствующего безбожия семья Кудрявцевых продолжала сохранять веру, жить церковной жизнью. Еще с дореволюционных лет семейство близко общалось со многими известными в С.-Петербурге духовными лицами: они

были дружны с игуменом Черменецкого монастыря о. Амвросием, с семьей известного петербургского протоиерея Михаила Павловича Чельцова († 1931), будущего новомученика, состояли в близком родстве с академиком Кондаковым, много занимавшимся исследованием русской иконописи. Семья посещала Покровскую церковь в Большой Коломне, где служил протоиерей Димитрий Любимов, впоследствии архиепископ Гдовский († 1935), новомученик.

В 1928-1937 гг. Иван Николаевич работает в Петербурге по проектированию общественных зданий, в свободное время принимает участие в архитектурных экспедициях, зарисовывая и делая обмеры архитектурных памятников и древних храмов Кавказа, многим из которых в те годы грозило уничтожение.

Девять лет работы Ивана Николаевича по специальности были прерваны арестом и полугодичным заключением в одиночке на Шпалерной по делу профессора А.К.Кампе (1937). После освобождения некоторое время ему удавалось продолжить работу в Петербурге по строительству первых автоматических телефонных станций.

После неоднократных визитов представителей советских спецслужб в квартиру Кудрявцевых, родители Ивана Николаевича и брат Андрей, как финские подданные, принимают решение уехать в Финляндию. Через полгода, в июне 1938 года, после сокращения на работе по причине «невозможности использования» его как финского подданного, Иван Николаевич также выезжает «в неизвестное». К осени 1938 г. вся семья, кроме брата Михаила, принявшего в 1920-х гг. советское гражданство, собралась в Гельсингфорсе (Хельсинки).

В Финляндии семья жила, особенно на первых порах, в очень стесненных условиях. Большинство русских беженцев жили небогато и готовы были взяться за любой, порой нелегкий труд. Иван Николаевич работал подмастерьем маляра на окраске домов. Позже пригодились его профессиональные навыки, знания, а также часть некогда обширной домашней библиотеки с книгами по архитектуре и искусству, которую удалось перевезти из России в Финляндию. В 1939 г. он был приглашен по ходатайству арх. А.Е.Курпатова проектировщиком в фирму (архитектурное бюро) Пауля Бумана. В годы войны (1939-1945) работа в бюро была прервана, Иван Николаевич работает на фарфоровой фабрике «Арабия», принимает участие в строительстве военных укреплений. После войны возвращается к работе в фирме «Пауль Буман», а также принимает активное участие в жизни русской общины.

После войны русская община в Финляндии испытывала особо тяжелое время. Тысячи православных беженцев с Востока . Под давлением Советского Союза работа русских эмигрантских общественных организаций была прекращена. Многие известные русские общественные деятели были выданы финскими властями в СССР. Иные вынуждены были эмигрировать на Запад. Иван Николаевич продолжает принимать участие в жизни Русского Благотворительного Общества Финляндии и трудиться по просьбам и заказам Гельсингфорсского православного прихода. В это время по его проекту возводится православный Ильинский храм в Хельсинки.

В 1961 г., после кончины вдовы прежнего владельца, Е.А. Буман, втечение десяти лет скорее номинально возглавлявшей бюро, Иван Николаевич избирается директором фирмы. Шведский Культурный Фонд, которому было завещано имущество фирмы, предоставляет ее персоналу право выкупить имущество. В 1960-х-1970-х гг. – работа в фирме, практически без отпусков. За эти годы, помимо напряженного труда в Финляндии, ему удается совершить около двадцати путешествий для изучения памятников архитектуры Скандинавии, Средней и Южной Европы.

Однако наиболее близкой архитектору остается русская православная традиция, по его проектам в эти годы возводится целый ряд православных храмов в разных частях Финляндии. Все они носят характер творческого осмысления древнерусской традиции и выдержаны в стиле северорусского каменного зодчества.

Лишь по выходе на пенсию (1979), появилась возможность всецело посвятить себя общественным обязанностям, связанным с Русским Благотворительным Обществом в Финляндии, Гельсингфорсским православным приходом и частными православными общинами. Благодаря своему авторитету И.Н.Кудрявцев становится к этому времени и воспринимается многими как «староста» всей русской общины в стране.

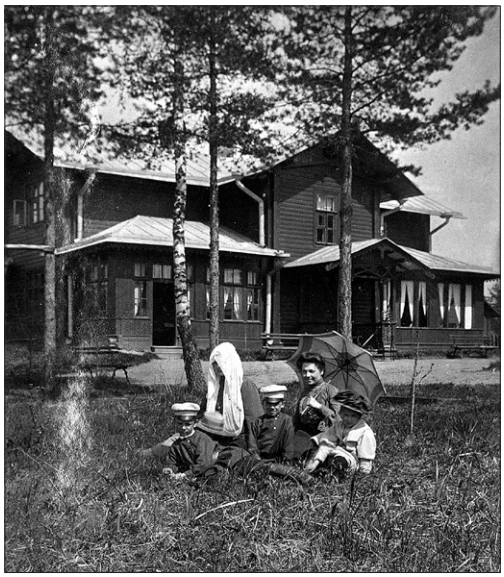
Усердием Ивана Николаевича и по его инициативе в 1984-1989 гг. в Гельсингфорсе (Хельсинки) возводится новое здание Русского Старческого дома при Русском Благотворительном обществе с храмом св. Елены, где многие пожилые члены русской общины нашли себе достойный приют и уход. Последние годы жизни архитектор прожил здесь, продолжая работать над архитектурными проектами и своими статьями.

Скончался И.Н.Кудрявцев 13 августа 1995 г. и похоронен в семейной могиле на Русском Православном кладбище в Гельсингфорсе (Хельсинки), неподалеку от выстроенного им храма.

Ниже приводится очерк И.Н. Кудрявцева, написанный им в начале 1990-х гг. и посвященный истории Лужского имения семьи и возведенного там в 1907 г. по проекту отца, Н.Г. Кудрявцева, Свято-Троицкого храма.

Мой отец, гражданский инженер Николай Галактионович Кудрявцев, в девяностых годах прошлого (XIX – *Ред.*) века овдовел и женился вновь. Старший сын от первого брака, гимназист Галактион, захворал туберкулезом и врачи настаивали на изменении места летнего пребывания и рекомендовали лужские пески. Это случилось на рубеже последних двух столетий и тогда наша семья оставила приморский, сырой Петергоф, в котором родился отец, и летнее время стала проводить в окрестностях города Луги, славящихся своим сухим климатом, пригодным для лёгочных больных. Это произошло до моего рождения (в 1904 г.), потому указываемые ниже даты времени приблизительны и даются на основе оставшихся в памяти сведений от рассказов близких.

В то время отец приобрел «пустошь» в семи километрах от города и трех – от деревни Вёдрово. Участок располагался на берегу почти горной речки, текущей в глубоком овраге, вся восточная часть участка была исключительно песчаной, поросшей сосновым лесом. К западу, в сторону деревни, подымались холмы с лиственным лесом. Наскоро, но вполне обстоятельно,

Дети семьи Кудрявцевых в своем имении под Лугой. Фото 1910-х гг.

«Старый» дом в имении Кудрявцево. Современный вид

он построил обширный дом в восточном углу участка, непосредственно рядом с ним – служебные постройки усадьбы. Это оказалось ошибочным. Место жилого дома для семьи с больным сыном не могло вполне отвечать своему назначению. И отец решил строить еще другой дом в полукилометровом расстоянии от первого. Исследуя почву западных холмов в лиственным лесу, он признал ее пригодной для производства кирпича. Не долго думая, он приобрел глиномятную машину и организовал изготовление кирпича на месте. Вскоре вырос там двухэтажный дом, который стал называться «новым», а первоначальный – «старым».

Спасти сына не удалось. Но время кончины его отдалилось до 1907 г. Его погребли на местном кладбище, а в имении отец приступил к постройке храма-усыпальницы, со склепами под полом, с большим числом отсеков для возросшего числа членов семьи. При собственном производстве кирпича удалось быстро справиться с постройкой, и в Троицын день 1907 г. храм освятили и вскоре в нем произвели вторичное погребение Гули, перевезя металлический гроб с местного кладбища. Через год скончалась бабушка, мать отца, – Евгения Трифоновна. И она была погребена в склепе – отсеке храма. Больше в храме никто не был похоронен. Почти все члены семьи, включая родителей, были изгнаны из России и похоронены в Финляндии.

Все же за время после погребения бабушки и Гули церковные богослужения в летние месяцы совершались, начиная со Страстной недели, вплоть до середины двадцатых годов (1907 – 1925 гг.). На Страстные недели приглашались иеромонахи Череменецкого монастыря, а в летние месяцы, большей частию, – священники-педагоги. Затем отцу удалось уговорить своего друга, профессора богословия в гражданском институте – прот. Михаила Павловича Чельцова, который многие годы и служил здесь в вакационные месяцы. В его распоряжение был передан новопостроенный дом, и в нем проживала его семья, даже в тяжелые годы его арестов и отсидки. Сейчас я не могу припомнить какой год был последний, но сохранился семейный фотоснимок,

Владимир, Михаил, Евгения, Андрей и Иван Кудрявцевы. С.-Петербург. 1907 г.

«Новый» дом в Кудрявцеве. Фото 1910-х гг.

где лично я изображен в возрасте 18-20 лет, но среди прочих есть также и младший сын Чельцовых Юра, примерно четырех лет. Таким образом снимок следует отнести к 1922-1924 гг.

Много лет псаломщиком был некий Петр Иванович Богданов (?). Для него и его супруги тоже предоставлялась специальная избушка. Пел же детский хор под руководством учительницы Надежды Ивановны (?), окончившей женское епархиальное училище и работавшей в школе при деревнях Вёдрово и Корпово, построенной отцом.

Храм Св. Троицы в имении Кудрявцево. Фото 1910-х гг.

С начала революционных лет храм оставался по-прежнему в распоряжении отца и богослужения совершались в большие праздники. Но примерно в1925 году власти отобрали ключи от храма. Сам же храм оставался в прежнем состоянии нетронутым. В 1930-е гг. нас окончательно выгнали и две сестры с двумя малолетними детьми (Евгения и Е. Кондакова) временно проживали в дощатом сарае. Все постройки перешли во владение детского сада.

При выборе места для постройки храма-усыпальницы, отец воспользовался грядой рядом расположенных песчаных холмов, в полукилометровом расстоянии от усадьбы и на центральном поместил новостройку, окружив ее тремя рядами живой изгроди из сирени, террасообразно расположенные по скатам холма, они обрамляли обходную дорожку. Горизонтальную площадь в сторону усадьбы, хотя и чисто песчаную, превратили в поле. Через него проходила дорожка для соединении с домом, обрамленная кустами смородины. Выбранный холм составлял вершину равностороннего треугольника, в котором расстояния между обоими домами, а также и между каждым из них и храмом, были одинаковыми. Конечно, все эти посадки требовали привозки земли, но они все удались.

Сам храм, квадратный в плане, с алтарной апсидой, усложнялся притвором. В нем помещалась лестница, ведущая на колокольню и при ней во втором этаже находилась комната – место хора певчих, соединяющаяся с храмом широкой аркой. Иконы иконостаса исполнялись в мастерской одного из женских монастырей под С.-Петербургом (кажется, в Новодевичьем монастыре). Большое Распятие, размещенное у солеи, затемняло место псаломщика. На южной стене позади окна находилась древняя Тихвинская икона Богоматери с ризой, на которой был выгравирован вес серебра. Эта та икона, которая теперь находится в Казанском храме в Луге, но без ризы. Прочие иконы размещались на аналоях и в алтаре. Среди них следует упомянуть две иконы, подаренные академиком Н.П. Кондаковым, в связи со свадьбой его сына на моей сестре (образа Спаса и свт. Николая Чудотворца).

Интерьер Свято-Троицкого храма. Фото 1910-х гг.

Перед войной (1914 г.) город Луга сильно возрос и расширился. Появились новые пригороды. Много прекрасных дач было построено вокруг озера Омчино. Жилые дома приблизились к нашему глухому, лесному участку. Ясно, что у отца возникали мысли о принятии мер, чтобы обеспечить в дальнейшем совершение богослужений в храме-усыпальнице. Он думал положить начало к исполнению своей мечты. Поэтому он решил в первую очередь обеспечить жилой площадью причт храма. Он не только проектировал, но и построил вблизи храма каменный дом, в котором верхний этаж предназначался для квартиры священника, а первый для квартир псаломщика и сторожа при церкви. Таким образом, в имении возник третий большой дом, по размеру мало отличающийся от главного. В нем никто не успел пожить. Политическая обстановка в корне изменила надежды и мечты.

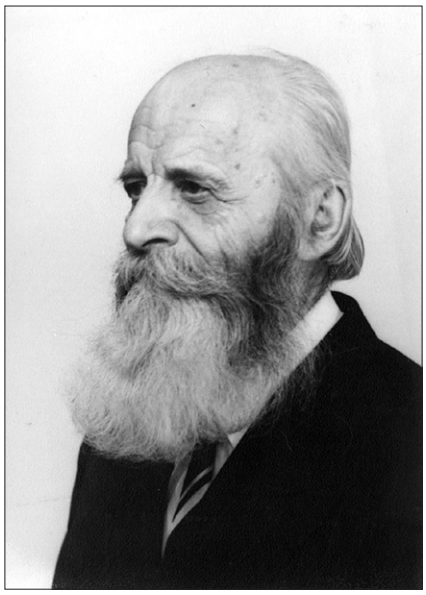
В пятидесятые или шестидесятые годы в печати сообщалось о расширении санатория «Жемчужное» (действ. – «Жемчужина» – *Ред.*), объединяющего несколько прежних владений. Между прочим сообщалось, что здание бывшей церкви предназначено для столовой и кухни. Площадь ее будет увеличена путем введения нового перекрытия, т. е. превращения здания в двух-

этажное. Дальнейших сведений нет.

Мой брат Андрей проживал в самом городе Луга до момента высылки в Финляндию (1937 г.). Раньше в Ленинграде он был репрессирован. Его исключили из института и даже из «Союза служащих», что было равносильно потери права работы. Для восстановления ему полагалось по месту прежней прописки работать по указаниям местного райисполкома какое-то время. Он неожиданно получил повестку, примерно следующего содержания:

«(Такого-то числа), лошадь везущая останки ваших покойных родственников отправляется на Врёвское кладбище. Примерно, она прибудет в город в (таком-то) часу и будет на углу (такой-то) улицы и проезда под железнодорожным мостом, встретьте и озаботьтесь копкой могил». Встреча состоялась, большие могилы были выкопаны, останки доставлены в двух ящиках размером около 80х50х40 см. Кроме того, добавлены две мраморные плиты с именами покойных, снятые со стенных панелей.

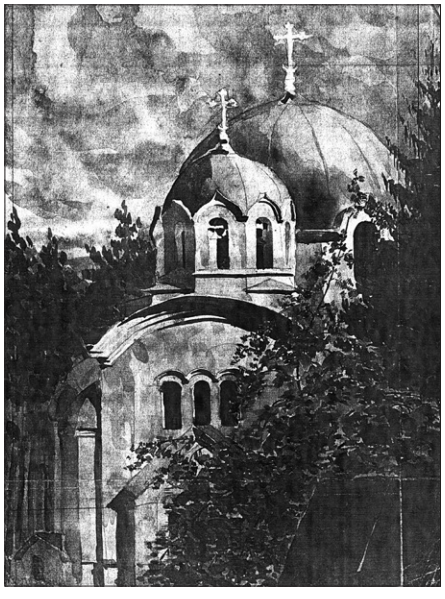
Несколько позже брата навестил один из крестьян нашей же деревни. Он рассказал, что был приглашен однажды в детский сад (разместившийся в имении – *Ред.*) для какой-то кратковременной починки и ему пришлось побывать в каком-то сарае, где на полу видел груду икон и церковной утвари. Одна икона необычного вида привлекла его внимание. Улучив время, он вновь вернулся к «груде» завернул икону в мешок и вынес ее. «Я принес ее. Передайте её барину. Он будет рад». Икона Благовещения Пресвятой Богородицы, изготовленная как подарочная от служащих Гор.[одского] Страх.[ового] О-ва к 25-ти летнему юбилею директора расп.[орядителя] Н.[иколая] Г.[алактионовича] К.[удрявцева]. Хотя и нового письма, но прекрасно исполненная, фактически копия древних образцов. Икона без стекла и киота. Вместо них она обрамлена литым серебром, сохраняя среднюю часть открытой.

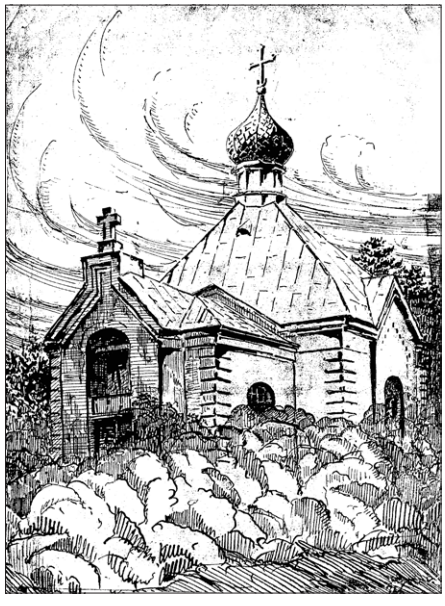
Николай Галактионович Кудрявцев (1856-1941)

Серебряное обрамление просто, уместно и украшено местами глубоким рельефом. Гравировка свидетельствует, когда и кем она заказана.

В шестидесятые или в семидесятые годы Чельцовы отважились навестить старое «пепелище». Старшая дочь, два младших сына с женами приехали в Лугу. Пешком дошли к цели и вошли в сад. Подошли к дому. Он оказался пустым, только над верандами прорезаны дополнительные окна. Взошли на крыльцо, где сфотографировали друг друга. Не заходя в усадьбу, направились к полю. Изгородь сохранилась лишь местами. Прошли по дороге вдоль поля и за ним видели прежний знакомый силуэт храма, который им показался в прежнем обличии, без каких-либо перестроек... Дальнейших сведений нет. Состояние храма неизвестно. Но известно, что все деревни на запад от города поголовно выселены. (В связи с расширением артиллерийского полигона после войны все деревни к западу от Луги были выселены – *Ред.*). Наших соседних деревень не существует. Нет больше ни Вёдрова ни Корпова, ни Лескова!!!

Казанский собор в Луге. Акварель И.Н. Кудрявцева. 1930 г.

Храм Св. Троицы под Лугой. Рисунок пером. И.Н. Кудрявцев. 1920 г.

В.А. Цыганков

ЖЕМЧУЖНОЕ ИМЕНИЕ КУДРЯВЦЕВЫХ

Еще с начала XIX века, если не ранее, в Петербургской губернии было широко известно: окрестности города Луги идеально подходят для выздоровления больных туберкулезом. Целительное природное свойство этого района послужило тому, что на рубеже XIX и XX веков вблизи деревни Ведрово, среди сосновых лесов за озером Омчино, известный петербургский архитектор Николай Галактионович Кудрявцев приобрел лесной участок для устройства усадьбы. Его сын, Галактион, в раннем гимназическом возрасте заболел туберкулезом. Для спасения здоровья ребенка врачи рекомендовали семье Кудрявцевых переселиться в окрестности Луги.

Место для усадьбы Николай Галактионович выбрал удачно: близость множества красивых озер и речек, целебный воздух соснового и елового бора да сухой, словно жемчужный, белый песок идеально подходили для поправки здоровья сына. В наше время многолетние квалифицированные наблюдения показали, что целебный воздух этой местности, наполненный эфирными маслами хвойных деревьев, очень благотворно сказывается на больных туберкулезом легких. Количество отрицательных ионов, находящихся в воздушной среде этих мест не уступает показаниям воздушной среды города Сочи.

Имение Кудрявцевых застраивалось быстро. В восточной стороне участка, в верхнем саду, был возведен двухэтажный деревянный усадебный дом, а рядом с ним домик для служащих, баня, конюшня, сеновал и мост через реку Облу. Расположение дома впоследствии оказалось неудобным: рядом с ним проходила дорога из Луги и мельницы Штоля через новопостроенный мост на деревни Корпово, Ведрово и Лесково. Кроме того, настил близлежащего моста использовался деревенской молодежью как площадка для танцев и пения под гармонь. Именно этими обстоятельствами объясняется строка в воспоминаниях Ивана Николаевича Кудрявцева, младшего сына Николая Галактионовича: «Место жилого дома для семьи с больным сыном не могло вполне отвечать своему назначению». Новый двухэтажный каменный дом Н.Г. Кудрявцев выстроил в полукилометре от первого (в советский период был надстроен третий этаж).

Строительство, которое развернулось в имении Кудрявцевых, совпало по времени с решением лужских городских властей возвести на пересечении Тверской улицы (ныне Гагарина) и Лисьего переулка храм во имя Казанской иконы Божией Матери. Инициаторами его строительства и жертвователями стали городской голова И.В. Якшинский, потомственный дворянин Д.М. Краевский, отставной генерал-майор А.А. Пешков. Переезд Николая Галактионовича в окрестности Луги определил выбор городскими властями исполнителя проекта нового храма. Проект поручили Н.Г. Кудрявцеву.

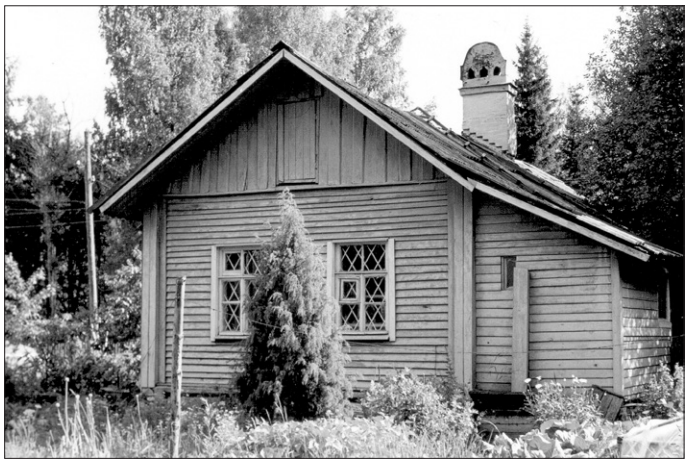

Кудрявцево. Каменный (новый) усадебный дом. Южный фасад. Современный вид

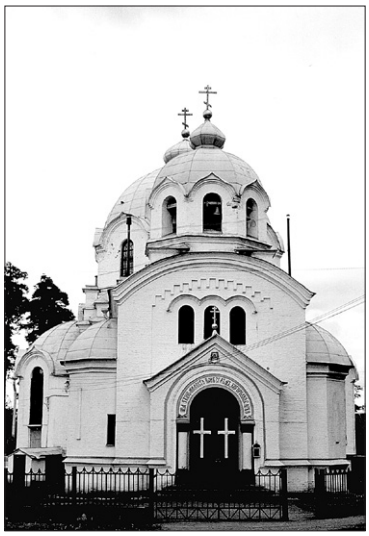
В 1901 г. проект Николаем Галактионовичем был завершен, а уже в 1903 г. состоялось открытие Казанской церкви. В 1904 г. Н.Г. Кудрявцев спроектировал и возвел колокольню храма. В том же году по названию церкви Лисий переулок переименовали в Казанский. Новый храм (впоследствии собор), выполненный в русско-византийском стиле с обращением к традиции храмоздательства Древней Руси, стал заметным архитектурным украшением небольшого уездного города.

В 1907 г. после смерти от туберкулеза сына Галактиона, архитектор приступил к возведению еще одной церкви – Троицкой, в собственном имении, которая должна была стать семейной усыпальницей. В день Пресвятой Троицы 1907 г. храм был освящен.

Николай Галактионович вплоть до революции продолжал активное строительство и благоустройство земельных угодий. Завершив расчистку дорог на Лугу и Корпово, возведя большой каменный дом для

Кудрявцево. Домик для служащих имения. Современный вид

Луга. Казанский собор. Архитектор Н.Г. Кудрявцев

Троицкая церковь в имении Кудрявцевых Современный вид

церковного причта рядом с Троицкой церковью, архитектор направил свою неиссякаемую созидательную деятельность за пределы имения. В Старом Жемчужино он выстроил для крестьян каменную баню, а между деревнями Ведрово и Корпово возвел прекрасное каменное двухэтажное здание церковно-приходской школы. Расходы по ее содержанию Н.Г. Кудрявцев также взял на себя. Благоустроенность земельных угодий в Ведрово – также заслуга Николая Галактионовича. В этот период архитектор спроектировал и выстроил двухэтажное деревянное здание церковно-приходской школы в Иоанно-Богословском Черменецком мужском монастыре.

Само имение Кудрявцевых было окружено целебной атмосферой в прямом и переносном смысле. О целебном воздухе мы упоминали в начале нашего повествования. Но благотворное влияние на людей оказывал также психологический настрой хозяина имения.

В советский период те, кто служил до революции в имении Кудрявцевых, вспоминали, что Николай Галактионович отличался необыкновенным добродушием и справедливостью. Своих работников он не только никогда не обижал, но и учил крестьян не таить обиды друг на друга. Когда кто-либо из работников приходил к Н.Г. Кудрявцеву с обидами на своих товарищей, он неизменно спрашивал: «Ты обижен?» Если Николаю Галактионовичу отвечали «обижен», то он сразу подводил резюме: «Если обижен, значит о тебе говорят не напраслину, а правду!» И крестьянин понимал очевидное: правый не обижается, не спорит, не вступает в распри. Так в имении между людьми устанавливалась добрая психологическая атмосфера.

Много замечательных строений возвел бы архитектор Кудрявцев, если бы не революция. В 1936-1938 гг. Кудрявцевы, за исключением Михаила Николаевича, сына Николая Галактионовича, были высланы в Финляндию, а в их имении разместился санаторий «Жемчужина».

За время советской власти часть построек Н.Г. Кудрявцева в Лужском уезде была разрушена: церковно-приходские школы (в Черменецком монастыре и между Корпово и Ведрово), дом для причта Троицкой церкви, часть хозяйственных строений имения. Исчезли с лица земли деревни Ведрово, Корпово, Лесково. Усадебным домам имения Кудрявцева требуется ремонт, на который нет денег. Стоит без куполов и крестов Троицкая церковь. Когда-то в ней администрация санатория устроила клуб. В годы разрухи последнего десятилетия не только церковь, но и клуб властям стали не нужны. Стоит теперь храм Пресвятой Троицы разоренный, заколоченный и всеми забытый. Унылое впечатление производят частично сохранившиеся аллеи и заброшенный сосновый парк.

Церковно-приходская школа между деревнями Корпово и Ведрово; выстроена арх. Н.Г. Кудрявцевым. Акварель. Худ. Н.А. Павлючук

Впрочем, имя Кудрявцевых не забыто в их имении. Нынешние работники санатория и старожилы по-прежнему называют свой поселок «Кудрявцево». Многие помнят давний приезд сюда Михаила Николаевича Кудрявцева. Некоторые спрашивали у меня с надеждой: «Приедут ли к нам хозяева?». Слово «хозяева» произносили с теплотой. Людям, прожившим здесь много лет, понятно: без настоящих хозяев имение Кудрявцевых не сможет быть жемчужиной усадебного зодчества Лужского края.

Л.И. Соколова

НЕСЕНИЕ СКОРБЕЙ. СЕМЬЯ МУРАВЬЕВЫХ

К жизнеописанию прп. Серафима Вырицкого

«Приходите ко мне на могилку, как к живому..». – призывал преподобный Серафим Вырицкий, получивший это имя по месту своего последнего земного пристанища – поселка Вырица.

Идут люди в этот дивный уголок русской земли, расположенный в 60 километрах от Санкт-Петербурга на живописных берегах реки Оредеж, среди вековых сосен. Едут к батюшке Серафиму, и, как у могилки блаженной Ксении Петербургской, оставляют между бревен вновь выстроенной часовни записочки со своими мольбами. Кажется, нам многое известно об этом великом старце и все же...

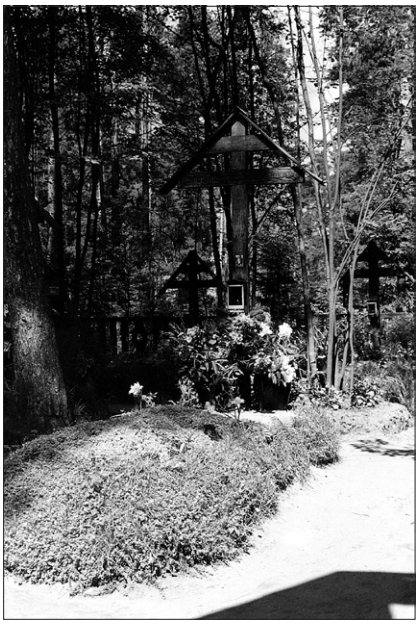
«Еще при жизни старец говорил, – пишет в своей книге биограф преподобного А. Трофимов, – что вокруг его имени будет много различных мнений, будет много непонятного людям, и не нужно этим смущаться. Если Господь благословит, то со временем все откроется».[1]

Открывая новую, неизвестную страницу в семейной жизни преподобного Серафима Вырицкого, связанную с трагической судьбой его единственного сына, иначе, более глубоко, высвечивается христианский подвиг святого, ставшего поистине жемчужиной в духовной короне русского старчества.

Даже изучив новые архивные материалы, мы не в силах осознать всю глубину душевных переживаний отца Серафима. Это невозможно. Но стало возможным увидеть

Богомольцы у могилы старца иеросхимонаха Серафима Вырицкого

Вырица. Могила прп. Серафима Вырицкого возле Казанской церкви. Фото 1990-х гг.

реальную человеческую жизнь, понять его скорби, и без пышных слов о величии подвига преподобного, постигнуть истинное величие этого подвига. Скорби земной человеческой жизни часто ведут к святости, если человек, конечно, делает добровольный выбор на этом пути. Так случилось в жизни Ксении Блаженной и неизвестно, была бы у нас такая святая, если бы не постигла ее великая скорбь потери близкого человека. Так было и в жизни отца Серафима: семейные скорби привели его к святости.

Преподобному Серафиму было открыто прошлое, настоящее и будущее. Он стал пророком судеб России, вместил в себе великий подвиг монашества, но враг рода человеческого послал тяжелые искушения скорбями через дорогого ему человека – сына. Наш рассказ о том, как по-разному прошли свой земной путь несчастный сын и святой отец, основан на открытии новых архивных документов. Сразу предотвратим вопрос: может ли жизнь сына бросить тень на имя святого преподобного Серафима Вырицкого? Нет, ни в малейшей степени. Никто не только не имеет право бросить камень в святого, но напротив, постигая его скорби, должен постараться понять подлинную человеческую жизнь таких же как мы людей, но и несколько иных – претерпевших все до конца.

Отец

Преподобный Серафим Вырицкий, в миру Василий Николаевич Муравьев, был родом из Ярославской губернии. Отец его – Николай Иванович и мать – Хиония Алимпиевна, были крестьянами. Будущий старец родился 31 марта 1866 года в деревне Вахромеево Арефинской волости Рыбинского уезда и был крещен с именем Василий. Известно, что когда Васе было 10 лет, он стал главой семейства: отец умер, на руках осталась больная мать и сестренка Олечка, вскоре скончавшаяся. Приказчик из столицы, чтобы помочь матери, взял Васю с собой, и все заработанные деньги мальчик отправлял домой. Городская жизнь не закружила его в вихре столичных соблазнов, нет, он задумывался о монашестве, и даже однажды пришел в Лавру с желанием остаться в ней, но воли Божией на то еще не было, и юноша получил благословение жениться, а затем, по согласию с супругой, уйти в монастырь.

Никто не мог тогда даже представить, что будущему старцу Серафиму придется познать все перепетии семейной жизни через неурядицы своего сына, пропустить через свое отцовское сердце, выстрадать и выдержать их.

Но это случится позже, а пока обратимся к тому времени, когда Василий начинал строить семью. Сначала он наладил свое дело: торговлю мехами, и, став крупным мехоторговцем, женился на Ольге Ивановне Нетрониной.[2] Это произошло примерно в 1894 году. Благословение на брак будущие супруги получили от старца Гефсиманского скита Свято-Троицкой Сергиевой лавры иеромонаха Варнавы (Меркулова), имевшего от Господа дар утешения, и впоследствии окормлявшего чету Муравьевых. С женитьбой на Ольге число родных у Василия Муравьева увеличилось. Отец жены – Иван Григорьевич Нетронин был женат на простой женщине, Анне Тихоновне, и имел в Рыбинске собственный дом. Он держал небольшую портняжную мастерскую. В 1900-1901 году Иван Григорьевич закрыл ее и переехал в

Рыбинск – родина В.Н. и О.И. Муравьевых. Крестовая улица и часовня Югской Дорофеевой пустыни

Прп. Варнава Гефсиманский. Старец-утешитель, духовник Василия Николаевича Муравьева

деревню Якушки, в 5 верстах от Рыбинска, где и остался жить в собственном доме на доходы, получаемые от хозяйства, оставленного в Рыбинске.

У Ольги, супруги Василия Николаевича Муравьева, были четыре брата: Иван и Григорий, умершие довольно рано; Александр, родившийся в 1881 г. глухонемым, помещенный впоследствии в дом инвалидов около Волховстроя, и Владимир, 1885 года рождения, который окончил Санкт-Петербургский университет и жил с женой Евгенией Александровной и дочерью Татьяной (1907 г. р.) в Петрограде на улице Жуковского 18-15. Сестра Ольги Мария, родившаяся в 1879 году, овдовев, вышла замуж второй раз, получив фамилию Желвакова. В советские годы она жила в Рыбинске на ул. Дзержинского на иждивении дочери-учительницы.

Помимо родных братьев и сестры, у Ольги были двоюродные: брат Иван Григорьевич, инженер, проживавший в Нижнем Тагиле и сестра Анна Григорьевна – зубной техник, жившая с матерью.

Молодая семья Муравьевых занималась торговлей довольно успешно, и вскоре стала известна в Петербурге. В списке жителей Петербурга купец В.Н. Муравьев с 1900 по 1906 годы числился проживающим по Гороховой ул., 56. В 1905 г. он стал действительным членом Ярославского благотворительного общества.

Летом семья Муравьевых отдыхала в Павловске. В 1907 году купец Василий Муравьев купил 2-х этажную дачу из 10 комнат в поселке Тярлево, на краю Павловского парка, неподалеку от Царского Села и переехал туда на постоянное жительство, поэтому в списке жителей Петербурга он не значился до 1913 года. (Дом, в котором проживала семья Муравьевых в Тярлево, располагался по Большой ул., 3, на берегу Гуммолосаровского ручья и рядом с платформой Тярлево, находившейся на железнодорожной ветке, ведшей к Павловскому музыкальному вокзалу. До сего времени б. дом Муравьевых, где их семья в общей сложности проживала до 1920 г., не сохранился. На его месте сейчас располагается спортив-

ная площадка местного технического училища (№ 118), выстроенного в 1975 г.. От бывшего сада Муравьевых сохранились лишь старые деревья. – *Ред.*).

Василий Николаевич Муравьев выезжал за границу, имел обширные связи и знакомства, немалый доход, который составлял в среднем 90 тыс. рублей годовых. Не раз пришлось ему годы житейской учебы выезжать зарубеж, где в Лейпциге он встречался с Мироном Ильичем Иассельсоном, доверенным лицом которого по Петербургскому отделению его фирмы Василий Николаевич был с 1910 года с содержанием 300 рублей в месяц.

По возвращении из заграницы, в семье Муравьевых появился новый человек, о котором нельзя не сказать: столь значительна оказалась роль этой женщины в жизни семьи, и столь малое значение этому факту придавалось исследователями жития отца Серафима.

Это была купеческая дочь Вера Шихобалова. С 14-ти лет девочка находилась в Воскресенском Новодевичьем монастыре. Заболев нервным заболеванием, она попала в монастырскую больницу, а затем оказалась в семье Муравьевых. В 1911-1912 годах Вера вместе с Ольгой Муравьевой имела в Рыбинске антикварный магазин. Это говорит о том большом доверии, которое семья Муравьевых питала к этой девушке, являвшейся фактически членом семьи. Муравьевы в это время имели приличное состояние и держали несколько больших магазинов в столице, в частности, на Гороховой улице, в домах 56 и 65. В печатных справочниках «Справочная книга о лицах петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших с 1 ноября 1915 г. по 1-е января 1916 г. сословное свидетельство по 1 и 2 гильдии, промысловое свидетельство 1 и 2 разряда на торговые предприятия, 1-5 разряда на промысловые предприятия 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия» значится, что В.Н. Муравьев живет с 1915 года в Спасской части, 2 участок, Апраксин пер., 20. Сословное свидетельство 2 гильдии № 3734.

Павловск. Музыкальный вокзал

Сын

Сын прп. Серафима Вырицкого – Николай Васильевич Муравьев, родился 30 января 1895 года в Санкт-Петербурге.

В возрасте 7-ми лет вместе с родителями Николеньку возили в Западный край (Царство Польское) и заграницу. Он увидел Варшаву, Берлин и Лейпциг. Детские впечатления мальчика на всю жизнь сохранили воспоминания о непривычных католических храмах. (В 1905 г. семья Муравьевых: Василий Николаевич с Ольгой Ивановной и сыном Николаем посещают Варшаву, где останавливаются в одном из лучших городских отелей «Бристоль» на Краковском предместье, рядом с кафедральным православным Александро-Невским собором – *Ред.*).

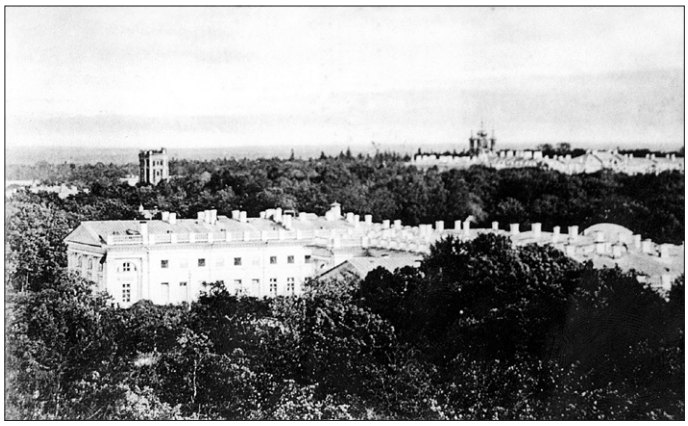
Семья Муравьевых. Берлин. 1900 г.

О.И. Муравьева с сыном Николаем. Павловск. Лето 1902 г.

Семья Муравьевых. Варшава. Около 1905 г.

Царское Село. Общий вид на город и Александровский дворец. Фото 1900-х гг.

Предположительно в 1907 г. Николай поступил в Царскосельскую Императорскую Николаевскую мужскую гимназию, директором которой в это время был известный поэт и педагог Иннокентий Анненский, а среди учеников были Н.С. Гумилев, В.В. Рождественский, Э. Голлербах и многие другие известные люди. Эта была элитная гимназия, куда возили учиться детей из Петербурга. Здание располагалось на углу Малой и Набережной улиц. Рядом находился Императорский дворец с поэтическими аллеями Царскосельских парков, где часто можно было видеть Царскую Семью и где гуляли Августейшие Дети.

Николай Муравьев. Царское Село. 1908 г.

Царское Село. Николаевская Императорская мужская гимназия. Фото 1900-х гг.

Воздух Царского Села, пропитанный поэзией А.С. Пушкина, не мог не затронуть поэтической струны впечатлительной натуры. Николай Муравьев начал писать стихи. К тому же он был красив, высок ростом, – натура экзальтированная и мечтательная.

После окончания гимназии в 1914 году, Николай поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета. Здесь он под влиянием нигилизма, отвергавшего национально-религиозные основы русского общества, увлекается католическим учением. В 1914 году он изменяет Православию, принимает католическую веру, мечтает стать ксендзом.[3] Это впоследствии привело к одной из самых страшных трагедий его жизни.

Перемена веры в то время было не таким уж редким, но всегда прискорбным явлением. Протоиерей Н. Дроздов в своей статье «Перемена веры»,[4] сообщает о том, что окормляя колеблющихся людей священнослужители часто пропускают эту болезнь, «когда уже никакие бальзамы не исцелят смертоносной язвы. Да к довершению беды – и срок-то увещевания краток до жалости, – получается какая-то игра в формальность при вопросах величайшей важности. Грустно...» – заключает он.

Католическая вера не дала молодому Николаю Муравьеву крепости души. Он все искал и не мог найти тот спасительный Божий лучик, за который надо было держаться всю жизнь. Увлечение католицизмом стало стеной, загородившей этот спасительный луч.

Через год Николай Муравьев бросил учебу в университете, и мучительно искал свое место в жизни, но все человеческие планы разрушила начавшаяся Первая Мировая война. Впоследствии Николай рассказывал знакомым о том, что он поступил вольнонаемным (определяющимся? – *Ред.*) в I-ю Авиационную роту и стал ефрейтором.[5] Казармы этой роты находились недалеко от Феодоровского городка в Царском Селе и предназначались для охраны Царской Семьи. (Летом 1915 г. был образован особый авиационный отряд для обороны Царской резиденции. В июне 1915 г. летчики прибыли в Царское Село. В течение нескольких месяцев для них были выстроены деревянные казармы, составлявшие ансамбль построек, выполненных в русском стиле – *Ред.*). С 1916 года рота, по некоторым данным, стала гвардейской. (Но в 1941 году во время следствия по делу Николая Муравьева, работники НКВД сделали запрос, не подтвердивший, что Н. Муравьев числился в I-й Авиационной роте). Затем Николая перевели на театр военных действий во II-ю Воздухоплавательную роту.[6] Проверить эту информацию не представляется возможным, так как архив этой роты не сохранился.[7] После контузии, в 1916 году, молодой человек оставил военную службу: лечился в Николаевском госпитале, в

лечебнице доктора Конасевича. Поправившись, он, используя связи отца, пошел служить в банк «Общества военного кредита».

Душа Николая металась. Она искала земного счастья, и не давала власти над собой. И он решил, что душевный покой можно найти в семье, уйти от этого бушующего революцией мира, где столько измен и предательств; ему хотелось жить не во лжи и – он женился. Это произошло в 1917 году. Его жена – мещанка, родом из московских евреев, Евгения Ивановна Любарская, была моложе мужа на пять лет. Некоторое время супруги жили в Рыбинске, где Евгения все же смогла устроиться на работу в такое трудное время.

Василий Николаевич Муравьев. Петроград. 1916 г.

Семья требовала средств: вскоре у молодых родилась дочь Маргарита. Николай вернулся в Питер и, вновь воспользовавшись старинными связями отца, устроился в Петроградский отдел Московского купеческого банка. В 1918 году банк ликвидировали, как пережиток прошлого. Николай пытался уйти через фронт к ген. Юденичу, но к 1920 году сопротивление этой армии было сломлено, и тогда ему пришлось устроиться в войска Красной армии на незначительную должность, как это делали многие верующие в то время, чтобы быть подальше от сокрушающих все прошлое, разрушительных действий советской власти и все-таки выжить. Николай болел, лечился и опять оставил службу. Много профессий пришлось сменить ему: работал в клубе, был чернорабочим и рабочим в трудовой артели, делопроизводителем в различных конторах и агентом на промышленной выставке. В это тяжелое время кругом царил хаос, люди с трудом могли найти работу. В итоге Николай стал безработным.

Жизнь сына пошла не по тому руслу, о котором мечтали родители, она явно не складывалась, а события в стране только способствовали этому.

Возможно именно все эти обстоятельства усилили желание родителей уйти из суетного мира, чтоб посвятить себя подвигу молитвы.

Ольга Ивановна Муравьева, Вера Дмитриевна Шихобалова, Николай Васильевич Муравьев, Василий Николаевич Муравьев. Около 1914 г.

Родительский подвиг

«Враги человеку – домашние его» (Мих. VII, 6; Мф. X, 36) – сказано в Писании. Измена сына православной вере не могла не врезаться острием щемящей тоски в родительское сердце. Существование в православной семье католика – не такое уж простое и частое явление в русской семье. Это несчастье объединило родителей, укрепило в вере, скорбь о сыне приблизила к Богу, заставила покориться воле Божией. Они молились о вразумлении сына, но приняли более радикальное решение – приняли монашество.

Василий Николаевич Муравьев до 1920 года занимался распродажей своего имущества, готовясь одновременно с женой уйти в монастырь. «Василий Николаевич Муравьев... совершает неизъяснимый для обычного человеческого разума поступок – он закрывает свое дело, наделяет щедрыми пособиями всех своих служащих, а основные капиталы жертвует на нужды Александро-Невской лавры, Воскресенского Ново-Девичьего женского монастыря в Петербурге и Иверского Выксунского женского монастыря в Нижегородской губернии, основанного его духовным отцом, старцем иеромонахом Варнавой».[8] Теперь его поступок становится вполне понятным и объяснимым.

Закончив дела своей фирмы, Василий Николаевич 12 сентября 1920 года подает в Александро-Невскую лавру прошение:«Давно имея желание посвятить себя на служение Господу Богу и Его Святой Обители, обращаюсь с покорнейшей просьбою к Духовному Собору и земно кланяюсь, прося принять меня в число братии святые обители Александро-Невской лавры». Он был принят в число послушников и получил первое послушание пономаря. Определили его на место предыдущего послушника по указанию ризничего с соответствующим пономарским содержанием.

Петроград.
Свято-Троицкая Александро-Невская лавра.
Братия обители во главе
с епископом Шлиссельбургским Григорием.
Иеросхимонах Серафим, духовник лавры,
стоит второй справа в ближнем ряду.
2 августа 1928 г.

Тогда же в Лавру поступают прошения с просьбой принять в число братии: от Петра Югенсона из Самары, Алексея Фомича Мясникова, Николая Иностранцева – 57 лет, звонаря Николая Горячева, студентов Богословского института Игоря Акулова и Юлиана Коняткевича. Приходили сюда и иеромонахи из уже разоренных обителей.

Принятие пострига во время открытых гонений на Церковь достойно не только удивления, но и нижайшего поклона. Так на одном прошении была такая характерная для того времени резолюция: «то обстоятельство, что он ищет монашества сейчас, зная все внешние тяготы жизни в Лавре, является показателем непреклонности его желания».[9] Это в полной мере относится и к Василию Николаевичу Муравьеву, принимавшему монашество именно в такую годину. Хотя в Лавру постоянно поступали прошения о приеме в обитель, были случаи и ее оставления.[10] Один иеродиакон, бывший свидетелем убийства протоиерея Петра Скипетрова, потрясенный этим событием, просил снять с себя сан и уехал на родину, но там, увидев все ужасы творимые большевиками, разобравшись в своем состоянии, написал покаянное письмо, полное горечи и раскаяния, с просьбой не придавать значения первому прошению, и принять его в обитель.

Наместник Александро-Невской лавры архим. Николай (Ярушевич) в это время страдает «нервным переутомлением, выраженным в сильных головных болях и острых болях в области сердца. Ему необходим абсолютный покой один месяц и пребывание на чистом воздухе» – из этого заключения врача мы видим в какой напряженной обстановке приходилось жить братии.[11]

1/14 октября 1920 года «послушник св. обители грешный Василий» подает прошение о совершении над ним чина пострижения в монашество.[12] Постриг был совершен с наречением ему имени Варнава 16/19 октября в лаврской церкви Святого Духа. Вскоре монах Варнава был возведен в сан иеродиакона.

1 марта (н. ст.) 1921 года казначей Александро-Невской лавры иеромонах Иоасаф сдал дела в должности заведующего кладбищенской конторой вновь назначенному архим. Стефану,[13] а последний 24 мая в Духовный Собор Лавры подал следующий рапорт: «Имею честь доложить Духовному Собору, что назначенный было зав. конторою, а ныне состоящий моим помощником, иеродиакон о. Варнава вполне усвоил весь порядок дел в конторе. Считаю своим долгом засвидетельствовать, что о. Варнава с большим участием относится ко всем заказчикам и с готовностью принимает их во всякое время. В виду вышеизложенного имею честь покорнейше просить Духовный Собор возложить мою должность на иеродиакона Варнаву, меня же оставить причисленным к конторе с тем, чтобы о. Варнава имел свободные дни – потому что я не могу оставаться подолгу без совершения Богослужения». Резолюция об удовлетворении прошения была подписана 6 июня 1921 года.[14] Через две недели о. Варнава подает рапорт с просьбой назначить его помощником иерод. Гурия с сохранением за ним должности рассыльного. «К сему имею честь присовокупить, – пишет он, – что хотя архим. Стефан и продолжает руководить мною и дежурить за меня 1 раз в неделю, но он просит, чтобы его совершенно освободить от занятий конторой; я же без помощи взять на себя всю работу по конторе не могу, потому что в виду переживаемого времени приходится принимать заказы, особенно на отпевание в течение целого дня и при этом делать немедленные распоряжения относительно назначения иеромонаха, певца, открытия своевременно церкви сторожу, заготовления просфор и, очень часто, приглашения певчих. При этом, как известно, встречается множество затруднений».[15] Наместник не нашел возможным удовлетворить это прошение. 11 сентября

1921 г. митрополит Вениамин возвел иеродиакона Варнаву в сан иеромонаха.[16]

В 1922 году иеромонах Варнава к празднику св. блгв. кн. Александра Невского был награжден набедренником за понесенные им труды.[17] Отец Варнава несет послушание свечника, что не представляет для него большой трудности, поскольку бывшему купцу, имевшему дело с огромными капиталами, даже послушание казначея Лавры давалось легко. Другое дело духовная, монашеская жизнь, полная искушений. Как искушает враг принявшего обеты чернеца, хорошо знает только тот, кто испытал это на себе. Когда в Петрограде шел процесс над митр. Вениамином, иеромонах Варнава находился в отпуске, у постели больной матери.[18]

Обитель переживает трудные времена. Начинается обновленческий раскол. В 1923 г. кризис был преодолен, большинство приходов Епархии вернулись к свт. Патриарху Тихону. Лавра остается центром духовной жизни Петрограда.

Иеромонах Варнава продолжал нести свой крест: он был избран духовником Лавры (в конце 1926 г. – в начале 1927 г. – *Ред.*) и оставался им более трех лет, проживая в Лавре, ориентировочно, до весны 1930 г.

Бывшая супруга батюшки, Ольга Ивановна, уйдя в Воскресенский Новодевичий монастырь, взяла с собой внучку Маргариту. В этой обители Ольга Ивановна приняла монашеский постриг с именем Христина. Мать Христина стала заместительницей настоятельницы монастыря игумении Феофании (Ренталь), имела право благословлять монахинь. (О.И. Муравьева и м. Феофания были знакомы еще, по крайней мере, с 1900-х гг., когда м. Феофания была казначеей обители. Об этом свидетельствует и фотография, сделанная в 1906 г. – *Ред.*). В ее келии висел огромный портрет Государя Императора Александра II, что впоследствии дало повод окружающим говорить о том, что, якобы, она является царской дочерью. В действительности же Ольга свою мать не помнила и не исключено, что была приемной для своих родителей. Впоследствии все родственники отрицали какое-либо отношение монахини Христины к Царской Семье. Но это и понятно: не могли не отрицать. Подобное признание в 30-е годы означало подписать себе смертный приговор, хотя скорее всего разговоры о связи с Царской Семьей основывались на вымысле, но прискорбно, что они упорно распространялись именно Верой Шихобаловой, которая, кстати сказать, вместе с О. И. Муравьевой вернулась в Новодевичий монастырь.

Казначея Воскресенского Новодевичьего монастыря монахиня Феофания и Ольга Ивановна Муравьева. С.-Петербург. Ок.1906 г.

Впоследствии она приняла постриг с именем Иоанны, а когда мать Христина покинула обитель, заняла ее место подле игумении, став ее секретарем.

Скитания сына

В то время, как супруги Муравьевы покинули свой семейный дом, взяв на себя великий подвиг монашества, их единственный сын остался в миру, терзаемый страстями и суетными искушениями, но связь с родителями не прекращается: Николай встречается с отцом и бывает у матери. Не забывает он и бабушку Анну, которую навестил в 1920 году в деревне Якушево Ярославской губернии.

В 1921 году брак Николая распался. Вскоре Евгения вышла замуж, (сменив фамилию на Каталину) и поселилась на Петроградской Стороне, на Павловской ул., д. 11, в кв. 27. С 1922 года их дочь Маргарита воспитывалась бабушкой-монахиней.

Нетрудно себе представить состояние впечатлительного Николая после развода с женой, да еще совершенно неустроенного в быту, без работы и денег. Отец Варнава предпринимает попытку отправить сына заграницу (об этом свидетельствуют документы следствия, в которых упоминается, что о. Варнавой было написано письмо Вел. Кн. Николаю Николаевичу с просьбой позаботиться о сыне). Но поездка не состоялась из-за второй женитьбы Николая Муравьева в 1922 году на артистке эстрады Марии Николаевне Кузьминой, которая была моложе супруга на 7 лет. Через год у них родилась дочь Ольга – вторая внучка отца Серафима.

Впоследствии Мария Николаевна, расставшись (в 1925 г.) с Николаем Муравьевым, вышла замуж за артиста Георгия Давыдовича Местиеева, который, по-видимому, удочерил Ольгу. К тому же у них родился свой сын Георгий, на пять лет моложе сестры. (В начале 1940-х годов, перед войной, Ольга жила с матерью под фамилией Местиашвили на Нижегородской ул., д. 23а, кв. 5.)

В январе 1924 г. Николай побывал в Орле у своего шурина (брата жены) Георгия Николаевича Кузьмина. В это время он не работал, оставив временную работу на Октябрьской железной дороге. Ему было 29 лет. Супруги жили тем, что Николай продавал свои вещи. Это продлилось до его ареста в 1924 г.

26 сентября 1924 года в квартире 2, дома 30 по Большому Смоленскому пер. (ныне ул. Ольминского) раздался стук в дверь. Николай вздрогнул. Полуторагодовалая дочь Ольга заплакала. Явившиеся ночью люди велели Николаю собираться...

Три дня на допрос не вызывали. Ожидание томило. На это была рассчитана тактика следствия. С 29 сентября начались допросы. Николай держался стойко на всех четырех допросах. Окружение семьи Муравьевых было хорошо известно следователю, поэтому он спросил:

– Знаете ли вы Шихобалову ?

– Она не была нашей родственницей, была монахиней, но ушла из монастыря, жила в семье, а затем вновь вернулась в него в 1919 году.

На допрос вызвали жену Марию Николаевну. Ей было 22 года, но она отличалась стойкостью и порядочностью: все отрицала и мужа никак не выдала, сказав лишь, что его отец был казначеем в Лавре. Но следователь уже знал из показаний Е. Л. от 7 октября, что семья «имела знакомство с Путятиным*** и Марией Павловной,** которые ходили в дом Муравьевых и они к ним»[19] и что Николай хотел выехать заграницу.

«В старое время – показал Николай, – у отца моего были [среди знакомых] лица, служившие во дворцовом ведомстве, как, например, Путятин Михаил Сергеевич.* Они ходили к нему в магазин».[20] Следствие, безусловно, интересовала именно эта связь иеромонаха Варнавы.

Дело Н.В. Муравьева 1924 года фактически сфабриковано, и не вызывает ни малейших сомнений в мужественном поведении Николая. 28 октября 1924 года ему зачитали обвинительное заключение, которое было основано на «*агентурных данных* и показаниях свидетелей»: обычное для того времени обвинение, предъявлявшееся тогда многим невиновным людям.

Для полноты впечатления приведем текст обвинительного заключения. Николай обвинялся в том, что «после революции бежал за границу к белым, где и служил в армии Юденича. Вернувшись в Ленинград, занялся спекуляцией валюты и кокаином... Отец его,

Родовой образ семьи Муравьевых – Казанская икона Божией Матери (ныне находится в Вырицком Казанском храме)

Муравьев Василий Николаевич, был крупным мехоторговцем, в данное время монах в Александро-Невской лавре по имени Варнава...

Мать его находится в Новодевичьем монастыре, по имени Христина, которая посылала его с пакетом в Германское консульство... Вышеупомянутые Муравьевы до революции пользовались большим преимуществом при дворе Романовых и в данное время с ними имеют связь.

Арестованный 26 сентября с. г. гражданин Муравьев Николай Васильевич на следствии виновным себя не признал»[21]...

Связь с заграницей – вот что было так важно для НКВД. Очень похоже на то, что сам Николай Муравьев мало интересовал следствие. Жало следственного дела было направлено глубже, на отца – иеромонаха и главного свечника Лавры. Надо же было властям контролировать жизнь обители. И тогда становится понятно, почему о. Варнаву не арестовали и не расстреляли, как других подвижников. Чекисты оставили его на свободе, чтобы отслеживать жизнь верующих и знали каждый его шаг, сын – хороший предлог для этого. Таким образом понятно, что жизнь Муравьевых проходила под зорким оком «органов». Несомненно, что и среди близкого окружения семьи были люди, доносившие в НКВД.

Николая выслали из Ленинграда без права жить три года в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Харькове, Ростове на Дону и их губерниях.[22] Местом ссылки он выбрал родной город родителей – Рыбинск. 2 января 1925 года он был освобожден из-под ареста и вскоре уехал к месту ссылки. Но в этом же году он приезжал в Ленинград для встречи с женой Марией Николаевной, проживавшей на Нижегородской ул., 23а. Пробыл он в городе всего три

*Князь Путятин Михаил Сергеевич (1861-1938) – генерал майор, с 1895 года штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка, затем штабной офицер для особых поручений при управлении гофмаршальской части Министерства Императорского Двора до 1910 года, а с 1 января 1911 года начальник Дворцового Управления. Позднее – в эмиграции.

**Великая Княгиня Мария Павловна – младшая (6.04.1890-13.12.1958). Дочь Великого Князя Павла Александровича, воспитывалась Вел. Кн. Елизаветой Феодоровной и Вел. Кн. Павлом Александровичем. С 20.04.1908 – замужем за принцем Вильгельмом Шведским, Герцогом Зюдерманландским. Разошлась с супругом в марте 1914 г. Второй раз вышла замуж за князя С.М. Путятина. В годы Первой Мировой войны – сестра милосердия на фронте в Восточной Пруссии, затем – во Пскове. В эмиграции жила во Франции, Аргентине, умерла в Германии. Похоронена в усыпальнице гр. Бернадотов на Боденском озере.

***Князь Путятин Сергей Михайлович (Гуля) (19.12.1893-26.02.1966). Старший сын кн. М.С. Путятина. Офицер квартировавшего в Царском Селе лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. Женат на Вел. Кн. Марии Павловне (младшей). От брака у них родился сын Роман (род. 1918). С 1919 – в эмиграции.

дня, из которых первый ночевал в гостинице на Староневском проспекте, второй – провел в своей квартире на Заневской заставе, а на третий день отправился к тестю, где у родителей Марии Николаевны его задержали и отправили под арестом в тюрьму. Продержав там 1,5 месяца, сына отца Варнавы выслали в Рыбинск. Никаких документов об этом задержании нет, видимо, Н.В. Муравьева держали в милиции для устрашения.

С этого времени Николай живет в политической мышеловке, которая должна была рано или поздно захлопнуться.

В 1925 году Николай женился вновь: его избранницей стала Антонина Александровна Горностаева, которая в 1927 году родила ему сына Александра. У Антонины была большая семья: четыре брата – Борис, Николай, Константин и Геннадий, а также – сестра Ольга. Начиная новую жизнь, Николай пытался найти работу и в 1929 году стал сотрудничать в газете «Рабочий пахарь», исполнял обязанности заведующего отделом журнала «Суд идет», а затем переехал в г. Кинешму Ивано-Вознесенской области, где устроился работать агентом в окружном финансовом отделе. Через год он попал под сокращение, и вновь начались его мытарства в поисках работы.

Принято считать, что весной 1930 года отец Варнава покинул свою, сохранившуюся до сих пор келию в Феодоровском корпусе Александро-Невской лавры. Видимо, к тому времени он уже принял схиму и новое имя – Серафим.* Однако его сын указывает 1929 год – как год оставления отцом Лавры.[23] Неизвестно, сразу, или через какое-то время, но прежде, чем переехать в Вырицу, отец Серафим поселился в Поповке, на даче у протоиерея Леонида Богоявленского. Здесь он нашел покой, уединение и молитву. (Дача о. Леонида на ст. Поповка располагалась по адресу: Колпинская ул., д. 378 в 1-ом поселке (Самопомощь). Вся застройка поселка сгорела во время Великой Отечественной войны, поэтому дом Богоявленских, где жил о. Серафим не сохранился. Ныне на месте поселка растет лес – *Ред.*). Отца Леонида Богоявленского[24] хорошо знали в Петербурге в церковных кругах с дореволюционной поры. Он был известен как проповедник и церковный деятель, а также как настоятель (в разное время) крупнейших городских храмов: Князь-Владимирского, Исаакиевского, Троице-Измайловского соборов, а также Александро-Невской церкви в тюрьме «Кресты». В 1922 году он был арестован по делу митрополита Вениамина и получил замену смертного приговора 5-ю годами тюремного заключения. Отцу Леониду доводилось бывать в Поповке ранее, где он некоторые время служил в местном храме и жил в церковном доме, а затем купил собственный. Дом о. Леонида просуществовал до войны, когда был разобран на блиндаж, хотя к тому времени (в 1935 году) он уже был конфискован у семьи Богоявленских.

На этом участке был еще один, небольшой домик, где и приютился отец Серафим с внучкой Маргаритой. Дочь отца Леонида Нина и его внучка Лидия, которая была чуть младше Нины, играли вместе с Маргаритой. О матушке Христине из семьи Богоявленских никто ничего не знал, в Поповку она не приезжала. (По всей вероятности, уже приняв к тому времени схиму с именем Серафимы, матушка жила в Вырице. Покинув Воскресенский Новодевичий монастырь, она, тем самым, избежала ареста, которому подверглись монахини в 1932 году, вследствие которого почти все они были сосланы в Казахстан, не исключая известную нам монахиню Иоанну (Шихобалову)).

В Поповке отец Серафим прожил по всей вероятности около двух лет*, и там пережил страстную ночь русского монашества 17 февраля 1932 года, когда все монахи в городе, не исключая и лаврских, были увезены чекистами на Литейный пр., в ДПЗ. Из Поповки иеросхимонах Серафим перебрался в Вырицу, а осенью 1934 года туда к нему приехал сын Николай.**

Жить у отца, без прописки, подвергая семью постоянной опасности, было рискованно, и, пробыв несколько дней с родителями, Николай вернулся в Кинешму. Во время последнего его приезда и посещения Вырицы кто-то из знакомых пригласил его пожить на даче в деревне Кремено, расположенной в 40 км от Вырицы, близ станции и поселка Чаща. Николай приезжает туда. В дальнейшем решение поселиться здесь еще раз круто изменит жизнь Н.В. Муравьева.

Наступил 1935 год. В дом старших (монашествующих) Муравьевых вернулась из ссылки монахиня Иоанна (Шихобалова). Ее прописали под видом домработницы, и она фактически занималась хозяйством.

В это время к отцу Серафиму постоянно приходили верующие. Иногда он принимал до ста человек в день. Особенно часто батюшку навещала Анна Ивановна Сергеева. Прихожане приносили продукты, которые принимала мать Иоанна. Иногда продуктов скапливалось так много, что они портились, и м. Иоанна отдавала их собакам.

Круг знакомых Шихобаловой оставался мало кому известен. Впоследствии на допросах Николай Муравьев высказывался крайне резко в отношении этой монахини. Открыто заявлял, что она ведет ежедневные разговоры с прихожанами отца о лживости советской власти[24], но тем не менее ареста Шихобаловой после этих разговоров не последовало...

---

*Точная дата принятия о. Серафимом схимы не установлена, произошло это, во всяком случае, ранее августа 1928 г. – *Ред.*

* О том, что о. Серафим в 1932 г. жил в Поповке упоминает в своих воспоминаниях и Краснов-Левитин в книге «Лихие годы», стр. 115.

** В это время его дочь Маргарита вышла замуж за Михаила Моисеевича Лежавича и уехала с ним в Тбилиси, где в 1935 году рассталась с мужем и вышла замуж за Даниила Ивановича Набоко.

Николай жил так стремительно, что мысли его не успевали созревать. Он устал скитаться, выяснять отношения с женами, с отцом, с детьми. Мятежная душа страдала, а обстоятельства не давали покоя: в 1935 году он знакомится с Клауссом (Кловисом) Флораном – французским подданным. Француз окончил в Париже Сорбонский университет, а затем находился в доминиканском монастыре в Лионе, где принял монашество с именем Михаил. В 1935 году он приехал в Ленинград и служил ксендзом в костеле Лурдской Божией Матери на Ковенском пер., где и состоялось их знакомство, когда Николай привел сюда на исповедь сына.

В этом же году Н.В. Муравьева вторично, но уже в административном порядке, через милицию выслали из города на 101 км. Ему ничего не оставалось, как прописаться в деревне Кремено Оредежского района. Теперь одиночество угнетало еще больше, чем в молодости. Здесь, в чужой деревне, чувствуя себя отверженным и забытым, он познакомился с Анной Александровной Барановой и стал ее фактическим мужем. Она была моложе супруга на 24 года и на год моложе его дочери Маргариты. У Анны были сестры: Ольга – 19-ти лет, Фаина – 17-ти лет и Нина – 18-ти, которая работала в Выборге. Ее 15-летний брат Константин и мать Екатерина Георгиевна, жили вместе с ними. Теща Николая Васильевича Муравьева – еще молодая женщина, почти ровесница своему зятю, ей было около 46 лет. Отношения с ней складывались весьма спокойные. Казалось, наконец, Николай нашел семейный покой. Анна, несмотря на то, что была инвалидом 2-й группы, в 1938 году родила сына Эрмингельда. Брак их не был официально оформлен, поскольку Николай не получил развода. Супруги существовали на пенсии, которые получали женщины и поэтому держали большое хозяйство. Они поселились на деревенском хуторе близ дер. Кремено, но Николай постоянно приезжал в Вырицу. Бывал он и в Чаще, где вскоре завел приятелей, с которыми отводил душу в политических беседах и воспоминаниях о своем прошлом, что его впоследствии и погубило. В 1938 году Николая вновь арестовали в поселке Оредеж, но, продержав две ночи, выпустили.

Станция Чаща, рядом с которой в деревне Кремено проживал в 1930-х гг. Н.В. Муравьев

Свои религиозные чувства Николай не переменил, несмотря на то, что его родители несли величайший подвиг монашества и схиму. Он ездил в Царское Село на встречи со ксендзом Флораном, (кроме Петербурга тот иногда служил также в местном костеле на Дворцовой улице) брал у него деньги за проданные иконы, которые тот коллекционировал, привозил к нему сына Александра, готовя его к причастию и вел переговоры с Флораном о венчании с Анной по католическому обряду, при этом наивно рассказывал о несправедливой советской жизни.

В 1939 году хутор ликвидировали, и семья перебралась в деревню Кремено, которая находилась в нескольких километрах от станции Чаща, где весной 1940 года они купили собственный дом, видимо, не без помощи отца Серафима. В стране давно шла коллективизация, достигшая к этому времении глухой Чащи. Николай в колхоз не пошел, считая колхозы утопией, но жить единоличным хозяйством становилось все труднее. Не обходилось без помощи отца Серафима, который продолжал заботиться о семьях Николая. Супруга Н. Муравьева, Антонина Александровна, с сыном проживали неподалеку от батюшки Серафима (Пильный, 19) и, бывая у родителей, Николай навещал сына.

Последний арест

15 января 1941 года было подписано постановление на арест Николая Васильевича Муравьева. За ним давно следили и, конечно, знали, что в данный момент он находился в Вырице. Ночь на 22 января 1941 года не предвещала для семьи Муравьевых ничего особенного: как обычно, готовились ко сну: отец Серафим с матушкой читали вечернее правило, а на Пильном проспекте, д. 19, Антонина с сыном укладывались спать (дочь Николая Маргарита жила в это время с мужем в Мурманске). Николай уже лег... Когда в дверь постучали, он, боясь проверки паспортного режима, успел выпрыгнуть в кухонное окно во двор, постоял у дома и спрятался в кустарнике усадьбы, находившейся в 70-80 метрах от здания, а затем пробрался в огород.

Чекисты, обнаружив его разобранную постель догадались, что он ушел в тот момент, когда они входили в дверь.

– Где ваш муж? – спросили они у Антонины Муравьевой.

– Он уехал еще 21 января – сказала она, категорически отказавшись отвечать на дальнейшие вопросы.

Николай в это время, затаив дыхание, ждал... Кто знает, может быть его охватил ужас смерти? Когда к нему приблизились вооруженные люди, он поднял руки...

Арестованного содержали во внутренней следственной тюрьме Управления НКВД. При аресте у него были изъяты семейные фотографии, огромное количество стихов, 213 писем и открытки семейного характера. Только часть из них впоследствии была возвращена родным, остальные – сожжены.

Николай Васильевичу исполнилось 46 лет. Это был уже уставший, измотанный ссылкой, арестами и личной жизнью, но все еще сильный человек.

Бог весть, какие страдания испытывал отец Серафим и матушка Серафима, при аресте единственного сына. Успели ли они проститься? Надеялись ли на встречу?

В чем же обвиняли Николая Муравьева? В беседах на религиозные темы с французом Флораном.* На языке чекистов того времени это означает – шпионаж в пользу Франции и, конечно, – в контрреволюционной деятельности – это уже в традиции 30-х годов.

Обвинения строились исключительно на показаниях свидетелей. Неважно, что для этого «следствием» находились мало знакомые обвиняемому люди, главное, что они охотно давали показания, добавляя к тому же свои домыслы и нелепости. Так, например, свидетель С. называет Николая Васильевича Муравьева поляком, сыном ксендза и заявляет, что он религиозен и настроен антисоветски. Иногда следователь основывался просто на обычных сплетнях. Так, свидетельница У. из деревни Кремено, даже и не знавшая Николая Муравьева, сообщала, что от людей «слышала, что она (мать Муравьева) является незаконной дочерью Александра II. Воспитывалась Ольга у каких-то стариков.[26] К тому же – добавила она, – ее сын – Муравьев Н.В. – перешел в католичество и женился на еврейке..».[27] Свидетель П. подтвердил, что они с обвиняемым познакомились на одном празднике, выпивали, а на следующий же день он все высказывания Муравьева против советской власти передал участковому уполномоченному.

Вся эта химера тогда называлась следствием и предназначалась для того, чтобы запутать и запугать человека, оправдать свои действия.

Несмотря на показания свидетелей, которые были очень зыбкими, от арестованного пытались добиться признания собственной вины, что в ходе следствия было главным. Для этого использовались различные методы допроса, о которых необходимо сказать. После ареста Н.В. Муравьева не вызывали на допрос. Ожиданием томили специально, иногда у людей оно доходило до предела, до полного психического надлома, после чего арестованного начинали «раскручивать».

Николая вызвали на допрос через две недели. За шесть последующих дней было произведено восемь

Вырица. Дом по Пильному проспекту, 7, где проживал иеросхимонах Серафим Вырицкий. В соседнем доме по Пильному пр., 19 в ночь на 17 января 1941 г. был арестован Николай Васильевич Муравьев

допросов. Они проходили утром, днем и ночью и продолжались от 2 до 7 часов с небольшими перерывами.

На первом допросе Николай все отрицал. На втором – показания его путаются, не скрывая своего враждебного отношения к советской власти, но отрицает свою шпионскую деятельность и заявляет: «ничего по этому вопросу не знаю и показать ничего не могу».[28]

– Шпионажем я не занимался – убеждал он следователя в ночь на 29 января.[29]

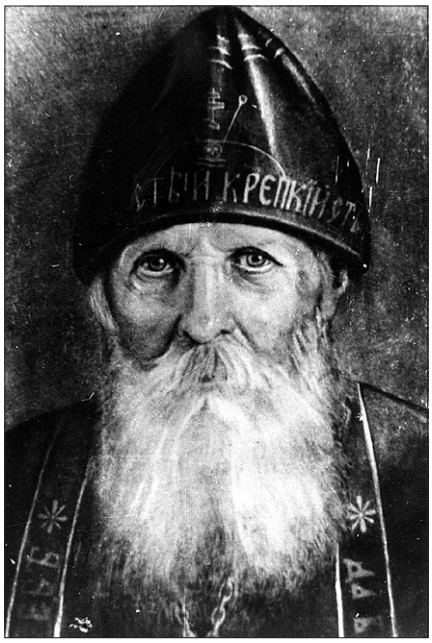
30 января 1941 года ему исполнилось 47 лет. Накануне дня рождения Николая Васильевича на допросы не вызывали.

Он томился в тюрьме 7 месяцев. В течение этого времени вновь стали вызывать свидетелей и, прежде всего, вторую жену Николая – Марию Николаевну. Она не сообщила ничего нового.

С 1 февраля снова начались допросы, продолжавшиеся каждый день по несколько часов. Скорее всего, под давлением следователя Николай Муравьев подтвердил 3 февраля, что был завербован, получал вознаграждение от Флорана. Тем самым, он фактически подписал себе смертный приговор. Тем не менее, следователю хотелось добиться от заключенного сведений о его знакомых. Пять часов лейтенант Нифанин вытягивал сведения из измученного человека. И тот рассказывал. Что на самом деле скрыто за страницами протоколов? Сейчас они не пахнут кровью. Дал ли несчастный показания на своих знакомых или они уже были известны следствию и измученный только подписал их, или, как иногда бывало, рукой обвиняемого водили по бумаге – мы не знаем. Если Господу угодно будет когда-нибудь до конца раскрыть нам тайны застенков НКВД, мы узнаем и это.

Прошел месяц изнурительных ежедневных допросов. Казалось, что все ясно, но начальник управления НКВД утвердил постановление начальника 4 отдела

* Сам Кловис Флоран, в 1935-1941 гг. возглавлял католический приход в городе на Неве, как французский подданый арестован не был, но в августе (?) 1941 после разрыва дипломатических отношений СССР с Францией 2.08.1941, был обвинен в шпионаже и выслан из Советского Союза – *Ред.*

Иеросхимонах Серафим Вырицкий

КРО известного чекиста Альтшуллера о передаче дела Муравьева для проведения дополнительных следственных мероприятий. И снова воздействие томительным ожиданием.

19 февраля Николая вызвали на допрос в 9 часов вечера. Один и тот же вопрос задавался следователем в течение 4-х часов:

– Намерены ли вы дать сегодня ***правильные*** показания о других лицах, связанных с французской разведкой? – спросил он... Николай попросил подумать. Его увели в камеру. Прошла неделя. На допрос не вызывали до 25 февраля, когда допрос следователя возобновился вновь. Николай был сломлен.

Срок следствия продлили до 22 апреля. 5 апреля 1941 года для показаний вызывали – Е.Г. Баранову – тещу Николая, а затем его жену Анну. Однако, их допросы ничего не дали. Начались очные ставки. Ничего нового не сообщил, или не захотел сообщать следователю и дядя Николая – Владимир Иванович Нетронин, сказав, что видел племянника всего один раз в жизни. Быть может, он, действительно, не интересовался жизнью сестры, а возможно, понимал с кем имеет дело и не стал свидетельствовать против родных. На вопрос же следователя о происхождении семьи ответил, что никакого отношения к Романовым не имеет.

Дело Н.В. Муравьева опять было продлено. Теперь им занимался лейтенант госбезопасности Галкин. Следствие делает «успехи».

На допросе 12 мая присутствовал сам начальник 4 отдела КРО (Контрразведовательных операций – *Л.С.*) Альтшуллер. Николай отказался от прежних показаний и вновь признался в шпионской деятельности. В результате этого были заведены дела на новых лиц.

Через два дня, 14 мая, были произведены очные ставки с Пепеловым, с Зуевым-Антоновым.

К 22 мая 1941 года следствие уже было завершено. 6 июня 1941 года Ленинградским Военным округом было вынесено постановление: «Н.В. Муравьева предать суду... Дело заслушать в закрытом судебном заседании, без участия обвинителя и защиты и без вызова свидетелей». Обвинительное заключение прокурора Рудзинского состояло в том, что Н.В. Муравьев «с 1937 года занимался сбором разносторонних сведений о колхозах в пользу французской разведки и систематически проводил антисоветскую агитацию т. е. в пр. пр. ст. 58 1а, 58-10 ч. 1, и 58-11 УК РСФСР». Николай получил это заключение 27 июля.

В это время уже месяц как шла война. Немцы быстро продвигались к Ленинграду. Понимая, что город может оказаться на передней линии фронта, заключенного Муравьева вывезли за Урал, в Свердловск. Судебное заседание Военного Трибунала Уральского Военного округа состоялось 30 июля в Свердловске. Подсудимый был доставлен под конвоем из тюрьмы. Да, он признал себя виновным. Но в чем? В том, что он презирал советскую власть и осуждал ее открыто. Нельзя исключить и тот факт, что его легко можно было обмануть, обещав за откровенность свободу, которая оказалось приманкой для получения показаний. Причем важно отметить и то, что в своем последнем слове Николай сказал: «Прошу военный Трибунал избавить меня от позорной клички шпион. Я здесь был обманут Флораном». В 13. 11 – суд удалился на совещание, а через час, в 14. 15, был объявлен приговор: «Подвергнуть высшей мере уголовного наказания, – расстрелу без конфискации имущества из-за отсутствия у него такового». В течение 3 дней разрешено было подать кассационную жалобу, что Николай и сделал. 15 августа жалоба Н.В. Муравьева была отклонена. 4 сентября 1941 года в Екатеринбурге он был расстрелян.

Для нас крайне важно подчеркнуть то, что свидетеля, способного рассеять сомнения насчет «шпионской деятельности» Николая при общении с Флораном, которого обвиняемый Муравьев просил пригласить – суд не вызвал. Выбив признание, чекисты считали, что вина его как бы уже доказана. Почему в суд не вызвали нужного Николаю свидетеля? Это обстоятельство обратило на себя внимание и при пересмотре в 1989 году дела Н.В. Муравьева, когда встал вопрос о его реабилитации по материалам уголовного дела 1941 г. Вот что мы читаем в заключении по его реабилитации: « ...вместе с тем, в материалах дела полностью отсутствуют доказательства вины Муравьева Н.В. по факту совершения им преступления, предусмотренного ст. 58-1а УК РСФСР, кроме его признательных показаний, данных в ходе предварительного следствия и в зале суда.

Показания Н.В. Муравьева строятся на его собствен-

ных доводах, предположениях, сведениях, полученных устно как от Флорана К., так и от лиц, не установленных следствием.

В соответствии со ст. 77 УПК РСФСР, признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении показания совокупностью имеющихся доказательств по делу. По данному эпизоду предварительным следствием не были добыты другие доказательства вины Муравьева, кроме его показаний..».

Место захоронения Николая неизвестно. Теперь в семейной трагедии отца Серафима можно поставить точку. Сын старца пострадал невинно.

Как не скорбно терять близких, но могильный холмик дорогого человека может служить утешением для души близких. Отец Серафим был лишен даже этого. Расправа над сыном – самый тяжелый и безжалостный удар, который только могла нанести безбожная власть великому старцу, для которого жизнь любимого, дорогого и единственного сына была тяжелым крестом. Знал ли он то, что сейчас известно нам? Что чувствовал, когда к нему приходили с просьбой молитвы о любимых и пропавших без вести, замученных и потерянных близких? Кто дерзнет рассуждать об этом?

Неугасимая лампада

На оккупированной территории во время войны немцы открыли храмы, чтоб использовать веру православных людей для своей победы (Вырица была занята немецкими войсками во второй половине августа 1941 г. Уже в августе 1941 г. были возобновлены богослужения в Казанской церкви, прихожанином которой числился о. Серафим, и легализована монашеская община архимандрита Серафима (Проценко) в Поселке. С декабря 1941 г. стала действовать Петропавловская церковь, к лету 1942 г. – церковь женского монастыря в Заречье – *Ред.*).

В Вырице в годы войны действовали два храма, домовая церковь, скит и монашеская женская община. Настоятельницей ее была слепая старица, которая скончалась 26 июля 1942 года. В монастыре было тогда всего семь монахинь: две – старые, а остальные – тайно постриженные перед войной и в годы войны архим. Серафимом (Проценко).[30]Они занимались заготовкой дров, вели свое хозяйство. Верующие из числа местных жителей радовались существованию обители и помогали им, чем могли. После слепицы общину возглавила монахиня Серафима (Морозова), а с 1943 года – монахиня Иоанна (Шихобалова), которая покинула дом отца Серафима Вырицкого. Скончалась она через год и была похоронена рядом с Казанской церковью. Позже рядом упокоится и чета Муравьевых – матушка Серафима и о. Серафим.

Отец Серафим был в войну и после нее прихожанином Казанской церкви, которая находится на улице Кирова.

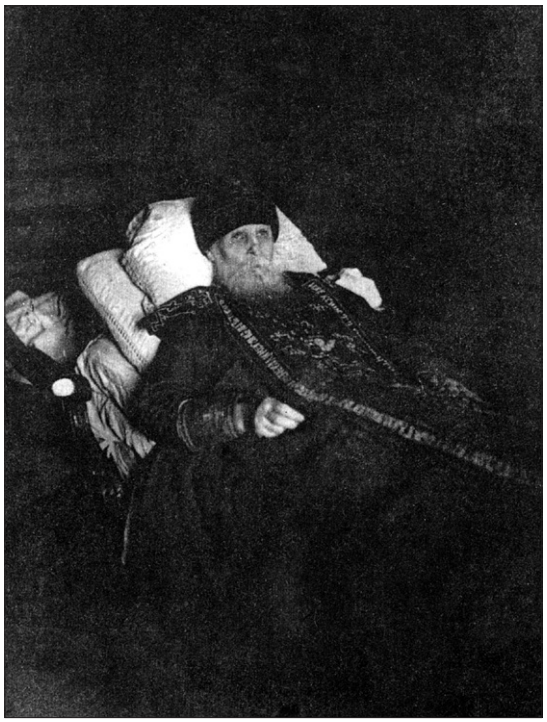
Эта деревянная церковь была построена к 300-летию дома Романовых в 1913-1914 годах архитектором В.П. Красовским при участии В.П. Апышкова. Верхний

Николай Васильевич Муравьев. Последнее фото из следственного дела

С.-Петербург. Внутренняя тюрьма НКВД на Шпалерной улице, где находился после ареста с января по июль 1941 г. Николай Васильевич Муравьев

Иеросхимонах Серафим в доме Смирновых (Пильный пр., 24). 1944 г.

центральный придел храма освящен в честь Казанской иконы Божией Матери, боковой – в честь свт. Николая Чудотворца, нижний – в честь прп. Алексия, человека Божия и прп. Серафима Саровского.

С 1938 года церковь была закрыта, а с 1941 г. вновь начала действовать. (В 1941-1943 гг. здесь служили: прот. Владимир Богданов, иером. Лин (Никифоров), прот. Михаил Ноздрин и другие пастыри.

В начале августа 1943 г. в Вырицу приехал новый священник, назначенный настоятелем церкви Казанской иконы Божией Матери. Это был о. Иоанн Молчанов – 1891 г.р., уроженец деревни Никово, Ростовского уезда, Ярославской губ. В 1919 году, в Москве Иоанн окончил торговую школу и 2 курса Православной народной академии, в детстве он был певчим в храме. К тому времени он был вдов, имел двух дочерей и сына; перед войной, в 1937-1938 гг., он арестовывался по подозрению в шпионаже. Перед войной он жил в городе Любани, лежащем на железнодорожной линии Петербург-Москва. Перед приходом в Любань немцев будущий священник не эвакуировался, оставшись в городе. В 1941-1942 гг. он в разное время работал старшим полицейским улицы, парикмахером, с апреля 1942 года – секретарем Любанского Городского управления. В августе 1943 года он поехал во Псков для сдачи экзамена на право стать священником. Консультировал его прот. Ливерий Воронов. Получив от немцев пропуск, он уехал в Ригу, где был рукоположен в сан священника епископом Рижским Иоанном (Гарклавсом). После этого он получил назначение в Вырицу одновременно со священником Николаем Багрянским (назначенным в Петропавловскую церковь). Из Риги о. Иоанн вернулся в Любань, чтобы собрать вещи и навестить семью. Там же произошла его встреча с прот. Кириллом Зайцем, который зашел проведать больную дочь Молчанова. Не застав о. Иоанна дома, отправился на службу в церковь. Вернувшись домой в тот же день, о. Иоанн Молчанов сразу узнал о визите о. Кирилла Зайца и отправился в церковь. О. Кирилл дал ему три дня отпуска, после чего о. Иоанн выехал в Вырицу. В Вырице он занял место свящ. Михаила Ноздрина. О. Иоанн Молчанов поселился в церковном доме. Местные власти приняли его хорошо, в честь его приезда был устроен обед. (Поскольку новоприехавший в Вырицу священник никому здесь не был знаком, вероятно, это было проявлением уважительного отношения к Церкви и духовенству со стороны местной власти – *Ред.*).

18 августа 1943 года он писал своим родным из Вырицы, о посещении им монастыря (скита) архим. Серафима (Проценко): «от вокзала до монастыря отца Серафима 5-6 км» и что принял он его как дорогого гостя, что «выглядит он прекрасно и обстановка вся у него шикарная».[31]

Сообщил он и о том, что «был в гостях и у старца иеросхимонаха Серафима. Он никуда не ходит, лежит все в постели, но чувствует себя бодрым и веселым, говорит, что от перенесенной болезни поправился и что очень рад видеть священника той церкви, где он числится прихожанином. Живет он в расстоянии 15-20 минут ходу от храма. Сугубо был рад, когда узнал, что я брат Пети – крестного отца его внучки – теперь 6-летней шустренькой, красивой девочки Олечки (видимо, правнучка о. Серафима – *Л.С.*). Порекомендовал мне числить себя членом их семьи и что он уже зачислил меня своим членом».

О. Иоанн начал свое служение в Казанской церкви: подыскал квартиру посвободнее, в 3 комнаты и стал хлопотать о перевозе семьи из Любани.

Когда началась насильственная эвакуация немцами населения (октябрь-ноябрь 1943 г.), 10 ноября 1943 г. настоятель Казанской церкви свящ. Иоанн Молчанов подал прошение коменданту города Вырицы с просьбой остаться на время в иерейском доме по адресу: Магистральная, 95, с семьей из 4-х человек, вместе со служившим диаконом [Александром] Максимовым, семьей старосты Михайлова и псаломщицы Ирины Петровой для богослужений.

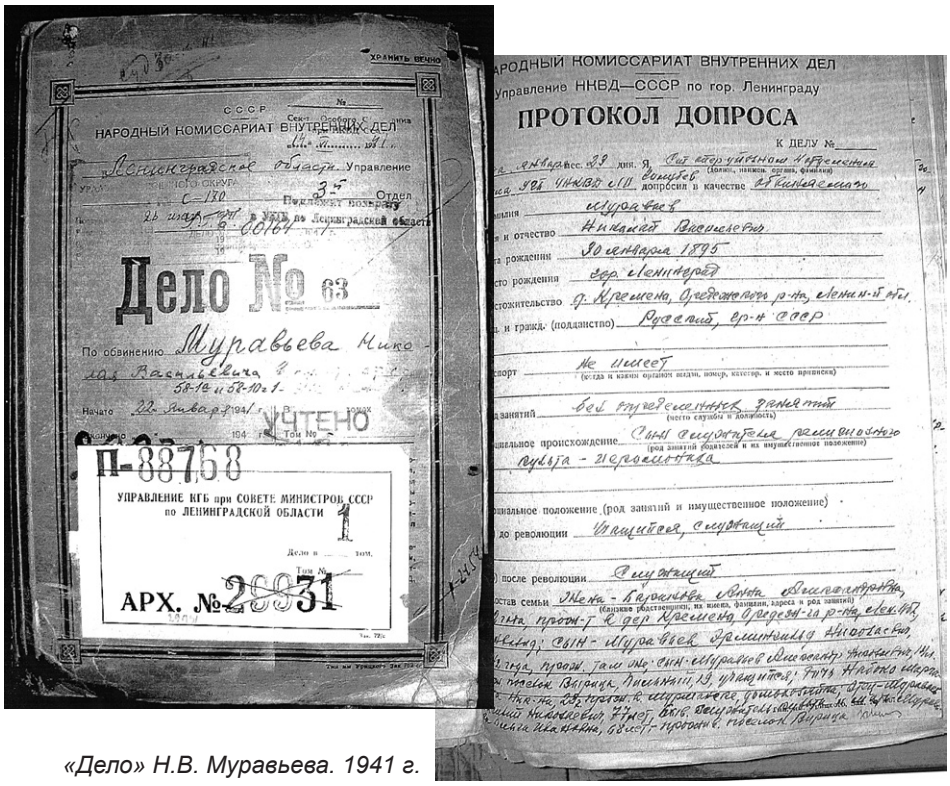
Известно, что в это время жители Вырицы приходили к батюшке Серафиму Вырицкому с вопросами, как жить дальше. Он предсказал, что ничего разрушено здесь не будет и уходить не надо.

В январе 1944 г. оставшаяся в Вырице семья Молчановых дождалась прихода советских войск.

Летом 1944 г. о. Иоанн был переведен настоятелем церкви в с. Рождествено близ Гатчины. Здесь через 4 месяца, 24 октября 1944 года, о. Иоанн Молчанов и был арестован.

26 октября 1944 г. настоятелем Казанской церкви был назначен свящ. Николай Багрянский, арестованный также осенью 1944 г. После него настоятелем сюда (в 1945 г.) был назначен протоиерей Алексий Кибардин, бывший духовник Царских детей, ставший духовником иеросхимонаха Серафима Вырицкого.

В 1945 г. отошла ко Господу схимонахиня Серафима (Муравьева), а 3 апреля 1949 г. – прп. Серафим.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Дело № 63
По обвинению Муравьева Нико-
лая Васильевича
УПРАВЛЕНИЕ КГБ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
по ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
П-88768
АРХ. №
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Управление НКВД—СССР по гор. Ленинграду
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Муравьев
Николай Васильевич
30 января 1895
гор. Ленинград
Не имеет
Русский, гр-н СССР
Муравьева Ольга Васильевна, 1895 г.р., Ленинград

«Дело» Н.В. Муравьева. 1941 г.

Удивительное это место – Вырица. Сколько событий и судеб скрестилось здесь. И несмотря на страдания, перенесенные людьми в годы войны, все в Вырице кажется светлым и пропитанным молитвой преподобного старца. Последующие годы он непрестанно молился, утешал, оставаясь опорой для сотен людей, освещая всех светом Истины и Любви. Он пережил своего сына на 8 лет.

Тяжел был крест отцовской любви у батюшки Серафима, тверд и крепок камень молитвы, на котором созидалась душа великого страдальца, заступника земли русской.

Через скорби поднимается человеческое сердце к Богу, пытаясь сотворить в себе храм, идя к святости. Именно в этой, полной искушений, скорбной жизни прошел свое служение Господу преподобный Серафим. Вглядитесь в его икону – глаза старца, полные печали, смотрят вам в душу. Припадите к ней с мольбой.

Примечания:

[1] А. Трофимов Старец иеромонах Серафим Вырицкий. М. 1996, с. 13
[2] До сих пор не только фамилия ее не была установлена, но никаких сведений о м. Серафиме не публиковалось. Церковный вестник, 2000, № 8-9, с. 60
[3] А УФСБ СПб и ЛО П-88768, л.55
[4] ИСПбЕ 1911 № 1 с. 7-12
[5] АУ ФСБ СПб и ЛО П-88768 л. 26
[6] АУ ФСБ СПб и ЛО П-88768, л. 26
[7] Справки были предоставлены Центральным Государственным Военно-историческим архивом за 5. 04. 41г, хранящимся в деле л. 238).
[8] В.П. Филимонов. Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб 2001, с. 11.
[9] РГИА ф. 815 оп. 14 д. 99 л. 24
[10] Там же, л. 77
[11] Там же, л. 79
[12] Там же, л. 82
[13] РГИА ф. 815 оп. 14 д. 106 л. 13
[14] РГИА ф 815 оп. 14 д. 106 л. 28.
[15] Там же, л. 37
[16] Филимонов В.П. Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. 2001, с.59
[17] РГИА ф. 815, оп. 14, д. 114, л. 41
[18] РГИА ф. 815, оп. 14, д. 114, л. 3
[19] АУ ФСБ СПб и ЛО П- 88768, л. 20
[20] АУ ФСБ СПб и ЛО П-88771, л. 17
[21] АУ ФСБ СПб и ЛО П-88771, л. 30
[22] АУ ФСБ СПб и ЛО П-88771, л. 33
[23] АУ ФСБ СПб и ЛО П-88768, л. 26
[24] Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян С.-Петербургской епархии XX столетия. 2-е изд., СПб 2002, с. 63
[25] АУФСБ СПб и ЛО П-88768, л.70
[26] АУ ФСБ СПб и ЛО П-88768, л. 114
[27] Там же, л. 114 об.
[28] Там же, л. 32
[29] Там же, л. 78
[30] Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян С.-Петербургской епархии XX столетия. 2-е изд., СПб 2002, с. 201
[31] АУФСБ СПб и ЛО П-88727, т. 1, л. 5
[32] С.-Петербургские Епархиальные Ведомости 2002, № 26-27

Я побывал во всех странах. Лучше нашей страны я не нашел, и лучше нашей веры я не видел. Наша вера – выше всех. Это вера православная, истинная. Из всех известных вероучений только она одна принесена на землю вочеловечившимся Сыном Божиим. Прошу тебя, матушка Серафима, говорить всем, чтобы от нашей веры никто не отступал...

Преподобный Серафим Вырицкий

Стихи прп. Серафима Вырицкого

Ночью безмолвные зрители –
Звездочки смотрят с небес;
Тихо, вокруг от обители
Тянется Саровский лес...
Келия там одинокая,
В ней Серафим обитал;
Знала лишь пустынь далекая
Подвиг, что он совершал.
Лето и зиму холодную
Он, не смыкая очей,
Выстоял с волей свободною
Тысячу долгих ночей.
Весь без участия к внешнему
В сердце молитву слагал:
«Боже, будь милостив грешному!»
Тихо и часто взывал...

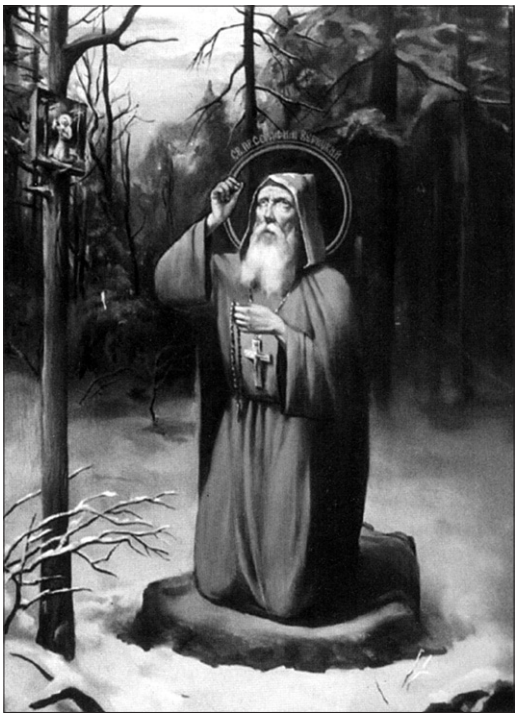
1930-е гг.

Пройдет гроза над Русскою землею,
Народу русскому Господь грехи простит.
И крест святой Божественной красою
На храмах Божиих вновь ярко заблестит,
И звон колоколов всю нашу Русь Святую
От сна греховного к спасенью пробудит,
Открыты будут вновь обители святые,
И вера в Бога всех соединит.
Утихнут грозные невзгоды,
Своих врагов Россия победит,
И имя русского великого народа,
Как гром по всей вселенной прогремит.

около 1939 г.

И в радости, и горе, монах, старец больной
Идет к святой иконе, в саду, в тиши ночной.
Чтоб Богу помолиться за мир и всех людей
И Старцу поклониться о Родине своей.
«Молись Благой Царице, Великий Серафим,
Она Христа десница, Помощница больным.
Заступница убогим, одежда для нагих,
В скорбях великих многих спасет рабов Своих...
В грехах мы погибаем, от Бога отступив,
И Бога оскорбляем в деяниях своих».

1942 г.

Образ прп. Серафима Вырицкого, молящегося на камне

Пустынник

Есть камень в широком поле,
На камне старик стоит.
Колени его ослабли,
И голос его дрожит.

Небу возденет руки –
Руки горят огнем.
Долу опустит руки –
Они обрастают мхом.

Когда подымает руки –
Мир озаряет свет.
Когда опускает руки –
Мира и света нет.

Юрий Кузнецов, 1978

Камень во дворе дома по Пильному проспекту в Вырице, на котором в годы войны молился прп. Серафим Вырицкий

Л.И. Соколова

НОВОМУЧЕНИК ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕОНИД БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1871–1937

память 10 / 23 ноября

Жизнь известного в нашем городе в начале XX века протоиерея Леонида Богоявленского, настоятельствовавшего в разное время в нескольких петербургских соборах, будущего новомученика, оставила яркий след в истории Санкт-Петербургской епархии.

Будущий пастырь родился 15 августа 1871 года в городе Инсаре Инсарского уезда Пензенской губернии, в семье чиновника. О детстве и юности отца Леонида известно мало.

В Пензе Леонид окончил местную Духовную семинарию и начал работать учителем в образцовой начальной школе при семинарии. Там же, в Пензе, в 1895 году он женился на дочери протоиерея В. Архангельского, которая была моложе жениха на 6 лет. Она – выпускница Пензенского епархиального училища. Выходить замуж за Леонида девушка не хотела: 17 -ти летней Зинаиде жених не понравился, показался некрасивым. Увидев его в первый раз, она, в знак протеста, выбежала из комнаты и бросилась на кровать в своей спальне. Объяснять нежелание долго не пришлось: ослушаться отца дочь не посмела, о чем никогда не сожалела, рассказывая впоследствии детям этот эпизод с улыбкой: Леонид оказался очень добрым, умным и хорошим человеком. Через год, 6 мая 1896 года, у них родился первенец – сын Владимир, а четыре года спустя – Николай.

8 июля 1895 года Леонид Богоявленский был рукоположен в сан диакона, а на следующий день, 9 июля, хиротонисан во священника к домовой церкви в имении Нероновых в Линтуле* в Финляндии. В том же году он был определен священником к Свято-Троицкой церкви Линтульской женской общины, которая была открыта по желанию супругов Нероновых в их имении, обращенном в женскую обитель, и назначен членом временного ревизионного комитета по ревизии в отчетности Финляндской Духовной консистории и Финляндского епархиального попечительства (1900-1902).[1]

В это время в стране нарастало революционное движение, молодежь, увлекаясь демократическими идеями, мечтала о подвигах и светлом будущем всего человечества без Бога. Именно тогда молодой священник получил назначение на служение в церкви тюрьмы «Кресты», которое началось в 1903 году.

Хорошо знакомое многим здание, из темно-красного кирпича, расположенное на правом берегу Невы, близ Финляндского вокзала, и поныне не утратило своего назначения. Тюрьма находится на месте старинного винного склада, приспособленного еще в XVIII веке для заключенных. «Кресты», получившие название из-за двух крестообразных в плане тюремных зданий, были построены по образцу немецких одиночных тюрем в 1889 году по проекту архитектора А.О. Томишко. Тюрьма считалась самой большой в Европе. В ней находилась небольшая часовня при покойницкой и пятиглавый храм, освященный во имя св. блгв. кн. Александра Невского епископом Выборгским Антонием 3 июля 1903 года. Церковь размещалась на верхнем этаже центрального корпуса.

В тюрьме содержались политические заключенные, которых приходилось окормлять отцу Леониду, к тому же он обязан был присутствовать при исполнении смертных приговоров, напутствуя христиан в их последний путь.

Уместно вспомнить, что смертная казнь за уголовные преступления была отменена в России еще Государыней Императрицей Елизаветой Петровной, которая не подписала ни одного смертного приговора. Позже такие приговоры выносились политическим заключенным только в исключительных случаях, когда речь шла о подрыве государственного строя.

* Свято-Троицкий Линтульский женский монастырь стал первым женским монастырем в Великом Княжестве Финляндском. Основанный в качестве женской общины 10 августа 1895 года, с 19.08/11.09.1905 г. – монастырь. В учреждении и окормлении его деятельное участие принимал св. прав. Иоанн Кронштадтский, освятивший храм обители 12 августа 1896 г. В 1939 г., с началом военных действий был эвакуирован в глубь Финляндии. В настоящее время находится в мест. Палокки в Финляндии.

Пенза. Кафедральный собор. Пензенская Духовная семинария

Отец Леонид лишь дважды присутствовал при исполнении смертных приговоров: трех военных революционеров казнили за убийство своего офицера в 1909 году и одного революционера – за убийство начальника С.-Петербургского Охранного отделения в 1910 году.

Виселицы для приговоренных к смерти устанавливали в тюремном огороде, где ровно в 1 час ночи происходила казнь. Там же, рядом, между Арсенальной набережной, д.9 и католическим кладбищем, за Куликовым полем, была яма, где закапывали несчастных.

Тяжелые, а порой и мучительные раздумья посещали пастыря при виде человеческих страданий, предсмертных мук обреченных. И отец Леонид испрашивает разрешение не присутствовать при исполнении смертных приговоров, а однажды он усомнился, «можно ли допустить к причастию палача» и запросил по этому поводу митрополита, который ответил, что «при условии искреннего раскаяния – может быть допущен».

В 1911 году отец Леонид закончил столичную Духовную академию и получил степень кандидата богословия за сочинение «Попытки англиканских богословов приблизить свое вероучение к учению Православной Церкви». Отзывы на него дали проф. И.П. Соколов и проф. прот. П.И. Лепорский. Последний отметил, что автор использовал как русскую, так и английскую литературу, а также архивные материалы. «Но лучшее достоинство сочинения – это стремление автора быть вполне самостоятельным в иследовании и не повторять того, о чем достаточно сказано уже раньше его другими исследователями. <...> И можно пожелать, чтобы большой труд о. Богоявленского не пропал даром для русской богословской науки. Судя по некоторым заявлениям, сделанным в его сочинении, и сам о. Богоявленский писал свое сочиненние не для того, чтобы оно осталось навеки почивать на полках академического архива». Настоятель «принимает близкое участие в делах Общества сближения русской церкви с англиканскою, в котором он сделал несколько докладов по вопросам единения церквей».

Удалось выяснить, что в 1912 году о. Леонид по делам Общества побывал в Англии, а в тюрьму «Кресты» был назначен священник Николай Копьев, который скончался 22.03.1916 года в возрасте 42-х лет.*

16 августа 1912 года о. Леонид был назначен настоятелем Князь-Владимирского собора на место умершего 22 июня настоятеля собора Никандра Темномерова[2]. Когда в 1914 г. началась Первая Мировая война, о. Леонид, будучи человеком деятельным, организовал приходской лазарет Князь-Владимирского собора, который был освящен 11 января 1915 года.

Сотнями в столицу прибывали страдальцы с поля брани. Первая партия раненых воинов поступила в лазарет 15 января 1915 года.

Для создания лазарета был создан Попечительский совет, председателем которого был прот. Леонид Богоявленский[3], который решил оповестить всех прихожан собора и найти тех, кто имел бы желание потрудиться в этом святом деле. Членом Попечительского совета стала и матушка настоятеля – З.В. Богоявленская[4]. Вскоре нашли и место для лазарета. Это был дом 10 по Александровскому пр., принадлежавший председателю благотворительного приходского общества И.С. Слонимскому. Староста же собора Д.А. Ильин, горячо откликнувшийся на призыв о. Леонида, собрал на устройство лазарета 2 300 рублей, что позволило не только оборудовать его, но и давало возможность ему

---

* После окончания семинарии он 15 лет священствовал в с. Мёдуши Петергофского уезда. Ненадолго его перевели служить в пересыльную тюрьму. Он свободно владел даром слова, и, заметив его недюжинные способности, начальство переводит его в «Кресты». И здесь страшный недуг поразил пастыря: он приобщал оспенного больного, от которого заразился. В страшных страданиях и полном сознании он уходил из жизни, не простившись даже с детьми. На его место был назначен священник Михаил Семенович Князевский.

Линтульский Свято-Троицкий женский монастырь. Крестный ход вокруг Троицкого храма

существовать некоторое время без пожертвований. Он же был избран казначеем и хранителем лазаретных сумм. Врачи и сестры трудились бесплатно, но пожертвования все поступали и поступали. За год через лазарет Князь-Владимирского собора прошло более 100 человек. В годовщину его существования еп. Нарвский Геннадий отслужил в нем благодарственный молебен. Побывали в лазарете и высокопоставленные гости: преосвященный Вениамин, епископ Гдовский (14 июля), супруга английского посла леди Бьюкнен (21 января), генерал-адъютант кн. Белосельский-Белозерский, генерал-адъютант адмирал Авелан.

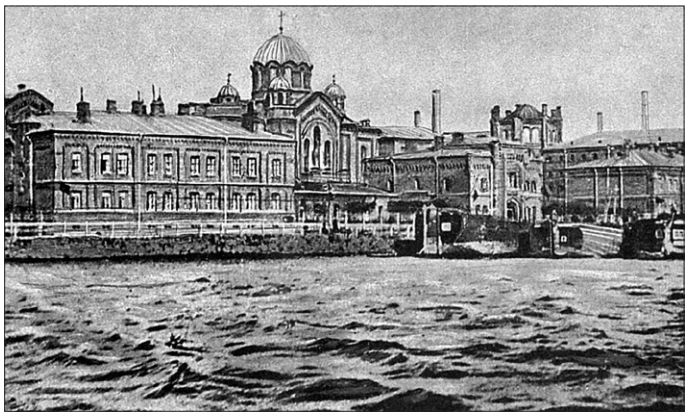
Прот. Леонид Богоявленский сам проводил душеполезные беседы с болящими воинами, а двое прихожан под руководством настоятеля читали раненым жития святых. Для них же о. Леонид оборудовал и библиотеку. Заботился он и о выздоравливавших раненых, устраивал их на работу. Постоянная забота о воинах выражалась не только в том, что о них радели, кормили 5 раз в день, в лазарете постоянно творилась молитва.

10 января 1916 года настоятель Князь-Владимирского собора Леонид Богоявленский был назначен следователем VIII столичного округа[5], к тому же он ведет активную проповедническую деятельность, читая проповеди в крупнейших соборах города, например, в Исаакиевском соборе[6].

1917 год был тяжелым для семьи Богоявленских, не говоря о тех потрясениях, которым подверглась страна: супруги Богоявленские похоронили свою единственную дочь Марию.

Будучи настоятелем крупнейших храмов столицы, протоиерей Леонид Богоявленский был хорошо известен прихожанам города. Но не столько это обстоятельство сделало его известным батюшкой, сколько его активная жизненная позиция. Работая для Церкви, неустанно служа Господу и людям, он был избран членом Общества православных приходов, а когда в 1916 году состоялся съезд депутатов от духовенства и церковных старост Петроградской епархии, о. Леонид был выбран председателем этого съезда[7], при том о. Леонид был еще и председателем Трудового братства, а также председателем правления епархиального свечного завода. Свечной завод был основан в 1893 году. Первым председателем правления был о. Михаил Соколов, которого сменил прот. Василий Иванович Перетерский, скончавшийся 9 октября 1915 года[8]. Завод считался образцовым, на него приезжали представители всех свечных заводов со всей России, чтобы поучиться, как нужно вести дело. В здании завода разместились: кладовые, мастерская свечей, воскобелильня, растопочная, пресовальня, крутильня, плетение светильни, контора, машинное отделение, квартиры служащих с казармой для рабочих. При заводе была устроена своя электростанция.

После революции епархиальный свечной завод по инициативе о. Леонида был преобразован в Александро-Невское братство, а прот. Леонид был избран

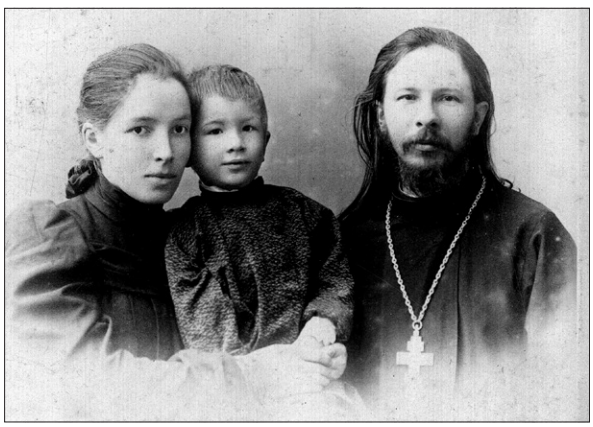
Храм св. блгв. кн. Александра Невского при Центральной одиночной тюрьме «Кресты», где служил прот. Леонид Богоявленский

председателем Совета этого братства, 27 сентября 1918 года, когда он был арестован, временное исполнение обязанностей председателя Совета братства было возложено на прот. Николая Павловича Флоровского[9]. Вскоре о. Леонида выпустили. Мы знаем, что «Постановлением собрания благочинных церквей Петрограда 28 ноября 1918 года (утвержденным митрополитом Вениамином 23/10 декабря) он был избран в состав комиссии для установления «однообразия и благолепия как в чине богослужения, так и в чтении, пении и во всем, относящемся к богослужению», а равно определением и времени богослужения.

15/2 мая 1919 года на заседании Петроградского Епархиального Совета о. Леонид был избран в состав «комиссии по опросу о передаче церквей военного и морского ведомства в епархиальное на основаниях, изложенных в указе Св. Синода от 30 марта / 12 апреля 1919 года за № 1045».

С 13 октября 1919 по 13 февраля 1920 года – член Комиссии духовно-учебных заведений Петроградской епархии.

В 1922 году, когда батюшке шел 51-й год в семью Богоявленских пришла радость: в мае родилась дочь Нина.

Свящ. Леонид Богоявленский с матушкой Зинаидой и сыном Владимиром. 1900-е гг.

В стране начинаются открытые гонения на Церковь, закрывается Духовная академия, идут расстрелы духовенства, а епархиальная жизнь столицы оживляется. Тогда в круг друзей протоиерея Леонида входят известные православные деятели Петрограда: протоиереи Михаил Чельцов и Николай Чуков, (впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий), академик Б.А. Тураев – староста университетской церкви, И.П. Щербов – проректор Богословского института. В 1921 году отец Леонид участвовал в служении панихиды по Ф.М. Достоевскому, устроенной Петроградским Богословским институтом, которую возглавил ректор Богословского института протоиерей Н.Чуков. Под руководством о. Леонида Исаакиевский собрал значительные суммы на содержание Петроградского Богословского института:

Рождество 1920/1921 года 26 356 руб.

Все эти люди, связанные судьбой несчастной страны понимали, что грядут тяжелые времена и испытания для верующих. В мае 1922 года начался известный судебный процесс по делу «О сопротивлении изъятию церковных ценностей».

К этому «уголовному» процессу были привлечены лучшие деятели Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Вениамином (Казанским). Всего было арестовано 86 священнослужителей и мирян. Среди них – отец Леонид и его друзья – прот. Михаил Чельцов и прот. Николай Чуков. Десять человек, в том числе и митрополита Вениамина (Казанского), приговорили к расстрелу. В ночь на 13 августа 1922 года расстреляли четверых, ныне причисленных к лику святых новомучеников: митрополита Вениамина, архимандрита Сергия (Шеина), Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова.

Остальным невиновным смертную казнь заменили различными сроками тюремного заключения. Об отмене смертного приговора отцу Леониду хлопотал известный историк и литературовед Павел Елисеевич Щеголев* (1877-1931), погребенный близ церкви на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, рядом с сыном, тоже известным литератором, и тоже сыгравшим впоследствии видную роль защитника протоиерея Леонида Богоявленского перед органами советской власти в годы гонений.

Во время очередного ареста и пребывания в «Крестах» П.Е. Щеголев и познакомился с отцом Леонидом.

Батюшка был очень добрым человеком, внимательным пастырем и жалел всех людей. Заключенные пользовались его душевными качествами и постоянно обращались к нему с различными просьбами: передать письмо на волю, оставить почитать газету, сообщить новости и оказать другие услуги.

Такие, безусловно, хорошие личные отношения с революционером сыграли определенную роль в жизни священника, поскольку П.Е. Щеголев был дружен с Максимом Горьким и другими видными общественными деятелями. Он сам взялся хлопотать об отмене смертной казни протоиерею Л.К. Богоявленскому. Его старания увенчались успехом: смертную казнь заменили тюремным заключением. Отбывал срок заключения отец Леонид вместе со священником Николаем Чуковым, также получившим замену смертной казни пятью годами тюрьмы . Оба священника были освобождены по амнистии 23 августа 1923 года. Свобода оказалась недолгой: 8 сентября 1926 года, будучи настоятелем церкви Рождества Христова на Песках, о. Леонид был арестован на квартире сына Николая (Большая По-

* Павел Елисеевич Щеголев был человеком стойких революционно-демократических взглядов, имел несомненные заслуги перед новой властью, т. к. был ярым противником самодержавия, видным революционером, о чем свидетельствуют его тюремные заключения: в 1899, 1900, 1903, 1906, 1907 и 1908-1911 годах. Впоследствии он стал видным советским писателем-демократом, писал о революционерах, декабристах, народниках. Хорошо известна и главная литературоведческая работа П.Е. Щеголева «Смерть и дуэль А.С. Пушкина».

Семья Богоявленских. О. Леонид с матушкой Зинаидой и сыновьями Владимиром и Николаем. Ок. 1902 г.

Владимир, Николай и Мария Богоявленские. Ок. 1908 г.

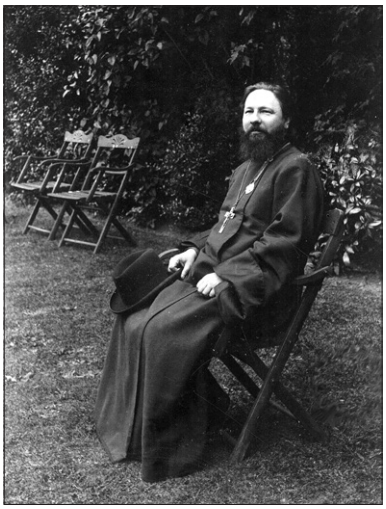
чтамтская, 2, кв. 18), где жила матушка Зинаида и их дочь Нина.

Содержался отец Леонид в ДПЗ, по 1 категории, и обвинялся в «содействии борьбе против революционного движения и рабочего класса при царском строе». Так понималась большевиками деятельность тюремного священника. Первый допрос состоялся 9 сентября 1926 года, а последний – 23. В то время, в отличие от 1937 года, дела рассматривались тщательно и подробно: вызывались и допрашивались свидетели. По делу отца Леонида опрашивали надзирателей М.В. Михно и М.В. Васильева, повара Н.З. Степанюка, тюремного врача В.И. Морева, огородника М.П.Зайцева.

Вместе с отцом Леонидом, как обвиняемый, привлекался по этому делу и священник Евгений Иванович Соколов, служивший тогда уже в Лесном. Он был тюремным священником в «Крестах» с 1916 по 1919 годы. Из дела неясно, оправдали отца Евгения после привлечения к этому делу, или осудили. На допросах отец Леонид, судя по показаниям, держался твердо и уверенно: он, еще недавно прошедший процесс 1922 года, конечно, хорошо понимал, с кем имеет дело.

И опять не обошлось без вмешательства П.Е. Щеголева, который 23 сентября на своем фирменном бланке отправил письмо в ГПУ с просьбой о помиловании о. Леонида. В этом письме он напоминал о том, что отец Леонид помогал заключенным. Объясняя все недоразумения, происходящие с отцом Леонидом, «церковными конфликтами и завистью сослуживцев», он далее, заключает: «В настоящее время он (о. Леонид – *Л. С.*) вполне лояльный человек и безвредный к советской власти» . В этот же день прот. Богоявленский был на допросе. 4 октября П.Е. Щеголева самого вызвали в ГПУ, где он и подтвердил свои показания, которые, вероятно, и сыграли определенную роль. В обвинительном заключении по этому делу говорится: «Арестованный и допрашиваемый в качестве обвиняемого по ст. 67 УК гражданин Богоявленский Леонид Константинович признал себя виновным, и показал, что с 1903 по 1912 годы он состоял тюремным священником Выборгской одиночной тюрьмы, и ему было известно, что на тюремном огороде приводились в исполнение смертные приговоры над политзаключенными. По словам Богоявленского, он присутствовал лишь при двух казнях в 1909, 1910 годах, причем, считает, что этим исполнял свой долг, следуя заповеди Христа об облегчении смертных минут ближнему. Фамилии палача не помнит, но ему приходилось его причащать..». Дело было прекращено за недостаточностью доказательств 14 января 1927 года. Отец Леонид вновь начал служить.

С 14 ноября 1927 до осени 1928 года протоиерей Леонид Богоявленский – председатель Временного Ленинградского епархиального Совета, который находился в Воскресенском Новодевичьем монастыре, куда переехала вся канцелярия епархии, и где некоторое время находился центр всей епархиальной жизни. С 1929

Прот. Леонид Богоявленский во время пребывания в Англии. 1912 г.

по 1930 годы – он член епархиального Совета, а с 1931 по 1933 – его секретарь. При этом с 28 мая 1928 года по январь 1929 года – он служил в Николо-Богоявленском соборе, а затем – настоятелем Троице-Измайловского собора. В это время отец Леонид жил у сына Николая. В 1933 году, когда шла паспортизация всего населения, многие священнослужители паспорта не получили и вынуждены были покинуть город.

Протоиерей Леонид Богоявленский уехал на станцию Поповка, где служил некоторое время в местной церкви. Именно во время этих «неприятностей» отцу Леониду помогает сын уже известного нам П.Е. Щеголева, Павел Павлович. Будучи профессором Государственного Института философии и лингвистики (проживал на 1-ой улице Деревенской бедноты), он пытался защитить протоиерея Леонида, 12 июня 1933 года сообщая в органы: «…На всю жизнь у моего отца сохранилась искренняя признательность к свящ. Богоявленскому за проявленное им отзывчивое отношение как лично к нему, так и вообще к политическим заключенным и ту помощь, которую оказывал он им в условиях чрезвычайно сурового столыпинского режима». Может быть, заступничество П.П. Щеголева и имело определенное значение, но, тем не менее, известный протоиерей и член епархиального Совета оказался под Ленинградом, на ст. Поповка.

Семья священника поселилась рядом с храмом, в небольшом церковном доме. Вскоре они купили собственный дом, в первом поселке (дом 378), на Колпинской улице. Здесь, у отца Леонида поселился преподобный Серафим Вырицкий, которому отвели маленький отдельный домик, где он жил с внучкой Маргаритой. Здесь же жили и две кухарки. В 1935 году дом был конфискован.

Великая Отечественная война в Поповке, как и во многим местах страны, ничего не оставила кроме человеческих костей и окопов, а дом отца Леонида, где почти 2 года жил Серафим Вырицкий, разобрали на блиндаж.

Отец Леонид был прописан в Поповке. Строгий режим прописки, установленный особым решением

С.-Петербург. Исаакиевский кафедральный собор, настоятелем которого прот. Леонид Богоявленский служил в 1917-1922 гг.

ВЦИКа, обязывал каждого был жить согласно прописке. О любом новом лице, появившимся в доме, дворники и жильцы обязаны были сообщать в милицию: таким образом, тотальная слежка давала возможность легко обнаружить «неугодного» режиму человека и применить к нему административные взыскания, вплоть до ссылки. Такое положение вещей во многом облегчало работу следственных органов, но делало тяжелой и издевательской жизнь разлученных близких людей, толкало нарушать государственные законы. Отец Леонид жил у сына, на Морской улице, чтобы находиться неподалеку от Троице-Измайловского собора, где служил настоятелем.

Именно на квартире сына 11 марта 1935 года его арестовали.

В это время в Троице-Измайловском соборе служили протоиереи Всеволод Окунев и Константин Кедров. Они тоже были арестованы в марте 1935 года, затем высланы из города и впоследствии погибли в Кустанае. Были знакомы с отцом Леонидом, проходившие по делу 1935 года Петр Пеньковский и Арсений Росляков, но выяснить их судьбу пока не удалось. Протоиерей Михаил Славницкий был арестован за связь с этими священнослужителями, но впоследствии сумел выжить и служил в самых престижных храмах Ленинграда.

С.-Петербург. Храм Рождества Христова на Песках. Здесь прот. Леонид Богоявленский служил в 1920-х гг.

Отцу Леониду было уже 66 лет, он пережил четыре ареста, познал скорби и радости суетного мира, был болен, и даже в официальном тюремном освидетельствовании говорилось, что он способен только к легкому физическому труду.

На допросе, который состоялся в день ареста, о. Леонид так объяснил свое отношение к советской власти: «В моих проповедях я заостряю вопрос о послушании власти, данной от Бога» , а на вопрос следователя о том, как он относится к закрытию церквей – ответил, что «рассматривает это, как следствие неумения верующих жить по Писанию». Ответ умный и вряд ли был понятен следователю Николаю Дидеку, но зато ему понятна была связь священнослужителя с «бывшими саботажниками», т. е., священниками, проходившими по делу об изъятии церковных ценностей. Знал он и о том, что сыновья батюшки служили в царской армии, что, нарушая режим прописки, он живет у сына. В 1935 году следствие не утомляло себя доказательствами вины арестованных, тем более, что жизнь отца Леонида, хорошо известная всему городу, была на виду. На вопрос о том, где проходили встречи духовенства, о. Леонид не ответил. Вскоре следователь Дидек вынес свое заключение: отправить отца Леонида в концлагерь, а жену выслать в Оренбург. Видимо, даже для того времени это было слишком суровым наказанием и решение заменили другим: «Вместе с женой сослать в г. Тургай (Казахстан) на 5 лет». Взяв подписку о своевременном отправлении в ссылку, отца Леонида отпустили на несколько дней домой.

Их высылали осенью 1935 года. Родные, пришедшие на Московский вокзал проводить ссыльных, заполнили весь перрон. На первую платформу подали простые товарные вагоны. Заключенные не унывали, хотя такое обращение казалось им обидным. Когда начали посадку в вагоны – все запели: «Свете тихий..». и «Ныне отпущаеши..».. На душе у всех было очень тяжело: провожали если не на смерть, то, по крайне мере, на разлуку и неизвестность.

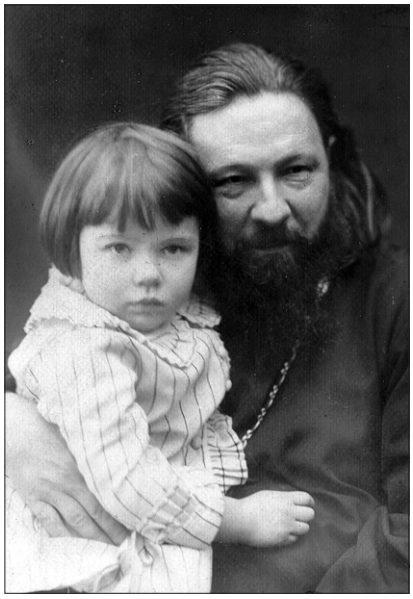
Отец Леонид с матушкой оказались в Мендыкаринском районе Кустанайской области, в селе Боровое, которое окружали два живописных озера. Богоявленские поселились в небольшой мазанке, но вскоре перебрались в домик на краю этого большого села. У них было немного денег, которых хватало на жизнь, поскольку все стоило очень дешево, а они, умея довольствоваться тем, что Бог пошлет, смиренно принимали и помощь, которую оказывали добрые люди. В 1936 году дочь Нина вместе с братом Владимиром и племянницей Лидией ездили навестить родителей. Это была их последняя встреча.

В 1937 году, 5 ноября, отец Леонид «был арестован Медныкаринским РО НКВН за проведение антисоветской агитации и религиозной пропаганды, предусмотренной ст. 58-10 УК РСФСР».

После этого ареста матушка Зинаида вернулась в Ленинград и через пять лет скончалась от кровоизлияния. Ее похоронили на Охтинском кладбище. Сын Николай, архитектор – преподавал, ушел на фронт в годы Великой Отечественной войны, был ранен и скончался в госпитале в 1942 году. В ранней молодости он женился на еврейке Рахили, которую хотели принять в семью, но она заявила, что не собирается иметь ничего общего с «поповским отродьем». Так семья никогда не видела ее и их сына Аркадия, который только в конце своей жизни захотел повидать сестер, но не успел – скончался. Владимир сначала работал в Институте торфа бухгалтером, в годы войны на фронте попал в плен, вернулся, работал в геологической партии, а затем в бухгалтерии Духовной академии, куда ему помог устроиться сын прот. Григория Чукова, работавший в свое время у о. Владимира Богоявленского в свечной мастерской, умер в 1967 году. Была у отца Леонида еще и сестра Евгения Кабанова, о судьбе которой пока ничего неизвестно.

С дочерью отца Леонида Константиновича Богоявленского, Ниной Леонидовной Богоявленской, удалось встретиться. Она, сдерживая слезы, рассказывала о проводах родителей в ссылку, о том, как великим стоном огласилась вокзальная платформа, когда тронулся поезд со ссыльным духовенством, а конвоир сломал прикладом руку провожавшей кого-то женщине за брошенный в поезд узелок...

Дочери репрессированного священника было трудно жить в советское время (детям лишенцев невозможно было учиться в советских вузах, устроиться на работу). Нина часто ездила в Вырицу за советом и утешением к отцу Серафиму, он выходил на крылечко, где они долго беседовали.

Прот. Леонид с дочерью Ниной. Ок. 1924 г.

Прот. Леонид Богоявленский. 1930-ее гг.

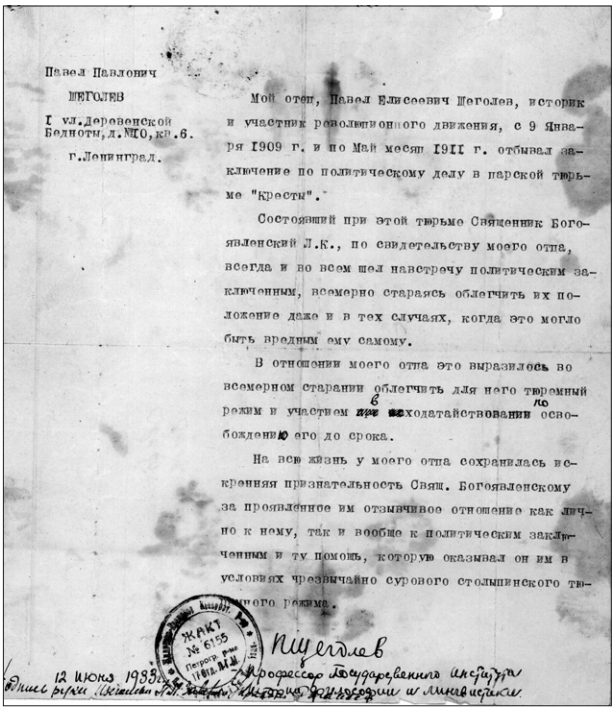
Митрополиты Григорий (Чуков) и Алексий I (Симанский) тайно помогали Н. Л. Богоявленской. Благодаря этой помощи, Нина Леонидовна в 1947 году с отличием закончила Педиатрический институт, затем аспирантуру, стала врачом, кандидатом медицинских наук, работала с космонавтами. Но всю жизнь она хранила нагрудный крест своего отца-мученика.

Жаль, что о многом не удалось спросить Нину Леонидовну: 7 марта 2002 года, в канун Прощеного воскресенья, тихо, мирно старушка отошла ко Господу. В ее большой квартире, заваленной книгами и лекарствами, жила тоска одиночества: восемь лет тому назад умер муж.

Огромный провал в истории 1920–1930-х годов приходится сейчас восстанавливать нам, ныне живущим, и собирать по крупицам воспоминания о прошлых гонениях, которые в свое время орошались потоками слез родных и близких людей, прятались в их памяти, иногда бесследно.

Только недавно нам стало известно, что с отцом Леонидом Богоявленским были расстреляны и другие клирики нашей епархии. Они, также как и он, не признавшие себя виновными, приняли свою мученическую кончину. Это были: протодиакон Знаменской церкви Николай Алексеевич Верещагин, иерей Петропавловской церкви в Лесном Гавриил Гавриилович Сидоров, Самсон Александрович Преображенский, протоиерей Иван Петрович Смирнов, иерей Сергей Петрович Ивановский, диакон Князь-Владимирского собора Георгий Михайлович Кашников, протоиерей Князь-Владимирского собора Кирилл Кириллович Зверев, диакон Василий Иванович Емельянов.

Совсем недавно на письмо председателя Историко-канонической комиссии профессора, протоиерея Владимира Сорокина Архиепископу Астанайскому и Алма-Атинскому Алексию, был получен ответ, и поскольку очень показательно, что в Архивном уголовном деле № 0906 ДКНБ по Кустанайской области «имеется один протокол допроса от 19 ноября 1937 года», его

Павел Павлович
ЩЕГОЛЕВ
I ул.Деревенской Бедноты,д.№10,кв.6.
г.Ленинград.

Мой отец, Павел Елисеевич Щеголев, историк и участник революционного движения, с 9 Января 1909 г. и по Май месяц 1911 г. отбывал заключение по политическому делу в царской тюрьме "Кресты".

Состоявший при этой тюрьме Священник Богоявленский Л.К., по свидетельству моего отца, всегда и во всем шел навстречу политическим заключенным, всемерно стараясь облегчить их положение даже и в тех случаях, когда это могло быть вредным ему самому.

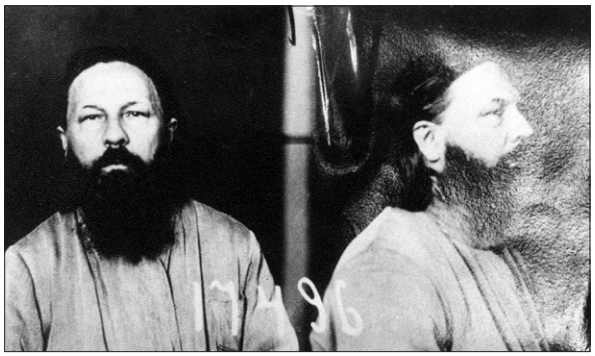
В отношении моего отца это выразилось во всемерном старании облегчить для него тяжелый режим и участием в ходатайствовании по освобождению его до срока.

На всю жизнь у моего отца сохранилась искренняя признательность Свящ. Богоявленскому за проявленное им отзывчивое отношение как лично к нему, так и вообще к политическим заключенным и ту помощь, которую оказывал он им в условиях чрезвычайно сурового столыпинского тюремного режима.

ЖАКТ № 6155 Петрогр. Р-он

Щеголев
Профессор Государственного института философии и лингвистики

12 июня 1933

Прот. Леонид Богоявленский. Последняя фотография, сделанная в заключении

Свидетельство проф. Государственного института философии и лингвистки П.П. Щеголева об отзывчивом отношении и помощи свящ. Леонида Богоявленского к заключенным тюрьмы «Кресты», среди которых был и его отец. 1933 г.

необходимо привести полностью:

«*Вопрос:* Следствие имеет материалы, что Вы являетесь основным руководителем а/с (антисоветской – *Л. С.*) группы в пос. Боровое, где вели а/с агитацию против сов. власти. Признаете ли Вы себя виновным?

Ответ: А/с агитацию я не вел и в а/с группе не состоял и таковой не существовало. С адм. ссыльными священнослужителями я поддерживал связи. Эти связи заключались в посещении друг друга, а так же в совместных выпивках.

Вопрос: Следствие имеет материалы, что Вы являетесь бывшим служителем религиозного культа и систематически проводили богослужения, совершали религиозные обряды и требы, не имея на то права. Признаете себя в этом виновным?

Ответ: Для себя я ежедневно совершал богослужения, но религиозных обрядов и треб не проводил. Виновным себя не признаю.

Выписка из протокола заседания тройки УНКВД по Кустанайской области 20 ноября 1937 года».

Ряса прот. Леонида Богоявленского, подаренная дочерью Князь-Владимирскому собору

Здесь нужны небольшие комментарии для тех, кто мало знаком с советским временем, чтобы было понятно, что «выпивки», на которые, якобы, собирались священники, являются типичной для того времени отговоркой на запрет властей собираться вместе. Священники не признали себя виновными, несмотря на известные в то время силовые методы давления следователей и, тем самым, получили мученический венец.

Незадолго до своей кончины Нина Леонидовна все-таки узнала правду, узнала, что «... 20 ноября 1937 года Богоявленский Л. К. приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение 23 ноября 1937 года в г. Кустанае. За давностью лет место захоронения не установлено».

Дочь репрессированного священника, для которой это не «история епархии», а ее собственная скорбная жизнь, естественно, заплакала, но мы теперь знаем, что еще один священномученик нашей епархии славит Господа на небесах!

Примечания:

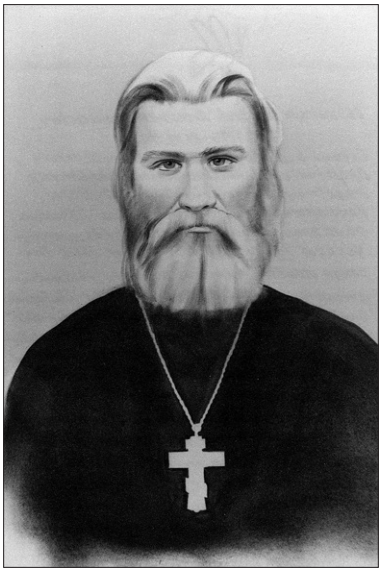
[1] Сведения получены от А.А. Бовкало.
[2] ИСПбЕ, № 17-18, 1912, с. 3.
[3] ИСПбЕ, 1916, №21-22, с. 3-6.
[4] Там же, с. 4.
[5] ИСПбЕ, 1916, № 3-4, с. 1.
[6] ИСПбЕ, 1916, № 2, с. 3.
[7] ИСПбЕ, 1916, № 40, с. 5.
[8] ИСПбЕ, 1916, № 7, с. 8.
[9] ЦГА СПб, ф. 1221, оп. 1, д. 13

Е.А. Абиссов

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР АБИССОВ

Память 8/21 февраля и в первое воскресенье после 25 января / 7 февраля

Незабвенной памяти Сщмч. Александра Абиссова, – страдальца во славу Господа, и Церкви Православной посвящается.

Священномученик иерей Александр Абиссов (1873-1942)

Через образ о. Александра Абиссова (19.02.1873 – 8/21.02.1942) – незаметного сельского священника (каковых в Православной Российской Церкви на 1.01.1915 г. служило 112 тыс. 630 чел., включая низший клир, из них в священническом сане около 50 тыс.) осмыслена на документальной основе трагедия русского народа на примере сооружения силами ОГПУ – НКВД величайшей стройки XX века: Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1-ая очередь, 1933 – 1941 гг.) и вторых, параллельных путей Транссиба (1933 – 1945)

Александр Абиссов служил священником церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи с. Ивановское Малое Мышкинского уезда Ярославской губ. около 30 лет, одновременно исправляя должности учителя и законоучителя свыше 20 лет. Священнослужения не оставлял до ареста в 1937 г., когда, в результате гонений на Церковь, численность православного духовенства по СССР снизилась до 24 тыс.150 чел., из них по РСФСР до 17тыс. 860 чел. Органам НКВД была поставлена задача «изгнания религии из всех укромных ее уголков». В июне 1941 г. оставалось 6 тыс. 380 чел. православного духовенства. К 1943 г. планировалось закрыть последний храм. Фактически же действовало 9829 православных церквей, из них на не оккупированных немцами территориях – 3329…

О. Александр был крепким хозяином-земледельцем, плотником, столяром, пчеловодом, отцом четверых детей. Будучи уже в преклонных летах он претерпел от советской власти неправедный суд, клевету, гонения, ссылку на принудительные работы в шахты Донбасса в 1935 – 1936 гг., и заключение в Амурский ИТЛ НКВД в 1937 – 1942 гг. за, якобы, контрреволюционную агитацию. Виновным себя заключенный Абиссов не признал! Это был глубоко религиозный, мужественный, доброжелательный человек непоколебимой веры. Он достойно нес свой крест в одном из самых кровавых лагерей Амурлага – Бушуйском ОЛП: станция Большой Невер, Читинской (совр. Амурской) обл. Несмотря на тяжелую инвалидность, в 1938 – 1939 гг. трудился в строительной колонне «5Ш» чернорабочим и учетчиком труда в бригаде землекопов и дневальным-истопником барака отдельного лагерного пункта «Бушуйка», концентрировавшего «неполноценную рабочую силу». Пастырское служение продолжал среди заключенных лагерного барака. 22.09.1942 г. в связи с травмой правой ноги был госпитализирован в Свободинский ИТЛ, где оказывал духовную поддержку своим товарищам по палате лагерного лазарета в г. Свбодный Амурской обл. Заключенный Александр Абиссов не был героем БАМА и ТРАНССИБА, на которых в 1939 г. в экстремальных условиях трудились свыше 290 тыс. заключенных-первопроходцев, но среди товарищей по лагерю он оставил о себе добрую память. 21.02 1942 г., в возрасте 69 лет, принял мученический венец 10-й в роду Абиссовых священник – Александр Афанасьевич.

Над тысячами захоронений в безымянных могилах лагерного кладбища г. Свободный живет и душа священномученика Александра. День его памяти Православная Церковь чтит 8.02 по старому стилю. Предлагаемая вниманию читателя «Жизнь сщмч. Александра Абиссова» – дань его светлой памяти от благодарных потомков, в сердцах которых живет Православная вера.

Юбилейный Архиерейский Освященный собор Русской Православной Церкви 13-16.08.2000 г. прославил свыше тысячи имен новомучеников и исповедников Российских XX века для общецерковного почитания, в их числе сщмч. Александра. История не донесла до нас имен десятков тысяч страдальцев – они известны Господу.

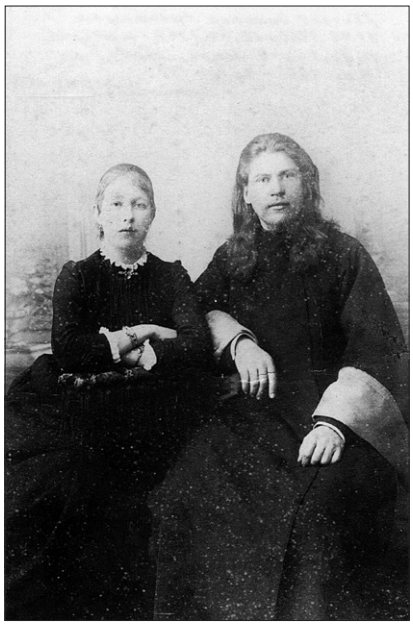
Род Абиссовых – священнический. Фамилия эта происходит в ряду других церковных фамилий, дававшихся в XVIII-XIX вв. правящими архиереями многих епархий России воспитанникам духовных школ, от звучания первых трех букв латинского алфавита: «АВС». Отсюда – Абицовы, Абиссовы, Ависовы и другие вариации этой фамилии.

Четыре старших поколения рода Абиссовых служили Господу в сельских храмах Ярославской епархии и имели многодетные семьи. Среди них: десять священников, два

Священник Лавр Абиссов (1867-1949) с супругой Евлампией Дмитриевной, урожд. Казанской (1873-1942). Углич. 1892 г.

Священник Никанор Абиссов (1859-1937) с супругой Марией Павловной, урожд. Миролюбовой (1867-1942). Ярославль. 1887 г.

диакона, три причетника. Пращур Никита (р. 1740 ? г.) был строителем деревянного храма Спаса Нерукотворного Образа в приходе с. Еляково, Даниловской округи и его первоиереем (?) с 1771г. Его сыновья стали родоначальниками двух ветвей рода Абиссовых:

– Архип Никитин, 1763-1809 гг., служил священником Спасской церкви с. Еляково Даниловского уезда в 1789-1809 гг., отец семерых сыновей. Родственные связи утрачены в 1945 году.

– Борис Никитин, 1765 – 1830 гг., служил священником церкви с. Покровское на р. Лунке Даниловского уезда, рукоположен в 1790 году. Его сын Евграф Абисов, р. 1794 г., рукоположен во священника с. Секша Любимского уезда в 1818 году.

Блаженной памяти прадед наш Александр родился 19.02.1873 г. в селе Мормужино, что в Пошехонском уезде Ярославской губернии, от благонравных родителей: свящ. Афанасия Евграфовича Абиссова (1823 – 1897 гг.) и Клавдии Николаевны, урожд. Ильинской (1833 – 1901 гг.). В семье Абиссовых Александр был четвертым сыном и седьмым, последним ребенком.

Продолжая духовные традиции, братья – Никанор (р. 1859 г.), Лавр (р. 1867 г.) и Александр Афанасьевичи избрали путь служения Господу и стали священниками Ярославской епархии, а старший брат Филипп (р. 1855) – помощником исправника г. Любима.

О сестрах известно: Юлия, в замужестве Смирнова, 1863-1950 гг., вышла замуж за причетника и стала матерью шестерых детей (четырех мальчиков и двух девочек), певчая на клиросе; Екатерина, 1864-1940-е гг., крестьянка; Ольга, 1870-1936? гг., учительница церковно-приходской школы.

Образование Александр получил в Угличском Духовном училище и Ярославской Духовной семинарии, которую окончил в июне 1896 г. по 2-му разряду.

С 1896 г. Александр Афанасьевич исправлял должности учителя и, с 1897 г., – законоучителя церковно-приходской школы с. Ордино (1896 г.); с. Ивановское Малое (1897 – 1916 г.) и земской школы (1910 – 1916 г.) с. Полюжье, Мышкинского уезда. В общей сложности потрудился он на ниве народного образования около двадцати лет. 6.05.1908 г. законоучитель Александр Абиссов за заслуги по Духовному ведомству Всемилостивейше пожалован серебряной медалью «За усердие»

Церковь св. Троицы на Дивной горе, где в 1897-1928 гг. служил свящ. Лавр Абиссов. Фото 1974 г.

Церковь Корсунской иконы Божией Матери в селе Дегтево Ярославской губ. и уезда, где в 1887-1928 гг. служил прот. Никанор Абиссов. Фото 1905 г.

на Александровской ленте.

6.02.1908 г. Александр Афанасьевич женился на дочери почившего иерея церкви с. Заболотья Романово-Борисоглебского уезда Алексия Воскресенского, – учительнице Партусовской церковно-приходской школы Угличского уезда, Надежде Алексеевне (1876 – ?). Молодые венчались в церкви с. Архангельское в Бору Угличского уезда (церковь действующая в 2000 г.).

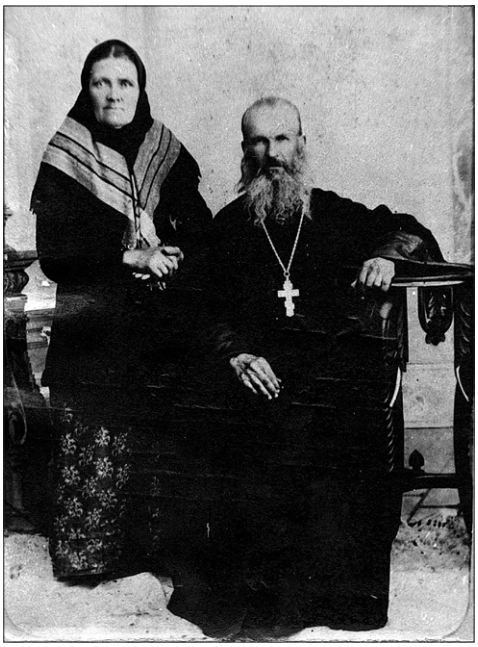
В годовщину освобождения крестьян от крепостной зависимости святителем Тихоном (Беллавиным) законоучитель Александр Абиссов рукоположен в сан диакона к церкви с. Ивановское Малое Мышкинского уезда, в Крестовой Воскресенской церкви Ярославля 19.02.1908 г., а 24.02.1908 г., в неделю Сыропустную, Владыка Тихон в той же церкви во время Божественной литургии рукоположил диакона Александра в сан иерея церкви с. Ивановское Малое. Родителям не суждено было стать свидетелями столь радостного события в жизни сына.

С 1908 г. о. Александр исполнял должность священника, а также был духовным следователем по IV благочинническому округу (1912 – 1915) и, с 1915 г. – благочинного церквей IV округа Мышкинского уезда. В марте 1912 г. был награжден набедренником, а ко дню Св. Пасхи, в 1916 г. – фиолетовой камилавкой. Ревностно служил он настоятелем Предтеченской церкви, правя слово истины, до 1937 г. В богомыслии, постах, молитвах, подвижническом пастырском труде протекли тридцать лет. В семье Абиссовых родились дети: Татьяна (17.12.1908 – 1960? гг.); Анна I (8.06.1911 – 1916 гг.); Анна II (10.05.1918 – после 1984 гг.); близнецы Александр и Михаил (р. 1915 г.).

В 1913 г. на церковно-усадебной земле тщанием прихожан был построен деревянный дом священника, состоявший в собственности церкви.

В 1917 г. грянула революция, круто изменившая судьбу семьи о. Александра. С 1922 по 1937 гг. о. Александр, а с 1927 г. и супруга его – Надежда Алексеевна, были лишены избирательных прав. В 1931 г. он был, как «служитель религиозного культа», привлечен к обложению индивидуальным(натуральным) сельскохозяйственным налогом и денежным сбором в объеме 75 % от «нетрудовых доходов и треб». В 1931-1937 гг. хозяйство Абиссовых числилось в списке единоличных по Терютинскому сельсовету Угличского района.

О послеоктябрьской жизни о. Александр писал: «…Как местного жителя и священника меня хорошо знали представители советской власти… По приглашению председателей местных колхозов помогал крестьянам ставить в суслоны сжатые снопы, спасая этим хлеб от гниения. В нашей местности не умели ставить суслоны, а ставили снопы в крестцы. Как столяру заказывали для колхозных дворов оконные рамы и звали вставлять стекла. Главная же моя заслуга состояла в развитии пчеловодства… Многие завели пчел, и я

Афанасий Евграфович – священник Предтечевской церкви с. Ивановское Малое Мышкинского уезда в 1875-1896 гг., и Клавдия Николаевна Абиссовы – родители о. Александра

охотно шел на помощь в строительстве пасек. Для желающих работал улья и учил ухаживать за пчелами. В Ивановском колхозе ставил пасеку и руководил ею до последнего времени» (т. е. до ареста 4.11.1937). Здесь приведены выдержки из «Жалобы заключенного Абиссова А.А. в Надзорную комиссию НКВД» о неправильности приговора судебного заседания Тройки УНКВД Ярославской обл. от 5.11.1937 г. и осуждения его по статье 58-10 к заключению в ИТЛ на 10 лет. Просьба о пересмотре решения «Тройки» датирована 12.03.1939 г. Забегая вперед, скажу, что УНКВД Ярославской обл. письмом от 31.07.1939 г. в адрес Амурлага, ст. Б. Невер, Читинской (ныне Амурской) обл. сообщал, что приговор оставлен в силе. Заключенный Абиссов не был наивен, чтобы предполагать, что его жалоба будет удовлетворе-

У могилы старшего брата прот. Никанора Абиссова. 1937 г. В изголовье – свящ. Александр Абиссов с прощальным словом; справа – его дочь Анна II Александровна; крайняя справа – Мария Павловна, урожденная Миролюбова, вдова усопшего. Село Дегтево Ярославского уезда. 21.07.1937 г.

на. Это была попытка обезопасить семью от репрессий и рассказать о своей доле для потомков.

Глубоко религиозный о. Александр всегда по первому зову шел с духовным утешением, состраданием и помощью к больному и с советом к здоровому; ревностно проповедовал Слово Божие; заслужил всеобщее уважение, доверие и любовь прихожан; постоянно заботился об украшении и благолепном содержании св. храма Предтеченского. Образцовой была жизнь о. Алесандра, как семьянина – мужа и отца. С супругой, Надеждой Алексеевной, он разделял семейное счастье тридцать лет. Здесь радость и горе, труды и заботы об устройстве своего семейства. Он был рачительным хозяином, склонным к новаторству, старался извлекать доход из своего земельного участка, где с любовью занимался сельским хозяйством, вставая до рассвета и показывая другим пример трудолюбия.

В волну массовых репрессий населения, после убийства С.М. Кирова в декабре 1934 г., о. Александр был осужден на два года за «хищение соц. собственности» – якобы за сбор колосков на колхозном поле. Принудительные работы он отбывал на угольных шахтах, по-видимому, в Донбассе в 1935 – 1936 гг.* Мысленно и я бродил по следам о. Александра и угольным копям Донбасса, которых здесь, в 1976 г., насчитывалось около четырехсот. Спускался в клетях в шахтные стволы на глубину до 400 метров (в 1976 г. их глубина достигла 1500 м); плутал по лабиринтам штреков, пронизывающих угольные пласты; осматривал длинные вереницы вагонеток, наполненных углем, километры узкоколейных рельсовых путей…

Домой возвратился о. Александр инвалидом 2-ой группы с пороком сердца, энфиземой легких и хроническим бронхитом. Уголек добывали ударным путем, в антисанитарных условиях (при отсутствии средств для защиты органов дыхания, плохом освещении и вентиляции), в клубах густой и канцерогенной угольной пыли…

В связи с массовыми репрессиями, непрекращающимися гонениями на Церковь и духовенство, невозможно стало нормально жить и работать. Лучшие независимые и трудолюбивые люди России «оседали» на Сибирском лесоповале или на крупнейших промышленных стройках, сооружавшихся силами ОГПУ – НКВД. Страна была превращена в концлагерь. 21.07.1937 г. о. Александр отдал последний поклон у могилы брата, протоиерея Никанора Афанасьевича Абиссова , – настоятеля храма Корсунской Божией Матери с. Дегтево Ярославского уезда, умершего 18.07.1937 г. У могилы среди родственников, была и дочь о. Александра – Анна II, проживавшая в с. Запрудново (в 2,5 км от с. Дегтево). Сохранилась фотография прощания с о. Никанором Абиссовым – единственный документ, донесший до наших дней образы о. Александра и его дочери Анны Александровны.

Типовая церковь для станционных поселков Амурской железной дороги, строившихся в 1909-1915 гг.

3.11.1937 г. о. Александр Абиссов был вторично арестован Угличским РО НКВД по сфальсифицированному обвинению «в антиколхозной агитации и распространении провокационных слухов в адрес сов. власти», а 5.11.1937 г. осужден на 10 лет заключения в ИТЛ Судебным заседанием Тройки УНКВД Ярославской обл. Его «грех» состоял только в принадлежности к церковному клиру. Священнослужение в Мало-Ивановской церковной общине в конце 1937 г. было подвигом и прямым вызовом властям, взявшим «курс» на уничтожение Православия и уготовившим кровавый террор русскому народу, хотя по «закрытой» переписи 1937 г. 70 % населения СССР исповедывало Православие. Большая часть духовенства оставила службу в 1927-1928 гг. В 1936 г. от дореволюционного количества «культовых зданий» оставалось по СССР 28,5 % (около 600 тыс. верующих); по РСФСР 35,6 %. Планировалось в 1936 г. закрыть все храмы всех религий, а в 1937 г. добиться, чтобы имя Божие вообще не упоминалось.

Виновным себя о. Александр не признал дважды:

* Косвенное свидетельство об отбывании свящ. Александром Афанасьевичем Абиссовым принудительных работ на шахтах Донбасса в 1935-1936 гг. построена на таких фактах. Племянник свящ. Александра, горный инженер – маркшейдер Абиссов Аполлос Лаврович (1909-2000) – сотрудник ВНИМИ (г. Ленинград) рассказывал мне, что неоднократно выезжал в Донбасс в служебные командировки. В 1938-1940 гг. на одной из небольших ж.д. станций, на границе Ворошиловградской и Донецкой областей (железнодорожная станция «Путепровод» ?), он случайно встретил родного дядю – Филиппа Афанасьевича Абиссова, (1855-1938/40 гг.), работавшего кладовщиком в железнодорожной камере хранения. Бывший помощник исправника г. Любима Ярославской губ. – Филипп Афанасьевич скрывался здесь от репрессий. Возможно, что с Ф.А. проживали старшая дочь и внучка свящ. Александра Абиссова: Татьяна (1908-1960? гг.) и ее дочь В.В. Абиссова (р. 1932 гг.). В 1964 г. последняя, как было установлено, трудилась в УКРНИИ им. Вавилова в г. Днепропетровске (территория Донбасса). Не исключено, что в 1935 –1936 гг., во время отбывания свящ. Александром Абиссовым принудительных работ, его брат Филипп Афанасьевич с членами семьи свящ Александра Афанасьевича поселился в Донбассе. В документах Угличского РО УНКВД Ярославской обл. (личное дело № 6083 и анкета арестованного А.А. Абиссова 3.11.1937 г.) место ссылки не указано. Упомянут арест и судимость в конце 1934 г.; осуждение на 2 года принудительных работ.

3.11.1937 г. (при аресте Угличским РО УНКВД) и 12.03.1939 г. (в Амурском ИТЛ).

4.11. – 14.12.1937 г. о. Александр содержался в Ярославской пересыльной тюрьме НКВД, где 10.11.1937 г. был освидетельствован как инвалид 2-ой группы.

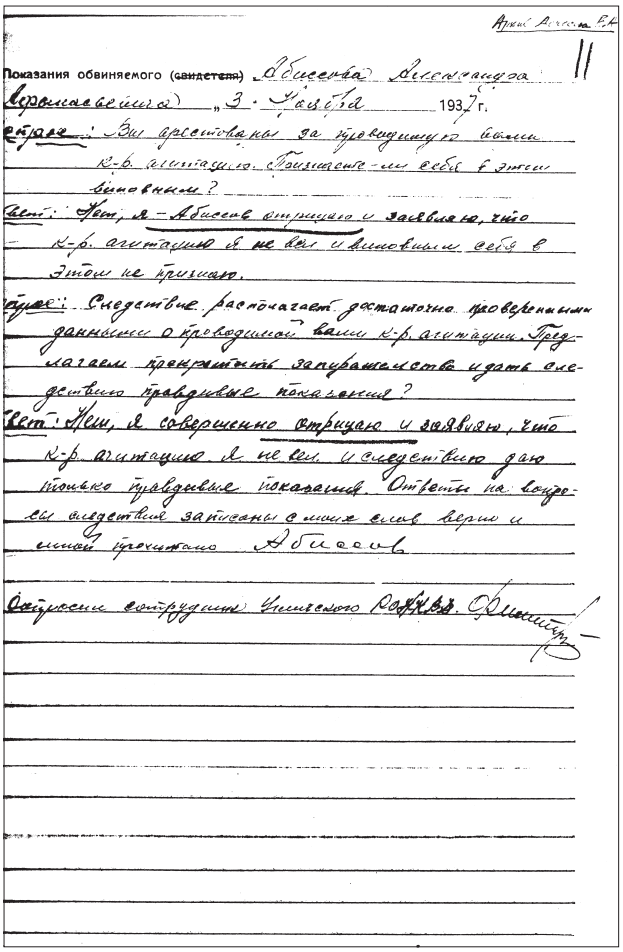
В сентябре-декабре 1937 г. в адрес БАМлага НКВД по директиве ГУЛАГа было отправлено 120 эшелонов, доставивших около 135 тыс. заключенных. В одном из этих спецэшелонов из Ярославля 14.12.1937 г. был этапирован под «усиленным конвоем» заключенный Александр Абиссов. Впереди лежал великий путь на Восток – пунктом назначения был г. Хабаровск, Дальневосточной железной дороги. Спецэшелон двигался с малой скоростью. Заключенных везли в пульмановских товарных вагонах. Целыми днями все 40 человек в вагоне давили вшей, которых были целые полчища… Кормили нерегулярно: 400 г черного липкого, как земля хлеба и столько же селедки (либо соленой рыбы), на всех пару ведер угля и ведро воды. 15.01.1938 г., на 33-й день пути, преодолев 3350 км, заключенные Ярославского этапа прибыли на железнодорожную ст. Тайшет, Иркутской обл. (экспресс покрывает такое расстояние за 3,5 дня). В Тайшете, – начальном пункте БАМа, находилось управление Озерлага НКВД, которому было поручено сформировать самый крупный исправительно-трудовой лагерь на Байкало-Амурской железнодорожной магистрали с численностью заключенных 45 тыс. человек.

В Тайшете заключенных выгрузили из вагонов, построили в линейку и сделали перекличку. Затем отвели на помывку в баню и подвергли медицинскому осмотру. После медицинского освидетельствования 23.02.1938 г. заключенный Александр Абиссов (личное дело Б 103199) был признан инвалидом, негодным к физическому труду, и направлен в Бушуйский ОЛП (отдельный лагерный пункт) Амурлага НКВД – на станцию Б. Невер, Читинской обл. Бушуйский ОЛП концентрировал «неполноценную» рабочую силу (слабосильных, инвалидов, хроников) и имел недобрую славу на БАМе. В 1931 г. в «Бушуйке» были загублены 16 тыс. душ ссыльнопоселенцев-кулаков с Украины, погибших от эпидемии сыпного тифа. Преступление такого масштаба следует предать широкой огласке. Оно сопоставимо с общей численностью жертв, погибших на БАМе в 1933-1941 гг., и составляет около четверти этих невинно убиенных людей.*

На самом кровавом месте Амурлага начался крестный путь заключенного Александра Абиссова, прибывшего на ст. Большой Невер в марте 1938 г. От

* Т. е. всего, с учетом погибших в 1931 г. ссыльных кулаков, число жерт на БАМе оценивается в 66-76 тысяч человек.

Показания обвиняемого (~~свидетеля~~) Абиссова Александра
Вероисповедания „3" Февраля 1937 г.
Вопрос: Вы арестованы за проводимую вами к-р. агитацию. Признаете-ли себя в этом виновным?
Ответ: Нет, я – Абиссов отрицаю и заявляю, что к-р. агитацию я не вел и виновным себя в этом не признаю.
Вопрос: Следствие располагает достаточно проверенными данными о проводимой вами к-р. агитации. Предлагаем прекратить запирательство и дать следствию правдивые показания?
Ответ: Нет, я совершенно отрицаю и заявляю, что к-р. агитацию я не вел и следственно даю только правдивые показания. Ответы на вопросы следствия записаны с моих слов верно и мной прочитано Абиссов

Показания свящ. Александра Абиссова из «анкеты арестованного». Ноябрь 1937 г. Архив Е.А. Абиссова

Ярославля его отделяли 7000 км, а от Владивостока и Тихого океана – примерно 2000 км.

Штаб Бушуйского ОЛП располагался в населенном пункте «Бушуйка» на современной автомагистрали «М56» Б. Невер – Якутск.Заключенный Александр Абиссов был зачислен чернорабочим в штабную строительную колонну «5Ш» Бушуйского ОЛП Амурского ИТЛ. Лагерная зона колонны «5Ш» (резервация для неполноценной рабочей силы численностью около 500 человек) находилась в 3 км от ст. Б. Невер и в 15 км от населенного пункта «Бушуйка». Деревянные бараки заключенных размещались на площадке 200х200 м, обнесенной деревянным забором с колючей проволокой и вышками по углам для часовых. В зоне находилась казарма для охраны ВОХР и надзирателей, рубленные деревянные дома лагерного начальства и кандей (штрафной изолятор). В бараках стояли 2-х этажные сплошные нары из неструганных досок, опиравшиеся прямо на землю (пола не было), параша, железная печка – буржуйка: лежащая на боку бочка из под бензина. Нары застелены тряпками, кишащими вшами и блохами. Постелью заключенным служила их грязная ватная одежонка. По ночам тускло горели лампочки.

Заключенные колонны «5Ш» трудились на общих работах по сооружению вторых, параллельных путей Транссиба на участке от ст. Б. Невер до ст. Сковородино протяженностью около 13 км. Лагерный режим был очень строгий. Подъем в 6 часов, потом оправка и завтрак. Рабочий день начинался в 8 часов и продолжался 16 часов с перерывами на обед с 12 до 13 и ужин с 18 до 20, а потом работа до ночи. Каждый день развод в 7 часов. Заключенных строили по бригадам (около 50 чел.), проверяли по списку, выводили за ворота и еще раз пересчитывали. Охрана – конвойные с винтовками, на поводках – собаки. Поступала команда: «Руки назад! В пути следования строя не нарушать и не разговаривать! Шаг вправо, шаг влево – оружие применяется без предупреждения…» Пройдя около 3 км колонна изнуренных, полуголодных и плохо одетых людей с грязными и равнодушными лицами останавливалась в указанном месте. Заключенных расставляли цепочкой по бригадам вдоль трассы, на которой заранее были забиты ряды деревянных колышков. Часть людей выполняла земляные работы на трассе железной дороги, другая – валила лес в полосе отчуждения. Основной инструмент землекопа – тачка («колесная лира»), а сопутствующие – кирка и лопата.

В любую погоду с марта по июнь 1938 г. заключенный Александр Абиссов гонял проклятую тачку. Многие вечером не имели сил дойти до лагеря. Их как бревна грузили на сани и везли в зону. О том, чтобы среди дня отдохнуть, не могло быть и речи. Над душой стоял бригадир или десятник и покрикивал: «Давай работай! Чего стал? Почему мало погрузил в тачку?» Давай – и мат, мат – в самых невероятных сочетаниях и словообразованиях. Почти ежедневно в бригадах не досчитывались одного-двух товарищей.

По другой версии, заключенный Абиссов в марте – апреле 1938 г. был учетчиком труда бригад, выполнявших земляные работы на трассе вторых путей Транссиба, т. к. в 1938 г. он имел нерабочую группу по инвалидности и был причислен к штабной колонне «5Ш».

Дневные нормы выработки были известны каждому «путеармейцу»: для землекопа 2,13-3,60 кубических метров грунта; для лесоруба – 7,5 кубических метров леса; для такелажника на балластных работах вручную – 2,73 кубических метров. Нормы выдачи хлеба (и соответственно других продуктов) не менялись с 1933 г. и, в зависимости от выработки, составляли: до 25 % – 200 г – голодная смерть; до 50 % – 400 г – вымирание; до 76 % – 600 г; 100-110 % – 1000 г; свыше 125 % – 1200 г.

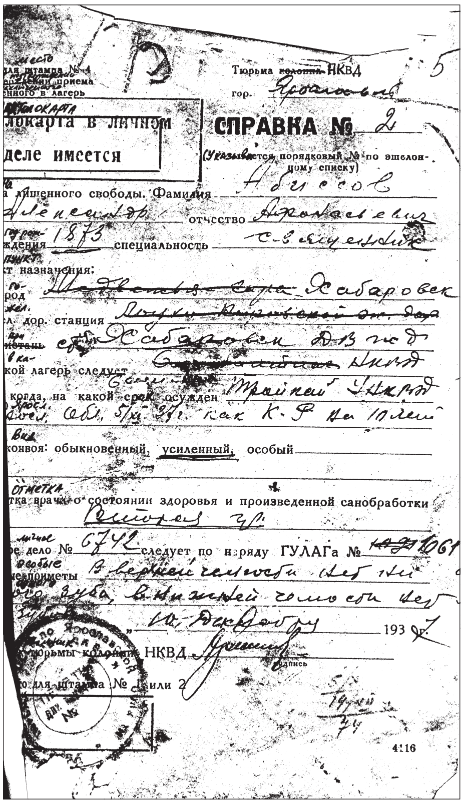
Во имя победы коммунизма инакомыслящих людей превращали в лагерях в серую, безликую и послушную массу. Непосильный труд и «отеческая» забота лагерного начальства давали трагические результаты. За малейшую провинность следовала неумолимая кара: расстрел, перевод в штрафную колонну (работа на каменных карьерах), наказание отсидкой в штрафном

изоляторе (за выполнение нормы до 76 %). Неудивительно, что люди умирали как мухи от истощения, паралича сердца, крупозного воспаления легких, туберкулеза, воспаления желудочно-кишечного тракта, обморожения, сыпного тифа, цинги, психических расстройств, травм… Вопрос «трудового героизма» был второстепенным. В лагерях уничтожали «классовых врагов» и «чем больше, тем лучше». Инвалидные лагеря предназначались «для плановой очистки от неработоспособных и инакомыслящих».

Ежегодный «отсев» (слово смертность не употребляли) среди неполноценной рабочей силы был не менее 19%.

С мая 1938 г. по 30.08.1939 г., в связи с резким ухудшением здоровья, заключенный Александр Абиссов был зачислен дневальным лагерного барака колонны «5Ш». Отвечал за чистоту и порядок, следил за печкой, разносил пищу – овсяную баланду и кашу с кусочком соленой рыбы, пайки хлеба. Ни жиры, ни мясо до заключенных не доходили. Из лагерной зоны он уже не выходил. Открытым видел только небо да перелетных птичек: полевого жаворонка, деревенскую ласточку и кукушку…

В личном деле заключенного сохранилась производственно-лагерная и бытовая характеристика, подписанная начальником колонны «5Ш» во II квартале 1939 г.: «Заключенный Абиссов не работает как инвалид. В быту

Тюрьма ~~колонии~~ НКВД
гор. Ярославль
Дактилокарта в личном деле имеется
СПРАВКА № 2
(Указывается порядковый № по эшелонному списку)
...лишенного свободы. Фамилия Абиссов
Александр отчество Афанасьевич
Год рождения 1873 специальность священник
Пункт назначения:
Город ~~Медвежья Гора~~ Хабаровск
Жел. дор. станция ~~Медвежьегорской ж. д.~~
ст. Хабаровск ДВ ж. д.
В какой лагерь следует ~~Беломорбалтлаг~~ НКВД
Кем, когда, на какой срок осужден Тройкой УНКВД Яросл. обл. 5/XI-37 г. как К-Р на 10 лет
Вид конвоя: обыкновенный, усиленный, особый
Отметка врача о состоянии здоровья и произведенной санобработки Вторая кат.
Личное дело № 6742 следует по наряду ГУЛАГа № ~~1027~~ 1061
Особые приметы В верхней челюсти нет ни ... зуба, в нижней челюсти нет ...
„10“ декабря 193 7 г.
Нач. тюрьмы колонии НКВД
подпись
Место для штампа № 1 или 2
4116

Справка из личного дела заключенного
свящ. Александра Абиссова. Пункт назначения – Медвежья Гора (Беломор-Балтлаг), изменен на БАМлаг НКВД

ведет себя удовлетворительно. С окружающей массой уживчив. К лагерному имуществу относится добросовестно. Административным взысканиям не подвергался. В культмассовой работе участия не принимает».

Можно предположить, что заключенный Абиссов продолжал пастырское служение и окормление пребывавших в заключении людей, проявляя доброту и сердечность, огромное мужество, несгибаемую волю, твердость духа и непоколебимость веры православной. Он умел расположить к себе человека, успокоить, ободрить, вселить надежду, уладить любой спор, был примером для своих обездоленных товарищей по лагерю. Возможно, среди них были заключенные, прибывшие Ярославским этапом.

Заключенный Абиссов не был героем Транссиба, но он внес свою посильную лепту в его строительство: находился среди людей, строивших БАМ и вторые пути Транссиба, и оставил в их сердцах о себе добрую память!

30.08 – 22.09.1939 г. заключенный Абиссов находился на излечении в санчасти Бушуйского ОЛП (ст. Б. Невер) в связи с травмой правой ноги.

С 22.09.1939 г. тяжелобольной Абиссов был госпитализирован со ст. Б. Невер в г. Свободный, Амурской обл. (эти станции разделяют 500 км) и помещен в лазарет Свободнинского Комендантского ОЛП (14 отделение Амурского ИТЛ).

До 14.02.1941 г. инвалид, заключенный Абиссов, состоял дежурным санитарной палаты при тюремном лазарете и, несмотря на крайнее расстройство собственного здоровья, оказывал помощь больным товарищам по палате.

В семейном архиве сохранилось письмо Марии Павловны, урожд. Миролюбовой (1867-1942 гг.) – вдовы прот. Никанора Абиссова (1859-1937 гг.), в котором она сообщает сыну Андрею (1903-1989), моему отцу: «Получили письмо от д. Саши (о. Александр Абиссов) из Благовещенска. Благодарит всех за посылку. Вот уже месяц как лежит он в больнице: упал, разбился и повредил ногу». (Травму заключенный Абиссов получил 22.09.1939 г; письмо датировано 12.01.1940 г.)

Это письмо очень мужественного человека. В нем нет жалоб на судьбу, здоровье, хотя он неизлечимо болен и дни его уже сочтены. Александр Афанасьевич был готов к смерти в узилище. Возможно до 1939 г. «за неотказ от мужа» была сведена в могилу его супруга – Надежда Алексеевна, урожд. Воскресенская, т.к. последнее письмо было адресовано уже не ей…

С 14.02.1941 г. по 21.02.1942 г. по свидетельству лечащего врача-ординатора, заключенного Криста Е.И., «заключенный А.А. Абиссов нуждался в постороннем уходе», он был практически обездвижен и прикован к постели. Развязка неумолимо приближалась.

19.02.1942 г., в день своего рождения, заключенный Абиссов поступил в больницу Свободнинского ИТЛ

«на излечение» (хотя вышедших из больницы здоровых людей в те годы никому встречать не приходилось), а 21.02.1942 г, 69 лет от роду, в 9.45 он окончил свой крестный путь, не дожив 44 дня до Св. Пасхи (празднование 23.03.1942 г. по ст. стилю). По заключению врачей смерть наступила от правосторонней крупозной пневмонии при наличии резкой старческой дряхлости.

При наружном осмотре трупа умершего обнаружено: рост 176 см; цвет глаз – голубой; цвет волос на голове, бороде и усах – седые; татуировок нет. В верхней челюсти зубов нет, в нижней – 1 зуб. Укорочение правой ноги на 5 см.

24.02.1942 г. бывший заключенный Александр Абиссов погребен в безымянной могиле на лагерном кладбище г. Свободного (7750 км от Ярославля).

Дул холодный, пронизывающий северо-западный ветер. Лютый мороз – 40^0С грыз уши и руки. Не было надгробных речей, но только теперь мы сознаем, что дела усопшего были выше слов! Гонения и репрессии заключенный Абиссов принял как Божие испытание страданием. До последних дней он оказывал духовную поддержку своим товарищам по лагерю, исполняя долг священника и человека. Лагерное начальство от него раскаяния и вероотступничества не дождалось. Он умер праведником, верившим в возрождение Православия.

В последний путь страдальца проводили могильщик, стрелок ВОХР и представитель саннадзора. В акте погребения от 24.02.1942 г. указано, что «сего числа похоронен Абиссов Александр Афанасьевич, 1873 года рождения, на глубину 1,5 метра». Печать Свободнинского ИТЛ, Бушуйского ОЛП. Над местом захоронения установили дощечку с номером заключенного 103199. Крестов не полагалось.

П о с л е с л о в и е

30.01.1941 г по приказу Л.П. Берии Амурский ИТЛ был расформирован. В апреле 1941 г. железнодорожное строительство I очереди БАМа законсервировано, а заключенные отправлены на золотые прииски, угольные копи, лесоповал. 22.06.1941 г. Германия напала на Советский Союз. На Восток потянулись эшелоны с эвакуированным населением…

На городском кладбище г. Свободного, в 2,5 км к юго-западу от железнодорожного вокзала, в конце ул. Михайло-Чесноковской находятся захоронения заключенных, строивших город-порт Свободный на р. Зея и Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль.

Символично, что душа иерея Александра Абиссова обрела свободу в г. Свободном. Корень слова «Свобода» звучит двусмысленно в названиях города и лагеря, дышит обреченностью жертв репрессий и холодом братских могил заключенных. Для них обратного пути в родные края не было!

Почтим светлую и незабвенную память всех репрессированных и невинно убиенных в лагерях ГУЛАГ людей. Их было свыше 20 млн. душ. Среди них, в 1918 – 1953 гг., органами ОГПУ – НКВД репрессировано свыше 80 тыс. православного духовенства (по подсчету автора этих строк). В том числе около 20 тыс. священников и диаконов расстреляно; 250 архиереев пропало без вести…

Только на БАМе нашли свою могилу около 50-60 тысяч человек. История не донесла до нас имен десятков тысяч страдальцев. Надеюсь, что со временем в местах их гибели будут установлены кресты, часовни, храмы, и люди будут в них молиться, чтобы подобная трагедия русского народа больше не повторилась!

24.04.1989 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Абиссов А.А. реабилитирован посмертно.

13-16.08.2000 г. Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви свящ. Александр Абиссов был канонизован и причислен к лику священномучеников XX века.

P.S. Село Ивановское Малое Мышкинского уезда, в 2001 г., называется дер. Ивановское, Воздвиженского района, Угличского муниципального округа. Дер. Ивановское состоит из трех дачных домов . Коренных жителей не осталось.

Предтеченская церковь не сохранилась. Кладбище действующее. Церковь была закрыта 4.05.1940 г. решением Исполкома Угличского районного Совета депутатов (протокол № 34) в связи с бездействием храма с 3.11.1937 г. (арест священника Александра Абиссова).

Следы семьи свящ. Абиссова Александра Афанасьевича

В большом алфавитном каталоге Российской национальной библиотеки С.-Петербурга значатся:

1. Имя Абиссовой А.А (Анны Александровны) – искусствоведа стоит на «Каталоге выставки графики художников Красноярска», экспонировавшейся в г. Омске в 1978 г. Возможно в 1939 - 1940 гг. Анна Александровна оказалась в Сибири, будучи репрессирована как член семьи « врага народа ».

2. Имя Абиссовой В.В. (дочь Абиссовой Татьяны Александровны, 1908-1960 ? гг.) – научного сотрудника УКРНИИ растениеводства, селекции и генетики им. Вавилова В.Я., г. Днепропетровск, стоит на автореферате диссертации на соискание ученой степени кандидата сельско-хозяйственных наук: «Беспрорывочная культура подсолнечника при квадратно-гнездовом посеве в условиях центральной степи УССР», 1964 г. Абревиатура Абиссова В.В. не раскрыта.

Историческая справка о строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали

Величайшая стройка XX века БАМ – железная дорога I категории; одна из крупнейших транспортных артерий России от ст. Тайшет Иркутской обл. до Советской гавани Приморского края (б. Императорская гавань); второй, после Транссибирской ж. д. магистрали, магистральный выход к Тихому океану. Стратегическое значение: освоение природных богатств Сибири и Дальнего Востока; сокращение пути к Тихому океану в среднем на 500 км, в Якутию – на 600 км. Проектная провозная способность 18 млн тонн грузов в год (западный участок) и 9 млн тонн в год (восточный участок). Протяженность, с ответвлениями к Транссибу и в Монголию, по данным ГОСКОМобороны на 1945 г., – 5580 км, по картам ж.д. 2000 г. (без ответвлений) от Тайшета до Совгавани – 4300 км.

Изыскательные работы на БАМе начаты до 1917 г.

I очередь строительства БАМа выполнена силами ОГПУ-НКВД с марта 1933 г. по апрель 1941 г. Построено около 1200 км ж.д. путей.

II очередь строительства БАМа, ударная комсомольская стройка в 1974 г. – ноябрь 1989 г. Построено 3100 км железнодорожных путей. Строительство полностью не завершено и в 2001 г.

Транссибирская железнодорожная магистраль «Челябинск – Омск – Иркутск – Хабаровск – Владивосток», протяженностью около 7000 км, построена в 1891-1916 гг.

Вторые, параллельные пути Транссиба от ст. Карымская Читинской обл. до г. Ворошилов (совр. Уссурийск) выполнены силами ОГПУ-НКВД в 1933-1945 гг. Построено 2075 км вторых железнодорожных путей.

Приказом ОГПУ от 10.11.1932 г. для сооружения БАМа и вторых путей Транссиба (приоритетное значение) создан БАМлаг НКВД.

В структуру БАМлага на 1.07.1935 г. вошли 24 отделения (в т.ч. Свободнинский Комендантский ОЛП – 8388 заключенных и Бушуйский ОЛП – 2256 заключенных) и 509 лагерных точек.

С середины 1938 г. БАМлаг НКВД преобразован в Управление железнодорожного строительства (УЖДС) НКВД на Дальнем Востоке, в которое вошли 7 ИТЛ (в т. ч. самый крупный – Амурский ИТЛ), насчитывавших 35 отделений, 793 колонны и 80 единиц на самостоятельном балансе. В Амурском ИТЛ было 15 отделений (в т.ч. Свободнинский КОЛП и Бушуйский ОЛП – последний численностью около 3600 заключенных) и 317 колонн с управлением в г. Свободный Амурской обл.

Общая списочная численность заключенных БАМа – самого грандиозного в 1939 г. объединенного советского ИТЛ:

На 1.08.1932 г. – 2,3 тыс.чел.

С середины 1936 г. – свыше 170 тыс. чел.

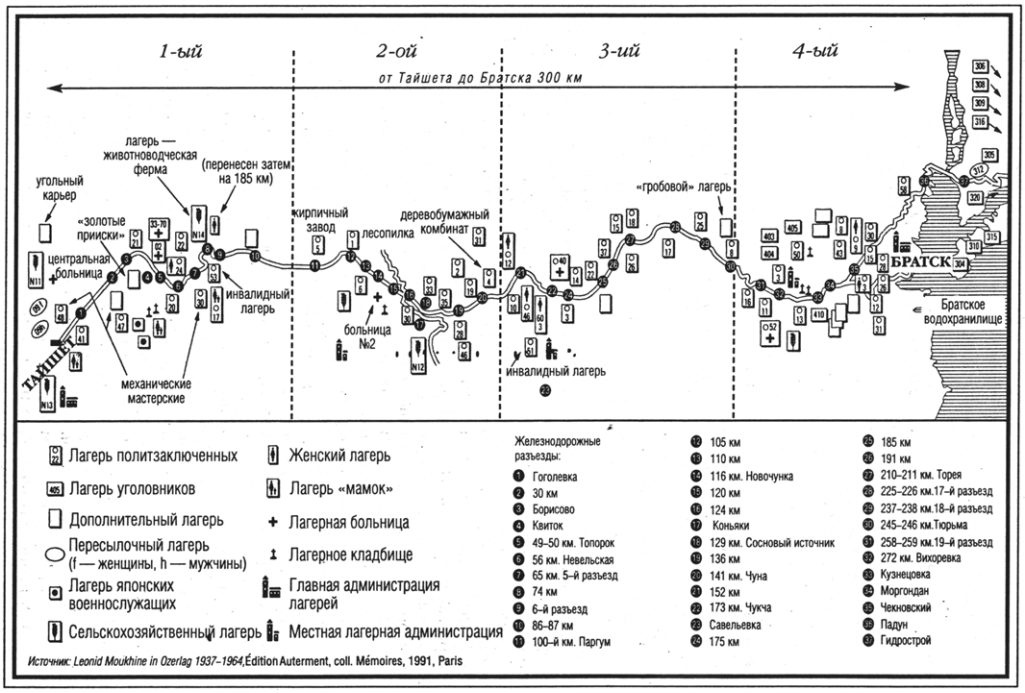
На май 1938 г. – 255,3 тыс.чел.

На май 1939 г. – 291,4 тыс. чел.(макс.)

В 1941 г. –52 тыс.чел.

30.01.1941 г. по приказу Л.П. Берии Амурский ИТЛ был расформирован; в апреле 1941 г. железнодорожное строительство I очереди БАМа законсервировано.

ОЗЕРЛАГ (БАМ)

Путь русского народа на Голгофу.
Клеймо иконы Собора Новомучеников и Исповедников Российских, от безбожников избиенных

Лагерь для ссыльнопоселенцев-кулаков с Украины в «Бушуйке» находился на 35 км (считать от Б. Невера) автомагистрали Б. Невер – Алдан – Якутск и далее в тайгу, на северо-запад около 10 км в сторону озера Баруи-Торей, в районе населенного пункта Янкан.

Лагерь существовал в 1930 – 1931 гг. Численность ссыльнопоселенцев – свыше 30 тыс.чел, из них 16 тыс. душ погибло от эпидемии сыпного тифа. В январе 1931 г. лагерь был расформирован. Начальник лагеря и врач осуждены…

Б и б л и о г р а ф и я

1. Ярославские Епархиальные ведомости: № 32 от 6.08.1884;№ 12 от 12.08.1885; № 30 от 28.07.1886; № 31 от 1.08.1888; № 32 от 6.08 1889; № 30 от 23.07.1890; № 32 от 6.08.1891; № 30 от 21.07.1892; № 28 от 13.07.1893; № 31 от2.08.1894; № 29 от 18.07 1895; № 26 от 25.06.1896; № 49 от3.12 1896; № 21 от 27.05.1900; № 47 от 25.11.1907; № 13 от 20.03.1908; № 31 от 3.08.1908; № 13-14 от 25.03-1.04.1912; № 20 от 13.05.1912; № 17 от 26.05.1915; № 14-15 от 10-17.04.1916.
2. Личное дело Б-103199 заключенного Абиссова Александра Афанасьевича, р. 1873 г. На спецхране в информационном центре Благовещенского ГУВД МВД России, г. Благовещенск, Амурской обл.
3. Следственное дело № 6083 Угличского РО НКВД Ярославской обл. по обвинению Абиссова Александра Афанасьевича, р.1873 г. На хранении в Ярославском государственном областном архиве
4. «Обреченная дорога БАМ», 1932-1941 гг., О.П. Еланцева, Владивосток, издательство Дальневосточного университета, 1994, РНБ г. С.-Петербурга, шифр 95-3/1973.
5. «Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России. Октябрь 1917 – конец 1930-х гг»., Крапивин М.Ю., Волгоград, издательство «Перемена», 1997 г. РНБ г. С.-Петербурга, шифр 99-3/8283а.
6. «Сибирская Голгофа», свящ. Владимир Дмитриев, Москва, 1997 г.
7. «Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии», Стефан Куртуа и др. Перевод с французского. Москва, Три века истории, 1999 г. (Париж, 1997 г.).
8. «Патриарх Тихон», роман, Бахревский В.А., Москва, Центрполиграф, 2001 г.
9. Метрические книги Углической градской Благовещенской церкви: метрические свидетельства за декабрь 1908 г., июнь 1911 г.; февраль 1915 г., май 1918 г.
10. Журнал «Московской Патриархии» № 9 от 2000 г.
11. Журнал «Воля», Мюнхен, 1952 г. № 8-9. Рассказ «Бушуйка». Александр Я. РНБ г. С.-Петербурга, шифр П-22/6306.
12. Журнал «Радуга», Киев, 1990 г., №5-6; 7-8. Рассказ «Выжить!» Ольшевский В.Б. РНБ С.-Петербурга, шифр П-34/317
13. Журнал «Наука и религия» № 5-8 за 1990 г., № 7-8 за 1991 г. (Статистика функционирования молитвенных зданий Русской Православной Церкви за период с 1917 по 1960 г.) и № 1 за 1992 г., статья «Хождение по мукам», М. Одинцов.
14. Именная роспись начальствующих и служебных лиц Ярославской епархии, Аполлинарий Крылов, Ярославль, 1861 г. РНБ г. С.-Петербург. Русский фонд, шифр 18.111.3.54.

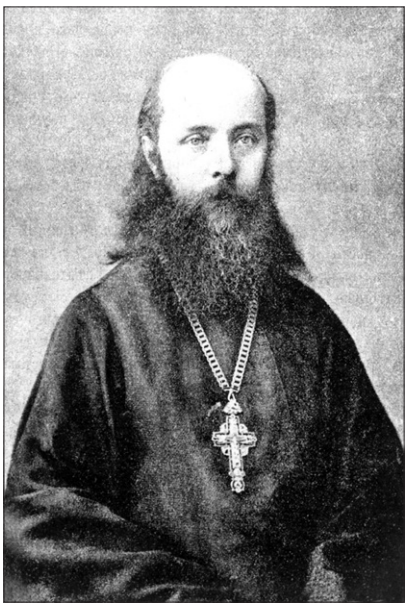

А.В. Медведев

ОСНОВАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПРОТОИЕРЕЙ МИХАИЛ ИЛЬИЧ СОКОЛОВ

Учредитель Общества

После злодейского убийства Императора Александра II столичное духовенство и образованные православные люди поняли, что народ нуждается в духовно-нравственном просвещении, что необходимо словом, проповедью защитить государство и Церковь от влияния морально разлагающих сект, раскольников и зарубежных безбожных влияний. Интеллигенция была духовно шаткой, а рабочий люд, только что вышедший из крестьянства, порой темным и безграмотным. И священники шли в народ: читали духовно-просветительные лекции на заводах и в частных домах; а во внеслужебное время проводили беседы в храмах. Это просветительское движение было поддержано священноначалием и Высочайше утверждено 4 апреля 1881 года. Движение получило довольно длинное, но зато исчерпывающее название «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви».

6 мая 1881 года состоялись выборы в Совет Общества и при тайном голосовании большинство голосов получает священник Михаил Ильич Соколов. Он выдвигается на должность председателя, но так как о. Михаил был самым молодым из всех присутствующих кандидатов, он получает должность делопроизводителя. Первым председателем Общества становится протоиерей Иосиф Васильевич Васильев. Но недолго отец Иосиф возглавляет Общество: через несколько месяцев, в том же 1881 году, 27 декабря, он умирает. И сообщество духовных подвижников сплачивается вокруг другого учредителя – отца Михаила Ильича Соколова.

Больше 10 лет, оставаясь делопроизводителем, о. Михаил, фактически возглавляет Общество и даже не поднимает вопрос о переизбрании. (Только 4 мая 1892 года тайным голосованием будет избран новый преседатель Общества – священник Философ Орнатский). Священники находили опору и поддержку у о. Михаила и даже в шутку называли свое объединение «Обществом отца Михаила». До самой смерти продолжалась его самоотверженная деятельность. Для Общества он готов был вставать в полночь и идти на дело (как нередко вставал и шел в буквальной смысле слова). Он ходатайствовал, думал и заботился о нуждах Общества; радовался его радостям, болел его болезнями; был душой рожденного им Общества, его двигателем, его красою и славою.

Начало пути. Законоучительство

Протоиерей Михаил Ильич Соколов родился в 1846 г. в семье священника Смоленской епархии, учился в Архангельской семинарии, где ректором был его родной брат Архиепископ Донат. Продолжал учебу в С.-Петербургской Духовной академии, где окончил курс кандидатом богословия в 1871 году. В 1872 году началась его пастырская и законоучительская деятельность. Короткое время о. Михаил служит в Александро-Невском Духовном училище, при церкви Института слепых девиц и Ивановской Девичьей школе Человеколюбивого Общества. Далее его служба продолжается в Елизаветинском Институте, затем в Первой гимназии, где у него обнаруживаются пастырские способности. Из Первой гимназии его в 1882 году переводят в Казанский собор.

Еще служа в Первой гимназии, о. Михаил приобретает славу одного из лучших проповедников. И в Казанском соборе о. Михаил устраивает духовные

беседы, проводит торжественные собрания Общества и, таким образом, Казанский собор становится центром религиозно-просветительской деятельности в столице.

К тому же о. Михаил проповедует Закон Божий в гимназиях, коммерческих училищах и частных домах. Став членом С.-Петербургского комитета грамотности, редактирует многие издания, составляет учебники. Учителем и воспитателем он был удивительным: ученики считали, что о. Михаил способен рассеять любое горе, разрешить любые проблемы...

Часто о. Михаил задавал собеседникам вопрос: «В чем состоит воспитание?», и сам же отвечал на него: «Главное воспитать ребенка так, чтобы напечаталось в его душе всегдашнее памятование о том, что люди – Божии дети, Божии слуги, что Бог отражается в человеке, научить ценить в себе этот образ; высшей награды удостаивается тот, кто украсит в себе образ Божий светлыми мыслями, чувствами, желаниями».

Многие его воспитанники – становятся духовными детьми, многих он всегда помнил, за многих молился. И порой ему же первому приходилось идти к ним на помощь: однажды узнав, что бывшая ученица находится в тяжелом материальном положении, сам поехал к ней и под предлогом перевода статьи дал ей приличные деньги. «Ученица» с удовольствием брала денежную помощь, а на статью у нее не хватало времени. Но о. Михаил без упреков продолжал помогать ей.

Общество и его руководитель в первые годы просветительной деятельности.

Самым крупным бриллиантом в венце деяний о. Михаила становятся его труды по организации столичного религиозно-просветительного Общества. Его учредитель, о. Михаил, первым избирается в Почетные члены.

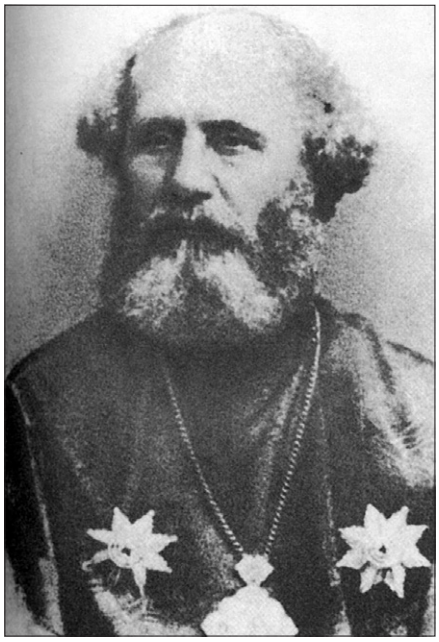
В первые годы духовные беседы и лекции в «Обществе» носили отрывочный характер. Но через несколько лет стали появляться традиции: хоровое пение молитв, беседы со старообрядцами и сектантами, издаются первые брошюры церковного содержания, появляется периодическое издание – «Троицкие листки», устраиваются бесплатные духовные библиотеки.

Беседы Общества продолжали проходить в частных домах, институтах и на фабриках. Во время собраний о. Михаил брал на себя труд успокаивать порой волновавшихся собеседников. Мановением руки он останавливал неуместную горячность несдержанных людей, тут же повторял сущность вопросов и данных ответов. Не позволял вдаваться в подробности, не относящиеся к делу, строго останавливал празднословие.

Если где-нибудь заболевал проповедник, о. Михаил тут же мчался его заменить, иногда за один день он успевал провести 4 беседы в 4-х разных местах. Он до того бывал занят, что деловые разговоры назначал на время переезда из одного учреждения в другое.

В литературе и публицистике существует некий стереотип – принято изображать священника этаким умудренным и благообразным степенным батюшкой. Но о. Михаил был совсем не таким. Более того, многие соратники считали его неприятным и невыносимым. Движения его были решительными, голос внятным и требовательным. Говорил и писал он в тоне, не допускающем возражений. Его за глаза многие называли набатным колоколом, трубой всех будящей и призывающей на борьбу с сектантской пропагандой и темнотой народа.

Другие современники возражали, заступались и оправдывали батюшку: «И на солнце есть пятна, – говорили они.– Конечно, есть недостатки и у о. Михаила. Его считают неуживчивым, хотя более общительного священника вы не найдете. Он предан делу и настойчи-

Прот. Иосиф Васильев, первый председатель «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви»

Прот. Философ Орнатский, преемник прот. Михаила Соколова на посту председателя Общества

во требует этого от других, а это многим не нравится. Батюшка терпим и добродушен к людям, которые если не помогают, то и не вредят. Зато с людьми мешающими делу, сразу ссорится. Но как только проходит вспышка или недруг уступает, о. Михаил первым радостно протягивает руку и лобызает его».

Строительство Троицкого храма

Через девять лет существования «Общества» у о. Михаила появилась идея построить свою церковь с залой для духовных бесед, библиотекой и читальней. Батюшка не перестает говорить в проповедях о своей мечте. И вот духовный сын о. Михаила – Евграф Федорович Белясов подает заявление в Совет, выражая готовность пожертвовать «Обществу» 150 000 рублей для построения храма и залы для духовных бесед.

Теперь Совету Общества нужно было сказать свое слово, но Совет сомневался в целесообразности строительства: дело было новое, незнакомое – не было никакого опыта, многие соглашались, что хорошо, конечно, иметь свой православный центр, но нереально... и в заключение говорили: «Нет, пусть лучше Общество остается сетью нравственно-просветительских кружков».

Но отец Михаил не признавал препятствий, для него не было ничего невозможного. Проект, задумка, мечта должны были немедленно становиться реальностью. Он берет на себя всю ответственность и возглавляет строительство первого православного центра.

9 мая 1891 на углу Стремянной и Николаевской ул. (ул. Марата), где в грязноватом сером двухэтажном деревянном доме, помещался трактир и постоялый двор с небольшим садиком и несколькими чахлыми, грустными деревцами. Где с раннего утра до поздней ночи лилась пьяная песня, состоялась закладка временного деревянного храма Общества, а уже 27 ноября радостный колокольный звон призывал жителей С.-Петербурга на освящение первой церкви Общества. Надо сказать, что в этом же году, в день Св. Троицы, 16 апреля, рядом с временным был заложен и каменный храм Святой Троицы.

Неустанным трудом священника велось это строительство. Тяжело и неизлечимо болея раком желудка, о. Михаил все время проводил на стройке. Он превозмогал боль, терпел приступы, но собрав волю, расслабиться себе не давал. Сам же он считал, что держится только благодаря молитве и Божией поддержке.

Наступила весна 1892 года – второй год возведения храма, самый напряженный момент строительства. А члены общества вдруг вспомнили, что у них оказывается уже 10 лет нет председателя. Имевшийся руководитель – прот. Михаил Соколов – многих не устраивал, он резкий, неуживчивый, раздражительный, больной... и притом взвалил на себя все строительство!

И вот 4 мая 1892 года организационное собрание наметило выборы нового председателя. Тайным голосованием Общество избирает председателем о. Философа Орнатского – всеми любимого, мягкого, обходительного священника, которому на момент избрания еще не исполнилось и 32 лет.

Церковь Св. Троицы на Стремянной ул. Фото 1910-х гг.

Трудно сказать, как себя чувствовал на этом собрании создатель Общества, его первый почетный член – прот. М.И. Соколов. Возможно сдерживал обиду, но приходилось сознавать, что очень скоро закончится его земной путь, и надо спешить с возведением Троицкого храма. Он его начинал строить, ему нужно было и заканчивать.

Священник Александр Дернов однажды посещал строящийся храм и заметил, как о. Михаил побледнел и пошатнулся: «Батюшка, Вам плохо?!» – спросил он.

– Да... прикрывая глаза от боли, простонал протоиерей, – не знаю, где упаду; в каком углу этой постройки отдам Богу душу.

– Подумайте о здоровье, Вам срочно нужно отдохнуть.

– Нет, нет! – о. Михаил отрицательно качал головой, – Бог даст, еще послужу, если на то будет Его святая воля.

Он мог думать только о храме! Теперь на его долю выпало много такого, что выпадает на долю самого обыкновенного чернорабочего: о. Михаил ходил по стройке в грубых мужицких сапогах и холщевом подряснике под дождем и в жару. Среди рабочих-строителей в то время свирепствовали эпидемии, к тому же была постоянная опасность падения со строительных лесов. Одно время батюшка даже жил в дощатой «конуре» в копоти и дыме, посреди массы рабочих.

Потом о. Михаилу самому пришлось отправиться в дальнюю дорогу – в Олонецкий край для добычи нужного отделочного камня. Многие видели в глазах его слезы, когда он обрушивал горькие упреки на

чиновников, которые тормозили его труд – создание храма Господу, обвиняя их в алчности и нечестности. Постройку о. Михаил торопил чрезвычайно, не обращая внимания ни на погоду, ни на время года. И храм был открыт раньше запланированного срока. Но некоторые коллеги не постыдились потом упрекнуть о. Михаила, что именно из-за его спешки в дальнейшем пришлось заново перештукатуривать внутренние помещения.

8 ноября 1893 г. митрополит Палладий освятил главный придел каменного храма во славу Святой Троицы. Освящению предшествовало служение утрени во временной церкви, отслуженной прот. Иоанном Кронштадтским.

Троицкий храм был построен по проекту архитектора Н.Н. Никонова в великорусском шатровом стиле, или как пишут в современных источниках: «в Московском стиле XVII века». Строился он, в основном на пожертвования духовных детей о. Михаила братьев Е.Ф. и А.Ф. Велясовых, которые дали на его строительство 200 000 рублей, причем участок земли под храм тоже был приобретен на деньги этих жертвователей. Таким же неутомимым щедрым жертвователем на храм был и о. Иоанн Кронштадтский.

В год освящения храм еще не был окончательно достроен. Наружная облицовка красным и белым кирпичом затянулась на несколько лет. В последующие годы изразцовую фигурную облицовку дополнили замысловатые изразцы и золоченая мозаика. Фасад был украшен 39 мозаичными иконами.

Внутренее пространство храма представляло в плане крест, в западной части интерьера были сооружены хоры для певчих. В 1906-1907 годах на деньги купца Д.Л. Парфенова стены и потолок были расписаны Евангельскими сюжетами. Если бы Троицкий храм не разрушили, он бы и сегодня являлся такой же изумительной достопримечательностью нашего города, как и храм Воскресения Христова (Спас-на-Крови).

Проект Свято-Троицкого храма (фрагмент). Архитектор Н.Н. Никонов

«Дух бодр, плоть немощна» – 1894 год

Этот год был последним в творческой и созидательной жизни о. Михаила. Вот что писал впоследствии из Берлина прот. Алексий Мальцев:

«Год назад (1894 г. – прим. автор) я встретил о. Михаила за границей и думал, что он поехал отдохнуть, поправиться, попользоваться целебными водами. Но оказалось, что он приехал сюда для изучения способов отделки воска и изготовления церковных свечей. Прибыл он учиться, взяв с собой два холщевых подрясника. Он посетил тогда Братский храм в окрестностях Берлина. Участвовал в служении всенощной. На все вопросы о здоровье отвечал: «Бог даст, еще послужу, если на то будет Его святая воля».

В тот год о. Михаил налаживал производство свечей на С.-Петербургском Епархиальном свечном заводе.

Во второй половине года было начато строительство здания, примыкавшего к Троицкой церкви, где должен был размещаться Зал для духовных бесед. Для этого требовалось разобрать самую первую деревянную церковь Общества. Отец Михаил не мог доверить кому-либо разборку этого храма – своего кровного, взлелеянного детища. Лично он (но уже со своим духовным сыном – купцом Д.Л. Парфеновым) руководит разборкой и бережным переносом деревянного храма на берег Обводного канала. Но тут опять возникают искушения и непредвиденные трудности. Технические сложности еще как-то преодолевались, но материальные... Общество не могло дать средств на перенос храма, касса Общества оказалась в тот момент пуста. И опять, о. Михаил слезно и вдохновенно взывал к прихожанам, к духовным детям – опять просил. И снова был услышан Богом, и поддержан людьми.

Лютеранка Луиза Андреевна Носова во имя того уважения, которое питала ее дочь к М.И. Соколову и его детищу – Обществу, завещает и жертвует 65 000 рублей. Эти деньги получили в самый критический момент строительства. Деревянный Воскресенский храм у Варшавского вокзала был заложен 14 августа, а освящен 27 ноября 1894 года. Именно в эти осенние месяцы, когда воздвигался храм, о. Михаил попадает в больницу. Здоровье его уже окончательно подорвано, но и больной он пишет, волнуется, советует, руководит. «Дух бодр, плоть немощна» – говорили о нем.

Отмечая юбилеи Общества в дореволюционные годы говорили, что дух о. Михаила жил во всех последующих начинаниях Общества. И в Воскресенском, временном деревянном храме поминали прежде всего создателей – протиерея Михаила Ильича Соколова, купца Дмитрия Лаврентьевича Парфенова и жертвовательницу-благотворительницу Луизу Андреевну Носову.

В дальнейшем этот храм прославит священник Александр Васильевич Рождественский. Именно под покровом деревянной Воскресенской церкви он учредит

Александро-Невское Общество трезвости и соберет 70 тысяч трезвенников. Здесь он начнет и закончит свою недолгую деятельность, свое служение, свой пастырский и проповеднический подвиг.

Церковные хоры отца Михаила

В Отчете Общества, за 1889 год говорится, что в Казанском соборе 8 ноября 1887 года по почину члена Совета Общества священника М.И. Соколова устроен народный церковный хор. Состоял хор из 150 прихожан, и можно утверждать, что именно о. Михаил положил в Обществе начало народного хорового пения. Второй такой же хор был создан им в Троицкой церкви. Даже известно, что на старосту Троицкой церкви Д.Л. Парфенова батюшка наложил послушание петь в церковном хоре. И Дмитрий Лаврентьевич старательно и смиренно исполнял послушание, хотя не имел ни слуха, ни голоса.

В дальнейшем по примеру о. Михаила хоры были созданы и в других храмах Общества, например, в Воскресенской церкви у Варшавского вокзала: известный церковный народный «Воскресенский хор».

Тяжело больной пастырь пишет из Обуховской больницы: «Желаю Казанскому хору и хорам Общества мира, любви и единения сердец. Жив буду – рад буду телесными ушами слушать вас, умру – желал бы с небес умиляться вашему пению. Молитесь же у гроба моего. Да сольются ваши духовные голоса с голосами ангельскими».

Благотворительность

По воскресным дням у Казанского собора собиралось порой до 80 человек нищих. И в своих проповедях о. Михаил призывал прихожан всегда помнить об убогих. Сам же он становится учредителем бесплатной столовой для бедных прихожан, размещенной в подвальных помещениях Казанского собора. Говорили, что он так опекал эту столовую, что, забывая себя, забегал туда по три раза в день. Часто являлся утром раньше сотрудниц, часов в 7 утра, расставлял стулья, перемещал столы. Порой сотрудницы видели, как он сам для удобства передвигал буфет и комод, причем радовался, шутил и ободрял всех.

Однажды рано утром он сам принес в столовую для старушек корзину с новыми сапогами, пожертвованными одним благодетелем. Как он радовался, когда по его просьбе что-нибудь присылали.

Он был отзывчив к нуждающимся и часто помогал раньше, чем к нему обращались за помощью. Узнав о чьей-либо беде, молча и решительно доставал из кармана купюру, вкладывал в конверт и отсылал пострадавшему, не указав своего имени и обратного адреса. За кого-то хлопотал, помогая трудоустроиться; кому-то помогал найти угол и выйти из сложной ситуации. Еще будучи молодым, в первые годы священства, он утешал добрым словом одну несчастную мать, сын которой окончил жизнь самоубийством и которая была близка к отчаянию. Ежедневно, несмотря на многочисленные занятия, посещал он ее, наставлял, утешал. До самой смерти не могла мать без слез вспоминать о наставлениях батюшки, называла его не иначе как ангелом-хранителем. Оказывая духовную помощь, он поддерживал женщину и материально.

В одно зимнее утро о. Михаил обратил внимание на дряхлую больную старушку, та едва передвигала ноги и поминутно останавливалась, пытаясь что-то сказать прохожим. Никто не обращал на нее внимания. Отец Михаил подозвал одного из прихожан в велел узнать, что нужно этой старушке, и велел постараться помочь ей.

Оказалось, что старушка без средств, без угла и только что из больницы. И вот она получила от Казанского благотворительного Общества и приют, и пропитание в бесплатной столовой.

Долгие годы после кончины о. Михаила вспоминали его как «пастыря положившего душу свою за овцы своя» (Ин., X, 11). А в прощальной речи священник Д.В. Рождественский, однофамилец о. Александра Рождественского, сказал: «Слезы нищеты, которые ты отирал своею материальною помощью, теперь искренне прольются у гроба твоего вместе с молитвенным воздыханием ко Господу об упокоении души отшедшего в вечный покой доброго пастыря, полагавшего душу свою за овцы своя».

Последние дни жизни

В начале 1895 года всем было ясно, что этот год для о. Михаила последний. Да и он сам часто говорил о смерти. 16 февраля ему была сделана операция, показавшая неизлечимость болезни. Накануне этого дня о. Михаил отправил письмо в Совет Общества:

«Завтра операция. Помолитесь. Прошу у всех прощения: кого чем оскорбил, за то, что не доделал... В мире со всеми по Обществу вручаю себя в руци Божии. Не оставляйте в молитвах недостойного иерея Михаила – в жизни и в смерти... До свидания – здесь или там!»

Вопреки предсказаниям врачей, больному стало даже лучше. Один священник решил навестить о. Михаила и был удивлен, увидев больного, стоявшего в прихожей и беседовавшего с какими-то незнакомыми людьми. Пришедший возмутился: «Отец Михаил, вам предписан строгий постельный режим, как же вы можете его нарушать?!»

– Я священник, – прервал коллегу о. Михаил, – и мой дом не может быть закрыт для людей.

С наступлением теплых дней больной о. Михаил уезжает на дачу в деревню Липицы недалеко от Царского Села. За время строительства храмов батюшка ни разу не был на даче.

Свящ. В. Маренин, живший недалеко от дачи о. Михаила, навещал больного. Отец Михаил встречал

его с добродушием, раскрывая объятия: «Здравствуй голубчик!» В мае он уже передвигался на костылях и опять шутил: «Вот видишь, теперь я на четырех ногах..». В конце мая он обычно лежал в саду и на вопрос, как он себя чувствует и не болит ли у него что-либо, отвечал прерывающимся голосом: «За все надо благодарить Бога», – и слабой рукой осенял себя крестным знамением.

Умер протоиерей Михаил Ильич Соколов в Липицах 5 июня 1895 г. в 10 часов утра на 50-м году жизни.

В последний путь

7-го июня, в 3 часа дня на дачу семьи о. Михаила в деревне Липицы прибыл преосвященный Назарий, епископ Гдовский. С утра здесь уже находились сотрудники Общества, представители царскосельского и столичного духовенства, многочисленные почитатели, друзья и родственники о. Михаила. В 3 часа 30 минут была совершена краткая лития, после чего священники на руках вынесли гроб, и сопровождаемые грандиозным шествием направились по дороге к Царскому Селу. Впереди несли крест и хоругви, затем шли певчие стрелкового батальона и Казанского собора, диаконы и священники, преосвященный Назарий. При входе в Царское Село к шествию присоединились еще несколько священников, в их числе местный старец протоиерей Ф.А. Павлович. Люди все прибывали и прибывали. Около царскосельского собора была отслужена лития. Следущую литию совершил сам преосвященный, когда гроб устанавливали в траурный вагон специального поезда. Поезд тронулся, в вагоне с гробом остались только три священника: Росляков, Орнатский и Лахостский, они должны были читать в пути Евангелие. Преосвященный, духовенство, семья и провожавшие ехали тем же поездом в других вагонах.

Поезд прибыл в С.-Петербург в 6 часов вечера. Вокруг вокзала было столько народу, что на сам вокзал пропускали лишь духовенство и близких. После литии на вокзале, священники вынесли гроб на площадь. Люди на площади обнажили головы. Гроб поднесли к Введенской церкви, вышедшее из церкви духовенство совершило литию. Далее шествие двинулось к Казанскому собору, возглавлял процессию преосвященный Назарий, за ним следовало около сорока протоиереев, множество священников и диаконов. Траурный кортеж шел по Гороховой, Казанской улицам мимо дома Казанской богадельни, тоже основанной покойным о. Михаилом. Здесь процессия остановилась, и еще раз была отслужена лития.

Наконец, священники внесли гроб в Казанский собор. Храм был переполнен народом. Гроб установили на возвышении, началась панихида. В этом храме отец Михаил прослужил 14 лет. Возглавлял отпевание преосвященный Назарий, которому сослужило многочисленное духовенство. В проводах, панихиде и отпевании

С.-Петербург. Казанский собор

о. Михаила участвовали настоятели всех соборов. После панихиды и прощания, началось чтение Евангелия, которое продолжалось и весь следующий день – 8 июня. Пока тело находилось в соборе, на гроб возлагали венки от многочисленных духовных детей и почитателей. Семья покойного вместе с духовным сыном покойного Д.Л. Парфеновым возложили богатейший, красивейший венок с образом Казанской Божией Матери.

С утра 9 июня храм был переполнен, пело несколько хоров. С прибытием преосвященного началась литургия, во время которой ему сослужили архимандриты Тихон, Василий и многие протоиереи.

Произносились прощальные речи, в последнем слове Председатель Общества Ф.Н. Орнатский сказал:

«Взору о. Михаила часто представлялся такой идеал: все пастыри апостольские соединились в одно содружество и, как верные стражи истины святой Церкви, стоят у кладезя воды живой, текущей в жизнь вечную, как некогда Господь Иисус Христос стоял у кладезя Самарянского. В этой идеальной картине две черты: одна – общение пастырей, соединение их в одно Общество, проникновение одной целью христианского просвещения людей, и другая – взаимообщение их с пасомыми, которые, как дети своему отцу, преданы своему пастырю-учителю..».

В конце своей речи о. Философ не выдержал и заплакал, с ним рыдала вся церковь.

В 2 часа 30 минут окончилось отпевание, священники обнесли гроб вокруг храма, с восточной стороны, где тогда находился образ Казанской иконы Божией Матери, была отслужена лития и грандиозное шествие двинулось по Невскому проспекту в сторону Александро-Невской лавры. С Невского процессия свернула на Владимирскую улицу, потом на Стремянную. Здесь члены Совета общества с крестом и хоругвями встречали процессию. Гроб внесли в храм, где протоиерей Д.Л. Никитин сказал такие напутственные прощальные слова: «…Ты был поистине украшением не только столичного, но и всего русского духовенства, идеальным пастырем, редким в мире человеком, способным личные

Вывеска Троицкой школы и книжного склада Общества

Зал «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» на Стремянной ул.

интересы подчинить благу общественному.

Тебе, тебе главным образом, обязано дорогое нам Общество религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви и своим учреждением, и своею жизнью, и своими успехами. Сколько труда, сколько жертв, сколько любви положил ты на это Духовно-просветительское общество! И кто знает, может быть, и век твой сократился от того, что ты слишком близко к сердцу принимал радости и невзгоды нашего Общества! Ради блага Общества, ты лишал себя необходимого отдыха, напрягал последние свои силы, испытывал мучительные душевные волнения, отгонял от себя укрепляющий сон, жертвовал своим здоровьем..».

Трогательную речь сказал от лица Общества и священник А.А. Дернов: «...Незабвенный учредитель нашего Общества, сей храм – плод великого труда, сотворенного тобой, и венец твоих дел... С самого раннего утра и до глубокой ночи покойный проводил на месте постройки... Прежде чем приладить тот или другой камень, покойный отец Михаил выносил его в своей душе, перестрадал его в своем сердце...

Бог помог тебе, незабвенный наш отец и учредитель Общества, довести дело до конца. Сей храм навсегда останется памятником твоей самоотверженной и плодотворной деятельности на пользу духовного просвещения народа, здесь учрежденное тобой Общество имеет и будет иметь всегда свой приют, свое убежище. В сем храме, для создания коего ты много-много потрудился, постоянно будет возноситься молитва о тебе, как приснопамятном создателе храма сего, да воздаст тебе Господь по делам твоим... Да будет сей храм, как и прилегающая к нему зала, наполнен всегда душами, жаждущими небесного света..».

Потом еще долго все прощались с почившим и опять была отслужена лития. А преосвященный тем временем сел в карету, чтобы встретить тело в Лавре, где предстояло самое торжественное завершение похорон.

В святых вратах Александро-Невской лавры сам Высокопреосвященный Митрополит Палладий, окруженный архимандритами и братией, с братским хором встречал гроб с останками почившего о. Михаила, несомый священнослужителями и, благословив гроб, совершил над ним литию, а затем последовал вместе с преосвященным Назарием впереди гроба, при печальном перезвоне лаврских колоколов на Никольское кладбище. Здесь гроб с прахом почившего, после второй литии, совершенной Высокопреосвященнейшим архипастырем в присутствии Владыки, опустили в могилу, и Его Преосвященство, благословив гроб в могиле, произнес: «Вечная тебе память, добрый деятель!» На лаврской колокольне зазвонили вовсю и тысячная толпа духовных детей, слушателей и почитателей о. Михаила стала расходиться, не только с чувством сожаления о почившем, но и с чувством глубокого внутреннего удовлетворения при виде почестей, оказанных пастырю, каких редко удостаиваются самые высокие мира сего.

Наследие о. Михаила и его последователи

Четырнадцать лет своей жизни о. Михаил всецело отдал Обществу. Успехи Общества он считал своими личными успехами. Все дела Общества были его личными начинаниями. И завещал он своим соратникам только одно: «Трудиться во славу и на благо Общества».

Но прошли годы, и в 1918 году после расстрела председателя Общества прот. Философа Орнатского Общество религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви прекратило свое существование. Интересно, что Общество родилось в год убийства царя и погибло от революционных сил также в год убийства последнего русского Императора. Церкви, которые так самоотверженно возводил протоиерей М.И. Соколов, к сожалению, до наших дней не сохранились.

Временный деревянный Воскресенский храм, стоявший на берегу Обводного канала у Варшавского вокзала, еще раз был разобран и перенесен в Нарвский район, но простоял там совсем не долго – в 1912 году он полностью сгорел.

А сказочный храм Святой Троицы на Стремянной улице в 1964-1966 годах снесли. Многие люди старшего поколения его еще, наверное, помнят. После блокады этот причудливый изразцово-мозаичный ансамбль стоял запыленным и заброшенным. В окна храма виднелись большие пустующие помещения. В солнечные дни в окнах еще тускло сверкали цветные стекла. Казалось,

стоит только любовно промыть стены и витражи храма, и зазвучит застывшая в архитектуре молитва и позовет в царствие Божие ослепшего в материализме человека. Даже без куполов храм выглядел светлым, радостным и веселым. В 1950-е годы на барабанах и на кровле изо всех щелей стали пробиваться кустики березок. Березовые веточки на Троицком храме были как символ праздника Св. Троицы, но у безбожных руководителей того времени они, вероятно, вызывали аналогию с банным березовым веником, и распорядились они снести храм, а на святом месте построить баню. Что можно сказать, какой вывод сделать? Божия церковь – это лечебница душ человеческих. А баня сегодня – это не столько место общественной гигиены, сколько дорогое коммерческое заведение, предназначенное для престижных развлекательных встреч и телесных наслаждений. Внешне баня представляет собой неприглядный прямоугольный грязно-серый монолит с окнами-щелями и чем-то напоминает крематорий.

Но вернемся к наследию прот. М.И. Соколова. Он, как известно, учредил и оставил после себя Казанскую богадельню и столовую для неимущих в Казанском соборе. В те годы многие богатые благодетели открывали богоугодные заведения, но вот беда: умер благодетель, и приют нищал, распускался и шел по миру. Как сказано в Писании: «Поражу пастыря и рассеются овцы». Даже, как известно, после кончины св. прав. Иоанна Кронштадтского его «Дом трудолюбия» и «Дом призрения» сразу же стали испытывать серьезные трудности и чуть было не прекратили свое существование.

А вот столовая в Казанском соборе продолжала жить. После смерти о. Михаила некоторые лица изъявили готовность содержать столовую в память незабвенного батюшки. Возможно сам о. Михаил благословил своих духовных чад на этот подвиг.

Через 20 лет, когда в 1915 году умер духовный сын о. Михаила Дмитрий Лаврентьевич Парфенов, в газете «Новое время» сообщалось, что Казанская богадельня заказывает поминовение и приглашает всех придти и помолиться о своем благодетеле. Значит богадельня отца Михаила была еще жива, возможно, она просуществовала до революции. Так что, не только вся жизнь прот. М.И. Соколова была непрерывным рядом добрых дел, но и после своей кончины он продолжал добрые дела в лице других.

В 1916 году отмечалось сразу два юбилея – 25-летие храма и бессменного служения протоиерея Павла Лахостского. А ведь это о. Михаил заметил, приблизил к себе и благословил на служение в Троицком храме молодого семинариста.

Это отец Михаил нашел среди многих незаменимого старосту – купца Д.Л. Парфенова, который 23 года достраивал и благоукрашал храм Святой Троицы, притом часто на свои деньги. На деньги этого благодетеля храм был талантливо и роскошно расписан сценами Священного Писания. Умирающий св. прав. о. Иоанн Кронштадтский за два месяца до своей кончины сожалел, что не успел полюбоваться росписями Троицкой церкви (Отчет о деятельности Общества за 1909 год). Наверное и нам следует сожалеть о том же. Имея, не храним...

Вот таких последователей нашел и оставил после себя о. Михаил. Именем незабвенного батюшки были названы читальня и бесплатная библиотека Троицкой церкви. И как пишет В.В. Антонов в своей книге «Святыни Санкт-Петербурга» зал для духовных бесед, примыкавший к храму, тоже носил имя почитаемого и приснопоминаемого протоиерея о. Михаила Соколова.

В наше время стали появляться публикации и книги об Обществе религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви и очень жаль, что некоторые из них даже не упоминают создателя и учредителя – протоиерея Михаила Ильича Соколова. А это несправедливо.

Храм Св. Троицы на Стремянной ул. Фото нач. XX в.

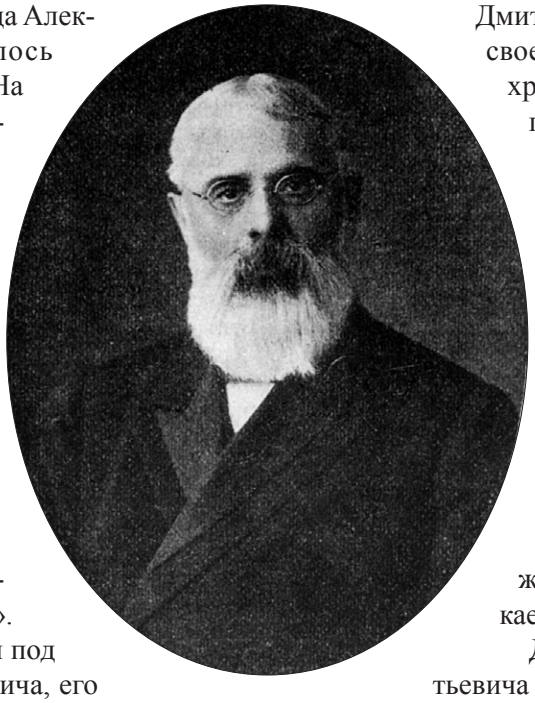

Баня на месте разрушенного Свято-Троицкого храма

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ И ХРАМОЗДАТЕЛЬ КУПЕЦ ДМИТРИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ПАРФЕНОВ

Кто сеет щедро, тот щедро и пожнет ...Ибо доброхотно дающего любит Бог

2 Кор. IX, 6–7

В глубине Никольского кладбища Александро-Невской лавры сохранилось надгробие с утраченным крестом. На черном полированном камне короткая надпись: *«Дмитрий Лаврентьевич Парфенов. Род. 3-го мая 1852 г. Сконч. 3-го сентября 1915 г»*. Никто уже, проходя мимо, не помнит, что за человек здесь лежит, какого звания, каковы его заслуги перед Родиной и Церковью.

А когда-то, в 1908 году Император Николай II петербургскому купцу за его труд пожаловал не очередное звание, а сразу генеральский чин – статского советника, сказав при этом: «Не в пример прочим».

Многие храмы были построены под руководством Дмитрия Лаврентьевича, его усилиями, талантом и на его личные пожертвования. Он был Председателем строительной комиссии, возводившей Воскресенский храм, что у Варшавского вокзала. Будущий священномученик прот. Философ Орнатский назвал этого человека выдающимся церковно-общественным деятелем.

Староста Троицкого храма

Протоиерей Казанского собора Михаил Ильич Соколов умел вдохновенной проповедью зажечь прихожан и подвигнуть их на построение храма, но, имея обширные знакомства в столице, долго не мог найти церковного старосту для строящегося Троицкого храма на Стремянной. Ему мечталось увидеть старостой именитого аристократа с большими средствами. Но никто из людей с громким именем не откликнулся на его зов. Наконец о. Михаил заявил Совету «Общества религиозно-нравственного просвещения», что есть у него на примете человек из торгового мира, человек богобоязненный, церковный, способный работать, но который, к сожалению, не сможет пожертвовать много денег. Это был его духовный сын и помощник в созидательных трудах – купец Дмитрий Лаврентьевич Парфенов. Около 1892 г. Парфенову было сделано предложение, которое он и принял с благословения почетного члена Общества св. прав. о. Иоанна Кронштадтского.

Дмитрий Лаврентьевич так до конца своей жизни и оставался старостой храма. 23 года он занимался благоукрашением Троицкой церкви, часто на свои деньги достраивал, ремонтировал, проводил электричество. Он старался приобрести для храма все самое лучшее, и в 1907 году почти полностью оплатил уникальные храмовые росписи. Любуясь живописным великолепием любимой Троицкой церкви, Парфенов говорил: «Когда даешь деньги, то кажется слишком много даешь, а когда жертва родит хорошее дело, упрекаешь себя, что мало дал..».

Духовный отец Дмитрия Лаврентьевича протоиерей о. Павел Лахостский скажет однажды, вспоминая о нем: «Как староста он был таков, что если бы можно было высечь из мрамора или отлить из бронзы его фигуру, то под ней следовало бы сделать подпись: «Вот настоящий, идеальный церковный староста».

Чухлома: детство. Петербург: торговый мир

Дмитрий Лаврентьевич Парфенов родился 3 мая 1852 года в селе Спас-Серапихе, на речке Виче, в 10 верстах от уездного города Чухломы, Костромской губернии, в бедной крестьянской семье. Рано осиротев, он, вместе с братом, переселился к дяде, Сергею Андреевичу Парфенову, в село Малая Святица, расположенное в 4-х верстах от Чухломы.

12-летним подростком Дмитрий приезжает в Петербург и поступает мальчиком в чайную лавку Н.Ф. Кулебякина. Смышленый юноша вскоре приобретает доверие хозяина и становится приказчиком, а среди торговцев слывет знатоком чайного дела. Дмитрия Лаврентьевича приглашают к себе на службу представители крупных фирм, но хозяин удерживает молодого специалиста, прибавляя жалованье. Но широкая натура Дмитрия Лаврентьевича жаждет крупного дела, и, прослужив у Кулебякина приказчиком 7 лет, он переходит в крупную чайную фирму Шенке, ведущую оптовую торговлю. Парфенову сразу дают, большое по тем вре-

Костромская губ. Аврамиево-Городецкий мужской монастырь близ Чухломы. Современный вид

менам, жалованье – 125 руб. в месяц и поручают важные дела. Теперь жилось ему привольно и весело. Вместе с хозяином он ходил на балы и вечеринки, катался на тройках… Потом женился, но с первой женой прожил недолго, она умерла, оставив Дмитрию Лаврентьевичу дочь.

5 февраля 1884 года Парфенов вступает во второй брак. И вот уже в его семье растут три сына и еще одна дочь.

Завоевав авторитет в чайном мире, став уважаемым специалистом, Дмитрий Лаврентьевич получает от хозяина предложение стать компаньоном. Но по стечению обстоятельств, в то же самое время, его бездетный дядя, Сергей Андреевич Парфенов, зовет Дмитрия к себе в небольшую колбасную лавку, обещая в скором времени передать племянникам, Дмитрию Лаврентьевичу и Федору Лаврентьевичу свою фирму. Как шутили потом друзья священники: «Предложил перейти из протоиереев в диаконы». Предложение дяди было и в самом деле невыгодным и обидным. Насколько престижнее быть компаньоном богатой и известной чайной фирмы! Дмитрий Лаврентьевич мог руководить делом прибыльным, выглядеть «чистым и опрятным». Но он смиренно идет на работу к родному дяде, боясь обидеть близкого родственника. И теперь вместо чистого сюртука и крахмальной сорочки надевает пиджак из толстого сукна, а на него фартук.

По мнению дядюшки, Сергея Андреевича, знакомство с новым делом следовало начинать с низов, чтобы самому потом все знать и держать дело в руках. А Дмитрий Лаврентьевич так объяснял поворот в своей карьере: «Мог ли я отказать дядюшке? Ведь он мне был вместо отца родного. Он меня воспитал, и я должен был ему повиноваться, как отцу. У него тогда уже жил мой брат, которого я люблю: вот так мы вместе и решили вести дело».

А колбасное дело в те годы не ладилось: то трихина, то летняя жара, портившая сотни пудов мяса. Парфеновы несли потери и убытки. Наконец, братья Парфеновы получили от дяди торговлю в собственность, подвели итоги и призадумались: «Не переменить ли дело?» Но энергичный Дмитрий Лаврентьевич отправляется в 1896 году в Германию, изучает там производство, через год возвращается в Петроград с немецкими специалистами и строит колбасный завод с холодильниками и ледниками (Киевская ул., 6). После этого дело братьев Парфеновых идет в гору и вскоре начинает процветать. Братья становятся поставщиками всех петроградских колбасных торговцев. А в 1912 году Дмитрий Лаврентьевич оставляет процветающее производство брату и целиком посвящает себя общественной и благотворительной деятельности.

Друг духовенства

Д.Л. Парфенов любил храм и молитву. Всю жизнь его дом находился около церкви. Сначала он жил около Спасо-Сенной церкви, потом вблизи Казанского собора. Его дача в селе Мартышкино тоже располагалась недалеко от церкви. А Троицкая церковь на Стремянной ему была так мила, что когда Парфенову сообщили, что рядом с ней продается дом, он сейчас же купил его и радовался, что теперь будет слышать первый удар колокола. Несмотря на загруженность работой церковные службы он выстаивал до конца и был очень опечален, когда доктора нашли у него тяжелый недуг и запретили долго стоять.

К священнослужителям он имел такое почтение, что они в его доме всегда были самыми желанными гостями. В разговорах он старался возвысить священника: «Отцы святые, – говорил он порой за праздничным столом, – вы привыкли к своему служению, вы забываете какая вы сила, как много можете сделать своим словом. Иногда краем уха услышишь слово священника, и оно производит целый переворот в душе, возбуждает раскаяние,

С.-Петербург. Иоанно-Предтеченская церковь Общества на Выборгской стороне. Ныне обращена в ледовый каток

вызывает слезы, окрыляет надеждой, поднимает и радует..».

Все духовенство с удовольствием одалживало у Дмитрия Лаврентьевича деньги. Порой какой-нибудь батюшка, шутя, спрашивал о процентах. Парфенов на это отвечал: «Вместо процентов – молитва за меня».

Своего племянника-крестьянина он вывел в священники, и сердечно заботился о том, чтобы он истово служил, проповедывал народу. Открыл в его приходе библиотеку, организовал общество трезвости, чтобы в приходе все было как в столичном «Обществе религиозно-нравственного просвещения».

Когда Парфенов узнал, что студентов Духовной академии отчисляют за неуплату за обучение, он приехал туда инкогнито и оплатил их долги.

На общественных собраниях некоторые унылые и малодушные люди втягивали Д.Л. Парфенова в полемику: «Ну где вы видели правду?! Правда там на Небе, а на земле ее нет!»

«Нет, есть правда! – горячился, возражая, Дмитрий Лаврентьевич. – Жив Господь Бог, и всякая ложь должна сгинуть. Вера в Бога непременно влечет за собой и веру в торжество правды».

Один сановник на такую «горячую»речь, улыбнувшись, заметил: «Ваш огонь не палит, а светит».

Радушие и гостеприимство Дмитрия Лаврентьевича не знало границ. Не говоря уже о разного рода семейных торжествах, когда дом его был полон гостей, во все архиерейские и соборные богослужения он считал долгом устроить у себя праздничную трапезу и почитал за счастье принять в своем доме служащего архиерея и священнослужителей. Время за трапезами проходило в оживленных беседах, поддерживаемых и самим хозяином, говорившем просто, но часто метко и остроумно. Однажды, после произнесенного Дмитрием Лаврентьевичем тоста его сосед удивился, где он, не получив образования, научился так говорить.

– Нет, я получил образование, даже среднее, – ответил Дмитрий Лаврентьевич, – вот братец Федя получил низшее образование, потому что учился в деревне у дьячка, а я – среднее, потому что я учился у дьякона.

Но самым любимым и желанным гостем в доме Дмитрия Лаврентьевича Парфенова был о. Иоанн Кронштадтский. В силу молитв о. Иоанна Парфенов так глубоко верил, что не только не начинал какого-либо строительства без его благословения, но вообще не делал ни одного важного шага в своей жизни. Каждый год на 19 октября (день ангела о. Иоанна) он ездил в Кронштадт, заранее заказав номер для ночлега в Доме Трудолюбия. По его приглашению, о. Иоанн много лет подряд служил в Троицком храме Общества литургию (а иногда и утреню), 8 ноября, в праздник церковно-народного хора. Много раз 27 октября (канун дня ангела супруги Дмитрия Лаврентьевича – Параскевы Ивановны) о. Иоанн служил в его квартире всенощную и после нее водосвятный молебен и оставался ночевать в его доме. Вообще о. Иоанн отвечал Дмитрию Лаврентьевичу взаимной любовью, называл его в письмах к близким по духу людям своим другом и охотно согласился быть крестным отцом младшего сына Дмитрия Лаврентьевича – Дмитрия.

Дмитрий Лаврентьевич много благотворил через о. Иоанна Кронштадтского, вручая на его усмотрение крупные суммы.

Как подлинный сын Православного народа, Дмитрий Лаврентьевич всегда убежденно отстаивал одну мысль: Церковь – это нравственная основа государства. Пожалуй, слова его и сегодня звучат актуально и пророчески: «Только Церковь может охранять чистоту народной совести и народного духа, а если растлится этот дух, то народ погибнет... Государству Русскому следует искать опору в Церкви, если оно желает блага народу».

Созидательный талант

Д.Л. Парфенов считал, что нет большего счастья на земле, как построить Божий храм, в котором всякое доброе дело находит свое начало, благословение и поддержку.

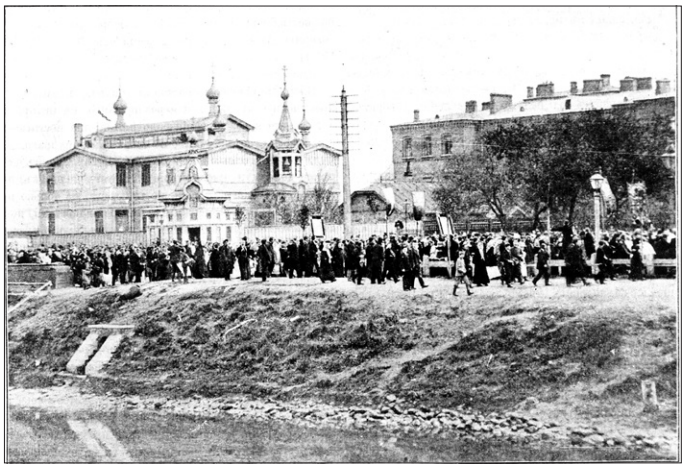
Однажды Дмитрий Лаврентьевич вместе с пятью коммерсантами, продав крупную недвижимость, потом уговорил каждого товарища по сделке пожертвовать из полученной прибыли по тысяче рублей на постройку Предтеченской церкви на Выборгской стороне. Так была построена прекрасная уютная деревянная церковь. Но простояла она совсем недолго: ходили слухи, что ночью 24 ноября 1899 года ее подожгли сектанты-пашковцы.* Церковь за несколько часов сгорела дотла. Был ли это злой умысел или простая небрежность – неизвестно, но, несомненно, горе Общества было радостью для сектантов. Тогда «Общество религиозно-нравственного просвещения», с одобрения митрополита Антония, решило заложить каменный храм, а пока он строится, возвести для местных жителей временный храм простой конструкции.

Постройку храма-барака поручили Дмитрию Лаврентьевичу. Наступила морозная зима, свирепствовали

* В 1874 году в великосветских обществах Петербурга появился протестантский проповедник – английский лорд Редсток. Ересь его проповедей заключалась в том, что все уверовавшие во Христа спасутся и не нужны ни святые иконы, ни духовенство, ни церковные таинства.

У английского проповедника нашелся последователь в среде наших соотечественников – отставной гвардии-полковник Василий Алексеевич Пашков. Его именем и была названа секта. Именно на Выборгской стороне, на фабричной окраине, эта секта имела сильное влияние в среде рабочих.

В те годы у властей хватило решимости запретить враждебную Православной Церкви секту, а отказавшемуся покаяться Пашкову пришлось уехать за границу.

Выход крестного хода трезвенников из старой Воскресенской церкви на Обводном канале. Фото 1900 г.

вьюги и метели, падал обильный снег, но Парфенов решил возводить храм немедленно. Он вводит необычные по тем временам новшества: проводит к месту строительства электричество и организует сменную круглосуточную работу. Результат был неслыханным – храм построили за один месяц! В Рождественскую ночь счастливые жители района в освященной накануне церкви пели: «Слава в вышних Богу».

Когда же через несколько лет каменный храм был закончен, деревянную временную церковь разобрали и перевезли за Невскую заставу, там ее освятили в честь прп. Серафима Саровского.

***

В 1898 году в Петербурге образовалось Братство православных эстонцев. Обнищавшие, выгнанные нуждой из Прибалтики люди надеялись получить в русской столице какой-нибудь заработок. В основном выселенцы были лютеранами или людьми только недавно принявшими Православие, они даже не знали русского языка. Именно эта безнадежность и привлекла к ним в помощь людей, сильных верой и духом.

Решено было построить для эстонцев православный храм. Городское управление составило и утвердило план, определило срок окончания работ, но дело казалось безнадежным: постройка должна была обойтись в 250 тысяч рублей, а набралось средств всего лишь 3 тысячи рублей.

Но среди благотворителей был Дмитрий Лаврентьевич Парфенов, его избрали товарищем председателя строительной комиссии – и это давало надежду на успех. О Д.Л. Парфенове ходили легенды, ему верили, его имя, связанное со строительством храма, уже обеспечивало кредит. Все подсчеты и расчеты с поставщиками и подрядчиками он держал своих руках. Как только пролетал слух: «Парфенов пришел», все на строительстве двигалось с удвоенной энергией. Во всем чувствовался парфеновский строительный опыт, инициатива и находчивость. Его видели во рвах для фундамента, на кладке стен, на кровле и на куполах. Несмотря на строгость рабочие его уважали. Так строился этот храм.

А вот какими словами благодарили купца Парфенова пастыри и прихожане эстонского храма: «За все, тобою сделанное для эстонцев Петербурга, прими от нас землекасательный поклон... Память о трудах твоих и жертвах на наш храм не умрет среди нас... От отцов к детям перейдут рассказы о тебе, про тебя и сегодня ходят легенды. А в молитве о созидателях св. храма с теплотою сердечной будем вспоминать твое достолюбивое имя..». (*из слова свящ. Павла Кульбуша, будущего епископа Ревельского Платона, священномученика,† 1919).*

***

Куда бы не заносила судьба Д.Л.Парфенова, он везде помогал православным приходам. Все церкви «Общества религиозно-нравственного просвещения» были построены под его руководством или при его непосредственном участии. Но строительство Воскресенского храма, что у Варшавского вокзала, принесло ему наибольшую славу.

Самый величественный храм, возведенный Д.Л. Парфеновым

В 1894 году городская Дума предоставила в собственность протоиерею Ф.Н. Орнатскому (члену Государственной Думы, представителю от Православного духовного ведомства) участок земли в 1000 кв. сажен под строительство храма. Участок находился на берегу Обводного канала, рядом с Варшавским вокзалом. Сюда в том же 1894 г. перенесли со Стремянной улицы деревянную церковь.

Отец Иоанн Кронштадтский, ближайший друг Ф.Н. Орнатского в это же самое время обращается с личным прошением к министру Путей сообщения господину Кривошеину. В прошении великого пастыря была просьба предоставить участок земли в 400 кв. сажен для постройки Православного центра – Санкт-Пе-

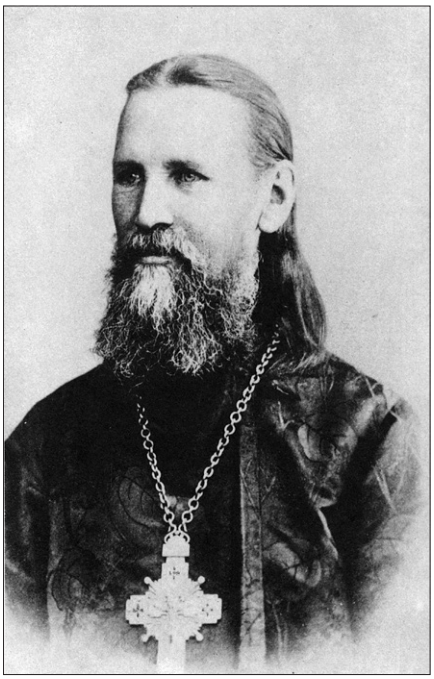
Свято-Исидоровская русско-эстонская церковь. Фото 1910-х гг.

тербургского дома трудолюбия. Министр, глубоко чтивший о. Иоанна, удовлетворяет прошение почитаемого пастыря. Православный центр был выстроен через три года в 1897 году, он стал любимым детищем о. Иоанна Кронштадтского и предметом его особой гордости. Когда-то храм и церковный дом являлись единым целым, теперь в этом известном и некогда знаменитом доме располагается ведомственная поликлинника Варшавского вокзала; по иронии судьбы и теперь поликлинника и церковь имеют один адрес: поликлиника – наб. Обводного канала, дом № 116, а церковь – дом № 116а.

Каменный же капитальный храм Воскресения Христова смогли заложить лишь через десять лет – 28 июля 1904 года и строили его четыре с половиной года. Возводился храм «хозяйственным» способом: собранные за зиму деньги вкладывали летом в строительство. С наступлением зимы строительство замораживалось и консервировалось до весны следующего года.

Но не успело строительство начаться, настали труднейшие испытания и искушения: война с Японией и в связи с этим тяжелое положение в стране, революция 1905 года, и надо заметить, революция антицерковная. Все поставщики и подрядчики подвергались революционной агитации, шантажу, угрозам. Предприятия в столице были парализованы или бастовали. Средства на возведение храма перестали поступать. Ставился вопрос о прекращении строительства.

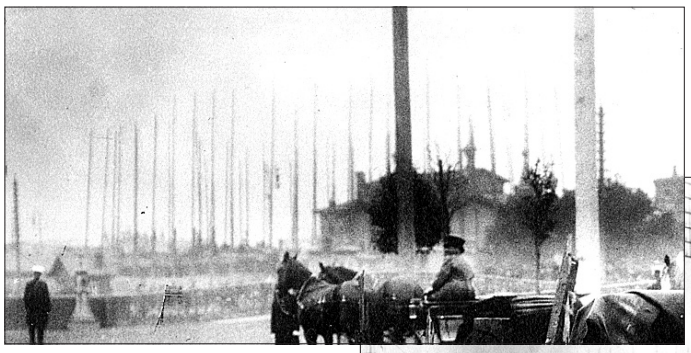
Вся тяжесть и ответственность за эту начатую грандиозную стройку в основном ложилась на председателя совета «Общества религиозно-нравственного просвещения» Философа Николаевича Орнатского и председателя строительной комиссии Дмитрия Лаврентьевича Парфенова.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

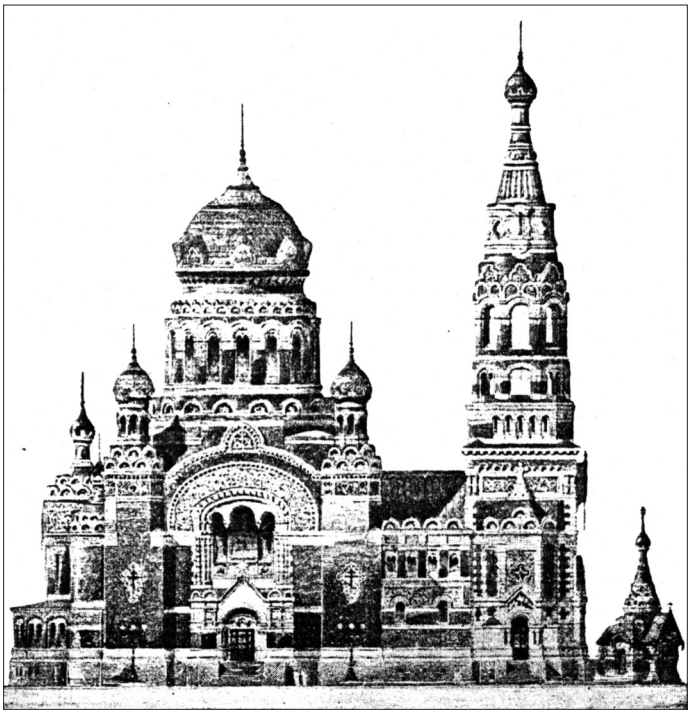
Но был еще один человек, благодаря которому этот храм все же продолжали строить, – это о. Иоанн Кронштадтский – он вдохновлял, благословлял, находил жертвователей и был в курсе всех дел и общественных начинаний. И самое главное – сам так много и так часто жертвовал на строительство, что было ясно: возводится любимейший храм о. Иоанна Кронштадтского. И сегодня следует помнить: возможно каждый двадцатый кирпич в стенах Воскресенского храма куплен на личные деньги великого старца – св. прав. Иоанна Кронштадтского.

Жертвовал на возведение церкви Воскресения Христова и Государь Николай II. В 1896 году – 500 рублей, и в 1903 было пожертвовано 50 000 руб. на постройку Воскресенского храма на Обводном канале и на окончание строительства церкви Иоанна Предтечи на Выборгской стороне. Строительство Воскресенского

С.-Петербург. 15 июля 1904 г. После взрыва экипажа министра Внутренних дел В.К. фон Плеве у Варшавского вокзала. Справа видна не пострадавшая от взрыва часовня Спасителя, слева строящийся каменный храм Воскресения Христова

Храм Воскресения Христова у Варшавского вокзала. Проект. Арх. проф. Г.Д. Гримм, Г.Г. фон Голи, А.Л. Гун

храма шло очень тяжело. Как отмечалось впоследствии, строительный процесс по техническим причинам часто нельзя было прервать. И председатель строительной комиссии Д.Л. Парфенов вкладывал личные средства, одалживал деньги под свою личную ответственность, искал жертвователей...

В годовых отчетах Общества отмечалось, что Ф.Н.Орнатский часто в то время собирал деловые собрания, на которых принимались решения о закладе имущества и недвижимости Общества: «так в 1907 году, 11 февраля, состоялось деловое собрание Общества для разрешения совету Общества занять у церкви Волковского кладбища под вторую закладную дома на Стремянной ул. – 40 тыс. рублей... Разрешение дано и использовано». Общая сумма заклада – 100 тыс. руб. Первая закладная на – 60 тыс. руб., вторая на – 40 тыс. руб.

И все же строительство было связано с таким напряжением, что окружающие все чаще и чаще видели на глазах у Дмитрия Лаврентьевича слезы.

О. Иоанн Кронштадтский, революция и строительство Воскренского храма

Революция, как свидетельствуют многие очевидцы, – это уголовный террор. И как всякий террор, кем-то идеологизированный, управляемый и оплачиваемый. «Грабь награбленное». Строительство Воскресенского храма в разгар общественных бурь и потрясений было чудом и подвигом. Вот что писал в те годы св. прав. Иоанн Кронштадтский:

(1907 г.) *«Царство русское колеблется, шатается,близко к падению. Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре законами, если Россия не очистится от многих плевел, то она опустеет, как древние царства и города..».*

(Неделя православия 1906 г.) *«Откуда эта анархия, эта революция, этот социализм, эта нелепая коммуна, эти забастовки, разбои, убийства, хищения, эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство?! – От неверия, от безбожия... Как хитер и лукав сатана! Чтобы погубить Россию, он разбудил в ней безверие и разврат через злонамеренных писателей и учителей,.. через так называемую интеллигенцию... Без насаждения веры и страха Божия ... Россия не может устоять».*

(5.02.1908 г.) *«Везде грабежи, поджоги, убийства верных слуг Церкви и Царя; убить человека теперь ничего не стоит!... Господи, Ты видишь хитрость врагов Православной веры и Церкви Твоей и их рвение одолеть ее! Положи им конец, да умрет с этими людьми все лукавое дело их».*

(9.05.1908 г.) *«Будьте единомысленны: плохо будет, если каждый из вас, каждая народность будет тянуть в свою сторону... Правые стоят за монархию, левые за конституцию. Запомните, если не будет монархии, не будет и России; только монархический строй дает прочность России. При конституции она вся разделится по частям..».*

Столицу лихорадило от волнений и забастовок, заводы стояли. А церковь Воскресения Христова, невзирая на шантаж и угрозы, продолжала строиться. Как это понять? Чем это объяснить?! Исторических сведений о конфликтах между революционерами и строителями храма до нас не дошло. Но факт тот, что победа осталась за строителями, созидателями.

Скорее всего, победа объяснялась помощью Божией, крепкой молитвой и наличием по соседству двух вокзалов. Там трудились трезвенники и православные рабочие, эти самоотверженные люди были готовы идти под пули и отдать свои жизни за строящуюся матушку-церковь. Достаточно было «свистнуть», и революционеров-шантажистов окружали здоровенные мужики-чернорабочие. Они не хотели «светлого будущего» без храма Божия, не хотели вступать в дебаты с агитаторами, а драться священники им строго запрещали. Тогда мужики брали безбожников за шиворот и несли купать в Обводный канал. Со словами: «Помойтесь, черти!» окунали революционеров в воду и, дав вразумительного пинка, отпускали восвояси. Священники, завидев такую Иордань из окон Церковного дома, конечно, потом вразумляли своих прихожан, дескать, негоже унижать человека – человек образ Божий! На что трезвенники недоуменно разводили руками: «Какой же Божий образ?! Если они мешают строить Храм!?»

А агитаторы тем временем в революционном комитете сушили свою промокшую одежонку, потирали ушибленные места пониже спины и приходили к единодушному мнению: «Да ну их, этих трезвенников, темные они люди, пусть уж строят свой храм».

Наше старшее поколение, наверное, еще помнит заученную ленинскую формулировку: революционная ситуация – это когда низы не желают жить по-старому, а верхи не в силах управлять по-новому. Но Воскресенский храм хотели строить все: и низы, и духовенство, и богатые православные люди. Храм был святой целью и мечтой, объединяющей православное братство. Вот что в год своей смерти (1908) писал о. Иоанн Кронштадтский председателю строительной комиссии Дмитирию Лаврентьевичу Парфенову:

«Я несказанно был бы рад видеть готовым храм у Варшавского вокзала. Дай Бог Вам кончить святое дело благополучно. Молитесь, Господь промышляет о Своем храме. И он воздвигнется и украсит собою столицу и Церковь Православную. Господь Вам Помощник. Примите мою лепту, присылаемую мною из личных средств.

Протоиерей Иоанн Сергиев. Второй день Пасхи».

Строительство храма затягивалось по времени. Видно было, что оно продлится еще несколько лет. Но хотелось ознаменовать духовную победу строителей над общественным революционным безумием – освятить храм. И тогда наспех вставили рамы, застеклили окна, настелили кафельную плитку на пол, соорудили временные иконостасы. И митрополит Антоний назначил освящение каменного Воскресенского храма на 14 декабря 1908 года.

В начале декабря – за две недели до освящения – Д.Л. Парфенов отправился к больному о. Иоанну Кронштадтскому – приглашать на торжества.

В глазах старца засветилась живейшая радость, еще бы, долгожданное событие! И Дмитрий Лаврентьевич даже не мог предположить, что торжества освящения почти совпадут с кончиной любимого батюшки.

14 декабря 1908 года – освящение храма и главного придела.

20 декабря 1908 года – кончина о. Иоанна Кронштадтского.

21 декабря 1908 года – освящен правый – Никольский придел.

Левый придел – св. блгв. кн. Александра Невского, как памятник основателю Общества трезвости о. Александру Рождественскому, так и остался не освященным по сей день.

Отец Иоанн Кронштадтский предчувствовал день своей кончины и отказался лично участвовать в торжествах, но обещал быть на празднике молитвенно. Он горько сожалел, что ему так и не удалось увидеть росписи Троицкой церкви Общества, так и не удалось услышать голос колокола «Отец Александр».

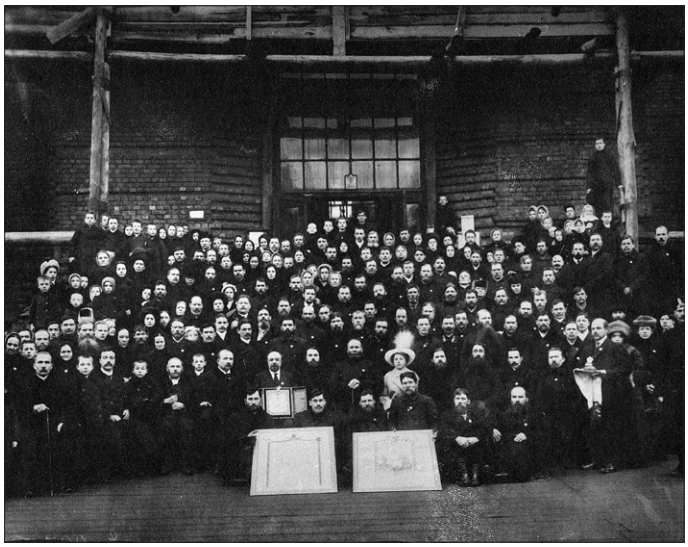
Все религии мира утверждают, что три дня после кончины душа человека еще пребывает на земле. А это значит, что св. прав. Иоанн Кронштадтский сдержал свое обещание и душа его незримо присутствовала и молилась при освящении Никольского придела.

Торжества освящения и чествование главных строителей

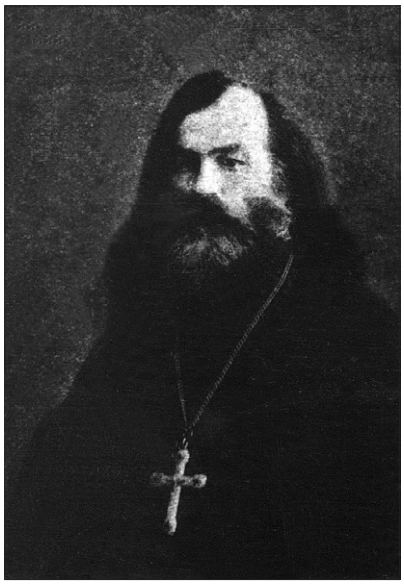
Голос тысячепудового колокола широкими гулкими волнами плыл по улицам столицы. Александро-Невское Общество трезвости приобрело этот колокол на средства трезвенников за 20 000 рублей в память своего основателя – священника Александра Рождественского. Весил колокол 1 064 пуда (17 тонн). На нем был рельефный портрет пастыря и надпись: колокол «Отец Александр».

Вокруг храма плотной стеной толпился народ, пробиться внутрь было невозможно. Построенный по проекту академика архитектуры Г.Д. Гримма и архитектора Г.Г. фон Голи, величественный храм имел особенность, характерную для всех церквей Общества: открытую внутри площадку, не загроможденную колоннами, представляющую удобство как для молящихся за богослужением, так и для слушателей религиозно-нравственных чтений. В сооружении были применены все новейшие приспособления того времени: вентиляция и отопление. Затраты на строительство составили 450 тысяч рублей. (*Для сравнения.* Строительство Исаакиевского собора обошлось казне в 25 миллионов золотых рублей, а «Храм-на-Крови» стоил 5 миллионов!)

В 9 часов 30 минут утра под торжественный перезвон подъехал экипаж Владыки Митрополита Антония.

Члены «Общества религиозно-нравственного просвещения» и братчики-трезвенники возле строящегося храма Воскресения Христова у Варшавского вокзала. 1912 г.

Прот. Павел Лахостский, настоятель церкви Успения Пресвятой Богородицы на Сенной пл., секретарь Ярославского благотворительного общества

Его встречали у входа в храм председатель совета Общества прот. Ф.Н. Орнатский, председатель строительной комиссии Д.Л. Парфенов и старший священник Воскресенской церкви о. П.А. Миртов. Длинной вереницей от входа до самой солеи протянулся ряд сослужащего Владыке духовенства, чин освящения и первая литургия были совершены Высокопреосвященнейшим Антонием, митрополитом С.-Петербургским с обоими викариями – преосвященными Кириллом Гдовским и Никандром Нарвским в сослужении председателя Общества прот. Ф.Н. Орнатского и старейших членов Общества протоиереев Н.И. Розанова, К.И. Ветвеницкого, А.А. Дернова, а также ректора семинарии архимандрита Михаила, протоиереев Н.Г. Смирягина, С.А. Соллертинского, В.И. Перетерского, настоятеля храма священника П.А. Миртова и других.

Пел прекрасный народный хор Общества, а «Верую» и «Отче наш» были исполнены всеми присутствующими в церкви. В крестном ходе участвовали хоругвеносцы.

На малом входе, согласно церковному чину, митрополит Антоний возложил на прот. Философа Орнатского митру со словами: «С соизволения Государя Императора, по благословению Святейшего Синода на протоиерея Философа за успешные его труды на пользу церкви возлагается митра», после чего пропето «Аксиос». Во время причащения священнослужителей прот. Ф. Орнатский с великим воодушевлением сказал слово, посвященное торжеству. Он обратился к стоящим в церкви с пасхальным приветствием: «Христос Воскресе!» Присутствующие удивленно переглянулись – через две недели наступало Рождество, но проповедник сразу заметил, что из его уст только такое победное приветствие и может прозвучать при завершении дела, которому предшествовало столько затруднений. Он вспоминал, как при закладке храма уповали на приток пожертвований, но пожертвования прекратились тотчас – наступило лютое лихолетье. Зародилась тревога, что начатое дело не сможет быть закончено… И если дело закончено в столь короткое время – то в этом следует видеть помощь воскресшего Устроителя жизни нашей. Оратор вспомнил почивших учредителей «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения» – протоиерея Михаила Ильича Соколова и Александро-Невского Общества трезвости священника А.В. Рождественского. Высказал пожелание,чтобы новосозданный храм стал для столицы и всей России средоточием церковной борьбы с пьянством – тяжким злом, губящим народ.

В торжестве Общества приняли участие все пребывавшие в С.-Петербурге архипастыри и в полном составе Святейший Синод. В служении молебна, кроме Высокопреосвященного митрополита Антония, участвовали и митрополиты Владимир Московский и Флавиан Киевский, архиепископ Николай Варшавский, член Государственного Совета, епископы Иннокентий Тамбовский и Евлогий Холмский – член Государственной Думы, викарные епископы Кирилл Гдовский и Никандр Нарвский и до сорока священнослужителей. В алтаре присутствовали архиепископы Антоний Волынский и Арсений Псковский, епископ Никон Вологодский. При выходе на молебен Высокопреосвященный митрополит Антоний, окруженный сонмом архипастырей, прочитал грамоту Святейшего Синода, которой преподавалось благословение Совету Общества за его религиозно-просветительскую деятельность.

В конце молебна вслед за многолетием царствующему Государю Императору провозглашена была вечная память Императору Александру III, которым было Высочайше утверждено Общество.

После молебна в храме проходило чествование председателя строительной комиссии и крупнейшего жертвователя на храм – старосты церкви на Стремянной, потомственного почетного гражданина, купца Дмитрия Лаврентьевича Парфенова. Началось чтение адресов и дарение икон от «Общества религиозно-нравственного просвещения» и от Общества трезвости.

В первом адресе, кроме всего прочего, говорилось следующее:

«...Вы стоите в первых рядах Общества уже более двух десятков лет… Вы были полезны Обществу безсчетное количество раз и на многие десятки тысяч рублей... Нет ни одного начинания в Обществе, в которое Вы не вложили бы крупную лепту. Но дороже всего Ваша помощь в делах строительных. Вы были во всех строительных комиссиях. Когда встал вопрос о строительстве Воскресенского храма, все взоры, естественно, обратились к Вам и хотя Вы отказывались, но должны были признать, что кроме Вас к начинаемому храмозданию приставить некого. Жребий был брошен. Вы повели дело. Но чем выше вырастала громада церкви, тем большею тяготою она ложилась на Ваши плечи.

Своеобразные конструкции, новые, еще не испытанные технические приемы, оскудение средств на постройку... Сделать перерыв или остановку в постройке было немыслимо – не позволяли нравственные и технические причины. Нужно было во что бы то ни стало продолжать начатое, а для этого требовались деньги, и при том немалые, и требовались все вновь и вновь. Вы искали жертвователей, входили в соглашение с подрядчиками и поставщиками, делали заимствования у членов комиссии и деятелей Общества и прежде всего у самого себя.

Мы видели, чего все это Вам стоило: душевных мук, просьб, слез... В пожертвованиях на храм Вы неизменно шли впереди всех. И вот – венец Вашим трудам. С заботливостью и любовью положенные Вами камни стали жилищем Господа, эти бездушные камни ныне освящены Благодатью Св. Духа. Столетиями сохранит Господь дом Свой, и столько же лет не забудут имя раба Божия – Дмитрия. Горячей молитвой имя Ваше будет поминаться всеми, кто под этими сводами найдет душевную отраду и благодатное утешение..».

Читаешь сегодня эти восторженные обещания наших прадедов и щемит в душе от забывчивости наших современников.

Другой адрес, который преподнесло Александро-Невское Общество трезвости, отличается от первого тем, что трезвенники обращаются к своему благодетелю неизменно на «ты». В адресе говорятся примерно те же слова благодарности, но зато упоминаются революционеры-безбожники, которые досаждали строителям: «...с благодарностью исповедуем тебе нашу всенародную радость по случаю освящения дорогого нам храма. И открыто снимаем с народного имени ту темную клевету пасынков России... Пусть они злобно отмечают убыль в народе верующего духа и со скрытым нетерпением ждут, когда же, наконец, замрет в душе народной так осмеянное ими религиозное чувство, и Русь сдвинется со своих твердых нравственных устоев, и в ней окончательно погаснет любовь к благолепию церковному. Пусть они этого напрасно ждут! Только что освященный храм будет для них живым обличением.

Дорогой Дмитрий Лаврентьевич, помни и знай, что созидая этот дом Божий, где каждый камень обвеян твоей думой и как бы облит горячей кровью твоего многозаботливого сердца, ты не только помог Обществу украсить столицу грандиозным величественным сооружением; ты не только создал вечный памятник, – ты ответил на самые живые запросы верующей русской народной души.

Ты видишь, как мы, точно пчелки к своему улью, слетелись с окраин столицы к этому дорогому для нас ныне освященному храму. И эти волны народного моря – о чем они говорят, как не о том, что еще жив Господь и жива душа народная и что нет лучшей пищи для нее, как молитва в Божием доме, поднимающая народный дух в годины тяжких испытаний.

Эта постройка стоила тебе многих бессонных ночей, многих слез... И пусть эти святые слезы будут самыми дорогими камнями в том венце, который воздаст Господь всем любящим Его».

После приветствий и поднесения многочисленных адресов и дарственных икон Владыка митрополит прочел письмо статс-секретаря Танеева о Всемилостивейшем пожаловании председателя строительной комиссии и крупнейшего жертвователя на храм, старосты церкви на Стремянной, потомственного почетного гражданина, купца Дмитрия Лаврентьевича Парфенова, не в пример прочим, чином статского советника!

Торжественное богослужение окончилось лишь во втором часу. После чего служащее духовенство во главе

Члены Костромского благотворительного общества на закладке Дома Костромского общества в С.-Петербурге на Киевской ул. ул.,12. В центре – Д.Л. Парфенов

С.-Петербург. Свято-Троицкий храм Общества на углу Стремянной и Николаевской улиц. Слева от храма – дом Д.Л. Парфенова (Николаевская ул.7), не сохранился, снесен в 1960-х гг. одновременно с храмом

с Владыкой митрополитом направилось в церковный дом, где в актовом зале строительным комитетом была предложена трапеза. Перед началом трапезы огласили адреса от Общества Государю Императору Николаю II и вдовствующей Государыне Императрице Марии Феодоровне, после чего многочисленные приглашенные воодушевленно пропели гимн «Боже, Царя храни».

Адрес был полон взволнованных сыновних заверений в преданности и обещаний неустанного молитвенного почитания. Отцу Отечества напоминалось, что Воскресенский храм, как, впрочем, и прежний временный деревянный, построен в память Бракосочетания Августейшей четы: Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны. Свои подписи под адресом ставили все: и всепреданнейшие богомольцы и верноподданные члены Общества.

Трудно сказать, почему Император не смог почтить торжества своим присутствием. Вероятно, по причине того, что храм не имел еще благолепного вида: он стоял весь опутанный строительными лесами, на нем не было еще облицовочной плитки; внутри он тоже был совсем не отделан, скорее всего, даже не оштукатурен.

За трапезой звучали тосты и здравицы, провозглашенные Владыкой митрополитом и председателем совета Общества. В ответ раздавалось громкое и долго не смолкавшее «Ура!» Председатель совета Общества прот. Ф.Н. Орнатский старался вспомнить всех благодетелей, трудившихся во благо Церкви и Отечества. Были прочитаны приветствия и поднесены в дар иконы щедрым жертвователям – членам строительной комиссии:

1. Товарищу председателя строительной комиссии Евгению Георгиевичу Глухареву, который был заместителем председателя.*

2. Ивану Ивановичу Баранову. Когда-то этот благотворитель помог Сергиевскому отделению Александро-Невского Общества трезвости. Отделение ютилось в убогом наемном помещении, ничем не обеспеченное. Приходское движение еле теплилось в ожидании своего черного дня. И.И. Баранов приобрел доходный дом и разместил в нем школу, библиотеку-читальню, мастерские, помещения для бесед и чтений.

3. Якову Ивановичу Рожнову, старосте Воскресенского храма, активному агитатору и стороннику строительства Воскресенского храма.

4. Василию Евстифеевичу Евстифееву – храмостроителю, пять лет оказывавшему материальную помощь в строительстве Эстонского храма в С.-Петербурге и братского дома при нем. Принял на себя большую часть расходов при постройке Серафимовской церкви на станции Графская (ныне ст. Песочная). Ближайший друг и соратник председателя строительной комиссии – Д.Л. Парфенова.

5. Михаилу Митрофановичу Кудрявцеву – благодетелю и жертвователю.

Трапезу Общества, до ее окончания, удостоили своим присутствием все бывшие в храме архиереи. Протоиерей И.П. Слободской с воодушевлением прочитал стихотворение своего сочинения:

Гроза надвигалась с востока,
Гудело зловещее море,
Сочилось народное горе
Из раны глубокой.

И там, под землею, незримо, среди темноты,
Народному счастью могилу копали кроты...
Но в эти годины всеобщей тоски и сомненья
Здесь строился храм Воскресения!

И беды... удар за ударом
На сердце народное пали,
И Руси концы запылали
Ужасным пожаром.

Враги ликовали кругом, наследство делить собирались
Их хохот и вопли «друзей» в постыдную тризну сливались
Темна была ночь, но средь братской резни и смятенья
Уж высился храм Воскресения

А новое солнце всходило,
Свободною радостью солнце
Блеснуло сквозь наше оконце,
И крест позлотило.

---

* В мае 1906 года поднимали крест на колокольню. Было народное столпотворение, несколько хоров Общества пело «Кресту Твоему покланяемся, Владыко». Е.Г. Глухорев тогда воскликнул: «Пусть будет мой этот крест!» Он имел в виду свой жизненный крест, хотя и храмовый был отлит при его непосредственном участии. Судьба Евгения Георгиевича неизвестна, возможно, он дожил до того страшного дня, когда этот крест спилили. Нужно заметить, что кресты первоначально были не такими как сегодня и не такими как на проектных чертежах. Они напоминали кружевные кресты храма Спаса-на-Крови. *(Прим. автора)*.

И ныне в сей день освящения храма святого
Мы радостно вспомним венчанье Царя молодого
Царицу младую вспомянем и вновь запоем в умиленьи
Священную песнь Воскресения…

Искреннее, хотя и не профессиональное сочинение прозвучало как былинная поэма, как гимн и восторг души, как песнь еще не положенная на музыку.

А на следующий день Осведомительное бюро сообщало, что обер-прокурор Святейшего Синода представил Императору Николаю II адрес от участников церковных торжеств. И на народном послании Государь собственноручно соизволил начертать «Радуюсь совершившемуся освящению храма Воскресения Христова. Желаю «Обществу распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви» дальнейшего прочного развития на пользу русского народа».

Кроме всего сказанного, нужно заметить, что в день церковных торжеств состоялась еще одна праздничная трапеза. В обширном подвальном помещении Воскресенского храма были накрыты столы на 300 человек для выборных трезвенников. Здесь во главе с настоятелем храма собрались представители 12-ти отделений Александро-Невского Общества трезвости и, как потом говорили трезвенники-участники застолья, несмотря на то, что за трапезой не было ни одной капли алкогольных напитков, настроение у всех было приподнятое и тосты не смолкали.

Отличия и награды Дмитрия Лаврентьевича Парфенова

За труды и пожертвования по Троицкой церкви Общества Высочайше пожалован золотой медалью 22 июня 1896 г. В том же году ему преподано благословение Св. Синода с выдачею установленной грамоты.

За заслуги по духовному ведомству Всемилостивейше пожалован орденом св. Станислава 2-й степени, 6 мая 1901 г. и орденом св. Анны 2-й степени – 6 мая 1905 г. (эта награда давала ему *личное* дворянство).

За особые труды в звании Председателя Строительной комиссии по постройке Воскресенской церкви Общества Всемилостивейше пожалован, не в пример прочим, чином статского советника, 13 декабря 1908 г.

В воздаяние особых заслуг, оказанных Обществу попечения о бедных и больных детях, Всемилостивейше пожалован орденом св. Владимира 4-й степени 12 января 1912 г. (эта награда возводила Д.Л. Парфенова и его наследников в *потомственное* дворянство).

За постройку, оборудование и обеспечение детского приюта в г. Чухломе, по представлению Ведомства учреждений Императрицы Марии Феодоровны, Всемилостивейше пожалован чином действительного статского советника, 1 января 1914 г.

Парфенов Дмитрий Лаврентьевич. 54 года. Купец второй гильдии, потомственный почетный гражданин, православный, в купечестве состоит с 1894 г., проживает Николаевская ул., 7. Имеет каменные дома: Киевская ул, №№ 6,12. Состоит выборным от С.-Петербургского купеческого сословия и членом Комитета богодельни и школ Ф.М. Садовникова и С. Герасимова. Имеет жену Параскеву Ивановну. Сыновья: Иван (17 лет), Василий (15 лет), Дмитрий (6 лет) и дочь Мария.

Справочная книга Купеческой управы. С.-Петербург. 1907 г.

Любовь к своему народу

Дмитрий Лаврентьевич всегда был верным сыном своего народа и никогда не скрывал своих корней. В Петрограде из любви к бедным своим землякам он утверждает Костромское благотворительное общество и в последние годы жизни становится его председателем. Даже организует хор костромичей.

В Петрограде Дмитрий Лаврентьевич покупает большой каменный дом, обставляет его мебелью, обеспечивает имуществом и дарит богадельне и приюту.

В начале лета 1915 года вместе с прот. Философом Орнатским Д.Л. Парфенов выезжает на позиции в действующую армию. Во время артиллерийской перестрелки 800 солдат готовятся к отражению врага, сложив до поры оружие, они стоят в лесу и ждут. Дмитрий Лаврентьевич отправляется к ним на передовую, ему интересно увидеть настроение и поведение русского человека в последний час перед боем. И он удивляется, что солдаты совершенно спокойны: читают газеты, чинят свои вещи, зашивают гимнастерки, стоят кружком и смеются. Парфенов ходит между ними и вступает в разговоры. Его умиляло настроение людей, готовых умереть за Родину, оно было таково, как-будто они сидят у себя в деревне на завалинке. Возвращаясь с позиций, он все время говорил отцу Философу: «... мы многим обязаны нашему великому народу, мы обязаны, не покладая рук и не жалея средств работать для него, для улучшения его быта, для поддержания и укрепления его веры, для просвещения и отрезвления его».

Читая сегодня архивы и воспоминания давно ушедших современников об этом замечательном человеке, хочется сказать: «Спасибо тебе Дмитрий Лаврентьевич, за дела,слова и добрые мысли твои. Как нам сегодня не хватает таких людей, как ты».

Кончина

Осенью 1915 года врачи посоветовали Дмитрию Лаврентьевичу съездить на юг и подлечиться. Накануне отъезда в Крым Д.Л. Парфенов был, как всегда, бодр и весел, он тепло простился с друзьями, обещая скоро вернуться.

Мы многим обязаны нашему великому народу, мы обязаны не покладая рук и не жалея средств работать для него, для улучшения его быта, для поддержания и укрепления его веры, для просвещения и отрезвления его.

Дмитрий Лаврентьевич Парфенов

Чухлома. Аврамиев монастырь на родине Д.Л. Парфенова. С литографии конца XIX века

Отдыхая в Гурзуфе, Дмитрий Лаврентьевич чувствовал себя хорошо, но однажды, приняв холодную ванну в жаркий день, простудился. На следующий день поднялась температура, начались осложнения...

Д.Л. Парфенов находился в полном сознании и понимал, что положение очень серьезное, после всенощной его помазали елеем. Через день священник Гурзуфской церкви исповедал больного и приобщил Св. Христовых Тайн. 3 октября Дмитрий Лаврентьевич на глазах супруги и дочери мирно отошел ко Господу. Отходная была прочитана в момент кончины.

Как только было получено скорбное сообщение о кончине Д.Л. Парфенова, газеты запестрели траурными объявлениями о панихидах. Так, газета «Новое время» информировала, что в Троицкой церкви на Стремянной ежедневно совершаются панихиды. 5 октября служили панихиду в Пантелеимоновской церкви, в которой брат покойного Федор Лаврентьевич был старостой. В тот же день Торговый Дом «Елисеев, Почкин и К°» «приглашал на панихиду в 4 часа дня в помещение конторы Торгового Дома, Забалканский, 4».

6 октября Правление и Совет Петроградского Общества взаимного кредита приглашало на панихиду по глубокоуважаемому председателю Совета Д.Л. Парфенову, бывшему в числе учредителей Общества, состоявшему председателем Совета в течении десяти лет. Панихида была отслужена в здании Общества на Садовой, 34.

7 октября семья почившего совершила панихиду в его квартире (Николаевская улица, дом 7).

8 октября, в четверг, в Казанском соборе заказали панихиду для своего благодетеля иждивенцы богадельни и посетители бесплатной столовой и в тот же день в церкви при Богадельне, Каменноостровский пр., дом 66.

Поистине это была народная скорбь. 10 октября тело усопшего торжественно встречали на Николаевском вокзале преосвященный Вениамин и многочисленное духовенство. Гроб сразу же был перевезен в Троицкую церковь на Стремянной. На следующий день 11 октября, в воскресенье, девятый день после смерти усопшего, стал днем непрестанной молитвы. После литургии панихиду совершил Высокопреосвященный Митрополит Владимир. Вечером того же дня началось служение великой панихиды, совершенной митрополитом Вениамином в сослужении членов Совета, священников церквей Общества и многочисленного духовенства. Перед смертью Дмитрий Лаврентьевич завещал, чтобы венков на его гроб не возлагали. Зато вместо цветов все внимание близких ему людей было сосредоточено на молитве и на заупокойных богослужениях. Сотоварищи Дмитрия Лаврентьевича по Сенному рынку вместо венка внесли деньги в свою приходскую церковь на сорокадневное поминание почившего.

Перед отпеванием произнес слово прот. П.Н. Лахостский, духовный отец покойного. Он обрисовал исключительно редкую личность Д.Л. Парфенова. К отпеванию в храм прибыл преосвященнейший Анастасий, ректор Духовной академии, епископ Геннадий и Высокопреосвященнейший митрополит Вениамин, который в сослужении с многочисленным духовенством совершил отпевание. В последнем слове прот. Философ Орнатский охарактеризовал покойного как выдающегося церковно-общественного деятеля.

Милая Дмитрию Лаврентьевичу родина, как бы воздаяние за то, что породила и воспитала такого сына, получила от него щедрые дары. ...Ни одного храма в родном ему Чухломском уезде не обошел он своими жертвами и благодеяниями, в родном же селе (в 4-х верстах от Чухломы) расширил и поднял выше каменную церковь, а колокольню начал строить заново.

Протоиерей Павел Лахостский

Много благодарных слов было высказано у гроба: «Спасибо, – говорили земляки, – за церковь и богадельню с приютом». «Спасибо», – говорили жители с. Мартышкина, где Парфенов расширил и благоукрасил святой храм. «Спасибо», – было сказано от Богадельни Герасимова и Садовникова за попечение. «Спасибо», – от приюта детей-калек и эпилептиков на Удельной, где трудами и жертвами покойного был благоукрашен святой храм. «Спасибо», – от богадельни и приюта прихода Казанского собора...

Несмотря на будничный день, на похороны собралось много народу. Люди переполняли храм и прилегающий к нему зал имени прот. М.И. Соколова. Толпы провожали гроб Дмитрия Лаврентьевича Парфенова к месту его вечного упокоения – на Никольское кладбище Александро-Невской лавры. Вечная ему память.

Со сломанным крестом стоит надгробный камень на забытой всеми могиле Дмитрия Лаврентьевича, хотя, Слава Богу, хоть надгробие сохранилось... Рядом сохранился крест на могиле его брата Федора Лаврентьевича и его супруги...

Дмитрий Лаврентьевич очень любил своего брата, находил в нем понимание и опору. Федор Лаврентьевич имел характер спокойный и ровный; все считали, что братья очень дополняют друг друга. В завещании Дмитрий Лаврентьевич просил брата Федора достроить храм на их родине в Чухломском уезде. На Никольском кладбище братья похоронены рядом. На скромном железном кресте Федора Лаврентьевича и его супруги Александры Степановны (лежат они в одной могиле) кто-то из родственников написал год последнего посещения – 1992. Умер Федор Лаврентьевич в 1927 г., в возрасте 71 года; он был на четыре года моложе брата.

Читатель! Если будешь на Никольском кладбище, вспомни эту статью, разыщи могилу Д.Л. Парфенова, и помяни его в сохранившихся и действующих сегодня храмах – Воскресенском, что у Варшавского вокзала; Серафимовской церкови на ст. Песочная; Свято-Исидоровской церкви бывшего эстонского братства... И хоть время нынче трудное, может, сообща востановим крест на могиле этого хорошего человека.

Литература:

[1] Прот. Ф.Н. Орнатский. «Речь при гробе Д.Л. Парфенова» // Известия по Петроградской Епархии. 1915 г. №№ 41-42 С. 13-16.

[2] Прот. Павел Лахостский. «Слово перед отпеванием тела Д.Л. Парфенова» // Известия по Петроградской Епархии. 1915 г. №№ 43-44, 9.

[3] Там же.

[4] Прот. Ф.Н. Орнатский. «Речь при гробе Д.Л. Парфенова» // Известия по Петроградской Епархии. 1915 г. №№ 41-48 С. 13-15.

[5] Л.И. Соколова «Монахини Кашинского подворья – новомученицы и исповедницы» // С.-Петербургские Епархиальные ведомости. 2000 г. № 23, С. 118-119.

[6] Прот. Павел Кульбуш. «Слово на великой панихиде по Д.Л. Парфенову» // Известия по Петроградской Епархии. 1915 г. №№ 43-44, Стр. 11-13.

[7] Рункевич С.Г. «Новый храм Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в Петербурге». 1908 г. №№ 51-52 С. 2525-2528.

[8] Отчет о деятельности «Общества религиозно-нравственного просвещения» за 1908 год СПб, 1909 г. С. 30 – 35.

[9] Россия перед вторым пришествием. Свято-Троицкая Сергиевская Лавра. 1993 г. С. 81-83.

[10] Листовка-воззвание «Братья, христиане православные». СПб, 1910 г.

[11] Рункевич С.Г. «Новый храм Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в Петербурге». 1908 г. №№ 51-52. Стр. 2525-2528.

[12] Освящение Воскресенского храма «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви». СПб, 1909 г.

[13] Прот. Ф.Н. Орнатский «Речь при гробе Д.Л. Парфенова» // Известия по Петроградской Епархии. 1915 г., №№ 41-42. С. 13-15.

Надгробный памятник Д.Л. Парфенову на Никольском кладбище Александро-Невской лавры

А.В.Воронцов

БРАТСТВО СВ. СОФИИ В ПЕТРОГРАДЕ

О братстве св. Софии мало знали уже через несколько лет после его распада. В 1929 году чекисты спрашивали о нем А.А.Мейера, который был хорошо осведомленным человеком, но и он смог дать лишь скупой и неопределенный ответ. Удивительным образом сами чекисты о Братстве, которое более года действовало в самом центре Петрограда, всего в двух кварталах от них, совсем ничего не знали.

Как ни странно, современные историки знают о нем не больше. Вот что они пишут: «Братство св. Софии было организовано А.В. Карташевым в 1918 г. в Петрограде. Поскольку большинство участников Братства св. Софии потеряло связь между собой, С.А. Алексеев (Аскольдов) и Л.П. Карсавин в 1921 г. основали новое религиозно-философское общество, которое с 1926 года стало называться «Братством св. Серафима Саровского».[1]

В приведенных словах почти все не соответствует исторической истине. Это тем более удивительно, что в Братство входили весьма известные люди. Некоторые из них (Л.П. Карсавин, Н.О.Лосский, Г.П. Федотов, С.С. Безобразов) посещали собрания петроградского Братства и затем, оказавшись в эмиграции, могли бы рассказать о его истории. Прежде всего это относится к С.С. Безобразову, который был в конце 1923 г. одним из учредителей в Париже «Братства Святой Софии», когда А.В. Карташев, тоже человек осведомленный, «предложил просто перенести за границу созданное в России Братство св. Софии, это тем более было уместно, что как раз среди участников собрания большая часть уже принадлежала к этому Братству».[2]

С.-Петербург. Дом по Невскому пр., 9, в котором проходили заседания Братства св. Софии

В приведенной цитате, взятой из очерка В. Зеньковского «О Братстве Святой Софии в эмиграции» тоже не хватает правды. Перечисляя в другом месте участников братства в самой России, автор почему-то не сообщает, что оно действовало только в Петрограде, и что из упоминаемых им лиц Тернавцев и Аскольдов там и остались. Причисленный к братству Булгаков участвовать в нем не мог, так как в Петрограде после революции не жил. Кроме Безобразова и Лосского (а затем Федотова) никто из членов парижского Братства никогда в петроградское не входил. Это были два разных объединения, связанных друг с другом названием, несколькими общими участниками и отдельными программными установками.

Неверен и общий вывод Зеньковского, что «деятельность Братства в России не успела развиться благодаря революции».

Во-первых, работа братства проходила в 1920-1921 гг., т. е. после революции, которая и вызвала его появление, во-вторых, эта работа прекратилась скорее по субъективным, чем объективным причинам, как это читатель увидит из предлагаемой ему документальной истории петроградского Братства, восстановленной по записям его основателя и руководителя – известного прот. Николая Кирилловича Чукова (1870-1955), который после Великой Отечественной войны десять лет стоял во главе Ленинградской епархии.

Переехав в апреле 1918 года, под давлением обстоятельств, из Петрозаводска в Петроград, Чуков, в недавнем прошлом ректор Олонецкой Духовной семинарии и видный церковно-общественный деятель края, не мог долго сидеть без своего любимого дела

на ниве духовного просвещения. Он близко сошелся с Иваном Павловичем Щербовым (1873-1925), ректором Богословско-пастырского училища, и они вместе принялись обдумывать, как в новых политических условиях восстановить это просвещение и наладить в Петрограде разрушенную богословскую жизнь. К этому времени Духовные школы были закрыты, попытка открыть богословский факультет при университете провалилась.

Протоиерей Николай Чуков

Оставалась одна реальная возможность: создавать домашние семинары и кружки, где для обсуждения насущных богословских и церковных вопросов могли бы собираться бывшие преподаватели Духовных школ, заинтересованное духовенство и религиозно пробудившаяся интеллигенция. Таких людей в Петрограде было еще довольно много.

Встретившись 16 августа 1919 года со Щербовым, прот. Н. Чуков заговорил о таких частных собраниях, сразу предложив к обсуждению на них некоторые злободневные вопросы:

а) об обряде в широком смысле;

б) об отделении Церкви от государства;

в) об отношении Церкви к социальной проблеме государства». Предполагалось, что в собраниях обязательно будут участвовать преподаватели университета, так как они «как люди светской школы и семьи... более смело проявляют свои религиозные взгляды» по сравнению с профессиональными богословами, т. е. к собраниям привлекалась научная интеллигенция.

Прошло три недели и 5 сентября, в пятницу, у Щербова прошло первое собрание, пока что в узком составе. Кроме Щербова и прот. Н. Чукова на него пришли: молодой профессор-криминалист Юрий Петрович Новицкий (1882-1922), супруги Борис Михайлович и Елена Адамовна Назаровы и о. Николай Чепурин (1881-1947) из Покровской церкви в Большой Коломне. Назаров, капитан II ранга, служивший на Красном флоте, но давно интересовавшийся богословием[3], сделал общий доклад о поведении мирян в храме: «как входить, как стоять, как подходить к иконе, к причастию и т.п». Изложенную проблематику, направленную на воцерковление общества, – «как и вообще дело работы над оживлением церковного богослужения» – намечалось включить в программу планируемого Богословского института.

Для следующих заседаний прот. Н. Чукову было поручено подготовить чисто практические доклады «о желательных дополнениях и изменениях в составе церковного богослужения» и «о характере и составе молитвослова для мирян». Первый доклад автор читал дважды – 12 и 29 сентября, и он «был принят с вниманием и одобрением», хотя на обсуждение было поставлено, «что и когда выпускать и что дополнять», и на последнем чтении присутствовал Федор Константинович Андреев (1887-1929), доцент закрытой Московской Духовной академии, который в принципе богослужебные новшества не одобрял.[4]

С этих заседаний, которые также предваряли и подготавливали создание в Петрограде Богословского института, открытого на Светлой седмице следующего года, и началась предистория Братства св.Софии, ибо на них были обозначены как темы , так и характер недолгой его работы. Но прошло еще полгода, прежде чем будущие братчики от слов перешли к делу. Очевидно, тяжелые условия жизни в этот период сильно мешали приступить к задуманному делу.

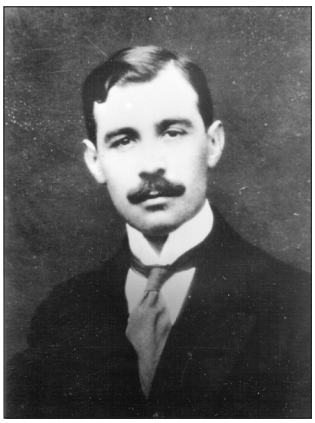
Организация Братства – и на первых порах также Религиозно-философского общества – активно пошла лишь весной 1920 года. «Уяснили цели организации Религиозно-философского общества и Братства св.Софии (для заявления совету), наметили лиц, которых было бы желательно пригласить в то и другое, наметили и ряд вопросов, которые было бы необходимо разработать, например, – о вере, религии, православии, обряде (в Религиозно-философском обществе), о священстве при сохранении светской службы, о реорганизации в связи с этим самой системы организации приходской жизни, об епископате не из монахов, о богослужении и т.п. Как все надо бы перестроить, чтобы начать жить церковно, ближе к Евангелию!» В приведенных словах явно ощутим реформаторский пыл дореволюционных лет, немало навредивший Русской Церкви. Однако суровая реальность быстро охладила его.

18 марта 1920 года, незадолго до открытия института, Чуков, уже разработав его церемониал, собрал своих будущих коллег: Щербова, Новицкого и Андреева, и снова поставил вопрос об организации Религиозно-философского общества и братства св.Софии. «Наметили платформу для братства из прежнего (т. е. дореволюционного – *А.В.*) устава св. Софии. Предварительно я доложу совету, а затем испрошу благословения Владыки-Митрополита». О благословении со стороны Патриарха Тихона, о котором вспоминали затем в Париже, речь, как видим, не шла.

Как явствует из процитированных слов, прот. Н Чуков поставил своею целью восстановить действовавшее

Иван Павлович Щербов

Юрий Петрович Новицкий

Прот. Николай Чепурин

Прот. Феодор Андреев

до революции петроградское Религиозно-философское общество и примыкавшее к нему радикальное Братство св. Софии – организаций, проникнутых левой идеологией и скорее расшатывавших, чем укреплявших Православие. Они внесли свой вклад в постигшую Россию историческую катастрофу и идейно подготовили обновленчество, с помощью которого большевики вскоре попытались расколоть и ослабить Русскую Церковь. Отчего умный протоиерей увлекся этой реанимацией? По инерции сознания или под влиянием либеральных коллег, которые еще вчера состояли в названном обществе, исповедуя христианский социализм, и только после революции вспомнили о традиционном Православии? В самом деле, среди будущих участников Братства св. Софии можно найти несколько членов прежнего Религиозно-философского общества: И.П. Щербова, В.Н. Бенешевича, И.М. Гревса, Н.О. Лосского. Не они ли посоветовали приехавшему из провинции Чукову взяться за восстановление закрытого большевиками общества, чтобы объединить идеалистически настроенную интеллигенцию?

31 марта о. Николай получил одобрение совета Богословского института на открытие и общества, и братства при самом институте, но тут же решил для себя, что «лучше открыть одно общество, которое могло бы разделяться на секции: философскую, богословскую, церковную и т. п». Он даже начал обдумывать темы и предложил профессору Тищенко из университета выступить на обществе с докладом об отношении ученых к религии, так как тот »рассказал об отношении к религии Д.И. Менделеева, учеником которого был».

Однако из-за хлопот по Богословскому институту его ректор лишь в конце апреля 1920 года вернулся к делу об обществе и набросал основные положения его работы. Поскольку колебания, какое общество организовать, еще продолжались, то было принято компромиссное решение «устроить: 1) совершенно независимо от института и епархиальной власти Религиозно-философское общество, как противовес Вольной философской ассоциации (Вольфиле – *А.В.*), строящейся на материалистической основе, и 2) Научно-богословское общество при институте как лабораторию при нем для разработки богословских и церковно-практических вопросов. В первую очередь позаботиться о первом. Решили также небольшой группой собираться, хотя бы раз в месяц, по средам, для обсуждения всех этих дел и движения церковной жизни в разных направлениях».

По мысли прот.Н. Чукова, Религиозно-философское общество должно было разрабатывать, обсуждать и проводить в общественное сознание «религиозно-философские вопросы, выдвигаемые жизнью, на основе идеалистического мировоззрения и, таким образом, людей, искренно ищущих истины, ближе подводило бы к Церкви», т. е. в конечном итоге был все же учтен печальный опыт предшествующего общества, которое не подводило к Церкви, а уводило от нее.

Хотя Религиозно-философское общество планировалось как самостоятельное, его костяк дожны были составить люди, выбранные советом Богословского института, которые имели право кооптировать новых членов. В состав общества допускались, начиная с 18 лет, «лица без различия вероисповеданий..., но связанные сходством мировоззрения». По-видимому, из-за трудностей с официальной регистрацией общество, задуманное на взаимоисключающих принципах сходства мировоззрения и интерконфессиональности, не состоялось, что было немалым благом, ибо иначе в Петрограде появился бы религиозный дискуссионный клуб, который – как показал предшествующий опыт – заранее был обречен на бесконечные споры и расколы.

В конце концов, от создания общества пришлось полностью отказаться и смириться с минимальным вариантом – постоянно действующим домашним семинаром из коллег и специалистов, для чего лучше всего подходила форма Братства. Объясняя на первом организационном собрании братства, состоявшемся 21 мая 1920 года (вот когда возникло братство!) на квартире о. Николая, почему ничего не вышло с Религиозно-философским и Религиозно-просветительным обществами, их инициатор выделил только формальные моменты:

«предполагалось сначала одно общество с тремя отделами: религиозно-философским, научно-богословским и церковно-практическим. Потом явилась мысль, что ввиду разнородных задач, а главное – способа проведения в жизнь начинаний Общества, лучше первый отдел выделить в самостоятельное общество. Затем явилась мысль о связи с Софией».

На первое собрание Братства пришли лишь 9 человек, которые образовали его ядро: Чуков, Щербов, Чепурин, Новицкий, Андреев, философ Л.П. Карсавин, С.С. Безобразов, историки И.М. Гревс (1860-1941) и О.А. Добиаш-Рождественская (1874-1939). С четырьмя первыми участниками Чуков создавал Богословский институт, с четырьмя последними сблизился будучи настоятелем университетской церкви. Вскоре к этой группе присоединились супруги Тураевы – академик-египтолог Борис Александрович и Елена Филимоновна, специалист по истории русского Средневековья. Они были прихожанами Чукова и друзьями его дома, а Тураев также и старостой упомянутой церкви.

После дискуссии собравшиеся пришли к мысли: «1) братство св. Софии мыслить отдельно, небольшим пока кружком, тесно объединяющимся; 2) для Религиозно-философского общества собрать учредительное собрание и на нем вырешить; пока собираться в институте в закрытых собраниях. Богословское же общество иметь при институте и при нем-то и собирать религиозно-философский кружок».

Итак, создание общества было отложено до учредительного собрания, которое никогда не состоялось, а соответствующую работу решено было перенести в институтский кружок, что, естественно, лишало ее общественного резонанса. Братство св. Софии на этом заседании было учреждено, но пока лишь в виде «небольшого кружка». Впоследствии этот кружок, или точнее семинар, заменил так и не созданный религиозно-философский кружок при институте. В результате, братство св. Софии стало на тот момент единственным в городе неформальным объединением православно настроенной академической интеллигенции.

Назначая следующее собрание на Духов день (31 мая), гости просили хозяина не угощать их ничем, «кроме кипятку», так как поданная его женой булка на сметане с сахарным песком показалась им чрезмерно дорогим лакомством. В Петрограде царили голод и разруха, шел второй год военного коммунизма...

В Духов день у Чукова собрались уже 11 человек, среди которых, повидимому, были философы С.А. Алексеев (Аскольдов) и Г.П. Федотов. Они скорее всего пришли прослушать доклад Ф.К. Андреева о Софии, который, по словам очевидца – С.С. Безобразова (в будущем еп. Кассиана, 1892-1965), «всецело отражал богословскую спекуляцию о. Павла (Флоренского), как она нашла место на страницах его знаменитой книги» (имеется в виду «Столп и утверждение истины» – *А.В.*). Однако рассуждение друга о. Павла Флоренского «прозвучало одиноко, многим членам было просто чуждо, и в своей дальнейшей жизни Братство к нему больше не возвращалось». Следовательно, в отличие от будущего одноименного парижского братства, питерцев не заинтересовало полугностическое софианство, и их братство пошло по другому пути.[5]

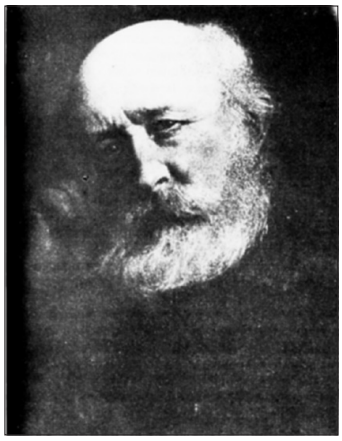
Никакого молебна по случаю открытия Братства, вероятно, не было, но на братчиков на этом заседании были возложены некоторые минимальные обязанности: «молитва (обычная), чтение Евангелия, прохождение мимо храма с крестным знамением», т. е., по сути дела, обязанности обычного христианина, которые следовало и без того исполнять, но о которых прочно забыла большая часть «передовой» интеллигенции.

Правда, вопрос о характере и структуре Братства на следующем собрании все-таки обсуждался – «пришли к мысли о необходимости создания такого ордена, института братства, где было бы несколько степеней <...>. Низшая ступень могла бы ограничиться самыми малыми правилами дисциплины: частым причащением, периодическими деловыми и молитвенными собраниями, молитвенным правилом, изучением Слова Божия, братским отношением к членам – посещение больных братчиков, проводами умерших, помощью; желательно иметь свой храм, общего духовника (или нескольких), содействовать благолепию культа (пение на свадьбах, похоронах и т.п.). Руководитель братства должен быть сначала назначен, потом может быть выборный (хотя это не решено окончательно, как и вопрос о принадлежности его к клиру).

Второю ступенью мог бы быть рясофор с некоторыми обетами, главным образом, послушание уставу и руководителю, некоторая самоограниченность в смысле целомудрия, нищеты или что-либо подобное. Наконец, третью ступенью могло быть пострижение в виде нынешнего монашества с изменением и приспособлением некоторых опытов к практике служения Церкви.

Это дало бы возможность перехода некоторых живых сил из нынешнего монашества в это братство для практической работы. Тут могло бы создаться, как особый отдел, и ученое монашество, может быть, с особым монастырем».

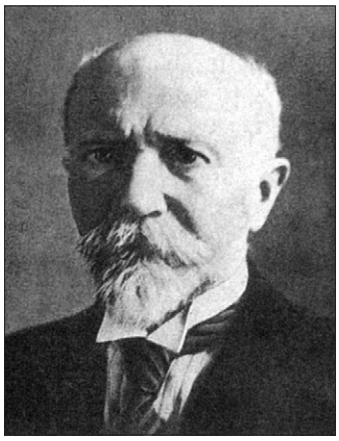
Как можно видеть из этих предложений, оставшихся, к счастью, на бумаге, предлагалось монашество в миру, параллельное настоящему монашеству, которое не было бы к последнему подготовкой, а, напротив, извлекало бы из него«живые силы», т.е. в какой-то мере подтачивало бы традиционное монашество. Предложения о светском «ордене» очень напоминают то, что вскоре католики в Испании осуществили в своем ордене «Opus Dei». Правда, целью предлагаемого ордена объявлялась «православная соборная жизнь и действенное служение

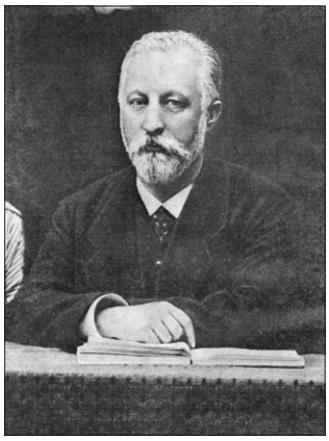
С. А. Алексеев (Аскольдов)

Борис Александрович Тураев

Николай Онуфриевич Лосский

И.М. Гревс

Церкви в меру сил и способностей каждого».

Интересна в связи с этим дискуссия братчиков: «кому надо дать обет послушания – епископу или центральному органу ордена, если бы таковой был установлен (наподобие ордена иезуитов). В конце концов, высказались, что послушание должно быть руководителю Братства или Ордена, который является в послушании или подчинении у епископа, что непосредственно епископ может только устанавливать пределы, но не указывать направления работы..». Следовательно, с самого начала Братство св. Софии организационно имело некоторый прокатолический уклон (в чем позднее упрекали и парижское братство) и задумывалось несколько иначе, чем православные братства, которые действовали как до революции, так и после нее.

Прошла всего неделя и братчики собрались снова. Не пришли Гревс, Федотов и Чепурин, зато появился профессор Франковский. На сей раз обсуждались планы работы: «о публичных лекциях, ведении их в системе, циклами – например, о библейской критике, о мироздании, дарвинизме, жизненном содержании догматов, о правдивом освещении истории Православной Церкви и др». Что касается лекторов, то предлагались в основном специалисты со стороны: Алексеев, Приселков, епископ Андрей (Ухтомский), Афанасьев, молодые кадры – Безобразов и Анциферов. Однако молодежь решили пока не привлекать и вообще не расширяться, чтобы «сначала окрепнуть самим». Так как окрепнуть не удалось, то Братство св. Софии до конца своей работы осталось узко элитарным кружком.

На том же собрании был принят составленный Чуковым и Тураевым чин краткого молебна, которым должны были начинать и завершать все встречи. Его ввели с воскресенья, 20 июня, когда заседание длилось три часа. На нем присутствовали 11 человек (Чуков, Карсавин, Гревс, Алексеев, Безобразов, Федотов, Добиаш, Тураева, Андреев, Щербов, Новицкий).

«Прочитали I-ю главу Евангелия от Матфея, побеседовали по поводу содержания ее (о родословиях Матфея и Луки, главным образом)». С чтения Евангелия и беседы о прочитанном обязательно начиналось каждое заседание братства. Как вспоминал Безобразов – вскоре, кстати, переехавший в Ташкент, – «часто чтение и толкование Евангелия занимало большую часть собрания», что, вероятно, не очень нравилось поклонникам свободного богословствования. Однако прочесть до конца Евангелие от Матфея братчикам не удалось...

От Евангелия собравшиеся обратились к организационным вопросам: о выступлениях на религиозных диспутах (тогда очень популярных) и проведении публичных лекций. Было решено «выступать группами, настойчиво; параллельно вести свои положительные лекции в разных пунктах; наметили – или вернее одобрили – циклы и темы лекций, выработанные нами со Щербовым». Братство взяло на себя важную координирующую роль по апологетической работе среди населения, с которой братчики вполне успешно справлялись. В этом, пожалуй, заключалась его главная церковно-общественная заслуга. Правда, эту работу тогда же вели Богословский институт и Общество объединенных приходов.

Повторить организационные вопросы пришлось и на следующем собрании 5 июля (отчего Чуков назвал его «не особенно гладким и продуктивным»), поскольку появились новые лица – священники П.П. Аникиев (1878-1932), позже умерший в ссылке, и Чепурин. Речь на этом собрании снова зашла о «выработке организации вообще типа нового полуиночества», причем опять в виде некоего православного ордена. Посоветоваться об этом Чуков и Тураевы через два дня поехали к игумении Афанасии (Громеко) на подворье женского Радочницкого монастыря в Удельной, изложив ей свои соображения:

«1) Необходимо подвиг жизни проходить по разуму Церкви; 2) начинать с малого и идти в строгой постепенности путем высшего искуса; 3) сначала должна быть задача христианизации жизни и прежде всего семейной (изучение устава, Свящ. Писания, хранение

целомудрия); 4) вместо прежней длительной подготовки должно служить построенное на соответствующих началах общежитие; 5) пока, до совершенно зрелого возраста, всячески удерживать от монашества, воспитывая мирских работников, создавая всю бытовую стихию, указывая какой-то подвиг и жертву; 6) начинать непременно с личного подвига и не самочинно, а по разуму Церкви; 7) созерцательный подвиг должен быть отодвинут на значительно позднее время».

В беседе с игуменией ее собеседники повторяли критические и не совсем справедливые нападки, которые часто высказывались и прежде относительно православного монашества. «Наше монашество в отличие от западного сделало уклон в сторону созерцательную от практического служения Церкви, и потому наши монастыри оказались самозамкнутыми, работающими только для себя и тем вызывающими естественное недовольство и осуждение в обществе и клички «тунеядцев». Были, однако, сделаны и практические предложения:

« Было бы лучше строго обособить в разных типах, орденах практическое направление и созерцательное и научное. Ярко проведенное, оно, конечно, дало бы хорошие плоды, а соединяемое, оно выльется в нечто спутанное «ни то, ни сё..». Может быть, вообще первые ступени должны быть непременно практическими, а завершение – созерцательное, с идеей служения другим».

19 июля к этой проблеме «софиисты» не возвращались, так как «по случаю праздника III Интернационала собралось немного» народа – всего 7 человек, но впервые на собрании появился о. Александр Боярский, через два года ставший одним из лидеров обновленцев, которому всё «очень понравилось, как и он всем». Беседа шла о прочитанной III-й главе Евангелия от Матфея, «главным образом, о загробной жизни и вечности мучений».

Через четыре дня неожиданно скончался от дизентерии участник братства Б.А. Тураев[7], отчего следующее заседание братства состоялось только вечером 7 августа под председательством Гревса. В молитву перед началом Чуков вставил «прошение об отсутствующих братьях и об умерших». Прочитав очередную, IV-ю главу Евангелия и истолковав искушения Христа, «перешли на социализм и вообще на прогресс, о котором и беседовали довольно долго. Карсавин, как будто отрицал его или, во всяком случае, ставил под вопрос объединение прогресса внутреннего и внешнего.

По предложению Щербова занимались затронутым в прошлый раз вопросом о вечности мучений и, в частности, о спасении диавола», т. е. на собрании вспомнили еретическое учение Оригена о всеобщем спасении, которое до революции весьма интересовало богоискательскую интеллигенцию. Чуков остался недоволен дискуссией и заметил: «вышло топтание на месте».

Если обычно на собрания братства приходили 9-11 человек, то 16 августа собралось больше всего – 17 человек, включая Чукова, его жену и сына. Кроме постоянных участников пришли пять духовных лиц: Боярский, Аникиев, иером. Лев (Егоров) из Лавры, Чепурин и игумения Афанасия.

После чтения Евангелия заговорили о христианской политике и государстве. Зачинщик дискуссии Чепурин «держался мысли, что надо идти во все поры государства и заполнять. Противоположную мысль, что надо обороняться и накоплять в себе духовно-христианскую энергию, отстаивали о.Боярский и о.Аникиев. В конце концов пришли к мысли, что надо воспитывать в себе дух Христов, и тогда он естественно будет выливаться в жизни государственной». Итак, семинар Чукова от размышлений относительно исправления монашеской жизни быстро перешел к актуальной церковно-политической проблематике.

На следующем заседании 6 сентября председательствовал Карсавин. После беседы о молитве Господней участники снова обсуждали теоретические и организационные проблемы, после чего наметили: «*внутри* – стремление к большей интимности; средства: ограничение круга входящих, усиление теоретической стороны на собраниях, обращение внимания на духовно-мистическую сторону, чтение Евангелия, может быть, не по главам, правила поведения, молчание о «Софии», образование кружков поблизости; *вне* – расширение путем периодических собраний с приглашением определенных лиц для обсуждения вопросов на специальные, подготовленные темы: например, о задачах Православной Церкви, о принципах христианской деятельности, о Церкви, обществе и государстве и т.д.

Приселков в задачи Братства вводил бы разработку вопросов для будущего: 1) «будущее Церкви», ибо она, несомненно, будет игралищем политическим, и 2) идеал православного христианства – к чему пастырь должен звать свою паству.

Я (Чуков) увеличил братское моление, введя в начало еще молитву Господню и в окончание – несколько тропарей из службы св. Софии – Премудрости Божией». Следует заметить, что братство так и не приняло никакого устава и обязательных правил поведения.

Через неделю «короткий, но очень обстоятельный» доклад на заседании «О будущем Русской Церкви» прочел церковный историк Приселков, который постулировал, что Церковь должна быть свободна от государства, но государство не может быть отделено от Церкви, и Церковь, как справедливо заметил Гревс, должна пронизывать культуры религиозного государства и в этом ее национальное значение. Идеал этой решимости должен видеться в Православии, которое должно стать вселенским».

Затронутая тема дискутировалась и в следующем собрании. «Мы с Приселковым сошлись на положении,

что по существу Церкви нечего было бы бояться объединиться с государством, но только *правовым*; опасение возбуждает возможность соблазна наших духовных властей на всякие подачки и в связи с этим «продажи» интересов Церкви.

Если бы был вовне какой-то «удерживающий» – в роли ли частого собора или вселенского синода – то этой опасности могло бы не быть, и тогда Церковь сама, внутри, могла бы спокойно разрешить больные и острые вопросы о черном и белом духовенстве, об епископате и его отношении к духовенству и т.п». Примечательно, что в данном случае «удерживающим» никак не мыслится православный Государь.

Постоянным участником братских собраний был известный философ Лев Платонович Карсавин (1882-1952). Насколько его взгляды были далеки от православного вероучения, говорит пропагандировавший панпсихизм доклад ученого о свободе воли, прочитанный на Потемкинской улице, где интеллигенция собиралась под руководством Ю.Н. Данзас, которая в скором времени перешла в католичество. «Он оригинально вздумал доказывать свободу воли существованием пророчеств-прозрений (Нострадамус) и из них выводил, как положение, всеединство души, ее всевременность, при которой в ней есть всё: и прошедшее, и настоящее, и будущее, откуда является и возможность прозреть».

11 октября, в понедельник, прочтя VIII-ю главу Евангелия от Матфея, собравшиеся стали ее толковать. «Большие суждения вызвал отдел о нечистых духах, их телесности, способах одержимости ими людей». Через неделю эту тему снова обсуждали, хотя братчиков было всего шесть человек. Они затронули также «очень большой и сложный вопрос о действенности благодати в таинстве крещения на младенцев при их несознательности», который обострился в России из-за распространения в ней баптизма.

8 ноября из-за непогоды намеченное собрание не состоялось, ибо пришло всего пять человек, но зато между пришедшими состоялся откровенный разговор, подробно изложенный Чуковым, которого этот разговор, по-видимому, задел за живое, обнаружив его определенное несогласие с мнением университетских профессоров. «Миряне – с удивлением замечает Чуков – оказывается консервативнее духовных, и даже ученые профессора (Карсавин) стоят за неоткрытие царских врат во время литургии, за неизменение слова «живот» на «жизнь», за тайное произношение евхаристических молитв. Мотивы – потребность в тайне, таинственном и, с другой стороны, нежелание овеществлять то, что относится до Божества, потому что даже выраженная в слове мысль уже овеществляется, а тут надо относиться «пристрастно» и духовно.

Упускается, однако, из виду другая сторона – непонятность и даже отсутствие смысла из-за отсутствия связи между отдельными возгласами, представляющими части одной общей молитвы. Устранить это надо и, если не произнесением вслух всей молитвы, то изданием таких молитвословов, где она была бы изложена и где молящийся, имея в руках такой молитвослов, понимал бы смысл и мог молиться «умом».

Наряду с этим, тот же Карсавин стоит за общую исповедь, против которой вооружаются старые консервативные элементы духовенства. Он приводит в обоснование мысль о том, что интеллигенция несколько скептически относится к необходимости этого выспрашивания отдельных грехов, что тут и естественное чувство удерживает человека, и потому с неособенной охотой идут к исповеди. То, что надо, может быть, простолюдину, то не соответствует интеллигенту, у которого переживания гораздо сложнее.

Положим, эти доводы могут говорить как раз за частную исповедь, где духовник может приспособляться к потребностям каждого, но замечание о чувстве стыда, о неохотном посещении интеллигенции имеет свое значение и, если мы хотим (а мы должны) «быть всем вся», то, чтобы привлечь этих чад к Церкви, надо идти навстречу, тем более, что если ничего нельзя говорить против частной исповеди, как постоянном руководстве духовником верующего, – чего сейчас совершенно нет – то обыкновенная постановка нашей частной исповеди совсем не дает того большого религиозного подъема и действительного чувства сокрушения, какое испытывается при умело проведенной общей исповеди. Здесь преимущества на ее стороне, и всегда желающий может дополнить частным исповеданием».

После этого обмена мнениями, весьма актуального и для наших дней, речь зашла о переводах богослужебных текстов на русский язык. Отец Николай представил свое «упрощение текста Шестопсалмия» (интересно, в чем заключалось «упрощение»?) , которое понравилось. Однако относительно евхаристической молитвы присутствовавшие «высказались против русского перевода», давно, кстати, предлагаемого церковными модернистами.

Через две недели собрание братства все-таки состоялось и на него пришли: Щербов, Андреев, Тураева, Приселков, Франковский, Аникиев и Чуков. Прочтя и объяснив X-ю главу от Матфея, собравшиеся вернулись к обсуждению доклада Приселкова о будущем Русской Церкви и порешили «практически приступить к выработке полномочий. Прежде всего, независимость Русской Церкви от государства в строе своей внутренней жизни. Много говорили о вреде прежней системы управления, о пережитках этой системы у епископата, у Патриарха, о вине и белого духовенства, о том, что «не пришло еще время» Церкви проявить себя и пр». Судя по этим словам, взаимоотношения Церкви и государства обсуждались в духе дореволюционных критических дискуссий на данную тему.

На заседании 27 декабря, накануне нового года, политизация в деятельности Братства продолжилась. После того как собравшиеся (Карсавин, Франковский, Новицкий, Приселков, Андреев, Бенешевич, Тураева, Лебедева, Добиаш, Чуков и пришедший в первый – и похоже в последний раз – А.П. Афанасьев) прочли и истолковали XII-ю главу Евангелия от Матфея, Добиаш , которая до революции очень увлекалась политикой и была активной кадеткой, «возбудила вопрос о постановке и обсуждении тезисов для рождественского собрания о положении Церкви в государстве. Поговорили только вообще (ибо никто не был готов) и решили собраться для этого в следующий понедельник».

На предрождественском заседании 3 января 1921 года участвовали: три женщины – Тураева, Лебедева, Добиаш, профессора университета – Гревс, Новицкий, Приселков и Франковский, коллега Чукова – Щербов и он сам. Неожиданно на собрание пришел Н.П.Анциферов, известный краевед, который в эти годы интересовался духовными вопросами и ходил в кружок А.А. Мейера.[6]

На сей раз, вопреки обычаю, «Евангелие не толковали, только прочитали XIII-ю главу от Матфея» и быстро перешли к насущному вопросу «о положении Церкви в государстве», поставленному Добиаш-Рождественской. Заранее подготовившись, Чуков прочел «практические вопросы», которые разработал вместе со Щербовым, и началась дискуссия.

Правда, по интеллигентской привычке к теоретизированию «вопрос – отмечает Чуков – сначала пошел в сторону принципиальную – о вселенских и национальных задачах Православной Русской Церкви, дошел даже до общего вопроса о возможности достижения задачи ввиду «отступления» в конце веков.

В конце концов согласились, что Церковь есть мать, руководящая человечеством и, как таковая, она знает куда ведет. Но Церкви надо строиться, занять независимую позицию и вот для того, чтобы знать, как поставить Церковь, надо уяснить: 1) задачи внешнего строительства и 2) задачи внутреннего строительства ее».

17 января продолжалось обсуждение этой же темы при участии: Франковского, Приселкова, Чукова, Карсавина, Алексеева, Тураевой, Добиаш, Щербова и Андреева. Установочный доклад делал Приселков. Был также рассмотрен интересный, но в тех условиях фантастический аспект этой темы – «об освящении таинством миропомазания представителей государственной власти». После долгих прений возобладал здравый смысл – братчики признали, что «временно должно быть воздержание от этого акта до выяснения общего характера и направления деятельности (власти – *А.В.*)».

Казалось бы, в виду позиции самой безбожной власти поднятый вопрос обсуждать было бессмысленно. Резонно отказав представителям власти в миропомазании (как будто они о нем просили! – *А.В.*), собрание тем не менее не исключило «возможности благословения Церкви на те или иные предприятия», что, впрочем, тоже еще очень и очень долго не имело никакого практического значения.

Следующее январское заседание было созвано через десять дней – 28 числа, в пятницу. На нем при участии правоведа Н.И. Лазаревского «продолжали обсуждение наших тезисов о будущем отношении Церкви и государства», которые превратились, по-видимому, в главные на последних собраниях братства. После того как собравшиеся разделились относительно понятия «Москва – третий Рим», которое на предыдущем заседании отстаивал Приселков, они решили перейти к более простому вопросу: «об отказе Церкви от привилегий «господствующей» по сравнению с другими религиями в смысле пропаганды.

Лазаревский возражал (справедливо, по-моему), что принятие предыдущих пунктов о миропомазании и прочем не согласуется с отказом от «господствующей», и обещал подумать о линии тесного сожительства Церкви и государства (свободных одно от другого), в то время как наши предположения сводятся к установлению «свободной Церкви в несвободном государстве».

Эту злободневную дилемму через несколько лет разрешил заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский), надолго определив позицию «несвободной Церкви в несвободном государстве». Что касается «привилегий», то большевицкая власть их сразу отняла от Церкви, посему сама дискуссия о них выглядела просто абстрактной и схоластической. После отстранения коммунистов от власти в России новая власть никакие «привилегии» возвращать не собирается и законодательно утвердила равенство Православной Церкви и «традиционных» конфессий.

Одним из самых «многолюдных» называет Чуков заседание братства, состоявшееся 4 февраля, всего через неделю после предыдущего. На нем присутствовали 15 человек: сам Чуков, Андреев, Новицкий, Лебедева, Добиаш, Лазаревские, Франковский, Приселков, Карсавин, Гревс, Чепурин. Прежде заявленная тема обсуждалась в чисто практическом плане: как содержать духовенство отделенной от государства Церкви. «Пришли к решению, что духовенство должно содержаться на добровольную оплату прихожанами (способы должны быть зарегистрированы); государство же, если желает, может отпускать пособие, но в общих суммах, в церковную кассу, которая уже сама распоряжается».

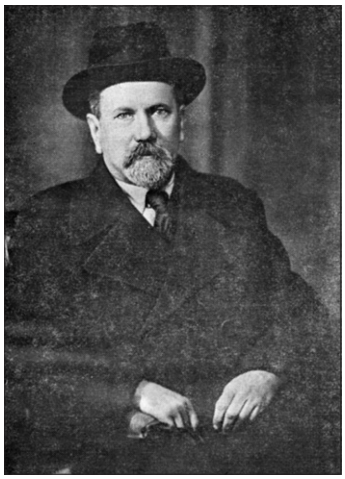
В этом подходе нет ничего нового по сравнению с решениями Всероссийского Поместного Собора – просматривается та же тенденция: никоим образом не зависеть от государства, которое, кстати, в это время и не думало «отпускать пособие» для Православной Церкви. Оно вынашивало прямо противоположные планы: как ловчее и сильнее обобрать и ограбить эту Церковь,

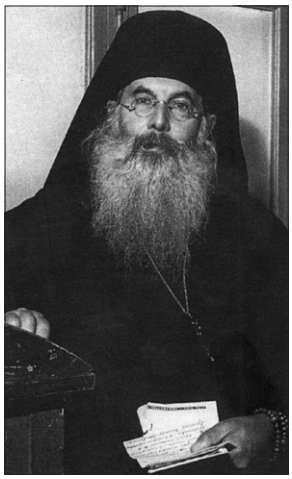
А.В. Карташев

Епископ Сергий (Зинкевич)

Н.П. Анциферов

Епископ Кассиан (Безобразов)

что вскоре и осуществило, отняв большую часть ее ценностей. Следовательно, в данном пункте суждения братчиков явно расходились с действительностью.

Продолжая осуществлять свою программу, 18 февраля Братство «занималось вопросом о старообрядчестве и условиях объединения с ним; избрана комиссия для составления об этом записки». Для уяснения вопроса на мартовское заседание был приглашен старообрядческий священник, но он не пришел «вследствие дурной погоды», и вопрос, похоже, «повис», хотя в тот период он интересовал многих. Например, летом 1921 года Чуков с другими священниками встречался со старообрядческим епископом Геронтием (Лакомкиным) «по вопросу объединения старообрядцев и новообрядцев», но результата эта встеча не принесла.

После великопостного перерыва братчики собрались лишь 20 апреля в квартире Чукова на Невском. «Присутствовали: Н.В. Чепурин, М.Д. Приселков, Н.И. и Е.М. Лазаревские, о.В.Д. Пищулин, О.А. Добиаш, Е.Ф. Тураева, Е.А. Лебедева, Ф.К. Андреев, я, и поздно пришел Щербов; в качестве гостя был еще С.И. Зинкевич (будущий епископ-исповедник – *А.В.*).[8]

Чепурин подготовил доклад о состоянии человека до грехопадения по учению протестантскому и православному. Живо обменивались мнениями, хотя особенно нового ничего не было. Светских, особенно историков: Добиаш и Лазаревского прельстила мысль о том, что православное учение требует активного развития (становления) всего в духовной и материальной природе – это так согласуется с задачами научными. Руководил собранием я. Решили собраться на Фоминой неделе, в пятницу». Состоялось ли это собрание, Чуков не сообщает.

Скорее всего, нет, и 20 апреля 1921 года можно считать фактическим завершением полноценной работы петроградского Братства.

В последующие два месяца Чуков также молчит о заседаниях св. Софии. Хотя, возможно, они и происходили, но весной 1921 года в работе братства явно наступил кризис, вызванный или какими-то неизвестными нам противоречиями среди участников или новыми возможностями, которые на краткое время (всего на год!) открылись в Петрограде для православной интеллигенции.

Одну из таких возможностей Чуков и его коллеги по Богословскому институту: Щербов, Приселков и Андреев обсуждали 30 марта на квартире Новицкого. Вновь обсуждали старый вопрос о возрождении религиозно-философских собраний. Члены «Софии» (хотя эта запланированная встреча заседанием не названа) просили – правда, безуспешно – быть председателем еще несозданной структуры известного литературоведа Н.А. Котляревского. Отказываясь, тот объяснял, что « он – человек, для которого религия не есть первое, чем он живет. Он очень скорбит и, может быть, страдает от подобного мировоззрения, но такова его натура <... >, хотя всю молодость он провел в алтаре и даже посвящен в стихарь. Так уж придется и умирать..».

Возродить религиозно-философские собрания, о чем мечтали еще в самом начале при организации Братства св.Софии, и на сей раз не удалось. Их в скором времени заменили соответствующие кружки, действовавшие полуподпольно и бывшие на первых порах довольно активными и многочисленными. Религиозно-философские собрания не возродились и после краха идей коммунизма, поскольку они, повидимому, изжили себя.

В последний раз братчики, похоже, собрались 29 июня 1921 года и, вероятно, в небольшом числе, ибо часть предпочла остаться на даче. «Я пригласил Н.М. Соколова, который поднял серьезный вопрос о христианизации школы; поручили два доклада для разработки вопроса: Франковскому – теоретическую сторону и Соболеву – практическую. Обсуждали выработанные тезисы о будущем Русской Церкви и, так как не было автора доклада М.Д. Приселкова, то откровенно

высказались и выяснили, как было бы подойти ближе к современному положению, с ним считаться и из него исходить». На обсуждении этой важной темы Братство св. Софии прекратило свою длившуюся год работу и тихо распалось, оставив у современников смутные и противоречивые воспоминания.

Следующее собрание Братства было назначено на 27 июля, но оно не состоялось – пришло всего три человека. «Вместо этого – пишет Чуков – я воспользовался присутствием Н.М. Соколова, Е.Ф. Тураевой и Е.А. Лебедевой и ознакомил их с набросанным мною проектом доклада о преподавании Закона Божия. Одобрили, внесли дополнения». Доклад не предназначался для обсуждения – его руководитель воспользовался случаем, чтобы услышать отзывы компетентных людей.

Последний раз Чуков упоминает о Братстве 10 августа 1921 года. Упоминает всего в двух строках – «Вчера собрались было несколько человек, но собрание братства Софии так и не состоялось за отсутствием Н.М. Соколова». Вопреки обычаю, он уже не называет ни пришедших, ни намеченной темы, не сетует за срыв заседания...

Чувствуется, что сам организатор утратил интерес к этим заседаниям – у него появилось много новых забот. Кроме того, при Богословском институте уже действовали соответствующие комиссии: пастырско-духовническая, просветительская и богослужебная, в которых те же самые вопросы можно было на равных и полноценно обсуждать со своими коллегами. Не забудем, что в августе того же года по делу Таганцева были расстреляны многие питерские интеллигенты, и образованное общество охватил страх – оно стало сторониться общественной деятельности.

В дальнейшем о. Николай не упоминает о братстве и не объясняет, прекратило ли оно вообще свою работу или на время приостановило ее, какова причина тому, и предпринимались ли позднее попытки возобновить эту работу. Плотная пелена молчания и туман таинственных слухов окутали историю братства, и ни сам Чуков, ни братчики не вспоминали о нем впоследствии, считая его, возможно, или рискованным или малозначительным эпизодом тех насыщенно-трагических лет.

Наступал 1922 год – время подготовленного большевиками нового страшного натиска на Православную Церковь – на сей раз под предлогом помощи голодающим через изъятие церковных ценностей.

События нарастали в тревожном темпе, и вскоре основатель Братства св. Софии очутился за решеткой и был приговорен к смертной казни. Участник братства профессор Ю.П. Новицкий был расстрелян после показательного процесса. Когда прот. Чукова выпустили на свободу, одни участники (Карсавин, Лосский, Федотов) братских собраний уже были высланы заграницу, другие (Глубоковский) уехали сами, третьи боялись собираться на квартирные беседы.

Тем не менее собрания религиозно настроенной интеллигенции, в том числе из университета, продолжались в Петрограде до конца 1920-х годов, правда, в ином составе и в иной, нелегальной форме. Чекистам пришлось проводить особые мероприятия, чтобы ликвидировать этот очаг духовного сопротивления, которое казалось узурпаторам опасным, несмотря на свой довольно ограниченный характер. Братство св. Софии объективно стояло в начале этого сопротивления, хотя ни его организатор, ни сами участники, похоже, о нем не думали и считали, что занимаются сугубо теоретическими проблемами.

Через два года после распада петроградского Братства св. Софии в Париже возникло одноименное братство, которому была суждена более долгая жизнь и более сильное церковно-общественное влияние, ибо это братство действовало в совершенно иных и благоприятных социальных условиях. Однако оно тоже объединило – хотя также в небольшом числе – русскую интеллигенцию, которая сделала определенные духовные выводы из постигшей их Родину великой катастрофы.

Примечания:

[1] Взыскующие града. М., 1997. С.685. В.В. Антонов. Братство прп. Серафима Саровского в Петрограде // СПб епархиальные ведомости. 1996. Вып.16.С.44-49, 93-99.

[2] Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923-1939. Москва-Париж. 2000. С. 5-6.

[3] О Назарове см.: В.В. Антонов. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова.// Невский архив.1999. Вып.IV. С. 310-318.

[4] Об Андрееве см.: Православная энциклопедия. М., 2001, Т. 1.

[5] Бовкало А.А., Галкин А.К. Просветительская деятельность Ф.К. Андреева в Петроградском Богословском институте.// История Русской Православной Церкви в XX в. Материалы ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института. М., 1998. С. 194.

[6] Об Анциферове и Гревсе см.: Н.П. Анциферов. Из дум о былом. М., 1992.

[7] СПб епархиальные ведомости. 2000. Вып. 21-22. С.63-71.

[8] О Зинкевиче, Пищулине и Чепурине см.: Синодик С.-Петербургской епархии. СПб. 2002. С.30, 12, 250 К.В. Головин, Л.И. Соловьева.

ДНЕВНИК ВАСИЛИЯ МОЛЧАНОВА

Любань – Вырица – фронт – Рождествено – Любань

1943 – 1947

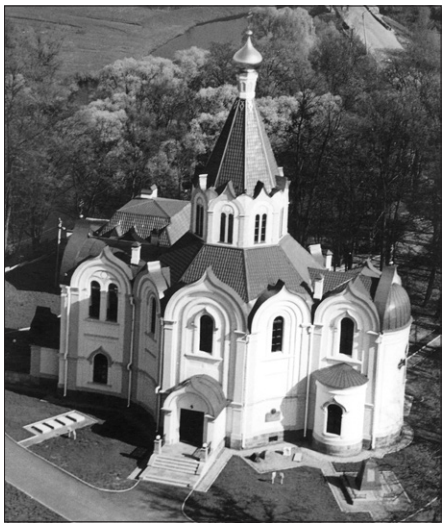
Дневник Василия Молчанова (25.05.1925 – 1.02.1978), впоследствии – протоиерея, клирика С.-Петербургской епархии, написан им в юности, пришедшейся на дни войны и оккупации, – военные и первые послевоенные годы, представляет собой не приукрашенный и безыскусный рассказ об этом трагическом периоде русской истории. Дневник, записи в который Василий заносил практически каждый день, содержит свидетельства о мыслях и переживаниях русского юноши, о жизни и нелегкой доле русских людей в дни немецкой оккупации.

Дневник не только дает хронологию происходивших событий и описывает незамысловатый быт жителей (Любань и окрестности, Вырица и др.). Наряду с этим он содержит записи о церковной жизни русских людей в дни оккупации края, свидетельствует об их обращении к Богу, о праздниках и богослужениях во вновь открытых храмах, где они находили утешение и укреплялись духом. (На Северо-Западе России храмы, закрытые в период воинствующего безбожия, были вновь открыты в годы войны. Действовавшей в 1941-1944 гг. Православной Псковской Миссией к почти четырехстам храмам были определены и рукоположены многие и многие пастыри. Истории Православной Псковской Миссии и судьбам миссионеров в годы войны посвящен предыдущий, 26-27 выпуск «С.-Петербургских Епархиальных ведомостей»). Отец Василия, Иоанн Васильевич Молчанов (его биография также приведена в предыдущем выпуске журнала, «Синодик Миссии» с. 33, №155) в июне 1943 г. принимает священный сан. Будучи рукоположен во диакона, а затем во священника, он служит в 1943-1944 гг. в храмах Санкт-Петербургской епархии: в Любани, Вырице, Рождествено. Дневник Василия охватывает Любанский и Вырицкий периоды, до освобождения Вырицы советскими войсками, и последовавшего затем призыва Василия в армию и отправки его на фронт. Из Дневника мы узнаем о трудной жизни семьи Молчановых, потере близких, о жизни духовенства и приходов Северо-Запада в дни войны.

Жители оккупированных территорий, понеся бóльшие жертвы и претерпевшие более жестокие страдания, чем в целом остальное население страны, почти что не оставили письменных свидетельств о своей жизни в эти годы. Десятки миллионов наших сограждан, проживших два-три года в нечеловеческих условиях германской оккупации, после освобождения попали «из огня да в полымя». Многие из них, обвиненные в коллаборационизме, были отправлены на спецпоселения и в лагеря. Миллионы призванных в Красную армию, бросались в буквальном смысле на убой под огонь немецких пулеметов и батарей. Тем, кому удалось уцелеть, на десятилетия ставили клеймо: «был в оккупации», надолго закрывавшее путь к образованию, продвижению по службе, выбору места проживания, поездке за рубеж. Не составила исключения и судьба семьи Молчановых. Отец Иоанн Молчанов был арестован в 1944 г. Приговоренный к 15 годам лагерей, после 10 лет заключения он умирает в 1954 г. Василий, пройдя войну и фронт(был ранен),избирает, так же как и отец, путь священства. По окончании С.-Петербургской Духовной семинарии (1954) служит чтецом и диаконом в храме прав. Иова Многострадального на Волковом кладбище. После рукоположения во пресвитера священствует в храмах С.-Петербурга: Никольской Большеохтинской церкви, храме прав. Иова, Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры, Димитриевской Коломяжской церкви, до последнего своего часа служа у престола Божия.

Дневник Василия Молчанова является редким свидетельством военного времени, описывающим жизнь «по другую сторону» фронта, и может быть, пожалуй, поставлен в один ряд с опубликованным недавно дневником финской девушки Юлии Хордикайнен: «Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен». СПб, Издательство С.-Петербургского университета. 1999, бесхитростно и просто описывающим события этого же времени в Царском Селе (г. Пушкин), Гатчине и Эстонии. Публикацию дневника Василия Молчанова можно рассматривать также и как продолжение темы, поднятой в предыдущем выпуске журнала, и как развитие темы истории святынь Вырицы и описания судеб пастырей, служивших и подвизавшихся здесь.

Дневник начат в Любани.[1] Первая запись 16 мая 1943 г.

Любань. Храм свв. апп. Петра и Павла. Современный вид

1943 г.

16 мая

Папа болен, очень большие чирьи на пояснице. Возил целый день на себе воду. Вечером было кино, не понравилось, немцы в нем ставят себя выше всех, а они – уроды, лучше не ходить и не расстраиваться.<...>

21 мая

Перевязывал папе поясницу, очень был большой чирий и очень больной, начал немного уже заживать. Погода ясная, но холодная, ночью был маленький морозец, в лужах вода покрылась тонким льдом. Дует свежий северный ветерок, на востоке немного длинных перистых облаков, на солнышке +16°С. На яблоньках есть бутоны и немного цветов, неужели сегодня замерзли? Черемуха уже отцветает. Эта погода была до обеда, а после пошли облака, и совсем затянуло небо, но дождя не было; на дороге пыль. Целый день простоял холодный, к вечеру потеплело, +10°С. ***Папа ходил ко всенощной.***[2]*<...>*

23 мая

Встал в 5 часов. Погода пасмурная, небо затянуто серыми тучами и, видать, ночью был дождь небольшой. Ветер северный, температура +11°С. Все отдыхали, а мне все равно пришлось возить воду на себе, как лошади, запряженной в двуколку.

Потом до обеда копал огород. После обеда сажали мелкий картофель и очистки. Когда шли мимо лазарета русских пленных, они очень хорошо играли на мандолине и балалайке, до слез мне стало жалко всех русских пленных, хочется помочь, но не знаешь как, решил принести табаку. Пошел домой, собрал весь табак, который был, пришел и перебросил через колючую проволоку, они остались очень довольны, хорошо что не было проклятого немца, а то бы попало. Пленные сыграли еще один русский марш и пошли от дождя. Во время этой замечательной музыки у меня в голове пролетели воспоминания о школе, о Боре, и много чего хорошего, нашего, русского и так стало грустно, до боли сжалось сердце, скорей бы опять вернулось все настоящее, русское. Придет все-таки время, когда прогонят этих проклятых немцев, поплатятся собственной шкурой за осквернение нашей русской земли.

На улице дождик, температура +14°С. Да, вспомнил, 1 и 2 мая был снег.

24 мая

Погода пасмурная, идет дождик и ночью был, +11°С. День простоял ясный, ветренный, с переменными дождями. Подстригся. Ленушка[3] принесла котеночка от Норзеевых. Под картошку грядки готовы, осталось сделать под капусту. ***Принимают на богословские курсы.***[4]

---

[1]Семья Молчановых проживала в Любани с 1899 г., когда отец Иоанна Васильевича Молчанова, Василий Иванович (? – 1927), крестьянин дер. Никово Ростовского уезда Ярославской губернии, отправленный, по местному обычаю, мальчиком в Петербург, после ряда лет, проведенных им в столице, открывает здесь собственное огородное дело. Арендовав у местного помещика участок земли под огород, он занялся выращиванием овощей (Ростовцы-огородники были известны на всю Россию, в С.-Петербурге им также удалось достичь больших успехов). В 1901 году он перевозит из Ярославской губернии в Любань супругу и четверых детей, из которых Иоанн был старшим. Иоанн Васильевич Молчанов (1891-1954), родившийся еще в Ростове-Великом, и живший в Любани с 10 лет, летом помогал отцу в огородном деле. С детства был певчим в храме. По окончании любанской железнодорожной школы он оканчивает торговую школу и коммерческое училище в С.-Петербурге. С 1910 г. работает в службе сборов управления Николаевской железной дороги, помогая отцу кормить большую семью, состоявшую из 10 человек. После 1917 г. работает в системе железной дороги бухгалтером, в 1919 г. окончил в Москве два курса Православной народной академии. В 1920 г. возвращается к семье в Любань, где до 1941 г. (с перерывами, – в 1930-х гг. дважды оставался некоторое время без работы, в 1933 был арестован «за подозрение в противодействии колхозному строю») продолжает трудиться по специальности. В сентябре 1941 г. пытается эвакуировать семью (супругу и четверых детей) из Любани от наступающих немецких войск. Оккупация застала их в д. Рамцы на дороге Шапки – Любань. До 1943 г. проживает в Любани, с апреля 1942 г. по просьбе местных жителей стал работать секретарем Любанского городского управления. В советские годы православная вера остается неотъемлемой частью жизни семьи Молчановых. В 1942-1943 гг. Иоанн Молчанов поет и прислуживает во вновь открытом в годы войны Любанском Петропавловском храме. В июле 1943 г. (к этому времени И.В. Молчанов овдовел), он был рукоположен во священника.

В Любани семья Молчановых проживала в собственном доме по пр. Ленина (б. Невский проспект, – был такой и в Любани!), возле Варваринского поселка. Дом не сохранился.

[2] в Любанскую Петропавловскую церковь (выстроена в 1860-х гг. по проекту К. А. Тона, на пожертвования Николаевской железной дороги. После закрытия в 1938 , вновь была открыта в 1942 г. и действовала в годы войны).

[3] младшая сестра Василия, Елена Ивановна Молчанова (1931-2001).

[4] В 1942 г. в Вильно были организованы богословские пастырские курсы, куда принимали учащихся из земель Прибалтики и Северо-Запада России, находившихся в оккупации. Последний выпуск курсов состоялся в апреле 1944 г.

Иоанн Васильевич Молчанов. Фото 1910-х гг.

25 мая

Небо затянуто тучами, но потом разъяснилось, и день простоял ясный с переменными дождями, по небу плыли небольшие кучевые облака. Сегодня день моего рождения, исполнилось 18 лет. День прошел как и все дни проходят – за возкой воды с 6.30 до 20 часов, приходится[так работать], так бы и нагрубил немцам, но они тогда, пожалуй, расстреляют, у них это недолго.

После работы закрыл[ись] и всей семьей сели ужинать с хлебом, пили сладкий чай с «Наполеоном», в это время очень вкусный, разве мама раньше такие пекла. Таня[5] делала его, очень устала, так как у нее болит бок, не дает кашлять, чихать. Тем только и отметили мой день рождения. Если бы не было немцев, не так бы отметили, все можно было купить, а сейчас ничего не достать. Картошку всю посадили. Яблони цветут первый год, интересно, будут или нет яблоки.<...>

27 мая

День простоял ясный, теплый и пыльный. На работе произошло такое происшествие. Один плотник заявил, что мало хлеба, не целая пайка, Раус что-то закричал, потом отвел его к начальнику, тот этого плотника избил в бункере резиновой дубинкой, у него она оказывается всегда при себе, в кармане. Нет, когда-нибудь будет лучше, Бог не потерпит за все их издевательства.

Иоанн Васильевич Молчанов. Предвоенное фото

28 мая

С утра было ясно, потом пошли кучевые облака, и около обеда пошел дождь, после опять было ясно и пыльно. С Сашей воду возили, не только на кухню, но и лошадям. Нет чтобы лошадей прогнать на речку или к колодцу. А нет, пускай русские возят, а то им делать будет нечего. До чего становится обидно, лошади стоят жирные, а здесь на себе вози воду, можно было бы вполне возить на лошадях. Сегодня привез очисток домой украдкой. Все очистки с кухни идут лошадям, а я их за конюшню и в мешок, мешок в бочку. Все очистки лошади не поедают, и нам их не дают, вываливают в навоз. Ездили за водой мимо дома на артезианский колодец, так я их домой и доставил. Дома Вера их намоет, сварит, пропустит через мясорубку и испечет лепешку, раньше поросята, пожалуй, есть не стали бы. Вечером в 8 ч. разорвался снаряд где-то недалеко.

29 мая

Солнышко, но скоро пропало, небо все затянуло тучами, после обеда был дождь, целый день простоял пасмурный и очень холодный, сейчас 20.30, +5°С. Дует холодный северный ветер. Начала распускаться черемуха. Хотели без очереди, в промежутках, набрать воды, ни с того ни с сего, не слова не сказав, немец подошел и ударил меня по лицу три раза кулаком, даже потекла кровь из носа и из зубов, сдачи не дашь, проклятые.

30 мая

На работе все время продолжают запугивать, чтобы были покорны, все равно ничего не выйдет. Погода целый день простояла ясная, с небольшой облачностью, холодно, дул северный ветер.

31 мая

День был ясный, с небольшой облачностью, теплый. Ходил в баню, после бани с папой сажали капусту за гор. мостом, сажали на расстоянии 72 см, всего посадили 3 гряды, 211 штук, еще посадили дома, на месте огорода бабушки Паши, где у них был проезд. Папа вскопал гряду, земля очень мусорная, 29 штук красной капусты, а между ними кольраби. Дома Сидоровых[6] нету – сгорел ночью на 21 февраля. Была жуткая картина. Сгорел от свечки, оставленной немцем.

1 июня

Погода ясная, теплая, на небе есть перистые облака. Целый день простоял ясный, с перистой облачностью. Болят зубы. Сегодня меня сняли с возки воды и отправляют в лес, в Жары,[7] наверное я стал негож. Ходил не очень чистый. А это, пожалуй, лучше – избавился от лошадиной должности. Только жалко, что придется и жить в лесу, а не дома. Велели собраться к завтраку к 7 часам.

---

[5] Старшая сестра Василия Молчанова, Татьяна (1923-1947).

[6] Соседи Молчановых в Любани.

[7] Деревня на Петербургском шоссе, в 15 км к северо-западу от Любани.

2 июня

Проснулся в 4.30. Погода пасмурная и, видать, ночью был дождь. Собрался к отправке и пошел на работу. Там посадили в машину и привезли в Жары, и поселили в палатку. Спать надо будет на земле, хорошо напротив скирда соломы, вот я принес соломы и сделал себе «кровать». Жутко много комаров в палатке и на улице. Здесь уже жили, и нас еще привезли. Ребята говорят, что здесь они пилят и носят бревна, очень тяжело. Погода ясная, с большими кучевыми облаками, тепло.

3 июня

Встали в 5 часов. Спать было холодно, да еще не давали спать комары. В 6 часов солдат нас повел в лес и работали до 17 часов или до 18 часов, не знаю. Утром нам дали баланды из ржаной муки и все, после работы – баланда мучная с несколькими горошинами, гр. 200 хлеба (буханка на 6 человек) и грамм 15 повидла и все. Хорошо, что здесь недалеко пекарня и можно заработать еще хлеба, чистить сапоги, вообще рабская работа. Целый день солнышко, но не ясное, были кучевые облака и туман, вроде дыма. Лечил зубы.

4 июня

Встал в 5 часов. Сходил за баландой и чаем, поели и пошли в лес. Пилили бревна, когда обрубал я сучья, у меня выскочил из топорища топор и упал в трясину, искал, искал и не нашел. Солдат узнал, что я потерял топор, взял длинный ольховый прут и ударил меня по спине раз пять, так что после было чувствительно, я ведь не виноват, что топор плохо насажен. «Молчать, еще подожди, от начальника попадет». Придя домой, солдат, наверное, позабыл, я этим только и отделался. Сегодня заработал хлеба,– принес солдатам одно ведро воды. С утра было пасмурно, перед обедом был дождь, к вечеру разъяснело.<...>

8 июня

Целый день теплый и ясный. Ребята сегодня утащили мои записи из-под подушки и очень смеялись, что записываю разную чепуху. Говорят: «Зачем это тебе, разорви». Мне все-таки хочется писать, хотя бы о погоде, когда будет хорошее время, будет о чем рассказать,

Немецкий оккупационный знак. Из музея истории Царского Села

Василий Молчанов. Предвоенное фото

вспомнить, когда не будет этих паразитов человечества.

9 июня

Рабочий день увеличили – много у русских свободного времени. День жаркий, ясный, вечером выкупался первый раз, вода средняя. Комаров стало меньше, появились слепни.<...>

12 июня

Погода теплая, ясно. Удрали и поехали домой после работы. Как хорошо дома, так бы и остался. Нельзя,– попадет. ***Завтра Троица, ходил ко всенощной.***

13 июня [воскресенье, Троица]

Был в церкви за обедней. Сегодня большой праздник. Ходил на кладбище. Папа завтра едет в П.[сков][8] *Погода до обеда теплая, облачность, потом пасмурная, и был маленький дождь. Вечером пришлось уезжать. Господи! Отомсти, порази Своим гневом этих насильников русских [людей].<...>*

16 июня-9 июля

Работали все время в лесу. Чувствуется постоянно рабский гнет. Так бы и удрали, да не знаем куда. Как я не приспособлен ориентироваться в жизни! Патрули так и ходят сзади. Погода все время пасмурная, с дождями.

10 июля

После работы отпустили домой. Погода теплая, с переменными [дождями]. Папы еще нету. Верочка[9] *болеет, очень похудела, еле говорит, наверняка болят легкие. Очень жалко бедную хорошую сестренку и*

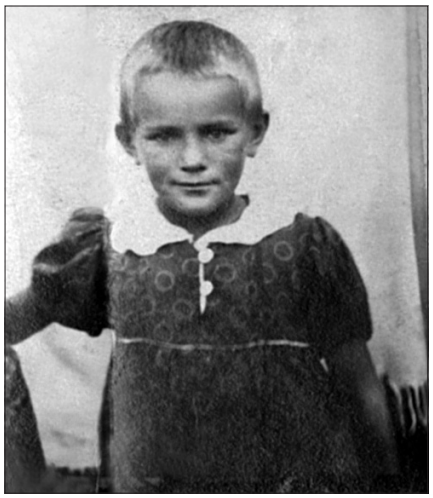
---

[8] Во Пскове располагалась Православная Миссия, действовавшая в 1941-1944 гг. на территории трех Северо-Западных областей России. Основаная по благословению митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского), экзарха Латвии и Эстонии, Миссия открывала закрытые при большевиках православные приходы. Во Пскове и Риге прибалтийскими иерархами рукополагались диаконы и священники для нужд православных приходов областей Северо-Запада. В их числе был и о.Иоанн Молчанов.

[9] Средняя сестра Василия Молчанова Вера (1928-1943), умерла в войну от туберкулеза.

Василий, Татьяна, Вера и Елена Молчановы. Предвоенное фото

Верочка Молчанова

Василий Молчанов. 1941 г.

помочь нечем, лекарств нету никаких. Как быстро захватила ее болезнь. Господи, помоги ей поправиться.

11 июля [воскресенье]

Ночевал дома. ***Ходил в церковь****. Дома хорошо, тихо. Не слышно постоянных криков патрулей: «Русс, давай, давай!». Как они мне надоели, куда убежать и не слышать, наверное придет время, когда мы их будем подгонять, заставлять еще больше работать. Бог долго терпеть не будет. Терпит, терпит и перестанет. Погода теплая, в тени +23°С, небольшие дождики. Вечером уехал.<...>*

16 июля

Пасмурно, тепло. Изредка показывалось солнышко. После работы удрал домой. ***Сегодня мои именины****.*[10] *Верочка очень плохо себя чувствует, еще больше похудела, говорит с трудом. Воздуху не хватает, говорит задыхается. Папы все еще нету. Жалко бедную Верочку, ей бы еще расти и расцветать.* ***Ходил в церковь.***[11] *Поеду утром.<...>*

19 июля

Погода пасмурная, теплая. В полной уверенности, что Господь не попустит так издеваться над русскими. Немцы за все и за вся рассчитаются, будут и они чувствовать на своей поганой шкуре. Да! Это время придет.

20 июля [канун Казанской]

Погода жаркая, в воздухе парит. Дождик с грозой до обеда и вечером. ***Вечером ушел в церковь в Ушаки.***[12] ***Как хорошо в церкви. Только здесь не слышишь немецкого лаяния. Только в церкви можно слышать слова утешения.***[13]*<...>*

22 июля

До обеда ясная погода, переменная облачность, а потом затянуло тучами. Патруль отобрал 7 человек для работы в Любани. Я не попал. Какое жалкое наше существование, что хотят с нами делать, то и делают, не считают за людей, а смотрят как на рабочий скот, даже считают штуками.

23 июля

До обеда было ясно, после заволокло тучами, был дождик. После работы удрал домой. ***Папа приехал священником.***[14] *Верочке очень плохо, еле выговаривает слова. Пролетали 6 русских самолетов с красными звездочками, когда возвращался назад в Жары.*

24 июля

Погода простояла целый день пасмурная. Очень скучно. Нет ни одного человека мужественного, смелого, решительного, организованного, способного организовать отряд сопротивления извергам [рода] человеческого.

25 июля-4 августа[15]

Не было времени записать. Работали целые дни с утра до ночи, очень устали, приходится таскать бревна 4-х метровые на себе, чуть не километр, а патруль так сзади и ходит с ружьем и длинным прутом. Почти каждый день хлыстнет по тебе, погоняет как рабочий

---

[10] Память свт.Василия, еп.Рязанского (1295).

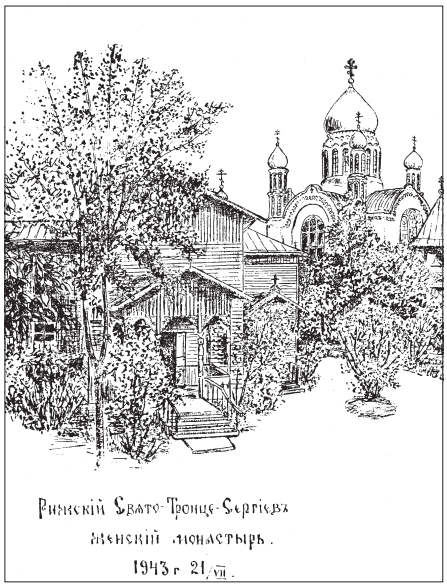
[11] Имеется в виду Любанская Петропавловская церковь. Действовала в годы войны. Богослужения в ней совершались до 1944 г. Вновь после многолетних просьб и обращений жителей к властям возобновлены в 1989 г.

[12] Село в 5-ти км от Жаров, и в 20-ти к северо-западу от Любани.

[13] На следующий день, в Казанскую, 21 июля 1943 г. в соборе Рижского Троице-Сергиева женского монастыря Иоанн Васильевич Молчанов был рукоположен во священника.

[14] В июле 1943 г. Иоанн Васильевич Молчанов был рукоположен в Риге епископом Иоанном (Гарклавсом) во диакона, а затем (21.07.1943), – во священника. Начальником Православной Псковской Миссии протопресвитером Кириллом Зайцем был определен священником в Вырицу, в Казанскую церковь, одновременно со свящ. Николаем Багрянским, определенным в Вырицкую Петропавловскую церковь.

[15] 25 июля, в воскресенье, в Любань приезжал начальник Псковской Православной миссии прот. Кирилл Зайц. Он посетил дом Молчановых, побывал у умирающей дочери о. Иоанна – Верочки. Не застав о. Иоанна дома, поехал в Петропавловскую Любанскую церковь, где он совершал богослужение.

Рижский Свято-Троице-Сергиев монастырь. Памятная грамота отца Иоанна, 21 июля 1943 г., здесь отец Иоанн Молчанов был рукоположен в сан священника. Из архива семьи Молчановых

скот и отдохнуть не даст.<...>

6 августа

Ночью была сильная гроза с большим дождем и ветром. Утром пасмурно, прохладно. Привезли из Любани, из дома, записку. ***В 1 час 50 минут скончалась наша дорогая и милая Верочка.*** *Очень жалко, такая была замечательная сестренка. Отпросился у начальника и поехал домой. Верочка уже прибранная и лежит в переднем углу, как лежали мамочка и дедушка.*

7 августа

Ночью обстреливали окраины около совхоза. С утра была ясная погода, а потом пасмурная. В 17.30 ***Верочку снесли в церковь и оставили на ночь****. На яблоньках – яблоки. Только нет груш.*

8 августа [воскресенье]

Погода целый день пасмурная. ***После обедни отслужили панихиду, и снесли Верочку на кладбище, и положили рядом с прабабушкой. Похороны прошли как полагается, по-христиански.***

9 августа

Сегодня вечером папа уехал в Вырицу. *Погода целый день пасмурная и изредка накрапывал дождь.*

10-11 августа

Погода пасмурная, после изредка накрапывал дождь. Удрал домой. Нет Верочки.<...>

15 августа [воскресенье]

После работы поехал домой. Дома все как было так и есть. От папы писем нет, Таня сняла яблоки, потому что воруют. Холодно, пасмурно, сильный ветер, переходящий в дождь.<...>

22 августа [воскресенье]

Хорошая, ясная погода.После работы удрал домой. Папа ничего не пишет. Девочки готовятся к отъезду. Таня делала с яблоками небольшой пирог.<...>

24-30 августа

Продолжаем существовать, рабское состояние; ох, скорей бы скинуть с себя этот рабский гнет. Девочки дома живут еще, папы дома нет.<...>

5 сентября [воскресенье]

Утром был мороз, вода в лужицах покрылась льдом. День теплый, вечером холодно. Папа приехал за нами и вещами. По рукам передали мне из дома письмо.<...>

10 сентября

Девочки и папа поехали в Вырицу, а меня с работы не отпускают.

12 сентября [воскресенье]

Приехали в Любань совсем. Дома наших нету. Домой пустили жить Сидоровы. С Сидоровыми пообедал. Пошел к бабушке, а потом к тете Лизе[16] и у них остался ночевать. Какая ласковая тетя Лиза, очень хорошо обходится. Погода – сплошная облачность, изредка показывалось солнышко, начали заметно желтеть березы.

13 сентября

Встал. Позавтракал. (Выспался очень хорошо). На работу к 7 часам. Возили в Померанье[17] – ломали ба-

[16] Елизавета Васильевна Молчанова, сестра о. Иоанна, тетушка Василия.

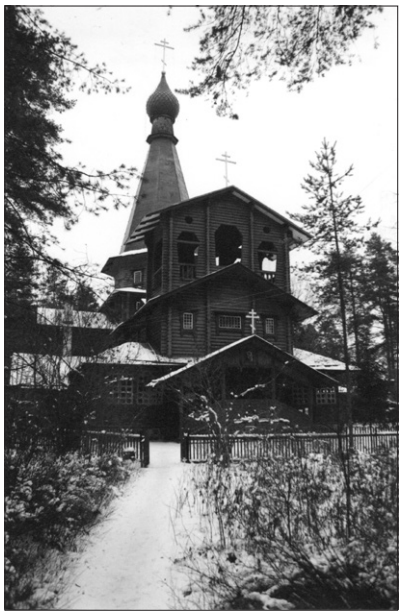
[17] Деревня на шоссе в 5 км на юго-восток от Любани.

Татьяна Молчанова

Татьяна Молчанова с подругами у зубоврачебного кабинета. Любань. 1943 г.

Вырица. Казанская церковь, где в 1943-1944 служил настоятелем священник Иоанн Молчанов

раки. Во время работы наш русский самолет сбросил листовки: «немцев русские гонят на всех фронтах, оставайтесь, прячьтесь, чтобы не угнали». После работы пообедал у тети Лизы и пошел к дяде Шуре, живут хорошо по этому времени.

14 сентября

Поеду в Вырицу.

15-22 сентября

В Вырице. *Вырица очень большая, все отдельные участки в лесу, кругом сосны и ели. Погода пасмурная, изредка крапал дождь.<...>*

6 ноября

День ясный. ***Папа служил обедню, я был за казначея.***

7 ноября [воскресенье]

Была служба. *С утра была ясная погода, к вечеру пошел снег, да ведь сегодня большой гражданский праздник[18] – 26 лет. Как мы его весело проводили в школе.*

12 ноября

Говорят, что всех увезут[19] до 1 декабря. С папой вставляем стекла в нижнем храме[20] и дома зимние рамы. *У нас троих вечером болели головы от угара. Погода морозная, днем пошел снег, все кругом стало бело, сильный ветер.*

13 ноября

У папы ночью очень сильно заболела голова, тоже от угара, целый день лежал, большая слабость. У меня голова болеть перестала.

14 ноября [воскресенье]

Утром шел хлопьями снег. Небольшой мороз. Папа ходил на станцию. Сказали ему, что на этой неделе эвакуируют. ***Была всенощная в нижней церкви.***

15 ноября

День пасмурный. Днем оттепель, к вечеру подморозило. Завязываем все в мешки. ***Папа получил подарок от о. С.[ерафима] арх.[имандрита].***[21]

16 ноября

Пасмурно весь день. Потепление, тает, и к вечеру снега осталось мало. ***Все, что маленькое и можно легко унести, мы запрятали в храме, если Господь даст, и храм уцелеет, то чтоб все можно было поставить назад на свои места.*** *Приходил Виктор к нам, также убрали все наши книги.*

17 ноября

Ночью был сильный ветер, растаял весь снег. Утро было ясное, а день весь простоял пасмурный, вечером был дождь. Все говорят, завтра или послезавтра увезут,– на всякий случай упаковывали вещи целый день. Был Виктор. Папа ходил в город.[22]*<...>*

19 ноября

Погода ясная, небольшой мороз. Приходил Виктор, говорят вот-вот должны.[эвакуировать]

20 ноября

Погода ясная, небольшой мороз. Был у Багрянских. Эвакуация отменена. Выпало немного снега. ***Опять восстановили нижную церковь. Завтра будет служба.***

21 ноября [воскресенье]

---

[18] 7 ноября.

[19] В конце октября – начале ноября 1943г., повсеместно по Северо - Западу России немцами была начата эвакуация местного населения, преимущественно в Прибалтику. В первую очередь, дело коснулось живущих в прифронтовой зоне. В эти дни во многих районах произошли военные столкновения между немецкими карательными отрядами и партизанами.

[20] Нижний (пещерный) храм во имя прпп. Серафима Саровского и Алексия человека Божия. Освящен первым настоятелем Казанского храма прот. Порфирием Десницким в 1920-х гг. В годы войны богослужения зачастую совершались в этом малом пещерном храме, т. к. натопить обширный верхний Казанский храм не было возможности. Промыслительно, что иконостас нижнего храма, где молился в годы войны о. Иоанн Молчанов, в 1989 г. был передан настоятелем Вырицкого Казанского храма прот. Алексием Коровиным восстанавливаемому Петропавловскому храму в Любани и перевезен из Вырицы в Любань, где к этому времени начал служить свящ. Петр Васильевич Молчанов, сын о. Василия и внук о. Иоанна Молчановых.

[21] Архимандрит Серафим (Проценко), (1869 (1874?) - 1960). Родился в Харьковской губ. в крестьянской семье. После военной службы в С.-Петербурге, по совету св. прав. Иоанна Кронштадтского ушел в монастырь. Подвизался в монастырях Олонецкой епархии, в 1917-1920-х выстроил подворье Кирилло-Челмогорского монастыря в Петрограде, в 1930-х гг. арестовывался. С конца 1930-х гг. проживал в Вырице, окормляя тайную монашескую общину. В 1941 г. после прихода немцев легализовал ее, основав монастырь в Поселке. В 1942 г. в монастыре им была выстроена деревянная церковь Иоанна Предтечи. В 1945 г. арестован, в заключении до сер. 1950-х гг. Проживал на покое в Вырице. Скончался 28.12.1960. Подробное жизнеописание см. «С.-Петербургские Епархиальные ведомости», вып. 26-27, С. 39.

[22] В годы войны Вырица именовалась городом. В отличии от дер. Вырицы (местность за мостом через Оредеж по Сиверскому шоссе, возле кладбища) понятие «город Вырица» относилось в первую очередь к району станции Вырица.

Погода целый день пасмурная. Ночью выпал снег, днем капало с крыш. Вечером замерзло. ***Сегодня служил о. Николай [Багрянский] в нижней церкви,*** *после службы у нас обедали. Ходил за картошкой, но не нашел дом.* ***Был ц[ерковный] пр[аздник]****.*[23] *Вечером проверяли документы.*

22 ноября

День пасмурный, утром было ясно. Небольшой мороз. Меня прописали, об эвакуации замолчали.<...>

25 ноября

Пасмурно. Днем оттепель. ***Была служба.***[24]

26-28 ноября, [28-ое-воскресенье][25]

Пасмурная погода, выпал снег днем. ***Все дни была служба. В воскресенье было порядочно народу. Ходил с папой и Василием Ивановичем менять огарки на свечи,– нету. Заходил к о. Антонию,***[26] ***я его вижу первый раз.*** *Пришли домой уже затемно. Д. Вырицу эвакуировали. Все мы еще, как говорится, на чемоданах. Ездили за дровами. Видел сон, очень хороший. Господь сподобил созерцать будущее.*[27]

29 ноября [воскресенье]

Пасмурно. Снег лежит сырой. Порой идет реденький снежок. ***Была служба. Сегодня читал первый раз в церкви шестопсалмие, не гладко, а также пел (подпевал).*** *Таня с Леной ездили за картошкой в д.Вырицу и привезли два мешка. Папа ходил в город. Об эвакуации ничего неизвестно.*

30 ноября

Утром выпал сырой снег, (+1°С или+2°С) уже образовал порядочный слой. Погода пасмурная, тепло – оттепель. Ездили мы трое за картошкой, не привезли – не было хозяев.

1 декабря

День пасмурный, теплый. Шел частый снег. Ездили за картошкой с Таней в д. Вырица, привезли два мешка. И брюквы.<...>

3 декабря

Морозит. Пасмурно. С Таней ездили за сухими дровами 4 раза. После обеда ездили в дер. Вырицу и привезли мешок картошки.

4 декабря

День пасмурный. Шел снег. ***Была служба.*** *С Таней ездили 3 раза за дровами.*

5 декабря

Пасмурно весь день, шел снег. ***Была служба.*** *Заходил Вася Любанский. Лена с Таней купили белье у Лены на работе. Сегодня у наших праздник: День Конституции.*

Вырица. Казанская церковь. Интерьер

6 декабря

Погода пасмурная. Утром морозец небольшой, вечером – потепление, капало с крыш. ***Была служба.*** *Папа ходил на станцию, эвакуация прекращена, опять все восстанавливается.*

7 декабря

*Пасмурно. Ночь и день, до обеда, температура была выше нуля, таяло, к вечеру замерзло****.Была служба. Меня оформили старостой,*** *получил хлебную карточку.*

8 декабря

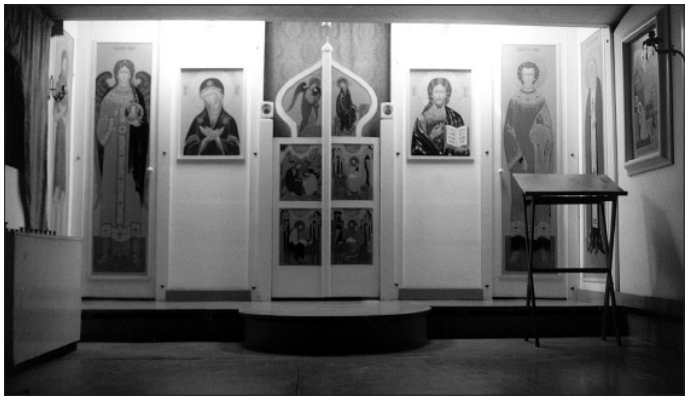
Пасмурно. Сравнительно тепло. Ездил с папой за дровами, привезли около 2-х куб. м (на себе).

9 декабря

Погода ясная, морозная. С папой ездил 4 раза за дровами на берег, привезли около 2-х куб. м. Беда с шапкой – негде купить, в кепке становится холодно.

10 декабря

Погода пасмурная. Мороз – 10°С. Сосны все стоят одетые в иней. ***Была обедня в честь Иконы Божией Матери «Знамение». И я читал: «Сподоби Господи» и шестопсалмие.***

Вырица. Казанская церковь. Интерьер нижнего (пещерного) храма прпп. Серафима Саровского и Алексия, человека Божия. Современный вид

---

[23] Собор Арх. Михаила и всех небесных Сил бесплотных.

[24] Память блаж. Иоанна Власатого, Ростовского (1580).

[25] Начало Рождественского поста.

[26] Иеромонах Антоний (Стальмаков) – духовник Вырицкого Успенского женского монастыря, эвакуированного немцами в 1942 г. из под Великих Лук.

[27] См. запись от 14 июня 1944 г.

Минные поля в Павловском парке

11 декабря

День ясный, но небо не совсем ясное, были кучевые облака. Морозно. До обеда топили баню, на весь наш дом – три семьи, вымылись и день весь, уже темно. Таня у немцев мыла пол.

12 декабря

Небо ясное, только к вечеру затянуло облаками, небольшой мороз. ***Была служба****. Лена, Таня и папа фотограф[ировались]. Приезжал Виктор на велосипеде.*

13 декабря

Ночью потеплело, целый день был теплый и появились лужи. Послали открытки о розыске бабушки и родных, увезенных из Любани.

14 декабря

Ночью шел дождь, тепло. С утра пасмурно, потом разъяснело. Вечером заморозило. ***Был у Багрянских. Виктор учится читать по-славянски.*** *После Виктор проводил меня до самого дома.*

15 декабря

День пасмурный, мороз небольшой. Выпало немного снежку.

25 декабря

Собака загрызла котика. Он был еще привезен из Любани. Приезжал Виктор на велосипеде.

26 декабря

Погода пасмурная. ***Была обедня, трезвонил и читал шестопсалмие. Были в церкви любанские девушки и заходили к нам,*** *они приехали сюда с частью: пригласили к ним на Новый год.*

27 декабря

Пасмурно, тепло. Ходил в парикмахерскую, ***заходил к Багрянским.*** *Папа ходил в больницу и ему велели лежать пока не пройдет краснота.*

28 декабря

Ночью выпал снег, днем растаял, вечером замерзло. Вечером разъяснело. Был в городе.

29 декабря

День ясный, на небе кучевые облака. Мороз. На бирже труда отобрали паспорта, дали опознават[ельные] карты. Багрянские чистят дом, будут скоро переезжать.

30 декабря

Пасмурно, мороз – 6° С. Почти целый день шел снег. Пилил с т. Соней дрова у немцев, заплатили 2 хл[еба]. Лена ходила к Багрянским, они переехали в новый дом.[28]

31 декабря

Пасмурно, ветер северный, мороз. ***Носил муку для печения просфор на станцию, к бабушке. Купил муку для церкви, 5 кг, 350 р. за кило.*** *Александр, с пекарни, угостил пивом, сделанным[им] самим. Ноги у папы стали лучше, но все-таки надо лежать.*

1944 г.

1 января

Лег спать в час ночи. Девчата встречали Новый год в гостях до 3-х ночи. День ясный, не холодный, легонький мороз. Первый раз брился за свою жизнь. Ходили к Любанским, но не нашли, так и не побывал [у них].

2 января

День пасмурный, шел снег. Мороз –7° С, ветрено. ***Была обедня – трезвонил и читал.***

3 января

День пасмурный, шел снег, мороз. С тетей Соней пилили дрова у немцев. Папа ходил в больницу, ноги лучше, но все же велели лежать.<...>

6 января [Рождественский Сочельник]

День пасмурный, мороз – 8° С. Сильный ветер. После 12 часов поднялась сильная метель. ***Была обедня. Ездили за еловыми ветками для украшения храма.***

7 января, [Рождество Христово]

Ночью много выпало снегу, днем – оттепель, вечером – мороз, шел снег.

Перед утреней разукрасил церковь. Народу в церкви было немного. В три часа пошли на концерт в бывшую школу, выступали русские военнопленные, для этого времени – хорошо. Дома поставили другую елку. *Папа заболел, простудился, – насморк и болит голова.*

8 января

Погода морозная, день ясный, вечером шел снег. Возили дрова с разбираемого дома. Возивши вспотел, много снегу, трудно возить.

9 января

Погода пасмурная. Мороз – 10° С, небольшой ветер, шел снег. У папы грипп, не служил. ***Я ходил к о. Николаю*** *[Багрянскому]* ***в церковь.***[29] *Зашел к ним на новоселье.*

10 января

Погода пасмурная, шел снег, сильный ветер. К за-

[28] Вырица,Слуцкая ул., 22 (?).

[29] Свв. апп. Петра и Павла, в Вырице.

кату солнца – разъяснело. Мороз – 8° С. Возил дрова, ездил 5 раз. Папа лежит.

11 января

С утра пасмурно, шел легкий снежок, потом появилось солнышко, но не ясное – в дымке, ветрено. Возил дрова, ездил 4 раза.

12 января

Погода пасмурная, сплошная облачность, ветер, мороз – 9° С. С Таней ездили за картошкой в д. В[ырицу] привезли полмешка. Папа ходил к врачу, ноги лучше.<...>

14 января [Старый Новый год, свт. Василия Великого]

Пасмурно, холодно. ***Была в церкви служба.*** *Ноги у папы поправляются.*

15 января

Погода пасмурная, холодная. ***Ходили к о. Серафиму на именины.***[30] *Из д. В[ырицы] женщина дала нам мешок картошки.*

16 января

Погода пасмурная. Тепло – 0° С, – каплет с крыш. ***Была обедня****. Лена, Рита и я ходили в театр – выступали девочки из детского дома. С северной стороны целый день доносилась сильная канонада.*[31]*<...>*

18 января

Пасмурно, температура 0° С. ***В час дня было освящение воды, перед Крещением.*** *Пекарня, где работала Лена, завтра или послезавтра уезжает.*

19 января, [Крещение Господне]

Небо покрыто сплошными облаками, погода теплая – каплет с крыш. ***Крещение. Была служба, после обеда был крестный ход на колодец. Сегодня был у нас праздник и долго сидели.***

20 января

Погода пасмурная, теплая – течет с крыш. Ходили мы, Т.[аня], Л.[ена], и я к Багрянским. Лена без работы – пекарня уехала.

21 января

Погода пасмурная, температура 0° С. Немцы сматываются. В направлении Гатчины очень сильная стрельба.

22 января

Пасмурно, тепло – течет с крыш. ***Пекли сами дома просфоры.*** *Сегодня через Вырицу проезжали любанские ребята. Очень большое движение по Сиверскому шоссе, по направлению к Сиверской. Близко слышно стрельбу в стороне Гатчины. Наши приближаются, скоро увидимся. Слухи ходят об эвакуации Вырицы. Теперь немцам не до русских, им самим до себя.* ***Мы прятаться никуда не будем, решили пережить пока это время под церковью.***

23 января

Пасмурно, тепло – течет с крыш. ***Была в церкви служба, народу мало.<...>***

25 января

Теплая пасмурная погода. ***Была служба (утреня и обедня), трезвонил.*** *Ночью летели недалеко снаряды. Объявили эвакуацию. Ночевали дома.*

26 января

Теплая пасмурная погода. Ходил к Багрянским. Летали наши русские самолеты, бомбили на очень низкой высоте. ***Ночевали под церковью.***

27 января

Погода пасмурная, шел мокрый снег, капало с крыш. Пришли наши русские, долгожданные – настало снова свободное право граждан. Русские выглядят очень хорошо, только передовые – грязные.[32]

30 января

Была служба в церкви, трезвонил, читал. *Были русские девушки – солдаты.<...>*

1 февраля

Папа ходил в пос[елковый] совет регестрировать нашу семью.

2 февраля

Тепло. Ходил в милицию сдавать опознавательные марки. Было первое собрание в клубе (школе).

3 февраля

Погода пасмурная, шел снег, а под снегом мокро. Принесли повестку явиться в военкомат при пос. совете к 13 ч. Прошел медосмотр – годен.

4 февраля

Пасмурно, холодно, но с крыш каплет. Был в военкомате, велели собраться в армию, завтра к 7 часам утра и пойдем в Ленинград. Собрался, взял две партии белья на 3 дня и еды. ***Папа отслужил дома на путь молебен и благословил иконочкой «Сретенье Господне».***

---

[30] Имеется в виду либо архимандрит Серафим (Проценко), либо иеросхимонах Серафим (Муравьев) – преподобный Серафим Вырицкий, находившийся в родственных отношениях с Молчановыми. Брат о. Иоанна Молчанова, Петр Васильевич (погибший в годы войны), был крестным отцом внучки о. Серафима – Олечки. По прибытии в Вырицу в 1943 г. свящ. Иоанн Молчанов встретился с о. Серафимом.

Свидетельство о. Иоанна Молчанова из письма родным в Любань, август 1943 года: «...был в гостях устарца иеросхимонаха Серафима. Он никуда не ходит, лежит все в постели, но чувствует себя бодрым и веселым. Говорит, что от перенесенной болезни поправился и что очень рад видеть священника той церкви, где он числится прихожанином. Живет он в расстоянии 15-20 минут ходу от храма. Сугубо был рад, когда узнал, что я брат Пети – крестного отца его внучки – теперь 6-летней шустренькой, красивой девочки Олечки. Порекомендовал мне числить себя членом их семьи, и сказал, что он уже зачислил меня ее членом ». *(Свидетельство найдено Л.И. Соколовой. «Вырица в годы войны», рукопись)*. О случае прозорливости старца иеросхимонаха Серафима и предсказании его судьбы Петру Васильевичу Молчанову при посещении тем старца перед войной см. также в свидетельстве М. К. Титовой «Скоро будет великая война». *В. П. Филимонов. Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб, 1999., С.168 - 170.*

[31] Начало советского наступления с целью окончательного снятия осады города на Неве. Через два дня,18 января, произошло окончательное снятие блокады Ленинграда.

[32] 24 января от немцев были освобождены Пушкин и Павловск, 26 – Тосно, 28 – Волосово, Вырица, Любань, 29 – Чудово, 30 – Сиверская.

Бои за ст. Александровская Варшавской железной дороги. Январь 1944 г.

5 февраля

Выехал из Вырицы.

6 февраля

*Прибыл **в Ленинград** в пересыльные казармы (ул. К. Маркса, 65).*

7 февраля

Ходили в баню.

8 февраля

*Вечером приехали **в Токсово** по Ф[инляндской] ж/д в 30 км от Ленинграда во 2-ой стрелковый батальон, 78 полк.*

9 февраля

Нас перевели в 1-й учебный батальон, 78 стрелковый полк, полковая почта 75732 «к».

11 февраля

Нас разделили на две группы.

12 февраля

Перевели в другую роту 75723 «к».

16 февраля

Писали автобиографии.

22 февраля

Расписались за винтовки, противогазы и лопаты.

23 февраля

Была баня.

25 февраля

Делали [прививку против] оспы и укол под лопатку.

5 марта

*Воскресенье 1944 г., без 15 минут 12 ч. дня, день солнечный, **Токсово.** Принимали военную присягу (по 5 человек).*

1 мая

Часть роты отобрали и одели в новое обмундирование.

2 мая

*Нас тоже одели. **Со ст. Кавголово** переходили **до ст. Пери в д. Нижние Оселькы.***

3 мая

Расформировали, попал в 7-ю роту, 3-й взвод, 1-е отд., 3-й батальон, 314 полк, 46 Лужская дивизия, полковая почта 37536.

17 мая

Переехали в лес.

2 июня

Купил пилотку сухарей за 60 р. Ходили на прививку.

4 июня

Ходили в баню.

6 июня

Готовились к отправке. В выходной день по желанию ходили собирать щавель для кухни. Весь батальон ходил на концерт Александрова.

7 июня

Ходил опять собирать щавель. Готовились к отправке вечером. Тронулись в 8 ч.

8 июня

Целый день на пути, отдыхали, прошли 30 км, вечером тронулись.

9 июня

Пришли, в метрах 500 от нас Финский залив, 3 часа утра. Днем делали шалаши.

10 июня

Готовились опять к походу.

11 июня

*Утром рано, по железной дороге проходили **Териоки.** День отдыхали в 2 км от Териоки в лесу (вот здесь вспомнил свой сон: шли по железной дороге, в точности так же как во сне).*[33]

12 июня

Получили н/з – шпиг и сухари. Бывалые солдаты все сразу почти съели. Я все сразу съесть не смог. Оставил до утра.

13 июня

Заняли исходный рубеж и приготовились к атаке после восхода солнца. Выкопали окопчики. Я доел шпиг и сухари.[34]

1945 г.

8 марта

Ясная солнечная погода, ни облачка. Ездил в Гатчино,[35] *чтобы продлили пропуск, неудачно – не было начальника. Туда уехал из села на машине, а оттуда попал с трудом. Мороз градусов – 15°С. Пришел утром с работы заиндевевшим.<...>*

10 марта

Пришел с работы и сразу же в сельпо – должна

---

[33] См. запись от 28 ноября 1943 г.

[34] Далее записей в дневнике нет до 8 марта 1945. На следующий же день, 14 июня 1944 г. во время ожесточенного боя при прорыве укрепленной линии Ваммелсуу – Тайпале, на поле у реки Ваммелсуу (Черная речка) на Карельском перешейке, Василий Молчанов был ранен в ногу. Полк, осуществлявший прорыв укрепленной линии без поддержки артиллерии и танков, по открытой местности, понес большие потери. Уцелели немногие. Василий, лежавший среди множества убитых, чудом выживший (его вынесли с поля боя, отправили в госпиталь), после ранения он остался инвалидом. До конца жизни нога напоминала о себе: опускаясь на колени (за богослужением), самостоятельно о. Василий Молчанов подняться не мог. После выписки из госпиталя Василий вернулся к мирной жизни.

[35] Семья Молчановых в 1944 г. перебралась из Вырицы в Гатчинский район, в с. Рождествено (с 07.06.1944 г. священник Иоанн Молчанов был назначен настоятелем местной Рождественской церкви, здесь же он был арестован 19 (по другим данным, 24) октября 1944 года.

идти машина в Гатчино – не пошла. Сготовил обед, немного поспал. Часы на работе все еще не починены, без часов очень плохо, не знаешь когда пускать, говорят, что пустил турбину поздно.

С Таней поехали за дровами, так и не привезли, очень много снегу, выше колена.

Погода холодная, мороз с утра, пасмурно, шел небольшой снег недолго, потом разъяснело, к вечеру мороз сильнее.

11 марта

Писал Лене в школу плакат: «Человек – это звучит гордо!» (М. Горький), буквы коричневые, оттенок темно-синий.

Была первая служба в церкви. Служил новый священник, о. Сергий,[36] *а я не знал, очень жалею, что не был. <...>*

1947

2 августа

Погода холодная, +15°С. День пасмурный, с частыми находящими дождями. Встал в 6 ч. 30 мин. и пошел косить. Покосил немного в кустах. Первый день подкопали на завтрак по 6 средних картошек. ***Ходил в церковь, сегодня Ильин день, читал Часы, прислуживал в алтаре.*** *Промывал на завтра кисель, Лена не захотела, пришлось промывать мне, а то уже заплесневел. Вязал веники, которые привез вчера.* ***После ужина ходил на Всенощную – суббота.*** *Ходил на работу насчет отпуска, А.П. не приехал, купил 5 яиц – 20 р. Тетя Лиза говорит, что нужно проряжать морковь и свеклу, нужно вытаскивать, которая покрупнее, а маленькая будет расти. Я выдергивал наоборот маленькую – думал крупнее лучше сохранится весной. На будущий год нужно учесть, которую лучше, когда и как протаскивать? Вечер очень холодный. Записал в 23 часа. Козы сбавили молоко.*

3 августа , воскресенье

Температура +19°С. Переменная облачность. День простоял без дождя. Рано утром был дождь. Вечером холодно. Небо затянуто облаками. Встал в 7 ч. Хотел встать пораньше, но не мог. Ломило мышцы ног и рук. Надергал на винегрет свеклы, моркови, одновременно полол. Варил овсяный кисель на завтрак и обед. Лена пошла в церковь. Дома остался я. <...> Танечка очень слабая, мучается,<...>, совсем не держится. Лена ухаживает за ней. Кушает совсем мало. До того слабая, что не может даже сесть в кровати и держать ложку, с трудом говорит. Настоящая мученица. Тяжело смотреть, что нечем помочь. Господи, облегчи ее страдания. Очень

Рождествено.
Храм Рождества Пресвятой Богородицы

тяжелое у меня моральное и душевное настроение, нет чувства хозяина. Заботишься все о сестрах, а о тебе нету заботы, не чувствуешь. Все приходится делать, а Лена все недовольна, точит и злые слова употребляет. Больше всего гнетет – никакой специальности. Господи, помоги приобрести. Делаешь все, что приходится в хозяйстве, легкие и тяжелые работы, и за вами следить. Слава Богу за все. Здоровье пока Господь дает.

4 августа , понедельник

Работал ночью – плотинщиком с 17 ч. до 8 ч. утра. Резолюцию на отпуск директор пока не наложил. ***Писал папе письмо.***[37]

Всю ночь почти шел дождик. Ночь теплая, но мне было холодно. Переменная облачность, без дождя, так простоял весь день, вечером в 6 ч. было солнышко, градусов днем +20°С, пожалуй, было. Пришел позавтракал рыбой жареной – плотва. Вчера дали ребятам лодки покататься, за это Витя Баранов дал рыбы. Дачница дала тоже вчера полкило дробленой крупы ячневой. Раскинул сено, оно так и не высохло как следует, пришлось оставить до завтра. Надергал свекольнику, моркови на щи. Сварил обед. Вязал веники. Отбил косу. Хотел ехать ***в Ленинград****, но тетя Галя сказала:«Подожди». Здоровье Тани ночью ухудшилось. Лена целый день и ночь около Тани просидела. Таня очень мучается. В лице она изменилась, совсем покойница. Жалко ее ото всей души, но помочь и облегчить страдания нечем.*[38]

---

[36] Священник Сергий Сапунов (1886–1951). До революции– певчий и чтец церкви с.Кузьмино близ Царского Села. В 1921–1935 гг. – диакон названного храма. В 1935–1941 – в ссылке. С 1941 служил диаконом в Паозерье близ Новгорода. В 1943 рукоположен в Миссии во священника. По возвращении из эвакуации из Литвы (с 3.03.1945) – настоятель церкви Рождества Богородицы с.Рождествено близ Гатчины. Скончался 25.01.1951, похоронен в Рождествено.

[37] Арестованный в октябре 1944 г. о. Иоанн Молчанов был осужден на 15 лет лагерей. В 1947 г. срок был изменен – 10 лет ИТЛ. Пастырь отбывал срок заключения в Воркуте, освободился в 1954 г. Разбитый параличем, он скончался на руках родных сразу же после освобождения из лагеря, в Любани, 14.12.1954 г. Похоронен в Любани.

[38] Скончалась 6 или 7 августа 1947 года.

Свящ. Василий Молчанов за совершением проскомидии. 1970-е гг.

До того ослабла, что едва произносит слова, ничего не кушала, только Лена поила из чайничка. Путного ничего за день не наделал, только и знал об еде. Лена была занята. Да и ни к чему руки не прилагали. Целый день голова тяжелая и болит. Господи, облегчи страдания дорогой Танечки. Вечер теплый, 23 ч.<...>

8 августа

Целую ночь шел дождь до 8 ч. 30 мин. утра. Остальной день был хороший, теплый, солнечный, переменная облачность, кучевые облака. Встал в шестом часу, нарубил сухих дров. У Лены с бабушкой уже топилась плита, готовили на поминки. Варили суп из картошки со снетками, большой чугун. Морковь, свеклу, картошку для винегрета, кисель клюквенный из двух литров сиропу. Накопал на завтрак картошки, принес воды. Позавтракали. Пошел за лошадью на ГЭС. Лена с бабушкой остались, придут женщины и положат Танюшу в гроб. Пригнал лошадь. Таню уже выносят, отпели без меня. Народу собралось, что хватило перенести через мостки и донести до церкви. Пришли из главной мастерской. Лошадь так и не понадобилась. ***Отслужил отец Сергий обедню, потом отпел дорогую сестру и несли на наше, через реку, кладбище. Похоронили ее между трех толстых сосен.<...> Вечером 20 ч. 30 мин. ко всенощной, завтра Исцелителя Пантелеимона.*** *Варил ужин – свекольник. Лег спать в 23 ч. 30 мин.*

9 августа

Погода целый день простояла теплая, солнечная, без дождя, переменная облачность. Роса в тени совсем уже почти не высыхает.

Встал в 7 час. Слабость, головная боль. Температура 37,2. Опухоль на лице не прошла. ***Сходил в церковь, сегодня память Исцелителя Пантелеимона.*** *Ходил в больницу, это все еще возбуждены нервы, а насморк и головная боль от пчелиного яду. Сено, которое было накошено в Ильин день, все побурело, но не сгнило, еще есть запах сена. Выгреб из кустов, расстелил, вечером сложил в кучу. Снимал червей с капусты. Принес веток, силенки маловато, так все тело и болит, на зиму, а потом ходил для дачи. Доктор Петр А. брал лодку напрокат. Снимал огурцы, первый сбор, набрал 6 кило, очень мало с двух гряд (по 10 м гряда, по две лунки во всю длину). Замочил бочку для засолки, думал много будет.* ***Ходил ко всенощной.***

10 августа

Погода теплая, утром сильный туман, до 17 часов было солнышко, переменная облачность, после был дождь – сильный. Встал, накопал картошки, приготовил завтрак, картошка с огурцом, поджарил яичницу с одного яйца. ***Был в церкви, пришел от обедни, переписал письмо папе,*** *пообедал. Поехал за сеном и ветками, спилил осину. Привез, и пошел дождь. Пошел на почту,* ***зашел к о.Сергию,*** *у них несчастье – обокрали неизвестно когда, вчера только спохватились. Пришел, поужинали, ложусь спать в 23 ч. Доктор брал лодку .<...>*

12 августа

Сегодня – пастух.

Погода хорошая, кучевые облака, тепло. Утром уже становится холодно. Роса лежит долго, в кустах почти совсем не сходит.

Утром накосил крапивы по дороге между 2-х, а сгрести нельзя.

Ходил в сельсовет насчет квартплаты, мы не хозяева, платить нужно вет.участку. Не заплатил.<...> Собрался в Любань в сберкассу. Пришел на поезд через Рыбицы[39] на 17 ч. 15 мин., ***в Ленинграде*** *зашел в магазин, и сразу на Московский вокзал, – вечерним поездом 20 ч. 30 мин., поспел только-только, билет брал в вагоне до Тосно, – 4 руб.* ***В Любань*** *приехал поздно, в 23 ч., ночевал у тети Любы с Ириной.*

13 августа, среда

Ходил к Рае, чтобы она пошла в свидетели на составление акта смерти дедушки – обещала. Был у тети Лизы с Юзиком. Поговорил с ней. Лене надо учиться, а то потеряет год. Мне тоже советовала учиться. Быть поспокойнее, повыдержаннее. Ходил к тете Мане Дядькиной – сестре тети Лизы. Обещала придти. Был в горсовете – после 4 часов регистрируют. Находится он на месте Шутова дома. Постоял на кирпичах нашего дома. Пролетело в голове все детство. Весь огород и все наше место заросло бурьяном.<...>

[39] Деревня на половине пути между с.Рождествено и станцией Сиверская Варшавской ж.д.

Д. Андреев

ШКВАЛ

Одно громогласное слово
Рокочет от Реймса до Львова;
Зазубрены, дряхлы и ржавы,
Колеблются замки Варшавы,
Как рокот, как рок неуклонны,
Колонны, колонны, колонны
Шагают, послушны зароку,
К Востоку, к Востоку, к Востоку.
С полярных высот Скандинавов
До тысячелетнего Нила
Уже прошумела их слава,
Уже просверкала их сила.
В Валгалле венцы уготовив,
Лишь Один могилы героев
Найдет в этих гноищах тленных,
В Карпатах, Вогезах, Арденнах.

За городом город покорный
Облекся в дымящийся траур,
И трещиной – молнией черной –
Прорезался дрогнувший Тауэр.
Усилья удвоит, утроит,
Но сердце уже не укроет
Бронею морей и туманов
Владычица всех океанов.
Беснуясь, бросают на шлемы
Бесформенный отсвет пожары,
В тюльпанных лугах Гаарлема,
На выжженных нивах Харара.
Одно громоносное имя
Гремит над полями нагими
И гонит, подобное року,
К Востоку, к Востоку, к Востоку.

Провидец? Пророк? Узурпатор?
Игрок, исчисляющий ходы?
Иль впрямь Мировой Император,
Вместилище духа Народа?
Как призрак, по горизонту
От фронта несется он к фронту,
Он с Гением расы воочью
Беседует царственной ночью.
Но странным и чутким простором
Ложатся поля снеговые,
И смотрят загадочным взором
Хранители судеб России.
И движутся легионеры
В пучину без края и меры,
В поля, неоглядные оку, –
К Востоку, к Востоку, к Востоку.

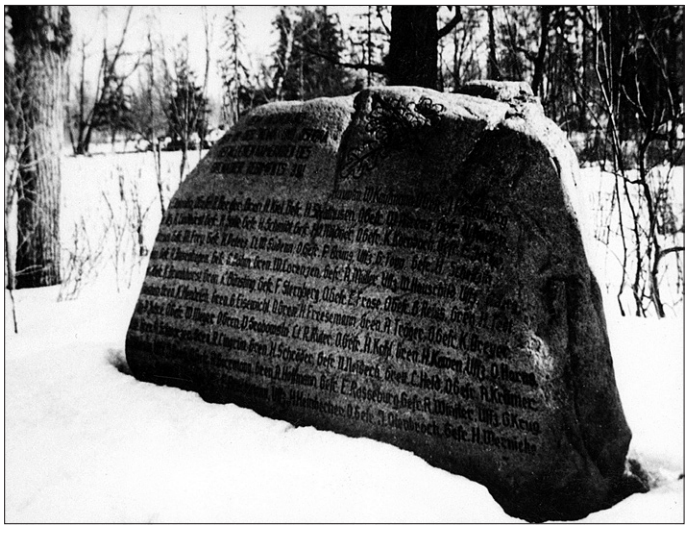
БЕЖЕНЦЫ

Киев пал. Всё ближе знамя Одина.
На Восток спасаться, на Восток.
Там тюрьма, но в тюрьмах дремлет Родина,
Мать-Судьба всех жизней, всех дорог.

Гул разгрома катится в лесах.
Троп не видно в дымной пелене.
Вездесущий рокот в небесах,
Как ознобом, хлещет по спине.

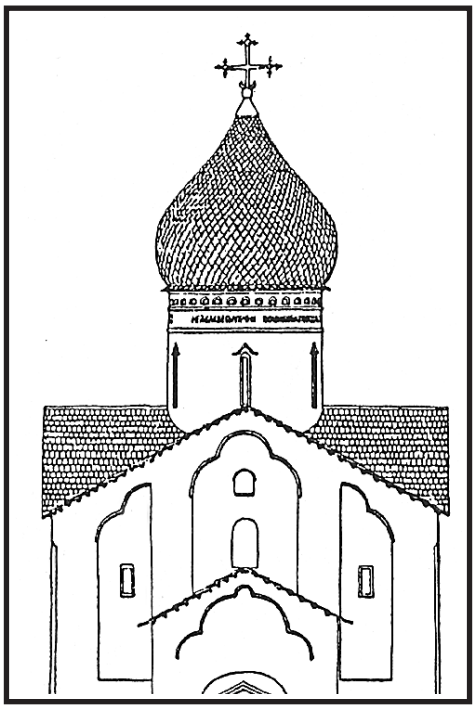
Не хоронят. Некогда. И некому.
На Восток, за Волгу, на Урал!
Там Россию за родными реками
Пять столетий враг не попирал!
Клячи. Люди. Танк. Грузовики.
Стоголосый гомон на шоссе...
Волочить ребят, узлы, мешки,
Спать на вытоптанной полосе.
Лето меркнет. Черная распутица
Хлюпает под тысячами ног.
Крутится метелица да крутится,
Заметает тракты на Восток.
Пламенеет небо назади,
Кровянит на жниве кромку льда,
Точно пурпур Грозного Судьи,
Точно трубы Страшного Суда.
По больницам, на перронах, палубах,
Среди улиц и в снегах дорог
Вечный сон, гасящий стон и жалобы,
Им готовит нищенский Восток.
Слишком жизнь звериная скудна,
Слишком сердце тупо и мертво.
Каждый пьет свою судьбу до дна,
Ни в кого не веря, ни в кого.

Шевельнулись затхлые губернии,
Заметались города в тылу.
В уцелевших храмах за вечернями
Люди ниц рыдают на полу:
О погибших в битвах за Восток,
Об ушедших в дальние снега,
И о том, что Родина-острог
Отомкнется лишь рукой врага.

Могила немецких гренадеров в Павловском парке (камень не сохранился). Фото конца 1940-х гг.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ТАЛАБСКОГО (ЗАЛИТСКОГО) СТАРЦА ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ ГУРЬЯНОВА (1910-2002)

Сейчас пока еще рано говорить о той роли в жизни сегодняшней Церкви, которая отведена была Промыслом Божиим отцу Николаю, более сорока лет подвизавшемуся на острове Талабск (Залит). Слишком мало для оценки его деятельности прошло времени. Но уже сейчас можно сказать со всей определенностью, что он был дан нашей Церкви в один из самых ответственных моментов Ее бытия.

Конечно, при характеристике деятельности этого подвижника можно вполне удовлетвориться указанием на общую традицию, в рамках которой издревле проходило служение старца православному человеку. Она включает в себя духовное окормление паствы: укрепление ее религиозности, поддержания в ней ревности к богоугождению, соблюдение в душе человека теплоты любви к Богу и Его заповедям, возвещение Божественной воли тем, кто ее взыскует, врачевание моральных недостатков людей, забота о нравственном возрастании души христианина, необходимая духовная поддержка тех, кто находится в скорби или недуге и т. п. Одним словом, старец – это тот, кто, в личном подвиге достигнув бесстрастия, духовно питает церковный народ и формирует его веру, выполняет миссию высокую и значительную. В нынешнее время величайшего духовного оскудения и глубокой помраченности духа современного общества старчество уже само по себе является бесценным даром страждущему человеку, стремящемуся в сегодняшнем мире сохранить верность Евангельской Истине. И к нему призываются только те редчайшие избранники Божии, которые способны соделать жизнь свою беспрестанным мученичеством. Поэтому старец нашего времени уже самим фактом своего существования, в силу своей деятельности заслуживает глубокого почитания и сохранения памяти о нем со стороны всей Церкви Христовой, всего народа Божия.

Однако в случае оценки служения старца Николая Талабского (Залитского) ограничиться общей формулировкой не позволяет та громадная, исключительная сила воздействия, которую он имел на всех, приходящих к нему. Его уникальная духовная одаренность заставляет предполагать, что в его деятельности, помимо, так сказать, общестарческого, имелся какой-то иной аспект.

Действительно, явление отца Николая можно считать феноменом русской религиозной жизни конца XX столетия. В чем же его уникальность?

Русская церковная история знает великое множество примеров подвижников, достигших святости и совершенства, преподобных и праведных, еще при жизни совершавших различные чудотворения, главное из которых, пожалуй, – это способность совершать чудо преображения души человеческой. Велика заслуга этих людей перед русским народом. Они сыграли огромную роль в формировании русского самосознания и заложили основы народной совести. Но и сами они были, безусловно, «насаждениями», выросшими на русской «почве». Прежде всего, следует отметить, что они формировались и возрастали в меру христианского совершенства в спасительных рамках уклада русской жизни, отличавшейся, несмотря на изломы русской истории, чертами глубокой религиозности. Во-вторых, их подвижническая жизнь развивалась при непосредственном контакте с праведниками предыдущего поколения, передававшими им свой накопленный духовный опыт, через что сохранялась преемственность внутреннего умного делания.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, так как по единодушному мнению всех тех, кто деятельно проходил путь подвижнической жизни, без наставничества совершенно невозможно достичь полной победы над собой. «Кто хочет совершенно узнать путь, но не идет с знающим его совершенно, тот никогда не до-

Церковь свт. Николая Чудотворца на Талабске, где более сорока лет служил о. Николай

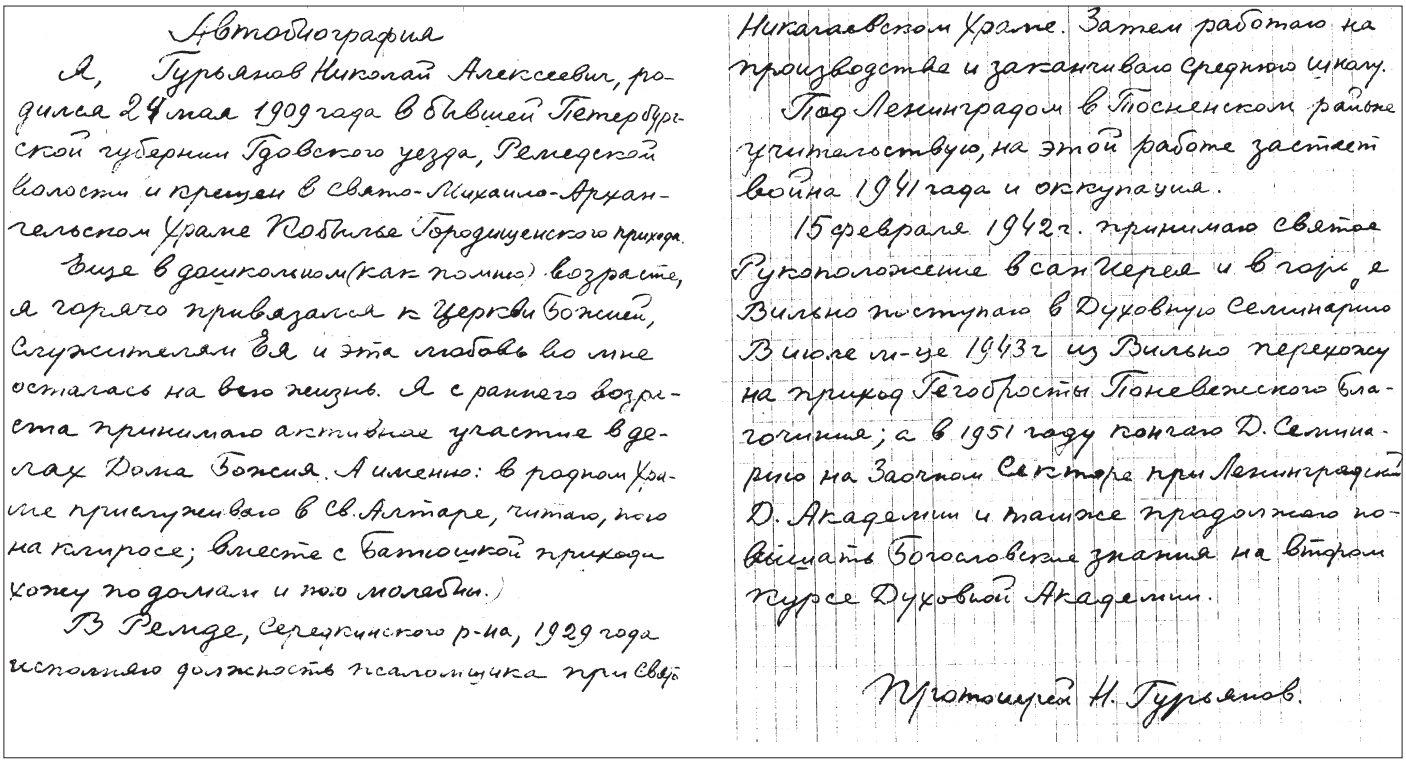

Это, без сомнения, незаурядный священник. Служит на острове как отшельник, православные христиане, священники, настоятельницы монастырей, студенты духовных школ, начинающие послушники и иподиаконы со всей страны едут за советом и благословением к Отцу Николаю... Действительно – это праведный и прозорливый старец.

Митрополит Псковский Иоанн

стигнет града небесного», – говорит прп. Варсонофий Великий. «Как достигнуть соединения с Богом без тайнонаучения, совершаемого тайнонаучителем истинным и духовно просвещенным?» – спрашивает прп. Каллист. И сам дает категоричный ответ: «Невозможно это. Поистине невозможно». Человек не может беспристрастно видеть себя и самостоятельно устанавливать для себя ту меру подвига, которая соответствует его устроению. «Всего труднее, – пишет свт. Василий Великий, – знать и врачевать самого себя, потому что людям прирождено самолюбие, и каждый, по пристрастию к самому себе, извращает истинный суд». Даже первый подвижник нашего отечества и родоначальник русского монашества прп. Антоний Печерский до своего поселения в пещере под Киевом много лет провел на Афоне, перенимая опыт иноческой жизни афонских отшельников и находясь под их неусыпным надзором. Итак, необходим либо высокодуховный наставник, либо отлаженный уклад монастырской жизни, приобщаясь к которому подвижник получает необходимые первоначальные навыки в борьбе с самим собой. Без соблюдения этих условий он рискует остаться в круге своих представлений о подвижничестве, всегда приблизительных и искаженных самолюбием и воображением.

Но как раз ни того, ни другого не было в жизни Залитского затворника. В этом смысле отец Николай оказался тем редчайшим исключением из общего правила, который не принято выставлять в качестве образца для подражания. Родился он 26 мая 1910 года в погосте Самолва Гдовского уезда Петербургской губернии в семье частного землевладельца. (По другим сведениям – 24 мая 1909 года в дер. Чудские Заходы Ремедской волости, Самолвинского прихода.) В 1926 году он закончил Гатчинское педагогическое училище, а в 1929 году получил неполное педагогическое образование в Ленинградском Покровском институте, из которого был исключен за то, что на собрании высказался против закрытия одного из близлежащих храмов. Некоторое время после отчисления из вуза батюшка исполнял обязанности псаломщика в церкви поселка Ремда, а в 1929 году был репрессирован и отправлен в ссылку, которую проводил на Украине, в одной из деревень Киевской области. Здесь он был осужден вторично, вероятнее всего, за продолжение церковной деятельности. Его отправили в Ленинградскую тюрьму, а оттуда – в Сыктывкар, в исправительно-трудовой лагерь. Выйдя из заключения в 1935 году, Николай работал учителем в школах Тосненского района, так как в Ленинградской прописке ему было отказано. Во время войны он не был мобилизован по причине болезни ног, которые повредил себе шпалами на работах в лагере. После того, как Тосненский район был оккупирован немецкими войсками, Николай вместе с другими жителями был угнан немцами в Прибалтику. Здесь, в оккупации, он принимает сан диакона 8 февраля 1942 года в Христорождественском соборе г. Риги, а через неделю – 15 февраля, на праздник Сретения, – он был рукоположен во пресвитера в том же соборе экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским). По принятии сана священника отец Николай был отправлен для служения в Свято-Троицкий Рижский женский монастырь, где прослужил до 28 апреля 1942 года. После этого он был переведен в г. Вильнюс и определен уставщиком при Свято-Духовском мужском монастыре. В обители батюшка принимает постриг в рясофор без перемены имени и готовится к постригу в мантию. (Сохранились фотографии этого периода, где батюшка запечатлен в клобуке и с четками, но без мантии.) Однако осуществить свое желание облечься в ангельский чин ему не удалось, и вот по какой причине. Его мантийное облачение, приготовленное для пострига, хранилось у игумении Нины (Баташовой), настоятельницы обители

Автобиография

Я, Гурьянов Николай Алексеевич, родился 24 мая 1909 года в бывшей Петербургской губернии Гдовского уезда, Ремедской волости и крещен в Свято-Михаило-Архангельском Храме Побылье Городищенского прихода.

Еще в дошкольном (как помню) возрасте, я горячо привязался к Церкви Божией, Служителям Ея и эта любовь во мне осталась на всю жизнь. Я с раннего возраста принимал активное участие в делах Дома Божия. А именно: в родном Храме прислуживал в Св. Алтаре, читал, пел на клиросе; вместе с батюшкой приходил кому по домам и пел молебны.)

В Ремде, Сергеевского р-на, 1929 года исполняю должность псаломщика при Свято-Никольском Храме. Затем работаю на производстве и заканчиваю среднюю школу.

Под Ленинградом в Тосненском районе учительствую, на этой работе застает война 1941 года и оккупация.

15 февраля 1942 г. принимаю святое Рукоположение в сан Иерея и в 1943 г. в Вильно поступаю в Духовную Семинарию. В июле м-це 1943 г. из Вильно переезжаю на приход Гегобросты Поневежского благочиния; а в 1951 году поступаю в Ленинградскую Семинарию на Заочном Секторе при Ленинградской Академии и также продолжаю повышать Богословские знания на втором курсе Духовной Академии.

Протоиерей Н. Гурьянов.

Автобиография протоиерея Николая Алексеевича Гурьянова. 1956 г.

св. Марии Магдалины. Эта небольшая женская община находилась в десяти минутах ходьбы от Свято-Духовского монастыря. (Батюшку связывали с игуменией Ниной узы духовного родства. Он часто и регулярно ездил и в советское время в обитель и проводил там духовные беседы с сестрами.) В одну из бомбежек города снаряд угодил прямо в корпус, где находилось приготовленное для пострига облачение батюшки. Корпус сгорел, сгорело и облачение. Отец Николай воспринял это как знак неблаговоления Божия к своему решению стать монахом и по смирению больше не дерзал предпринимать попыток постричься. В ноябре 1942 года священник Николай Гурьянов становится студентом пастырско-богословских курсов, открывшихся тогда же при Виленской семинарии. 16 июля 1943 года отец Николай получает назначение на должность настоятеля Никольской церкви села Гегобросты Поневежского благочиния Виленской епархии. В 1949-1951 годах батюшка обучался на заочном секторе Ленинградской Духовной семинарии, а в 1951 году был зачислен на первый курс академии, но, отучившись в ней заочно один год, продолжать далее обучение не стал. В 1958 году он принимает решение перейти в Псковскую епархию, в приход на остров Талабск (Залит), на котором и провел остальные сорок четыре года своей жизни. Об этом переходе поближе к родным местам настоятельно просила старца его мама Екатерина, которую батюшка беспрекословно слушался все годы своей жизни. Ему очень не хотелось расставаться с Гегобростами, но он подчинился воле матери, желавшей умереть на своей родине.

В этом перечне фактов его биографии мы не обнаружим ни длительного пребывания в обители, ни продолжительного окормления у опытного духовника. Следовательно, те благодатные дары, которые он заключал в себе, образовались в нем при непосредственном Божием водительстве. В истории Церкви были такие подвижники, которые достигали духовного преуспеяния без видимых руководителей. К ним относятся преподобные Павел Фивейский, Антоний Великий, Мария Египетская и другие. Эти люди, как утверждает прп. Паисий Величковский, «чудесне, по особому смотрению Божию, нарочне были позваны к такому житию, которое совершенным и бесстрастным единым приличествует и **ангельския крепости требует**».

Однако в феномене Талабского (Залитского) старца удивительно не только и, может быть, даже не столько это. Он сформировался и сложился как подвижник необычайной силы не только без необходимого руководителя, «чудесне, по особому смотрению Божию», но и в самый трагический период истории нашей Церкви, в тот ее момент, когда в стране была развернута беспримерная кампания по Ее ликвидации. К 1937 году практически все русские монастыри были разгромлены, иноки и инокини расстреляны или сосланы в лагеря, а то, что уцелело, поставлено под жесточайший контроль спецслужб. Этими действиями властей традиция монашеского делания была насильственно пресечена. Любые тайные попытки сохранить уклад монашеской жизни в условиях тоталитарного режима оказывались обреченными. И вот в это время разгула ужасов богоборческого строя, под самый корень подрубившего многовековое

древо русского Православия, в тот период, когда вся молодежь в стране с самого раннего детства проходила жесткую идеологическую обработку, когда по необъятным просторам России победоносно шествовали атеизм и безбожие, вдали от всех этих захвативших страну «мероприятий», на протяжении сменявших друг друга ударных пятилеток социалистического строительства, в стране, где беспощадно выкорчевывались остатки уцелевшей религиозности, промысл Божий взращивал ...старца – личность небывалого масштаба и исключительной силы духа. Для чего и для кого? Все это было тогда никому неведомо и составляло тайну Божию.

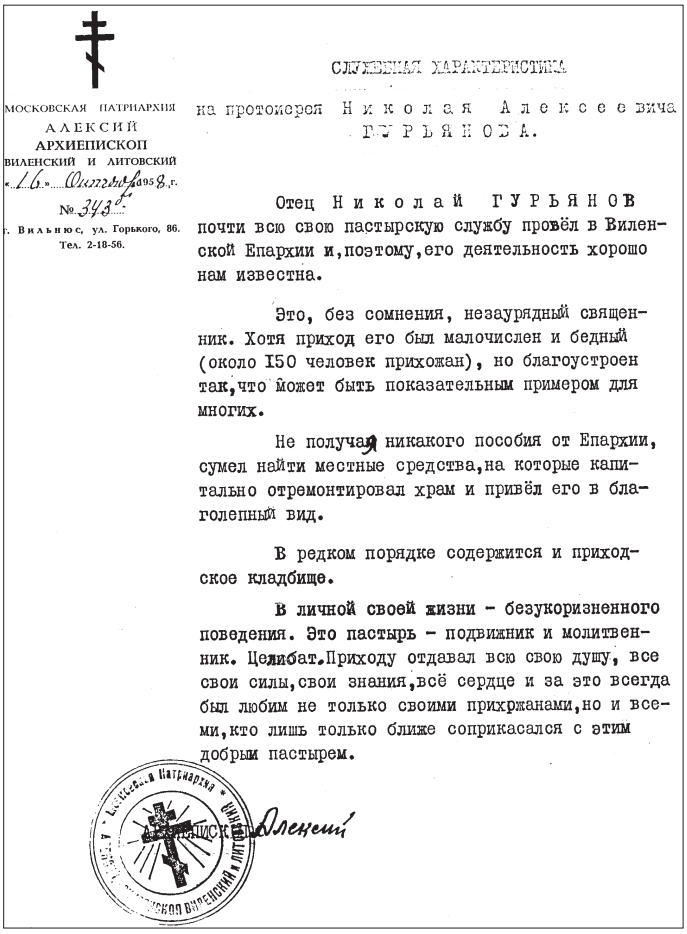
Интересно, что то, чем обладал Талабский старец в тот момент, когда о нем вдруг узнали и заговорили все, – бесстрастие, любовь, прозорливость, назидательность – было достигнуто им задолго до его выхода к народу. Пюхтицкая игумения Варвара, уже более тридцати лет возглавляющая знаменитую обитель, поведала в одной из бесед автору этих строк, что в ее бытность монахиней Виленского Свято-Духовского монастыря отец Николай как-то во время трапезы после праздничного богослужения сказал ей: «Матушка, а как вас сватать-то будут!» «Что вы батюшка такое говорите, – отвечала та, – я ведь в постриге, обет Господу дала». Но отец Николай повторил свое, как будто и не слышал возражения: «Как вас, матушка, сватать будут! Вы уж тогда не отказывайтесь». Через некоторое время Виленская монахиня стала Пюхтицкой игуменией и тогда уразумела, о каком сватовстве шла речь за праздничным столом. Но до положенного Богом срока старец пребывал в потаенном месте и в безвестности.

Время «обретения» старца, когда он распахнул двери своей убогой келии для всех нуждающихся, наступило вместе с падением советского режима. Этот год

Иерей Николай Гурьянов (справа). Виленский Свято-Духов монастырь. 1942 г.

был не только годом провозглашения демократических «свобод», но и годом начала второго крещения Руси. С этого момента Русская Церковь стала вбирать в себя громадное количество новообращенных. Начался быстрый и грандиозный рост вновь открывающихся приходов, духовных и воскресных школ, возрождающихся обителей. Облик городов и сел повсеместно украшался золотом восьмиконечных крестов. Появились лавки с

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
АЛЕКСИЙ
АРХИЕПИСКОП
ВИЛЕНСКИЙ И ЛИТОВСКИЙ
«16» Октября 1958 г.
№ 343
г. Вильнюс, ул. Горького, 86.
Тел. 2-18-56.

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
на протоиерея Николая Алексеевича
ГУРЬЯНОВА.

Отец Николай ГУРЬЯНОВ почти всю свою пастырскую службу провёл в Виленской Епархии и, поэтому, его деятельность хорошо нам известна.

Это, без сомнения, незаурядный священник. Хотя приход его был малочислен и бедный (около 150 человек прихожан), но благоустроен так, что может быть показательным примером для многих.

Не получая никакого пособия от Епархии, сумел найти местные средства, на которые капитально отремонтировал храм и привёл его в благолепный вид.

В редком порядке содержится и приходское кладбище.

В личной своей жизни – безукоризненного поведения. Это пастырь – подвижник и молитвенник. Целибат. Приходу отдавал всю свою душу, все свои силы, свои знания, всё сердце и за это всегда был любим не только своими прихожанами, но и всеми, кто лишь только ближе соприкасался с этим добрым пастырем.

Архиепископ Алексий

Иерей Николай Гурьянов. Рига. 1942 г.

Священник Николай Гурьянов. Вильно. 1952 г.

религиозной литературой, мастерские церковной утвари, периодические издания не только епархий, но даже отдельных приходов. Открылись благотворительные учреждения Церкви, заработали паломнические службы.

Все эти отрадные и радующие душу явления не могли, конечно, отменить закономерностей любого развития. Процесс роста всегда труден сам по себе, содержит в себе немало внутренних противоречий и всегда вызывает действие противостоящей силы. Нелегко было новорожденной пастве, появившейся в Церкви, утверждать в себе начала новой жизни. Слишком искалечены оказались люди предыдущими десятилетиями безбожия. Задача христианского возрастания, сама по себе требующая от человека немалого внутреннего напряжения, постоянства и терпеливости, безмерно усложнилась еще одним роковым обстоятельством: начавшимся безудержным распадом и разложением российской действительности. Всему новоиспеченному «хлебу» Русской Церкви, оказавшемуся в весьма неблагоприятных для дальнейшего роста условиях, для поддержания духа требовалась закваска совершенно особой силы. И, как думается, она была дана ему Господом, незримым Главой Церкви, в лице старца протоиерея Николая. На это указывает и необычное местопребывание старца – остров Талабск (Залит), и исключительный дар прозорливости, в нем обитавший, и необыкновенная назидательность его слов, облеченных в предельно лаконичную форму, доходивших до самых затаенных глубин души и вызывавших в ней коренные перемены. Поистине, он был теми «дрожжами», на которых всходила, всходит и еще будет всходить русская православная религиозность, тем Моисеем, который вел «новый Израиль» в «землю обетованную». Он был той духовной силой, которая проникала не только в души потянувшихся ко Христу людей, но и вчерашних коммунистов и нынешних либералов, и даже их заставляла благоговеть перед Богом. Возле него вся новокрещенная Россия, имевшая представление о праведности, в лучшем случае, по книгам, получила ясное, ощутимое представление о том, что такое православная святость.

Зачем люди ездили к нему? Он, казалось, ничего особенного и не говорил. Но от его дивных и неожиданных в своей простоте наставлений веяло какой-то высшей, небесной мудростью, и в них человек, несмотря на всю невзрачность и внешнюю невыразительность слов старца, безошибочно узнавал волю Божию, духовно прозревал, освобождаясь от плена приобретенных жизнью представлений, начинал в ином свете видеть путь своей жизни, вдруг осознавал свою неправду перед Богом, самим собой, другими людьми. Те, кто пережил это, уезжали с острова с чувством глубочайшей благодарности старцу за пережитое откровение, в результате которого в них открывались новые силы для дальнейшей жизни в Боге. При этом бесконечно поражало

Священник Николай Гурьянов с мамой Екатериной Стефановной (1889-1970). 1950-е гг.

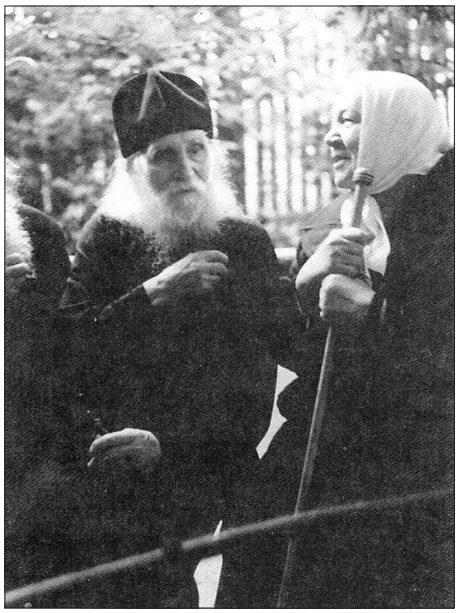
то, что каждому, невзирая на его возраст, профессию, социальное положение, нрав, характер, моральный уровень, он говорил то, что касалось сокровенной сути именно его жизни.

Его дивная прозорливость была очевидна для всех, кто к нему обращался. Когда я приехал к нему впервые (это было в 1985 году, когда я, как студент Педагогического института, проходил практику в школе), он с порога своего домика неожиданно спросил меня: «А ты выучил, как пишутся частицы «не» и «ни»?», давая этим мне понять, что и без моих пояснений знает меня. Потом, пригласив меня в домик, усадив за стол и поставив передо мной тарелку клубники с сахаром, он продолжил: «Значит, ты у нас филолог. А читал ли ты Достоевского?»

Он ясно видел прошлую, настоящую и будущую жизнь своих чад, их внутреннее устроение. Но как бережно он обращался с тем знанием о человеке, которое вручал ему Господь как Своему верному рабу!

За музицированием. Остров Талабск (Залит). Сзади стоит мама Екатерина Стефановна. 1960 г.

О. Николай и настоятельница Пюхтицкого монастыря игумения Варвара

Ведая всю правду о человеке, он не допускал ни одного намека, могущего ранить или задеть его самолюбие. В какую мягкую форму облекал он свои назидания! «Ты полегче», – таким советом встретил он моего знакомого, не успевшего еще и двух слов сказать, который усвоил себе несколько суровую манеру обращения со своей супругой. Так бывало часто и со многими: приезжая с одной целью, человек уезжал от него с тем откровением о себе и с тем уроком, которого вовсе не ожидал услышать и получить.

Любовь, снисхождение и долготерпение по отношению к ближнему были главными пунктами его наставлений. Раба Божия З. приехала к батюшке со своей печалью: ее невестка была неверна своему мужу. Отец Николай, разглядев ее в толпе приехавших, пригласил к себе в домик, посадил на стул и затем после паузы сказал ей: «Ты не разводи их, а не то будешь в аду мучиться». Женщина, не выдержав, расплакалась и потом долго хранила в своей душе урок любви, преподанный ей на острове. Впоследствии жизнь в семье ее сына наладилась.

Батюшка и сам был милостив и снисходителен к кающимся людям, приезжавшим к нему. Один посетитель, стоявший возле ограды домика старца и от стыда, его мучившего, не решавшийся не только обратиться к старцу, но и глаза на него поднять, услышал тихий голос отца Николая. «Поди, позови его», – сказал он своей келейнице. Та пригласила приехавшего к старцу, который помазывал его маслицем и все время приговаривал: «С тобой милость Божия, милость Божия с тобой...» И его гнетущее состояние растаяло и исчезло в этом луче батюшкиной любви. Однако тех, кто не имел в себе покаяния, старец мог встретить иначе. «Больше ко мне не приезжайте», – сказал он одному паломнику. Страшно было слышать такие слова от великого праведника.

Выполнение благословения, данного старцем, требовало от вопрошавшего человека самотреченности и самопожертвования, готовности идти против себя и своих хотений. Мой знакомый, получив от правящего архиерея престижное назначение в приход, находящийся в центре города, поехал за благословением на остров. Однако отец Николай велел священнику отправляться в другое место: в глухую деревню, где стояла огромная, поруганная и пострадавшая в годы гонений церковь, требующая больших капитальных вложений, где не было никакого жилья и где весь наличный приход исчислялся пятью старушками. Но если человек находил в себе силы следовать тому, что говорил ему старец, то впоследствии, с годами, получал от этого громадную духовную пользу. Нарушение же данного благословения всегда оборачивалось для вопрошавшего тяжелыми последствиями, о которых он потом горько сожалел. Бывали и такие среди приезжавших, которые, получив конкретное благословение, потом меняли свое решение и опять докучали старцу просьбой благословить их «новый вариант». «Живите, как хотите», – ответил батюшка однажды одному из таких просителей.

Батюшка был великий любитель простоты. «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного», – повторял он любимую поговорку прп. Амвросия Оптинского. Однажды он целой толпе собравшихся преподал выразительный урок простоты, не сказав при этом ни единого слова. Когда он вышел ко всем приехавшим и столпившимся вокруг его крылечка, то народ затрепетал от появления старца. Затем легкое нетерпение пробежало по собравшимся. Каждому хотелось поскорее поговорить о своем, каждый, не замечая соседа, свое считал наиболее важным и значимым. Но старец молчал. В это время мимо калитки шел местный рыбак лет пятидесяти, погруженный в свои повседневные и нехитрые думы. Батюшка вдруг позвал его по имени. Рыбак остановился, снял головной убор и пошел к отцу Николаю. Старец благословил рыбака, на лице которого засияла добродушная улыбка. После этого рыбак нахлобучил шапку на голову и направился к калитке. Эта немая сцена продолжалась не более двух минут. Но многие поняли ее смысл. Старец как бы говорил собравшимся: «Найдите простоту в отношении к самому себе, и обретете благословение».

Многие испытали на себе громадную силу обличительных слов отца Николая. Он умел сказать незамысловато и бесстрастно, но в то же время с поразительной точностью и глубиной, так что слово его проникало в самые затаенные и укромные места души человеческой. Помню, как-то раз я собирался к нему. Об этом узнал мой давнишний знакомый по семинарии С., человек своенравный и упрямый, проводивший жизнь не во всех отношениях безупречную. «Спроси его о моем будущем», – попросил меня С. И старец указал ему на его будущее. «А С. передай, – проговорил мне батюшка

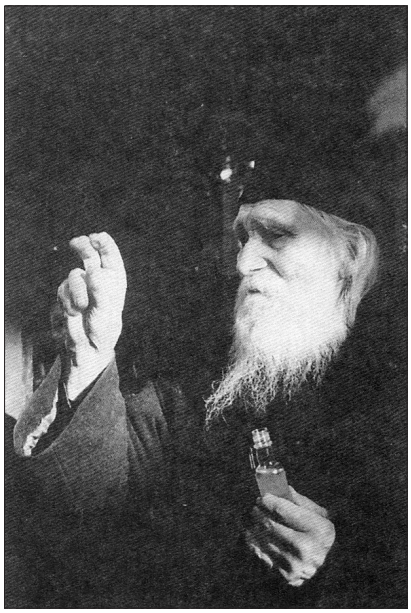
в конце встречи, – что он перед Богом отвечать будет». Когда потом по телефону я воспроизвел эти слова старца, то они вызвали у С., человека абсолютно «несентиментального», кратковременную потерю дара речи. В телефонной трубке наступило безмолвие. Слышен был только легкий потрескивающий фон аппарата. Казалось, что человек на том конце провода совсем куда-то исчез. Испытывая неловкость за то, что случайно узнал чужую тайну, я прервал это бесконечно затянувшееся молчание возобновлением разговора. Помню и другое. Привезла к отцу Николаю на остров одна женщина высокопоставленного чиновника из Москвы в расчете на то, что благословение старца поможет ему продвинуться еще выше. «Благословите его, батюшка», – попросила она, подводя к отцу Николаю своего «протеже». Старец взглянул не на него, а как бы сквозь него, и без долгих предисловий и обиняков неожиданно сказал: «Да ведь это вор». Пришибленный и пристыженный чиновник, за давностью лет забывший, что такое укоры совести и привыкший из своего рабочего кресла смотреть на жизнь сверху вниз, вышел из келии старца в состоянии подавленном и растерянном.

Старец обладал тонким чувством юмора и иногда свои обличения облекал в довольно своеобразную форму. Приехал к нему однажды один господин, имевший страсть вкусно, разнообразно и обильно поесть. «Приходите ко мне в шесть часов вечера, – велел ему отец Николай и после паузы неожиданно прибавил: – мы с вами ...пожрем». В шесть часов господин стоял возле дверей кельи старца, из-за которой доносился запах жареной картошки. Постучав в дверь, посетитель громко сказал: «Батюшка, я пришел». Спустя некоторое время из-за закрытой двери раздался голос старца: «А я никого не жду». Постояв немного, обескураженный господин вышел за ограду домика.

Никто доподлинно не знает, какие подвиги нес отец Николай на острове. Он скрывал это от всех, близко никого к себе не подпускал и сам за собой ухаживал, за исключением последних десяти лет, когда уже не мог этого делать. В последнее время ему очень трудно было переносить свою немощь. Видя, как старцу не только тяжело говорить, но даже сидеть, как при этом он напрягает свои последние силы, я как-то участливо сказал ему: «Батюшка, вам бы полежать...» Отец Николай, не поднимая опущенной головы, ответил: «Лежат только лентяи». В другой раз на такое же сочувственное предложение отдохнуть, исходившее от другого лица, он заметил: «Отдыхать – это грех». По этим скупым замечаниям можно отчасти предугадать меру его телесного подвига.

Талабск (Залит). Богомольцы возле дома старца

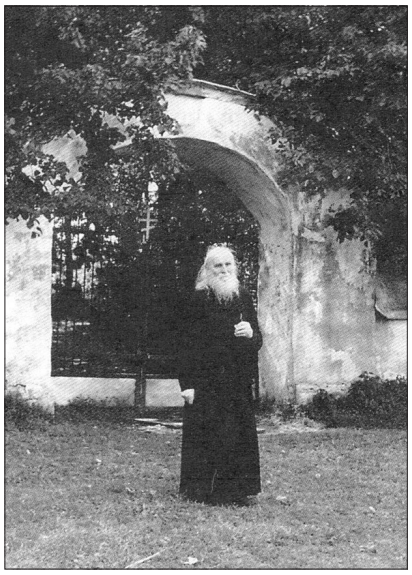
Всех паломников батюшка благословляет и помазывает святым маслом

Батюшка был человеком глубочайшей веры и ни на секунду не сомневался в Божием покровительстве, распростертом над каждым верующим человеком и над всей Церковью в целом. «Все будет так, как вам надо», – часто говорил он боязливым людям, как бы говоря, что никакие обстоятельства не властны над христианином, если в нем есть подлинная, несомневающаяся вера. В старце не было и мельчайшей части той болезненной истерии, которой охвачены и одурманены сегодня многие в Церкви. Эта истеричность, порождаемая нашим безверием, нагоняет на нас пустой страх и заставляет нас энергично бороться с какими угодно химерами, только не с подлинными врагами нашего спасения. Одному молодому человеку на вопрос: «Будет ли война?» батюшка дал поразительный ответ. Он сказал: «Об этом не только спрашивать, но и думать не должно». Вдумываясь в этот ответ, невольно вспоминаешь евангельское: «Сын Человеческий, придя на землю, найдет ли веру на земле?»

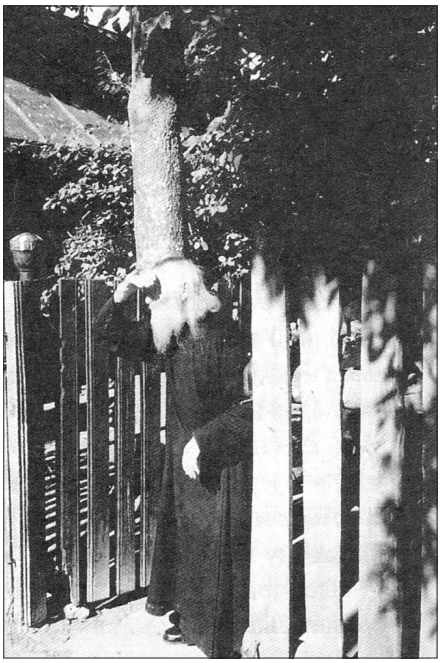
К Талабскому (Залитскому) подвижнику ездили не только со всех концов России, но и со всех концов земного шара. Иногда он сам являлся людям со словами утешения, назидания, обличения. Для него, казалось, не существовало пространственных и временных

ограничений, как будто бы он жил в другом измерении и в другом теле. Я сам был свидетелем таких случаев. Приведу лишь один пример. Второй дирижер Чикагского симфонического оркестра, приехав в Петербург на гастроли, побывал у старца на острове и поведал ему свои опасения: накануне поездки его супруга попала в автомобильную катастрофу, и у нее случился выкидыш. Это вызвало тревогу в душе супруга и мрачную мысль, что в этих событиях надо видеть неблаговоление Божие к браку. Старец утешил приехавшего музыканта и сказал, что опасения напрасны. На следующий день счастливый супруг позвонил в Америку, чтобы поделиться радостью с женой. «Я все знаю», – ответила с того конца провода его супруга. «Откуда?» – спросил ошеломленный дирижер. «Он приходил ко мне в тонком сне ночью со словами любви и ободрения». Таких случаев было в его жизни великое множество. Не подлежит сомнению, что он оказал мощное воздействие на сознание сегодняшнего православного христианина, на новое поколение церковного народа. Простая память о нем сегодня во многих поддерживает веру, укрепляет душу. Сам факт существования такого человека для многих является той незримой и, может быть, не вполне осознаваемой нитью, которая соединяет их с Богом и вековечной традицией Православия.

Он был ровесником века и пережил все страшные катаклизмы русской и мировой истории XX столетия: октябрьскую революцию, гражданскую войну, коллективизацию, репрессии сталинского времени, вторую мировую войну, хрущевские гонения... Бурное и жестокое время, сломавшее не одну судьбу и привнесшее громадные перемены в сознание людей, не смогло повлиять на идеалы его души: несмотря на стремительный водоворот истории, которым и он, как человек своего времени, был захвачен, эти идеалы остались неподвижными и неколеблемы никакой внешней силой и, пожалуй, в результате пережитого еще глубже

Талабск (о. Залит). О. Николай у ворот кладбища

Глаза могут устать, но духовный взор старца проникает в самую душу и сердце приходящего к нему

вросли в тайники его боголюбивой души. Его внутренняя «клеть», выстроенная на фундаменте евангельских заповедей, выдержав все удары извне, оказалась сильнее всех ужасов времени и безмерно возвысилась над веком сим. В этом смысле его удивительная жизнь может быть примером для всех тех, кому кажется, что в условиях апокалиптического конца нет никакой возможности во всем и до конца соблюсти верность Богу.

24 августа 2002 года старец Николай завершил свою высокую, исключительную миссию и ушел от нас к вечному покою. Один Бог ведает, какого неимоверного, нечеловеческого напряжения исполнена была эта жизнь, которой Он предуготовил особую роль – свидетельствовать истину о Христе людям, отлученным от Бога и Его Церкви, на самом закате XX, страшного по своим историческим событиям, столетия. Несомненно, что после кончины Талабского подвижника Церковь наша вступает в какую-то новую фазу своей истории. Многих страшит эта будущность без праведника. Однако без боязни впасть в ошибку можно сказать следующее.

Велик тот народ, который и в апостасийной действительности рождает таких людей, которые своим духовным масштабом напоминают подвижников первых веков христианства. И не может быть, чтобы у народа, до неузнаваемости изуродованного жестокими «экспериментами» XX столетия и все-таки не утратившего способности рождать таких людей, а главное – усваивать их духовные уроки – не было своего, особого в будущем предназначения.

Иеромонах Нестор (Кумыш)

Прощание
с новопреставленным протоиереем
Николаем Гурьяновым

Выражаю Вам, священнослужителям и духовным чадам покойного батюшки отца Николая – Наше соучастие в постигшей всех нас утрате – кончине старца, молитвенника и пастыря отца Николая Гурьянова.

Его кончина – огромная утрата для тех, кто духовно окормлялся у покойного батюшки и укреплялся его святыми молитвами.

Да упокоит Господь душу почившего; протоиерея Николая в Обителях Небесных, и в этой молитве все духовные чада старца, да найдут утешение и силы перенести невосполнимую утрату непосредственного общения с дорогим батюшкой, памятуя слова Апостола Павла: «Не скорбите, как прочие, не имущие надежды...» (I Фес.4,13). Наше упование и наша надежда в Боге, вере и молитве, которая объединяет и соединяет нас с теми, кого Господь призвал к Себе.

Молитвенно даю покойному старцу и молитвеннику последнее целование с молитвой о упокоении его светлой души там, где нет болезни, печали и воздыхания, но жизнь бесконечная.

25 августа 2002 года

Патриарх Московский и всея Руси *АЛЕКСИЙ II*

Талабск.
Сорок дней со дня кончины старца

В.Н. Лялин

ИЗГНАННИЦЫ

Полковник Дроздов, бывший начальник жандармского управления города Баку, был расстрелян чекистами без суда и следствия в ночь на пятнадцатое июля.

– Был полковник, а стал покойник, – сказал чекистский расстрельщик Сенька Грач, передернув затвор винтовки и циркнув слюной через щербатый зуб в сторону лежащего под стеной трупа.

– Тебе, Сенька, человека убить – все одно, что муху прихлопнуть, – закуривая, сказал чернявый в кожаной куртке большевистский комиссар.

– Пхе, это, товарищ комиссар, не человек, а белая контра, и поэтому никаких последствий для моей одесской совести нет.

А дом, где с семьей жил полковник Дроздов, уже грабила местная босота. Жену, сына и дочь еще раньше увели вооруженные чекисты, и в доме хозяйничали все, кому не лень. Окна и двери были распахнуты настежь, и через них выкидывали и выносили во двор мебель и все «буржуйские вещи», как сказала одна грабительница.

Младшая же дочь полковника, Варенька, была заблаговременно уведена и спрятана у надежных людей своей горничной Ксюшей.

Пожалуй, Варенька – двадцатилетняя красавица, невеста гусарского ротмистра князя Волкова, до сего дня счастливейшая девушка с живым веселым характером, ныне осталась одна из всей семьи Дроздовых. Большевистские отряды, захватив Баку, свирепствовали, подсекая под корень дворянское сословие, бывших царских чиновников и церковное духовенство. На следующий день утром пришла Ксюша и принесла своей барышне узел с одеждой для простолюдинки. Они вместе помолились перед иконами, потом пили чай. Варенька еще не знала о том, что вся ее семья погибла, но на сердце у нее была тяжесть, и все помыслы были только о родных.

С.-Петербург. Монахини Иоанновского женского монастыря во главе с игуменией Ангелиной. Фото 1902 г. С 1923 г. по конец 1930-х гг. им предстоит жить изгнанницами при различных храмах Петербурга и на квартирах в городе и его окрестностях

Но Ксюша все знала, потому что с утра пошла справиться в городское чека о судьбе своих хозяев. Ее там приняли приветливо и даже поздравили с тем, что она освободилась от своих паразитов – эксплуататоров, а потом, посмотрев в толстую амбарную книгу, сообщили, что полковник и его семья пущены в расход как враги революции и трудового народа. Вареньке же Ксюша сказала, что ее родные вывезены в Россию и сидят где-то в тюрьме. А отец перед разлукой строго наказал Вареньке не объявляться властям и немедля бежать из Баку. Хозяйка квартиры, старая гречанка Мелания, помогала Вареньке переодеваться, говоря ей:

– Ты, милая барышня, платком-то обвяжись, надвинь его пониже на глазки, да и рот им прикрой. Такую красоту твою надо спрятать, скрыть, чтобы лихой человек не высмотрел ее, чтобы этот Божий дар чудный не сгубил тебя по дороге. Да ручки твои белые почаще пылью натирай и не мой их.

На следующий день, рано утром, Варенька распрощалась с Ксюшей. Та дала ей бумагу, заверенную еще царским чиновником рекомендацию от хозяев, что Ксения Захарова – честная, добросовестная прислуга и может служить горничной и на кухне.

– Вот вы, милая барышня, в случае чего покажите эту бумагу властям вместо паспорта, и как-нибудь сойдет.

И Варенька пошла по горячим пыльным дорогам Закавказья. И Господь хранил ее от всех врагов, пока она шла по тюркским землям. На ночлег в селениях она просилась к русским семьям, а если таковых

не оказывалось, то устраивалась на ночь в рощах и на виноградниках. Добрые люди давали ей хлеба, а вода здесь была на каждом шагу, из горных холодных источников. Это была мусульманская страна, и в селениях она видела только белые мечети и постоянно слышала призывное пение муэдзинов, взывавших с минаретов к народу, чтобы не забывали совершать уставной намаз. Но вот, в одном городке к своей великой радости она увидела православный храм.

Святая равноап. Нина – просветительница Грузии. Икона конца XX века

Ветхий старичок-священник с матушкой ласково приняли ее, накормили и уложили спать. Утром она была на службе в церкви. Исповедалась, причастилась. На исповеди батюшка внимательно выслушал и пожалел ее и дал совет идти в православную Грузию, и остановиться около городка Сигнахи, где есть женский монастырь, и там спасаться до лучших времен. На границе с Грузией, на «Красном мосту», ее остановила грузинская стража и, повертев в руках и так и сяк ее бумагу, пропустила в благословенную православную страну.

Когда Варенька добралась до городка Сигнахи, солнце уже клонилось к закату. Достав рубинового стекла лампадный стаканчик, она напилась из горного родничка холодной воды и, расспросив людей, направилась в селение Кидели, где был монастырь. Дорога шла под уклон, изгибаясь по основанию горы, поросшей мелким кавказским дубняком, кустарниками ежевики и лавровишни. По другую сторону дороги был глубокий откос, и там, внизу, в буйстве зелени поднимались к солнцу мощные платаны, темно-зеленые кипарисы и пирамидальные тополя. Слева под горой уже были видны трехэтажные массивные монастырские корпуса и белая многоярусная колокольня храма во имя Великомученика Георгия. Навстречу из-за поворота дороги вышел босой странник. Это был седой лохматый старик с красными воспаленными веками глаз, в черном засаленном подряснике, через дыры которого виднелись железные цепи, опоясывающие тело. Он показал клюкой в сторону монастыря, похлопал себя руками по бокам и прокричал хриплым голосом:

– Курка кудахчет, а уже в супе, а цыплят коршун унес. Плачет Рахиль о детях своих и не может утешиться, потому что их нет.

Поднимая ногами тучи пыли, он, звеня веригами, обскакал вокруг Вареньки и побежал дальше, унося с собой тяжелый дух пота, грязного тела и чеснока.

Когда она подошла к монастырю, то не увидела обычного благочиния и спокойствия, какие бывают в монастырях. В раскрытых окнах везде были видны обвязанные бинтами солдаты, курящие цигарки, слышались звуки гармошки и бренчание по струнам грузинской пандури. Во дворе стояли кони, телеги, санитарные фуры. Посреди двора лежал срубленный на дрова для кухни красавец кипарис. Густо дымила полевая кухня, и усатый кашевар, ворочая в котле громадной поварешкой, засыпал туда желтое пшено.

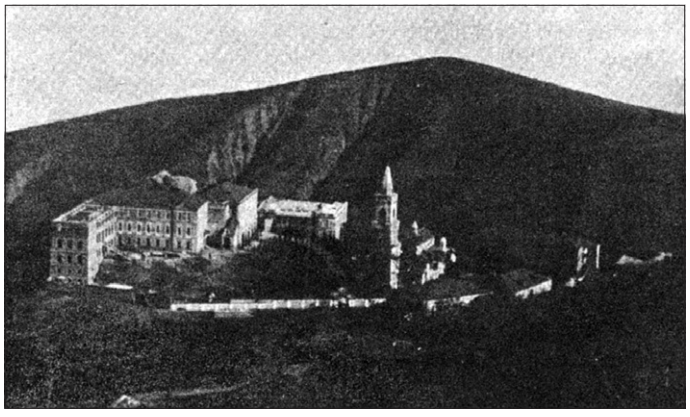
Варенька остановила скачущего на костыле красноармейца и спросила:

– А где же монахини?

Черный айсор осклабился на красивую девушку и, показывая ослепительно белые зубы, махая рукой, закричал:

– Монашка совсем бежал! Здесь, значит, лазарет! Ходи мала-мала на кладбищь, там несколько штук монашка живет.

За древним храмом Великомученика Георгия находилось старое грузинское кладбище, обнесенное каменной оградой. У этих каменных стен непроходимо разрослись кусты дикой розы, терновника, барбариса и лопухи татарника. Среди этих колючих зарослей жило и размножалось множество мелких грызунов, время от времени оттуда выползали греться на могильных камнях крупные пестрые змеи. Местами заросли были расчищены, и к забору жались маленькие глинобитные келии, в которых ютилось с десяток изгнанных из монастыря монахинь. Около келий никого не было видно, и Варенька в недоумении остановилась, оглядываясь

Бодбийский св. равноап. Нины женский монастырь в б. Сигнахского уезда Тифлисской губ., основанный Императором Александром III в 1889 г. Здесь 16 столетий почивают мощи св. равноап. Нины

кругом. Солнце уже скрылось за горами, стало темнеть, и на бледном сумрачном небе стали появляться неяркие звезды. Грустно закричала ночная птица-сплюшка: «Сплю, сплю, сплю». Затрещали в траве цикады, и легкий ветерок пробежал по вершинам деревьев. В остальном все было тихо: кладбище есть кладбище. Варенька за день очень устала и присела отдохнуть на теплую, разогретую солнцем надгробную плиту. Темнота сгущалась, и в окнах келий засветились огоньки. Эти огоньки словно бы звали к себе, и Варенька встала и подошла к ближайшей келии. Перекрестившись, она тихо постучала в двери. За дверью послышался кашель и шаркающие шаги. Открыла пожилая невысокая монахиня с темным апостольником на голове и наперсным крестом на груди. Это оказалась игумения Марионила. Варенька перекрестилась и попросилась на ночлег. Хозяйка широко открыла дверь и пригласила странницу в келию. Келия была маленькая, с глиняным полом, с маленькой железной печуркой посредине, сбитым из досок топчаном, полкой для посуды и висящим на стене под простыней монашеским облачением. В святом углу виднелись большая икона Спасителя, образа Иверской Божией Матери, Николы Чудотворца и святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Перед иконами теплилась лампадка, и стоял узкий аналой с раскрытой славянской Псалтирью. Игумения по древнему восточному обычаю сама омыла ноги страннице, несмотря на ее протесты. Когда гостья сняла с головы платок и золотистые волосы волнами упали на плечи и спину, игуменья, всмотревшись Вареньке в лицо, ахнула:

– Да какая же ты красавица, дева! Кто ты и откуда? Но сначала садись к столу и поешь, что Бог послал.

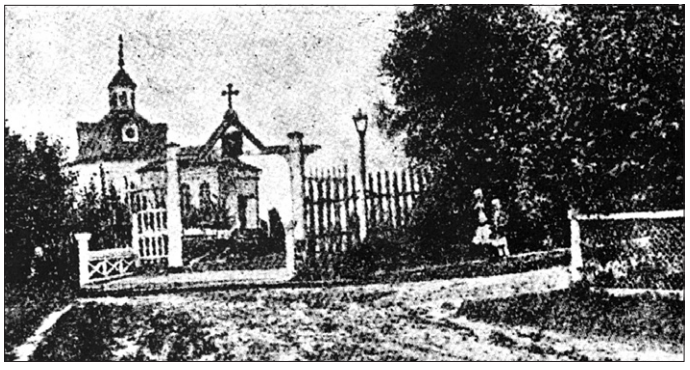
Она поставила на стол миску с холодной кашей, кусок грузинского хлеба – пури, сыр-сулугуни и кружку с чистой холодной водой. Пока Варенька ела, игумения всматривалась в ее нежное белое лицо, в большие голубые глаза, перебирала пряди золотистых волос, бормоча про себя:

– И создаст же Господь такую красоту. Поужинав, Варенька рассказала все о себе, о своей прошлой жизни, об аресте семьи и своем бегстве из Баку. Игумения, слушая, вытирала набегавшие слезы.

– Мне казалось, по малодушию моему, – говорила Варенька, – что все в жизни прочно, и всегда так будет, а того я не знала, что в этом мире нет ничего прочного. С милым женихом мы уже были обручены, а где он теперь, я даже и не представляю себе. Видно, навеки мы с ним расстались.

– Не горюй, девонька, все мы здесь изгнанницы и все обручены Жениху Небесному – Христу. Наш монастырь древний, с восьмого века, во имя святой Нины. В нем сестер было до двухсот, да в училище еще было 120 девочек. Сам Император Российский Александр III опекал наш монастырь. На открытие второго храма сама Императрица приезжала к нам. При монастыре были две школы для девочек, мастерские, где их обучали разным ремеслам: живописи, ковроткачеству, швейному делу, огородничеству, виноградарству. Все у нас было. В храмах беспрестанно шли службы, читалась неусыпаемая Псалтирь. А сейчас большевики монастырь разорили, обокрали, все поломали, изгадили, сестер разогнали. Нас осталось всего десять старых монахинь, которым некуда деваться. Вот и живем здесь, на кладбище. Да и слава Богу за все! И ты живи с нами пока. Мы тебя укроем от злодеев, а там – что Бог даст. Здесь нас никто больше не тревожит. Про нас все забыли, и никому мы не нужны, кроме Господа Иисуса Христа. Бывают у нас и церковные службы. Служит грузинский батюшка, отец Мелхиседек, и раза два в месяц из Цители-Цкаро приезжает русский иеромонах, отец Василиск. Он и окормляет нашу общинку, а я – игумения общинки. Вот и все, что осталось от богатого и славного монастыря. Монастырь наш был общежительный. В нем и трапеза, и все достояние было общее. Ну, а теперь наша общинка – своекоштная. Каждая монахиня о своем пропитании заботится сама. Прихожане здесь – грузины, но есть и местные русские люди, поэтому служба в храме идет на грузинском и русском языках. А по будням мы все собираемся в келии-часовенке и там молимся. Вот, девонька, сейчас ложись спать, а в 12 часов ночи я тебя подниму, и будем читать «Полунощницу». Пока будешь у нас послушницей. Я тебе дам черное платье и черный платок. Да завязывайся платком получше, чтобы лица твоего не было видно. Уж больно ты красива, не обидел бы кто тебя здесь. Рядом-то совсем дикие солдаты-большевики, да и грузинские мужики очень охочи до русских блондинок.

На следующий день в храме правил службу грузинский священник, отец Мелхиседек. Был праздник – «Казанская». В этот день на клиросе пели все монастырские сестры. Пели хорошо, согласно, жалостным монастырским распевом. Пели по-русски: «Господи

Женский монастырь во имя иконы Божией Матери «Отрада и Утешение»», основанный игуменией Софией (Гриневой). Большинству сестер этой обители в XX веке суждено будет стать изгнанницами

пом-и-и-луй». И по-грузински: «Упалоше ми цале, Упалоше ми цале..».

Народу в храме стояло много, все больше грузинские крестьянки, которые молились по-восточному бурно, со слезами и воплями, воздевая к иконам руки. Были и русские, и даже несколько красноармейцев. После службы Варенька зашла в правый придел и приложилась к чудному, из белого резного мрамора надгробью Святой Равноапостольной Нины.

Матушка Марфа – ветхая худенькая старица – была в великой схиме. Она имела дар молитвенных слез – большая молитвенница и постница. Ей было предсказано свыше о времени и дне ее кончины, и посему в келье был уже приготовлен некрашеный гроб с черным крестом на крышке, и в дальнем углу кладбища вырыта могила, прикрытая досками. Ее келейница – матушка Мария – была у нее в послушании и вела хозяйство схимницы. К матушке Марфе часто приходили окрестные крестьянки за наставлением и советами, оставляя у Марии корзины с приношениями, которые матушка Марфа раздавала сестрам.

Матушка Елизавета – еще крепкая жилистая старуха – несла послушание по заготовке для общинки дров, которые на себе таскала из леса. У нее хранились частично спасенные от разграбления и уничтожения церковные сосуды, священнические ризы и богослужебные книги. Она же знала, как построить новую келию или поправить старую. Хорошо знала Богослужебный устав и на клиросе была канонархом.

Матушка Олимпиада, как и Марфа, тоже была в великой схиме. Пожилая, полная, всегда с улыбкой на добром лице. У нее был какой-то благодатный легкий характер, исполненный любви ко всему сущему. Двери и окна ее келии с самой весны были открыты, и залетавшие в них ласточки свили в келии под потолком несколько гнезд и даже выводили птенцов. И матушка уже не обращала внимания на беспрерывное мелькание перед глазами прилетающих и улетающих птиц. Господь ей дал редкий дар прозорливости. Она предсказала грузинке, что младший ее сын утонет. Мать не пускала его на реку, а мальчонка утонул в громадном кувшине из-под вина, врытом в землю и наполненном водой. Другой грузинке она сказала, что у нее под кроватью поселилась змея. И действительно, муж грузинки в тот же вечер убил эту змею. Она же предсказала, что коммунисты продержатся почти до конца века, а потом уйдут в преисподнюю, так же неожиданно, как и появились.

И к ней, как и к Марфе, всегда шел народ за наставлением и советом, и оставленные приношения она тоже раздавала сестрам.

Матушка Фомаида была слепой от рождения. Сестры приходили к ней по очереди читать Псалтирь, жития святых и Библию, в то время как Фомаида, быстро мелькая спицами, вязала на всю общину шерстяные

Игумения София (Гринева), († 22.03.1941), основательница обители «Отрада и Утешение», позже настятельница Киевского Покровского монастыря. Окормляла сестер многих закрытых обителей в России и на Украине

носки и кофты. Были у нее заказчицы и из соседних сел и городка Сигнахи, которым она, в свою очередь, рассказывала то, что слышала от сестер. Научившись по слуху, матушка Фомаида пела на клиросе по памяти нежным, приятным голосом.

Матушка Иулиания была строга, великолепно знала Церковный устав и на клиросе значилась голосовщицей или, как теперь говорят, – регентом. Она была великая молитвенница и постница и достигла силы запрещать бесам. Поэтому ее часто приглашали в крестьянские дома, если что-то по этой части там было нечисто.

Прошло время, и из монастырских корпусов ушел военный госпиталь. В округе стало спокойнее и безопаснее. В корпусах теперь обосновалась районная больница. Варенька, которая несла в общине послушание быть всем слугой, пошла работать санитаркой в больничную аптеку. Мать игумения благословила ее на это послушание, так как там давали продуктовый паек и небольшую зарплату.

Прошла зима, с гор в долины ручьями сошел снег, но советская власть не сошла вместе с ним, наоборот, еще больше укрепилась. Раза два в монастырскую общину приходила милиция. Монахини подносили веселым усатым милиционерам вина. Они пили за здоровье монахинь и во славу Святой Нины и, не обнаружив ничего подозрительного, уходили с миром.

А сегодня игумения имела с Варенькой длительный разговор о постриге в рясофор. Варенька так втянулась в ритм монашеской жизни, что ничего не имела против пострига. Она чувствовала, что осталась на свете одна-одинешенька. Что было раньше, она старалась не вспоминать, потому что это вызывало тоску и душевную боль. Наводить какие-либо справки о семье игумения не благословляла, так как это было опасно. Отец Вареньки, жандармский полковник Дроздов, однажды участвовал в аресте опасного государственного преступника Иосифа Джугашвили, который теперь стал верховным

правителем СССР. И если бы кто из местных властей узнал, что она дочь того самого полковника, то Вареньке было бы не сдобровать.

В назначенный день постriга Вареньки из Цители-Цкаро приехал иеромонах Василиск. Он исповедал ее, поговорил с ней и хотел было начать постриг, но Варенька вдруг встрепенулась, схватила его за руку и попросила немного обождать. Она выбежала из храма, обогнула кладбищенскую ограду и спустилась в глубокий овраг, где протекала горная речка. Там она встала на плоский камень, и, дыша полной грудью, смотрела на чистые хрустальные струи, смотрела, как в речке играет пятнистая форель, смотрела, как из леса вышла горная коза и напилась воды, а в небе над ней проплывали белые облака, и кружили орлы. Затем девушка вынула из кармана завязанное в платочек золотое обручальное кольцо, взглянула на него, прижала к губам и опустила в быстрый поток. Блеснув золотой рыбкой, кольцо сразу же ушло на дно. С ним ушли все молодые надежды на счастье, воспоминания о разлуке с милым, гонении, странствовании и обо всем-всем, что было. Как пели гусарские офицеры:

«Все, что было, все, что мило, все давным-давно уплыло». Она вернулась в храм, и иеромонах Василиск в присутствии всех сестер совершил монашеский постриг, оставив ей имя Варвара.

Вошла во храм дворянка, невеста ротмистра князя Волкова Варенька, а вышла из храма смиренная инокиня – невеста Христова матушка Варвара. После трудов в аптеке, где она до одурения делала порошки и мыла аптечную посуду, матушка Варвара несла еще послушание в храме у свечного ящика. Храм пока еще власти не закрыли, хотя неоднократно пытались это сделать. Но горячий грузинский народ не давал закрыть свой храм, который был национальной святыней. Храм был очень древним, ему было около 1700 лет. В горах обычно темнеет рано, и в древнем храме с крохотными оконцами, в сумраке, окрашиваемом только трепетными огоньками горящих перед иконами свечей и лампадок, какие-то тени загадочно играли на стенах и стояла удивительная тишина. В будни к вечеру народа здесь почти не бывало. И каждый раз, когда храм пустовал, матушка Варвара сподоблялась видения Святой Нины, которая являлась в мантии с посохом, медленно обходила храм и скрывалась в стене правого придела, где под спудом покоились ее мощи. Варвара об этом никому не говорила, даже самой игумении, потому что сама сомневалась, было ли это хождение с посохом на самом деле или это была только игра теней от трепетных свечных огоньков на сквозняке. Однажды, когда матушка Варвара особенно устала от аптечных трудов и, задумавшись, сидела за свечным ящиком, она внезапно увидела в храме синие вспышки света, переплетающиеся зигзаги молний и медленное неясное просветление церковного пола. Каменные плиты становились прозрачными как стекло. И перед ее глазами открылось удивительное подполье – усыпальница со стенами, украшенными древней цветной майоликой с цветами неземной красоты, корсунскими крестами и ликами херувимов. На высоком каменном ложе, покрытом ветхой золотой парчой, вечным сном спала святая равноапостольная Нина, просветительница Грузии и другиня Божией Матери. Нетленная, с бледным прекрасным ликом, с сомкнутыми апостольскими устами, в мантии из голубого виссона, левой рукой прижимающая к сердцу Святое Евангелие, украшенное яркими кроваво-красными лалами, а в правой держащая чудотворный Крест, сплетенный из виноградной лозы – дар Пресвятой Богородицы. Вкруг каменного ложа стояли три высоких золотых светильника с горящими и несгорающими свечами. Из усыпальницы поднимался к церковному куполу и распространялся по всему храму чудный аромат, несказанное благоухание. Затем все стало темнеть, и видение, потускнев, исчезло. И опять во мраке мелькали только огоньки лампад. Матушка Варвара очнулась и не могла сразу понять, то ли это было во сне, то ли наяву, хотя на следующий день вся деревня ходила в храм вдыхать чудный аромат, почему-то внезапно появившийся там.

Шли годы. Наконец, больница ушла из монастырских зданий, но богоборческая власть сразу же устроила там музей достижений сельского хозяйства. Матушка Варвара была уже мантийная монахиня. Она постарела, и ей уже не надо было закрывать черным платом свое прекрасное лицо. Под рясой на теле она тайно носила из грубой шерсти связанную белую власяницу, а еще она имела молитвенный слезный дар. Не один десяток лет работая в больнице, она многому научилась от врачей и медсестер. Искусство исцеления страждущих пришло к ней как Божий дар и давалось ей очень легко. К тому же она была образованная девушка, в прошлой своей жизни окончившая Смольный институт для бла-

Монахини нелегального женского монастыря под Киевом, окормлявшегося игуменией Софией в 1920-1930-х гг.

городных девиц. Когда закрылась больница, матушка осталась без работы, но ей по возрасту и большому стажу дали скромную пенсию. Теперь она больше находилась в своей келии, куда приходили жители окрестных селений и даже приезжали из Армении и Азербайджана, прослышав про монахиню-«якими», то есть искусную лекарку при храме Цминдо-Нино. За ее праведную жизнь Господь послал ей благословение исцелять и взрослых, и младенцев. Молитвой, святой водой, маслом из лампады от Святой Нины, целебными горными травами и хорошим мудрым советом матушка Варвара исцелила многих людей, в том числе и свою бывшую горничную Ксюшу, приехавшую из Баку, чтобы получить исцеление от праведницы. Когда в старой монахине она узнала свою барышню, то с плачем кинулась ей в ноги и рассказала матушке, что вся семья ее тогда была расстреляна чекистами. Они вместе поплакали, вспоминая давно ушедшее прошлое. Князь Волков остался жив и приезжал даже в Баку из Франции, разыскивая свою Вареньку, но Ксюша ничего не могла ему сказать, кроме того, что Варенька бежала из Баку. Погоревав, он, сам уже старенький, уехал к себе куда-то в Нормандию.

В восьмидесятых годах матушка Варвара еще была жива и через паломников передавала мне поклон, но, как мне писали из Грузии, в девяностом году смиренно и тихо предала свою душу Богу. На смертном одре матушка была в памяти, все крестилась и шептала: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас». Потом вздохнула три раза и уснула вечным сном до радостного утра Воскресения. Она была ровесница века. Отпевал ее архиепископ Бодбийский Афанасий. После, громадный, в черном облачении, с древней грузинской панагией на груди, он стоял перед раскрытой могилой, веером держа в руке старинные фотографии. Эти фотографии Варенька захватила с собой из Баку. Вся крышка гроба была уже устлана ими, и из могилы смотрели светлые глаза ребенка, и светящиеся счастьем глаза красавицы-невесты рядом с гусарским ротмистром князем Волковым, и жандармский полковник Дроздов с женой и детьми, братом и сестрой Вареньки. Владыка бросил в могилу последнюю фотокарточку и повелел зарывать. Таков грузинский обычай. Жизнь – кончена. Может быть, она могла быть другой, но история сослагательного наклонения не знает. Видно, так было угодно Господу Богу. Аминь.

Бехтеев С.С.

МУЧЕНИКИ

Ave, Caesar Imperator, morituri te salutant
(Песнь гладиаторов)

Они идут! Раздайтесь, расступитесь,
Снимите шапки, бросьте враждовать!
Благоговейте, кайтесь и молитесь!
Они идут за Правду умирать.

Из катакомб, из тюрьм и подземелий,
В кровавый цирк их гонит красный Рим,
На мрачный пир немых, могильных келий,
Где уж никто не будет страшен им.

Глумясь над истиной поруганного Неба,
Безумствует вокруг звериная толпа,
Нахально требуя позорища и хлеба,
Коварно-мстительна, злорадна и слепа.

Они идут –гонимые, больные,
Покорные веленьям палачей,
Пред Богом и людьми подвижники святые,
Немые жертвы дьявольских мечей.

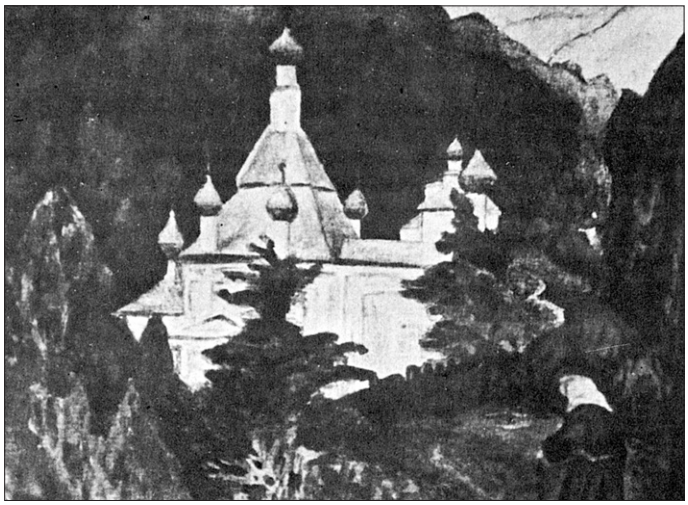
Ликует Рим еврейского Нерона;
Живые факелы безропотно горят.
И льется кровь, и на ступенях трона
Победу празднует обожествленный ад …

Умолк топор! Ползут ночные тени;
Кровавый цирк одел седой туман.
Их больше нет! Склонитесь на колени
У праха новых христиан!

Новый Футог. 10-го июля 1921 г.

ЦАРСКАЯ РОЗА

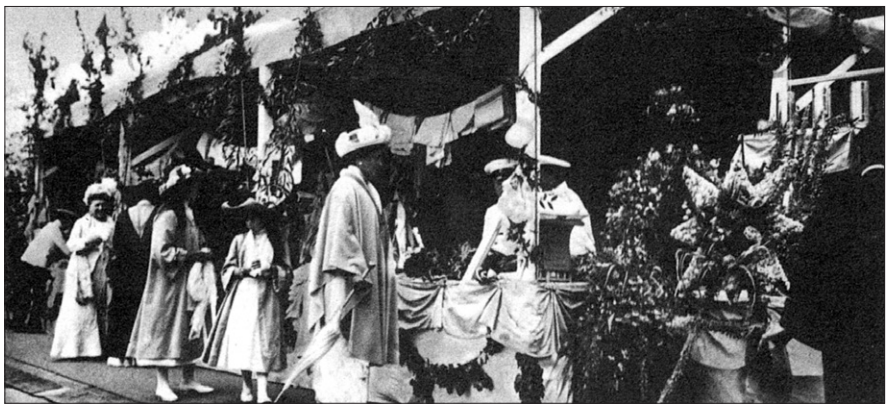
На каждой остановке, по дороге от вокзала до Ливадии, Государя Императора поджидала свежая казачья полусотня, которая сопровождала его, ехавшего в сверкающем никелем белом открытом «Форде». В Симферополе на вокзале, его, прибывшим специальным царским поездом из Петербурга, встречали отцы города и духовенство. Гарнизонный духовой оркестр с блестящими на солнце медными трубами слаженно сыграл «Боже Царя храни» и «Коль славен наш Господь в Сионе». Городской голова, потея во фраке и вытирая лысину платком, преподнес Государю большой букет алых крымских роз, который камердинер отнес в машину и бережно положил на кожаное сидение. Большая мощная машина, урча мотором, двинулась по Симферопольской долине к Ангарскому перевалу. Обычно Государь следовал в Ливадию от Севастополя через Байдарские ворота, Симеиз, но на этот раз он решил опробовать новую американскую машину на более сложной и длинной дороге. Шофер, весь в скрипучей коричневой коже, в шлеме и больших защитных очках-консервах вел машину острожно, с умеренной скоростью, чтобы не отставала скачущая за автомобилем казачья полусотня. Машина легко взяла подъем на перевал и сделала остановку перед спуском вниз. Казаки, по команде есаула, спешились и стали с конями по обеим сторонам дороги. Утомленные быстрым подъемом на перевал, кони водили потными боками, роняя пену, грызли железные удила и потряхивали головами отгоняя назойливых мух. Государь вышел размяться из машины и, подойдя к есаулу, о чем-то тихо его расспрашивал. Здесь, на вершине перевала, было не жарко, слегка веял прохладный ветерок и Государь в летней армейской форме с полковничьими погонами чувствовал себя прекрасно. Шофер, подняв очки на лоб, обошел машину, попинал ногами в

Космо-Дамиановский монастырь в Крыму, между Алуштой и Симферополем. Рисунок одной из Великих Княжон. 1910-е гг.

коричневых крагах тугие шины и удовлетворенно сел на свое место к рулю. Набежавший с моря порыв ветра зашелестел листвой и умчался в долину. В ясном ярко синем небе, выписывая круги, плавно парили два орла. Государь, проводив птиц взглядом, вынул портсигар, и постучав папиросой о крышку, закурил и присел на лавочку, сооруженную здесь для странников и монахов.

Здесь, неподалеку был Космо-Дамиановский монастырь, расположенный в ущелье под горой Чатырдаг. Как то в прошлые годы он ездил туда на лошадях. Там был живописный крутой четырехкилометровый подъем по узкой дороге среди букового леса, временами открывался вид на море, Чатырдаг и Екатерин гору, потом шумящая горная речка Альма, скалы поросшие мхом, упавшие вековые буки и, наконец, сам монастырь. Здесь, на заре христианства, спасались от римского императора-язычника Карина святые братья врачи-бессеребренники Косма и Дамиан. Хотелось бы туда съездить еще раз, но, к сожалению, машина там не пройдет. Потом мысли Государя приняли другое направление. Он думал, что опасение его дворцовых приближенных о злодеях бомбометателях пока не оправдались. Его поездка проходила без приключений. Хотя террористы действовали в стране довольно нагло и энергично, убивая губернаторов, министров, а недавно взорвали тщательно охраняемую дачу премьер-министра Столыпина. К счастью, сам Столыпин не пострадал, но взрыв был ужасающей силы, развороти вший полдома и погубивший тридцать два человека. Была тяжело

Крым. Ялта. Царская Семья принимает участие в благотворительном базаре. На переднем плане – Императрица Александра Феодоровна. Фото 1912 г.

ранена дочь Столыпина, но сам министр просто чудом остался жив.

– Бог сохранил его для России, – тихо проговорил Государь.

Перед отъездом Государю хотели придать усиленную охрану, но он отказался, довольствуясь казачьей полусотней. Он подошел к машине и сел позади шофера. Машина, выпустив струю синего дыма, медленно тронулась в путь. Есаул скомандовал спешенным казакам: «По коням!», и полусотня поскакала вслед за машиной. Этот участок пути с частыми и крутыми поворотами был наиболее сложным и шоферу приходилось все время притормаживать машину и быть начеку. Слева показалась скалистая Екатерин гора с четким профилем Екатерины Великой и белые домики татарского селения Демерджи у ее подножья. Перевал кончился, и машина въехала в аллею темнозеленных кипарисов с виноградниками по сторонам. У самого въезда в Алушту стояла толпа горожан, встречающая Государя. Машина остановилась примерно в ста метрах от толпы. Государь вышел из машины и, приняв от камердинера серебрянный стаканчик, подошел к фонтану с горной ключевой водой. Он подставил стаканчик под ледяную хрустальную струю и с удовольствием выпил два стакана, утолив жажду. Горожане, тем временем, торопливо спешили к машине. Впереди всех бежала девочка в белом платье с подносом в руках, на котором лежали хлеб-соль. Щеки ее зарумянились, черные кудри с красным бантом растрепались и падали на глаза. Она подошла к Государю и, слегка присев, подала ему поднос с хлебом-солью. Государь милостиво принял подношение и передал камердинеру. Обернувшись и взглянув на девочку, он был поражен ее ослепительной южной красотой, маленькой красавице было лет двенадцать-тринадцать.

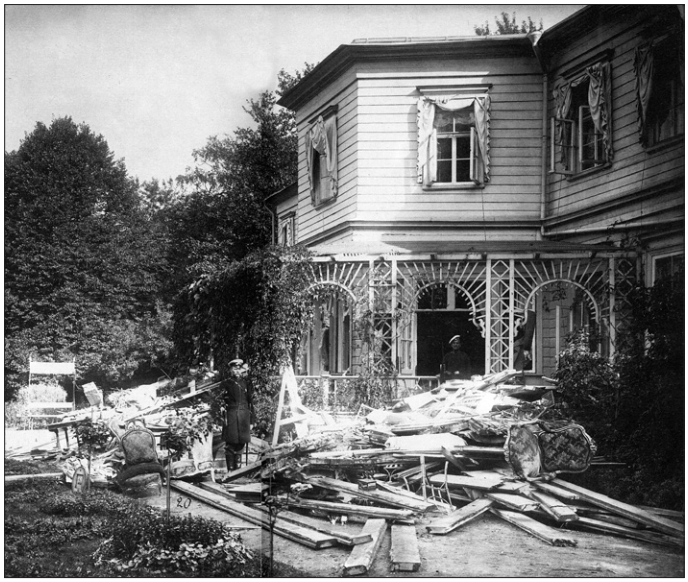
– Как зовут тебя, моя прелесть? – спросил ее Государь.

– Дина, – потупив прекрасные черные глаза, отвечала девочка.

Государь подошел к машине и вынул из середины букета самую пышную темно-красную розу. Он подал розу Дине и наклонившись поцеловал ее в голову.

– Будь счастлива, милая девочка – сказал ей Государь. Машина, взревев мотором, понеслась к Алуште. Сзади, не отставая, грохоча подковами по камням, скакала казачья полусотня. Дина, прижав обеими руками царскую розу к груди, побежала домой, ничего не замечая кругом.

В конце сороковых годов, после Отечественной войны, я посещал одно греческое семейство, жившее на краю Симферополя в собственном доме. Признаться, ходил я туда только ради дочери старого Христофора. Особой красотой эта девушка не отличалась, но в ней была какая-то привлекательность, какое-то неотразимое обаяние, которое французы называют шармом. Этот шарм был в ее грациозной фигуре, прекрасных манерах и больших синих глазах. Она была умна, образована и лет ей было двадцать с небольшим. Все в этой семье были обычными обитателями тихого провинциального городка. Пожалуй, только тетка девушки, примерно пятидесяти лет, выглядела настоящей дамой из дореволюционной России, шагнувшей из серебряного века Александра Блока и Вертинского в нашу серую социалистическую действительность. Взор ее больших черных глаз как-то скользил поверх голов, когда она шла по улице с гордой посадкой головы, отягощенной сзади массой волос, убранных в старомодную прическу. Всегда в шляпке к лицу, всегда в перчатках и элегантном костюме она всем своим видом являла себя отголоском старого попранного мира. Со мной она здоровалась, но не больше, хотя мне всегда хотелось поговорить с ней о прошлой незнакомой и ушедшей жизни. В ее комнате, заполненной старинной мебелью, стоял прекрасный концертный рояль, и она часто играла этюды Шопена и «К Элизе» Бетховена, играла она с чувством, особенно «Времена года» Чайковского, наполняя весь дом волшебными звуками музыки. Иногда она останавливалась, прерывая игру, как будто о чем-то думая, и после паузы опять продолжала. Замужем она не была, и после смерти отца – богатого Алуштинского грека, жила в Симферополе в семье родной сестры. Во время немецкой оккупации Крыма, она работала машинисткой и переводчицей в конторе одной немецкой фирмы по скупке и переработке фруктов. После прихода советских войск это ей было поставлено в вину и она была отправлена в ссылку на Колыму. Там ее увидел и безумно влюбился какой-то большой начальник Колымских лагерей и долго и настойчиво преследовал ее, но

С.-Петербург. Дача премьер-министра России П.А. Столыпина на Аптекарском острове после взрыва во время покушения на него 12 августа 1906 г.

кажется безуспешно. В свое время она вернулась из ссылки в Крым и устроилась бухгалтером на консервную фабрику. Вскоре я уехал из Крыма и вернулся, страшно сказать, только через тридцать лет. Старого Христофора и его жены уже не было. Оба они упокоились на Симферопольском кладбище. Дочь их состарилась, но все же была приятной и милой. А тетя – эта гордая пожилая красавица была еще жива, но из дома не выходила, потому что совершенно ослепла. Я даже не предполагал, что она еще жива, и сидя за чаем вздрогнул, услышав громкие мелодичные звуки прелюдии Шопена.

Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна

– Как, тетя жива!? И это она играет?

– Да, это она играет, хотя уже ничего не видит.

Я поставил чашку на стол и сказал хозяйке:

– Прошу тебя, сходи к ней в комнату и спроси, можно ли мне зайти к ней.

Когда затихли звуки рояля, Елена зашла в комнату к тетке и получила разрешение. Постучав в дверь, я зашел в жилище этой удивительной старой женщины, и первое, что мне бросилось в глаза были два чудных написанных маслом портрета в овальных позолоченных рамах. Это были Августейшие супруги: Государь Николай II в парадном мундире офицера лейб-гвардии Преображенского полка и Императрица Александра Федоровна в бальном платье с жемчужным колье на шее и алмазной диадемой в волосах. Сама хозяйка комнаты сидела в кресле, поставив ноги в туфлях на низкую бархатную скамеечку.

Я поздоровался с ней и сказал:

– Вы меня помните, тетя Дина? Много лет прошло с тех пор, как я был здесь в последний раз. Вы меня помните?

– Я тебя отлично помню, Валя. Ты был тогда очень приятный мальчик, темноволосый с голубыми глазами. Хорошо, что ты опять приехал и зашел к нам. Раньше здесь было тихо. Ведь наш дом стоял на окраине города. Но город вырос, расстроился и пришел к нам со своим шумом, суетой и бензиновой гарью. Наш маленький домик теперь окружают большие многоэтажные дома. Возле нашего крыльца пролегло шоссе в сторону Южного берега, по которому день и ночь мчатся автомобили. Шуршание их колес об асфальт сливается в один звук, напоминающий мне шелест мелких морских волн, набегающих на песчанный берег. Да, дорогой мой, жизнь прошла. Годы отняли у меня зрение, но я еще могу играть на этом чудном рояле. Что тебе сыграть?

– Сыграйте «К Элизе» Бетховена.

Старая женщина медленно поднялась с кресла, подошла к роялю, села и подняв лицо помассировала кисти рук. Затем сосредоточившись, поставила пальцы на клавиши, и в комнате зазвучала нежная божественная мелодия. После этого дня я часто стал заходить к ней в комнату, я приносил ей шоколадные конфеты, которые она любила, и мы беседовали.

– Когда летом 1918 года я узнала, что в доме Ипатьева большевики расстреляли Государя и всю его Семью, я внезапно потеряла сознание и после болела и лежала в постели целый месяц. Три раза ко мне вызывали знаменитого симферопольского доктора Синани, но он был в большом затруднении и не мог поставить диагноз, только все говорил:

– Это старые дела, да, это старые дела.

Ливадия. Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария , Анастасия и Наследник Цесаревич Алексей Николаевич во время сбора пожертвований для детей больных туберкулезом (День Белого Цветка). 1912 г.

Прописывал мне Гофмановские капли, бром, валериану. Родные уже не надеялись на мое выздоровление, но я медленно стала поправляться и, наконец, поднялась с постели. По природе своей я – монархистка, здесь еще, конечно, была примешана и детская любовь к Государю. Ведь однажды, когда Государь ехал в Ливадию, он поцеловал

меня, подарил розу и пожелал мне счастья. Счастье могло быть, но революция погубила мою молодость, пожалуй и всю жизнь. Был у меня и жених. Красавец, гвардейский офицер из Прибалтийских немцев. Большевики расстреляли его у вокзальной стенки в Джанкое в двадцатом году. Открой ящик письменного стола и подай мне альбом.

Я достал старинный с бронзовой монограммой обтянутый зеленым бархатом альбом. В нем были старые очень четкие фотографии, накленные на фирменный картон ателье. Здесь была и маленькая Дина, и Дина с пышной царской розой в руке, Дина в подвенечном платье. Был здесь и жених ее – молодой бравый офицер с породистым дворянским лицом.

– А это что за мальчик в матроске? У него удивительное лицо.

– Это Царевич Алексей. Девочкой, в своих детских грезах я мечтала выйти за него замуж, ведь он бывал так близко от нас. В те времена у моего отца был прекрасный выезд с хорошо подрессоренной коляской и двумя резвыми лошадьми. Я частенько велела запрягать кучеру, и из Алушты ехала в Ливадию в надежде хотя издали увидеть Государя и Наследника. Но все было напрасно, а подъезжать ко дворцу запрещалось. Но однажды, в Ливадийском парке я встретила Цесаревича. Наши коляски разминулись и я успела послать Алексею воздушный поцелуй. Он помахал мне рукой и все оглядывался на меня. Но его тоже убили в Екатеринбурге. Посмотри, на обратной стороне фотографии есть стихи. Прочти их вслух.

На обратной стороне тонким женским почерком бледными анилиновыми чернилами были стихи:

За Отрока – за Голубя – за Сына,
За царевича младого Алексия,
Помолись, церковная Россия!
Очи ангельские вытри,
Вспомяни как пал на плиты
Голубь углицкий – Димитрий.
Ласковая ты, Россия, матерь!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него – любовной благодати?
Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка – Алексия!

Из незрячих глаз Дины по щекам ползли слезы, и она вытирала их тонким батистовым платком.

– Эти стихи написала Марина Цветаева. Она любила бывать в Крыму, и я с ней была знакома. О, какой это был великий грех – убийство Царской Семьи. Тяжелая свинцовая тень его легла на всю Россию, и не было нам, после этого ни счастья, ни удачи.

Старая Дина повернула лицо в правый угол, где у нее были иконы, и перекрестившись, сказала: «Милосердия двери отверзи нам, Благословенная Богородице, надеющиеся на Тя, да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианского».

– Ну, ладно, ты иди, Валя, а я отдохну, устала я очень. Потом приходи опять.

В одно из моих посещений Дина сказала мне:

– Я тебя попрошу оказать мне услугу.

– Пожалуйста, отчего же не оказать. Говорите, какую услугу?

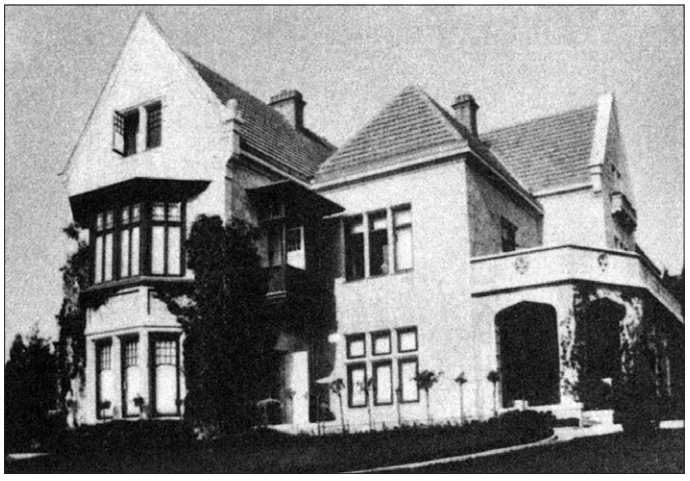
Она помедлила, помолчала, а потом тихо сказала:

– Когда я буду лежать в гробу, и ты придешь проститься, то достань из ящика заветный альбом. Там, в конверте лежит высохшая царская роза. Ты возьми ее и положи мне на грудь. Сделаешь?

– Обязательно сделаю.

И я все сделал как она просила. В день похорон на Симферопольском кладбище пыль стояла столбом. Рыча и ворочая ковшом, кладбищенский экскаватор, вынимая землю, рыл узкую траншею. Было жарко, и полуденное Крымское солнце нещадно припекало голову. После отпевания в кладбищенской церкви, гроб подвезли к траншее. Хмельные краснорожие могильщики поставили гроб в ковш экскаватора и стальная рука опустила его вниз, щедро засыпав пыльной землей. Рабочие лопатами выровняли холмик и сверху положили тяжелую каменную плиту с корсунским крестом и надписью:

«Дина – дочь Андрея Костаки. Да упокоит Христос душу ее в селениях праведных». 14.I.2002 г.

Крым. Имение Великого Князя Георгия Михайловича «Харакс», где часто бывала Царская Семья. Фото 1908 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Псково-Печерский монастырь. На Святой горке. С картины худ. П.А. Виноградова (1920-е гг.)

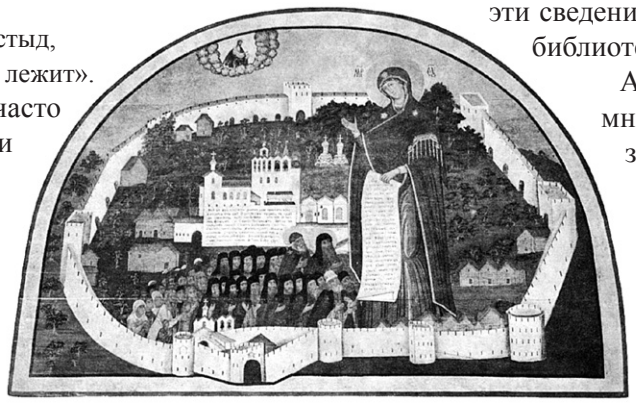
Это было в сытое, благословенное время застоя, когда мы еще не знали ни мафии, ни рэкета, ни безработицы, когда не брезговали наклониться, чтобы поднять с земли весомую копейку, когда на прилавках грузно лежали полуметровые кругляки столь излюбленной народом дешевой «докторской» колбасы, и бутылки с хлебной очищенной не вредили тогда здоровью, если, конечно, в меру. А вступивший только что на престол генсек Горби уже вынашивал злую мыслю о перестройке и ускорении. Партия КПСС в это время как-то одряхлела, ожирела, протухла и лежала на боку в параличе, а народ бездумно и лениво отбывал повинность жизни, зачем-то строил дорогу в никуда, название которой звучало как удар по подвешенной рельсе. Еще шла какая-то странная и бесконечная война в Афганистане, откуда через всю страну неслись в поднебесьи оцинкованные наглухо запаянные гробы. И народ жил без Бога, без покаяния и как-то бездумно. Про что батюшка Иоанн Миронов сочинил стишок, который часто с сокрушением произносил с амвона:

«Позабыли Бога, потеряли стыд,
А уж там дорога не к добру лежит».

А старухи по церквям, часто моргая и шамкая, говорили друг дружке: «И-и-и, милая, чтой-то будет, чтой-то будет, милая. И батюшка-то наш на проповеди-то толковал, что при дверях он, при дверях шершатай-то, уж грядет он, потому как во всемирном совете церквей уже засели бесы».

А на дворе стояло чудное лето, и на работу больше ходить не надо было, так как здоровье совсем хизнуло *(Хизнуть, по В.И. Далю, – хилеть, дряхлеть, чахнуть, сохнуть, увядать – прим. Ред.)*, так что даже пришлось в аптеке купить костыли, и посему Собес назначил мне небольшой пенсион. И решил я тогда поехать в Псково-Печерский монастырь, чтобы беса своего, приставленного ко мне, попугать, душу грешную облегчить, от монахов святой премудрости услышать. Путь-то неблизкий, семь часов тряски на автобусе до Печер, но охота пуще неволи. И я двинулся в путь. К вечеру, истомленный и одуревший от духоты, жары и тряски, я вывалился из автобуса на автостанции, вдохнул сладостный Печерский воздух и почувствовал себя, как в Палестинах каких-то.

Город маленький, низенький, тихий и зеленый, но такое благорастворение воздухов, что описать просто невозможно, одним словом, святые угодья Авраамовы. А тут и колокольные звоны пошли: такие густые, пудовые, прямо накатом, волнами эдакими колышутся. Я и пошел на эти звоны. А вот и монастырь-богатырь. А стены, ну и стены, просто страсть: толстенные, выбеленные, высокие – крепостные. Предание говорит, что они выдержали около 800 набегов разных племен и языков. О них же разбил себе лоб знаменитый и удачливый в войнах польский король Стефан Баторий. А шел он на Псковскую землю в 1581 году в августе со множеством польских и литовских войск, и, по свидетельству летописца, с ним шли наемники, охочие пограбить Русь-матушку, как то: в первую очередь, конечно, турки, агаряне (и откуда взялись эти арабские бандиты, из Испании, что ли?), волохи – это вороватые румыны, мултяне (даже не знаю, кто такие), сербы – это наши братья по вере, но, видно, не лучшая их часть, угры – это наемники-венгры (они за деньги служили всем королям), словаки – славяне (народ хозяйственный), немцы (ну, конечно; куда же мы без них). Все эти сведения хранятся в древней и богатой библиотеке монастыря.

Псково-Печерская обитель. С иконы конца XVII века.

А вот перед нашествием врагов многие видели во Пскове особое знамение: три светлых луча, стоявшие над Довмонтовой оградой, как бы осенение Пресвятой Животворящей Троицы.

Три раза войска короля Стефана шли на приступ, два с половиной месяца осаждали монастырь. Пушечным боем проламывали стены, но дальше пробиться не могли.

Монахи и стрельцы отбивали все приступы, а святые старцы-схимники возносили в храмах молитвы к Богородице о спасении от супостатов.

Позже король Стефан писал, что ничего он не мог поделать с Печерским монастырем: «Стены проломим, а дальше ходу нет. Или заколдованы стены, или очень святое место».

Так отчаянные выпивохи и обжоры – польские жолнеры – и ушли не солоно хлебавши от стен монастыря.

А вот и Святые врата с образом Успения Божией Матери. Монастырь-то – Свято-Успенский.

Двери здоровущие, древние, но, видно, и сноса им нет. Прошел под сводами мимо монаха-привратника, сидящего на кресле с посохом в руках. Этим посохом он отгонял нечестивых туристок в брюках и шортах, дабы не искушали братию и, побранив их, милостиво указывал на кучу юбок, которые выдавал на временное пользование. Налево я углядел часовню, как бы в пещерке. Иконы большие, яркие, лампадки негасимые горят. Есть и «Умиление», говорят, написанная архимандритом и наместником монастыря, покойным отцом Алипием. Умер он в 1975 году, сравнительно молодым, от ран и болезней, полученных в эту войну с Германией. Был он танкистом, и Господь хранил его и не дал ему погибнуть. Ведь отец Алипий потом много потрудился, восстанавливая пострадавший от войны монастырь. У отца Алипия было 76 военных наград и благодарностей, а за участие в боях за оборону Москвы сам Сталин вручил ему орден Красной Звезды.

Господь Бог дал ему большой дар художника и иконописца, и он оставил нам в наследие много написанных им икон.

А богомольцы со всей страны, зная, что он художник, привозили ему в дар картины и скульптуры отечественных и иностранных мастеров, и со временем в монастыре собралась большая коллекция. Отец Алипий думал-думал, куда деть все это мирское искусительное богатство, и как-то раз взял да и отправил все одним махом в дар Русскому музею.

По этому поводу его даже посетила министр культуры Екатерина Фурцева, член правительства и особа, приближенная к самому Никите Хрущеву.

Она осмотрела ризницу, древнюю библиотеку, прошлась по Михайловскому Собору, задумчиво посидела в карете Императрицы Анны Иоанновны, в палатах наместника вкусила монастырский обед. Между прочим, за обедом спросила отца Алипия, почему он пошел в монахи, такой красивый и видный мужчина?! Отец Алипий, наклонившись к ней, шепнул на ушко. Она посмотрела на него и, закинув голову, долго хохотала, хлопая отца Алипия по спине.

С большим букетом цветов, в сопровождении послушника, нагруженного монастырскими дарами, Екатерина Фурцева уселась в блистающую черным

Архимандрит Алипий руководит росписями одного из монастырских храмов

лаком и никелем правительственную машину, в народе прозванную «членовозом», и, довольная, отбыла во Псков. И монастырь не закрыли, вероятно, и ее заступничеством.

Однако уже вечерело, и мне надо было как-то устраиваться на ночлег. Иоанн, унылый послушник, беспрерывно сморкаясь в платок, повел меня к благочинному, иеромонаху Тихону. По уставу пропел под дверью: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас».

За дверью раздалось: «Аминь!»

Послушник открыл дверь и подтолкнул меня внутрь келии. Отец Тихон тоже был тощ, высок, имел вид строгий, лик бледный. Он был молод, очень даже молод и удивительно похож на святого Иоасафа Белгородского.

Я же был стар, сед и брадат и опирался на костыли.

Осведомившись, откуда я прибыл, отец Тихон както косо оглядел меня и велел мне перекреститься. Я истово исполнил это.

«А знаете ли Вы «Отче наш»?» – спросил он. Я знал не только «Отче наш», но и многое другое, например, мог наизусть прочитать семнадцатую кафизму или сдать экзамен по догматическому богословию, но я смиренно прочитал «Отче наш». Он внимательно выслушал и, видимо, остался доволен.

Я подошел под благословение. «Да, а есть ли на вас нательный крест?» Расстегнув ворот, я достал массивный серебряный крест, пожалованный мне афонским монахом старцем Патермуфием в горах Кавказа в страшное военное лето 1942 года.

Крест, вероятно, окончательно убедил отца Тихона в моей благонадежности и, отобрав у меня паспорт, он повел меня в большую, человек на двадцать, келию и показал мне свободную койку у окна. Скоро собрался пришедший из трапезной народ. Все больше молодые ребята – трудники, приехавшие кто на месяц, кто на

Печоры. Монастырская звонница. Вид со Святой горки

три. Среди них было несколько башкир, два еврея, якут, белорусы, а остальные – чисто русаки. Был также один молодой батюшка из Москвы и почему-то постоянно живущий здесь мантийный монах, несущий послушание конюха. Вся эта братва шумела, галдела, бурно обсуждая что-то, споря. Как вдруг, дверь распахнулась, и в комнату влетел разгневанный игумен Нафанаил – монастырский казначей.

Оказывается, он жил рядом за стеной при денежной монастырской казне и по вечерам делал подсчет притекшим за день рублевкам и медякам, старательно складывая их в пачки и столбики. Он разбранил нас, погрозил пальцем, гневно потряс бородой и опять скрылся в своей сокровищнице. Он, не шутя, потом говорил нам, что если кто попытается зайти к нему в келию, то сразу сверкнет молния, дерзнувший будет испепелен в прах. Все притихли, стали раздеваться и укладываться, так как вечерние молитвы были прочитаны в трапезной, но особо ретивые вышли в коридор и еще долго там читали молитвы и акафисты.

Один из трудников, немного полежав, встал, надел овчинный, до пят, тулуп с огромным воротником и пошел дежурить на ночь к воротам. Ворота на ночь запирались и были такие, что танк их сразу не вышибет, но традиция дежурства свято соблюдалась с 1592 года после того, как хищные и злобные шведы ворвались неожиданно ночью в монастырь, все имение монастырское разграбили, братию побили, а монастырские здания, келии и церкви разорили и сожгли.

Наконец все утихло. Я лежал, глядя в окно на звездное небо, звонницу, Успенский собор, освещенный луной, рисованные на стенах иконы: Спас в силах, Божия Матерь, летящие ангелы. На башне звонницы мелодично и гулко пробили часы. И странный, нереальный, но какой-то очень чистый был этот мир.

Утром обычно братии в трапезной завтрак не ставлялся, а завтракали только пришлые трудники, которые исполняли тяжелые работы. В летнее время стол для трудников был во дворе под навесом. Приходи, бери, сам наливай, что душе твоей угодно. И чего там только не было: и творог, и сметана, отварной картофель, селедка, зеленый лук, разные каши, чай. Ешь от пуза, сколько влезет. Затем трудники расходились на послушания: на сенокос, в огород, на заготовку дров, пастухами в стадо, на озеро за рыбой. Монахи же ранней ранью собирались в соборе святого архангела Михаила на братский молебен.

В соборе с утра холодно, полутемно, только мерцают лампадки у икон. Народа нет, пусто, только посредине стоит черная братия, да слышится приглушенное молебное пение. Потом они натощак расходятся на свои послушания. Кто в храм, кто в просфорню, хлебню, кто в квасную, в библиотеку, в контору, в рухольню.

Когда утром открыли монастырские врата, народу привалило сразу много. Ночевали они в посаде у жителей и с нетерпением ожидали начала службы. Среди них бесноватых была тьма, их привозили сюда со всех краев страны.

Порядок в монастыре был удивительный: все делалось по чину, со тщанием, исполнительно и на совесть. Монастырь жил и работал, как хорошо отлаженный механизм.

Литургия в Михайловском соборе была величественна и строга. Монашеский хор на два клироса попеременно пел то грозным архангельским вскриком, то нежным херувимским разливом. Чашу со Святыми Дарами вынесли громадную.

Посреди службы я вдруг услышал, как добрым басовитым брехом залаял кобель, вероятно, довольно крупных размеров. Брехнув несколько раз, он затих. Я возмутился: вот еще, и собаку в храм затащили! Я отвлекся от созерцания алтаря, где происходило тайнодействие, и стал рассматривать богомольцев. А

Печоры. Крестный ход с чудотворной иконой Успения Пресвятой Богородицы

было на что посмотреть. Бесноватые выделывали такие штуки – хоть стой, хоть падай. Так вполне приличный мужик, как я после узнал – инженер с Урала, пристально смотря на богослужение, беспрестанно отмахивался ладонями, как будто ему докучали назойливые мухи и слепни. У молодой бабенки на моих глазах живот стал расти как на дрожжах. Он раздулся, выпятился, и из него послышались глухие голоса, как будто матерились двое старых пьяниц. А одна толстенькая деваха, издав оглушительный и гадкий вопль, брякнулась на пол и задергалась вся в судорогах с пеной у рта.

В общем-то порядок в соборе соблюдался, но когда вынесли чашу со Святыми Дарами, среди бесноватых начался переполох: все они порывались бежать из храма и, удерживаемые родственниками, орали, мычали, блекотали козлами и визжали. Когда их тащили к чаше, они упирались ногами, крича:

«Ой, не хочу, ой, не могу, страшно! Страшно! Ой, обожжет!»

После принятия Даров они затихали, успокаивались, некоторые тут же валились на руки родственников и засыпали, их выносили из храма на травку. Главным бесогоном и грозой всего бесовского племени был монастырский игумен отец Адриан. Всегда бегущий, лохматый и суровый, тощий старец с ликом неумолимого судьи, он нагонял страх и почтение даже на обычных людей. Но бесноватые не могли выдержать его взгляда и каким-то звериным чутьем угадывали его за версту, крича дурными голосами:

«Ой, Адриашка идет, ой, смертушка наша, Адриашка идет!»

Отец Адриан действовал, главным образом, в Сретенском соборе у задней стены, где была изображена громадная жуткая картина преисподни и Страшного суда со змеем – глотателем грешников.

На бесоизгнание народ валил валом. Чин бесоизгнания был страшен и таинственен. Знаю только, что по окончании чина приходилось распахивать в храме все окна и двери, а потом кадить ладаном, чтобы изгнать тяжелое зловоние.

Я хотел взять благословение у игумена Нафанаила, чтобы посмотреть, но он, строго округлив глаза, запретил мне, сказав, что это опасно для жизни. И что набравшись там разбегающихся бесов, яко блох, пропадешь ни за понюшку табаку.

Как-то утром пошел я к благочинному, чтобы определил меня на послушание. Благочинный, пожевав губами, посмотрел на меня и сказал:

– Душа на костылях, на какое же послушание я тебя определю? Живи так, ходи в храм, молись за нас грешных.

Я возразил:

– Батюшка, совесть меня грызет, ведь в Писании сказано: «Неработающий да не яст!»

Чудотворная икона Успения Пресвятой Богородицы перед входом в пещерный Успенский храм

– Это верно ты говоришь, – благочинный поскреб бороду. – Ну, хорошо, пойдешь дневным привратником на хоздвор? Там и будка отличная поставлена.

– Благословите, батюшка, пойду.

– Ну, так с Богом! Гряди на хоздвор!

Будка, действительно, была замечательная: уютная, окрашенная синей краской, застекленная, с приделанным к стенке столиком, хорошей иконкой в углу, перед которой теплилась лампадка. Внутри стоял какой-то обжитой постный запах, и все кругом прекрасно обозревалось.

Направо были нижние хозяйственные монастырские врата, прямо через дорогу располагался коровник, откуда исходил густой запах навоза.

Я ревностно приступил к обязанностям: открывать и закрывать тяжелые врата, выпуская на пастбище коров, затем лопатой с дороги подбирать лепешки навоза и засыпать эти места опилками. Впускал и выпускал груженые машины с углем и дровами, запряженные телеги с сеном. Но особенно, с прискоком, я спешил открыть врата наместнику, архимандриту Гавриилу, который и не смотрел в мою сторону, важно сидя за рулем белой «Волги». Грозен и суров был отец Гавриил. Монахи стонали под его властью, некоторые даже сбегали из монастыря, иеромонахи уходили на приходы, не вынося его самодурства.

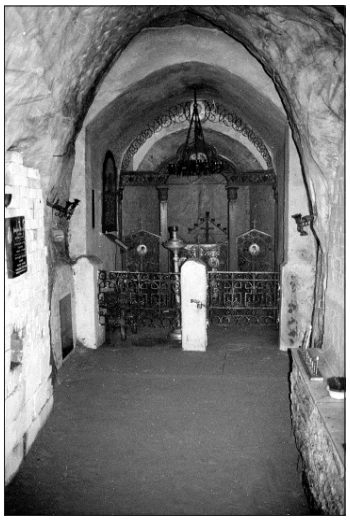
Монахи сочинили и тайно распевали про него стишок:

Наш наместник Гавриил –
Архилютый крокодил.

В конце концов патриарх сжалился над монастырской братией и услал отца Гавриила для смирения епископом в тайгу, где всего было пять приходов.

За ревностное старание у врат меня перевели из громадной келии в гостиницу на хоздворе, в келию на четырех человек.

Келия была шикарная, даже с ванной, в которой постоянно отмачивался и полоскался худощавый темноволосый паренек с интеллигентным лицом. От него всегда изрядно несло коровьим навозом. Мы познакомились. Он рассказал мне, что приехал из Сибири – не помню точно – не то из Томска, не то из Омска. Окончив театральное училище, служил в каком-то театре. Но вдруг, какая-то личная драма выбила его из жизненной колеи, и он приехал в монастырь на постоянное жительство, желая принять монашество. По приезде его представили отцу Гавриилу, который, грозно пошевелив черными клочковатыми бровями, изрек:

Печоры. Пещерный храм в «Богом зданных пещерах»

– Значит, ты артист? Это хорошо. Определим тебе и соответствующее послушание. Отец благочинный, отведи-ка его в коровник, дай ему метлу и лопату. Пусть он там чистит навоз и произносит коровам и телятам монологи.

– Итак, – сказал паренек, – я уже полгода в коровнике.

Наблюдая за ним из своей будки, я удивлялся его беспредельному терпению, упорству и какому-то неистовству, с которым он скоблил и чистил коровник. «Убежит, ой, убежит, – думал я, – не выдержит». Но, как потом показало время, я ошибался и даже очень. Через пятнадцать лет он уже стал архимандритом и наместником одного из московских монастырей.

Однажды я заболел. Мне было так плохо, видно была и высокая температура, что я попросил позвать фельдшерицу монастыря – Вассу.

Отец Гавриил считал, что больно жирно держать монастырского врача. Достаточно для монахов и фельдшерицы. Паренек вернулся и сказал, что Васса придет только после обеда, так как ей надо сделать обход, раздать лекарства, сделать старикам в богадельне перевязки.

Но мне было так плохо, что я, собравшись с силами, стал спускаться по лестнице вниз. На первом этаже жил монах – бывший военный врач. Я постучался к нему в келию. Едва шевеля языком, я попросил его о помощи. Он замахал на меня руками:

– Что ты, что ты, отец Гавриил запретил мне заниматься врачебной практикой, а назначил ходить с тарелкой в храме.

Я спустился во двор и, стеная, сел на дрова. Состояние было самое плачевное. Во дворе никого не было. Я находился в каком-то забытьи. Вдруг я услышал ласковый голос:

– Что с вами? Чем вам помочь?

Я открыл глаза и увидел благочинного Тихона.

Я был поражен! Всегда холодный, необщительный отец Тихон, которого я всегда считал сухарем, проявил ко мне такую милость, такую христианскую доброту. Как ангел он наклонился надо мной. Я попросил отправить меня в больницу. Все было сделано быстро, я уже лежал на сидении легковой машины, как прибежал встревоженный наместник Гавриил. Он был встревожен вопросом: не инфекционное ли мое заболевание и как его лучше скрыть. Ибо инфекционное заболевание в монастыре могло доставить ему хлопот.

Он заглянул в машину и спросил отца Тихона:

– Ну что, он еще жив?

– Жив, – ответил отец Тихон.

– Ну, везите его. Васса, проводи! Васса забралась в машину. По дороге она сетовала:

– Ну, что ты за дурак такой, попросился в больницу. Лучше бы умер в монастыре! Как хорошо умереть в монастыре! – произнесла она мечтательно.

– Ну вот еще, Васса, – прохрипел я, – если тебе так хочется, умирай сама.

В больнице мне поставили капельницу, и я ожил. Через пару дней меня посетил паренек из коровника. Посидев около меня, он мистически объяснил мою болезнь тем, что за мои грехи Господь извергает меня из святого монастыря. Я был слаб и спорить с ним не стал. Может быть, он и прав. Ему, как будущему архимандриту и наместнику столичного монастыря, конечно, было виднее, что касается меня, то в церковной иерархии дальше пономаря я не продвинулся. Так Господу было угодно.

В монастыре посещение святых Богозданных пещер тогда разрешалось только духовным лицам, и обычные экскурсии туда не допускались. И вот однажды, пристроившись к такой группе духовных лиц, я сподобился

Печоры. Монастырская пасека

посетить эти знаменитые пещеры. Они были открыты монахом Патермуфием в 1392 году, и первым погребенцем в этих пещерах была инокиня Васса, Печерская святая. После нее пошел поток монахов, воинов, убиенных в боях за Русь, знатных бояр, купцов-благодетелей, помещиков, рачительных для монастыря. Полагают, что там погребены десятки тысяч.

Итак, нам раздали толстые свечи, и, пройдя Успенский собор, мы вступили в пещеры. Вел нас иеромонах. Стены пещер из слежавшегося плотного песчаника, своды коридоров в некоторых местах имеют кирпичную кладку. По стенам старые замурованные пещеры с керамическими, чугунными и медными досками: «Архимандрит-схимник Паисий. Скончался в 1730 г»., «Ротмистр Ефим Кондратьев. Убит лета 1700 г. шведами».

Иеромонах открыл дверь, на которой был большой образ Богородицы, и посветил электрическим фонариком. Это была громадная пещера с громоздившейся посередине пирамидой гробов. Некоторые гробы развалились, и из них виднелись головы, руки и ноги покойников.

Запаха не было. Одними только природными условиями этого феномена не объяснить. Здесь надо вспомнить польского короля Стефана Батория, который один из первых иностранцев понял и признал, что здесь святое место. У дверей стоял гроб с недавно принесенным покойником, я нагнулся, но и он не пах. По коридорам гулял легкий сквознячок с каким-то несколько винным запахом.

Группа поспешила вперед, мои костыли увязли в песке, вдобавок погасла свеча. Я остался один во тьме кромешной. Кричать было как-то неудобно, и я начал медленно двигаться по коридорам, куда – и сам не знал. Ходил я, бродил и стал молиться, чтобы Господь вывел меня на свет Божий. Нащупав какую-то дверь, я открыл ее и, шагнув, споткнулся о гроб. Это, вероятно, была та пещера, которую показывал иеромонах. Мне представилось виденное, и мороз продрал меня по спине. Я закрыл дверь и пошел, временами взывая к Богу и людям. Наконец, я вышел к железной решетчатой двери, ведущей в Успенский собор. Я стал кричать, и к двери подошел удивленный монах, который и выпустил меня. Я его благодарил, облобызал даже:

– Спаси тебя Господь, брат, за помощь. Я был во тьме и страхе, яко Иона во чреве китовом.

Он смеялся и повел меня в трапезную. Я собирался уезжать и зашел в больницу попрощаться. И толстые псковитянки медсестры говорили мне:

– Погоди, не уезжай, ведь скоро праздник – Успенье. Оставайся, справим Успенье, тогда и с Богом в путь.

Спасибо вам всем, мои дорогие! И насельникам монастыря, и его современному наместнику, доброму архимандриту Тихону, похожему на святого Иоасафа Белгородского. Спасибо и Вассе-фельдшерице, еще и ныне живой. Спасибо медсестрам больницы Печерской, которые выходили меня. Да хранит вас всех Господь!

Богом зданные пещеры

Мощи прп. Ионы Печерского

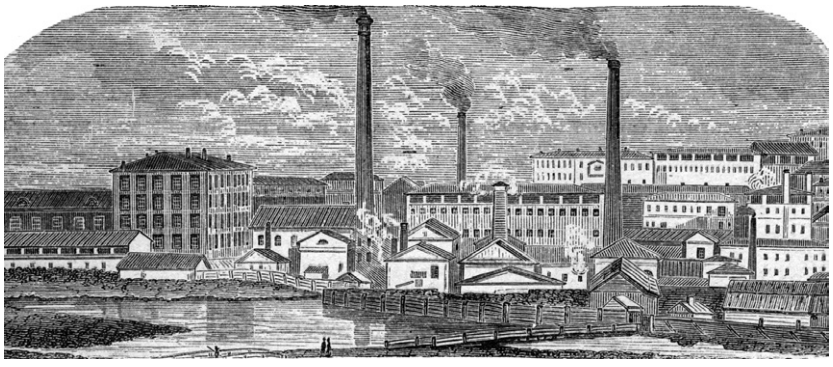

Мощи прп. Лазаря Печерского

СЕРАФИМА

В начале XX века в сером невзрачном недавно учрежденном уездном городе Иваново-Вознесенске видное место занимали большие ткацкие корпуса с множеством ярко освещенных окон и закопченными красного кирпича стенами. Из упиравшейся в небо фабричной трубы безостановочно валили клубы черного угольного дыма в зависимости от погоды уходящие ввысь или стелившиеся по земле. Тяжелые паровые машины, пыхтя и сотрясаясь, вращали тянущиеся под потолками цехов железные оси, от которых шло множество шкивов – трансмиссий к сотням ткацких станков. Для того, чтобы нить в станках не обрывалась, в цехах была устроена удушливая тропическая жара. Работающие станки создавали в цеху оглушительный шум, и между ними, обливаясь потом, сновали полураздетые ткачихи. В свое время грубо и тяжело ревел фабричный гудок, оповещая уход одной смены и приход другой. Это была известная ткацкая фабрика промышленника купца первой гильдии Бурылина, изготовляющая знаменитые дешевые ивановские ситцы, идущие на потребу не только в Россию, но и в Среднюю Азию, Индию и Китай. Ткачихи, работающие на фабрике не были безликими трудовыми муравьями, как их после представляла советская печать, но многих, особенно давно работающих, Бурылин знал в лицо и вникал в их нужды, скорби и заботы. Одной из лучших ткачих у него была Серафима Новикова – рослая рябая женщина с добрым лицом и большими руками, которую молодые работницы звали: тетка Сераня. По требованию хозяина, мастер сидя в конторке, посматривая поверх тонких железных очков в цех, старательно составил список лучших работниц. Первой в списке значилась Серафима Новикова. Хозяин пригласил их к себе в особняк, куда они робко вошли, пораженные невиданной роскошью. В зимнем саду среди пальм, фонтанов и цветов был поставлен стол с богатым угощением. Бурылин, рассадив их по местам, поднял бокал с шампанским и произнеся поздравительный тост выпил с ними за их старательную работу. После обильного угощения, развеселившиеся ткачихи слушали граммофон, где пела русские романсы Плевицкая, где комик актер высоким голосом скороговоркой рассказывал анекдоты. После чего хозяин каждой ткачихе поднес в конверте денежную премию и памятный подарок.

Фабрика братьев Зубковых в Вознесенском посаде (Иваново-Вознесенск). С литографии конца XIX века

Тетке Серафиме достался плоский палисандрового дерева ящик, изнутри выложенный алым бархатом, на котором в гнездах лежали серебряные ложки и вилки. Довольные ткачихи разошлись по домам к своим мужьям и детям, а Серафима тоже пошла к себе в дом, где ее ждали двое приемышей-сирот, родители которых умерли от холеры. Из-за того, что Серафима была рябая, замуж ее никто не взял. Так и жила себе она в небольшом деревянном доме в Хуторово, воспитывая двух мальчишек. Работа на фабрике была тяжелой. Еще до рассвета по гудку вставала, умывшись, молилась и выпив чаю шла на фабрику. Работа и впрямь была каторжная по десять-двенадцать часов. Никаких отпусков тогда не было и в помине. Итак, Серафима отработала на фабриканта и на Советскую власть пятьдесят лет. Смотря на свои руки с вздувшимися венами она говорила, что ситцем, который она наткала за полвека можно было бы одеть полмира. Больная, ни больная все равно надо было идти в цех, и только с Божией помощью она совершила эту полувековую каторжную работу. Часто утром вставала немощная, неотдохнувшая, но помолившись и испросивши у Бога силы шла на работу. При Советской власти уже было полегче. И рабочий день поменьше, и тебе отпуск, и больничный лист, и даже в доме отдыха раз побывала. От новой власти ей был пожалован орден «Знак почета». А ситец всегда был нужен людям при любой власти и в революцию, и в Гражданскую войну, и в Отечественную. Я приехал в Иваново навестить бабушку Серафиму в 1946 году, сразу после войны. Она уже по старости на фабрике не работала, хозяйничала дома, получая скромную пенсию. Ее дом стоял в саду на краю города, и здесь было тихо и приятно. И только иногда, нарушая тишину, был слышен паровозный гудок и стук колес по рельсам проходящего вдали поезда. Да еще галки, живущие на колокольне закрытой заброшенной церкви, время от времени поднимающие гвалт и летящие всем скопом к бабушке в сад клевать ягоды, но всегда с позором изгоняемые хворостиной зорко следившей за порядком хозяйкой. По приезде в Иваново я решил ознакомиться с его достопримечательностями, но

таковых в этом, еще недавно промышленном селе, не оказалось. Мне предлагали осмотреть здание, где впервые в мире возникли советы, или полянку на реке Талке, где впервые на маевку собирались рабочие, а бабушка Серафима посоветовала сходить в Бурылинский музей. Бурылин был большой оригинал, учреждая среди фабричных корпусов, жилых кирпичных казарм и серых сгрудившихся избушек музей, куда со всего света собирал разные диковины. Музей помещался в особняке в стиле модерн. При входе за небольшую плату мне дали шершавый серый талон. И первое, что я увидел, это были два рогатых и клыкастых африканских дьявола, раскрашенных черной и красной краской, плотоядно взирающих на посетителей. За ними в ряд стояли чучела разных зверей, среди которых я помню: льва, гориллу и удава. Были здесь страшные японские и тайские ритуальные маски, оружие дикарей, полки с заспиртованными в банках уродами. Но жемчужиной музея была настоящая египетская мумия с оскаленными зубами и усохшим черным носом. Советский период был представлен почетными грамотами, медалями почивших передовиков труда, снопами ржи, льна и искусно сработанным из гороха портретом Сталина. Музей в революцию не разграбили, пострадала только коллекция уродов, из банок которых революционные матросы выпили спирт. Кроме музея, Бурылин в Иванове построил несколько церквей, но церкви в городе давно уже были разорены, и службы в них не было. Раньше духовенство здесь было в почете, но в революцию постарались особенно, и священника сейчас днем с огнем не найдешь. Правда, в начале двадцатых годов на религиозное безвластие в Иванове прибыл самозванный обновленческий митрополит без бороды со скобленным рылом, он не скрываясь курил папиросы «Ира», имел молоденьких наложниц и говорил такие срамные проповеди, что бабульки только ахали и, закрыв лицо платком, выбегали из храма. Потом и его унесло революционным ветром неизвестно куда. Иногда я ходил гулять на окраину города к большому собору, стоявшему посреди капустного поля. Кочаны там росли отличные, большие и тугие, а вот собор был в абсолютном забросе. Дверей там уже не было, и посередине мальчишки развели костер, пекли картошку и калили железную трубу с водой, которая стреляла в потолок деревянным кляпом. На стенах и под куполом хорошо сохранилась роспись, и спокойные лики святых угодников безмолвно взирали на эту мерзость запустения. По периметру купола шла золотыми буквами четкая надпись: «Чистые сердцем Бога узрят».

Народ здесь как-то легко поддался безбожной пропаганде и совершенно отстал от Бога, и Бог у них никакой стороной не присутствовал в жизни. Но бабушка Серафима от Бога не отреклась. «Дураки, вы, дураки, – говорила она, – главное то в жизни Бог, а вы потеряли Его, а придет злое время, и вы будете тосковать и искать Бога, да он не сразу откроется вам».

Утром и вечером она вставала на молитву перед иконами в восточном углу где тихо мерцала зеленая лампадка и просила у Бога не здоровья, не достатка, не еще каких-либо благ, а просила она, чтобы скорее кончилось это безбожное время, вновь открылись храмы и вновь запели Пасху. Раз в году на Светлое Христово Воскресение ездила она в Троице-Сергиеву лавру, чтобы исповедаться и причаститься. Возвращалась тихая, задумчивая, и в ее голубых глазах светилась радость. Лето уже приближалось к концу, но дни еще стояли теплые, солнечные. Я брал у бабушки Евангелие, книгу в то время редкую и запрещенную, и уходил в сад. Там лежа на траве, среди сухого малинника, я долго смотрел на плывущие в небе облака и думал о том, что вся жизнь у меня еще впереди, что в ней еще будут радости, а может быть, и скорби. Но скорбей пока еще не было, и я, повернувшись на бок и подперев голову ладонью, читал Евангелие: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его».

И как-то сладостно было на сердце от этих простых слов: «Авраам родил Исаака», и наше зыбкое временное и непрочное бытие виделось неколебимым и вечным и на призывы Христа: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные и я успокою вас» хотелось ответить

Покровская церковь в селе Иванове. С литографии конца XIX века

Собор в Вознесенском посаде. С литографии конца XIX века

радостными слезами, и взяв посох и котомку, ни о чем не думая, идти к дальним неведомым горизонтам.

И я подолгу читал Евангелие, осторожно переворачивая пожелтевшие страницы, пока на крыльцо не выходила бабушка Серафима и, приставив к глазам козырьком ладонь, высматривала меня в саду и кричала: «Валюшка, иди обедать!»

В те далекие послевоенные голодные годы обед был немудреный. На первое бабушка подавала постные щи, обильно посыпанные укропом, на второе оладьи из вчерашней пшенной каши, политые горьковатым льняным маслом, на третье – чай с сахарином. Чай у бабы Серафимы был возведен в культ. Пила она его только из самовара, который кипятила уже с раннего утра. «Пока я не выпью чая, я как неживая, – говаривала она. – Надо, надо брюхо чайком прополоскать».

После чая, она и впрямь оживлялась и принималась за дела. Дел у нее было много: пойти привязать козу на травку, покормить кур, поработать в огороде, принести из колодца воду и приготовить обед для своих воспитанников, когда они придут с работы. Все она делала спокойно, не торопясь, все с молитвой. Поэтому и приготовления ее всегда были вкусные. Вспоминала она и Бурылина и из стеклянной горки доставала заветный плоский ящик и показывала серебряные ложки и вилки, которые не продала и не променяла в самый лютый голод.

– Я за свою жизнь никого не обижала, всех жалела и и многим помогала как могла. Можете по всему Иванову пройти и спрашивать: обижала ли кого бабка Серафима? Я думаю, что такого человека не найдете. – Как-то вечером, сидя за чаем без хвастовства говорила она. – Наш род пришел в Иваново-Вознесенск с реки Суры. Она впадает в Волгу. Там мы жили, пока не приехал к нам вербовщик-приказчик Бурылинский набирать ткачих на фабрику. Приказчик молодой, пригожий, веселый, говорил сладко приманчиво, плясал, играл на гармошке. Ну, девки нашей деревни, все мои сродницы, и двинулись скопом в Иваново. Там очень-то хорошо не было, но и плохо не было. Девок вскоре разобрали замуж, а меня – рябую никто не взял. Так и осталась вековухой. Кому рябая нужна? Вот на фабрике меня ценили за работу. При Советской власти я больше наставницей была для молодых ткачих.

Хотя бабушка Серафима потомства не оставила, но воспитала двух сирот и на работе не посрамилась. Умерла она легко, потому как больших грехов за ней не водилось. Вечером помолилась, легла спать, так и уснула вечным сном. Пришли ее подруги-старушки, обмыли, спрятали покойную, читали по очереди Псалтирь. Воспитанники, тем временем, поехали в Сергиев Посад отыскивать батюшку. Нашли заштатного старого и очень нуждающегося батюшку. Привезли его в Иваново. Отпевать пришлось на дому, и батюшка отпел Серафиму по полному чину. Все было сделано честь по чести. Погребение совершили на кладбище возле Кувaевского леса. На могиле поставили православный крест с надписью: Серафима Ивановна Новикова. Подарок от Бурылина она завещала продать, а вырученные деньги отвезти в Троице-Сергиеву лавру на помин души, что и было сделано.

Редакция благодарит за предоставленные для этого выпуска журнала материалы и фотографии:
Прот. Николая Денисенко (Луга), прот. Вячеслава Клюжева (С.-Петербург), прот. Алексия Коровина (Вырица), свящ. Петра Молчанова (С.-Петербург), игумена Митрофана (Осяка) (Череменецкий монастырь), Л. Л. Богоявленскую, М.К. Титову, Н.П. Шмитт-Фогелевича, А.В. Барановского, А.Ю. Егорова, М.Ю. Мещанинова (С.-Петербург), Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов (С.-Петербург) Архив Института истории материальной культуры РАН (С.-Петербург)

На 1-й и 4-й сторонах обложки: *Вырица. Храм Казанской иконы Божией Матери*

Издание Санкт-Петербургской митрополии
Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса
Технический редактор И.А. Шумакова. Корректор Г.В. Шкатова. Компьютерный набор и верстка М.А. Сорокин. Фото Ю.П. Костыгова, И.В. Попова, М.Ю. Мещанинова, В.А. Цыганкова, О.А. Ивандиковой, М. Мельковой
Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д.1; тел./факс. (812)-274-04-54; e-mail: vedy@mail.rcom.ru
http://www.mitropolia-spb.ru/Vedomosty
Подписано в печать 22.12.2002 Формат 60x90 1/8. Печ. л. 32. Тираж 998. Заказ

Козья Гора. Храм Покрова Пресвятой Богородицы
б. Поречского женского монастыря

Интерьер Покровского храма

